

История возникновения представительного правления в Европе

Франсуа Гизо

History of the Origin of Representative Government in Europe

François Guizot

Электронная книга проекта Гутенберга по истории возникновения представительного правления в Европе

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История возникновения представительного правления в Европе

Автор: Франсуа Гизо

Переводчик: Сэр Эндрю Р. Скобл

Дата выхода: 27 января 2020 г. [Электронная книга № 61250]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсер: Дон Костюч

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ В ЕВРОПЕ" ***

[Примечание переводчика: Эта постановка основана на <https://archive.org/details/historyoforigino00guiz/page/n9>. Подзаголовки лекций (заголовки страниц) выделены курсивом. Издатель поместил длинный список других книг на первый и последний форзацы. Они собраны в конце этого файла. Некоторые из этих страниц скрыты библиотечными вставками для контроля тиража.]

Стандартная библиотека Бона.

Представительное правительство Гизо.

История зарождения представительного правления в Европе.

М. Гизо.

Перевод Эндрю Э. Скобла,

Лондон:

Генри Г. Бон, Йорк-стрит, Ковент-Гарден.

1852.

Напечатано издательством "Харрисон и сын",

офис "Лондон Газетт", Сент-Мартин-лейн;

И Орчард-стрит, Вестминстер.

Предисловие.

В 1820 году, в то время, когда различные факультеты *Парижской академии* и *Коллеж де Франс* возобновляли свои курсы лекций, несколько человек объединились, чтобы основать *Journal des Cours Publiques*, в котором они воспроизводили по своим записям лекции, которые они посетили. Курс истории представительного правления, который я читал в тот период, занимает особое место в этом сборнике. Я не пересматривал анализ своих лекций, которые были опубликованы. Они были краткими и неполными, часто неправильными и путанными. Меня попросили разрешить их перепечатку. Я не мог бы согласиться с этим, не посвятив эти анализы в настоящее время той работе по доработке, которой они не подвергались на момент их публикации. Два тома, которые я сейчас публикую, являются результатом этого труда, который оказался более длительным и потребовал более значительных изменений, чем я первоначально предполагал. Чтобы достичь этого, я часто прибегал к моим *Очеркам истории Франции*, в которых я воплотил в 1823 году некоторые из своих исследований на ту же тему. Этот курс лекций о происхождении представительного правления теперь настолько точен и полон, как если бы мои лекции 1820-1822 годов были собраны и переработаны с той же тщательностью, с какой я в 1827-1830 годах публиковал свои курсы по общей истории цивилизации в Европе и по истории цивилизации во Франции.

Когда в 1820 году я посвятил свою энергию этому курсу обучения, я уходил из общественной жизни после того, как в течение шести лет принимал активное участие в работе по установлению представительного правительства в нашей собственной стране. Политические идеи и друзья, с которыми я был связан, в тот период были отстранены от руководства делами. Я связал себя с их неудачами, не отказываясь от наших общих надежд и усилий. Мы верили в

наши институты. Независимо от того, сулили они нам добро или зло, мы были одинаково преданы им. Я не желал прекращать служить их делу. Я попытался объяснить происхождение и принципы представительного правления так, как я пытался применять их на практике.

Как мне теперь говорить о несчастье и обратном пути применительно к 1820 году? Что мы скажем о судьбе, которая недавно постигла наше отечество, и о том, что, возможно, уготовано нам? Стыдно использовать одни и те же слова по отношению к злу и опасностям, столь поразительно неравным. По правде говоря, испытания 1820 года были суровыми и болезненными, однако они не привели государство в замешательство, и за ними последовали десять лет регулярного и свободного правления. В 1830 году нашим благородным учреждениям было подвергнуто еще более суровое испытание, испытание революцией, и они не поддались; они сбросили революционное иго и дали нам еще восемнадцать лет порядка и свободы. С 1814 по 1848 год, несмотря на столько жестоких потрясений, конституционная монархия оставалась незыблемой, и события оправдали упорство наших надежд. Но теперь буря обрушилась на каждое учреждение и по-прежнему угрожает уничтожить все, что уцелело. Не только королей и законы, но и самый корень правительства, любого правительства — что я могу сказать?—корни самого общества были достигнуты, но остались обнаженными и почти вырванными. Можем ли мы снова искать спасения у того же источника? можем ли мы по-прежнему верить и надеяться на представительное правительство и монархию?

Я не больше, чем другие люди, избежал беспокойства, вызванного этим сомнением. Тем не менее, по мере того, как события, тяготевшие над нами в течение последних трех лет, получали развитие и разъяснение — когда я увидел общество, остановившееся благодаря собственным усилиям на краю той пропасти, к которой его привела собственная слабость, — я почувствовал возрождение в своей душе той веры и надежды, которые наполняли мою жизнь и которые до этих последних дней составляли веру и упование нашего времени. Среди бесконечных иллюзий человеческого тщеславия мы должны причислить иллюзии несчастья; будь то как народы или как отдельные личности, в общественной или частной жизни, мы с удовольствием убеждаем себя, что наши испытания беспрецедентны и что нам приходится терпеть зло и преодолевать препятствия, о которых раньше не слышали. Как обманчиво это утешение гордыни в страдании! Бог создал условия людей, всех людей, более суровыми, чем они готовы поверить; и он заставляет их во все времена покупать более дорогой ценой, чем они ожидали, успех своих трудов и развитие своего предназначения. Давайте безропотно примем этот суровый закон; давайте мужественно заплатим цену, которую Бог назначает за успех, вместо того, чтобы подло отказываться от надежды на сам успех. Ведущей идеей, национальным желанием Франции в 1789 году был союз свободных институтов с наследственной монархией. Мы далеко отклонились от нашего замысла; мы безмерно обманули себя и сбились с пути в наших самонадеянных надеждах; но мы не должны меньше обманывать самих себя в нашем скептическом унынии. Бог, который позволяет возложить бремя их ошибок на народы, не делает так, чтобы их собственная жизнь была для них сплошной ложью и роковой ловушкой; вся наша история, вся наша цивилизация, вся наша слава и величие побуждали и вели нас вперед к союзу монархии и свободы; мы часто выбирали неверный путь на пути к нашей цели; и для того, чтобы достичь ее, нам все еще придется пройти по многим новым дорогам и преодолеть множество трудных мест. Но пусть наша цель останется прежней, ибо там находится наше пристанище.

Если бы я применил в настоящее время к этим историческим исследованиям 1820 года все уроки, которые политическая жизнь преподнесла мне с того периода, я, возможно, изменил бы некоторые идеи, которые я высказал относительно некоторых условий и форм представительного правления. Эта система правления не имеет уникального и единственно правильного типа, в соответствии с которым она должна быть обязательно и повсеместно учреждена. Провидение, которое наделяет нации различным происхождением и судьбами, также открывает справедливости и свободе более чем один путь вхождения в правительства: и было бы глупо уменьшать их шансы на успех, если бы мы обрекли их всегда появляться с одними и теми же чертами характера и развиваться одними и теми же средствами. Важно только одно, а именно, чтобы основные принципы порядка и свободы существовали под влиянием различных форм, которые вмешательство страны в ее собственные дела может принимать у разных народов и в разные эпохи. Эти важнейшие и обязательные принципы любого представительного правительства являются именно теми, которые в наши дни игнорируются и вызывают негодование. Я осмеливаюсь верить, что они будут точно изложены в этих лекциях; и что по этой причине даже в наши дни моя работа не будет лишена ни полезности, ни интереса.

Гизо.

Содержание.

Часть I.

Представительные институты В
Англии, Франции и Испании,

с Пятого по одиннадцатый век.

Лекция I.—Страница 1

Одновременное развитие истории и цивилизации.

Две ошибки в нашем методе рассмотрения прошлого: гордое презрение или суеверное восхищение.

Историческая беспристрастность - призвание нынешнего века.

Разделение истории политических институтов Европы на четыре великие эпохи.

Представительное правление - общая и естественная цель этих институтов.

Цель курса: исследование происхождения представительного правления во Франции, Испании

и Англии.

Состояние ума, соответствующее этому исследованию.

Лекция II.—Страница 23

Общий характер политических институтов в Европе с четвертого по одиннадцатый век.

Политическое бесплодие Римской империи.

Ход германских вторжений.

Очерк истории англосаксов.

Лекция III.—Страница 32

Тема лекции.

Знание состояния людей, необходимое для надлежащего изучения институтов.

Существенное различие между обществами древности и современности в том, что касается классификации социальных условий.

Положение людей у англосаксов.

Таны и руководители.

Центральные и местные институты.

Преобладание последних среди англосаксов.

Его причина.

Лекция IV.—Страница 41

Местные институты у англосаксов.

Разделение территории; их происхождение и двойная цель.

Внутренняя полиция этих местных объединений.

Важность окружных судов; их состав и атрибуты.

Сложное происхождение суда присяжных.

Центральные институты англосаксов.

Виттенагемот; его состав и принцип, на котором он был основан.

Растущее преобладание крупных землевладельцев в англосаксонской монархии.

Лекция V.—Страница 49

Виттенагемот; его деятельность и власть.

Метод его созыва.

Перипетии его характера и важности.

Королевская должность у англосаксов.

Масштабы и прогресс королевской власти.

Лекция VI.—Страница 55

Истинный принцип представительного правления.

Ошибка классификации правительств в соответствии с их внешними формами.

Ошибка Монтескье относительно происхождения представительной системы.

Необходимая взаимосвязь и одновременное формирование общества и правительства.

Ошибочная гипотеза Руссо об общественном договоре.

Природа законного суверенитета.

Запутанные и противоречивые идеи, высказываемые по этому поводу.

Общества, как и отдельные личности, обладают правом подчиняться законам справедливости и разума.

Правительствам следует постоянно напоминать об их обязанности изучать эти законы и соблюдать их.

Классификация правительств по этому принципу.

Лекция VII.—Страница 65

Сравнение принципов различных правительств с истинным принципом представительного правления.

Аристократические правительства.

Происхождение и история слова *аристократия*.

Принцип этой формы правления; его последствия.

Как принцип представительного правления применяется в аристократических правительствах.

Демократические правительства.

Происхождение и последствия принципа суверенитета народа.

Этот принцип не идентичен принципу представительного правительства.

В каком смысле представительное правительство является правительством большинства.

Лекция VIII.—Страница 76

Формы правления связаны с его принципом, но зависят от обстоятельств и различаются в зависимости от уровня цивилизации.

Какие формы необходимы для представительного правления?

1. Разделение властей; почему абсолютно необходимо для принципа представительного правления;

2. Выборы;

3-е место. Публичность.

Лекция IX.—Страница 82

Первобытные институты франков.

Очерк истории франкской монархии.

Франки в Германии.

Их поселения в Бельгии и Галлии.

Характер и авторитет их вождей после их утверждения в Римской империи.

Ранние франкские вожди.

Хлодвиг: его экспедиции, войны и завоевания.

Решающее превосходство франков в Галлии.

Лекция X.—Страница 86

Раздел территории между сыновьями франкских королей.

Быстрое образование и исчезновение нескольких франкских королевств.

Нейстрия и Австразия; их географическое разделение.

Раннее преобладание Нейстрии.

Фредегонда и Брюно.

Возвышение *дворцовых мэров*.

Истинный характер их власти.

Семья Пипинов.

Карл Мартелл.

Падение Меровингов.

Лекция XI—Страница 94

Общий характер событий в империи Карловингов.

Правление Пипина Короткого.

Правление Карла Великого.

Переходная эпоха.

Правления Людовика Развращенного и Карла Лысого.

Вторжения норманнов.

Последние Карловинги.

Восшествие на престол Гуго Капета.

Лекция XII.—Страница 103

Древние институты франков.

Их труднее изучать, чем институты англосаксов.

Три вида земельной собственности; аллодиальные земли, земли бенефициаров и притоки.

Происхождение аллодиальных земель.

Значение слова аллодий.

Салическая земля среди франков.

Основные характеристики аллодов.

Лекция XIII.—Страница 109

Происхождение военной службы, ее причины и пределы.

Карл Великий сделал ее общей обязанностью.

Аллодиальные земли изначально были освобождены от налогообложения.

Происхождение льгот.

Изменение положения немецких вождей вследствие их территориального заселения.

Их богатство.

Нет государственной казны.

The *Рариум* и *фискус* старой римской республики.

Образование частных владений королей Франции.

Характер пособий.

Ошибка Монтескье по этому вопросу.

Лекция XIV.—Страница 116

Доказательства сосуществования различных способов предоставления льгот с пятого по десятый век.

О льготах, которые можно было отменить абсолютно и произвольно.

Привилегий, предоставляемых на ограниченное время;*прекария*.

О пожизненных пособиях.

О пособиях, передаваемых по наследству.

Общий характер передачи бенефиций.

Их тенденция переходить по наследству.

Ее распространенность при Карле Лысом.

Военная служба.

Судебная и домашняя служба.

Происхождение, значение и превратности верности, которую вассал должен проявлять своему господину.

Лекция XV.—Страница 124

О льготах, предоставляемых крупными землевладельцами зависимым от них людям:

Во-первых, льготы, предоставляемые за все виды услуг и как способ выплаты жалованья;

во-вторых, более крупные собственники узурпируют земли, прилегающие к их собственным, и раздают их в качестве бенефиций своим подчиненным;

В-третьих, преобразование большого количества аллодиальных земель в бенефиции путем практики *рекомандаций*.

Происхождение и значение этой практики.

Постоянство фригольдов, особенно в определенных частях Франкской монархии.

Земли-данники.

Их происхождение и природа.

Их быстрое распространение: его причины.

Общий взгляд на состояние территориальной собственности с шестого по одиннадцатый век:

Во-первых, различные условия территориальной собственности;

во-вторых, индивидуальная зависимость территориальной собственности;

в-третьих, неизменное состояние территориального богатства.

Почему система бенефициарной собственности, то есть феодальная система, была необходима для формирования современного общества и могущественных государств.

Лекция XVI.—Страница 132

О состоянии людей с пятого по десятый век.

Невозможность определить это в соответствии с каким-либо фиксированным и общим принципом.

Состояние земель не всегда соответствует состоянию людей.

Изменчивый и неурегулированный характер социальных условий.

Рабство.

Попытайтесь определить состояние людей в соответствии с *Wehrgeld*.

Таблица двадцати одного основного случая *Вергельда*.

Неопределенность этого принципа.

Истинный метод определения состояния людей.

Лекция XVII.—Страница 141

Из *Leudes* или Антрустионов.

Люди, верные королю и крупным собственникам.

Различные способы их приобретения и удержания.

Обязательства *студентов*.

The *Леуды* - это происхождение знати.

Епископы и настоятели монастырей считались среди *правителей* короля.

Моральные и материальные качества епископов.

Попытки королей присвоить себе право назначать епископов.

Свободные люди.

Образовывали ли они особый и многочисленный класс?

The *Ариманны* и *ратимбурги*.

Ошибка месье де Савиньи.

Быстрое и повсеместное расширение феодальной иерархии.

Вольноотпущенники.

Различные способы предоставления избирательных прав:

Во-первых, динариапы, предоставленные королю;

Во-вторых, табулярии, предоставленные церкви;

В-третьих, картулярии, предоставленные хартией.

Различные последствия, вытекающие из этих различных способов предоставления избирательных прав.

Лекция XVIII.—Страница 148

Одновременное существование трех систем институтов после поселения франков в Галлии.

Конфликт этих трех систем.

Краткое изложение этого конфликта, его перипетий и результатов.

Его повторение в местных и центральных учреждениях.

О местных учреждениях при Франкской монархии.

О собраниях свободных людей.

О власти и юрисдикции крупных землевладельцев в их поместьях.

О власти и юрисдикции герцогов, графов и других королевских чиновников.

Лекция XIX.—Страница 154

Правительство Карла Великого.

Очевидное возрождение свободных институтов.

Независимость личности и социальная свобода.

Организация монархической власти при Карле Великом.

Его активное наблюдение за своими вассалами и агентами.

Быстрый упадок монархических институтов после его смерти.

Окончательное преобладание феодальной системы.

Центральные институты в ту же эпоху: королевская власть.

Причины развития королевской власти и принципа наследования у франков.

Влияние духовенства.

Лекция XX.—Страница 163

Национальные собрания франков; их примитивный характер и быстрый упадок при Меровингах.

Они вновь обретают значение при Карловингах; и регулярно проводятся при Карле Великом.

Письмо архиепископа Хинкмара *из ордина Палатийского*.

Лекция XXI.—Страница 171

Упадок национальных собраний при Людовике Дебоннере и Карле Лысом.

Окончательное господство феодальной системы в конце десятого века.

Причина такого преобладания.

Характер феодализма.

Никаких следов истинно представительного правления во Франции с пятого по десятый век.

Лекция XXII.—Страница 177

Политические институты вестготов.

Своеобразный характер вестготского законодательства.

Его авторы и оказавшее на них влияние.

Разрушение и исчезновение среднего класса в Римской империи во время вторжения варваров.

История римской муниципальной системы.

Три эпохи в этой истории.

Лекция XXIII.—Страница 193

О различных социальных условиях в Римской империи до окончательного вторжения варваров.

Привилегированные классы и курии.

Их обязанности, функции и иммунитеты.

Атрибуты *курии* как органа.

Различных муниципальных магистратур и должностей.

О *Защитнике* в городах.

Сравнение развития муниципальной системы и ее отношения к центральной организации государства в Римской империи и в современных обществах.

Лекция XXIV.—Страница 206

Очерк истории Испании при вестготах.

Состояние Испании при Римской империи.

Поселение вестготов на юго-западе Галлии.

Сборник законов вестготов Эврика.

Собрание законов римских подданных Алариха.

Поселение вестготов в Испании.

Конфликт между католиками и арианами.

Политическое значение соборов в Толедо.

Главные короли вестготов.

Egísa собирает *Судебный форум*.

Падение вестготской монархии в Испании.

Лекция XXV.—Страница 215

Своеобразный характер законодательства вестготов.

Различные виды законов, содержащихся в *судебном форуме*.

Это была не только кодекс, но и доктрина.

Принципы этой доктрины о происхождении и природе власти.

Отсутствие практических гарантий.

Преобладание духовенства в законодательстве вестготов.

Истинный характер избрания вестготских королей.

Вестготское законодательство характеризовалось духом мягкости и равенства по отношению ко всем классам людей, и особенно по отношению к рабам.

Философские и моральные достоинства этого законодательства.

Лекция XXVI.—Страница 229

Центральные институты вестготской монархии.

Истинный характер соборов Толедо.

Степень их политического влияния.

The *Палатинский* официум.

Преобладание римских принципов и институтов среди готов над германскими традициями.

Доказательством этого служат местные и центральные учреждения вестготов.

Опровержение ошибок Савиньи и *Edinburgh Review* по этому вопросу.

Заключение.

Часть II.

Очерки представительного правления в Англии От завоевания до правления Тюдоров.

Лекция I.—Страница 257

Предмет курса: история возникновения и становления представительного правления в Европе.

Различные аспекты, под которыми рассматривается история в разные эпохи.

История поэзии; история философии; политическая история.

Склонность нашего времени рассматривать историю в этих различных аспектах.

Фундаментальный принцип и существенные характеристики представительного правления.

Существование этого принципа и этих характеристик в Англии существовало во все времена.

Лекция II.—Страница 270

Очерк истории Англии от Вильгельма Завоевателя до Джона Лэкланда (1066-1199).

Вильгельм Завоеватель (1066-1087).

Уильям Руфус (1087-1100).

Генрих I. (1100-1135).

Стефан (1135-1154).

Генрих II. (1154-1189).

Конституции Кларендона.

Richard Cœur de Lion (1189-1199).

Лекция III.—Страница 281

Англосаксонские институты.

Влияние нормандского завоевания на англосаксонские институты.

Влияние завоевания на нормандские институты.

Причины, которые сделали нормандское завоевание благоприятным для создания системы свободных институтов в Англии.

Лекция IV.—Страница 288

Английский парламент в первые времена англо-нормандской монархии.

Великому совету короля даны разные названия.

Его характеристики.

Его конституция.

Мнения вигов и тори по этому вопросу.

Лекция V.—Страница 295

Англо-нормандская королевская семья: ее богатство и могущество.

Сравнение относительных сил короны и феодальной аристократии.

Прогресс королевской власти.

Дух объединения и сопротивления среди крупных баронов.

Начало борьбы между этими двумя политическими силами.

Лекция VI.—Страница 302

История английских хартий.

Хартия Вильгельма Завоевателя (1071).

Хартия Генриха I. (1101).

Хартии Стефана (1135-1136).

Хартия Генриха II. (1154).

Лекция VII.—Страница 308

Хартия Иоанна, или Великая хартия (1215).

Три эпохи в правлении Иоанна.

Формирование коалиции среди баронов.

Гражданская война.

Конференция в Раннимиде.

Уступка Великой Хартии.

Анализ Этой Хартии.

Его положения касаются национальных прав, а также прав баронов.

Иоанн подает прошение и добивается своего от Иннокентия III. булла об отмене Великой Хартии.

Соппротивление английского духовенства.

Возобновление гражданской войны (октябрь 1215 г.).

Бароны обращаются к Людовику Французскому, сыну Филиппа Августа.

Смерть Иоанна (октябрь 1216 г.).

Лекция VIII.—Страница 319

Хартии Генриха III.

Первая хартия Генриха III. (Ноябрь 1216 г.).

Людовик Французский отказывается от своего титула на корону и покидает Англию.

Вторая хартия Генриха III. (1217).

Лесная хартия, пожалованная Генрихом III. (1217).

Подтверждение хартий (1225).

Аннулирование хартий (1227).

Новое подтверждение хартий (1237).

Постоянное нарушение хартий.

Гражданская война.

Обновление хартий (1264).

Новое подтверждение хартий (1267).

Смерть Генриха III. (16 ноября 1272 г.).

Лекция IX.—Страница 325

Завершение истории хартий при правлении Эдуарда I.

Политический конфликт следует за гражданской войной.

Король часто нарушает Хартии, особенно в вопросе податей.

Бароны энергично сопротивляются.

Эдуард дает окончательное подтверждение Хартиям (1298-1301).

Булла Климента V., запрошенная Эдуардом I., аннулирует Хартии.

Ее невыполнение.

Смерть Эдуарда I. (7 июля 1307 г.)

Лекция X.—Страница 334

Необходимость исследования политического смысла слова *представительство* в то время, когда начало формироваться представительное правительство.

Ошибочные теории на этот счет.

Теория Руссо, отрицающая представительство и настаивающая на индивидуальном суверенитете.

Теории авторов, пытающихся примирить принцип представительства с принципом индивидуального суверенитета.

Ошибочность идеи о том, что суверенитет принадлежит большинству.

Истинная идея репрезентации.

Лекция XI.—Страница 350

Формирование парламента.

Введение депутатов округа в состав парламента.

Отношения депутатов графства с великими баронами.

Парламент Оксфорда (1258).

Его правила, названные Оксфордскими актами.

Нерешительность депутатов графства между великими баронами и короной.

[Лекция XII.—Страница 359](#)

Борьба между Генрихом III. и его парламентом.

Арбитраж Людовика Святого.

Граф Лестер возглавляет крупных баронов в их борьбе с королем.

Он побежден и убит при Ившеме (1265).

Прием депутатов от городов и округов в парламент (1264).

Реакция роялистов.

Память о Лестере остается популярной.

[Лекция XIII.—Страница 368](#)

Прогресс парламента в период правления Эдуарда I.

Частые заседания парламента.

Разный состав парламентов.

Депутаты от уездов и городов присутствовали не всегда.

Дискреционная власть короля при созыве баронов.

Различное количество депутатов графств и округов.

[Лекция XIV.—Страница 377](#)

Порядок избрания депутатов округов и местечек.

Кто был выборщиками?

Нет единого принципа регулирования выборов в городских округах.

Голосование публично.

[Лекция XV.—Страница 388](#)

Философское исследование избирательной системы в Англии XIV века.

Система была естественным результатом фактов.

Кто были выборщики?

Четыре принципа, которые определяют решение этого вопроса.

[Лекция XVI.—Страница 401](#)

Тема лекции.

Продолжение философского исследования избирательной системы в Англии XIV века.

Характеристики выборов.

Изучение принципа прямых или косвенных выборов.

[Лекция XVII.—Страница 418](#)

Происхождение разделения английского парламента на две палаты.

Его первоначальная конституция.

Воспроизведение классификаций общества в парламенте.

Причины, которые заставили представителей графств отделиться от баронов и объединиться с представителями районов.

Последствия этой коалиции.

Разделение парламента на две палаты в четырнадцатом веке.

[Лекция XVIII.—Страница 425](#)

Рассмотрение вопроса о разделении законодательной власти на две палаты.

Разнообразие идей по этому вопросу.

Фундаментальный принцип философской школы.

Источник ее ошибок.

Характеристики исторической школы.

Причина разделения британского парламента на две палаты.

Вывод этого разделения из фундаментального принципа представительного правления.

Его практическая ценность.

Лекция XIX.—Страница 448

Власть и атрибуты британского парламента в четырнадцатом веке.

При своем возникновении и после своего полного развития парламент сохранил название Великого совета королевства.

Разница между его атрибутами и его реальной властью в эти две эпохи.

Поглощение короной почти всего правительства; постепенное восстановление ее влияния парламентом.

Лекция XX.—Страница 454

Состояние и атрибуты парламента во время правления Эдуарда II. (1307-1327).

Империя фаворитов.

Борьба баронов против фаворитов.

Аристократические группировки.

Петиции королю.

Формы обсуждения этого вопроса.

Низложение Эдуарда II.

Лекция XXI.—Страница 463

О петициях на заре представительного правления.

Положения по данному вопросу.

Преобразование права подачи петиций, которым обладают Палаты парламента, в право предложения и инициативы.

Петиции перестали направляться королю, а представляются парламенту.

Происхождение права на расследование.

Необходимость полного представительства правительства.

Уловки и злоупотребления, порожденные правом подачи петиций.

Лекция XXII.—Страница 476

Состояние парламента при Эдуарде III.

Развитие власти Палаты общин.

Их сопротивление королю.

Регулярность созыва парламента.

Меры, принятые для обеспечения безопасности его заседаний.

Разделение парламента на две палаты.

Спикер Палаты общин.

Твердость Палаты общин в отстаивании своего права взимать налоги.

Отчеты правительства о сборе налогов.

Присвоение средств, выделенных парламентом.

Парламентское законодательство.

Разница между статутами и постановлениями.

Лекция XXIII.—Страница 484

Продолжение истории работы Палаты общин парламента в период правления Эдуарда III.

Их вмешательство в вопросы мира и войны, а также во внутренний мир королевства.

Их сопротивление влиянию папы Римского и национального духовенства в мирских делах.

Первые попытки Палаты общин пресечь злоупотребления на выборах.

Первые признаки функционирования комитетов обеих палат по совместному расследованию определенных вопросов.

Лекция XXIV.—Страница 494

Состояние парламента при Ричарде II.

Борьба между абсолютной королевской властью и парламентским правлением.

Происхождение Гражданского списка.

Повышение ответственности министров.

Динамика отдачи от использования государственных доходов.

Общественное достояние посягает на правительство.

Реакция против власти Палаты общин.

Насилие и падение Ричарда II.

Прогресс основных принципов и практик представительного правления.

Лекция XXV.—Страница 509

Краткое изложение истории парламента от смерти Ричарда II. до восшествия на престол Дома Стюартов.

Прогресс в процедурных формах и привилегиях парламента.

Свобода слова в обеих палатах.

Неприкосновенность членов парламента.

Судебная власть Палаты лордов.

Упадок парламента во время войн Алой и Белой розы и при династии Тюдоров.

Причины этого упадка и укрепления королевской власти, начиная с Генриха VII. за Элизабет.

Заключение.

История возникновения представительного правления в Европе.

Часть I.

Представительные институты в Англии, Франции и Испании с Пятого по одиннадцатый век.

Лекция I.

Одновременное развитие истории и цивилизации.

Две ошибки в нашем методе рассмотрения прошлого: гордое презрение или суеверное восхищение.

Историческая беспристрастность - призвание нынешнего века.

Разделение истории политических институтов Европы на четыре великие эпохи.

Представительное правление было общей и естественной целью этих институтов.

Цель курса: исследование происхождения представительного правления во Франции, Испании и Англии.

Состояние ума, соответствующее этому исследованию.

Взгляды на историю.

Джентльмены, такова необъятность человеческих дел, что они не только не дряхлеют с течением времени, но, кажется, обретают новую молодость и через частые промежутки времени одеваются заново, чтобы предстать в облике, доселе неизвестном. Каждая эпоха не только получает призвание посвятить себя определенной области исследований; но и одни и те же исследования являются для каждой эпохи как малоисследованная шахта или как неизвестная территория, где объекты для открытий встречаются на каждом шагу. При изучении истории эта истина становится особенно очевидной. Факты, которыми занимается сама история, ничего не выигрывают и ничего не теряют, передаваясь из века в век; что бы мы ни видели в этих фактах, и что бы мы ни могли видеть, содержалось в них с тех пор, как они были первоначально совершены; но они никогда не позволяют полностью постичь себя и не позволяют тщательно исследовать весь их смысл; они, так сказать, содержат бесчисленные тайны, которые медленно раскрываются после того, как человек становится готовым их распознать. И поскольку все в человеке и вокруг него меняется, поскольку точка зрения, с которой он рассматривает факты истории, и состояние ума, которое он привносит в исследование, постоянно меняются, мы можем говорить о прошлом как изменяющемся вместе с настоящим; невоспринимаемые факты раскрываются в древних фактах; другие идеи, другие чувства вызываются теми же именами и теми же повествованиями; и человек таким образом

узнает, что в бесконечном пространстве, открытом его познанию, все остается постоянно свежим и неисчерпаемым в отношении его вечно активного и вечно ограниченного интеллекта.

Этот объединенный взгляд на величие событий и слабость человеческого разума никогда не проявляется так поразительно отчетливо, как при возникновении тех экстраординарных кризисов, которые, так сказать, полностью делокализуют человека и переносят его в иную сферу. Такие революции, это правда, не разворачиваются внезапно. Они зарождаются и лелеются в недрах общества задолго до того, как выходят на свет божий. Но наступает момент, после которого их полное достижение не может быть отложено, и тогда они овладевают всем, что существует в обществе, преобразуют его и ставят все в совершенно новое положение; так что если после такого потрясения человек оглянется на историю прошлого, он едва ли сможет ее узнать. То, что он видит, он никогда раньше не видел; то, что он видел однажды, больше не существует таким, каким он его видел; факты встают перед ним в незнакомых обличьях и говорят с ним на незнакомом языке. Он приступает к их изучению, руководствуясь другими принципами наблюдения и оценки. Рассматривает ли он их причины, природу или следствия, неизвестные перспективы открываются перед ним со всех сторон. Само зрелище остается тем же, но на него смотрит другой зритель, занимающий другое место; — в его глазах все меняется.

Что же удивительного, джентльмены, если в этом новом положении вещей и в самом себе человек избирает в качестве особых объектов своего изучения вопросы и факты, которые более непосредственно связаны с только что совершившейся революцией, — если он направляет свой взор именно в ту сторону, где перемены были наиболее глубокими? Великие кризисы в жизни человечества не все имеют одинаковую природу; хотя они рано или поздно затрагивают всю массу общества, они воздействуют на него и подходят к нему, в некоторых отношениях, с разных сторон. Иногда миром правят и изменяют его религиозные идеи, иногда политические идеи, иногда простое открытие или механическое изобретение. Кажущаяся метаморфоза, которой подвергается прошлое, проявляется главным образом в том, что соответствует сущностному характеру революции, которая фактически происходит в настоящем. Давайте представим себе, если сможем, в каком свете традиции и религиозные воспоминания язычества должны были представляться христианам первых веков, и тогда мы поймем новые аспекты, в которых старые факты предстают перед нами в те обновленные времена, которым Провидение придало особую важность.

Наше историческое положение.

Таково, джентльмены, до определенного момента положение, в котором мы сами находимся по отношению к тому предмету, который будет рассмотрен нами в настоящем курсе лекций. Именно в разгар нового политического порядка, который возник в Европе в наши дни, мы собираемся рассмотреть, я не говорю естественно, но обязательно, историю политических институтов Европы от основания современных государств. Отступить от этой точки зрения не в нашей власти. Против нашей воли и без нашего ведома идеи, которые заняли настоящее, будут преследовать нас повсюду, куда бы мы ни направились при изучении прошлого. Тщетно должны мы пытаться убежать от света, который они отбрасывают вслед за этим; этот свет будет только рассеиваться во все стороны с большей путаницей и меньшей пользой. Тогда мы откровенно примем позицию, которая, на мой взгляд, благоприятна и, безусловно, неизбежна. Сегодня мы пытаемся, и не без оснований, восстановить связь того, что мы есть сейчас, с тем,

чем мы были раньше; мы чувствуем необходимость привести наши привычки в соответствие с разумными чувствами, связать наши институты с нашими воспоминаниями и, в конце концов, собрать воедино звенья той цепи времени, которая никогда не позволяет разорвать себя полностью, какими бы яростными ни были посягательства на нее. В соответствии с теми же принципами и руководствуясь тем же духом, мы не откажемся от помощи, которую можно извлечь из современных идей и институтов, чтобы направлять наше восприятие и суждения при изучении древних институтов, поскольку мы не можем и не хотели бы быть отделенными от самих себя не больше, чем мы пытались бы или желали изолировать себя от наших предков.

Источники ошибок.

В наши дни этим исследованием, джентльмены, во многом пренебрегали; и когда предпринимались попытки возродить его, к нему подходили с такой сильной озабоченностью или с такой определенной целью, что плоды нашего труда были повреждены в самом начале. Мнения, которые являются пристрастными и принимаются до того, как факты были беспристрастно исследованы, не только подрывают правильность суждений, но, более того, они приносят прискорбное легкомыслие в исследования, которые мы могли бы назвать материальными. Как только предвзятый ум собрал несколько документов и доказательств в поддержку своей заветной идеи, он удовлетворен и завершает свое исследование. С одной стороны, он видит в фактах то, чего в них на самом деле нет; с другой стороны, когда он считает, что объема информации, которой он уже обладает, будет достаточно, он не стремится к дальнейшему знанию. Итак, сила обстоятельств и страстей среди нас была такова, что они подорвали даже самую эрудицию. Это стало партийным оружием, инструментом нападения или защиты; и сами факты, негибкие и неизменные факты, по очереди приглашались или отвергались, извращались или калечились в соответствии с интересами или чувствами, в защиту которых они были призваны выступать.

В соответствии с этим преобладающим обстоятельством нашего времени, в тех мнениях и писаниях, которые выносили приговор древним политическим институтам Европы, наблюдаются две противоположные тенденции. С одной стороны, мы видим, что умы настолько подавлены великолепием нового дня, наступившего для человечества, что они видят в предшествующих поколениях только тьму, беспорядок и угнетение — объекты либо для своего негодования, либо для своего презрения. Гордое презрение к прошлому овладело этими умами — презрение, которое возводит себя в систему. Эта система обладает всеми характеристиками укоренившегося нечестия. К законам, чувствам, идеям, обычаям, ко всему, что относилось к нашим предкам, оно относилось с холодностью или презрением. Казалось бы, разум, уважение к справедливости, любовь к свободе, все, что делает общество достойным и безопасным, были открытием сегодняшнего дня, сделанным поколением, которое появилось последним. Отрекаясь таким образом от своих предков, это поколение забывает, что вскоре оно присоединится к ним в могиле и что, в свою очередь, оно оставит свое наследие своим детям.

Презрение к прошлому.

Эта гордыня, джентльмены, не менее противоречит истине вещей, чем губительна для общества, которое ее питает. Провидение не настолько несправедливо обходится с поколениями людей, чтобы обнищать одних для того, чтобы остальные могли быть щедро одарены за их счет. Несомненно, верно, что добродетель и слава не разделяются в одинаковой степени разными эпохами; но нет эпохи, которая не обладала бы каким-либо законным правом

на уважение своих потомков. Нет ни одного, кто не внес бы свой вклад в великую борьбу между добром и злом, истиной и заблуждением, свободой и угнетением. И не только каждая эпоха вела эту кропотливую борьбу за свой счет, но и все преимущества, которые ей удавалось получить, она передавала своим преемникам. Превосходная позиция, на которой мы родились, - это подарок нам от наших предков, которые умерли на территории, завоеванной ими самими. Тогда это слепая и преступная неблагодарность, которая притворяется, что презирает ушедшие дни. Мы пожинаем плоды их трудов и жертв. — не слишком ли много для нас свято хранить память об этих трудах и воздавать по заслугам за эти жертвы?

Если бы те люди, которые демонстрируют или которые действительно чувствуют это непочтительное презрение или безразличие к древним временам, были лучше знакомы с этими временами и их историей, они оказались бы вынуждены придерживаться иного мнения. Когда, на самом деле, мы исследуем причину этого неестественного состояния ума, может быть найдено только одно объяснение. В момент грандиозных социальных реформ, в эпохи, полные амбиций и надежд, когда важные перемены требуются со всех сторон, авторитет прошлого является единственным препятствием, которое противостоит любой тенденции к инновациям. Настоящее время, кажется, посвящено ошибкам и злоупотреблениям, и одна сторона апеллирует к мудрости веков, чтобы противостоять будущему, к которому направлены устремления другой стороны. Соответственно, своего рода слепая ненависть к прошлому овладевает огромным количеством людей. Они рассматривают это как общее дело с врагами нынешнего улучшения, и оружие, применяемое этими последними, подтверждает эту идею в их сознании. Джентльмены, это представление полно лжи и неправильного понимания. Неправда, что несправедливость и злоупотребления сами по себе могут укрыться под авторитетом древности, что они способны апеллировать только к прецеденту и опыту. Истина, справедливость и прямота также удостоены почетных титулов; и никогда еще человек не позволял им быть запрещенными. Возьмите последовательно все моральные потребности, все законные интересы нашего общества, расположите их в систематическом порядке, а затем пройдитесь по истории нашей страны; — вы обнаружите, что они постоянно подтверждаются и защищаются, — все эпохи предоставят вам бесчисленные доказательства перенесенной борьбы, одержанных побед, уступок, полученных в этом святом деле. Она продолжалась в связи с различными проблемами, но никогда ни в какое время и ни в каком месте от нее не отказывались. Нет такой истины или права, которые из любого периода истории не могли бы выдвинуть памятники для освящения и факты, подтверждающие это. Справедливость не ушла из мира, даже когда она находит там наименьшую поддержку: она постоянно искала и использовала, как совместно с правительствами, так и среди народов, все возможности для расширения своего господства. Она боролась, протестовала, ждала; и когда ей оставалось только прославить тех, кто сражался за нее, она даровала эту славу щедрой рукой.

Истинная ценность прошлого.

Давайте же, джентльмены, успокоимся, обратившись к изучению прошлого. В нем нет ничего такого, что могло бы встревожить сторонников всего хорошего и истинного. Напротив, именно в их руках и в подчинении интересам, которые им дороги, когда-либо будет сохранен авторитет древности и уроки опыта.

Чрезмерное почитание древности.

Однако это несправедливое презрение к древним институтам, эта дикая попытка отделить настоящее от его связи с прежними эпохами и начать общество заново, подвергая его, таким образом, всем опасностям положения, в котором оно лишено своих корней и вверено защите мудрости, которая все еще находится в зачаточном состоянии, не является ошибкой, пример которой мы были первыми, кто привел. В одном из тех эфемерных парламентов, которые пытались сохранить свое существование под игом Кромвеля, было серьезно предложено предать огню всеархивы в Лондонском Тауэре и таким образом уничтожить памятники существования Англии в прежние века. Эти одержимые люди хотели уничтожить прошлое, льстя себе надеждой, что тогда они получат абсолютный контроль над будущим. Их замысел был отвергнут, и их надежды рухнули; и очень скоро Англия, вернув себе с новыми свободами уважение ко всем своим воспоминаниям о прошлом, вступила на тот путь развития и процветания, который она продолжила до наших дней.

Наряду с этим увлечением, которое заставляло людей, в остальном просвещенных, пренебрегать изучением древних институтов Европы или смотреть на их историю только поспешным и высокомерным взглядом, мы видели, как возникало другое увлечение, возможно, еще более неразумное и высокомерное. Здесь, как и везде, нечестие было предвестником суеверия. Прошлое, столь презируемое, столь пренебрегаемое одной стороной, стало для другой объектом идолопоклоннического почитания. Первые желают, чтобы общество, калечащее свое собственное существо, отреклось от своей прежней жизни; вторые хотели бы, чтобы оно вернулось в свою колыбель, чтобы оставаться там неподвижным и бессильным. И как эти владыки будущего в своей дикой фантазии создали бы из этого, что касается правительства и социального порядка, самые блестящие Утопии, так и эти, с другой стороны, находят свою Утопию в своих мечтах о прошлом. Работа может показаться более сложной; поле, открытое воображению, может показаться менее открытым, и можно ожидать, что факты иногда будут оказывать неудобное давление на искомые выводы. Но с чем только не справится озабоченный ум? Платон и Харрингтон, придавая своим мыслям самый широкий размах, создали свой идеал республики; а мы с еще большей уверенностью создали наш идеал феодализма, абсолютной власти и даже варварства. Полностью организованные общества, украшенные свободой и моралью, были задуманы и сформированы на досуге, чтобы оттуда перенестись в прошлые века. После попытки разрешить, в соответствии с принципами, противоположными современным тенденциям, великую проблему гармонии между свободой и властью, между порядком и прогрессом, мы потребовали, чтобы древние факты восприняли эти теории и приспособились к ним. И поскольку в огромном количестве фактов можно найти такие, которые послушно и с готовностью поддаются целям, которым они должны служить, первооткрыватели этой мнимой древности не испытывали недостатка ни в цитатах, ни в доказательствах, которые, как могло показаться, придавали ей достоверное и определенное существование в прошлом. Таким образом, Франция, потратившая более пяти столетий на борьбу за освобождение от феодальной системы, внезапно обнаружила, что была неправа, освобождая себя от этой системы, поскольку в этом состоянии она обладала истинным счастьем и свободой; и история, которая считала себя виновной в стольких пороках, беззакониях и потрясениях, с удивлением узнает, что она донесла до нас только воспоминания о двух или трех золотых веках.

Прогресс - Закон природы.

Джентльмены, мне нет необходимости выступать с каким-либо серьезным возражением против этого фантастического и суеверного преклонения перед прошлым. Это вряд ли заслуживало бы даже мимолетного упоминания, если бы не было связано с системами и тенденциями, в которых заинтересовано все общество. Это одно из побочных обстоятельств великой борьбы, которая никогда не переставала будоражить мир. Интересы и идеи, которые последовательно овладевали обществом, всегда стремились закрепить его в том положении, которое отдавало его под их власть; и когда оно ускользало от них, ему всегда при этом приходилось противостоять тем соблазнительным образам и влияниям, которые эти интересы призывали себе на помощь. Нет никаких опасений, что мир позволит заманить себя в такую ловушку: — прогресс - закон его природы; надежда, а несожаление - пружина его движения: — только будущее обладает привлекательной добродетелью. Народы, вышедшие из рабства, всегда стремились с помощью законов предотвратить повторное попадание человека в рабство. Провидение было не менее заботливо по отношению к человечеству; и цепи, которых оказалось недостаточно, чтобы сковать его, еще менее способны восстановить утраченную хватку. Но усилия ретроградной системы часто искажали изучение древних времен. Император Юлиан видел в популярных греческих баснях философию, способную удовлетворить те моральные потребности, для удовлетворения которых пришло христианство, и он требовал, чтобы люди видели и читали в истории пришедшего в упадок язычества то, что существовало только в его мечтах. Те же требования столь же безосновательно выдвигались от имени древних политических институтов Европы. Справедливость, и только справедливость, принадлежит тому, чего больше не существует, а также тому, что все еще остается. Уважение к прошлому не означает ни одобрения, ни замалчивания того, что является ложным, преступным или опасным. Прошлое не заслуживает никакой благодарности или уважения с нашей стороны, кроме как за истину, которую оно познало, и добро, к которому оно стремилось или которого достигло. Время не было наделено неосвященной обязанностью освящать зло или ошибки; напротив, оно разоблачает и уничтожает их. Щадить их из-за того, что они древние, значит не уважать прошлое, а возмущать истину, которая старше самого мира.

Обязанность проявлять беспристрастность.

Если я не ошибаюсь, джентльмены, в настоящее время мы находимся в особенно благоприятном положении для того, чтобы избежать обеих общих ошибок, которые я только что описал. Возможно, мало кто так думает; но беспристрастность, которая является долгом всех времен, является, по моему мнению, нашей миссией: не та холодная и бесполезная беспристрастность, которая является порождением безразличия, но та энергичная и плодотворная беспристрастность, которая вдохновляется видением истины и восхищением ею. Эта равная и всеобщая справедливость, которая в настоящее время является глубочайшим желанием общества, также является господствующей идеей, которая всегда занимает первое место по положению и влиянию, где бы ни находился дух человека. Слепые предрассудки, неискренняя декламация уже не более приемлемы в мире литературы, чем беззаконие и насилие в мире политики. Они все еще могут обладать некоторой властью будоражить общество, но им не позволено ни удовлетворять его, ни управлять им. Особое состояние нашей собственной страны усиливает это предрасположение или, если вам угодно, эту общую тенденцию европейского сознания. Мы не жили в том состоянии покоя, в котором объекты постоянно предстают почти в одних и тех же аспектах, в котором настоящее настолько

неизменной регулярной, что открывает взору человека горизонт, который редко меняется, в котором старые и могущественные условности управляют мышлением, а также жизнью, в котором мнения становятся почти привычками и вскоре становятся предрассудками; — мы были отброшены не только на новые рельсы, но и на те, которые постоянно прерываются и разнообразятся. Все теории, все практики проявляются на наших глазах в единстве или в соперничестве.

Факты самого разного рода предстали перед нами во множестве аспектов. Человеческая природа была стремительно выдвинута вперед и обнажена, так сказать, во всех элементах, из которых она состоит. Все дела и люди переходили от системы к системе, от комбинации к комбинации; и наблюдатель, хотя сам постоянно менял свою точку зрения, был свидетелем зрелища, которое менялось так же часто, как и он сам. Такие времена, джентльмены, приносят лишь немного спокойствия и готовят огромные трудности для тех, кто последует за ними. Но они, безусловно, придают умам, способным выдержать их напор, независимый настрой и широкий кругозор, которые не принадлежат к более безмятежным и удачливым периодам. Большое количество и неурегулированный характер фактов, которые предстают перед нами, расширяют диапазон наших представлений; разнообразие испытаний, которым подвергаются все вещи за столь короткий промежуток времени, учит нас судить о них беспристрастно; человеческая природа раскрывается в своей простоте, а также в своем богатстве. Опыт спешит выполнить свой долг и, в некотором роде, копит свои сокровища; за короткий промежуток одной жизни человек видит, переживает и пробует то, чего могло бы хватить на несколько столетий. Это преимущество стоит достаточно дорого, джентльмены, чтобы служить, по крайней мере, стимулом для того, чтобы мы им воспользовались. Нам не подобает придерживаться узких взглядов и упрямых предрассудков; придавать форму нашим суждениям из-за заранее сделанных выводов; в конце концов, игнорировать то распространение истины, которое было засвидетельствовано столькими превратностями и которое налагает на нас обязанность искать ее повсюду и воздавать ей должное, где бы мы ее ни встретили, если мы хотим получить ее одобрение в наших мыслях и помощь в наших высказываниях.

Значение революций.

В этом духе, джентльмены, мы попытаемся рассмотреть древние политические институты Европы и вкратце изложить их историю. Хотя для этой цели мы используем те источники света, которые может предоставить наш век, мы постараемся не нести с собой ни одной из разделяющих его страстей. Мы не будем подходить к прошлым временам, руководствуясь такими впечатлениями, принадлежащими настоящему, как те, о влиянии которых мы только что сожалели; мы не будем задавать им тех вопросов, которые по самой своей природе диктуют ответы, которые они получают. Я слишком уважаю тех, кто меня слушает, и истину, которую я вместе с ними ищу, чтобы предполагать, что история может в каком-либо смысле согласиться подавить то, что она утверждала, или произнести то, что не подтверждается голосом истины. Мы должны допросить его свободно, а затем предоставить ему полную независимость.

Изучение политических институтов.

Это исследование, джентльмены, требует центра, с которым оно могло бы быть связано, — мы должны найти для такого большого числа фактов связь, которая могла бы объединить и гармонизировать их. Эта связь существует в самих фактах — ничто не может быть менее сомнительным. В моральном мире нет недостатка в единстве и последовательности, как нет их и в физическом. Нравственный мир, подобно системе небесных тел, имеет свои законы и деятельность; только тайна, в соответствии с которой он действует, более глубока, и человеческому разуму труднее раскрыть ее. Мы приступили к этому исследованию так поздно, что уже произошедшие события могут служить нам ориентирами. Нам нет нужды спрашивать о какой-то философской гипотезе, возможно, самой по себе неопределенной и неполной, какова была тенденция европейской цивилизации в порядке политического развития. Система, которая, очевидно, исходя из общего взгляда на предмет, постоянно придерживается одних и тех же принципов, исходит из одних и тех же потребностей и стремится к одним и тем же результатам, проявляет или провозглашает свое присутствие по всей Европе. Почти везде требуется, допускается или устанавливается представительная форма правления. Этот факт, безусловно, не является ни случайностью, ни симптомом скоротечного помешательства. Это, безусловно, уходит своими корнями в прошлую политическую карьеру наций, поскольку имеет свои мотивы в их нынешнем состоянии. И если, предупрежденные этим, мы обратим наше внимание к прошлому, мы повсюду встретимся с попытками, более или менее успешными, либо предпринимаемыми с сознательным учетом этой системы, чтобы произвести ее естественным путем, или стремящимися достичь ее путем подчинения противоположных сил. Англия, Франция, Испания, Португалия, Германия и Швеция снабжают нас многочисленными иллюстрациями этого. Если мы посмотрим на одну сторону, мы увидим эти попытки после того, как они продлятся некоторое время и приобретут историческую последовательность; в другой — едва начавшись, они заканчиваются неудачей; в третьей — они заканчиваются своего рода федерацией самих правительств. Их формы столь же разнообразны, как и их судьбы. Только Англия продолжает эту борьбу без перерыва и, наконец, в полной мере наслаждается ее реализацией.

Но везде они занимают свое место в истории и влияют на судьбы народов. И когда, наконец, не находя больше даже тени представительного правительства на Европейском континенте и видя его только в парламенте Великобритании, гениальный человек интересуется его происхождением, он говорит, что "эта благородная система была впервые найдена в лесах Германии", откуда в равной степени произошли предки всей Европы.

Происхождение представительного правления.

В этом мнении, как будет видно впоследствии, я не согласен с Монтескье; но очевидно, как из древних фактов, так и из тех, которым мы сами были свидетелями, что представительная форма правления, так сказать, постоянно витала над Европой с момента основания современных государств. Его повторное появление в столь многих случаях и в столь многих местах не следует объяснять очарованием какой-либо теории или силой какого-либо заговора. В стремлении к ней люди часто игнорировали ее принципы и ошибочно принимали ее природу, но она существовала в европейском обществе как основа всех его глубочайших потребностей и наиболее устойчивых тенденций; монархи обращались к ней за помощью в трудные часы, и

нации всегда возвращались к ней в те периоды процветания и покоя, когда поступь цивилизации ускорялась. Его самые неразвитые усилия оставили после себя неизгладимые воспоминания. Действительно, с самого рождения современных обществ их состояние было таково, что в их учреждении, в их устремлениях и в ходе их истории представительная форма правления, хотя и с трудом осознаваемая разумом как таковая, постоянно более или менее отчетливо маячила вдали, как порт, в который они должны наконец прибыть, несмотря на штормы, которые их рассеивают, и препятствия, которые встают перед ними и препятствуют их проникновению.

Таким образом, джентльмены, мы делаем не произвольный выбор, а совершенно естественный и необходимый, когда мы делаем представительную форму правления центральной идеей и целью нашей истории политических институтов Европы. Рассмотрение их с этой точки зрения не только придаст нашему изучению их высочайший интерес, но и позволит нам правильно разобраться в самих фактах и по-настоящему оценить их. Затем мы сделаем эту форму правления главным объектом нашего рассмотрения. Мы будем искать ее везде, где она считалась заметной, где она пыталась обрести опору для себя, где она полностью утвердилась. Мы выясним, существовал ли он на самом деле во времена и в местах, где мы привыкли искать его зародыши. Всякий раз, когда мы находим какие-либо признаки этого, какими бы грубыми и несовершенными они ни были, мы должны исследовать, как это было произведено, какова была степень его силы и какие влияния подавили его и остановили его развитие. Прибыв, наконец, в страну, где она никогда не переставала консолидироваться и расширяться, с XIII века до наших дней, мы останемся там, чтобы следовать за ней в ее движении, разгадывать ее превратности, наблюдать за развитием принципов и институтов, с которыми она связана, вникая в их природу и наблюдая за их действием, — одним словом, изучать историю представительной системы в той стране, где она действительно обладает историей, отождествляющей себя с историей народа и его правительства.

Прежде чем приступить к выполнению этой трудоемкой задачи, джентльмены, мне необходимо будет в нескольких словах обрисовать перед вами основные фазы политического состояния Европы и ряд основных систем институтов, через которые она прошла. Эта предваряющая классификация, представляющая собой всего лишь общий обзор фактов, которые впоследствии вновь предстанут перед вами и принесут с собой свои собственные доказательства, необходима не только для того, чтобы расчистить путь, лежащий перед нами в нашем исследовании, но и для того, чтобы указать конкретные институты и времена, которые точка зрения, которую мы выбрали для себя, особенно призывает нас рассмотреть.

Четыре эпохи в европейской истории.

История политических институтов Европы делится на четыре основные эпохи, в течение которых обществом управляли в соответствии с принципиально различными способами и формами.

Германские племена, обосновавшись на римской земле, принесли туда с собой свою свободу, но ни одно из тех учреждений, которыми регулируется ее осуществление и гарантируется ее постоянство. Индивидуумы были свободны — свободное общество, однако, не было создано. Я скажу далее, что общества тогда еще не существовало. Только после завоевания и в результате их территориального закрепления общество действительно начало формироваться либо среди завоевателей и побежденных, либо среди самих победителей. Работа была долгой и трудной.

Положения, в которые они были поставлены, были сложными и ненадежными, их силы разбросанными и нерегулярными, человеческий разум мало способен к обширным комбинациям и предвидению. Появлялись и боролись друг с другом разные системы институтов или, скорее, разные тенденции. Индивиды, для которых свобода тогда означала только личную независимость и изоляцию, боролись за ее сохранение. Те, кто был силен, преуспели в обретении его и стали могущественными; те, кто был слаб, потеряли его и попали под иго могущественных. Короли, сначала только вожди воинских отрядов, а затем первые из крупных территориальных собственников, попытались утвердить и расширить свою власть; но одновременно с ними сформировалась аристократия благодаря локальным успехам разрозненных сил и концентрации собственности, которые не позволили королевской власти утвердиться с какой-либо силой или оказывать какое-либо широко распространенное влияние. Древняя свобода леса, самые ранние попытки монархической системы, зарождающиеся элементы феодального режима — таковы были силы, которые тогда боролись за господство в обществе. Никакой общий политический порядок не мог установиться в разгар этого конфликта. Он продолжался до одиннадцатого века. Затем феодальная система стала преобладающей. Первобытная независимость и дикое равенство индивидов либо превратились в состояние рабства, либо подчинились иерархическому подчинению феодализма. Всякая центральная власть, будь то короли или древние национальные собрания, почти исчезла; свобода существовала параллельно с властью; суверенитет был рассеян. Это первая эпоха. [Сноска 1]

[Сноска 1: Об этом см. "Историю цивилизации во Франции" Гизо. Лекции vii и viii.]

Феодальная система

Вторая эпоха - это эпоха феодальной системы. Ей присущи три существенные характеристики; 1. Обращение массы людей в рабство или граничащее с ним состояние: 2. Иерархическая и федеративная организация феодальной аристократии, распространяющаяся в своем применении как на людей, так и на земли: 3. Почти полное уничтожение суверенитета, который затем перешел к каждому феодальному собственнику, способному осуществлять и защищать его; отсюда слабость королевской власти и разрушение монархического единства, которое исчезло почти так же полностью, как национальное единство. Эта система господствовала до тринадцатого века.

Прогресс монархической власти.

Затем началась новая эпоха. Феодал, уже обладавший королевской властью, стремился к королевскому достоинству. Часть жителей этой территории, частично восстановив утраченную ими власть, страстно желала стать свободными. Феодальная аристократия подверглась нападкам, с одной стороны, из-за предоставления гражданских прав горожанам и арендаторам, с другой стороны, из-за расширения королевской власти. Суверенитет имел тенденцию к концентрации, свобода - к распространению; — национальное единство начало формироваться одновременно с возникновением монархического единства. На это сразу же указывали и способствовали попытки введения представительной формы правления, которые предпринимались и возобновлялись в течение почти трех столетий везде, где феодальная система приходила в упадок или преобладала монархическая система. Но вскоре и государи

почти повсеместно, в свою очередь, стали относиться к этому с недоверием. Они не могли равнодушно взирать на то, что суверенитет, который после долгого распространения был восстановлен и сконцентрирован их усилиями, теперь снова разделен в самом центре. Кроме того, людям в равной степени не хватало таких сил и знаний, которые позволили бы им продолжать, с одной стороны, борьбу против феодальной системы, которая еще не прекратилась, и поддерживать, с другой стороны, новую борьбу против центральной власти. Было очевидно, что времена были не вполне зрелыми; что общество, которое еще не полностью вышло из состояния рабства, ставшего преемником социального хаоса, не было ни настолько прочно консолидировано, ни настолько морально дисциплинировано, чтобы быть способным сразу обеспечить порядок путем справедливого распределения власти, а свободу - гарантиями крупных и влиятельных общественных институтов. Попытки после создания представительного правительства становились все более случайными и слабыми и, наконец, сошли на нет. Одна страна в одиночку охраняла и защищала его и переходила от одной борьбы к другой, пока не добилась успеха. В других местах преобладала чисто монархическая система. Этот результат был достигнут в шестнадцатом веке.

Четвертая эпоха длилась с того времени до наших дней. Это в основном отмечено в Англии прогрессом представительной системы; на Континенте развитием чисто монархической системы, с которой связаны местные привилегии, судебные учреждения, оказывающие мощное влияние на политический порядок, и некоторые остатки тех собраний, которые в эпохи, предшествовавшие нашей, появились в более общей форме, но которые теперь ограничены определенными провинциями и почти исключительно выполняют административные функции. При этой системе, хотя политическая свобода больше не соблюдается, варварство и феодализм в конце концов исчезают перед лицом абсолютной власти; внутренний порядок, примирение различных классов, гражданское правосудие, общественные ресурсы и информация быстро развиваются; нации становятся просвещенными и процветающими, и их процветание, как материальное, так и моральное, вызывает в них более справедливые опасения и более искреннее стремление к той представительной системе, к которой они стремились во времена, когда не обладали ни знаниями, ни властью, необходимыми для ее применения и сохранения.

Тема этих лекций.

Это краткое изложение фактов уже указало вам, джентльмены, на эпохи, на которые будут в основном направлены наши исследования. Объектами нашего поиска являются политические институты различных народов. Репрезентативная система - это то, вокруг чего будут сосредоточены наши исследования. Итак, везде, где мы не встречаемся с теми общими учреждениями, под властью которых люди объединяются и которые требуют проявления общности в своем управлении, — везде, где мы не видим никаких следов представительной системы и никаких прямых усилий по ее созданию, — там мы не будем задерживаться. Все формы и условия жизни общества представляют богатые и любопытные объекты для наблюдения; но из этого неисчерпаемого ряда фактов мы должны выбирать только те, которые находятся в строгой связи друг с другом и представляют для нас прямой интерес. Таким образом, вторая и четвертая эпохи, то есть феодализм и абсолютная власть, займут нас весьма мало. Мы будем говорить о них лишь постольку, поскольку их рассмотрение необходимо для того, чтобы связать и объяснить периоды, которые более непосредственно потребуют нашего

внимания. Я намереваюсь изучить с вами первую, третью и четвертую эпохи в той мере, в какой они относятся к Англии.

Первая эпоха, которая показывает нам германский народ, утвердившийся на римской земле, — борьба его примитивных институтов, или, скорее, их обычаев и привычек, против естественных результатов их нового положения, — точнее, муки, сопровождавшие раннее формирование современных наций, — имеет особые права на наше внимание. Я полагаю, что в том, что касается политических институтов, в это время не было ничего, что заслуживало бы такого названия; но все элементы были налицо, в существовании и суматохе, как в хаосе, предшествующем творению. Мы должны наблюдать за этим процессом, в рамках которого возникали правительства и народы. Нам предстоит выяснить, действительно ли, как утверждалось, существовали общественная свобода и представительная система, откуда и появились некоторые симптомы, указывающие на то, что однажды они могут проявиться. Когда в третью эпоху мы увидим, что феодальная система рушится, — когда мы увидим, что первые движения к представительному правлению появляются одновременно с усилиями центральной власти, которая стремится стать всеобщей и организованной, — мы без труда узнаем здесь субъекта, который непосредственно принадлежит нам. Мы попытаемся выяснить, какие общества возникли тогда и какими средствами они стремились к созданию надежных институтов, которые могли бы гарантировать сохранение порядка и свободы одновременно. И когда мы увидим, что их надежды обмануты бедствиями времени, когда мы обнаружим в пороках социального государства гораздо больше, чем во влиянии каких-либо беспорядочных или извращенных желаний, причин безуспешности этих великодушных попыток, мы будем приведены нашим субъектом в самую гущу этого народа, и тогда к нам отнесется более снисходительно судьба, которая дорого заплатила за свободные институты, но которая охраняла их до последнего, когда они гибли повсюду в других местах, и которая, сохраняя и развивая их для себя, предложила нам больше возможностей для развития. Другие нации — если не модель, то, безусловно, пример.

Пределы исследования.

Для нас, джентльмены, было бы несложно таким образом ограничить область наших исследований эпохами, если бы мы также не установили некоторые границы в отношении места. Расследование было бы слишком масштабным и затяжным, если бы мы следили за ходом развития политических институтов по всей Европе в соответствии с планом, который я только что изложил. Более того, разнообразие событий и условий в Европе было настолько велико, что, несмотря на определенные общие характеристики и определенные философские выводы, которые повсюду демонстрируют факты, они очень часто противостоят всем попыткам, которые мы можем предпринять, чтобы подвести их под какой-либо единый руководящий принцип.

Напрасно мы пытаемся собрать их вместе под одним горизонтом или направить в одно русло; они всегда высвобождаются из наших объятий, чтобы занять в другом месте место, отведенное им истиной. Следовательно, мы были бы вынуждены либо ограничиться общими фразами, дающими лишь незначительный урок тем, кто не постиг всей их глубины, либо постоянно

прерывать ход нашего исследования, чтобы переходить от одного народа к другому с вниманием, которое постоянно отвлекалось бы и вскоре утомлялось. Для нас будет выгоднее использовать более узкий ассортимент. Англия, Франция и Испания в изобилии предоставят нам материалы для нашего предприятия. В этих странах мы будем изучать политические институты на различных этапах и в различные эпохи, которые я только что представил вам. Там мы обнаружим, что эти эпохи определены более четко и что главные факты, которые их характеризуют, предстают в более полных и простых формах. Более того, во Франции и Испании общие попытки создания представительного правительства, предпринятые в тринадцатом, четырнадцатом и пятнадцатом веках, приняли более определенные очертания. Поэтому целый ряд соображений отговаривает нас выходить за эти пределы. Таким образом, наши исследования приобретут как интерес, так и основательность.

Интерес к Предмету.

Этот интерес, джентльмены, я должен сказать с самого начала, заключается не только в том, что связано с человеческими делами, которые всегда привлекательны для человека, каким бы незначительным ни было внимание, которое он им уделяет. Изучение древних политических институтов Европы требует серьезных и кропотливых усилий. Я здесь для того, чтобы поделиться этим с вами, а не братья за это за вас. Мне часто придется вдаваться в подробности, которые на первый взгляд могут показаться сухими, но которые важны из-за результатов, к которым они приводят. Я не буду довольствоваться простым изложением вам этих результатов в качестве общего выражения фактов; я буду чувствовать себя обязанным ознакомить вас с самими фактами. Истины, которые они содержат, должны быть поняты вами так, чтобы они естественным образом вытекали из них, и не должны окончательно закрепляться в ваших умах, за исключением случаев, когда они подкреплены такими доказательствами, которые могут их подтвердить.

Трудность достижения Истины.

Джентльмены, следует иметь в виду, что истина, где бы мы ее ни искали, нелегко достижима. Мы должны глубоко копать в поисках этого, как в поисках драгоценных металлов, прежде чем найдем его; мы не должны уклоняться ни от трудностей, ни от длительной продолжительности предприятия. Это зависит только от решительных и терпеливых усилий. И не только ради нашего особого исследования я призываю вас никогда не позволять себе быть сбитыми с толку усталостью, сопутствующей некоторым участкам работы; более возвышенный мотив, более всеобъемлющее требование дают вам этот совет. Умирая, Тразей сказал своему зятю Гельвидию Приску: "Смотри, юноша: ты живешь во времена, когда хорошо, чтобы дух укреплялся при виде такой сцены, как эта; и узнай, как может умереть храбрый человек". Мы должны быть благодарны Небесам за то, что подобные уроки сейчас нам не требуются и что будущее не требует такой жесткой дисциплины, чтобы мы могли быть готовы к ней. Но свободные институты, которые мы призваны принимать и поддерживать, требуют от нас с самой ранней юности тех привычек кропотливого и терпеливого применения, которые составят нашу наиболее подходящую подготовку. Они требуют, чтобы среди наших первых уроков мы научились не уклоняться ни от боли, ни от продолжительности и изнурительности исполнения долга. Если наше предназначение - быть возвышенными, наши занятия должны быть суровыми. Свобода - это не сокровище, которое может быть приобретено или защищено теми, кто придает

непропорционально большое значение личной легкости и удовлетворению; и если когда-либо человек достигает ее после того, как трудился ради нее просто под влиянием роскоши или нетерпеливых чувств, это лишает его тех почестей и преимуществ, которые он ожидал получить от обладания ею. Ошибкой предшествующей эпохи было то, что, хотя она была направлена на то, чтобы подтолкнуть умы людей к более широкой и активной карьере, она все же создавала впечатление, что тогда все станет легко, что учеба превратится в развлечение и что препятствия будут устранены с первых шагов жизни, которая должна была вылиться во что-то великое и впечатляющее. Женственная слабость таких чувств была пережитком беспомощности тех времен, когда свободы не существовало. Мы, живущие в наши дни, знаем, что свобода требует от человека, который хотел бы наслаждаться ею, более строгого применения своих сил. Мы знаем, что это не допускает ни лени души, ни непостоянства ума и что только те поколения, которые посвящают свою молодость кропотливой учебе, могут обеспечить свободу для своей зрелости.

Необходимость упорной учебы.

Наблюдая за развитием политических институтов Европы, джентльмены, вы обнаружите, что опыт всех эпох подтверждает это и наш собственный. Вы не обнаружите, что те грандиозные планы, которые были сформированы для продвижения истины, справедливости и прогресса, когда-либо исходили из обители лени, легкомыслия и антипатии ко всему, что требует труда и терпения. Проследивая такие предприятия до их истоков, вы всегда обнаружите там серьезный аспект и серьезную решимость, существовавшие, так сказать, на заре их существования. Только люди, сформированные по такому образцу, могли защищать общественные законы и свободы. Они, в соответствии с потребностями своего времени, сопротивлялись беспорядку или угнетению. В серьезности своей собственной жизни и мыслей они нашли истинное мерило своего собственного достоинства и, по их мнению, достоинства человечества. И, джентльмены, не сомневайтесь, что, следуя их примеру, добьетесь и их успеха. Вы скоро убедитесь, что, несмотря на испытания, которым она подверглась, наш век не относится к числу самых необузданных из когда-либо существовавших. Вы увидите, что патриотизм, уважение к закону и порядку, благоговение перед всем справедливым и священным часто приобретались гораздо более дорогой ценой и требовали более сурового самоотречения. Вы обнаружите, что в характере людей, запуганных и обескураженных видом препятствий, которые все еще возникают, столько же слабости, сколько и неблагодарности, в то время как препятствия гораздо более грозного характера не ослабляли решимости благородных людей прежних времен. И таким образом, рано упражняя свой ум во всех тех привычках, которые подготовят человека к обязанностям возвышенного предназначения, вы не встретите ничего, что не будет постоянно углублять вашу привязанность к вашей эпохе и вашей стране.

Характеристики настоящего Времени.

Что касается меня лично, то позвольте мне, джентльмены, приступая сегодня вместе с вами к изучению древних политических институтов Европы, поздравить себя с тем, что я смог подойти к этому предмету с подобающей ему свободой. Именно с работ подобного характера я начал

свою интеллектуальную жизнь. Но в то время публичное изложение таких фактов и связанных с ними идей едва ли было разрешено.

Власть дошла до того состояния, при котором она в равной степени опасается любого представления о угнетении народов и их усилиях добиться свободы; как будто она обязательно должна встретить в этих двух сериях исторических воспоминаний одновременно осуждение своих прошлых деяний и предсказание своих будущих опасностей. Мы больше не находимся в таком плачевном положении; институты, которые Франция получила от своего суверена, освободили одновременно настоящее и прошлое. Такова моральная сила, которой обладает законная и конституционная монархия, что она не трепещет ни перед рассказами истории, ни перед критикой разума. Она основана на истине, и, следовательно, истина не является для нее ни враждебной, ни опасной. Везде, где признаются все потребности общества и все его права дают друг другу взаимное одобрение и поддержку, факты преподносят только полезные уроки и больше не намекают на нежелательные намеки. Теперь перед нами может быть развернут целый том истории; и где бы мы ни обнаружили совпадение законности и конституционного порядка, мы увидим процветание как правительств, так и народов — достоинство власти, облагороженное и поддерживаемое достоинством повиновения. На всех должностях, и каким бы большим ни было расстояние, разделяющее их, мы увидим, как человек воздаст честь человеку; мы увидим, как власть и свобода взаимно относятся друг к другу с тем вниманием и уважением, которые только и могут объединить их в прочную связь и гарантировать их постоянную гармонию. Давайте поздравим себя, джентльмены, с тем, что мы живем в то время, когда этот союз опеки стал необходимостью, когда сила без справедливости могла быть лишь эфемерной силой. Времена, на которые мы обратим наше внимание, переживали более тяжелую судьбу; они не раз были свидетелями того, как деспотизм глубоко укоренился в своем положении, и в то же время видели, как несправедливость утверждала свои притязания на прочное правление. Мы, джентльмены, которые видели так много разнообразных форм угнетения, — мы видели, как все они приходят в упадок. Ни их самого яростного насилия, ни их самого внушительного блеска было недостаточно, чтобы уберечь их от коррупции, присущей их природе; и в конце концов мы пришли к порядку вещей, который не допускает ни гнета силы, узурпирующей власть, ни анархии, разрушающей ее.

Заключение.

Давайте, джентльмены, воспользуемся всеми преимуществами, связанными с таким приказом: — давайте продемонстрируем наше уважение к выдающемуся автору этой Хартии, признав себя достойными приема и способными использовать благородные учреждения, которые он основал. Наша благодарность не может быть более почтительной.

Лекция II.

Общий характер политических институтов в Европе с четвертого по одиннадцатый век.

Политическое бесплодие Римской империи.

Ход германских вторжений.

Очерк истории англосаксов

Падение Римской империи.

Я разделил историю политических институтов современной Европы на четыре великие эпохи, первая из которых простирается с четвертого по одиннадцатый век. Этот длительный промежуток времени потребовался для того, чтобы внести немного света и определенности в изменчивый хаос тех новых империй, которые возникли в результате последовательных вторжений варваров на римскую территорию и откуда возникли те могущественные государства, судьба которых составляет историю современной Европы. Существенными характеристиками этой эпохи являются: конфликт и слияние германских обычаев с римскими институтами, попытка установить монархическое правление и формирование феодального режима. Тогда не существовало общей системы политических институтов; нельзя было заметить большого доминирующего влияния; все было локальным, индивидуальным, запутанным, неясным. Множество принципов и сил, смешиваясь и действуя (так сказать) случайно, были вовлечены в конфликт, чтобы разрешить вопрос, о котором люди были в полном неведении и тайной которого владел только Бог. Этот вопрос заключался в следующем: какая форма правления сложилась бы из всех этих различных элементов, столь яростно приведенных в соприкосновение друг с другом. Прошло пять столетий, прежде чем этот вопрос был решен, и тогда феодализм стал социальным государством Европы.

Причины Его распада.

Однако, прежде чем перейти к истории институтов, позвольте мне сказать несколько слов о ходе падения Римской империи и нашествиях варваров.

Со времени восшествия на престол Августа и до смерти Феодосия Великого Римская империя, несмотря на свое величие, в целом характеризуется бессилием и бесплодием. Ее институты, ее правительство, ее философия, ее литература, да и все, что с ней связано, несет на себе этот печальный отпечаток; даже умы ее самых прославленных граждан были ограничены кругом устаревших идей и растрачивались на напрасные сожаления о добродетелях и славе Республики. Брожение новых идей не приводит к упадку; но когда в великой империи общество, чувствуя себя угнетенным и больным, не может породить никаких новых надежд, никаких великих идей, — когда вместо стремления вперед, к будущему, оно вызывает только воспоминания и образы прошлого, — тогда происходит настоящий упадок; не имеет значения, как долго государство находится в упадке, отныне его крушение непрерывно и неизбежно. Падение Римской империи заняло пятнадцать столетий; и в течение пятнадцати столетий она продолжала приходить в упадок, пока ее падение не завершилось захватом Константинополя турками. В течение этого длительного периода ни одна новая идея, ни один восстановительный принцип не были использованы для оживления жизни правительства; они поддерживались его собственными массами. К концу III века, когда всеобщее рабство, казалось, установилось наиболее прочно, имперский деспотизм начал ощущать шаткость своего положения и необходимость организации. Диоклетиан создал обширную систему управления. Во всей этой огромной машине он наладил работу в согласии с принципами своего правления; он регулировал действия центральной власти в провинциях и окружил себя блестящим и

могущественным двором; но он не возродил нравственную жизнь Империи; он просто более совершенным образом организовал материальное сопротивление принципам разрушения, которые подрывали ее; и именно благодаря этой организации, сначала как на Западе, так и на Востоке, а затем только на Востоке, Империя смогла продолжать борьбу с четвертого по пятнадцатый века. Феодосий Великий, умерший в 395 году, был последним императором, который крепко держал в руках разнородную римскую державу и умело управлял ею. Он был поистине великим человеком, ибо великие люди появляются как в позорные времена, так и во времена успеха; а Феодосий все еще был властелином римского мира. Как только он умер, начался распад при его сыновьях Гонории и Аркадии.[Сноска 2]

[Примечание 2: Гонорий мирным путем унаследовал суверенитет Запада, который он получил от своего отца в предыдущем году; в то время как его старший брат Аркадий получил во владение Восток.]

Оставление Своих Колоний.

Теперь в правительстве не было реального единства или центральной силы; Рим постепенно покидал свои провинции — Великобританию, Арморику [Сноска 3] и Нарбоннскую Галлию. [Сноска 4]

[Примечание 3: Страна на северо-западном побережье Галлии, от Луары до Сены.]

[Примечание 4: Римская провинция на юге Галлии, названная так по ее главному городу Нарбо или Нарбонна; Цезарь называет ее просто *Провинция*, отсюда и происходит современное название Прованса.]

Гонорий сообщил бриттам, что он больше не должен ими управлять, и приказал жителям Нарбоннской Галлии избрать депутатов, которые соберутся в Арле и возьмут на себя управление своей страной. Империя превратилась в тело, лишенное сока и энергии, и, чтобы продлить жизнь ствола, необходимо было обрубить ветви. Но, хотя деспотизм был устранен из этих провинций, рабство осталось. Нелегко сразу вернуться к свободе и политической жизни; и эти люди, полагавшиеся на свои собственные ресурсы, были неспособны защитить себя. Великобритания, хотя и была более густонаселенной, чем север Шотландии, была не в состоянии отразить несколько орд пиктов и шотландцев, которые каждый месяц спускались из своих горных жилищ и опустошали британскую территорию. Бритты обратились за помощью к императору, и он послал им легион, которому не составило труда одолеть врагов, бежавших перед ним; но вскоре он был отозван. После его ухода вторжения возобновились, и Британия снова обратилась за помощью к императору. Гонорий послал еще один легион, но сказал просителям, что они должны обеспечивать себя сами в будущем, поскольку он больше не пошлетим солдат. Победоносный легион покинул страну, чтобы больше не возвращаться, и Британия, атакованная со всех сторон бандами варваров, истощила свои силы в тщетных мольбах об избавлении. До сих пор сохранилось письмо, озаглавленное *Gemitus BritannûM*, в котором несчастные жители этой страны описывают свое плачевное положение Аэцию, галльскому патрицию. "Варвары, - писали они, - гонят нас к морю, а море гонит нас обратно к варварам; так что в результате мы должны быть либо убиты, либо утоплены". С патриотической восприимчивостью некоторые английские писатели — среди прочих г-н Шарон Тернер в своей

Истории англосаксов, [Сноска 5] — поставили под сомнение подлинность этого письма, как будто честь Англии вообще была связана со слабостями британцев четвертого века.

[Сноска 5: *История англосаксов* Тернера, том i, стр. 180-181.]

Как бы то ни было, и независимо от того, просили его о помощи или нет, у императора были другие дела, которыми он должен был заняться, и он предоставил бриттов самим себе. Аналогичным образом он оставил Нарбоннскую Галлию и Арморику. Эта последняя провинция, менее подверженная влиянию римской цивилизации, проявила большую энергию, чем две другие. Она приняла меры для собственной обороны, создав своего рода федеративную лигу против морских вторжений. Испания, которая также была покинута, пыталась таким же образом защититься от нападений того же характера; но действовала без особой энергии и имела небольшой успех. В Великобритании, так же как и в Галлии, римское правительство уничтожило энергию их исконной независимости и не заменило ее ничем, кроме своей собственной искусственной и деспотической организации. Когда римляне отступили, дети галлов, населявшие римские города, были неспособны ни к самоуправлению, ни к самообороне и стали легкой добычей нескольких банд чужеземных мародеров, пришедших в поисках добычи и приключений. Давайте вкратце взглянем на ход их завоеваний.

Вторжения немцев.

Невозможно точно определить эпоху первых вторжений немцев. Во все века их орды имели обыкновение спускаться из своих лесных крепостей в страны менее дикие и более возделанные, чем их собственные. Среди их ранних вторжений первое, о котором у нас есть сколько-нибудь точная историческая информация, - это вторжение кимбров и тевтонов, которых было триста тысяч и которые разорили Италию во времена Мария. [Сноска 6]

[Сноска 6: В 113-101 гг. до н.э. Марий, наконец, разбил тевтонов при Эксе в 102 году; и кимбров близ Верчелли в 101 году.]

С эпохи Августа по пятый век эти вторжения продолжались, но были очень неравными по значимости. Банды людей, неспособных найти средства к существованию в своей собственной стране, вторгались на территорию империи и грабили по пути; их судьба решалась в результате сражения; они были рассеяны или уничтожены в результате поражения, или, в случае победы, они захватывали какую-нибудь местность, которая им нравилась. Часто они также селились в стране с согласия императоров. В третьем веке Проб привел в Овернь три или четыре тысячи франков.

Основание варварских королевств.

Банда аланов обосновалась в окрестностях Орлеана; во Фракии была колония готов, а в Лотарингии - другая колония вандалов. Те из воинов-варваров, которые предпочитали войну и грабеж постоянному жилью, вступали в римские армии. Их вожди становились генералами и даже поставляли при императорском дворе государственных министров. Таким образом, варвары были повсюду расселены по стране, служили в армиях, окружали особу принца;

грозные союзники, чью помощь слабость империи была вынуждена принять, и которым было суждено возрасти в силе и влиянии по мере того, как имперская власть приходила в упадок.

Как только римское правительство, отказавшись от нескольких своих провинций, заявило о своей неспособности сохранить собственную целостность, вопрос был решен — империя перешла к германцам. За промежуток времени, прошедший между началом пятого и концом шестого века, они основали восемь великих монахий, некоторые из которых были созданы силой, в то время как другие получили частичное согласие императоров.

В 409 году вандалы, аланы и свевы, опустошив Галлию и перейдя Пиренеи, вооруженным путем основали в Испании три монахии, которые были быстро объединены в одну; а эта, в свою очередь, вскоре была разрушена вестготами.

В 429 году вандалы перешли из Испании в Африку и основали монахию, которая была свергнута Велисарием.

В 414 году бургунды с согласия императоров основали королевство в Галлии.

В 416 году вестготы проникли в Южную Галлию, где основали королевство Аквитания; и вошли с северо-востока в Испанию, где они поселились после уничтожения монахии свевов.

В 450 году саксы во главе с Хенгистом и Хорсой вторглись в Великобританию и основали Саксонскую гептархию.

В 476 году герулы под командованием Одоакра основали монахию в Италии.

В 481 году франки во главе с Хлодвигом утвердились в Галлии.

В 568 году лангобарды под командованием Альбоина, в свою очередь, завоевали Италию и основали монахию.

Власть императоров.

Я не собираюсь писать историю этих монахий, но я попытаюсь описать их ведущие институты и социальное положение. Прежде всего, однако, я скажу несколько слов о методе их основания. Мы не должны предполагать, что в каждом случае Римская империя уступала или полностью отказывалась от суверенитета. Пребывание вождя варваров в стране было признано фактом. Он продолжал командовать своими воинами, но ему не было предоставлено никакой юридической власти над старыми жителями. Города долгое время сохраняли свою связь с Римом; некоторые из них оставались муниципалитетами и продолжали назначать своих собственных магистратов. Несколько городов Испании, пока страна находилась под властью вестготов, получили своих гражданских правителей из Константинополя. Императоры, хотя и ежедневно захватывали какую-нибудь новую территорию, тем не менее почти во всех кварталах сохраняли видимость империи. Таким образом, мы находим, что они присвоили франкским королям титулы галльского патриция и консула. Это был их протест против вторжения. Едва ли в каком-либо случае имела место передача суверенных прав. Общества, покинутые своим правительством, либо получали новое из рук победителя, либо пытались создать его для себя.

Англосаксы.

Среди этих возникающих государств я сначала упомяну англосаксов; затем я перейду к франкам; и, наконец, к вестготам в Испании. Я выбрал эти три нации, потому что среди них наиболее отчетливо выделяются институты того периода. Особенно англосаксы оказались в положении, наиболее благоприятном для этого быстрого и всестороннего развития. Они были не только более изолированы, чем другие народы; их также меньше беспокоили постоянные вторжения устрашающего характера. Вскоре они стали единоличными хозяевами страны. Бритты были почти истреблены; некоторые из них удалились в Корнуолл, Уэльс и Арморику; остальные были рассеяны или обращены в рабство. Более того, англосаксы в меньшей степени находились под влиянием старых римских институтов. Среди современных наций это люди, которые, так сказать, жили в основном за счет собственных ресурсов и дали начало своей собственной цивилизации. Этот характер замечен во всей их истории и даже в их литературе. Греческая и латинская классика произвели на них лишь небольшое впечатление; примитивные и национальные обычаи сохранили свое влияние в Англии и получили почти полное развитие. У франков и вестготов старые германские национальные собрания были либо приостановлены на длительный период, либо полностью преобразованы; у англосаксов они никогда не прекращались; год за годом они увековечивали древние воспоминания и оказывали прямое влияние на правительство. Таким образом, именно у англосаксов с пятого по одиннадцатый век институты получили наиболее естественное и полное развитие. Этот факт побудил меня начать наше изучение с их истории.

Позвольте мне кратко остановиться на событиях, произошедших в период Англосаксонской гептархии. С 426 по 450 год бритты, предоставленные самим себе, боролись, как могли, против жителей севера Шотландии. В 449 году несколько саксов с берегов Эльбы высадились на остров. Этот спуск не был ни новым, ни непредвиденным. Это был факт настолько древний, что римские императоры назначали магистрата — *comes littoris Saxonici*, особой обязанностью которого было обеспечивать защиту побережья. Утверждается, и Юм повторил это утверждение, что эта саксонская экспедиция была созвана Вортигерном, который в то время был вождем бриттов, для оказания ему помощи в борьбе с пиктами и скоттами. Это не кажется мне ни естественным, ни вероятным; и я нахожу у хрониста Ненния отрывок, который полностью опровергает это утверждение: "Тем временем, - говорит он, - из Германии прибыли три корабля, полные саксонских изгнанников". [Сноска 7] Поэтому они пришли спонтанно, в соответствии со своим обычаем. Бритты, доведенные до крайности своими неутомимыми врагами, пиктами и скоттами, сначала попытались использовать саксов против них самих. Но новоприбывшие быстро обнаружили свою силу, попытались завоевать страну, которую они обещали защищать, и преуспели в своей попытке. Бритты сопротивлялись и даже проявили некоторую энергию своих предков при короле Артуре и других лидерах. Прошло много времени, прежде чем они были окончательно покорены или изгнаны. В период с 455 по 582 год саксы основали семь или восемь королевств, которые составляли Гептархию, или Октархию, как утверждает г-н Шарон Тернер. [Сноска 8]

[Сноска 7: Ненний, загл. 31.]

[Сноска 8: *История англосаксов*, том i, стр. 320.]

Королевство Кент было первым, основанным Хенгистом. Другими были королевства Сассекс, Уэссекс, Эссекс, Нортумберленд (или Бернисия и Дейра), Восточная Англия и Мерсия. Это разделение продолжалось до 800 года. В то время Эгберт, король Уэссекса, попытался подчинить себе другие королевства, и ему удалось подчинить пять из них своей власти; но Нортумберленд и Мерсия оставались отдельными, хотя и подчиненными королевствами, до конца девятого века.

Правление короля Альфреда.

Именно в этот период датчане и норманны проникли в Англию: они долго оспаривали владение страной у саксов; и с восшествием на престол Альфреда последние пришельцы властвовали почти по всей стране. Вы все знакомы с историей этого монарха, величайшего из королей Англии. В болотах, где он был вынужден искать убежища от преследования своих врагов, он строил свои планы освобождения своей страны. Переодетый арфистом, он проник в датский лагерь с целью узнать численность их сил и, наконец, после затяжной борьбы отвоевал свое королевство. Восстановленный таким образом на своем троне, Альфред заложил фундамент английских институтов, или, скорее, он привел их в порядок и наделил их властью. Однако принято датировать их происхождение его именем, и его правление - это целая эпоха в английском законодательстве. Альфред - великолепный пример истины, воплощенной Густавом Вазой и Генрихом IV Французским в более поздние времена, а именно, что величайшие принцы - это те, кто, хотя и рожден для трона, тем не менее обязан завоевать его. К своему признанному праву они, таким образом, присоединяют достаточное доказательство своих заслуг. Они жили как обычные люди среди своего народа и, таким образом, стали лучшими людьми и лучшими королями.

После смерти Альфреда датчане, чьи завоевания были приостановлены только победами этого принца, овладели Англией. Троном завладел Канут Великий; но он правил умеренно и не менял законов страны. Эта мудрость со стороны завоевателя смягчила враждебность побежденных, и датчане и саксы так хорошо ладили друг с другом, что вскоре после смерти Канута Великого старая династия вновь взошла на трон. Эдуард Исповедник собрал воедино старые саксонские законы; по этой причине его до сих пор уважают в Англии как национального законодателя. Но сборник законов, который сейчас существует под его именем, был составлен не им; то, что он составил, к сожалению, утрачено.

Нормандское завоевание.

Во время правления Эдуарда Исповедника был дан яркий пример власти некоторых дворян, которые фактически, если не по праву, были соперниками своего монарха. Граф Годвин был настолько могуществен, что, так сказать, позволил Эдуарду взойти на трон при условии, что тот женится на его дочери. После его смерти ему наследовал его сын Гарольд, который усилил его власть. Влияние Гарольда распространилось по всему королевству, и он ждал только смерти короля, чтобы завладеть короной. Когда Эдуард умер, Гарольд, естественно, унаследовал трон. Никто в Англии не оспаривал его узурпацию. Но Вильгельм Бастард, герцог Нормандии, один из его дальних родственников, утверждал, что Эдуард завещал корону ему по завещанию. Он пересек море, чтобы отстоять свои мнимые права, и 14 октября 1066 года дал сражение Гарольду при Гастингсе. Гарольд был оставлен мертвым на поле боя. Вильгельм Завоеватель ввел в Англии феодальные институты, которые в то время были в полной силе в Нормандии. Взаимные отношения людей могли бы способствовать в Англии установлению этой системы и

подготовить почву для нее; но юридическое и иерархическое подчинение земли еще не утвердилось прочно в этой стране. Завоевание Вильгельма Нормандского нарушило естественный ход старых англосаксонских институтов и смешало их с иностранными элементами, которые уже развились среди норманнов благодаря их положению в Галлии, среди римских городов и римского населения. Мы сейчас увидим, какое решающее влияние оказало это обстоятельство на политическое развитие Англии.

Лекция III.

Тема лекции.

Знание состояния людей, необходимое для надлежащего изучения институтов.

Существенное различие между обществами древности и современности в том, что касается классификации социальных условий.

Положение людей у англосаксов.

Таны и руководители.

Центральные и местные учреждения.

Преобладание последнего среди англосаксов.

Его причина

Англосаксонские институты.

В моей предыдущей лекции я в общих чертах описал упадок Римской империи и ход нашествий варваров; и я перечислил основные события в истории англосаксов в Англии. Теперь я перехожу к их институтам, которые составляют тему моей настоящей лекции.

Когда мы собираемся говорить об институтах страны в любой данный период, мы должны сначала понять, каково было положение людей в этой стране в тот период; ибо слова очень обманчивы. История, когда речь идет об английской или испанской нации, включает в себя под этим названием всех людей, населяющих страну; но когда мы исследуем реальное положение дел, мы быстро обнаруживаем, что факты, которые история применяет ко всей стране, на самом деле принадлежат лишь очень небольшой части ее жителей. Задача цивилизации состоит в том, чтобы время от времени побуждать большее число людей принимать активное участие в великих событиях, которые будоражат общество, членами которого они являются. По мере развития цивилизации она охватывает новые классы индивидов и отводит им место в истории. Таким образом, различные условия жизни общества ведут не к путанице, а к упорядоченности, в различных формах и в разной степени, в той высшей области общества, в которой творится история.

Таким образом, первый вопрос, который необходимо решить, - это вопрос о положении людей; мы должны точно понять, какие классы действительно фигурируют в истории. Тогда возникает другой вопрос: каковы институты, в соответствии с которыми действует эта политическая нация, которая одна дает материал для истории?

Когда мы обращаемся к древности с первым вопросом, мы находим, как и в Современной Европе, одну великую классификацию: свободные и рабы. Но есть то отличие, что в древности рабство оставалось неизменным. Его неизменность в данном конкретном случае была одной из основных характеристик древней цивилизации. Отдельные люди были освобождены, но огромная масса рабов оставалась в рабстве, навечно обреченная на то же самое социальное ничтожество. В Современной Европе социальные условия находились в состоянии постоянных колебаний; многочисленные массы людей попали в рабство, в то время как другие вышли из него; и это чередование свободы и порабощения является новым и важным фактом в истории цивилизации.

Таны и Кеорлы.

Каково было положение людей среди англосаксов? Здесь, как и везде, мы сначала замечаем два больших разделения на свободных и рабов. Свободные люди, которые являются единственными активными элементами в истории, были разделены на два класса: *таны* и *сеорлы*. Таны были собственниками земли, которая находилась полностью в их распоряжении: отсюда и происхождение права свободного владения. Сеорлы были людьми лично свободными, но не обладавшими земельной собственностью. Таны были разделены на два класса: королевские таны и низшие таны. Это различие не просто исторический факт; законы признают эти два разделения. Пожизненное содержание королевского тана составляло тысячу двести шиллингов, в то время как для тана низшего ранга - всего шестьсот. Здесь, как и в других государствах, возникших в ту эпоху, наказание было соразмерно не только тяжести преступления, но и рангу пострадавшего. Заменяв возмездие компенсацией, эти народы сделали шаг к социальной справедливости. Ранние представления о справедливости наносят зло за зло, вред за вред; но высшей точкой ее совершенства является то решение общества, которое, воплощая высший разум и власть, судит действия людей, обвиняемых в преступлениях, и оправдывает или осуждает их во имя Вечной Справедливости. В шестом веке общество не применяло наказаний; жизнь, как и всеостальное, имела свою цену; и эту цену разделили между собой семья умершего, король и судья. Наказание за преступление было пока лишь ценой, заплаченной за отказ от права мести, принадлежащего каждому свободному человеку. Лица, пострадавшие либо при владении своим имуществом, либо при жизни своих родственников, получили от виновного фиксированный состав.

Разные классы танов.

Я указал на юридическое различие, существовавшее между царскими танами и нижестоящими танами; но когда мы попытаемся выяснить, в чем заключалась реальная разница в их положении, мы обнаружим, что это различие было очень расплывчатым и относилось ко времени, когда все они вели кочевой образ жизни, а не к их оседлому земледельческому существованию. В Германии или по выходе из Германии более или менее многочисленные банды объединялись под предводительством какого-нибудь определенного вождя или короля.

После завоевания страны те вожди, которые были ближе всего к королю, оказывались в наиболее благоприятном положении для того, чтобы стать крупными землевладельцами. Их называли королевскими танами, потому что они принадлежали к королевской банде. Но не было ничего, что существенно отличало бы их от других танов. Чтобы быть королевским таном, необходимо было владеть примерно сорока или пятьюдесятью шкурами земли. [Сноска 9]

[Сноска 9: Участок земли составлял около 120 акров.]

В этот класс были допущены епископы и аббаты. Низшие таны были собственниками, обладавшими меньшим количеством земли, но способными распоряжаться своей собственностью так же свободно, как и королевские таны. Некоторые авторы утверждали, что королевские таны были знатью, а остальные - простыми свободными людьми. Внимательное изучение англосаксонских институтов докажет, что между этими двумя классами не было такой разницы в положении и правах. Было бы большой ошибкой ожидать, что у истоков общества мы встретимся с четко определенными рангами и условиями. Однако некоторые авторы делают вид, что с самого начала выясняют, что может привести только время. Мы не встречаем дворянства, составляющего высшее социальное положение, с признанными привилегиями: мы видим только причины, которые постепенно сформируют дворянство, то есть приведут к неравенству сил и империи сильного. Формирование класса знати было делом веков. Фактическое превосходство, передаваемое от отца к сыну, постепенно приобрело форму и характеристики права. Когда общества существуют недолго, мы не находим в них столь отчетливо выраженных социальных условий, и королевская семья - единственная, кого с какой-либо степенью обоснованности можно назвать благородной. Обычно это название происходит от какого-либо религиозного происхождения; например, почти у всех народов севера, в Дании, Норвегии и Англии, короли происходили от Одина; и их божественное происхождение давало высокую санкцию их власти.

Их взаимоотношения.

Другие авторы считали, что отношения, существовавшие между королевскими танами и нижестоящими танами, носили иной характер, соответствующий феодальным отношениям лордов и вассалов. Говорят, королевские таны были вассалами короля; нижестоящие таны были вассалами королевских вассалов. Мы, конечно, можем обнаружить в связи этих двух классов людей некоторые характерные черты феодализма. Но феодализм, установившийся как на Континенте, так и в Англии после завоевания Вильгельмом Нормандским, состоял, по существу, в одновременной иерархии земель и лиц. У англосаксов не было заметно никаких зачатков феодализма. Пока что единственной иерархией, существовавшей среди них, были люди. Все таны владели своими землями одинаково свободно и независимо. В более поздний период феодализм получил более полное развитие; от иерархии лиц проистекала иерархия земель, и последние вскоре возобладали над первыми. Но этот результат проявился только после нормандского завоевания. До этого периода вассалов не называли должным образом, хотя слововассус встречается в биографии короля Альфреда. Причины, приведшие к подчинению людей, независимо от их связи с землей, просты и могут быть легко поняты. Когда вожди варваров вступили на римскую территорию, они обладали влиянием на своих товарищей, которое пытались сохранить после своего поселения. Саксонские законы, с целью привести это грубое и неустойчивое состояние общества в порядок, предусматривали поддержание этой примитивной иерархии; и обязывали каждого свободного человека,

достигшего двенадцатилетнего возраста, вступать в какую-либо корпорацию отдельных лиц, получая десятину или сотню, или же отдавать себя под покровительство вождя. Эта связь была настолько сильной, что человек, заключивший договор, не мог отлучиться без разрешения главы своей корпорации или своего вождя. Иностранец даже сорока дней не может пробыть на английской земле, не зарегистрировавшись таким образом. Этот дух подчинения, это обязательство соблюдать дисциплину является одной из главных характеристик англосаксонского законодательства. Все те короли, которые после длительных беспорядков желали реорганизовать общество, приложили все усилия, чтобы восстановить энергичное действие этих полицейских законов и классификации. Они были приписаны Альфреду, но он просто воспроизвел их.

Таким образом, на мой взгляд, нет законных оснований для доктрины о том, что отношения королевских танов к нижестоящим были феодальными отношениями. Это была естественная взаимосвязь, которая неизбежно возникла при зарождении общества между различными степенями власти и богатства. Бедные и слабые жили под присмотром и защитой тех, кто был богаче и могущественнее.

Свобода Руководителей.

Как я уже отмечал, свободные люди делились на два класса: танов и сеоров. Теперь я расскажу о втором классе. Сеорлы были свободными людьми, которые жили в поместьях танов и возделывали их. Их свободное состояние было поставлено под сомнение, ошибочно, как я думаю, по разным причинам:

первое. Пожизненное вознаграждение раба составляло двести шиллингов, и характерным признаком его свободы является то, что часть этого вознаграждения выплачивалась его семье, а не владельцу поместья, в котором он жил; тогда как пожизненное вознаграждение раба всегда выплачивалось его владельцу.

2. На заре саксонской монархии кеорлы могли покидать землю, которую они обрабатывали, когда им заблагорассудится; однако постепенно они утратили эту свободу.

Начальники и рабы.

3-й. Они имели право носить оружие и могли идти на войну; тогда как рабы этим правом не обладали. Когда граф Годвин напал на короля Эдуарда, он вооружил всех кеоров в своих поместьях; и во время датских вторжений кеоры сражались, защищая свою страну.

4. Они также были способны владеть собственностью, и когда у них было пять шкур земли, они переходили в разряд танов, как и купцы, совершившие три путешествия в чужие страны. Отсюда и зародилось английское йоменство. Йомен - это свободный владелец, который, имея доход в сорок шиллингов с земли, голосует на выборах в графстве и может заседать в жюри; *probus et legalis homo*.

5-й. Начальникам разрешалось давать показания, правда, только по вопросам, которые касались лиц их собственного класса, тогда как рабы этим правом не обладали.

6. Почти все кеорлы были саксами: в каноне духовенства Нортумберленда мы находим, что кеорл, обвиняемый в преступлении, должен вызвать в качестве свидетелей двенадцать кеорлов и двенадцать бриттов.

Таким образом, кеорлы были саксами и отличались от древних жителей этой страны. Невозможно, чтобы столь значительная часть завоевателей так быстро попала в рабство. Мы можем скорее удивляться тому, что у них не было земельной собственности в стране, которую они только что завоевали. Но Тацит, с присущей ему правдивостью и энергией своего карандаша, легко объясняет нам это обстоятельство. В лесах Германии воины-варвары всегда жили вокруг своих вождей, которые должны были предлагать экспедиции и командовать ими во время активности, а также давать приют и поддерживать своих людей во время отдыха. Те же обычаи сохранялись и после завоевания страны; приобретенная собственность не делилась между всеми победителями. Каждый вождь получал большой или меньший участок земли, и его последователи поселялись на нем вместе с ним. Эти люди, привыкшие к бродячей жизни, еще не придавали большого значения земельной собственности. Более того, все еще подвергаясь преследованиям со стороны древних владельцев земли, они сочли необходимым держаться вместе и объединиться для собственной защиты. Они разбили своеобразные лагеря вокруг жилищ своего вождя, владения которого, согласно древним саксонским законам, были разделены на две части — *внутренние земли* и *дальние земли*. И ясным доказательством огромной разницы, существовавшей в то время между сеорлами и рабами, является то, что последние одни обрабатывали землю, прилегающую к жилищу вождя, в то время как сеорлы, как естественное следствие их личной свободы, возделывали дальние земли. Такое положение вещей, однако, не могло длиться долго. Большое количество сеорлс попало в рабство и приняло имя *вилланов* (villani); в то время как другие приобрели земли для себя и стали *гражданами* Англии.

Подводя итог сказанному, мы видим, что в положении людей при англосаксонской монархии существует одно большое разделение на свободных и рабов, а среди свободных людей - другое различие между танами и королями. Сами таны подразделяются на королевские таны и низшие таны. Первые являются крупными землевладельцами, вторые владеют более мелкими поместьями; но оба класса обладают равными правами. Сеорлы - свободные люди, без земельной собственности, по крайней мере изначально. Большинство из них попадают в состояние рабства. Что касается рабов, мы ничего не можем сказать, кроме того, что они были очень многочисленны и делились на домашнюю прислугу и сельских крепостных, или крепостных глеба. Древние жители страны не все попали в рабство; некоторые из них сохранили свое имущество, и закон короля Ины разрешал им предстать перед судами. Они могли бы даже перейти в класс танов, если бы у них было пять шкур земли.

По правде говоря, только таны сыграли активную роль в истории.

Местные учреждения.

Переходя теперь к институтам, которые связывали эти различные классы и управляли ими, мы обнаруживаем, что они бывают двух видов: центральные институты, полностью находящиеся в руках танов, целью которых было обеспечить вмешательство нации в ее собственное

управление; и местные институты, которые регулировали те местные интересы и гарантии, которые в равной степени применялись ко всем классам общества.

Происхождение централизации.

У истоков англосаксонского общества не существовало ничего, кроме местных институтов. В них содержатся важнейшие гарантии для мужчин, чья жизнь никогда не выходит за пределы их сферы деятельности. В такие эпохи люди еще не знакомы с большой общественной жизнью; и поскольку размах институтов всегда соответствует размаху дел и отношений, к которым они относятся, отсюда следует, что когда отношения ограничены, институты в равной степени таковы. Они остаются местными, потому что все интересы являются местными; общих налогов и дел, представляющих общественный интерес, очень мало, если вообще есть; короли живут, как и их подданные, на доход, получаемый от их поместий. Собственники мало заботятся о том, что происходит на расстоянии. Идея о тех великих общественных учреждениях, которые регулируют дела всех людей, не относится к истокам обществ. Постепенно, посреди хаоса растущего общества, образуются небольшие группы, которые ощущают нехватку союза друг с другом. Они создают между собой систему отправления правосудия, народное ополчение, систему налогообложения и полицию. Вскоре проявляется неравенство сил между соседними группами населения. Сильные склонны подчинять слабых и узурпировать, поначалу, права на налогообложение и военную службу. Таким образом, политическая власть покидает группы, которые впервые ее учредили, и распространяется на более широкий круг. Эта система централизации не всегда навязывается силой: иногда у нее есть более законная причина. В трудные времена появляется человек, стоящий выше других, который первым дает почувствовать свое влияние в обществе, к которому он принадлежит. Когда на него нападают, общество доверяет ему свою защиту. Соседние общества следуют этому примеру; вскоре полномочия, предоставленные во время войны, сохраняются и в мирное время и остаются сосредоточенными в одних руках. Эта победоносная держава сохраняет за собой право взимать налоги с людей и денег. Это права, которых движение за централизацию сначала лишает небольшие местные общества; они сохраняют за собой на более длительный период права отправления правосудия и установления полицейских правил; они могут даже сохранять их очень долго, и Англия предлагает нам множество таких примеров.

Преобладание местных институтов относится к периоду младенчества обществ. Цивилизация постоянно стремится поднять власть еще выше; ибо власть, когда она осуществляется с большего расстояния, обычно более бескорыстна и более способна руководствоваться справедливостью и разумом в качестве своих единственных ориентиров. Но часто также, по мере своего восхождения, власть забывает о своем происхождении и конечном предназначении; она забывает, что была основана для поддержания всех прав, уважения всех свобод; и, не встречая дальнейших препятствий со стороны энергии местных свобод, она трансформируется в деспотизм. Этот результат, однако, не является необходимым и фатальным; общество, стремясь к централизации власти, может сохранить или вновь обрести в более поздний период определенные принципы свободы. Когда центральные институты приобретают слишком абсолютное преобладание, общество начинает осознавать недостатки, присущие зданию, которое как бы оторвано от почвы, на которой оно стоит. Затем общество строит для себя полную противоположность тому, что оно строило раньше; внимательно рассматривает частные и местные интересы, из которых оно состоит; должным образом оценивает их

потребности и права; и, возвращая в разные местности органы власти, которые были оттуда отозваны, производит соответствующее распределение власти.

Последствия Французской революции.

Когда мы изучим институты Франции, нам будет представлен величайший и ярчайший пример этой двойной истории. Мы увидим великое французское общество, образовавшееся из множества мелких скоплений и постоянно стремящееся к концентрации различных сил, содержащихся в нем. Одна великая революция почти полностью уничтожила все остатки наших древних местных институтов и привела к централизации всей власти. Сейчас мы страдаем от излишеств этой системы; и, вернувшись к справедливым чувствам практической свободы, мы желаем восстановить на местах жизнь, которой они были лишены, и реанимировать местные институты с согласия и действиями самой центральной власти. Подобные великие колебания составляют социальную жизнь человечества и историю цивилизации.

Лекция IV.

Местные институты у англосаксов.

Разделение территории; их происхождение и двойная цель.

Внутренняя полиция этих местных ассоциаций.

Важность окружных судов; их состав и атрибуты.

Сложное происхождение суда присяжных.

Центральные институты англосаксов.

Виттенагемот; его состав и принцип, на котором он был основан.

Растущий перевес крупных землевладельцев в англосаксонской монархии.

Местные учреждения в Англии.

В моей предыдущей лекции я указал на причины особой важности местных институтов в ту эпоху развития цивилизации, которая сейчас занимает наше внимание. Теперь я приступаю к изучению этих учреждений.

Они были двух видов. Один класс привязывал человека к вышестоящему, устанавливал определенное право человека над человеком, личное превосходство и подчинение, которые были источником взаимных обязанностей. На Континенте эта иерархия лиц стала первым принципом феодализма, который, возможно, получил бы лишь весьма несовершенное развитие в Англии, если бы Вильгельм Завоеватель не перенес его в эту страну в полном виде.

Другой класс местных учреждений связывал людей равного ранга друг с другом, регулировал их взаимоотношения и определял их взаимные права и обязанности. Первый класс обозначал отношения защиты и зависимости; второй призывал всех жителей одной территории, обладающих одинаковыми правами и одинаковыми обязанностями, совместно обсуждать дела, представляющие общий интерес. Это были преобладающие институты англосаксов. Нормандский феодализм не смог их полностью уничтожить.

Разделение почвы.

В этот период Англия была разделена на десятины, сотни и графства. Это разделение было приписано королю Альфреду: он, по-видимому, является основателем всего законодательства этой эпохи, потому что все оно вышло в фиксированной и точной форме со времен его правления; но он обнаружил, что оно уже существует, и сделал не что иное, как оформил его в виде письменного кодекса. Таким образом, не он инициировал это разделение территории, которое, по-видимому, основано на церковном разделе страны. После своего поселения в Великобритании саксы не делили ее на систематически определенные части, а переняли то, что, по их мнению, уже было установлено. Части территории, находившиеся под управлением *декана*, *decanus ruralis* епископа, образовывали соответственно десятину, сотню и графство. Однако мы не должны предполагать, что эти названия точно соответствуют действительности. Десятин и сотен не было равно по площади земли и количеству жителей. В Сассексе их было шестьдесят пять сотен, в Йоркшире - двадцать шесть, в Ланкашире - шесть. На севере Англии сотни носили другое название; их называли *Валентаками*. [Сноска 10] Здесь церковное разделение прекращается, и преобладают военные ограничения, которые все еще существуют в некоторых графствах. Аналогичное ограничение сохраняется и по сей день в Граубюндене, в Швейцарии.

[Сноска 10: От *warpen* - оружие и *tac* - прикосновение, то есть встряхивание или удары руками; или от того же *warpen* и *tac*, взятие оружия вассала новым лордом в знак подчинения; или потому, что люди в подтверждение союза прикасаются к оружию своего лорда. См. Blackstone, Введение, с. 4. и Холиншед, т. v. стр. 37.]

Эти участки почвы имели двойную цель. С одной стороны, они служили наиболее надежным средством обеспечения порядка и дисциплины; а с другой стороны, они предоставляли жителям наиболее удобный метод для совместного ведения их общественных дел.

Согласно полицейскому постановлению, о котором я уже упоминал, каждый свободный человек старше двенадцати лет был обязан вступить в определенную ассоциацию, которую он не мог покинуть без разрешения начальника. Незнакомец не мог оставаться у друга более двух дней, если только его хозяин не поручился за него, и по истечении сорока дней он был вынужден взять себя под наблюдение какой-нибудь ассоциации. Примечательно, что детали этих законов классификации и субординации были почти одинаковыми во всех частях Римской империи, оккупированных варварами, — в Галлии и Испании, а также в Англии. Когда один из членов специальной ассоциации совершал преступление, ассоциация была обязана привлечь его к судебной ответственности. Этот момент вызвал много дискуссий среди ученых людей.

Окружные суды.

Некоторые утверждали, что ассоциация внесла залог за своих членов не только за их явку в суд, но и за преступление, которое они, возможно, совершили. Я думаю, что каждая англосаксонская ассоциация была обязана только привлечь виновного к суду. Если он совершал побег, ассоциация должна была доказать, иногда с помощью двенадцати, а иногда и тридцати свидетелей, что ей ничего не было известно о его местонахождении; и она была оштрафована только тогда, когда не могла представить свидетелей, доказывающих, что она не способствовала его побегу. Это обязательство каждой местной корпорации платить за своих виновных и отсутствующих членов существовало в то время и в Галлии. Более того, галльская корпорация несла ответственность за приведение приговора в исполнение: я не думаю, что это имело место в Англии, где она была обязана только привлечь виновного к суду.

Второй целью такого раздела земли было создание центров объединения, где жители могли бы обсуждать вопросы, представляющие общий интерес. В каждом графстве и в каждом подразделении графства землевладельцы проводили собрания, на которых обсуждали дела местной ассоциации, к которой они принадлежали. Таким образом, первоначально существовали не только окружные суды, но и суды сотен и суды десятины, которые часто собирались. Постепенно, по мере того как круг интересов этих небольших ассоциаций постоянно расширялся, суды по сбору десятины пришли в упадок. Дворы ста просуществовали более длительный период и даже сейчас сохраняют некоторую тень существования. Саксы, однако, рассеявшись по стране и занятые своими военными и сельскохозяйственными работами, постепенно утратили привычку посещать эти собрания. Не имея почти никаких письменных прав, которые можно было бы защищать, и их редко беспокоили в их жилищах, они жили, не беспокоясь о свободе, которая никогда не подвергалась сомнению. Главной гарантией свободы индивидов в то время была их изоляция: активный надзор, которого это требует, когда правительство оказывает прямое и частое влияние на управляемых, был бы для них бесполезным и утомительным бременем. Королям было поручено, так сказать, заставить их сохранить свои старые институты. Ательстан постановил, что окружные суды должны собираться раз в три месяца. На них присутствовало мало людей, и возникла необходимость в дальнейших послаблениях. Окружным судам разрешалось собираться только два раза в год. Все землевладельцы имели право присутствовать на их собраниях. Обсуждались вопросы внутреннего управления графством, содержания дорог и мостов, поддержания в исправности фортов, которые римляне построили для защиты страны от вторжений пиктов и скоттов и которые до сих пор использовались для тех же целей. Все государственные дела рассматривались в окружном суде под председательством *олдермена*. На его заседаниях набирались вооруженные силы, вершилось правосудие и рассматривались церковные дела. Все публичные акты - продажи, вольноотпущенные, завещания - совершались перед ним, и публичность собрания придавала этим актам аутентичный характер. Однако каждое действие было удостоверено определенным количеством свидетелей, и впоследствии эти деяния были переписаны и вставлены в приходскую Библию.

Происхождение жюри.

На этих собраниях мы также узнаем о происхождении *Жюри*. Когда предстояло решить вопрос о судебном разбирательстве, олдермен направил несколько свободных людей, принадлежащих к тому же классу, что и противоборствующие стороны, к месту, где произошел спор, чтобы

ознакомиться с фактами дела. Этих людей называли *ассессорами*, и когда они возвращались в окружной суд, снабженные необходимой информацией, они, естественно, становились судьями по делу, которое расследовали. Спорящие стороны публично заявили о своей правоте и были обязаны доказать свою правоту свидетелями, *compurgatores*. Много спорили о том, возник ли институт присяжных из-за этих свидетелей или из-за заседателей. На мой взгляд, это было результатом ни того, ни другого, а обоих вместе взятых. В создании крупного института почти всегда есть что-то сложное. Присяжные возникли в какой-то мере спонтанно, в результате объединения различных классов лиц, которые объединились для расследования и вынесения решения по делу. При англосаксонской монархии это был не очень четко определенный институт. Это не было повсеместным на практике, его правила часто нарушались: и Альфред, который был восстановителем древних институтов страны, повесил олдермена, который вынес решение без содействия своих заседателей.

Назначение мировых судей.

Председатели этих различных территориальных подразделений, окружных судов, сотенных судов и десятинных судов, сначала избирались землевладельцами. Я не предполагаю, что выбор был сделан отдельными голосами, а скорее молчаливым согласием, данным под личным влиянием определенных людей. Иногда, однако, чтобы устранить затянувшиеся беспорядки и устранить пагубные последствия этого влияния, центральная власть вмешивалась в назначение этих магистратов. Когда Альфред победил датчан, он пожелал исправить злоупотребления, которые военные невзгоды привнесли в отправление правосудия; он присвоил себе право выбирать *центуриев* и десятинников, и это новшество было настолько далеко от того, чтобы считаться узурпацией прав нации, что современные историки восхваляют монарха за то, что он дал народу таких хороших судей. Систематический конфликт правителей с управляемыми еще не начался; пределы их соответствующих прав и обязанностей не были ни установлены, ни признаны, и поскольку власть еще не была расточительной в своих требованиях, люди не чувствовали, что их права ущемляются; необходимость или временная полезность были критериями, которые определяли ценность той или иной меры. Мы не находим, чтобы короли, сменившие Альфреда, сохранили это право назначения. При Эдуарде Исповеднике магистраты графств выбирались землевладельцами. Завоевание Вильгельма Нормандского в значительной степени уничтожило эти свободные обычаи. Олдермен, долгожитель и сборщик десятины исчезали на глазах у феодалов или сами становились феодалами. Собрания свободных людей, однако, по-прежнему сохраняли за собой право назначать своих соответствующих должностных лиц. Шериф был заменен олдерменом, сотник слился с верховным констеблем, а мелкий констебль занял место сборщика десятины. Это были служители народа, муниципальные служащие.

Таково краткое описание местных институтов, которые при англосаксонской монархии поддерживали внутренний порядок государства и служили гарантами общественной свободы. Это были сильные институты, которые феодализм не смог ниспровергнуть и которые в более поздний период создали в Англии представительное правление, хотя они и не содержали, как вы сейчас увидите, истинного принципа представительного правления.

Виттенагемот.

Теперь перейдем к центральным учреждениям. У англосаксов их было два: национальное собрание и королевская канцелярия.

Тацит описал вам общие собрания древних германцев. На этих собраниях ничего не решалось без согласия каждого свободного человека. Каждый человек обладал своими личными правами и влиянием и пользовался ими. Влияние вождей было велико. Предводители своих людей на войне, они стали, когда их завоевание было завершено, главными, фактически почти единственными землевладельцами, и таким образом они сохранили среди себя, хотя другие не были исключены юридически, практику формирования национальных собраний. Каждое королевство Саксонской гептархии имело свое собственное, и вполне вероятно, что таны, или землевладельцы, обеспечивали принятие и исполнение решений этого собрания среди кеоров, живших в своих поместьях. Когда Гептархия была объединена в единое королевство, была учреждена только одна генеральная ассамблея; и поскольку ее заседания проводились в центральной местности, на большом расстоянии от многих частей королевства, крупные собственники были единственными людьми, которые могли регулярно присутствовать. Это собрание называлось *Виттенагемот*, или собрание мудрецов. Из исторических документов мы узнаем, что в его состав входили епископы, аббаты, настоятельницы, герцоги и графы; но мы также находим эти слова, расплывчатость которых дала повод для самых разных объяснений: "такое решение было принято *coram proceribus aliorumque fidelium infinitâ multitudine*." Некоторые ученые мужи, сторонники абсолютной власти, сделали из этого вывод, что она существовала при самом зарождении общества; и они утверждают, что названия собрания, *Виттенагемот*, было само по себе достаточным доказательством того, что оно состояло только из судей и делегатов суверена. Другие авторы, которые являются ревностными защитниками прав народа, придерживались мнения, что это множество присутствующих были представителями различных графств и районов. Я думаю, что обе эти системы ложны. Что касается первой, очевидно, что в тот период не существовало отдельного класса судей; государственные служащие тогда не классифицировались так, как сейчас, и выражение *мудрецы* в равной степени применялось бы ко всем тем, чье положение возвышало их над "вульгарным стадом". Что касается второй системы, я должен сказать, что в тот период не было никакой идеи представительства.

Его члены.

Любой, кто имел право присутствовать на собрании, отправлялся туда лично. Доверенные лица не допускались. Никому не разрешалось входить на собрание ни под каким именем, кроме своего собственного. Когда мы перейдем к рассмотрению принципов представительного правления, мы увидим, что формирование древнегерманских собраний было основано на принципах права личности и суверенитета масс, — принципах, из которых представительное правление не брало своего истока. Кроме того, города в тот период находились в столь плачевном состоянии, что для них было невозможно назначить представителей. В Йорке, втором городе Англии, проживало тысяча четыреста восемнадцать семей, а в Бате - шестьдесят четыре. Закон короля Ательстана гласит, что никто не входил и не мог входить в собрание, кроме как по собственному желанию; говорится, что каждый владелец, владеющий пятью шкурами земли, и каждый купец, совершивший три путешествия в чужие страны, должны быть

причислены к танам и как таковые допущены в Виттенагемот. Неравенство условий, однако, продолжало увеличиваться. Те национальные собрания, в которых первоначально имели право заседать все свободные люди, вскоре, как вы видели, стали проводиться только землевладельцами. Постепенно, по мере централизации власти и усиления доминирующего влияния, мелкие собственники перестали пользоваться правом, которое потеряло для них всякую ценность, и крупные землевладельцы остались бесспорными хозяевами поля. Диспропорция между двумя классами была настолько велика, что соревнование было невозможно. Поскольку каждый человек выступал от своего имени, каждый приносил с собой свое личное влияние и частные интересы. Генеральная ассамблея стала ареной для индивидуальных споров. Это было необходимым следствием принципа, который, призывая всех людей осуществлять одно и то же право, ставил неравенство в такое положение, которое было наиболее благоприятным для развития их власти и эгоизма. Это работа совершенно иного принципа - искать среди масс людей, наиболее подходящих для того, чтобы представлять их, направлять этих людей в центральную ассамблею, чтобы обеспечить соблюдение всех прав во имя справедливости и, таким образом, предотвратить пагубные последствия, которые должны возникнуть в результате естественного или социального неравенства человечества, путем создания искусственного, но справедливого равенства среди их представителей, которое оставляет им только законное влияние их талантов и характера.

Характер англосаксонской монархии.

Но основание такого правительства - дело веков. Нации в своем младенчестве не могут обладать им. Англосаксонская монархия представляла собой постоянный конфликт индивидуальных интересов, который продолжался в Виттенагемоте, как и в других местах, и его общая тенденция заключалась в постоянно растущем преобладании крупной земельной собственности.

Лекция V.

Виттенагемот; его деятельность и власть.

Способ его созыва.

Превратности его характера и важности.

Королевская должность у англосаксов.

Масштабы и прогресс королевской власти.

Дело Виттенагемота.

Мы уже рассмотрели происхождение и состав Виттенагемота, или генеральной ассамблеи англосаксов, теперь нам остается поговорить о его атрибутах и способе созыва.

В зачаточном состоянии общества все запутано и неопределенно; пока еще нет фиксированной и точной демаркационной линии между различными властями в государстве; и таким образом, мы обнаруживаем, что атрибуты Виттенагемота были довольно неопределенными. Не было

установленной границы, за которой прекращалась его власть и начиналась власть монархии; обе страны объединились, чтобы вести все дела нации, и, если мы хотим установить, какую роль на самом деле сыграл Виттенагемот в этом деле, мы должны обратиться к истории, каковы были его реальные атрибуты.

Защита королевства была главным делом национальных собраний. Мы не должны предполагать, что обязанность военной службы возникла одновременно только с феодализмом; независимо от всех феодальных уз, это была обязанность, возложенная на каждого свободного человека в стране, точно так же, как в наши дни каждый гражданин Франции обязан явиться на воинскую повинность. Виттенагемот приказал взимать поборы с землевладельцев, которые, в свою очередь, создавали свободных людей, проживающих в их поместьях.

Виттенагемот также вводил налоги; однако в тот период государственных налогов почти не было; первый был взимается вследствие датского вторжения, и в законе, который его вводил, прямо указано, что на это было получено согласие всех членов, присутствующих в Виттенагемоте.

Окружные суды, как мы видели, обеспечивали содержание дорог общего пользования, мостов и фортов. Из обсуждений в англосаксонском национальном собрании мы узнаем, что подобные вопросы также находятся в его ведении.

Поскольку право чеканки денег принадлежало не только королю, но также церкви и многим могущественным подданным, Виттенагемот контролировал этот вопрос и предотвратил обесценивание монеты.

Мы также находим, что он ратифицирует или отменяет те акты окружных судов, которые относились не к частным делам, а к делам общей важности.

Принцип ответственности представителей власти не был более четко и прочно установлен в англосаксонской монархии, чем другие великие принципы свободного правления; но, тем не менее, он применялся на практике в беспорядке. Смутное чувство справедливости пронизывало эти национальные собрания; они пресекали крупные злоупотребления, но часто наказывали несправедливость за несправедливость.

Надзор за королевскими владениями.

Виттенагемот в Англии обладал властью, которой обычно не пользовались соответствующие собрания на Континенте; он осуществлял надзор за королевскими владениями. Первоначально короли, как и другие землевладельцы, жили на доход, получаемый от их собственных поместий. Их собственностью были частные владения, которыми они управляли по своему усмотрению. С течением времени эти владения значительно расширились за счет конфискаций; но короли, вынужденные защищать свою пошатнувшуюся власть от частых нападков, которым она подвергалась, постоянно уменьшали свои владения за счет подарков могущественным и грозным вождям. Часто также, когда они были сильны, они возвращали дары, которые необходимость вымогала у них. Мало полагаться на эти чисто королевские пожертвования, если только они не были утверждены с согласия национального собрания; и знание того, что, если бы королю было разрешено это принудительное обветшание его собственных владений,

Виттенагемот однажды был бы вынужден отремонтировать их и возместить монарху потерю его частных владений, — вот причины, которые привели к вмешательству национального собрания в управление королевскими владениями. Во Франции эти владения не так скоро попали под влияние национальных собраний, но гораздо дольше оставались частной собственностью королей.

Руководство церковными делами.

Одним из важнейших атрибутов Виттенагемота было руководство церковными делами. Аббаты и епископы, да и все высшее духовенство, были членами этого собрания. Во Франции, хотя духовенство входило в состав национальных собраний, оно занималось своими делами как отдельный орган и общалось непосредственно с королем. В Англии церковные вопросы, как и все другие дела, обсуждались на генеральной ассамблее. Например, когда миссионеры из Рима приехали пригласить королей Гептархии принять христианскую религию, короли ответили, что они должны спросить согласия Виттенагемота. В Швеции король, который сам уже стал новообращенным, предложил собравшемуся сейму принять христианство. Сейм санкционировал новую религию, но сохранил старое вероучение, и это одновременное исповедание двух религий продолжалось значительное время. Виттенагемоту не всегда приходилось обсуждать такие важные вопросы, как обращение нации; он назначал епископов и рукополагал или санкционировал основание аббатств.

Последним делом англосаксонского национального собрания было получение жалоб и петиций с осуждением злоупотреблений. Таким образом, иногда оно становилось судебным органом, рассматривающим апелляции крупных землевладельцев; но оно редко выступает в таком качестве: это было прежде всего политическое собрание, в то время как на Континенте национальное собрание часто действовало как судебный трибунал.

Теперь я указал на различные функции Виттенагемота, и вы смогли из актов этого собрания составить о нем достаточно точное представление. Что касается его созыва, первоначально его заседания были частыми, но, чтобы не слишком утомлять его членов, возникла необходимость сократить их до двух, проводимых весной и осенью, как на Континенте. Право созыва Виттенагемота вскоре стало одной из прерогатив короны. Этот отказ от столь важной привилегии очень характерен для эпохи, в которую политическое благоразумие неизвестно, а недоверие проявляется лишь изредка, да и то в виде восстания. Казалось естественным, что король, непосредственный средоточие всех интересов и потребностей нации, созывает ассамблею по неотложным делам, с которыми он был знаком лучше, чем кто-либо другой; после его смерти крупные землевладельцы собрались спонтанно, чтобы обсудить смену династии или порядок наследования.

Неприкосновенность членов Виттенагемота признавалась с того дня, когда они отправлялись на собрание, до того дня, когда они снова возвращались домой, при условии, что они не были отъявленными разбойниками.

Характер Виттенагемота.

Подводя итог тому, что я сказал, можно сказать, что генеральная ассамблея англосаксов, как и большинства немецких наций, в Германии состояла из всех свободных людей; после завоевания она состояла только из землевладельцев; а ближе к концу монархии в ней участвовали только самые богатые собственники. Каждый человек пришел по своему праву и от своего имени; согласно хартии короля Ательстана, он мог прислать доверенное лицо вместо себя. Этот неоспоримый признак права личности все еще существует в Англии. В Палате пэров каждый пэр может голосовать по доверенности и от своего имени. Именно от Виттенагемота на этом последнем этапе его существования и от прав сюзеренитета, которые нормандский феодализм предоставил королю над крупными баронами, унаследовавшими свои титулы непосредственно от него, берет свое начало Английская палата пэров в том виде, в каком она существует сейчас. В Виттенагемоте последней эпохи англосаксонской монархии мы не можем различить ни одного из двух элементов, составлявших Палату общин в более поздний период. Города почти не существовали и поэтому не могли прислать депутатов: графства никогда их не присылали. Виттенагемот был всего лишь собранием могущественных людей государства, которые пришли сюда по собственному почину и в своем личном праве. Большинство других людей пренебрегали правами, которые были слишком трудны для них в осуществлении, и реальным бессилием, которое они ощущали; пренебрегая их осуществлением, они в конце концов теряли их; и когда потребности в свободе взбудоражили более развитое и менее удовлетворенное состояние общества, потребовался новый труд, чтобы восстановить гражданам права, которым они позволили погибнуть из-за отсутствия необходимости и способностей.

Королевская должность.

Вторым из центральных институтов англосаксов была королевская канцелярия. Важный факт отличал образование всех государств германского происхождения, и это быстрое установление наследственной монархии, которая была доминирующим характером этого института в тот период, какую бы смесь выборов в нем ни можно было разглядеть. Причины этого просты. В воинственных племенах, по крайней мере, на войне, есть один вождь; человек величайшей доблести и самого большого опыта говорит своим товарищам: "Пойдем со мной — я поведу тебя туда, где ты сможешь добыть богатую добычу"; его предложение принимается, и по общему согласию он становится руководителем экспедиции. Таким образом, при зарождении общества власть не передается; тот, кто способен это сделать, принимает ее с согласия других. Здесь нет выборов в собственном смысле этого слова, а есть только признание власти. Лидер, прошедший одну или несколько удачных экспедиций, приобретает большое значение благодаря успеху; его влияние со временем возрастает, и он передает своей семье приобретенные им влияние и власть. Эта семья, таким образом, наделенная фактическим превосходством, приобретает естественную привычку командовать, которую остальные вскоре привыкают признавать. Более того, среди немцев идея религиозного родства внесла значительный вклад в установление наследственной монархии. Выбирать королей из божественной расы было почти национальным долгом; и все королевские семьи были потомками Одина.

Таким образом, наследственная монархия преобладала среди этих народов; но выбор среди членов королевской семьи существовал издавна. Было совершенно необходимо, чтобы король

был способным человеком в том состоянии общества, в котором люди еще не знали об искусственных средствах, восполняющих недостатки королевской недееспособности. Таким образом, сам Альфред не просто основывал свое право на троне на завещании своего отца и соглашении со своим братом; но он основывал его, в частности, на согласии всех крупных собственников королевства Уэссекс. Сила иногда серьезно ограничивала наследственное право; но узурпация трона всегда ассоциировалась с идеей нарушения какого-либо права, и узурпаторы неизменно стремились искупить это нарушение браком с представителем законной расы.

Обязанности королей.

Королей при англосаксонской монархии сначала называли *еретогами*, предводителями армий; но было бы ошибкой объяснять и ограничивать их прерогативы именем, которое они носили. Сила оружия была тогда так велика, а все другие державы казались настолько низшими и подчиненными ей, что все они попадали под общий термин, который заключал в себе почти все идеи силы и империи. Под этим единым наименованием были объединены самые разные власти, и мы не должны предполагать, что короли ограничивали свои функции теми, на которые это, по-видимому, указывает; англосаксонские короли были не просто военачальниками; они управляли всей внутренней администрацией королевства совместно с Виттенагемотом. Их атрибуты были не более определяющими, чем у этого собрания. С его помощью они руководили всеми делами нации; и их наблюдение, будучи постоянным, было более пристальным и активным. К ним обращались как к высшему авторитету, а также как к обладателям наибольшей информации о государственных делах. Таким образом, право председательствовать на генеральных ассамблеях и предлагать темы для обсуждения принадлежало исключительно им.

Однако королевская власть, не подкрепляемая сильной и регулярной организацией, ослабевала по мере того, как крупные собственники усиливали свое влияние и прочно обосновывались в своих владениях. К концу англосаксонской монархии крупные землевладельцы, единоличные хозяева в своих поместьях, начали все делать сами. Они чеканили деньги, вершили правосудие и набирали солдат. И мы не должны воображать, что это присвоение суверенных прав местными вождями было расценено народом как акт беззакония и насилия: это было необходимостью социального положения страны. Королевская семья была не более способна обладать всей центральной властью, чем нация была способна поддерживать и осуществлять все свои свободы.

Лекция VI.

Истинный принцип представительного правления.

Ошибка классификации правительств в соответствии с их внешними формами.

Ошибка Монтескье относительно происхождения представительной системы.

Необходимая взаимосвязь и одновременное формирование общества и правительства.

Ошибочная гипотеза Руссо об общественном договоре.

Природа законного суверенитета.

Запутанные и противоречивые идеи, высказываемые по этому поводу.

Общества, как и отдельные личности, обладают правом подчиняться законам справедливости и разума.

Правительствам следует постоянно напоминать об их обязанности изучать эти законы и соблюдать их.

Классификация правительств по этому принципу.

Принцип представительного правления.

Я предлагаю изучить политические институты современной Европы в их раннем зачаточном состоянии и выяснить, что у них общего с представительной системой правления. Моей целью будет выяснить, достигла ли тогда эта форма правления какой-либо степени развития или даже существовала только в зародыше; в какое время и в каких местах она впервые появилась, где и при каких обстоятельствах она процветала или потерпела крах. Я только что исследовал примитивные институты англосаксов. Прежде чем оставить наше рассмотрение Англии, мне, возможно, было бы неплохо сравнить эти институты с основным типом представительного правительства, чтобы увидеть, в чем они согласуются и в чем отличаются. Но этого типа пока нет в нашем распоряжении. Чтобы найти его, я вернусь к основному принципу представительного правления, к исходным идеям, из которых оно проистекает; и я сравню эту идею с фундаментальной идеей, лежащей в основе англосаксонских институтов.

Ошибка Монтескье.

Человеческий разум естественным образом склонен судить о природе вещей и классифицировать их в соответствии с их внешними формами; соответственно, правительства почти неизменно были организованы в соответствии с различиями, которые вовсе не относятся к их неотъемлемому характеру. Там, где не было немедленно признано ни одного из тех позитивных институтов, которые, согласно нашим нынешним представлениям, представляют и гарантируют политическую свободу, считалось, что никакой свободы не может существовать и что власть должна быть абсолютной. Но в человеческих делах смешиваются различные элементы: ничто не существует в простом и чистом виде. Как некоторые следы абсолютной власти можно обнаружить в основе свободных правительств, так и некоторая свобода существовала при правительствах, по всей видимости, основанных на абсолютизме. Ни одна форма общества полностью не лишена разума и справедливости, ибо, если бы все разум и справедливость были изъяты, общество бы погибло. Иногда мы можем видеть, что правительства, по-видимому, самого противоположного характера, производят те же результаты. В течение семнадцатого и восемнадцатого веков представительное правительство подняло Англию на высшую ступень морального и материального процветания; а Франция в тот

же период преумножила великолепие, богатство и просвещение при абсолютной монархии. Я не собираюсь этим создавать впечатление, что формы правления неважны и что все они дают результаты одинакового качества и ценности; я просто хочу намекнуть, что мы не должны оценивать их только по некоторым результатам или по их внешним признакам. Чтобы в полной мере оценить правительство, мы должны проникнуть в его основные и конституирующие принципы. Тогда мы увидим, что многие правительства, которые значительно различаются по своим формам, могут быть основаны на одних и тех же принципах; и что другие, которые кажутся похожими друг на друга по своим формам, отличаются в фундаментальных отношениях. Везде, где проводились выборы и собрания, считалось, что в них должны быть обнаружены элементы представительной системы. Монтескье, рассматривая представительное правление в Англии, пытался проследить его происхождение от старых германских институтов. "Эта благородная система, - говорит он, - зародилась в лесах". Видимость обманула Монтескье; он просто принимал во внимание внешние характеристики представительного правительства, а не его истинные принципы и тенденции. Это поверхностный и ложный метод, который классифицирует правительства в соответствии с их внешними характеристиками; монархия - правление одного человека; аристократия - правление нескольких; демократия - правление народа, всеобщий суверенитет. Эта классификация, основанная только на одном частном факте и на определенной материальной форме, которую принимает власть, не проникает в суть тех вопросов, или, скорее, того вопроса, решением которого определяется природа и тенденции правительств.

Общество и власть.

Этот вопрос звучит так: "Каков источник суверенной власти и каков ее предел? Откуда она исходит и где заканчивается?" В ответе на этот вопрос задействован реальный принцип правления; ибо именно этот принцип, влияние которого, прямое или косвенное, скрытое или явное, определяет направления развития обществ и их судьбу.

Где нам искать этот принцип? Является ли он простым условным устройством человека? Предшествует ли его существование существованию общества?

Два факта — общество и правительство - взаимно подразумевают друг друга; общество без правительства не более возможно, чем правительство без общества. Сама идея общества с необходимостью подразумевает идею правления, универсального закона, то есть правительства.

Что же тогда является первым социальным законом? Спешу его озвучить: это справедливость, разум, правило, зародыш которого каждый человек носит в своей груди. Если человек только уступает превосходящей силе, он по-настоящему не подчиняется закону; нет ни общества, ни правительства. Если в своих отношениях с ближними человек подчиняется не только силе, но и закону, тогда общество и правительство существуют. В отречении от силы и повиновении закону состоит фундаментальный принцип общества и правительства. При отсутствии этих двух условий нельзя с полной уверенностью сказать, что ни общество, ни правительство не существуют.

Это необходимое сосуществование общества и правительства показывает абсурдность гипотезы общественного договора. Руссо представляет нам картину людей, уже объединенных

в общество, но без правил, и прилагающих усилия для его создания; как будто общество само по себе не предполагает существования правила, которому оно обязано своим существованием. Если нет правления, то нет и общества; есть только индивиды, объединенные и удерживаемые вместе силой. Таким образом, эта гипотеза о первобытном договоре как единственном законном источнике социального права основывается на предположении, которое неизбежно ложно и невозможно.

Принцип правления.

Противоположная гипотеза, которая считает происхождение общества в семье и в праве отца на своих детей, менее спорна, но она неполная. Безусловно, существует некая форма общества между родителями и их подрастающим потомством; но это общество в некотором роде одностороннее, о котором ни одна из сторон не имеет никакого истинного представления. Общество, будь то в семье или вне семьи, является полноценным только тогда, когда все его члены, как те, кто командует, так и те, кто повинует, признают, более или менее смутно, определенное верховное правило, которое не является ни произвольным проявлением воли, ни действием одной только силы. Следовательно, идея общества с необходимостью предполагает другую идею, идею правительства; а идея правительства содержит в себе две другие идеи: идею совокупности индивидов и идею правила, применимого к ним, — правила, которое составляет право самого правительства; правила, которые индивиды, подчиняющиеся ему, не сами создали и которым они морально обязаны подчиняться. Ни одно правительство никогда полностью не пренебрегало этим высшим правилом, никто никогда не провозглашал силу или каприз единственным законом общества. В поисках принципа правления мы обнаружили, что принцип социального права является основным источником любого законного суверенитета. В этом законе законов, в этом правиле всякого правительства заключается принцип правления.

Теперь возникают два важных вопроса. Как формируется закон и как он применяется? В этом заключается отличный характер различных форм правления; в этом они различаются.

Право на суверенитет.

Даже до нового времени преобладало убеждение, что примитивное и абсолютное право на законотворчество, то есть право суверенитета, принадлежит определенной части общества, независимо от того, принадлежит ли это право одному человеку, нескольким или всем; мнение, которому постоянно противостоят факты и которое не выдерживает проверки разумом. Право определять и обеспечивать соблюдение правил - это право на абсолютную власть; та сила, которая обладает этим правом по своей сути, обладает абсолютной властью, то есть правом на тиранию. Возьмем три великие формы правления - монархию, аристократию и демократию - и посмотрим, можно ли найти случай, когда право суверенитета принадлежало одной, нескольким или всем, при котором тирания не обязательно возникала. Факты были логически правильными — они вывели из принципа его необходимое следствие.

Однако сила истины такова, что это заблуждение не могло царить единолично и безраздельно. В то самое время, когда люди, казалось, верили, и теоретически действительно верили, что примитивная и абсолютная власть издавать законы принадлежит кому-то одному, будь то

монарх, сенат или народ, в то же время они боролись против этого принципа. Во все времена люди пытались ограничить власть, которую они считали совершенно законной. Никогда силе, хотя и наделенной правом суверенитета, не позволялось развивать это право в полном объеме. Янычары в Турции иногда служили абсолютной власти султана, иногда отменяли ее. В демократических странах, где правом суверенитета наделены народные собрания, постоянно предпринимались усилия по противодействию условиям, препятствиям и ограничениям этого суверенитета. Всегда, во всех правительствах, которые являются абсолютными в принципе, какой-то протест был направлен против этого принципа. Откуда исходит этот всеобщий протест? Мы могли бы, глядя протона поверхность вещей, поддаться искушению сказать, что это всего лишь борьба сил. Это существовало, без сомнения, но наряду с этим существовал другой, более грандиозный элемент; в каждом человеческом духе живет инстинктивное чувство справедливости и разума. Тирании противостояли, будь то тирания отдельных людей или масс, не только сознанием власти, но и чувством справедливости. Именно это сознание справедливости и правоты, то есть правления, независимого от человеческой воли, — сознание часто неясное, но всегда могущественное, — рано или поздно пробуждает людей и помогает им противостоять любой тирании, каковы бы ни были ее название и форма. Итак, голос человечества провозгласил, что право на суверенитет, которым наделен человек, будь то один, многие или все, является незаконной ложью.

Итак, если право суверенитета не может быть предоставлено какому-либо одному человеку или группе людей, то где оно находится и на каком принципе оно основывается?

Истинный Закон общества.

В своей внутренней жизни — в своих отношениях с самим собой, если мне будет позволено так выразиться, а также во внешней жизни и в отношениях со своими братьями — человек, который чувствует себя свободным и способным к действию, всегда имеет представление о естественном законе, которым регулируются его действия. Он распознает нечто, что не является его собственной волей и что должно регулировать его волю. Он чувствует себя обязанным разумом или моралью совершать определенные вещи; он видит или чувствует, что есть определенные вещи, которые он должен или не должен делать. Это нечто есть закон, который выше человека и создан для него, — божественный закон. Истинный закон человека — это не дело рук человека; он принимает, но не создает его; даже когда он подчиняется ему, он не принадлежит ему, — он находится за пределами и выше него.

Человек не всегда подчиняется; проявляя свою свободную волю и несовершенную природу, он не всегда подчиняется этому закону. На него влияют другие принципы действия, отличные от этого, и хотя он понимает, что побуждающие его мотивы порочны, тем не менее он часто уступает им. Но независимо от того, подчиняется он или нет, высший закон для человека существует всегда — в своих самых смелых мечтах он осознает его как поставленный над ним.

Таким образом, мы видим, что индивид всегда находится в присутствии закона, которого он не создавал, но который утверждает свои права на него и никогда не покидает его. Если он войдет в общество со своими братьями или окажется таким образом связанным, какими еще правилами, кроме этого, он будет обладать? Должно ли человеческое общество предполагать отречение от человеческой природы? Нет; человек в обществе должен оставаться и остается по существу таким же, как и в своем индивидуальном качестве; и поскольку общество — это не что

иное, как совокупность индивидов, высший закон общества должен быть таким же, как тот, который осуществляет законный контроль над самими индивидами.

Итак, здесь мы открыли истинный закон общества — закон правления; это тот же закон, что и тот, который связывает индивидов. И поскольку для отдельного человека истинный закон часто неясен, и поскольку индивид, даже когда он знает его досконально, не всегда следует ему безоговорочно; точно так же и в отношении правительства, каким бы оно ни было, его истинный закон, который всегда должен доходить до него через посредство человеческого разума, который всегда подвержен влиянию страсти и ограничен слабостью, — не всегда воспринимается и не всегда соблюдается. Таким образом, невозможно приписать одному человеку или нескольким обладание неотъемлемым правом на суверенитет, поскольку это означало бы предположить, что их идеи и склонности во всех случаях соответствовали требованиям справедливости и разума, — предположение, которое радикальное несовершенство нашей природы ни на минуту не позволяет нам признать.

Классификация правительств.

Однако именно из-за того же несовершенства люди приняли или, скорее, создали для себя идолов и тиранов. Готовый закон, созданный для них, оказался более удобным, чем те кропотливые и неустанные поиски разума и справедливости, которые они чувствовали себя обязанными предпринять по велению властного голоса той совести, которую они не могли полностью заглушить. Тем не менее людям никогда не удавалось полностью обмануть свою совесть или заглушить ее слова. Совесть побеждает все механизмы человеческого невежества или безразличия и заставляет людей бороться за себя, несмотря на их собственное нежелание. Фактически, никогда люди полностью не признавали суверенитета, право на который они признавали; и невозможность их такого согласия на это ясно указывает на сверхчеловеческий принцип, который включает в себя суверенитет. В этом принципе мы должны искать истинное различие между правительствами.

Таким образом, классификация, которую я собираюсь представить, не является просто произвольной и надуманной; она касается не внешних форм, а сущностной природы правительств. Я различаю два вида. Во-первых, есть те, кто приписывает суверенитет как право, принадлежащее исключительно отдельным лицам, будь то одному, многим или всем тем, кто составляет общество; и они, в принципе, являются основателями деспотизма, хотя факты всегда более или менее решительно протестуют против этого принципа; и абсолютное повиновение, с одной стороны, и абсолютная власть, с другой, никогда не существуют в полной силе. Второй класс правительств основан на истине, что суверенитет как право не принадлежит никому вообще, поскольку совершенное и непрерывное понимание, неизменное применение справедливости и разума не принадлежат нашей несовершенной природе.

Представительное правительство основывается на этой истине. Я не говорю, что оно основано на полном рефлексивном признании принципа в той форме, в которой я его изложил. Правительства формируются не более, чем великие поэмы, по *априорной* модели и в соответствии с определенными предписаниями. Я утверждаю, что представительное правительство не считает суверенитет неотъемлемо присущим какому-либо лицу, что все его

полномочия направлены на обнаружение и добросовестное выполнение того правила, которое должно когда-либо управлять их действиями, и что право на суверенитет признается только при условии, что оно должно постоянно оправдываться.

Цель представительного правления.

Паскаль сказал: "Множественность, которая не сводится к единству, есть путаница. Единство, которое не является результатом множественности, есть тирания". Это самое удачное выражение и самое точное определение представительного правления. Плюрализм - это общество; единство - это истина, это объединенная сила законов справедливости и разума, которые должны управлять обществом. Если общество остается всостоянии плюрализма, если разрозненные воли не объединяются под руководством общих правил, если все они в равной степени не признают справедливость и разум, если они не сводятся к единству, общества нет, есть только беспорядок. И единство, которое не возникает из множественности, которое было насильственно навязано ему одним или многими, независимо от их числа, в силу прерогативы, которую они присваивают как свое исключительное владение, является ложным и произвольным единством; это тирания. Цель представительного правительства состоит в том, чтобы одновременно воздвигнуть барьер тирании и беспорядку и привести плюрализм к единству, представив себя для его признания.

Давайте теперь посмотрим на центральный факт этого метода правления, на то, какими средствами он достигает своей цели и в каких формах развивается его принцип.

Представительное правительство, где бы оно ни существовало или продолжает существовать, состоит из различных элементов власти, равных между собой, хотя один из них, монархический или демократический, обычно сохраняет определенные особые права. Количество и форма этих полномочий не обязательно являются определенными или равными; в настоящее время во Франции их три: королевская власть, Палата пэров и Палата депутатов. Эти три силы исходят из разных источников и являются результатом различных социальных потребностей. Ни один из них, изолированный от остальных, не обладает правом суверенитета: от них требуется, чтобы они совместно стремились к законному правлению, и предполагается, что они обладают им только тогда, когда они нашли его в результате совместного обсуждения, до или после действия. Общество обязано подчиняться этому правилу, обнаруженному таким образом; но поскольку не все эти полномочия являются фиксированными и неизменными, то и суверенитет права не пребывает среди них постоянно. Избирательный принцип, который по самой своей природе изменчив, может изменять свою идею и цель и оказывать на другие силы влияние, которое периодически меняется. Если различные державы не приходят к согласию, они немедленно прибегают к бездействию. Суверенитет, который существует сам по себе, тогда, кажется, не решается проявить себя, и правительство остается в подвешенном состоянии. Чтобы вывести его из этого состояния, за королевской семьей было сохранено право создавать пэров и распускать Палату депутатов. Затем власти вновь приступают к поиску истинного закона - работе, в которой они не должны останавливаться, пока не найдут его. Таким образом, ни одна власть не считается обладающей в полной мере законным правлением, которое по праву является принципом суверенитета. Сами выборщики не являются его абсолютными интерпретаторами, так же как пэры, депутаты или король. Избиратели с самого начала не говорят своим депутатам: "Такова наша воля: пусть это будет законом". Они не предписывают

им ничего конкретного; они просто возлагают на них миссию изучения и принятия решений в соответствии с их разумом. Они обязательно должны верить в просвещенность тех, кого они избирают; выборы - это испытание, налагаемое на тех, кто стремится к политической власти, и суверенное, но ограниченное право, которым пользуются те, кто наделяет политической властью тех претендентов, кого они могут выбрать.

Политические права нации.

От политических полномочий, приписываемых таким образом определенным классам, перейдем теперь к политическим правам, которые неопределенно распределены в нации. Эти права относятся к числу существенных условий представительного правления. Публичность дебатов в совещательных собраниях налагает на эти власти необходимость руководствоваться тем чувством разума и справедливости, которое присуще всем, чтобы каждый гражданин мог быть убежден, что его запросы были проведены с точностью и разумностью и что, зная, в чем недостаток, он может сам иметь возможность, если у него есть возможности, указать средство правовой защиты. Свобода открывает карьеру для этого исследования. Таким образом, каждый гражданин может помочь в открытии истинного закона. Таким образом, представительное правительство побуждает все общество — тех, кто осуществляет власть, и тех, кто обладает правами, — приступить к общему поиску разума и справедливости; оно призывает множество свести себя к единству и порождает единство из среды множественности. Общественные власти — королевская власть, совещательные палаты, выборщики — вынуждены постоянно возвращаться к этой работе в силу сущностного характера их отношений и законов их действия.

Последствия публичности.

Частные лица даже могут сотрудничать в силу публичности дебатов и свободы прессы. Я мог бы развить эту идею и показать, что все институты, которые считаются неотъемлемыми от представительного правления, даже те, которые не рассматривались как помогающие в поиске тех общих правил, которые должны преобладать в поведении правительства, проистекают из одного и того же принципа и ведут к одному и тому же результату. Публичность судебного разбирательства и те, кто входит в состав жюри присяжных, например, обеспечивают гарантию законного применения закона к конкретным делам. Но наша нынешняя забота заключается прежде всего в том, чтобы определить принцип тех существенных комбинаций, посредством которых конституируется представительное правительство; все они, очевидно, исходят из того факта, что ни один индивид не знаком полностью с тем разумом, правдой и справедливостью и неизменно соглашается с ними, которые одни могут наделять правом суверенитета и которые должны быть правилом суверенитета в том виде, в каком они фактически осуществляются. Они принуждают все державы искать это правило и предоставляют всем гражданам право помогать в этом исследовании, принимая во внимание способ, которым власти приступают к нему, и провозглашая то, что они считают требованиями справедливости и истины. Другими словами, подводя итог тому, что я сказал, представительное правление в действительности основывается на следующем ряде идей. Любая власть, существующая как факт, должна, для того чтобы стать правом, действовать в соответствии с разумом, справедливостью и истиной, единственными источниками права. Ни один человек и ни одна группа людей не могут знать и выполнять в полной мере все, что требуется разумом, справедливостью и истиной; но у них есть способность открывать это, и их можно все больше и больше приводить в соответствие с этим в своем

поведении. Таким образом, все комбинации политической машины должны стремиться, с одной стороны, извлекать все, что связано с разумом, справедливостью или истиной, существующими в обществе, чтобы применять это к практическим требованиям правительства; и, с другой стороны, способствовать прогрессу общества в области разума, справедливости и истины и постоянно воплощать этот прогресс общества в реальной структуре правительства.

Лекция VII.

Сравнение принципов различных правительств с истинным принципом представительного правления.

Аристократические правительства.

Происхождение и история слова *аристократия*.

Принцип этой формы правления; его последствия.

Как принцип представительного правления применяется в аристократических правительствах.

Демократические правительства.

Происхождение и последствия принципа суверенитета народа.

Этот принцип не идентичен принципу представительного правительства.

В каком смысле представительное правительство является правительством большинства.

Изменения в языке и обществе.

В своей предыдущей лекции я показал ошибочность тех поверхностных классификаций, которые различают правительства только по их внешним характеристикам; я распознал и точно разделил два противоположных принципа, которые оба являются основой всякого правления; я отождествил представительное правление с одним из этих принципов; я доказал, что оно не может быть выведено из другого; теперь я хочу сравнить принцип представительного правления с противоположным принципом и показать противоположное состояние правительств, которые ссылаются на него как на свою отправную точку. Я начну с рассмотрения той формы правления, которую обычно называют *аристократической*.

Аристократическое правительство.

Существует тесная связь между прогрессивными изменениями, которые можно наблюдать в языке, и теми, которые происходят в обществе. Слово *аристократия* первоначально означало империю сильных; *αἰς*, *ἀρεῖων*, *αἰστός* сначала были терминами, применяемыми к тем, кто был физически самым могущественным; затем они были использованы для обозначения самых влиятельных, самых богатых и, наконец, лучших, тех, кто обладал наибольшими способностями или добродетелями. Такова история последовательного употребления этого слова в языке, из

которого оно заимствовано; те же термины, которые впервые были применены к силе, превосходству силы, со временем стали обозначать моральное и интеллектуальное превосходство — добродетель.

Ничто не может лучше охарактеризовать прогресс общества, который начинается с преобладания силы и имеет тенденцию переходить под власть морального и интеллектуального превосходства. Желание и тенденция общества на самом деле заключаются в том, чтобы им управляли лучшие, те, кто наиболее полно знает и наиболее сердечно откликается на учения истины и справедливости; в этом смысле все хорошие правительства, и в первую очередь представительная форма правления, имеют своей целью вывести из недр общества ту истинную и законную аристократию, которая имеет право управляться и которая имеет право управлять им.

Но таковым не было историческое значение слова *аристократия*. Если мы примем это слово в соответствии с тем, как его интерпретировали факты, мы обнаружим, что оно означает правительство, при котором суверенная власть предоставляется в распоряжение определенного класса граждан, которые наделены ею по наследству, их единственной квалификацией является определенное происхождение, в более или менее исключительной, а иногда и почти полностью исключительной форме.

Я не спрашиваю, откуда взялась эта система правления; как в младенчестве общества она почти неизменно вытекала из морального превосходства его первых основателей; как сила, которая изначально была обусловлена моральным превосходством, впоследствии увековечилась сама по себе и стала узурпатором; эти вопросы, представляющие наивысший интерес, увели бы меня в сторону от моей основной точки зрения. Я ищу фундаментальный принцип аристократического правления, и я полагаю, что его можно резюмировать в следующих терминах: право на суверенитет, приписываемое если не полностью исключительному, то особенно и преимущественно определенному классу граждан, единственным притязанием которых является происхождение по определенной линии.

Этот принцип есть не что иное, как принцип суверенитета народа, ограниченного небольшим числом индивидов, меньшинством. В обоих случаях право на суверенитет вытекает не из какой-либо предполагаемой способности выполнять определенные условия и не из интеллектуального и морального превосходства, доказанного каким-либо конкретным образом, а из единственного факта рождения без каких-либо условий. В аристократической системе индивид рождается на суверенное положение просто потому, что он родился в привилегированном классе; согласно демократической системе, индивид рождается на суверенное положение благодаря тому обстоятельству, что он рожден среди человечества. Участие в суверенитете в каждом случае является результатом чисто материального факта, независимого от ценности того, кто им обладает, и от суждения тех, над кем оно должно осуществляться. Из этого очевидно следует, что аристократические правительства следует отнести к тем, которые основаны на идее, что где-то на земле существует полное суверенное право; идея, прямо противоположная, как мы видели, принципу представительного правления.

Его последствия.

Если мы посмотрим на последствия этой идеи — те последствия, которые действительно проявлялись в истории правительств такого рода, — мы увидим, что они не менее противоречат последствиям, историческим, а также естественным, представительного правления.

Чтобы сохранить право суверенитета у класса, которому оно исключительно приписывается, необходимо установить огромное неравенство на деле, а также во мнениях, между этим классом и остальными гражданами. Отсюда возникают все те учреждения и законы, которые характеризуют аристократические правительства и которые имеют своей целью сосредоточение в руках единственных обладателей суверенитета всего богатства и просвещения, а также всех различных инструментов власти. Необходимо, чтобы суверенный класс не опускался, а другие не возвышались; в противном случае фактическая власть перестанет приближаться к власти законной, легитимность последней вскоре будет поставлена под сомнение, и через короткое время ее существование окажется под угрозой.

В системе тех правительств, которые не приписывают ни одному человеку на земле права суверенитета и которые налагают на существующее правительство необходимость постоянного поиска истины, разума и справедливости как правила и источника законной власти, все классы общества постоянно приглашаются и побуждаются к самосовершенствованию. Создаются законные формы господства, которые занимают свое место; незаконные формы разоблачаются и низвергаются. Искусственному и насильственному неравенству оказывается сопротивление, и оно проявляется в своемистинном цвете; социальные силы, так сказать, вступают в соревнование, и силы, которые борются за обладание им, моральны.

Вторым следствием принципа аристократических правительств является их избегание публичности. Когда каждый из тех, кто участвует в законном суверенитете, обладает им по простой случайности рождения и пользуется им под свою личную ответственность, ему не нужно признавать, что кто-то претендует на право призвать его к ответу. Никто не имеет никакого права интересоваться, как он использует свою власть, ибо он действует в силу права, которое никто не может оспорить, потому что никто не может лишить его его. Это право, которое не нуждается в оправдании, поскольку оно связано с осязаемым и постоянным фактом.

В другой системе, напротив, публичность с необходимостью вытекает из принципа правления; поскольку право на власть вытекает из превосходства в знании и практике разума, истины и справедливости, которыми никто не должен обладать полностью и постоянно, крайне важно, чтобы это право оправдывало себя как до его принятия, так и все время, пока оно осуществляется.

Конфликт добра и Зла.

Таким образом, было бы легко, постоянно находясь в поле зрения реальных фактов, сравнить различные следствия принципа чисто аристократического правления и следствия, вытекающие из принципа представительного правления, и показать, что они всегда противоположны друг другу. Таким образом, мы должны наиболее полно продемонстрировать противоположность самих принципов и пролить более ясный свет на их истинную природу; но я уже достаточно сказал по этому вопросу. И если кто-нибудь утверждает, что я слишком строго настаивал на

выводах, которые следует делать из принципа аристократического правления, что последствия, которые я описал, никогда не проявляются столь полно, что, например, квалификация рождения никогда не обеспечивала исключительного обладания правом на суверенитет, что никогда публичность не была полностью подавлена, — я охотно соглашаюсь со всем этим. Ни в какое время, ни в каком месте злу не было позволено завладеть обществом и правительством; борьба между принципами добра и зла является постоянным состоянием мира. Ложные идеи могут иметь более или менее длительный успех, но они никогда не смогут искоренить своих богоподобных противников. Истина терпелива, — она нелегко отказывается от своей власти над обществом, — она никогда не отказывается от своей цели, — она даже осуществляет некоторое влияние над той областью, где заблуждение царит наиболее деспотически. Провидение никогда не допускает, чтобы плохие правительства стали настолько плохими, насколько того логически требует принцип, на котором они покоятся. Итак, мы видели, как институты справедливости и свободы существовали и даже набирали силу в обществах, управляемых принципом наследственного права; эти институты боролись с этим принципом и модифицировали его. Когда возобладал худший принцип, тогда общество и правительство впали в бессилие и упадок; такова история Венецианской республики. В других местах борьба сопровождалась более счастливыми результатами: принцип добра обладал достаточной силой, чтобы иметь возможность вносить в правительство элементы, которые сделали его жизненно важным, которые защитили общество от воздействия принципа зла, которые даже в некотором роде спасли само зло, сделав его терпимым благодаря добру, с которым оно ассоциируется. Такова история Англии, этот поразительный пример смешения и борьбы принципов добра и зла. Но их смешение, каким бы интимным оно ни было, не доказывает, что они смешаны по своему внутреннему характеру. Добро никогда не проистекает из зла; и представительное правление возникло в Англии не больше, чем где бы то ни было, из исключительного принципа аристократического правления; оно возникло из совершенно иного принципа; и различие, установленное мною в начале, не только не скомпрометировано фактами, на которые я ссылался, но, с другой стороны, с триумфом подтверждено ими.

Я только что доказал сравнением принципа аристократической и принципа демократической формы правления, что они существенно различаются; теперь я намерен показать, что существует столь же фундаментальное различие между принципом представительного правления и принципом демократического правления.

Суверенитет народа.

Никто никогда не понимал суверенитет народа так, что после обсуждения всех мнений и волеизъявлений мнение и воля наибольшего числа людей составляют закон, но меньшинство было бы свободно не подчиняться тому, что было решено вопреки его мнению и воле. И все же это было бы необходимым следствием приписываемого каждому индивиду мнимого права на то, чтобы им управляли только те законы, которые получили его личное согласие. Абсурдность этого следствия не всегда побуждала его приверженцев отказываться от принципа, но оно всегда вынуждало их нарушать его. Суверенитету народа противоречит с самого начала то, что он сводится к власти большинства над меньшинством. Почти смешно говорить, что меньшинство может отделиться от большинства; это означало бы постоянно держать общество на грани распада. По каждому вопросу большинство и меньшинство будут расходиться во мнениях, и если все последующие меньшинства уйдут на пенсию, общество очень скоро

перестанет существовать. Тогда суверенитет народа неизбежно должен быть сведен только к суверенитету большинства. К чему это приводит при таком уменьшении?

Принцип демократии.

Его принцип заключается в том, что большинство обладает правом просто потому, что оно является большинством. Но в одном выражении — "большинство" - заключены две совершенно разные идеи: идея признанного мнения и идея преобладающей силы. Что касается силы, то большинство не обладает никакими правами, отличными от тех, которыми обладает сама сила, которая не может быть, только на этом основании, законным суверенитетом. Что касается выражения мнения, является ли большинство непогрешимым? — всегда ли оно понимает и уважает требования разума и справедливости, которые одни составляют истинный закон и наделяют законным суверенитетом? Опыт свидетельствует об обратном. Большинство, просто в силу того, что оно является большинством, то есть просто благодаря численному перевесу, не обладает законным суверенитетом ни в силу власти, которая никогда его не дает, ни в силу непогрешимости, которой оно не обладает.

Принцип суверенитета народа исходит из предположения, что каждый человек обладает по праву рождения не просто равным правом быть управляемым, но и равным правом управлять другими. Подобно аристократическим правительствам, оно связывает право управлять не со способностями, а с рождением. Аристократическое правление - это суверенитет народа в меньшинстве; суверенитет народа - это аристократический деспотизм и привилегии в руках большинства. В обоих случаях принцип один и тот же; принцип, противоречащий, во—первых, факту неравенства, установленного природой между силами и способностями различных индивидов; во—вторых, факту неравенства в способностях, обусловленного различием в положении, различием, которое существует повсюду и которое имеет свой источник в естественном неравенстве людей; в-третьих, мировому опыту, который всегда видел, как робкие следуют за храбрыми, некомпетентные подчиняются компетентным, - одним словом, те, кто от природы ниже, признают и подчиняются своему естественному положению. начальство. Принцип суверенитета народа, то есть равное право всех индивидов осуществлять суверенитет, или просто право всех индивидов соглашаться в осуществлении суверенитета, в таком случае в корне неверен; ибо под предлогом поддержания законного равенства он насильственно вводит равенство там, где его не существует, и не обращает внимания на законное неравенство. Следствием этого принципа является деспотизм числа, господство низших над превосходящими, то есть тирания всех остальных, наиболее жестокая и несправедливая.

В то же время он является самым преходящим из всех остальных, поскольку этот принцип невозможно применить. После того как его сила истрачена в избытке, число неизбежно подчиняется способности, — низшие отступают, освобождая место для высших, — последние снова вступают во владение своим правом, и общество восстанавливается.

Принцип представительного правления.

Таковым не может быть принцип представительного правления. Никто не оспаривает, что истинный закон правления - это закон разума, истины и справедливости, которыми никто не обладает, но которые некоторые люди более других способны искать и открывать. Верное этой цели, представительное правление основывается на расположении фактической власти

пропорционально способности действовать в соответствии с разумом и справедливостью, откуда власть черпает свое право. Это принцип, который, по всеобщему признанию и в силу своей простой апелляции к здравому смыслу сообщества, применим к обычной жизни и к интересам самих людей. Это принцип, который предоставляет суверенитет над личностями, семьями, собственностью только тому индивиду, который, как предполагается, способен разумно им пользоваться, и который отнимает его у того, кто считается положительно неспособным. Представительное правительство применяет к общим интересам и к управлению обществом тот же принцип, который здравый смысл человеческой расы побудил его применять к индивидуальным интересам и к контролю над частной жизнью каждого человека. Он распределяет суверенитет в соответствии с требуемыми для него возможностями, то есть он размещает фактическую власть или любую часть фактической власти только там, где он обнаружил присутствие законной власти, существование которой предполагается по определенным симптомам или проверено определенными доказательствами. Следует помнить, что власть, хотя и законная, не должна быть полностью передана кому бы то ни было, и не только она не приписывается простому факту рождения, но ей нельзя позволить оставаться самой по себе в безответственной изоляции, что является второй характеристикой представительного правления, которая, не в меньшей степени, чем предыдущая, отличает ее от суверенитета народа.

Правительство большинства.

Часто говорили, что представительное правительство - это правительство большинства, и в этом утверждении есть доля правды; но не следует думать, что это правительство большинства - то же самое, что и то, которое связано с суверенитетом народа. Принцип суверенитета народа применим ко всем индивидам просто потому, что они существуют, не требуя от них ничего большего. Таким образом, он берет большинство этих индивидуумов и говорит: Вот разум, вот закон. Представительное правительство действует по-другому: оно рассматривает, к какому виду действий призваны отдельные лица; оно изучает объем способностей, необходимых для этого действия; затем оно созывает тех людей, которые, как предполагается, обладают этими способностями, всех таких-то и только таких-то. Затем он стремится к большинству среди тех, кто способен.

Фактически, именно таким образом люди поступали повсюду, даже когда предполагалось, что они должны действовать в соответствии с идеей суверенитета народа. Они никогда не были полностью верны ему; они всегда требовали для политических действий определенных условий, то есть указаний на определенные способности. Они ошибались, в большей или меньшей степени, и исключали способных или приглашали неэффективных, и ошибка эта серьезная. Но они следовали принципу, согласно которому право измеряется дееспособностью, даже когда они исповедовали принцип, согласно которому право вытекает из простого факта обладания человеческой природой. Таким образом, представительное правительство - это не просто правительство численного большинства, это правительство большинства тех, кто квалифицирован для управления; иногда предполагается наличие квалификации заранее, иногда требуется, чтобы она была доказана и проиллюстрирована на примерах.

Представительство и демократия.

Звание пэра, право избирать и быть избранным, сама королевская власть связаны с предполагаемой способностью существовать не только после выполнения определенных условий, но и в силу положения, занимаемого теми людьми, в которых предполагается эта способность, в их отношениях с другими властями и в пределах возложенных на них функций. Никто не признается обладающим неотъемлемым правом на должность или служебное положение. И это еще не все; представительное правительство не довольствуется требованием дееспособности, прежде чем наделять властью; как только дееспособность предполагается или доказывается, оно оказывается в положении, когда оно открыто для своего рода юридических подозрений и когда оно обязательно должно продолжать легитимизировать себя, чтобы сохранить свою власть. Согласно принципу суверенитета народа, абсолютное право принадлежит большинству; истинный суверенитет существует везде, где проявляется эта сила; из этого неизбежно следует угнетение меньшинства, и таковым, фактически, обычно и является результат. Представительная форма правления, никогда не забывающая о том, что разум и справедливость, а следовательно, и право на суверенитет, не присущи полностью и постоянно ни в одной части земли, предполагает, что их можно найти в большинстве, но не приписывает им этого как определенным и неизменным качествам. В тот самый момент, когда оно предполагает, что большинство право, оно не забывает, что оно может быть неправым, и его забота состоит в том, чтобы дать меньшинству полную возможность доказать, что оно действительно право, и стать, в свою очередь, большинством. Меры предосторожности при проведении выборов, дебаты в совещательных собраниях, публикация этих дебатов, свобода печати, ответственность министров - все эти меры имеют своей целью гарантировать, что большинство будет провозглашено только после того, как оно полностью подтвердит свою подлинность, заставить его когда-либо легитимизировать себя для своего собственного сохранения и поставить меньшинство в такое положение, при котором оно сможет оспаривать власть и права большинства.

Таким образом, предложенные нами соображения показывают, что представительная форма правления рассматривает индивидов, которых она привлекает к деятельности, и большинство, к которому она стремится, с совершенно иной точки зрения, чем та, которая связана с суверенитетом народа. Последний признает, что право суверенитета находится где-то на земле; первый отрицает это: — этот находит рассматриваемое право в чисто численном большинстве; который ищет его в большинстве тех, кто имеет право высказываться по этому вопросу: — первый полностью приписывает это числу; другой удовлетворен предположением, что оно есть, допускает в то же время, что его, возможно, там и нет, и предлагает меньшинству обосновать свои претензии, обеспечивая, тем временем, все возможности для этого. Суверенитет народа видит законную власть в массе; представительное правительство видит ее только в единстве, то есть в разуме, к которому должна сводиться масса. Суверенитет народа предполагает, что власть исходит снизу; представительное правительство признает тот факт, что всякая власть исходит сверху, и в то же время обязывает всех, кто считает себя облеченным ею, обосновывать законность своих притязаний перед людьми, которые способны их оценить. Один стремится принизить тех, кто выше, другой - возвысить тех, кто ниже, приводя их в общение с теми, кто от природы выше их. Суверенитет народа полон одновременно гордости и зависти; представительное правительство отдает дань уважения достоинству нашей природы, не игнорируя ее хрупкости, и признает ее хрупкость, не оскорбляя ее достоинства. Принцип суверенитета народа противоречит всем фактам, которые обнаруживаются в действительном

происхождении власти и в прогрессе обществ; представительное правительство не закрывает глаза ни на один из этих фактов. Наконец, едва провозглашается суверенитет народа, как он вынужден отречься от своей власти и признать неосуществимость своих целей; представительное правительство движется естественно и неуклонно вперед и развивается самым своим существованием.

Принципы государственного управления.

Таким образом, поскольку представительное правительство не выводит свое существование из принципа суверенитета народа, оно отвергает этот принцип и опирается на совершенно иную идею, которая влечет за собой совершенно иные последствия. Не имеет большого значения, что эта форма правления часто провозглашалась во имя суверенитета народа и что основные эпохи ее развития приходились на времена, когда эта идея преобладала; причины этого факта легко обнаружить. Суверенитет народа - это великая сила, которая иногда вмешивается, чтобы покончить с неравенством, которое стало чрезмерным, или с властью, которая стала абсолютной, когда общество больше не может приспособляться к ним; подобно тому, как деспотизм иногда вмешивается, во имя порядка, насильственно, чтобы восстановить общество, находящееся на грани распада. Это всего лишь оружие нападения и разрушения, но никак не инструмент для установления свободы. Это не принцип правления, это ужасная, но преходящая диктатура, осуществляемая толпой, — диктатура, которая прекращается, и которая должна прекратиться, как только толпа завершит свою разрушительную работу.

Вкратце, в заключение: поскольку целью этих лекций является проследить ход представительного правления в современной Европе, где бы оно ни находило какую-либо опору, я искал первичный тип этого правления, чтобы сравнить его с правительством англосаксонской монархии, которое мы уже рассматривали, и с другими первичными правительствами, с которыми мы встретимся в Европе. Чтобы точно определить характер представительного правительства, я был вынужден вернуться к источнику всякого правления. Я думаю, что показал, что мы должны классифицировать все правительства в соответствии с двумя различными принципами. Единственный класс, связанный со справедливостью и разумом, признает только их в качестве своих руководителей; и поскольку во власти человеческой слабости в этом мире безошибочно следовать этим священным лидерам, эти правительства никому не уступают абсолютного права на суверенитет и призывают все общество помочь в открытии закона справедливости и разума, который один может дать это. Другой класс, напротив, признавая присущее человеку право устанавливать для себя законы, унижает таким образом законный суверенитет; который, поскольку принадлежит только справедливости и разуму, никогда не должен попадать под абсолютный контроль человека, который всегда слишком готов узурпировать суверенитет, чтобы использовать его для продвижения своих частных интересов или для удовлетворения своих страстей. Я показал, что только представительное правительство отдает дань уважения истинным принципам и что все другие правительства, как демократические, так и аристократические, должны быть организованы в соответствии с совершенно иной схемой классификации. Теперь я должен перейти к рассмотрению внешних форм представительного правления и сравнить его принцип с историческим принципом англосаксонской монархии, как он проявляется перед нами в ее институтах.

Лекция VIII.

Формы правления связаны с его принципом, но зависят от обстоятельств и различаются в зависимости от уровня цивилизации.

Какие формы необходимы для представительного правления?

1. Разделение властей; почему это абсолютно необходимо для принципа представительного правления;
2. Выборы;
3. Публичность.

Формы правления.

Формы правления непосредственно связаны с его принципом: принцип определяет формы, формы раскрывают принцип. Отсюда не следует, что формы в точности соответствуют принципу или что принцип может реализоваться только в особой форме. Поскольку сам принцип никогда не бывает ни одиноким, ни всемогущим в своем влиянии на факты, формы неизбежно разнообразны и смешаны. По мере расширения действия любого принципа развивается форма, которая действительно соответствует ему; но в ходе этой работы принцип воплощает себя в различных формах, соответствующих состоянию тех фактов, которые в своей совокупности составляют общество и определяют положение, которое оно занимает на шкале цивилизации.

Тогда один и тот же принцип может содержаться в себе и действовать в различных формах. Если формы являются лучшими, которые могут быть предоставлены для этого принципа, учитывая существующее состояние общества, и если, хотя они и не полностью соответствуют его природе, они обеспечивают постоянный и закономерный прогресс его действия, — на них нельзя возлагать никакой вины; каждая эпоха, каждое состояние общества допускает только определенное развитие принципа, на котором покоится его управление. Какова мера развития, возможная для каждой эпохи, и какова форма, соответствующая ей в настоящем, которая обеспечит в будущем более широкое развитие и которая принесет с собой новые формы? Это весь объем вопроса, который я имею в виду, вопроса, касающегося настоящего, единственного, с которым приходится иметь дело политической деятельности.

Тем не менее существуют определенные формы правления, которые являются общими условиями присутствия и действия конкретных принципов. Везде, где существует принцип, он обязательно создает эти формы; там, где их не хватает, принцип не существует или скоро перестанет существовать; его действие и прогресс настоятельно требуют их: поскольку они приобретают последовательность в каком-либо месте, принцип, который, как они предполагают, скрыто присутствует и имеет тенденцию становиться преобладающим.

Формы представительного правления.

Каковы основные формы принципа представительного правления? По каким внешним признакам мы можем распознать присутствие этого принципа в правительстве? Какие условия необходимы для того, чтобы она могла действовать и развиваться самостоятельно?

Мы можем, если я не ошибаюсь, свести к трем условиям и формам, необходимым для репрезентативной системы; все три, возможно, не одинаково необходимы; их одновременное существование, возможно, не обязательно для того, чтобы указывать на существование и обеспечивать развитие принципа, из которого они выведены. Мы можем, однако, справедливо считать их фундаментальными. Этими формами являются: 1. Разделение властей; 2. Выборы; 3. Гласность.

Мы видели, что никакая реально существующая власть не может быть законной властью, кроме как в той мере, в какой она действует в соответствии с разумом и истиной, единственным законным правилом действия, единственным источником права.

Ни одна существующая власть не может полностью знать и постоянно учитывать указания разума и истины, в соответствии с которыми она обязана регулировать свои действия. Таким образом, никакая фактическая власть сама по себе не является и не может быть властью по неотъемлемому праву. Другими словами, поскольку невозможно найти ни одну существующую власть, которая была бы непогрешимой, нет ни одной, которая могла бы сохранить свое существование на основании абсолютного права.

Однако таково состояние человеческих вещей, что они нуждаются в качестве последнего призыва во вмешательстве державы, которая может провозгласить закон верховенством правления, которая установит его и заставит уважать. Во всех отношениях, которые допускает социальное государство и которые оно порождает, от внутреннего порядка до политического, присутствие власти, которая может устанавливать и поддерживать правила действия, является необходимым условием самого существования общества.

Тогда мы видим дилемму, в которую поставлено общество. Никакая реальная власть не может подтвердить притязания стать абсолютной властью; отсюда необходимость для решения конкретных чрезвычайных ситуаций власти определенной, то есть *действительно* абсолютной.

Проблема правительства.

Проблема правительства заключается в том, как дать обществу гарантию того, что действующая абсолютная власть, к которой обязательно должны быть отнесены все социальные отношения, будет всего лишь образом, выражением, органом той власти, которая по праву является абсолютной и единственно легитимной и которая никогда не будет локализована в этом мире? Это также, как мы видели, проблема, которую репрезентативная система формально ставит перед собой, поскольку все ее механизмы предполагают существование этой проблемы и созданы с целью ее решения.

Отождествлять действительную власть, насколько это возможно, с законной властью, навязывая ей постоянную необходимость искать разум, истину и справедливость — источники права; наделяя ее практической властью только тогда, когда она доказала, то есть при наличии

презумпции успеха в этом поиске; и заставляя ее постоянно обновлять и подтверждать эту презумпцию под страхом потери власти, если она не в состоянии этого сделать, — таков курс представительной системы, - это цель, к которой она стремится и в соответствии с которой она направляет их отношения и их взаимоотношения. движение, все ресурсы, которые оно приводит в действие.

Для достижения этой цели необходимо, чтобы существующая власть не была простой, то есть чтобы ей нельзя было позволять ограничивать себя одним-единственным инструментом. Поскольку ни одна сила не может сама по себе полностью обладать правом на власть, если есть та, которая обладает абсолютной властью, она не только будет злоупотреблять этой властью, но и очень скоро заявит на нее как на неотъемлемое право. В одиночку оно станет деспотичным, и, чтобы сохранить свой деспотизм, оно будет называть себя законно суверенным; и, возможно, в конце концов поверит в эту фикцию и утвердит ее. Такого разлагающее действие деспотизма, что рано или поздно он разрушает как у тех, кто его осуществляет, так и у тех, кто ему подчиняется, даже ощущение его незаконности. У того, кто одинок в своем суверенитете, есть только один шаг для того, чтобы стать признанным непогрешимым. Александр был прав, желая, чтобы его признали богом; он вывел следствие, строго вытекающее из полноты власти, которой он обладал: правы и те, кто, приписывая верховную власть массе, принимают за свою максиму: *Голос народа, голос божий*. Везде, где суверенитет принадлежит одной державе, какой бы ни была природа этой власти, существует опасность того, что суверенитет будет немедленно заявлен как право.

Разделение властей.

Таким образом, разделение фактического суверенитета является естественным следствием принципа, согласно которому право на суверенитет не принадлежит ни одному лицу. Необходимо, чтобы существовало несколько держав, равных по объему и дополняющих друг друга в осуществлении фактического суверенитета, с тем чтобы ни одна из них не могла быть склонена к присвоению себе суверенитета неотъемлемого права. Только чувство их взаимной взаимозависимости может помешать им считать себя совершенно безответственными.

Далее: только таким образом можно заставить правящую власть продолжать свой поиск разума, истины и справедливости; то есть правила, которое должно управлять ее действиями, чтобы они могли стать легитимными. Слова Паскаля применимы не только к формированию силы, они распространяются и на ее осуществление. Здесь представлены существа, индивидуальные или коллективные, которые призваны выполнять функции суверенитета совместно, каждый под наблюдением своих братьев. Обладают ли они среди них или самим фактом своего существования правом на власть? Нет: они должны стремиться к этому, они должны при каждой возможности проявлять истину, которую они провозглашают как закон. Изолированные и обособленные, они представляют собой всего лишь множество; когда после обсуждения и труда они найдут основание для согласия в общей идее, из которой может исходить единая воля, только тогда возникнет истинное единство, основанное на разуме; тогда возникнет предположение, что правящая власть точно знает и благосклонно относится к тому законному правлению, которое одно только и дает законную власть. Если бы эта работа не была усилена, если бы этот кропотливый и общий поиск истинного закона не был необходимым результатом взаимной независимости нескольких властей, конец правления не был бы достигнут. Все отношения четырех великих политических сил, составляющих у нас

правительство (то есть короля, обеих палат парламента и выборщиков), направлены на то, чтобы заставить их действовать согласованно, то есть свести себя к единству.

Выборы и публичность.

Введение выборного, то есть подвижного элемента, в состав правительства так же необходимо, как и разделение сил, чтобы предотвратить вырождение суверенитета в руках тех, кто им пользуется, в полный и постоянный суверенитет неотъемлемого права. Следовательно, это необходимый результат представительного правления и одна из его основных характеристик. Соответственно, мы видим, что действующие правительства, которые стремились стать абсолютными, всегда стремились уничтожить выборный принцип. Венеция дала незабываемую иллюстрацию этой тенденции, когда в 1319 году она предоставила большому совету наследственное право. [Сноска 11]

[Сноска 11: Это событие ясно и подробно описано Дару в его "*Истории Венеции*" (том i, стр. 449-464)]

В первую эпоху правления, в то самое время, когда мы видим, что власть приходит сверху, то есть приобретает для себя превосходство, какого бы рода оно ни было, будь то способности, богатство или мужество, — мы видим, что оно также обязано признать свой титул теми, кто может судить о нем. Способ этого признания — избрание; его можно обнаружить в младенчестве всех правительств; но со временем его обычно отменяют. Именно тогда, когда оно вновь появляется с достаточной энергией, чтобы оказывать мощное влияние на управление обществом, возникает представительное правительство.

Теоретически публичность, возможно, является наиболее существенной характеристикой представительного правительства. Мы видели, что его цель - призвать всех людей, обладающих правами, а также тех, кто осуществляет власть, искать разум и справедливость, источник и правило законного суверенитета. В публичности заключается связь между обществом и его правительством. Однако, рассматривая факты, мы обнаруживаем, что из элементов, необходимых для представительного правительства, это последний, который внедряется и приобретает прочную основу. Его история аналогична истории выборного принципа. *Марсово поле* и *Май* проходили под открытым небом: на них присутствовало много людей, которые не принимали участия в обсуждении. Собрание лангобардов в Павии состоялось *при очень многих обстоятельствах*. Вероятно, что такая же публичность присутствовала и на *Виттенагемоте* саксов.

Публичность в Англии.

Когда преобладает абсолютное или аристократическое правительство, публичность исчезает. Когда представительное правительство начинает формироваться путем выборов, публичность поначалу не входит в его конституцию. В Англии Палата общин долгое время была тайным собранием; первым шагом к публичности было обнародование ее актов, обращений и резолюций. Этот шаг был предпринят Долгим парламентом при Карле I. При Карле II. его

слушания снова стали секретными; некоторые лица требовали, но тщетно, опубликования актов, принятых Палатой представителей, — требованию воспротивились как опасному. Только в восемнадцатом веке посетителям разрешалось присутствовать на заседаниях английского парламента: сейчас это право не предоставляется, и требования одного члена парламента, апеллирующего к древнему закону, достаточно, чтобы очистить галерею. Публичность тогда не была неизменно присуща представительному правительству; но она естественным образом вытекала из его принципов — соответственно, она почти обязательно завоевывалась и теперь может рассматриваться как одна из его наиболее существенных черт. Таким результатом мы обязаны прессе, которая облегчила публикацию, не прибегая к шумным митингам.

Мы выяснили фундаментальный принцип, внешние и существенные характеристики представительного правительства; мы узнали, что составляет его сущность и отличает от других правительств; теперь мы можем перейти к его истории. Мы позаботимся о том, чтобы признать его существование только там, где мы признаем присутствие или приближение его истинных принципов; и мы будем убеждены, что его прогресс всегда был идентичен развитию этих принципов.

Лекция IX.

Первобытные институты франков.

Очерк истории франкской монархии.

Франки в Германии.

Их поселения в Бельгии и Галлии.

Характер и авторитет их вождей после их утверждения в Римской империи.

Ранние франкские вожди.

Хлодвиг: его экспедиции, войны и завоевания.

Решающее превосходство франков в Галлии.

Происхождение франков.

Чтобы следовать цели этого курса, я сейчас перейду к описанию франков, аналогичному тому, которое я уже дал об англосаксах. Я изучу с вами их примитивные институты, отыщу их руководящий принцип и сравню его с тем типом представительного правления, который мы только что описали. Но прежде чем мы приступим к рассмотрению франкских институтов, я считаю целесообразным кратко остановиться на ведущих событиях в истории Франции. Институты народа невозможно полностью понять без знания его истории. Я посвящу эту лекцию взгляду на становление франкской монархии; в будущем мы проследим за ее развитием при первой и второй расах ее королей.

Сейчас я не буду откладывать обсуждение несколько неопределенного происхождения франков; есть основания полагать, что в Германии они не составляли отдельной и однородной нации. Это была конфедерация племен, поселившихся в стране между Рейном, Мэном, Везером и Эльбой. Римляне, по-видимому, долгое время не знали об их существовании даже после завоевания Галлии, и история впервые упоминает о них во время правления Гордиана, примерно в середине III века. В песне, сочиненной в честь побед Аврелиана, был следующий припев:

"Mille Francos, mille Sarmatas,
Semel et semel occidimus."

После этого периода мы обнаруживаем, что различные племена франков продвигались с Востока на Запад довольно быстрыми темпами. В начале четвертого века мы встречаемся с салианскими франками, поселившимися в Бельгии, и рипуарскими франками на двух берегах Рейна. Эти народы обосновались на границах Галлии, иногда силой, а иногда с согласия императоров, которые после победы над варварами часто выделяли им земли для поселения. Этого курса придерживались Проб, Константин, Юлиан, Констанций и многие другие.

Франкские вожди.

Вожди, учрежденные таким образом на римской территории, сохранили над своими товарищами-варварами свою древнюю и независимую власть и в то же время получили от императоров определенные титулы, к которым прилагались определенные функции, и определенную власть над римлянами в их округе. Таким образом, мы находим их украшенными именами *Dux*, *Magister militia*, *Comes littorisi* так далее. Их положение было почти идентично положению вождей кочующих татарских племен в Российской империи, которые избираются мужчинами своего племени, но получают свой титул и определенную юрисдикцию от российского императора — сохраняя свою независимую жизнь, но в то же время обязаны нести военную службу и платить дань мехами.

Чилдерик, вождь франкского племени в Турне, получил от империи титул *Magister militia*. Когда из-за семейных ссор и государственной измены он был вынужден укрыться в Тюрингии, его племя в 460 году подчинилось Эгидию, начальнику римского ополчения в Суассоне. В 1653 году в Турне была обнаружена гробница Хильдерика, и в ней было найдено несколько денежных знаков, которые сейчас хранятся в Национальной библиотеке в Париже.

В конце пятого века, в эпоху распада империи, когда провинции были оставлены, по выражению Тацита, *господствующими сине-белыми по праву освобождения*, почти все эти местные вожди, как римляне, так и варвары, стали независимыми и больше не признавали суверенитета Рима. Сиагрий, сын Эгидия, был назначен римским королем в Суассоне. Он развязал войну с Хлодвигом от своего имени и за свой счет.

Франкские вожди, ставшие таким образом мелкими государями, проникли еще дальше в глубь империи. Клодион, обосновавшийся в Камбре, перенес свои набеги на берега Соммы. Мервей присутствовал в битве при Шалон-сюр-Марне, в которой был побежден Атила.

Войны Хлодвиг.

Однако именно под командованием своего вождя Хлодвиг эти отряды франков, первоначально образовавшие колонии на границах, окончательно вошли в Галлию как завоеватели. Хлодвиг был сыном Хильдерика, который правил в Турне; и он наследовал своему отцу в 481 году. Вероятно, он обладал определенной властью от имени империи. Сен-Реми в письме присваивает ему титул *магистра милиции*. Другие франкские вожди примерно в этот период находились почти в том же положении, что и Хлодвиг: Рагнахар правил в Камбре, Сигеберт - в Кельне, а Реномер - в Мане. Хлодвиг был самым честолюбивым, способным и удачливым из всех.

Его ближайшим соседом был Сиагрий, правивший в Суассоне. В 486 году Хлодвиг послал ему вызов; Сиагрий принял его и назначил поле битвы в Ножане, близ Суассона. Сиагрий был побежден и нашел убежище у Алариха, короля вестготов, который выдал его своему завоевателю. В 491 году Хлодвиг завоевал округ Тонгр, ныне округ Льеж. В 496 году он проник еще дальше в том же направлении; он вступил в страну алеманнов, против которых Сигеберт, король Кельна, просил его о помощи. Он победил их при Толбиаке и стал христианином вследствие этой победы. Группа побежденных алеманнов укрылась в Ретии под защитой Теодориха, короля остготов: там, под именем свевов, они стали основой швабов. Другой отряд остался на берегах Рейна и стал подчиняться Сигеберту и Хлодвигу. Таким образом, этот вождь расширил свои владения в окрестностях Рейна. В то же время он победил большинство франкских вождей, своих соседей, и подчинил их племена своей власти. В 497 году он возглавил экспедицию против армориканцев на Западе. В 500 году он напал на бургундов на Востоке, воспользовался их разногласиями и одержал победу между Дижоном и Лангром. В 507 году он продвинулся в центр Франции через Анжу и Пуату; близ Пуатье он напал на Алариха II, короля вестготов, и убил его. Он проник до Ангулема, Бордо и Тулузы и хвастался тем, что завоевал Аквитанию. В 508 году Хлодвиг получил титул *патриция* от Анастасия, императора Востока. В 509 году он вернулся на Рейн, разгромил своего древнего союзника Сигеберта, короля Кельна, и подчинил рипуарских франков. В 511 году он умер, возглавив своих франкских воинов и распространив свое владычество на различные части Галлии.

Войны и завоевания Хлодвиг имели мало общего с тем, что мы понимаем под теми же словами в наши дни. Главной целью франкских экспедиций было добыть добычу и увести рабов; в те дни это называлось завоеванием. Победитель иногда взимал дань; но в результате его победы едва ли оставалось какое-либо постоянное владение и не было никакого гражданского урегулирования. Среди других доказательств этого утверждения я могу привести небольшое количество воинов, сопровождавших Хлодвиг, которого в его походах никогда не сопровождало более пяти или шести тысяч человек. Теперь, при таком количестве людей, никакое гражданское урегулирование, даже военная оккупация, были невозможны. Когда завоеватель ушел, покоренный народ постепенно восстановил свою независимость — появился новый вождь. Едва завоеватели обосновались на землях, которые они подчинили; таким образом, было необходимо постоянно совершать одни и те же завоевания заново.

Для подробного изложения этих событий я отсылаю вас к "Общей истории Франции", особенно к работе М. Сисмонди.

Нигде мы не получаем лучшего представления о нравах греков героической эпохи, чем в "Илиаде". Аналогичный авторитет в отношении походов и нравов германского народа содержится в поэме о Нибелунгах. Там вы лучше всего сможете получить правильные знания и досконально понять состояние общества и природу войн в эту эпоху.

Смерть Хлодвига.

После смерти Хлодвига в 571 году франкская монархия была окончательно установлена; ибо он сделал франкское имя и народ самой грозной и наименее оспариваемой силой в Галлии.

Лекция X.

Раздел территории между сыновьями франкских королей.

Быстрое образование и исчезновение нескольких франкских королевств.

Нейстрия и Австразия; их географическое разделение.

Раннее преобладание Нейстрии.

Фредегонда и Брюно.

Возвышение *дворцовых мэров*.

Истинный характер их власти.

Семья Пипинов.

Карл Мартелл.

Падение Меровингов.

Преемники Хлодвига.

Я уже объяснял вам, как мы должны понимать историческую фразу, которая приписывает Хлодвигу основание французской монархии. В том смысле и в тех пределах, которые я указал, Хлодвиг после своей смерти был королем всей Франции, за исключением королевств бургундов и вестготов. После его смерти каждый из его четырех сыновей получил часть его владений. Теодорих правил в Меце, Хлодомир в Орлеане, Хильдеберт в Париже и Клотер в Суассоне. Природа этого разделения вызвала значительные разногласия среди ученых людей; но я думаю, что этот вопрос может быть легко решен. Чтобы сохранить свою власть, вождю или королю было необходимо владеть большими частными владениями; во всех своих военных походах он приобретал для себя большие участки территории; таким образом, Хлодвиг получал огромную земельную собственность везде, где он совершал завоевания. После его смерти эти поместья были разделены между его детьми, как и все остальное его имущество - стада скота, драгоценности, деньги, всевозможные сокровища: все это давало их владельцам самые

надежные средства для достижения власти. Более того, у франкских королей был обычай присоединять к себе в правительстве своих сыновей, отправляя их проживать в тот округ или провинцию, которые впоследствии должны были составить их королевство. Таким образом, они стремились обеспечить преобладание наследственного права над избирательным. Сыновья короля, в свою очередь, становились естественными вождями тех стран, в которых они фактически обладали наибольшей властью. Таким образом, мы обнаруживаем, что Клотер II в 622 году связал с собой своего сына Дагоберта и отправил его в Австразию. Дагоберт сделал то же самое в 633 году для своего сына Сигеберта.

Разделы Королевства.

От этого разделения частных владений и участия в королевской власти было легко перейти к политическому разделу королевства. Гораздо труднее выяснить, были ли эти перегородки произведены умирающим королем по его собственному усмотрению или национальным собранием. В более поздний период, при второй расе, мы находим Пипина, Карла Великого и Людовика Благородного, положительно получивших согласие собрания баронов на раздел своих состояний между своими детьми. При Меровингах пакты не были столь ясными и аутентичными. Однако, поскольку восхождение второй расы было возвращением к старым германским обычаям, вполне вероятно, что во времена Хлодвиги и его преемников каждый наследник, получая свою долю, был обязан заручиться согласием вождей страны. Пять разделов такого рода произошли при Меровингах; в 511 году, после смерти Хлодвиги; в 561 году, после Клотера I; в 638 году, после Дагоберта I; в 656 году, после Хлодвиги II. С 678 по 752 год вся монархия фактически была объединена под властью семьи Пипинов, которые первоначально были *мэрами дворца* Австразии, а номинально - под властью титульных королей, первые четыре и шестой из которых происходили от королей Нейстрии, а пятый и седьмой - от королей Австразии. Королевства, образованные пятью разделами, о которых я только что упомянул, были королевствами Меца, Орлеана, Парижа, Суассона, Австразии, Бургундии, Нейстрии и Аквитании.

Я не буду здесь говорить о превратностях судьбы и постоянных распадах этих различных королевств в разное время. Мне пришлось бы лишь рассказать о длинной череде войн и убийств. Древнее Бургундское королевство было завоевано детьми Хлодвиги I. Возникло новое Бургундское королевство, в состав которого вошло Орлеанское королевство. Новое королевство Бургундия подверглось вторжению, иногда королей Нейстрии, иногда королей Австразии. Королевство Аквитания появляется на мгновение только при Хильдеберте II, сыне Клотера II, в 628 году и около 716 года при Эде, герцоге Аквитании, который объявил себя независимым монархом. В конце концов, эти четыре королевства исчезли; основной конфликт и раскол произошел между королевствами Нейстрия и Австразия, двумя крупнейшими и последними сохранившимися.

Нейстрия и Австразия.

Географическое разделение королевств Нейстрия и Австразия является неопределенным и изменчивым. Мы находим, что короли Австразии владеют странами, расположенными далеко от центра их правления, — странами, которые, по-видимому, естественным образом находятся

под властью королей Нейстрии. Таким образом, они были хозяевами Оверни, и их владычество простиралось почти до Пуату. Эти бессвязные владения возникли в результате частых походов двух стран друг против друга или в отдаленные земли, которые не принадлежали ни одной из них. Мы можем, однако, провести несколько четких пограничных линий; Арденнский лес отделял Австразию от Нейстрии; Нейстрия включала территорию между Маасом и Луарой; Австразия состояла из территории между Маасом и Рейном.

Это разделение имело гораздо большее значение, чем простое географическое разделение; и существует более глубокая причина последовательного исчезновения других франкских королевств и окончательного преобладания этих двух.

Страны, входившие в состав Австразии, были первыми, которые были заселены франками. Они примыкали к Германии и были связаны с теми частями Франкской конфедерации, которые не пересекали Рейн. Следовательно, они были колыбелью, первым отечеством франков. Более того, после своих экспедиций эти племена часто возвращались со своей добычей в свои древние поселения, вместо того чтобы утвердиться в своих новых завоеваниях. Так, Теодорих, сын Хлодвиг, в пятом веке возглавил большую экспедицию в Овернь, а затем вернулся в Австразию. Римская цивилизация и нравы были почти полностью изгнаны с этого берега Рейна; там преобладали древнегерманские нравы. С другой стороны, в странах, входивших в состав Нейстрии, франки были менее многочисленны, более рассеяны, более отделены от своего древнего отечества и соотечественников. Древние жители страны окружали их со всех сторон. Франки были там как колонии варваров, перенесенных в гущу римской цивилизации и римского народа. Такое положение вещей не могло не привести к гораздо более глубокому и разумному различию между двумя королевствами, чем могло быть вызвано чисто географическим разделением. С одной стороны находилось королевство германо-франков, с другой - романо-франков.

Преобладание Нейстрии.

Исторические свидетельства положительно подтверждают этот вероятный вывод из фактов. Австразия называется *Тевтонской Францией*, а Нейстрия - *Римской Францией*. Немецкий язык преобладал в первой стране, а римский - во второй. Наконец, при первой расе королей события несут очевидный отпечаток этого фундаментального различия, или, скорее, они являются его естественным результатом. При рассмотрении их в общем виде невозможно распознать этот характер. Теперь я приведу краткое изложение основных доказательств.

I. Первоначальное преобладание королевства Нейстрия. Это неоспоримый факт. Четыре короля, после Хлодвиг и до свержения королевской власти дворцовыми мэрами, объединили всю франкскую монархию под одним началом. Это были короли Нейстрии: Клотер I с 558 по 561 год; Клотер II с 613 по 628 год; Дагоберт I с 631 по 638 год; и Хлодвиг II с 655 по 656 год. Это преобладание Нейстрии было естественным результатом, во-первых, установления Хлодвиг в Нейстрии; во-вторых, центрального положения этого королевства по отношению к остальной Галлии; в-третьих, высшей цивилизации и богатства, доставшихся ему от римского населения; в-четвертых, быстрого распространения королевской власти в нем вследствие преобладания римских идей и обычаев; в-пятых, постоянных колебаний, вызванных в Австразии близостью германских варваров, войнами против тюрингов и саксов и другими факторами. причины.

II. Состояние двух королевств в эпоху Фредегонды и Брюно, с 598 по 623 год. Между Нейстрией и Австразией шла постоянная борьба под именем этих двух королей. Власть Хильперика и Фредегонды в Нейстрии была больше, чем у королей Австразии и Брюнехо. Фредегунда действовала в стране, в которой все еще господствовала единственная римская администрация; Брюно тщетно пытался преодолеть грубую независимость вождей германских банд, ставших крупными землевладельцами. Ее смелость и способности потерпели неудачу в противостоянии австразийской и бургундской аристократии. Австразийская аристократия заключила тайный союз с нейстрийской. Падение и смерть Брюно, очевидно, были триумфом австразийской аристократии, которая, будучи более сильной и компактной, чем нейстрийская, навязала Клотэру II власть казнь его королевы. Остатки римского деспотизма были преодолены в Австразии немецкой аристократией, и последствиями этого события стали ослабление королевской власти и преобладание австразийского влияния.

Мэры Дворца.

III. Возвышение мэров Дворца и падение рода Меровингов являются третьим доказательством великого факта, о котором я упомянул. Возвышение мэров Дворца должно быть приписано одним и тем же причинам в обоих королевствах. Ошибочно интерпретировать этот факт как конфликт победоносных франков против галлов и римлян. Эти последние, более склонные к деспотизму, нашли свободный доступ ко двору варварских королей, и из этого был сделан вывод, что именно для противодействия их влиянию германская аристократия учредила должности дворцовых мэров. Это ошибка; дворцовые мэры были делом рук и инструментом варварской аристократии, римской или галльской, выступавшей против королевской власти.

Также было сказано, что короли желали присоединить к себе одного из самых могущественных представителей территориальной аристократии, чтобы контролировать или угнетать остальных. Возможно, изначально так и было, но вскоре мэр дворца счел более выгодным сделать себя лидером и орудием дворянства. Он продвигал их интересы и взял на себя роль защитника крупных собственников, на которых, в конце концов, и возлагалось его назначение. С этого времени королевская власть стала почти мертвой буквой.

Одно и то же явление наблюдается в обоих королевствах; но австразийская аристократия была более чисто немецкой и более компактной, чем аристократия Нейстрии. Следовательно, он был более могущественным, и его дворцовые мэры более глубоко укоренились в своей власти. Таким образом, мы видим, как семья Пипинов получает королевскую власть путем постепенного возвышения, с 630 по 752 год. Эта семья происходила от Карломана, богатого владельца владения Хаспенгау, расположенного на Маасе, между округом Льеж и герцогством Брабант. Она была насквозь немецкой и, естественно, стояла во главе франко-немецкой аристократии.

Падение Меровингов.

Таким образом, падение Меровингов было делом рук Австразии и, так сказать, вторым завоеванием Римской Франции германской Францией. Короли Римской Франции были не в состоянии сохранить свое положение, а нейстрийские дворцовые мэры, лидеры смешанной аристократии франков и галлов, были некомпетентны занять их место. Именно с берегов Рейна и из Бельгии, то есть с древней родины франков, пришли новые завоеватели — и эти завоеватели были вождями чисто германской аристократии.

Шарль Мартель.

Таков, несомненно, был истинный характер падения Меровингов и возвышения Карловингов, основавших новую франкскую монархию в той Галлии, в которой нейстрийские франки так сильно выродились. Таким образом, в эту эпоху и в результате этой революции мы увидим заметный возврат к примитивным институтам и нравам франков. Действительно, это заметно даже по тому, как была осуществлена революция. Подробности этого события полностью подтверждают то, что мы вначале сказали относительно общего хода событий. Семья Пипинов в течение столетия трудилась над тем, чтобы встать во главе франкской нации. Она черпала поддержку не только у крупной земельной аристократии, но и у покровительства воинов, участвовавших в военных экспедициях. Развитие могущества этой семьи, с первой точки зрения, было работой Пипина Старого и Пипина де Херисталя; согласно второй, это была работа, в частности, Шарля Мартеля. Его постоянные войны против трансренских германцев, против сарацин и против мелких тиранов внутренних районов сделали его более могущественным воином-вождем, чем кто-либо из его предков. Но Шарль Мартелл использовал и другие средства, чтобы привязать к себе своих компаньонов. Он захватил имущество церкви и распределил его между ними. Однако он не присвоил себе эту собственность таким абсолютным образом, как предполагается. Различные церкви имели обыкновение отдавать свою собственность на откуп за фиксированный годовой доход, и церковные поместья, переданные таким образом на откуп, назывались *прекариями*. Часто короли, желая вознаградить одного из своих вождей, приказывали капитулу передать фавориту поместье за очень умеренную ренту под названием *прекарий*. Шарль Мартель поначалу просто обобщил эту практику. Очень большое число его товарищей получили от него милости такого рода; сначала они получили церковные поместья только на два или три года; но, когда этот срок истек, арендаторы не пожелали возвращать то, что они присвоили себе в силу привычки к удовольствиям. Конфликт церкви с собственниками-узурпаторами долгое время ставил в тупик королей второй расы. Поскольку им часто требовалась помощь духовенства, они стремились удовлетворить их жалобы. Пипин Короткий и Карл Великий вернули им значительную часть их имущества, которое ранее было предоставлено их воинам в качестве *прекариев*; или, по крайней мере, увеличили сумму, выплачиваемую церкви новыми владельцами, которые упрямо отказывались считать себя простыми арендаторами.

Пепин.

Господство семьи Пипин началось еще во времена Карла Мартеля, когда они получили наследственную должность мэра дворца. При жизни этого великого вождя в Австразии и Нейстрии было несколько междоусобиц, и он продолжал осуществлять верховную власть, пользуясь простым титулом герцога франков. После его смерти его дети, Пипин и Карломан, разделили королевство между собой, Пипин, все еще сохраняя некоторое уважение к внешности, сделал Хильдерика III королем Нейстрии; и вскоре, после отречения своего брата Карломана, он оказался герцогом Австразии, а также всемогущим мэром дворца в Нейстрии. Однако таково было влияние, которым уже обладала идея наследственной легитимности короны, что Пипин не рискнул захватить, во имя одной только силы, трон, который, как считалось, по праву принадлежал потомкам Хлодвиги. Он пытался оправдать применение силы народными выборами и апелляцией к религии. Как глава аристократии, он был вынужден часто подчиняться ее воле и наделять ее долей власти. Он возродил древние собрания крупных землевладельцев и вернул им их роль в государственных делах. С этого момента он мог считать

себя уверенным в своем избрании; но даже этого ему было недостаточно. Он думал, что его узурпация нуждается в более величественной и священной санкции. Он привлек на свою сторону Бонифация, епископа Майнцкого, и поручил ему разузнать о папе Захарии, который, со своей стороны, испытывал сильное давление со стороны лангобардов и нуждался в помощи франкского вождя. Когда Пепин убедился в согласии понтифика, он послал Буркхардта, епископа Вюрцбургского, и Фульрада, аббата Сен-Дени, предложить ему этот вопрос в форме обращения к совести. "Когда есть король фактически и король по праву, кто является истинным королем?" Папа ответил, что тот, кто действительно осуществляет королевскую власть, также должен обладать королевским титулом. В 752 году Пипин созвал национальное собрание в Суассоне; там он был избран королем, а затем рукоположен епископом Бонифацием. В 754 году папа Стефан III совершил путешествие во Францию и снова посвятил Пипина с двумя его сыновьями и женой Бертрадой. Папа приказал франкам под страхом отлучения от церкви не признавать королями никого, кто не принадлежал бы к семье Пипина, и франки дали клятву: *Ut nunquam de alterius lumbis regem in evo præsument eligere*.

Таким образом, вторая династия была основана почти таким же образом, как и первая. Главный военный вождь, самый могущественный из крупных землевладельцев, избирается своими товарищами, ограничивает будущие выборы членами своей семьи и получает разрешение религии на свое избрание. Он получил действительную власть от своих отцов и от самого себя; он желает получить законную власть от Бога и от людей. Немецкие нравы и институты появляются вновь, но в связи с христианскими идеями. Это второе завоевание Галлии, совершенное германскими воинами и санкционированное от имени римского мира уже не императором, а Папой Римским. Церковь унаследовала моральное превосходство империи.

Лекция XI.

Общий характер событий в империи Карловингов.

Правление Пипина Короткого.

Правление Карла Великого.

Переходная эпоха.

Правления Людовика Развращенного и Карла Лысого.

Вторжения норманнов.

Последние Карловинги.

Восшествие на престол Гуго Капета.

Тенденция к централизации.

Я в общих чертах обрисовал ход событий во Франкской Галлии при Меровингах; теперь я должен дать аналогичный обзор правления Карловингов. Я не буду вдаваться ни в изучение

институтов, ни в подробное описание событий; я попытаюсь обобщить факты в общем факте, который включает их все.

Общая тенденция событий при Меровингах была направлена к централизации, и эта тенденция была естественной. В тот период общество и государство трудились над тем, чтобы сформироваться и созидать самих себя; а общества и государства могут быть созданы только путем централизации интересов и сил. Завоевания и власть Хлодвига, какими бы мимолетными и неполными они ни были, указывают на эту потребность в централизации, которая тогда давила на римское и варварское общество. После смерти Хлодвига его владения были расчленены и образовали отдельные королевства; но эти королевства не могли оставаться отдельными; они постоянно стремились к воссоединению и вскоре сократились в количестве до двух, которые в конце концов объединились. Аналогичный процесс имел место и в отношении органов власти внутри каждого штата. Королевская власть сначала пыталась стать централизующим принципом, но не преуспела; аристократия вождей, крупных землевладельцев, пыталась самоорганизоваться и создать свое собственное правительство; в конце концов она создала его в форме дворцовых мэров, которые в конце концов стали королями. После двухсот семидесяти одного года трудов все франкские королевства были объединены в одно. Верховная власть была более полно сосредоточена в руках короля при содействии национальных собраний, чем это когда-либо было ранее.

При Пипине Коротком и Карле Великом эта централизация сохранялась, расширялась и регулировалась; и, казалось, она набирала силу. Новые страны, новые народы были включены во Франкское государство. Отношения государя со своими подданными стали более многочисленными и регулярными. Между верховной властью, ее делегатами и ее подданными были установлены новые узы союза. Казалось вероятным формирование государства и правительства.

Склонность к распаду.

После смерти Карла Великого дела предстали совсем в другом аспекте и приняли противоположное направление. В той мере, в какой тенденция к централизации либо различных государств между собой, либо внутренней власти каждого государства была заметна при правлении расы Меровингов, именно в такой пропорции тенденция к расчленению, к распаду как самих государств, так и власти в каждом государстве стала очевидной при Карловингах. При Меровингах вы видели, что произошло пять последовательных расчленений, ни одно из которых не смогло продлиться долго; после смерти Карла Великого некогда разделенные королевства не воссоединились. Людовик Добродушный разделил империю между своими детьми в 838 году и предпринял тщетные попытки сохранить в ней хоть какое-то единство. Верденский мирный договор 843 года окончательно разделил три монархии. Карл Толстый в 884 году предпринял попытку объединить их снова; но и эта попытка провалилась — воссоединение было неосуществимо.

Внутри каждого государства, и особенно во Франции, проявлялось одно и то же явление. Верховная власть, которая при Меровингах имела тенденцию сосредоточиваться в руках либо королей, либо дворцовых мэров и которая, казалось, достигла этой цели при Пипине и Карле Великом, приняла противоположное направление по сравнению с правлением Людовика

Добродушного и постоянно клонилась к распаду. Крупные землевладельцы, которые при первой расе, естественно, были вынуждены объединиться против королевской власти, теперь трудились только над тем, чтобы возвыситься и стать суверенами в своих собственных владениях. Стала преобладать наследственная преемственность бенефиций и должностей. Королевская власть была не чем иным, как прямым господством или косвенным и бессильным сюзеренитетом. Суверенитет был рассеян; больше не существовало ни государства, ни главы государства. История Карловингов - это не что иное, как борьба приходящей в упадок королевской власти против той тенденции, которая постоянно грабила и сжимала ее все больше и больше. Это был доминирующий персонаж, определявший общий ход событий, от Людовика Добродушного до Гуго Капета. Теперь я обращусь к основным фактам этой эпохи; в них я найду доказательства только что изложенного общего факта.

Пепин Короткий.

И. Пепин Короткий (752-768). Поскольку этот монарх пришел к власти с помощью крупных землевладельцев, духовенства и папы римского, он был вынужден в течение всего своего правления с уважением относиться к тем державам, которые поддерживали его. Он часто созывал национальные собрания и часто сталкивался с их противодействием. Ему не без особого труда удалось убедить своих вождей начать войну против лангобардов по просьбе папы Стефана III. Чтобы сохранить поддержку духовенства, Пипин приказал обладателям церковных пособий выполнять условия, связанные с их владением ими; он расточал пожертвования церквям и значительно повысил значение епископов. Именно из ответа Захарии Пипину папы предположили вывести свое историческое право назначать и смещать королей. Таким образом, Пипин способствовал усилению аристократии, духовенства и папства — трех сил, которые были очень полезны и все еще оказывали ему большие услуги, которыми он знал, как управлять и сдерживать, но которые при других обстоятельствах, несомненно, потрудились бы стать независимыми от королевской власти и способствовали бы расчленению, после того как помогли сконцентрировать королевство. Наступил момент, наиболее благоприятный для развития этих сил. Сначала они поступили на службу к королю, который был им полезен и знал, как сделать их полезными для себя; и таким образом они получили возможность освободиться от зависимости от него и впредь действовать самостоятельно.

Charlemagne.

II. Charlemagne (768-814). Переходные эпохи в истории общества имеют ту особую характеристику, что они отмечены иногда большим волнением, а иногда глубоким покоем. Имеет смысл изучить причины этого различия между эпохами, которые в корне схожи по своей природе и которые не представляют собой фиксированного и длительного состояния общества, а лишь переход от одного состояния к другому. Когда происходит переход от положения вещей, которое давно установилось и обречено на разрушение, к новому положению вещей, которое необходимо будет создать, он, как правило, полон волнения и насилия. Когда, с другой стороны, не существует предыдущего состояния общества, которое из-за его длительной продолжительности трудно свергнуть, переход представляет собой лишь кратковременную остановку общества, утомленного беспорядком его предыдущего хаотического состояния и трудом созидания. Таков был характер правления Карла Великого. Вся страна франков, измученная беспорядками первой династии и еще не создавшая социальной системы, которой

было суждено естественным образом возникнуть в результате их завоевания, — я имею в виду феодальный режим, — некоторое время стояла неподвижно под властью великого человека, который обеспечил ей больший порядок и более регулярную деятельность, чем она когда-либо знала прежде. До тех пор две великие державы, будоражившие страну, — крупные землевладельцы и духовенство — не могли занять устоявшуюся позицию. Королевская власть была враждебна им, и они напали на нее. Карл Великий знал, как сдерживать их и удовлетворять, и ухитрялся держать их занятыми, не отдавая себя в их власть. Это знание составляло его силу и было причиной временного порядка, который он установил по всей своей империи. В будущей лекции, при изучении институтов его эпохи, мы увидим, что было характерной чертой его правления. Я говорю сейчас только о самом факте - об исключительном обстоятельстве, когда власть очень могущественного короля оказалась между эпохой, когда королевская власть пользовалась незначительным уважением, и эпохой, когда она почти перестала иметь какое-либо значение. Карл Великий сделал из варварской монархии все, что только мог. Он обладал внутри себя, в потребностях своего ума и жизни, деятельностью, соответствующей общим требованиям его эпохи, которая, действительно, превосходила их. Франки желали войны и добычи; Карл Великий желал завоеваний, чтобы расширить свою известность и владычество; франки не желали оставаться без доли в собственном правительстве; Карл Великий часто проводил национальные собрания и нанимал основных представителей территориальной аристократии в качестве герцогов, графов, *missi dominici* и на другие должности. Духовенство стремилось обладать уважением, властью и богатством; Карл Великий пользовался у них большим уважением, нанял многих епископов на государственную службу, наделил их богатыми дарованиями и прочно привязал их к себе, проявив себя щедрым другом и покровителем тех наук, которыми они были почти единственными. Во всех направлениях, на которые обращали свое внимание активные умы того времени, Карл Великий всегда был первым; и он проявил себя более воинственным, чем воины, более заботливым об интересах церкви, чем ее самые набожные приверженцы, большим другом литературы, чем самые ученые люди, всегда первым в любой карьере и, таким образом, приводил все к своего рода единству, благодаря одному тому факту, что его гений повсюду находился в гармонии со своей эпохой, потому что он был ее самым совершенным представителем, и что он был способен управлять ею, потому что был выше ее. Но люди, которые таким образом опережают свой возраст, во всех отношениях являются единственными людьми, которые могут приобрести последователей; личное превосходство Карла Великого было неременным условием временного порядка, который он установил. Порядок в то время не возникал в обществе естественным образом; победоносная аристократия еще не достигла той организации, к которой стремилась. Карл Великий, продолжая использовать ее, временно отвлек ее от ее цели. Когда Карл Великий умер, все общественные силы, которые он сконцентрировал и поглотил, оказались в нужде; они возобновили свои естественные тенденции, свои внутренние конфликты; они снова начали стремиться к независимости от изоляции и к суверенитету по соседству.

Луи Любезный.

III. Людовик Любезный (814-840). Как только Людовик стал императором, он утратил успех, который сопутствовал ему как королю Аквитании. Факты вскоре дали доказательство той тенденции к распаду, которая пронизывала империю Карла Великого и которая рассеяла власть, которую он был в состоянии целиком сохранить в своих собственных руках. Людовик раздавал королевства своим сыновьям, и они постоянно восставали против него. Крупные

землевладельцы, духовенство и папа римский — те три общественные силы, которыми Карл Великий так умело управлял и сдерживал, — вырвались из-под ига Людовика Добродушного и действовали иногда в его пользу, а иногда против него. Духовенство осыпало его упреками и вынудило совершить публичную епитимию в Вормсе в 829 году. В 830 году была предпринята попытка постричь его в монахи после собрания в Компьене, где он признался в своих проступках; и он был низложен в 833 году другим собранием в Компьене во исполнение заговора, в который был вовлечен папа Григорий IV.. вошел. На протяжении всего этого правления ничто не держалось вместе, все было разрознено; как государства, составлявшие империю, так и великие общественные силы, мирские и церковные, в каждом государстве. Каждая из этих сил стремилась стать независимой. Людовик Добродушный представляет собой необычное зрелище в разгар этого распада, пытаясь как ученый применять на практике принципы правления, изложенные Карлом Великим, принимая общие законы против общих злоупотреблений, предписывая правила для руководства всеми теми силами, которые ускользнули из его рук, и даже пытаясь исправить конкретные акты несправедливости, которые были совершены при предыдущем правлении. Но короли, крупные землевладельцы, епископы — все прониклись чувством собственной значимости и отказались повиноваться императору, который больше не был Карлом Великим.

Карл Лысый.

IV. Карл Лысый (840-877). Распад, начавшийся при Людовике Добродушном, продолжился при его сыне Карле Лысом. Три его брата, [Сноска 12] полагаясь попеременно на притязания духовенства и крупных землевладельцев, спорили с ним за обширную империю Карла Великого.

[Примечание 12: Лотарь, Пипин и Людовик Германский, три старших сына Людовика Добродушного.]

Кровавая битва при Фонтене, произошедшая 25 июня 841 года, сделала Карла Лысого королем Нейстрии и Аквитании, то есть Франции. Его правление - не что иное, как постоянное чередование, сцена тщетных попыток предотвратить расчленение его владений и его власти. В одно время он грабит духовенство, чтобы удовлетворить алчность крупных землевладельцев, чью поддержку он стремится заручиться; в другое время он балует землевладельцев, чтобы умиротворить духовенство, в помощи которого он нуждается. Его капитуляры почти не содержат ничего, кроме этих бессильных чередований. Наследование привилегий и назначений стало триумфальным, и каждый вождь заложил фундамент своей собственной независимости.

Норманны.

V. Норманны. Это общее название германских и скандинавских племен, населявших берега Балтийского моря. Их морские экспедиции можно проследить до очень отдаленного периода. Мы встречаемся с ними при первой династии франкских королей; они часто встречаются ближе к концу правления Карла Великого и при Людовике Добродушном; и они постоянно появляются при Карле Лысом. Они явились новой причиной расчленения империи и королевской власти. В девятом веке франкские галлы представляют собой тот же облик, который четыре столетия

назад представляли римские галлы: правительство, неспособное защитить страну и изгнанное или отступающее во всех направлениях, и варвары, грабящие, налагающие дань, уходящие после уплаты крупных сумм денег и постоянно появляющиеся, чтобы взимать новые контрибуции. Тем не менее, следует отметить заметную разницу между этими двумя эпохами. В обоих случаях центральное правительство было одинаково неспособным и измотанным; но в IX веке на франкской территории существовало множество вождей, которые, хотя и сами были недавними захватчиками-варварами, стали независимыми и были окружены воинами, которые защищались от новых захватчиков с гораздо большей энергией, чем это делали римские магистраты, и которые воспользовались расстроеным состоянием общества, чтобы прочно укрепить свой индивидуальный суверенитет. Среди этих вождей мы встречаемся с Робертом Сильным, предком семьи Капетингов, который стал герцогом Нейстрии в 861 году и был убит в 866 году, защищая Нейстрию от норманнов. Норманны окончательно утвердились в Нейстрии в 912 году при Карле Простом, который уступил провинцию их вождю Ролло и выдал за него замуж свою дочь Гризеллу.

VI. Карл Толстый. В 884 году Карл Толстый, сын Людовика Германика, временно собрал под своей властью почти все владения Карла Великого. Поддерживать эту новую концентрацию территории и власти было невозможно, и она была распущена еще до смерти Карла Толстого.

VII. В 888 году Эд и в 923 году Рауль провозгласили себя королями. Первый, граф Парижский, был сыном Роберта Сильного и принял титул короля на национальном собрании, проходившем в Компьене. Вторым был герцог Бургундии и муж Эммы, внучки Роберта Сильного и сестры Гуго Великого, герцога Франции. Эти короли не были, подобно мэрам Дворца в конце правления первой династии, представителями могущественной аристократии. Земельная аристократия десятого века больше не нуждалась в представительстве; никакая власть не могла эффективно бороться с ними. Каждый крупный землевладелец был абсолютным хозяином в своих поместьях, а короли были всего лишь крупными баронами, которые, став независимыми, приняли титул королей с помощью своих вассалов. Часть лордов, ставших, таким образом, независимыми, оставалась равнодушной к ссорам, которые не затрагивали их прав и власти. Их мало заботило, есть ли король и кто им является. Потомки Карла Великого сохраняли в течение некоторого времени партию приверженцев, поскольку идея и чувство законности наследования короны по наследству, то есть легитимности, были уже сильны; но в 987 году конфликт прекратился, и королем стал Гуго Капет.

Склонность к распаду.

Общий факт, характеризующий эту эпоху, — тенденция к расчленению и разложению, — часто встречается в ходе истории человеческого рода. Сначала мы видим интересы, силы и идеи, существующие в обществе, стремящиеся объединиться, сконцентрироваться и создать подходящую форму правления. Когда эта концентрация однажды осуществлена и это правительство однажды создано, мы обнаруживаем, что по истечении определенного времени оно истощается и становится неспособным полностью поддерживать его; возникают и вступают в действие новые интересы, новые силы и новые идеи, которые не гармонируют друг с другом; затем начинается распад, элементы общества разделяются, и государственные узы ослабевают. Начинается конфликт между силами, которые стремятся к разделению, и властью,

которая стремится сохранить единство. Когда распад будет завершен, начнется новая работа по концентрации.

Формирование и распад.

Это произошло после падения второй династии во Франции. Преобладание феодальной системы привело к распаду правительства и государственности в целом; правительство и государство трудились над тем, чтобы воссоздать себя и восстановить свое единство и последовательность. Эта великая работа не была окончательно завершена до правления Людовика XIV; тогда общественные силы снова сосредоточились в руках королевской семьи. Наше собственное время стало свидетелем нового распада.

Таким образом, то, что мы наблюдаем в течение 481-987 годов, является общим явлением, характерным для прогресса человеческой расы. Это явление имеет место не только в политической истории обществ, но и в каждом занятии, в котором находит свое выражение деятельность человека. Например, в интеллектуальном порядке мы сначала обнаруживаем, что царит хаос; самые противоречивые попытки разрешить великие вопросы о природе и предназначении человека предпринимаются посреди всеобщего невежества. Постепенно мнения усваиваются, формируется школа, основанная выдающимся человеком; к ней присоединяются почти все люди ума. Вскоре в среде этой самой школы возникают, борются и разделяются различные мнения; в интеллектуальном порядке снова начинается распад, и он будет продолжаться до тех пор, пока не будет сформировано новое единство, которое восстановит империю.

Таков также ход самой природы в ее великих и таинственных действиях. Это непрерывное чередование образования и распада, жизни и смерти повторяется во всех вещах и во всех формах. Дух собирает материю воедино и оживляет ее, использует, а затем покидает. Оно становится жертвой некоторого брожения, после чего вновь появляется в новом обличье, чтобы еще раз обрести тот дух, который один может придать ему жизнь, порядок и единство.

Лекция XII.

Древние институты франков.

Их труднее изучать, чем институты англосаксов.

Три вида земельной собственности; аллодиальные земли, земли бенефициаров и притоки.

Происхождение аллодиальных земель.

Значение слова аллодий.

Салическая земля среди франков.

Основные характеристики аллодов.

Примитивные институты франков.

Первобытные институты франков гораздо труднее изучать, чем институты англосаксов.

I. Во Франкской монархии все еще существовал старый галло-римский народ; они частично сохранили свои законы и обычаи; их язык даже преобладал; Галлия была более цивилизованной, более организованной, более романизированной, чем Великобритания, в которой почти все коренные жители страны были либо уничтожены, либо рассеяны.

II. Галлия была разделена между различными варварскими народами, у каждого из которых были свои законы, свое королевство, своя история; франки, вестготы, бургунды; и постоянные колебания франкской монархии между распадом и воссоединением давно разрушили всякое единство в ее истории.

III. Завоеватели были рассеяны по гораздо большей территории; а центральные институты были слабее, разнообразнее и сложнее.

IV. Из двух систем социального и политического устройства, существовавших в колыбели современных наций, — я имею в виду феодальную систему и представительную систему, — последняя долгое время господствовала в Англии, в то время как первая долгое время сохраняла свое влияние во Франции. Древние национальные институты франков были поглощены феодальной системой, вслед за которой пришла абсолютная власть. С другой стороны, таковые у саксов были более или менее сохранены и увековечены, чтобы в конце концов завершиться репрезентативной системой, которая сделала их понятными, дав им должное развитие.

Возможно, также, трудность изучения древних франкских институтов возникает в какой-то мере из-за того факта, что у нас имеется больше документов, касающихся франков, чем саксов. Поскольку мы знакомы с большим количеством фактов, нам сложнее согласовать их. Мы считаем, что лучше информированы, потому что знаем меньше.

В таком случае я хочу с точностью изложить объект моих исследований, чтобы не терять времени на бесполезные отступления. Я не предлагаю нам вместе изучать ни состояние франкского общества во всех его аспектах, ни историю всех его превратностей. Я желаю исследовать и объяснить вам, во-первых, что представляла собой во Франции с пятого по десятый век политическая часть нации, обладавшая политическими правами и вольностями; и, во-вторых, какими институтами эти права осуществлялись и эти свободы гарантировались. Нам часто придется выходить за эти пределы в поисках фактов, необходимых для решения содержащихся в них вопросов; но мы не будем долго останавливаться на таком постороннем вопросе.

В ходе этого исследования мы найдем работы немецких авторов неоспоримой полезности. Основная причина ошибок ведущих французских авторов, рассматривавших этот предмет, заключается в том, что они пытались вывести все наши институты из Германии, из состояния франков перед вторжением, и что в то же время они не были знакомы с языком, историей и научными исследованиями чисто немецких народов, то есть наций, которые наиболее полно

сохранили примитивные элементы франкского общества и которые составляли значительную часть франкской монархии.

Взгляды Хуллмана.

Доктор Халлманн, профессор Боннского университета, написал книгу о происхождении различных социальных состояний, целью которой является доказательство того, что весь современный общественный порядок, как политический, так и гражданский, берет свое начало в том обстоятельстве, что народы нового времени были земледельцами, посвятившими себя владению землей и ее постоянной обработке. Эта точка зрения, хотя и неполная, имеет большое значение. Несомненно, что в истории Европы, начиная с падения Римской империи, положение людей было тесно связано с положением земельной собственности, и что одно проливает свет на другое. Хотя вся история не доказала бы, что это имело место с самого начала, все же продолжительного господства феодальной системы, которое заключается именно в тесной связи и слиянии отношений земель с отношениями людей, было бы достаточно, чтобы продемонстрировать это бесспорно.

Состояние земель.

Вначале положение людей порождало положение земель; в зависимости от того, был ли человек более или менее свободным, более или менее могущественным, земля, которой он владел или которую обрабатывал, приобретала соответствующий характер. Состояние земель впоследствии стало символом состояния людей; в зависимости от того, насколько человек владел или обрабатывал ту или иную область, он был более или менее свободен и более или менее важен в государстве. Первоначально человек придал свой характер поместью; впоследствии поместье придало свой характер человеку; и поскольку символы быстро становятся причинами, положение людей в конце концов стало не только обозначаться, но и определяться состоянием земель и вытекать из него. Социальные условия в какой-то степени слились с почвой, и человек обнаружил, что обладает определенным положением, определенной степенью свободы и социальной значимости, соответствующими характеру земли, которую он занимал. Изучая современную историю, мы ни на минуту не должны упускать из виду эту превратность в состоянии земель и то разнообразное влияние, которое они оказывали на положение людей.

Есть некоторое преимущество в том, чтобы сначала изучить состояние земель, поскольку это было символом состояния людей, потому что первое несколько более определено, чем второе. Это также менее сложно; положение людей часто менялось на землях с одинаковым состоянием; и одни и те же люди владели землями с разным состоянием. Наша информация о состоянии земель также более чем точна.

Изучая состояние земельной собственности и ее превратности, я не предлагаю исследовать ее гражданское состояние или рассматривать собственность во всех ее гражданских отношениях, таких как наследование, завещание и отчуждение. Я намерен рассматривать его только в его связи с положением людей и как символ или причину различных состояний общества. В период, который мы собираемся изучать, с пятого по десятый век, у нас есть одно преимущество: он содержит законченную систему как в отношении земельной собственности, так и в отношении положения людей и политических институтов нации.

Аллодиальные земли.

В этот период мы встречаемся с тремя видами земельной собственности: 1. Аллодиальные земли; 2. Земли бенефициаров; и 3. Земли притоков.

1-й. Из аллодиальных земель или *Аллод*.— Это были земли, которыми владелец владел по абсолютному праву, которыми он ни у кого не владел, из-за которых он ничего не был должен какому-либо начальнику и которыми он имел полную свободу распоряжаться. Земли, захваченные или полученные в качестве трофеев франками во время завоевания Галлии или в ходе их последующих завоеваний, первоначально были аллодиальными. В более поздний период было сказано, что человек владеет аллодием только от Бога и его меча. Гуго Капет сказал, что он держал корону Франции таким образом, потому что ни от кого ее не получал. Такие владения были памятью о завоевании.

Само слово *alode* указывает на то, что первыми аллодами были земли, которые достались завоевателям либо по жребию, либо по разделу; *loos* - жребий; *выделенный, надел*; откуда также произошло французское слово *loterie*. У бургундов, вестготов, лангобардов и других народов мы находим положительные следы такого разделения земель, выделенных завоевателям. Они завладели двумя третями земли, то есть не всей территорией страны, а землей в любой местности, где поселился сколько-нибудь важный варвар. Земли, которые таким образом перешли к варварам, назывались *Sortes Burgundionum*, *Gothorum*, и так далее. Мы не находим у франков явных следов такого раздела земель, но, тем не менее, мы знаем, что они делили свою добычу по жребию.

Таким образом, слово *alode*, вероятно, сначала применялось только к землям, захваченным победителями в результате их завоеваний. Другим доказательством этого является то, что аллодиальная собственность, собственно так называемая, долгое время отличалась от земель, также находившихся в абсолютном праве и не предполагавших признания превосходства, но приобретенных путем покупки или любым другим способом. Было также проведено различие между аллодиальными землями, *салическими* землями, которые могли наследоваться только мужчинами. Вероятно, это был первоначальный аллод, земля, приобретенная во время завоевания, и которая впоследствии стала примитивным и главным заведением главы семьи. *Terra salica* - это *terra aviatica* рипуарских франков, *terra sortis titulo adquisita* бургундов, *hæreditas* саксов и *terra paterna* формул Маркульфа.

Салическая земля.

Термину "салическая земля" были даны различные объяснения. Монтескье считает, что это была земля, принадлежащая дому, от слов *сал, зал*. Это объяснение поддерживается Хуллманном. Таким образом, это была бы *внутренняя* территория англосаксов. Вполне вероятно, что первоначально *terra salica* на самом деле была землей, соединенной с *домом*, резиденцией вождя. Таким образом, эти два объяснения совпадали бы, но первое является более полным и историческим, чем второе.

Название *аллод* постепенно распространилось на все земли, которыми владели по абсолютному праву и которыми никто не владел выше, независимо от того, были они первоначальными аллодами или нет. Слова *proprium, possessio, prædium, hæreditas*, затем использовались как синонимы *аллодия*. Вероятно, именно в этот период строгий запрет, исключавший женщин из права наследования салических земель, утратил силу. Было бы слишком сурово лишать их права наследования всей аллодиальной собственности. На этот счет были некоторые сомнения еще во времена разработки салического закона; и Маркульф передал нам формулу, которая доказывает, что, хотя по общему закону женщины не могли наследовать первобытные аллоды, отец, тем не менее, мог по своей воле предоставить своей дочери равную долю со своими сыновьями при разделе всего своего имущества, какого бы характера оно ни было.

Существенная и примитивная характеристика *аллодия* заключалась в абсолютности собственности; праве раздавать ее, отчуждать, передавать по наследству или завещанию и т. Д. Его второй характеристикой было то, что он не зависел ни от кого из вышестоящих и не предполагал никаких услуг или подношений какого-либо рода какому-либо отдельному лицу. Но хотя аллодиальные земли были освобождены от всех частных сборов по отношению к отдельным лицам, следует ли из этого, что они также были освобождены от всех общественных сборов по отношению к государству или королю как главе государства? Ученые мужи по-разному отвечали на этот вопрос.

В период, на который мы ссылаемся, не было никаких государственных обвинений в собственном смысле этого слова, никаких обязательств, налагаемых и выполняемых по отношению к государству или его главе. Все ограничивалось личными отношениями между индивидами; и из отношений человека к человеку возникли взаимоотношения земельной собственности, которые не простирались дальше отношений частных лиц.

Сборы на аллодиальных землях.

Мы уже видели это; положение франков после завоевания было результатом сочетания их прежних отношений с их новым положением. Свободный человек, который ни у кого не держал свою землю, не должен был выполнять никаких обязательств перед кем-либо из-за своей земли. При таком состоянии цивилизации свобода является уделом силы. Франки, владевшие аллодиальными землями и достаточно сильные, чтобы не иметь никаких обязательств перед каким-либо более могущественным человеком, не поняли бы необходимости служить такому абстрактному существу, как государство, с которым, более того, у них не было личных отношений.

Однако, поскольку общество не может существовать в таком состоянии распада, возникающем из-за изоляции индивидов, между владельцами аллодиальных земель постепенно формировались новые отношения, которые налагали на них определенные сборы.

1. Дары, преподносимые королям либо на Марсовом поле, либо в Мае, либо когда они происходят в любое время в какой-либо конкретной провинции. У королей не было постоянного места жительства. Эти дары, хотя поначалу и были чисто добровольными, постепенно превратились в своего рода обязательство, от которого не освобождались аллодиальные земли. То, что эти дары стали обязательными, подтверждается списком, составленным в Экс-

ла-Шапель в 817 году, во время правления Людовика Благородного, в котором перечислены монастыри, которые должны были их выплачивать, и те, которые этого не делали.

2-й. Снабжение королевских послов и иностранных посланников провизией и транспортными средствами при их проезде через страну.

3-й. Из различных варварских народов, которые были последовательно включены в королевство франков, некоторые платили дань франкским королям; и из этой дани, вероятно, свою долю вносили свободные, или аллодиальные, земли, которыми владели эти народы. Оно состояло из определенного количества коров, свиней и лошадей. Характер этих податей доказывает, что они не распределялись между землями, а налагались на нацию в целом.

4-е. Более важная обязанность, а именно военная служба, была возложена на аллодиальные земли. В нашей следующей лекции мы увидим, как было введено это обвинение.

Лекция XIII.

Происхождение военной службы, ее причины и пределы.

Карл Великий сделал ее общей обязанностью.

Аллодиальные земли изначально были освобождены от налогообложения.

Происхождение льгот.

Изменение положения немецких вождей вследствие их территориального заселения.

Их богатство.

Нет государственной казны.

The *Рариум* и *фискус* старой римской республики.

Образование частных владений королей Франции.

Характер пособий.

Ошибка Монтескье по этому вопросу.

Происхождение военной службы.

Я указал на некоторые из новых отношений, которые постепенно устанавливались между владельцами аллодиальных земель и услугами, которые проистекали из них. Сегодня я должен занять вас размышлениями о военной службе и льготах.

Первоначально военная служба была навязана человеку в силу его качества, его национальности до завоевания, а не из-за его богатства. После завоевания к этому не было

никаких юридических обязательств; это было естественным результатом положения, занимаемого франками, — которых постоянно призывали защищать то, что они завоевали, - и их пристрастия к военным походам и грабежам. Это был также своего рода моральный долг, которым каждый человек был обязан вождю, которого он выбрал. Эта связь продолжалась так же, как и в Германии; вождь предлагал своим людям экспедицию, и если они ее одобряли, они отправлялись в путь. Таким образом, мы обнаруживаем, что Теодорих предложил австразийским франкам экспедицию против Тюрингии. Часто воины сами вызывали своего вождя, чтобы тот повел их в какую-то конкретную экспедицию, угрожая оставить его и искать другого вождя в случае его отказа. При Меровингах в военные собрания была введена своего рода регулярность, своего рода юридическая обязанность, и к тем, кто не явился, было применено наказание. Обязательство было наложено, и наказание применялось даже в тех случаях, когда никаких передвижений не требовалось для защиты страны. Владельцы аллодиальных земель не были освобождены от ответственности; многие, несомненно, ушли по своему собственному свободному выбору, но слабые были ограничены. Однако это было обязательство, связанное скорее с качествами свободного человека, Франка или компаньона, чем с собственностью.

Только во времена правления Карла Великого мы видим обязанность нести военную службу, возложенную на всех свободных людей, владельцев фригольдов, а также бенефиций, и регулируемую имущественными цензами. Теперь эта служба больше не казалась добровольным актом; она больше не была следствием простых отношений между вождем и его приближенными, но была подлинно общественной службой, возложенной на каждого представителя нации пропорционально характеру и размаху его территориальных владений. Карл Великий был очень бдителен, следя за тем, чтобы установленная им система набора персонала добросовестно выполнялась; у нас есть доказательство этого в его капитулярии, изданном в форме инструкций для *missi dominici* в 812 году. Это чрезвычайно подробный отчет о деталях и обвинениях в военной службе. Эти обвинения сохранялись на тех же условиях во время правления непосредственных преемников Карла Великого. При Карле Лысом они были ограничены случаем вторжения в страну иностранца (*ландвер*). Отношение вассала к своему господину в то время полностью преобладало над отношением гражданина к главному правителю государства.

Освобождение Фригольдов от налогов.

Хотя аллодиальные земли были освобождены от так называемых податей, скорее потому, что не было никаких общих податей, чем из-за какого-либо особого иммунитета от них, которым обладали аллодиальные земли, все же мы обнаруживаем, что короли использовали любую благоприятную возможность, чтобы попытаться наложить подати на людей и земли, которые, по их мнению, по праву освобождены от них; на эти попытки подавались жалобы как на акты несправедливости; им оказывалось сопротивление, иногда требовалось возмещение, как при Хильперике в 578 году в Австрии; при Теодоберте в 547 году; и при Хлодвиге II, в 615 году. Мы также находим, что в случае больших и тревожных чрезвычайных ситуаций короли налагали определенные сборы на собственников без каких-либо различий, требуя от них оказывать помощь либо бедным, либо государству. Таким образом, Карл Великий в 779 году, во время голода, и Карл Лысый в 877 году, чтобы выплатить причитающуюся норманнам дань, выступили с такими общими заявлениями. В обоих этих случаях размер обвинения был скорректирован с учетом качества лиц и имущества.

Распределение земель.

Есть основания полагать, что первоначально аллодиальных земель не существовало в большом количестве, особенно у франков.

Нет никаких оснований предполагать, что франки захватывали и делили земли, где бы они ни совершали экспедиции и завоевания. Они скорее заботились о добыче, которую уносили, и о скоте, который брали с собой, вместо того чтобы самим основывать поселение. Долгое время большая часть франков не часто покидала свои первые поселения на берегах Мааса и Рейна; туда они возвращались после своих походов.

Мы можем заключить, что земли, скорее всего, распределялись следующим образом. Каждый вождь брал часть для себя и своих сподвижников, которые жили на земле своего вождя. Было бы абсурдно предполагать, что каждая группа распадется сама по себе, и отделенные индивидуумы затем удалятся каждый на свою изолированную долю земли; индивидуальных долей не было, или, конечно, их было немного. Это достаточно доказывается тем фактом, что большее число франков, по-видимому, не имели земельной собственности, живя земледельцами на землях и *виллах* вождя или короля. Часто даже человек отдавал себя не только под защиту, но и в распоряжение другого, чтобы служить ему в течение всей его жизни при условии, что он будет сыт и одет, и все же не переставая быть свободным. Этот вид контракта, формула которого сохранилась, должно быть, был очень распространен и объясняет то обстоятельство, что столь большое количество свободных людей жили и служили на землях, не принадлежащих им самим. Вероятно, число франков, которые последовательно становились собственниками посредством бенефиций, было больше, чем число тех, кто был примитивно аллодиальными собственниками.

Большее число мелких аллодиальных собственников были постепенно лишены своих владений или низведены до положения данников в результате узурпации их соседями или могущественными вождями. Этому есть бесчисленное множество примеров. Законы, принятые с седьмого по десятый век, свидетельствуют о тенденции крупных аллодиальных поместий или бенефиций поглощать мелкие фригольды. Статут Людовика Благородного, касающийся жалоб испанских беженцев на юге, довольно точно объясняет систему, в соответствии с которой собственность переходила из рук в руки.

Пожертвования церквям также постоянно приводили к сокращению числа аллодиальных поместий. Вероятно, вскоре они бы совсем исчезли, если бы причина противоположного характера не имела тенденции постоянно создавать новые. Поскольку аллодиальная собственность была надежной и постоянной, в то время как бенефиции были ненадежными и более зависимыми, владельцы бенефиций постоянно стремились преобразовать свои бенефиции в аллодиальные поместья. Дошедшие до нас капитулярии доказывают это на каждом шагу. Вполне вероятно, что таким образом были созданы новые крупные аллодиальные владения, но мелкие имели тенденцию к исчезновению.

Земли бенефициаров.

Наконец, при Карле Лысом возникает необычное обстоятельство. Это было то самое время, когда система аллодиальной собственности готовилась, так сказать, слиться с системой бенефициарной собственности, которая является синонимом феодализма; и именно в то время название *аллодов* встречается чаще, чем когда-либо. Мы находим, что это применимо к свойствам, которые, очевидно, приносят пользу. Это название все еще более определенно обозначало собственность, наследственную и независимую, а поскольку бенефиции обычно были наследственными и независимыми, их называли аллодами, просто для того, чтобы указать на их новый характер; и сам король, который был особенно заинтересован в том, чтобы его бенефиции не стали аллодами, дал им это название, как если бы оно стало их общепринятым обозначением. Шестьдесят лет назад Карл Великий приложил величайшие усилия, чтобы не допустить превращения бенефиций в аллодов.

Объяснив таким образом природу и изменения аллод, я перехожу к рассмотрению *преимуществ*.

Бенефиции, составлявшие колыбель феодальной системы, были естественным результатом отношений, издревле существовавших в Германии между вождем и его сподвижниками. Поскольку власть этих вождей основывалась только на силе их группы единомышленников, все их внимание было направлено на средства увеличения числа этих последователей. Тацит рассказывает, как, будучи обязаны содержать и оберегать своих последователей, они приобретали и удерживали их посредством постоянных войн, деля с ними добычу империи, даря оружие и лошадей. После завоевания, когда произошло территориальное устройство, положение вождей изменилось.

Частные владения королей.

До сих пор в своей бродячей жизни они жили исключительно грабежом; затем они овладели двумя видами богатства: движимой добычей и землями. Они делали своим товарищам другие подарки, которые приобщали их к другой жизни. Эти богатства, как движимые, так и постоянные, оставались для вождей, как и для всех остальных, их личной собственностью. Франкское общество тогда еще не пришло к каким-либо идеям общественной собственности. Она состояла только из людей, могущественных благодаря своему мужеству и военному таланту, древности своего рода и известности своего имени, которые собирали вокруг себя других людей, проводивших свою жизнь таким же ненадежным образом. Республики древности начинались не так. Вскоре у Рима появилось свое общественное достояние — свой *эрарий*. *Эрарий* сохранялся почти до конца республики. Август основал *фискус*, сокровищницу принца, которой было суждено поглотить *эрарий*. *Фискус* сначала получал только частные подарки принцу, но вскоре он узурпировал все государственные доходы, пока, наконец, не стал единственным хранилищем общественного богатства. Таким образом, деспотизм превратил общественное достояние в частное. Государства, основанные на руинах Римской империи, пошли противоположным курсом. В начале их существования вся собственность была частной собственностью. Именно в результате развития цивилизации и свободных институтов почти во всех монархиях частные владения постепенно стали общественной собственностью.

Частные владения вождей банд, и особенно франкских королей, поначалу состояли из земель, отнятых у жителей стран, в которых они обосновались. Я уже говорил, что они захватили не все земли, а большое их количество. Доля вождя, должно быть, была значительной, на что указывают многочисленные владения вождей первых двух рас в Бельгии, Фландрии и на берегах Рейна, где они впервые основали свои поселения. Халлманн привел список из ста двадцати трех владений за пределами Мааса, принадлежащих семье Карловингов.

Частная собственность вождей покоренных народов была, по крайней мере в значительной степени, включена во владения вождя-завоевателя. Хлодвиг подчинил себе последовательно нескольких мелких монархов по соседству — Рагнахера в Камбре, Харариха в Бельгии и Зигберта в Кельне; и завладел всем их личным имуществом.

Замена королевской власти одной семьи королевской властью другой увеличивала частные владения короля; новый король добавлял к своим личным владениям собственность свергнутого короля. Таким образом, обширные владения, принадлежавшие семейству Пепинов в Бельгии и на Рейне, стали королевскими владениями.

Законные конфискации в качестве наказания за преступления, случаи, когда не удавалось найти законного наследника имущества, несправедливые и насильственные конфискации — были другими источниками личного богатства королей.

Таким образом, частные владения королей быстро увеличивались, и они использовали их главным образом как средство прикрепления к себе своих соратников и приобретения новых. Таким образом, бенефиции столь же древни, как и утверждение франков на определенной территории.

Срок действия льгот.

Фундаментальный вопрос, который разделил историков, будь то простые ученые или философы, заключается в следующем— были ли пособия предоставлены на время и могут быть отозваны по желанию, или они были пожизненными и все же обратимыми, или же они передавались по наследству? Монтескье стремился установить историческую прогрессию между этими различными способами; он утверждает, что пособия сначала могли быть отменены, они предоставлялись на время, затем пожизненно, а затем передавались по наследству. Я считаю, что он ошибается, и что его ошибка проистекает из попытки систематизировать историю и привести ее факты в надлежащий порядок. В раздаче и получении бенефиций всегда сосуществовали две тенденции: с одной стороны, те, кто получал бенефиции, хотели сохранить их и даже сделать наследственными; с другой стороны, короли, которые их предоставляли, хотели возобновить их или предоставлять лишь на ограниченный период. Все споры, которые происходили между королями и их могущественными подданными, все договоры, которые возникали в результате этих споров, все обещания, которые были даны с целью унять недовольство недовольных, доказывают, что короли имели обыкновение силой отбирать назад дарованные ими льготы, и что знать пыталась удержать их также насилием.

Споры о льготах.

Дворцовые мэры приобрели свою власть, встав во главе крупных бенефициев и поддерживая их притязания. При правлении Пипина Короткого и Карла Великого борьба, по-видимому, прекратилась, потому что короли на какое-то время имели значительное превосходство в силе; но в действительности теперь короли, в свою очередь, были агрессорами, которые пытались снова взять бенефиции в свои руки и сохранить за собой свободное распоряжение ими. При Карле Лысом короли снова начали слабеть, и, как следствие, договоры и обещания снова стали благоприятными для бенефициаров. На самом деле история бенефиций со времен Хлодвиг до полного установления феодальной системы представляет собой лишь непрерывную борьбу между этими двумя противоположными тенденциями. Внимательное и точное изучение фактов докажет, что три способа предоставления льгот не следовали друг за другом в правильной хронологической последовательности, но что они существуют и действуют одновременно на протяжении всего этого периода.

Лекция XIV.

Доказательства сосуществования различных способов предоставления льгот с пятого по десятый век.

О льготах, которые можно было отменить абсолютно и произвольно.

О льготах, которые предоставлялись на ограниченное время;*прекария*.

О пожизненных пособиях.

О пособиях, передаваемых по наследству.

Общий характер предоставления пособий.

Их тенденция передаваться по наследству.

Ее преобладание при Карле Лысом.

Военная служба.

Судебная и домашняя служба.

Происхождение, значение и превратности верности, которую вассал должен проявлять своему господину.

Передача выгод.

Со времени вторжения франков в галлию и до момента, когда окончательно оформилась феодальная система, мы находим, что на протяжении всей этой эпохи:

I. Что бенефиции были аннулированы не только вследствие судебного осуждения, но и по произволу дарителя. Право абсолютной и произвольной передачи бенефиций практически существовало при королях династии Меровингов. Однако весьма сомнительно, признавалось ли это когда-либо в качестве права жертвователей. Такой акт отличался внезапностью и насилием, которые потрясли представления о естественной справедливости. Мало кто из мужчин согласился бы получить услугу, которой они могли быть законно лишены в первый момент по своему капризу. Монтескье утверждает, что сначала бенефиции проводились на совершенно неопределенный срок. Доказательства, которые он приводит, не имеют большого веса. Во-первых, пункт, содержащийся в договоре, заключенном в Андели в 587 году между двумя монархами, Гонтраном и Хильдебертом, доказывает факт, но не правильность. Во-вторых, формула Маркульфа опять же не доказывает ничего, кроме обычной практики. Кроме того, даритель блага представляет в этой формуле мотив, а именно необходимость обмена. В-третьих, закон лангобардов просто характеризует бенефицию как ненадежную собственность, каковой она, несомненно, и была. В-четвертых, *Книга феодальных владений*, составленная в двенадцатом веке, вероятно, превратила этот факт в право. В-пятых, письмо епископов Людовику Германику также просто подтверждает этот факт. Очевидно, что это право всегда оспаривалось, и то, что всегда предпринимались попытки помешать постоянству льгот, также является фактом. "Карл Великий, - говорит Эгинхард, - не терпел, чтобы каждый дворянин лишал своего вассала льгот, которые тот даровал ему при любой вспышке гнева". Капитулярный Людовика Благородного, который предоставляет год отвергнутому должностному лицу, чье пособие находится в плохом состоянии, прежде чем оно может быть окончательно у него отобрано, также доказывает, что с этой целью соблюдались определенные формы, и протестует против чисто произвольного распоряжения. То, что покровитель имел право забрать пособие, если арендатор не выполнил свои обязательства, является неоспоримым фактом. Теперь было бы очень легко злоупотребить этим принципом лишения пособий под предлогом нарушения общественного порядка или неверности переданному фонду; соответственно, все сделанные протесты и все договоры, которые были приведены в исполнение, были направлены на противодействие такой процедуре.

Таким образом, мы находим с пятого по десятый век: *Первый*, многочисленные примеры произвольного отнятия благ; такова была практика дарителя, когда его власть соответствовала его желанию. Во-вторых, пособия, отнятые из-за неверности, беспорядка, предательства; это было право.

Прекария.

II. Что касается льгот, предоставляемых на ограниченный срок, Монтескье утверждает, ссылаясь на *Книгу феодальных владений*, что сначала они предоставлялись на один год. Мне не удалось найти ни одного положительного примера этого. Однако не исключено, что могли существовать такие, подобные *прекариям*, принадлежащим церквям. *Прекариуму* римлян означал предоставление собственности при пользовании узурфруктом на ограниченный срок, который, как правило, был довольно коротким. При монархии франков мы видели, что церкви часто консолидировали свое богатство таким образом, чтобы обеспечить себе постоянный доход. Карл Лысый постановил, что *прекария* должна проводиться в течение пяти лет и возобновляться каждые пять лет.

Наложение ареста на церковное имущество.

Единственные пособия, которые, как мне кажется, были предоставлены на какое-то время, по крайней мере, так казалось, - это те, которые были получены за счет церковных богатств, захваченных Карлом Мартеллом (около 720 г. н.э.), и которыми тогда владели под названием *ненадежные*. До этого периода мы находим королей и мэров, которые использовали свою власть для того, чтобы получить, под названием *ненадежных*, пользование определенными церковными богатствами для определенных лиц. Похоже, что Карл Мартель в то время сделал больше, чем просто предоставил или обеспечил удержание церковной собственности под названием *precaria*, — он также полностью ограбил церкви, чтобы передать их богатство в качестве бенефиций. Но после него Пипин и Карломан, его сыновья, хотя они также забрали церковные богатства, чтобы передать их своим вассалам, получили их только под титулом *прекарии*. Церковники энергично протестовали против разграбления владений Карла Мартелла, и именно на основании их протестов Пипин постановил, что богатство, которое может быть восстановлено, должно быть фактически возвращено, а то, что не может быть восстановлено таким образом, должно храниться под названием *precaria*, по фиксированной арендной плате, до тех пор, пока их снова не удастся передать церкви. Пипин и Карл Великий применяли строгие меры для обеспечения того, чтобы владельцы, в *прекарии*, церковных богатств выполняли свои обязательства перед их первоначальными владельцами; и мы можем заключить, судя по частоте их распоряжений, что к этим распоряжениям часто относились с презрением. Тем не менее очевидно, что практика забирать имущество церкви и передавать его в другие руки, будь то абсолютно или под названием ненадежного, продолжалась даже при самых слабых и суеверных королях. Епископы заявили, что Карл Лысый позволил сбить себя с пути истинного, будучи часто соблазненным, отчасти из-за своей молодости, отчасти из-за слабости характера, злыми советчиками и часто сдерживаемый угрозами жильцов, которые говорили ему, "что если он не позволит им завладеть этой освященной собственностью, они немедленно покинут его". Вполне вероятно, что лишь малая часть этого имущества была возвращена церквям, и что большая часть того, что находилось в *прекарии*, стала, наряду с другими привилегиями, наследственным владением жильцов.

Мы видим, что Карл Мартель отнюдь не претендовал на то, чтобы считаться первым инициатором практики пожизненного предоставления пособий, напротив, пособия, возникшие либо в результате действий, которыми он разорял церкви и монастыри, либо в результате действий, подобных его, долгое время были более ненадежными, чем любые другие, и даже по закону должны были быть возвращены церквям; конечно, после смерти жильцов и, по возможности, раньше.

III. На протяжении всей рассматриваемой нами эпохи, как в конце, так и в начале, мы находим пожизненные благодеяния. Очевидно, что при Пипине и Карле Великом большинство льгот было предоставлено за это владение. Это было связано с различными мерами предосторожности, принятыми королями, чтобы предотвратить их преобразование в аллодиальные владения. Людовик Благородный принял те же меры предосторожности. Мабилон цитирует хартию этого короля, содержащую официальную уступку пожизненного пособия. В 889 году король Эдес даровал Рикабоду, своему вассалу, бенефицию "по праву бенефициария и на основании владения узифруктом"; с добавлением, что, если у него родится

сын, бенефиция должна перейти к его сыну на всю жизнь. Мы видим, как при Пипине умер вассал, у которого был сын, и все же его бенефиция была немедленно передана другому вассалу.

Наследственные льготы.

IV. Мы также обнаруживаем, что на протяжении всей этой эпохи бенефиции передавались по наследству. В 587 году Анделийский мирный договор оговорил в отношении уступок, сделанных королевой Клотильдой, что они должны быть бессрочными. Закон вестготов (из Чиндасуинфа, около 540 г.) предусматривает, что уступки, сделанные князьями, не должны быть отменены. Маркульф дает формулу наследственной уступки. В 765 году Карл Великий подарил человеку по имени Жан, который победил сарацин в провинции Барселона, владения (говорит Фонтен), расположенные недалеко от Нарбонны; "чтобы он и его потомки могли владеть ими без какой-либо платы или хлопот, пока они остаются верными нам или нашим детям". Тот же Жан явился к Людовику Любезному с подарком Карла Великого и потребовал его подтверждения. Людовик подтвердил это и добавил к этому новые земли. В 884 году, когда Жан был мертв, его сын Тевтфред явился к Карлу Лысому с двумя только что упомянутыми пожертвованиями и попросил подтвердить их ему. Король даровал это, как сказано, "для того, чтобы ты мог владеть ими, ты и твое потомство, без какой-либо платы". Эти последовательные требования подтверждения либо при смерти первоначального дарителя, либо при смерти первоначального должностного лица доказывают, что наследственный характер пособий тогда не рассматривался как право, даже когда оно было обещано, и, следовательно, оно не основывалось на общем законе, признанном государством.

Срок действия льгот.

Следовательно, эти три способа предоставления пособий, примеры которых я только что привел, существовали в одно и то же время, и я полагаю, что на основании них мы можем утверждать два общих факта, которые, однако, не лишены исключений: *во-первых*, обычным условием предоставления пособий в тот период было то, что они предоставлялись на основании узуфрукта и пожизненно; *во-вторых*, тенденцией того времени было передать пособие в наследственное владение. Этот результат в конечном счете был реализован, когда феодальная или аристократическая система восторжествовала над монархической системой. Мы видим, что при Карле Великом, когда монархическая система достигла своей кульминации, большинство бенефиций предоставлялось на основании пожизненного узуфрукта, а не в качестве личной собственности. Карл Великий не только не желал, чтобы собственность бенефиций была узурпирована, но и был особенно бдителен в отношении их правильного управления. При Карле Лысом, когда возобладала аристократическая система, бенефиции стали передаваться по наследству. Этот способ владения частично возник из-за огромного числа наследственных уступок, которые были сделаны во время этого правления и которые были начаты при Людовике Добродушном; частично также из-за некоторых общих договоренностей в капитуляриях Карла Лысого, которые признавали или предоставляли тем, кто был верен королю, право передавать свои бенефиции по наследству. Из этого мы должны заключить, что наследственный характер пособий в то время преобладал почти повсеместно

как обычай и начал признаваться как принцип, но это еще не было всеобщим и признанным правом. Этого требовали и получали в отдельных случаях, чего не было бы, если бы это существовало как общее право. В монархиях, возникших после расчленения империи Карла Великого, например, в Германии, это не признавалось как право и еще меньше преобладало как обычай.

Давайте никогда не забывать — я повторяю это, — что все эти общие факты относятся к исключительным случаям и что различные методы оказания помощи существовали во все времена. Из природы вещей следовало бы, что общим условием получения бенефиций было, поначалу, пожизненное обладание. Все отношения вождя к своим товарищам были личными, следовательно, и его благодеяния тоже были личными. Не менее из природы вещей следовало, что, когда франки однажды утвердились, сподвижники монарха, которые смогли обрести независимое существование и, в свою очередь, стать могущественными, стремились отделиться от своего древнего вождя и поселиться в своих собственных владениях, чтобы они также могли стать центром групп людей. Отсюда и проистекали все усилия сделать бенефиции наследственными.

Условия, связанные с пособиями.

После того как мы определили происхождение и способ предоставления и передачи благ, нам остается выяснить, какие условия были связаны с ними и какие отношения при этом сложились между дарителем и тем, кто их несет.

Мэбли считает, что сначала бенефиции не налагали каких-либо особых обязательств и что бенефиции Шарля Мартеля были первыми, которые были официально связаны с гражданской и военной службой. Это мнение противоречит природе вещей; —происхождение пособий свидетельствует об обратном. Подобно тому, как в Германии дарили лошадей или оружие и устраивали банкеты, они были способом привязать компании к благотворителю. Это отношение само по себе предполагает обязательство. Идеи Мэбли в равной степени противоречат факты. Во всех спорах, возникавших между должностными лицами и королями Меровингов, бенефиции всегда отстаивались в пользу тех, кто сохранил верность своему покровителю. Не было подано никаких жалоб, когда было замечено, что были ограблены те, кто не проявил должной преданности с их стороны. Сигго, как мы видим, лишился привилегий Хильперика в 576 году, потому что он отказался от своей верности и перешел на сторону Хильдеберта II. Закон рипуарцев предусматривал конфискацию имущества каждого человека, который был неверен королю. Маркульф приводит формулу акта, посредством которого человек был принят в число верующих. Карл Мартелл, раздавая пособия своим солдатам, лишь налагал на них обязательства, которые всегда вытекали из подобных назначений. Только эти обязательства становились все более формальными и четкими именно по мере того, как древние отношения вождя и его сподвижников имели тенденцию ослабевать и исчезать вследствие рассеивания его людей и их расселения по своим собственным владениям.

Вассалитет.

Первоначально сподвижники жили со своим вождем, вокруг него, в его доме и за его столом, как в мире, так и на войне: они были его вассалами в соответствии с первоначальным

значением этого слова, которое означало *гостя, компаньона*, человека, привязанного к дому. [Сноска 13]

[Сноска 13: Существуют разные этимологии слова *vassus*, от *haus*, дом; от *gast*, гость; от *fest*, поститься, установившийся; от *geselle* (вассалус). Слово *Gasinde*, которое выражает *familia*, поскольку оно включает людей, населяющих дом, *гостей* в противовес *mancipia*, наводит меня на мысль, что *vassus* происходит от *gast*. (Anton, *Gesch. der Deuts. Земля.*, том I, стр. 526.)

Мы читаем в Салическом законе (тит. 43): *Si quis romanum hominem convivam regis occiderit, col. 300 culpabilis judicetur*. Римские редакторы этого закона перевели бы слово *gast* через *conviva*.]

Когда большинство вассалов разошлись, чтобы каждый мог проживать в своем собственном аллодиальном поместье, мы можем легко понять возникшую таким образом необходимость определения обязательств, которые затем были на них наложены; но это было сделано несовершенно и постепенно, как это обычно бывает, когда речь идет о спорных вопросах, которые долгое время подлежали общему и условному урегулированию. Поскольку первая раса начала исчезать, а на ее месте возникать вторая, обязательства, связанные с предоставлением пособий, по-видимому, были четко определены. Они подразделяются на две основные категории. *Во-первых*, обязательность прохождения военной службы по требованию покровителя. *Во-вторых*, обязательность определенных судебных и бытовых услуг более личного и бытового характера. В настоящее время невозможно уточнить, какие именно услуги предоставлялись этим должностным лицам. Среди множества актов мы видим только то, что короли наложили на занимающих эту должность *сервиллий*, что вынудило их явиться ко двору. Эти обязательства были объединены под общим термином *верность*. Сначала они были личными и привязывались к качеству *сеньора*, независимо от обладания какими-либо привилегиями; связь, идентичная той, что существовала между древнегерманскими союзниками и их монархом. Когда королю стало необходимо раздавать земли в качестве бенефиции, чтобы обеспечить верность своих подданных, это обязательство было возложено на качество бенефициара. Мы постоянно видим пособия, предоставляемые при условии лояльности. Карл Великий, когда он давал Жану бессрочное пособие, присоединил к нему это условие. Есть основания полагать, что также предоставлялись пособия, обусловленные уплатой определенных сборов (*перепись*). Я не нахожу в этот период предоставления какого-либо пособия, в котором прямо указывалось бы взимание арендной платы; но природа вещей, по-видимому, показывает, что так и должно было быть, и я действительно нахожу упоминание о пособиях, предоставленных *заочно*. Стремление в определенных случаях добиться освобождения от сборов доказывает, что в других случаях они были наложены. Вполне вероятно, что арендная плата была привязана к пособиям, передаваемым по наследству, а не к тем, которые выдавались только на срок индивидуальной жизни.

Клятвы верности.

Поначалу лояльность проявлялась только к тому вождю, которому она была явно обещана и от которого была получена выгода. Карл Великий попытался превратить это в обязательство, общее для всех свободных людей в его Государствах. Маркульф сохранил для нас формулу, в которой он писал своим графам, требуя от всех людей клятвы верности. Таким образом, этот принц пытался прорваться сквозь укреплявшуюся феодальную иерархию, установить прямые отношения со всеми свободными людьми и сделать отношения между королем и подданным

преобладающими над отношениями между господином и вассалом. Клятва верности повсеместно требовалась преемниками Карла Великого, Людовиком Добродушным и Карлом Лысым, но без каких-либо эффективных результатов, поскольку тенденция к иерархической и феодальной аристократии стала преобладающей. Кроме того, мы находим многочисленные примеры поддержания отношений между действующим лицом и патроном даже при Карле Великом. При Карле Лысом эти отношения стали более позитивными и независимыми от короля. Князь даже для пресечения общественных преступлений позволил осуществлять свою власть через вмешательстволорда; он возложил на каждого лорда ответственность за преступления своих собственных иждивенцев. Поэтому именно в условиях господства господ над своими людьми были тогда изысканы средства для поддержания порядка и пресечения преступности. Одного этого достаточно, чтобы указать на постоянно растущую силу феодальных отношений и ослабление авторитета королевской власти.

Лекция XV.

О льготах, предоставляемых крупными землевладельцами зависимым от них людям:

Во-первых, льготы, предоставляемые за все виды услуг и как способ выплаты жалованья;

во-вторых, более крупные собственники узурпируют земли, прилегающие к их собственным, и раздают их в качестве бенефиций своим подчиненным;

В-третьих, преобразование большого количества аллодиальных земель в бенефиции путем практики *рекомендаций*.

Происхождение и значение этой практики.

Постоянство фригольдов, особенно в определенных частях Франкской монархии.

Земли-данники.

Их происхождение и природа.

Их быстрое распространение: его причины.

Общий взгляд на состояние территориальной собственности с шестого по одиннадцатый век:

Во-первых, различные условия территориальной собственности;

во-вторых, индивидуальная зависимость территориальной собственности;

В-третьих, неизменное состояние территориального богатства.

Почему система бенефициарной собственности, то есть феодальная система, была необходима для формирования современного общества и могущественных государств.

Благотворители.

Короли были не единственными жертвователями бенефиций; все крупные собственники давали их. Многие лидеры банд людей первоначально были объединены под руководством короля; впоследствии эти вожди стали владельцами крупных аллодиальных поместий. Часть из них была передана в качестве бенефиций их непосредственным соратникам. Впоследствии они стали крупными чиновниками и также раздавали в качестве пособий части пособия, которое они получали от короля. Отсюда возникла практика субаренды. В капитуляриях мы постоянно встречаемся со словами: *вассалы, вассаллорум ностро*.

Мы находим, что в течение всего этого периода, даже при Карле Великом, многочисленные примеры льгот, полученных не от короля. В двух письмах Эгинхарда прямо упоминается уступка в порядке бенефиции определенных частей королевских пособий.

Мэбли придерживается мнения, что другие лица, помимо короля, начали раздавать бенефиции только после правления Карла Мартелла. Эта ошибка возникает из-за того, что он не понял, что отношение вождя к своему товарищу, которое впоследствии переросло в отношение сеньора к своему вассалу, было сначала чисто личным отношением, полностью независимым от какой-либо уступки льгот и предшествующим ей. Невозможно определить, в какое именно время предоставление бенефиций стало связано с отношением бенефициара к своему покровителю. Вероятно, это произошло почти сразу после создания территории.

Характер льгот.

Количество пособий вскоре стало очень значительным и увеличивалось с каждым днем.

I. Бенефиции раздавались свободным людям, принадлежавшим к совершенно низшему сословию и занятым на второстепенных должностях. Они были у *majores villæ* и у *poledrarii*, то есть у управляющих поместьями и смотрителей лошадей Карла Великого. Политикой этого принца было широко разбрасывать свои дары и вознаграждать усердие и верность везде, где он их находил.

II. Более крупные собственники постоянно становились хозяевами земель, примыкающих к их собственным, независимо от того, были ли это земли, принадлежащие королевским владениям, или такие, которыми пренебрегали и у которых не было четко определенных владельцев. Они выращивали их и впоследствии часто удостоивались привилегии добавлять их к своим пособиям. Масштабы этого злоупотребления становятся очевидными при Карле Лысом благодаря многочисленным мерам, принятым этим принцем для исправления положения.

III. Большое количество аллод было преобразовано в бенефиции посредством довольно древнего использования. Маркульф оставил нам формулу, с помощью которой было произведено это преобразование; ее происхождение мы должны искать в практике *рекомендаций*. Рекомендация изначально представляла собой не что иное, как выбор вождя или покровителя. Закон вестготов, называемый *lex antiqua* и относящийся, должно быть, к королю Эврику, к концу пятого века, гласит: "Если кто-либо подарил оружие или любую другую вещь человеку, которого он взял под свое покровительство, эти подарки должны оставаться собственностью того, кем они были получены. Если этот последний выберет другого покровителя, он будет *волен рекомендовать* себя кому пожелает: это не может быть запрещено".

свободному человеку, ибо он принадлежит самому себе; но в этом случае он должен вернуть покровителю, от которого он отделяется, все, что он получил от него".

Значит, таковы были древние германские обычаи. Отношение человека, *рекомендованного* своему покровителю, было сугубо личным. Подарки состояли из оружия; его свобода оставалась неприкосновенной. Закон лангобардов предоставлял каждому такую же свободу, как и закон вестготов. Тем не менее, мы видим, что тем же капитулярием эта свобода начала ограничиваться. Карл Великий определил причины, по которым любому человеку могло быть позволено покинуть своего господина, когда он что-либо от него получил. Из этого мы можем узнать, что узы, заключенные по рекомендации, начали укрепляться. Такая практика стала очень частой. С помощью этих средств поддерживался порядок, поскольку это касалось закона, а также защита и безопасность, насколько это касалось рекомендованного лица. Когда, таким образом, с покровителем устанавливались отношения служения и защиты, носящие чисто личный характер, возникали другие, более осознанные отношения, в которых учитывалась собственность сторон. Рекомендованный человек получал льготы от сеньора и становился вассалом его поместья; или, скорее, он рекомендовал свои земли, как ранее рекомендовал свою персону. *Рекомендация* таким образом, стала частью феодальной системы и, что наиболее важно, способствовала преобразованию аллодиальных поместий в бенефиции.

Однако нет оснований полагать, что все аллоды были таким образом преобразованы в бенефиции. Первоначально такое обращение или даже простое принятие благодеяния рассматривалось свободным человеком как, в определенной степени, отказ от своей свободы, как вступление в личное служение. Крупные собственники, которые осуществляли почти абсолютный суверенитет в своих собственных владениях, не стали бы так легко отказываться от своей гордой независимости. Этишон, брат Юдифи, жены Людовика Добродушного, больше не желал принимать своего сына Генриха, который без его ведома принял от короля, своего дяди, участок в четыреста акров и таким образом поступил на службу короне. После триумфа феодальной системы в нескольких провинциях, особенно в Лангедоке, все еще оставалось значительное количество аллодов.

Земли притоков.

После разговора о фригольдах и бенефициях мне остается упомянуть о притоках, существование которых засвидетельствовано всеми памятниками того периода. Под этим термином мы не обязательно понимаем земли, на которые взимался общественный оброк, но земли, которые платили пошину, арендную плату вышестоящему начальству и которые не были фактической и абсолютной собственностью тех, кто их обрабатывал.

Их стремительный рост.

Этот вид собственности существовал в Галлии до вторжения франков. Завоевание, ставшее результатом этого вторжения, различными способами способствовало увеличению их численности. *Во-первых*, везде, где обосновывался варвар, обладавший некоторой властью, он не захватывал все земли, но, скорее всего, требовал определенные сборы или эквивалентные им услуги почти со всех, чьи земли граничили с его собственными. Это несомненно

изаприорных соображений и подтверждается как факт примером лангобардов, которые поначалу неизменно довольствовались тем, что подчиняли себе все земли завоеванной страны. Они потребовали треть выручки, а затем забрали саму собственность. Этот факт ясно показывает порядок действий, принятый варварами. Почти все земли, которыми владели римские или галльские вожди, не обладавшие достаточной властью, чтобы встать в один ряд с варварами, были вынуждены подчиниться условиям данничества.

Во-вторых, завоевание не было делом одного дня; оно продолжалось и после утверждения захватчиков. Все документы того периода указывают на то, что высшие должностные лица и крупные собственники постоянно прилагали усилия либо для узурпации владений своих менее могущественных соседей, либо для взимания с них арендной платы или других сборов. Эти узурпации подтверждаются множеством законов, которые были приняты, чтобы предотвратить это. В неустроенном состоянии общества, которое тогда существовало, слабые были полностью предоставлены в распоряжение сильных; государственная власть стала некомпетентной для их защиты; многие земли, которые сначала были свободными и принадлежали либо их древним владельцам, либо варварам со скудными ресурсами, попали в состояние данничества; многие из мелких собственников приобрели для себя защиту сильных, добровольно поместив свои земли в такое состояние. Наиболее распространенным методом передачи земель в подчинение было передать их либо церквям, либо могущественным владельцам, а затем получить их снова, на правах узуфрукта, которым можно было пользоваться всю жизнь, при уплате фиксированных сборов. Такого рода контракты приходится заключать снова и снова в течение этого периода. Те же причины, которые имели тенденцию уничтожать аллоды или превращать их в бенефиции, действовали с еще большей энергией в увеличении числа подвластных земель.

В-третьих, многие крупные собственники, будь то аллодиальных земель или бенефиций, были не в состоянии сами обрабатывать все свои земли и небольшими частями передавали их простым земледельцам за плату определенных сборов и услуг. Это отчуждение происходило во множестве форм и при самых разных обстоятельствах; оно, безусловно, привело к тому, что многие земли стали данниками. Большое количество и бесконечное разнообразие арендной платы и прав, известных в более позднее время под названием *феодалных*, возникли, вероятно, либо из аналогичных договоров, либо из узурпаций, совершенных могущественными собственниками. Постоянное повторение в писаниях и законах того периода терминов *перепись* и *дань*; множество связанных с ними соглашений; общий ход событий; наконец, состояние, в котором находилась большая часть земельной собственности, когда порядок начал восстанавливаться, — все эти обстоятельства делают вероятным, что к концу рассматриваемого нами периода большее количество земель перешло в состояние данничества. Собственность и свобода одинаково предназначались для разграбления. Люди были настолько изолированы, а их силы настолько неравны, что ничто не могло предотвратить результатов такого положения.

Пустыри.

Большое количество пустующих земель, о чем свидетельствует легкость, с которой их мог получить любой, желающий их обрабатывать, свидетельствует, в свою очередь, также об обезлюдении страны и о плачевном состоянии, в котором находилась собственность. Концентрация земельной собственности является решающим доказательством такого

положения вещей. Когда этот вид собственности безопасен и процветает, он имеет тенденцию к разделению, потому что каждый желает обладать им. Когда, с другой стороны, мы видим, что его все больше и больше скапливается в одних и тех же руках, мы почти наверняка можем заключить, что он находится в аварийном состоянии, что слабые не могут на нем прокормиться и что только сильные могут его защитить. Земельную собственность, как и движимое имущество, можно найти только там, где она может продолжать существовать в безопасности.

Есть основания полагать, что большинство подвластных земель, даже те, которые первоначально не были собственностью земледельцев, трудившихся на них, в конце концов стали по праву владения фактически их владениями, хотя и были обременены арендной платой и поборами за обслуживание. Это естественный ход вещей: очень трудно уволить земледельца, который со своей семьей долгое время обрабатывал одну и ту же почву.

Различные Виды земельной собственности.

Таковы были превратности земельной собственности с шестого по одиннадцатый век. Теперь я дам краткий обзор общих характеристик такого положения вещей и попытаюсь оценить их влияние на прогресс цивилизации в целом и, в частности, на политические институты.

I. Имущественные условия отличались большим разнообразием. В наши дни состояние собственности единообразно и везде одинаково; кем бы ни был собственник, он владеет своей собственностью, какого бы характера она ни была, на том же праве владения и подчиняется тем же законам, что и любая другая. Между объектами недвижимости, которые наиболее различны по своему характеру, на сегодняшний день существует идентичность. Это один из самых недвусмысленных симптомов и надежных гарантий прогресса юридического равенства. Во времена, о которых мы говорили, разнообразные условия владения собственностью неизбежно привели бы к образованию нескольких классов в обществе, между которыми существовало большое, искусственное и постоянное неравенство. Люди были не просто собственниками в большей или меньшей степени; помимо неравенства в количестве богатства, существовало также неравенство в природе обладаемого богатства, более мощного инструмента угнетения, чем это, невозможно представить. Однако даже это было шагом вперед по сравнению с рабством, существовавшим у древних. Раб не мог владеть ничем, по существу, был неспособен владеть собственностью. Во времена, о которых я говорю, масса населения не стала полными и абсолютными обладателями собственности, но достигала более или менее несовершенного и ненадежного владения, благодаря которому она приобрела средства для еще более высоких восхождений.

Изоляция собственников.

II. Земельная собственность была затем передана в зависимость частным лицам. В настоящее время вся собственность бесплатна и находится в распоряжении только ее владельца. Сформировано общее общество, организовано государство, каждый собственник связан со своими согражданами множеством уз и отношений, а с государством - защитой, которую он получает от него, и налогами, которым он облагается взамен: таким образом, существует независимость без изоляции. С шестого по одиннадцатый век независимость неизбежно сопровождалась изоляцией: владелец аллода жил на своих землях, почти ничего не покупая и не продавая. Он почти ничем не был обязан государству, которое едва существовало и которое

не могло обеспечить ему эффективную защиту. Таким образом, положение аллодов и их владельцев в то время было мошенничеством, в значительной степени антисоциальным. В более древние времена в лесах Германии люди, не имевшие земельной собственности, жили, по крайней мере, сообща. Когда они стали собственниками, если бы аллодиальной системе удалось стать преобладающей, вожди и их сподвижники были бы разделены, так и не будучи вызванными для встречи и признания друг друга гражданами. Общество вообще не было бы создано. Оно существует в тех отношениях, которые объединяют людей, и в узах, из которых возникают эти отношения. Оно необходимо требует закона, условия зависимости. И когда дело не продвинулось так далеко, что между государством и индивидом было установлено достаточное количество таких отношений и уз, тогда индивиды становятся зависимыми друг от друга; и именно к такому положению вещей пришел седьмой век. Именно несовершенство общества привело к гибели аллодиальной системы в отношении земельной собственности и преобладанию системы бенефициаров или данников. Независимость аллодов могла существовать только в связи с их изоляцией, а изоляция антисоциальна. Иерархическая зависимость благ стала связующим звеном, объединяющим собственность друг с другом и общество внутри себя.

Постоянное Состояние Богатства.

III. Такое распределение и такой характер земельной собственности привели к очень важному факту, а именно к тому, что в течение нескольких столетий практически не существовало никаких средств, с помощью которых государство или отдельные лица могли бы увеличить свое богатство. Большинство сколько-нибудь значительных собственников вообще не обрабатывали землю; она была для них просто капиталом, доходы с которого они собирали, не утруждая себя его увеличением или повышением производительности. С другой стороны, большинство тех, кто обрабатывал землю, не были собственниками или занимались этим ненадежным и несовершенным образом; они не искали от земли ничего, кроме средств к существованию, и не рассматривали ее как средство своего обогащения или возвышения. Сельскохозяйственный труд был почти неизвестен богатым, а бедным он не давал ничего, кроме самого необходимого для существования. "Отсюда последовало постоянное обнищание крупных собственников, которое вынуждало их постоянно прибегать к насилию, чтобы сохранить свое состояние и свой ранг. Следовательно, в то же время возникло и то стационарное состояние населения сельских районов, которое затянулось на столь длительный период. Земельная собственность всегда имела тенденцию к концентрации именно из-за того, что ее продукция не увеличивалась. Соответственно, не в сельской местности и не в сельскохозяйственном труде, а в городах, в их торговле и промышленности, мы найдем самые ранние зачатки накопления общественного богатства и прогресса цивилизации. Лениность высших классов и нищета низших в средние века проистекали главным образом из характера и распределения территориальной собственности.

IV. Собственность бенефициаров была одним из наиболее влиятельных принципов формирования крупных обществ. В отсутствие публичных собраний и центрального деспотизма оно, тем не менее, устанавливало связь и формировало отношения между людьми, рассеянными по обширному пространству страны, и тем самым делало возможной федеративную иерархию, которая должна была охватывать еще более широкий круг. У народов древности расширение государства было несовместимо с прогрессом цивилизации; либо государство должно быть разрушено, либо восторжествует деспотизм. Современные

государства представляют собой иное зрелище, и этому результату в значительной степени способствовал характер собственности бенефициаров.

Лекция XVI.

О состоянии людей с пятого по десятый век.

Невозможность определить это в соответствии с каким-либо фиксированным и общим принципом.

Состояние земель не всегда соответствует состоянию людей.

Изменчивый и неурегулированный характер социальных условий.

Рабство.

Попытайтесь определить состояние людей в соответствии с *Wehrgeld*.

Таблица двадцати одного основного случая *Вергельда*.

Неопределенность этого принципа.

Истинный метод определения состояния людей.

Классификация лиц.

Мы исследовали состояние территориальной собственности с пятого по десятый века. Мы выделили три вида территориальной собственности. *Во-первых*, аллодиальный или независимый; *во-вторых*, бенефициарий; *В-третьих*, приток. Если бы из этого мы захотели вывести состояние людей, мы нашли бы три соответствующих им социальных условия: *во-первых*, свободные люди, или владельцы аллодов, ни с кем не связанные и не зависящие от кого-либо, за исключением общих законов государства; *во-вторых*, вассалы, или владельцы бенефиций, зависящие в определенных отношениях от дворянина, у которого они владели своей собственностью, либо при жизни, либо по наследству; *в-третьих*, владельцы притоков, на которых лежали определенные особые обязательства. К которым необходимо добавить четвертый класс, а именно крепостных.

Далее следует отметить, что первый из этих классов имел тенденцию исчезать и поглощаться вторым, третьим и даже четвертым классами. Это вытекало из фактов, которые мы уже объясняли.

Эта классификация людей на самом деле реальна и встречается в истории; но мы не должны рассматривать ее как примитивную, общую и совершенно правильную классификацию.

Положение людей предшествовало положению земель; — свободные люди появились раньше, чем фригольды; вассалы и партнеры появились раньше, чем бенефиции. Следовательно,

состояние и отношения людей первоначально не зависели от состояния и отношений территориальной собственности и не могут быть выведены из них.

Самое раннее состояние общества.

Историки впали в двойную ошибку по этому поводу. Некоторые хотели видеть во всех франках, до завоевания и установления системы земельных владений, которую мы уже объясняли, людей совершенно свободных и равных, чья свобода и равенство долгое время сопротивлялись формированию этой системы. Другие не желали признавать людей свободными, за исключением случаев, когда на них смотрели как на землевладельцев, будь то в качестве аллодов или бенефициев.

Вопрос не настолько прост и абсолютен. Социальные условия, таким образом, не были сформулированы и устранены с помощью единого процесса в угоду удобству последующих антикваров.

Каков, по нашему мнению, характер свободы в период зарождения обществ? Ее условием является могущество, и вряд ли у нее есть какие-либо другие гарантии. Пока общество имеет небольшую протяженность и прочно замкнуто внутри себя, индивидуальная свобода сохраняется, потому что каждый индивид важен для общества, членом которого он является: так было с германскими племенами в их воинских отрядах. По мере того, как общество расширяется и рассредоточивается, свобода отдельных людей оказывается под угрозой, потому что их личной силы недостаточно для их собственной защиты. Это было проиллюстрировано на примере германцев, обосновавшихся в Галлии. Большое количество его товарищей жили в доме вождя, не будучи сами собственниками и не стремясь ими стать, и этим безразличием они были обязаны тому недостатку предусмотрительности, который присущ нецивилизованным людям. Собственность стала важным инструментом достижения власти, однако многие свободные люди таковой не обладали.

Прогресс цивилизации выводит гарантию индивидуальной свободы из-под власти самого индивида и передает ее во власть сообщества. Но само создание такой общественной власти и гарантия тем самым индивидуальных свобод - это постепенный и трудный процесс: он является результатом медленного роста социальной культуры, которая должна восторжествовать над многими препятствиями. Там, где нет власти, принадлежащей сообществу, у индивидуальных свобод нет гарантии их сохранения.

Отсюда ошибка тех, кто ищет свободы в зачаточном состоянии обществ. Мы действительно находим это там, но только тогда, когда общество находится совсем в своей колыбели, когда каждый отдельный индивид достаточно силен, чтобы быть способным защищать свою собственную свободу в очень ограниченном сообществе. Но как только общество поднимается и расширяется, мы видим, что эта свобода погибает; проявляется неравенство различных сил, и индивидуальная власть становится неспособной сохранить индивидуальную свободу. Это время зарождения угнетения и беспорядка.

Принципы классификации.

Таково было состояние франко-римской общины в рассматриваемый нами период. Кажется несколько ребяческим спрашивать, кто тогда был свободен; никто не был свободен, каким бы ни было его происхождение, если он не был сильным. Настоящий вопрос заключается в том, кто был силен — момент, который чрезвычайно трудно определить.

В полностью устоявшемся обществе, которое существует уже давно, легко понять, кто силен. Происходит постоянная передача свойств и древних влияний; сила имеет постоянные формы, люди классифицируются. Мы видим, где находится сила и кто ею обладает. Но в то время, которое мы рассматриваем, различные элементы социальной силы боролись за существование; — они едва существовали, и они не были ни широко известны, ни стабильно закреплены, ни регулярно обладали властью; — господствовавшие жестокие обычаи делали собственность очень подвижной; — индивидуальная сила была плохой гарантией свободы, более того, она сама нуждалась в опеке.

Человеческий разум с трудом может поверить в беспорядок, потому что он не может ясно представить себе такое положение вещей; он не смиряется с этой идеей; он желает ввести свой собственный порядок, чтобы обнаружить свет. Однако мы должны принимать факты такими, какие они есть на самом деле. Поэтому мы можем понять, как трудно показать состояние людей с пятого по десятый века; узнать, какие люди были свободны, а какие нет, и особенно, каким на самом деле был свободный человек в своем положении и влиянии. Мы поймем эту трудность еще лучше, когда попытаемся определить условия жизни, относящиеся к определенным позициям, в соответствии с различными принципами классификации, которые мы можем применить к этой задаче. Мы увидим, что невозможно найти ни одного принципа, с помощью которого мы могли бы вывести состояние, принадлежащее к различным позициям, способом, точно соответствующим известным фактам, и который не опровергался бы на каждом шагу теми же самыми фактами или, по крайней мере, не был бы ими показан как совершенно недостаточный и ненадежный.

Давайте сначала применим принцип, который выводится из состояния земельной собственности.

Аллодиальные И Бенефициарные Собственники.

Владельцы аллодов могут показаться бесспорно свободными людьми. Аллодиальный собственник, владевший обширными поместьями, пользовался полной независимостью и обладал почти абсолютным суверенитетом на всей своей территории и среди своих партнеров.

Крупным аллодиальным собственникам иногда удавалось длительное время оставаться в таком положении. Но это, безусловно, не было самым сильным и, следовательно, не самым свободным и постоянным условием; ибо мы видели, что аллодиальная собственность вырождалась и приходила в упадок, пока почти все аллодиальные собственники не стали бенефициарами. Мы видели, как разгорелся гнев Этишона. Общий факт свидетельствует против жизни аллодиального владельца. Сама его независимость была причиной изоляции, а следовательно, и слабости. Владельцы аллодов, уставшие от жизни в своих поместьях, изолированные от всего общества, обычно приезжали и жили с королем или каким-нибудь

крупным собственником, обладавшим большей властью, чем они сами. Вскоре вошло в обычай отправлять туда своих детей, чтобы они могли стать спутниками принца или какого-нибудь выдающегося дворянина.

Что касается более мелких аллодиальных собственников, то они не могли долго удерживать свое положение; они были недостаточно сильны, чтобы отстоять свою независимость. Записи того периода показывают, что их собственность вскоре была отчуждена, и в то же время многие из них стали просто возделывателями земель. Таким образом, положение фригольдера слилось с положением данника. Отсюда был всего один шаг до полной потери свободы. Этот шаг фактически был предпринят большим количеством аллодиальных собственников — уставшие или разорившиеся, они передали свою свободу в руки собственников, более богатых и могущественных, чем они сами.

Теперь мы переходим к бенефициарам.

Бенефиции породили крупные индивидуальные ресурсы; —в них мы находим источник феодальной аристократии;—крупные бенефициары со временем стали могущественными вельможами. Но мы не должны из этого делать вывод, что обладание бенефициями было в рассматриваемый нами период каким-либо обеспечением постоянного социального положения, к которому обязательно относились власть и свобода. *Во-первых*, это владение было ненадежным, подвижным, подвергавшимся нападкам, в случае мелких бенефициаров, со стороны более крупных, а в случае последних - со стороны короля. Собственность бенефициара едва ли начала приобретать какую-либо устойчивость в конце девятого века. *Во-вторых*, ряд небольших льгот был оказан лицам, слишком слабым, чтобы эффективно защищать свое положение и свою свободу. Чтобы заручиться услугами человека, который не был рабом, ему было предоставлено пособие — следовательно, это была субсидия на содержание слуги. Для этой цели была отдана сама земля, а также ее производства. Бенефиции, предоставленные управляющим Карла Великого и смотрителям его конницы, были настоящими бенефициями, а не, как думает г-н де Монлозье, данническими землями. Таким образом, мы не можем сказать, что ранг бенефициария был признаком определенно выраженного социального положения или что он мог измерять степень важности и свободы, которые принадлежали отдельным людям.

Различные классы свободных людей.

Когда мы упомянули аллодиальных собственников и бенефициаров, можно подумать, что класс свободных людей исчерпан. Однако это не так. Существовали различные классы владельцев и фермеров притокованных земель, известные под разными названиями; такие как *фискалини*, *фискалы*, *трибутариум*, *колони*, *лиди*, *альди*, *альдионес*, и др. Не все эти названия обозначают разные состояния, но различные оттенки в условиях по существу одинаковы. Были: *во-первых*, свободные люди, одновременно аллодиальные собственники и земледельцы; *во-вторых*, free men, both proprietors of benefices and cultivators; *Thirdly*, free men, neither properly freeholders nor beneficiaries, and cultivators; *Fourthly*, men not free, to whom the hereditary possession of tributary land had been granted on the payment of certain fees and services; *Fifthly* в-пятых, несвободные люди, которые пользовались только постоянным владением притоком земли. И здесь мы опять не можем найти какого-либо общего и фиксированного социального условия, которое определяло бы, каковы были ранг, права и другие качества индивидов, принадлежащих к нему. Мы ошибаемся, если воображаем, что либо каждый собственник был свободен, либо что каждый свободный человек был собственником. Мы находим, что земледельцы при короле

преследовали более мелких аллодиальных собственников, которые проживали по соседству, и были слишком слабы, чтобы оказать какое-либо эффективное сопротивление, хотя они и были франками.

Мне достаточно упомянуть о рабах, чтобы заметить, что многие свободные люди впали в это состояние рабства посредством насилия и из-за неуверенности в собственности, которая влекла за собой соответствующую неуверенность в положении. Иногда один человек сдавался своему более могущественному соседу и в то же время полностью отказывался от своей свободы. Капитуляция, однако, иногда не была полным отказом от свободы, хотя она была пожизненно отчуждена или была согласована сумма, которая будет выплачена в случае расторжения помолвки.

Проверка социальных условий.

Очевидно, что мы не можем вывести из состояния и распределения территориальной собственности какую-либо истинную и фиксированную таблицу различных социальных условий и важности прав, принадлежащих каждому из них. Эти условия были слишком неопределенными, слишком разными, хотя номинально идентичными, и слишком изменчивыми, чтобы дать нам стандарт для измерения объема свободы, которой обладал каждый человек, и места, которое он занимал в обществе. Положение людей было почти индивидуальным; мера важности любого индивидуума определялась конкретным количеством силы, которая могла принадлежать ему, гораздо больше, чем общим положением, которое он, по-видимому, занимал. Индивиды постоянно переходили из одного состояния в другое, не теряя сразу всех характеристик положения, которое они покинули, и не приобретая сразу всех характеристик того, в которое они только что вступили.

Давайте применим другой принцип.

Вергельд

Предпринимались попытки определить состояние индивидов и классифицировать людей в соответствии с *suehrgeld*; то есть в соответствии с суммой, на которую человек мог бы заработать за совершение убийства, что, следовательно, было мерой оценки различных жизней. Найдём ли мы здесь какой-либо более определенный и неизменный принцип, по которому можно классифицировать социальные условия?

Я кратко изложил все случаи *вергельда*, предусмотренные варварскими законами. Я не буду перечислять их все, но представлю вам двадцать одну основную сумму, начиная от суммы в 1800 *солидов*, самой большой ценности, которой по закону была оценена жизнь любого человека, и заканчивая 20 *солидами*.

The *вергельд* составил:—

1800 сол. (*солиди*): за убийство свободного варвара, сподвижника короля (*в опекаемой области*), на которого напал и убил в его доме неизвестный...

960 сол.: 1-й. герцог среди баварцев; 2-й. епископ среди вооруженных отрядов, среди салийских франков, немцев.

900 сол.: 1-й. епископ среди рипуарских франков; 2-й. римлянин, в опеке *региона*, атакован и убит в собственном доме вооруженной бандой салийских франков.

640 сол.: родственники герцога, с варварами.

600 сол.: 1. каждый мужчина в опеке *региона*, с рипуарцами; 2. то же самое с салианскими франками, 3-й. граф у рипуарцев; 4-й. священник, рожденный свободным, у рипуарцев; 5-й. священник - с немцами; 6-й. граф - с салийскими франками; 7-й. *сагибаро* (своего рода судья) свободен, *там же.*; 8. священник, *там же.*; свободный человек, на которого напала вооруженная банда и убила в его собственном доме, *там же.*

500 сол.: дьякон с рипуарцами.

400 сол.: 1-й. иподьякон с рипуарцами; 2-й. диакон с немцами; 3-й. то же самое среди салианских франков.

300 сол.: 1-й. римлянин, живущий с королем, с салианскими франками; 2-й. молодой человек, воспитанный на службе королю, и те, кто был предоставлен королем избирательным правам и считался с рипуарцами; 3-й. священник среди баварцев; 4-й. *сагибаро*, воспитанный при дворе короля, среди салийских франков; 5. римлянин, убитый вооруженной бандой в своем доме, *там же.*

200 сол.: свободнорожденный клерк у рипуарцев; 2-е место. дьякон с баварцами; 3-й. свободный римский франк; 4-й. немец из средних классов; 5-й. франк или варвар, живущий по салическому закону; 6-й. странствующий Франк, у рипуарцев; 7-й. человек, получивший избирательные права путем покупки, у рипуарцев.

160 сол.: 1-й. свободный человек вообще, среди немцев; 2-й. то же самое с баварцами; 3-й. бургундский, немецкий, баварский, фризский, саксонский, с рипуарцами; 4-й. свободный человек, обрабатывающий церковную собственность вместе с немцами.

150 сол.: 1-й. *оптимус*, или благородный бургундец, убитый человеком, на которого он напал; 2-й. управляющий королевскими владениями у бургундов; 3-й. раб, который мог хорошо работать с золотом, *там же.*

100 сол.: любой человек, принадлежащий к среднему классу (*mediocris homo*) у бургундцев, убитый человеком, на которого он напал; 2-е место. римлянин, владеющий личной собственностью, у салийских франков; 3-й. римлянин во время путешествия, у рипуарцев; 4-й. человек на службе у короля или церкви, *там же.*; 5. плантатор (*лидус*) по двум хартиям Карла Великого (ап. 803 и 813); 6-е место. управляющий (*актер*) владениями, принадлежащими кому угодно, кроме короля, у бургундов; 7. раб, обрабатывающий серебро, *там же.*

80 сол.: те, кому предоставлены избирательные права в присутствии церкви или по специальной хартии, у германцев.

75 сол.: любой человек низкого положения (*второстепенная персона*) у бургундцев.

55 сол.: раб-варвар, нанятый на личную службу хозяину или в качестве разносчика посланий у бургундцев.

50 сол.: кузнец (раб) у бургундцев.

q 45 сол.: 1-й. крепостной церкви и крепостной короля у немцев; 2-й. римлянин-данник салийских франков.

40 сол.: 1. человек, просто получивший избирательные права, у баварцев; 2. пастух, держащий сорок свиней, у немцев; 3. пастух над восьмьюдесятью овцами, *там же.*; 4-е место. сенешаль человека, у которого в доме двенадцать товарищей (*васси*), *там же.*; 5. маршал, который держал двенадцать лошадей, *там же.*; 6-е место. повар, у которого есть помощник (*младший*), *там же.*; 7. ювелир, *там же.*; 8-е место. оружейник, *там же.*; 9-е место. кузнец, *там же.*; 10-е место. картрайт с бургундцами.

36 сол.: 1-й. раб с рипуарцами; 2-й. раб, ставший плантатором-данником, *там же.*

30 сол.: содержатель свиней у бургундов.

20 сол.: рабыня с баварцами.

Невозможность классификации.

Из этой таблицы мы видим, что, несмотря на распространенное мнение об обратном, *wehrgeld* ни в коем случае не является точным и определяющим показателем социальных условий. Она не определяется единообразно в зависимости от происхождения, качества, положения индивидов. Обстоятельства убийства, официальный статус преступника, большая или меньшая полезность или заурядность убитого человека - все эти переменные элементы входят в определение *вергельда*. Простой факт того, что убийство было совершено при дворе герцога, когда жертва направлялась в дом графа или возвращалась из него, утраивает вес каждого человека, будь он рабом или свободным, варваром или римлянином. Элементы *вергельда* очень многочисленны; они варьируются в зависимости от места и времени. Римлянин, данник, раб, в зависимости от обстоятельств, может оцениваться в большую или меньшую сумму, чем свободный человек-варвар. Мы видим много общих указаний, которые служат доказательством того, что римлянина обычно почитали меньше, чем варвара, данника или раба меньше, чем свободного человека. Это очень легко объяснить, и этого можно было бы предвидеть. Но по этой причине не менее трудно извлечь из таких фактов положительное указание на состояние индивидов — точную и полную классификацию социальных условий.

Настоящая проверка социальных условий.

Не остается иного выхода, кроме как отказаться от идеи классификации социальных условий и определения положения людей в соответствии с каким-либо общим принципом,

основывающимся либо на природе территориальной собственности, либо на юридическом признании ценности различных жизней. Мы должны просто выяснить, с помощью исторических фактов, кто был сильным и могущественным в то время; какое общее название было дано им; какая доля влияния и свободы выпала на долю тех, кого просто называли свободными людьми. Таким образом, мы придем к более ясным и определенным результатам. Мы часто обнаруживаем, что земельная собственность является большим и основным источником силы, и что *wehrgeld* является показателем степени важности или свободы, которой обладают индивиды; но мы не будем приписывать этим двум принципам общий и решающий авторитет и не будем искажать факты, чтобы они соответствовали нашим гипотезам.

Лекция XVII.

Из *Трудов* или *Отступлений*.

Люди, верные королю и крупным собственникам.

Различные способы их приобретения и удержания.

Обязанности *студентов*.

The *Леуды* - это происхождение знати.

Епископы и главы монастырей считались среди *приближенных* короля.

Моральная и материальная власть епископов.

Попытки королей присвоить себе право назначать епископов.

Свободные люди.

Образовывали ли они особый и многочисленный класс?

The *Ариманны* и *ратимбурги*.

Ошибка М. де Савиньи.

Быстрое и повсеместное расширение феодальной иерархии.

Вольноотпущенники.

вопрос о различных способах предоставления избирательных прав:

Первый, динариалы, предоставленные королю;

Второй, табуларии, предоставленные церкви;

третий, чартуларии, предоставленные хартией.

Различные последствия, вытекающие из этих различных способов предоставления избирательных прав.

Проступки или Отступления.

Первые, с кем мы встречаемся в это время, занимающие высшее место на социальной лестнице, - это *Леуды*, или *Антрустионы*. Их название указывает на их качество —*доверие* выражает верность. Это были люди, доказавшие свою верность, и они сменили соратников немецких вождей. После завоевания каждый из вождей обосновался вместе со своими людьми на определенной территории. У короля было большее и более значительное число сторонников. Многие остались с ним. У него были разные средства, которыми он очень усердно пользовался, чтобы прикрепить к себе свои знания или приобрести их.

1-й. Очевидно, именно на этот результат и было направлено предоставление льгот. В 587 году Гонтран, давая свой совет Хильдеберту II. о его поведении по отношению к тем, кто был рядом с ним, указывает ему "на тех, кого он должен почитать назначениями и подарками, и на тех, кому он должен отказать в них".

2-й. Организация дома, дворца, двора, частично заимствованная из традиций Римской империи, мимолетные развлечения и постоянные преимущества, которые с ними были связаны, побудили многих влиятельных людей стать правителями или придали значение первоначальным Правам короля. Ниже приведены названия некоторых из их должностей: "граф дворца, референдарий, сенешаль, маршал, сокольничий, дворецкий, камергер, привратник, старший привратник и т.д."

Обязанности студентов.

3. Маркульф сохранил для нас формулу, с помощью которой важный человек, *cum arimannia suâ*, "со своими свободными людьми, со своей бандой", имел обыкновение причислять себя к королевским людям. Карл Великий принимал различные меры предосторожности для того, чтобы люди, которые приходили к нему, чтобы стать его верными последователями (*de truste faciendâ*), не встречали никаких препятствий.

4-й. Именно своим родственникам короли имели обыкновение поручать важные общественные должности, такие, которые принадлежали герцогам, графам и т. Д. Есть основания полагать, что первоначально эти функции принадлежали главному вождю, обосновавшемуся на определенной территории. Естественным ходом событий эти вожди сами стали подданными короля или были вытеснены теми, кто таковыми являлись.

5-й. Количество леудов было основным источником силы; соответственно, их умножали всевозможными приспособлениями. В 587 году в Анделийском мирном договоре между Гонтраном и Хильдебертом II "было решено, что ни один из них не должен пытаться перетянуть на себя права другого или получить их, если они пришли по собственной воле". Мы постоянно сталкиваемся с важными делами, угрожающими королю оставить службу и перейти на какую-нибудь другую.

Общей обязанностью леудов была верность, служба во дворце и военная служба. Ценой этого обязательства для леудов были власть и богатство. У них также были определенные гражданские преимущества, но более неопределенного характера. Их *wehrgeld* было больше, каким бы в противном случае ни было их происхождение. Мы видим, что их прерогативы накапливались по мере того, как их власть укреплялась длительным обладанием привилегиями. Карл Великий желал, чтобы его вассалы пользовались почетом и занимали после него первое место в мире по уважению. Однако среди приближенных короля были и менее могущественные, а некоторые даже были бедны.

У каждого крупного собственника были свои владения; его дом был организован по образцу королевского; в каждом имелись одинаковые офисы.

Это мнение Монтескье, которому в этом противостоит Монлозье, что происхождение дворянства следует искать в Леудах. Ни один из них не составил, по моему мнению, справедливого и ясного представления ни о положении леудов, ни о характере знати. Ранг лейда и его преимущества носили исключительно личный характер. Ранг свободного варвара передавался по наследству, как и его преимущества; но ранг *Leude*, то есть преимущества и превосходство, которые он извлекал из своего положения, имели тенденцию становиться наследственными; ранг свободного человека, с другой стороны, имел тенденцию, когда он был изолирован и предоставлен самому себе, стираться и терять свои преимущества. Большинство свободных людей, которые не стали бенефициарами, вассалами, леудами, имеющими какое-либо значение, вообще перестали быть свободными. Аристократия леудов имела тенденцию к образованию, свобода свободных людей имела тенденцию к уничтожению: —свободные люди, в отличие от тех, кто не был свободен, были аристократией на закате; леуды были, по сравнению со свободными людьми, аристократией на подъеме.

Формирование франкской знати.

Маннерт в своем трактате, озаглавленном "*Свобода франков*", *Freyheit der Franken*, очень четко объяснил формирование дворянства среди франков. Среди потомков франкских королей было много римских галлов: мы находим, например, имена *Протадия*, *Клавдия*, *Флорентиниана*, среди мэров дворца в конце VI- начале VII века. Они часто меняли свои имена на варварские. Так, брат герцога Люпуса, римлянин по происхождению, называл себя *Магн-Вульфус* (великий волк), а своего сына, который был епископом Реймса, он назвал *Ром-Вульфус* (римский волк). Эти римляне вступили в общество леудов, потому что нуждались в защите королей; потому что они были склонны поставить ему на службу ту власть, которая у них была; потому что они были знакомы со страной и знали, что король нуждается в них; потому что, наконец, короли, приняв христианство, примирились со многими богатыми и влиятельными галлами.

Епископы и главные главы монастырей или крупных церковных корпораций числились в числе приближенных короля. Власть епископов среди галлов до прихода германцев подтверждается непосредственно фактами; их влияние, их богатство доказываются косвенно рвением, с которым добивались должности епископа. Их значение значительно возросло после прихода варваров. Они защищали древних жителей от варварских королей и служили последним своей властью в управлении древними жителями.

Власть епископов.

Они, и едва ли кто-либо, кроме них, сохранил какую-то науку, какую-то интеллектуальную культуру; влияние религиозных идей и обычаев на обращенных варваров было сильным; сформированные впечатления были сильными и яркими на той стадии цивилизации: духовенство могло будоражить воображение, могло успокаивать или тревожить совесть. Епископы и главы монастырей приобрели через большое количество источников огромное богатство; со временем они стали крупными бенефициарами; большая часть имущества, переданного церквям, была передана в качестве бенефиций и, следовательно, влекла за собой обязательства, относящиеся к этому титулу; некоторая собственность была передана "с полным правом собственности". В 807 году Карл Великий поручил своему сыну Пипину помешать герцогам и графам, которым было передано управление провинциями, требовать от церквей всех услуг, вообще причитающихся свободным людям. В 816 году Людовик Добрый постановил, что каждая церковь должна владеть фермой абсолютно бесплатно. Факты на каждом шагу свидетельствуют о важности епископов; они участвовали в важных сделках и помогали в составлении законов. Графы, герцоги, крупные варварские собственники становились епископами. Временные последствия, связанные с церковным отлучением от церкви, не преминули дать в их руки мощное оружие нападения или защиты. Церкви получили иммунитеты всех видов, от военной службы, права обычаев и т. Д.; Они стали приютами — народным правом, которое в эти времена грубого насилия в гораздо большей степени защищало невинных, чем виновных.

Назначение епископов было древним правом священников и верующих. Важность этих функций и богатство церквей побудили короля посягнуть на эту прерогативу. Кроме того, они выдвигали какие-то претензии на это, как владыки церквей, которым они даровали бенефиции. Они использовали право конфирмации, чтобы завладеть правом выдвижения кандидатур. Поначалу епископы были самыми верными и преданными слугами короля; короли и епископы нуждались друг в друге. Очень скоро после этого епископы стали настолько могущественны, что смогли действовать независимо от королей.

В эту эпоху монастыри также приобрели большое значение, хотя их главы, по-видимому, не играли такой заметной роли в обществе, как в Англии.

В целом власть духовенства в этот период была столь же полезна, сколь и велика. Она пробудила и развила моральные потребности у варваров; — она предписывала и внушала уважение к правам и страданиям слабых; —она давала иллюстрацию реальности моральной силы, когда все находилось в распоряжении материальной силы. Это ложное представление, которое предполагает, что учреждение или влияние должно подвергаться нападкам из-за пагубных последствий, которые оно может произвести после столетий существования; мы должны учитывать и ценить это во времена, когда оно было первоначально сформировано.

Свободные люди.

От леудов перейдем к тем, кто был просто свободными людьми.

Есть слова, которые в наше время имеют настолько простое и абсолютное значение, что мы применяем их без оглядки или стеснения ко временам, когда их действительное значение

вообще не признавалось. Примером может служить выражение "*свободный человек*". Если под этим мы подразумеваем человека, который не является рабом, человека, который не является собственностью другого человека и не может быть ни подарен, ни продан в качестве предмета торговли, то с пятого по десятый века существовало огромное количество свободных людей. Но если мы придадим этому выражению политический смысл, которым оно обладает в наши дни, то есть идею гражданина, не зависящего ни от кого другого, который в вопросах безопасности своей личности и своего имущества зависит только от государства и законов государства, то число свободных людей в тот период, о котором мы говорим, было очень незначительным и постоянно уменьшалось. Большинство из тех, кто не был крепостным, были наняты или все чаще связывали себя обязательствами либо ради безопасности своей личности, либо ради сохранения своего имущества, на службу и в определенной степени зависели от какого-то человека, более могущественного, чем они сами, который нанимал их в своем доме или защищал на расстоянии. Независимость гражданина в том виде, в каком она существовала в республиках древности, и в том виде, в каком она существует в наших общественных сообществах, становилась все более и более редкой с пятого по десятый века. Выдающиеся публицисты, среди прочих М. де Савиньи, в своей *Истории права романа на жизнь*, утверждали, что в этот период всегда существовал многочисленный класс свободных людей, истинных граждан, освобожденных от всякой личной зависимости, зависящих только от государства и составляющих тело нации. Это связано с полной путаницей времен и неправильным пониманием естественного хода событий. Несомненно, во время вторжения и в период, непосредственно последовавший за ним, было много свободных людей такого рода; независимость индивидуумов, ведущих кочевнический и варварский образ жизни, не исчезла внезапно и полностью под влиянием новых обстоятельств, возникших в результате их территориального закрепления. Но что касается большего числа свободных людей, то эта независимость быстро поглощалась новыми связями и очень многочисленными и разнообразными формами феодальной иерархии. Мы можем думать, что нашли под определенными именами, которые часто встречаются в документах и исторических трудах, такими как *ариманни*, *эриманни*, *хериманни*, *германни*, у лангобардов, и *рахимбурги*, *Ратимбурги*, *Регимбурги*, у франков, класс людей, действительно свободных — граждан в том смысле, в каком мы используем эти слова в настоящее время. Но если мы исследуем более внимательно, то вскоре узнаем, что такого класса не найти и что почти, если не совсем, все *ариманны* или *ратимбурги* были закованы в оковы феодальной организации и гораздо больше зависели от какого-нибудь вышестоящего человека, чем от защиты государства.

Предоставление гражданских прав.

Многие ученые мужи также думают, что практика предоставления избирательных прав, преобладавшая в тот период, создала многих свободных людей — настолько полно, как если бы они унаследовали свою свободу по праву рождения. Это тоже, я думаю, ошибка. Предоставление избирательных прав было частым явлением, но оно предоставляло полную свободу очень немногим; оно превращало многих в земледельцев и данников или ставило их на другие аналогичные должности, что, однако, не обеспечивало полной свободы. Чтобы убедиться в этом, нам достаточно изучить сами акты предоставления избирательных прав. Их было несколько видов, и каждый из них сопровождался разными последствиями. Мы находим, *во-первых*, *динариаалы*, или права, предоставленные королю; хотя их жизнь оценивалась в 200 *солидов*, как жизнь франка, все же их свобода была неполной; они не могли завещать имущество другим, кроме своих детей; вознаграждение за их жизни выплачивалось

королю, а не их родственникам, что ясно показывает, что король рассматривал их как *homines regii*. Во-вторых, те, кто наделен избирательными правами по отношению к церкви, или *трибулярии*. Те, кто таким образом получил избирательные права, становились *homines ecclesiastici*; они не могли получить *денариев* согласно законам рипуарцев, и их имущество переходило к церкви, если они умирали, не оставив потомства. Третьи, получившие избирательные права согласно *чартам*, *чартуларии*. Положения хартии, даровавшей им свободу, кажутся совершенно недвусмысленными; но сомнительно, чтобы результаты были столь же недвусмысленными, поскольку сами *динарии* в некоторых отношениях оставались в худшем состоянии. Статуты Карла Великого, которые предусматривают, что условия составления *динариев* должны выплачиваться королю и что они не должны обладать своей свободой в качестве наследия до третьего поколения, применяют те же условия также к *картуляриям* и даже к тем, кто был предоставлен церкви, *табуляриям*.

Действие и последствия предоставления избирательных прав менялись в течение эпохи, на которой сосредоточено наше внимание. Этот факт не был замечен г-ном Монлозье и всеми теми, кто сводит воедино факты, отделенные друг от друга большим промежутком времени, чтобы составить законченную систему. Они применимы к одной и той же эпохе, к фактам, относящимся к разным временам. История представляет нам примеры рабов, которые после германского вторжения возвысились до положения не только свободных людей, но и лордов и крупных собственников. Отдельные подобные случаи хорошо подтверждены и, весьма вероятно, имели место в эти беспорядочные времена; но из них нельзя вывести никакого общего правила. Несмотря на огромное влияние религиозных идей — а всем формулам предоставления избирательных прав предшествует выражение религиозного чувства и замысла, — общее движение эпохи, которую мы рассматриваем, в том, что касается положения людей, было в гораздо большей степени направлено на продление рабства, в различных формах и в разной степени, чем на сохранение или продвижение свободы.

Лекция XVIII.

Одновременное существование трех систем институтов после поселения франков в Галлии.

Конфликт этих трех систем.

Краткое описание этого конфликта, его перипетий и результатов.

Его повторяемость в местных и центральных учреждениях.

О местных учреждениях при Франкской монархии.

О собраниях свободных людей.

О власти и юрисдикции крупных землевладельцев в их поместьях.

О власти и юрисдикции герцогов, графов и других королевских чиновников.

Три системы институтов.

Из древнего положения варваров в Германии и из их нового положения после их утверждения в Римской империи возникли три системы институтов, отличающиеся принципами и результатами, которые с пятого по десятый век сначала некоторое время сосуществовали, а затем смешались и вступили в конфликт друг с другом с попеременным успехом и поражением.

В своем первобытном состоянии, в Германии, все варвары были свободны; каждый индивидуум был важен — ничто в любой момент не могло быть предпринято или решено без одобрения и согласия большинства. Отсюда возникло совместное обсуждение дел, представляющих общий интерес, и влияние выборов на выбор вождей или судей или, другими словами, институтов свободы.

Второй принцип, с которым мы встречаемся, — это привязанность и подчинение членов племени своему вождю. До определенного момента они зависели от него даже в плане средств к существованию. Эта зависимость усилилась после установления их территориальной принадлежности. Власть вождей над своими товарищами возросла, а свобода последних уменьшилась вместе с их значением. Они становились бенефициарами или вассалами, колонистами или даже крепостными; среди землевладельцев формировалась иерархия. Отсюда возникли те аристократические и иерархические институты, которые породили феодальную систему.

Власть королей, первоначально очень ограниченная, расширилась после завоевания в результате рассеяния нации, предоставления льгот и преобладания принципа наследования престола по наследству. Возник конфликт не между властью короля и свободами граждан, а между властью короля и властью знати, особенно собственных подданных короля. Короли предпринимали попытки основать все правительство на монархическом принципе и с этой целью установить непосредственную связь со всеми своими подданными. При Карле Великом эта попытка достигла своего апогея и, казалось, увенчалась успехом. Но монархическая система уступила место феодальной системе.

Таким образом, свободные институты, аристократические институты, монархические институты: —местные и общие собрания свободных людей для обсуждения общих дел, военных, судебных или иных, в присутствии или по согласованию с королем или его делегатами: —подчинение простого свободного человека сеньору, вассала вождю; дворяне, отправляющие правосудие, воюющие друг с другом и налагающие определенные сборы на своих вассалов; прогрессивная организация королевской власти; герцоги, графы, королевские чиновники, *доминики*, совершающие публичные сделки. дела и отправление правосудия, даже в противовес знати: таковы три системы фактов, три тенденции, которые предстают перед нашим взором в период с пятого по десятый век. Конфликт этих трех тенденций составляет историю общественных институтов этой эпохи.

Упадок свободных институтов.

Система свободных институтов быстро приходила в упадок. Она пала под натиском системы господства крупных землевладельцев и иерархии бенефициев. Возник конфликт между принципами феодальной системы и усилиями монархической системы. Однако в конфликте

этих двух систем мы находим остатки системы свободных институтов. Эти пережитки были связаны иногда с феодальной, иногда с монархической системой — чаще всего с последней. Карл Великий пытался сделать институты свободы вспомогательными для триумфа монархической системы. Нечто аналогичное мы наблюдали в истории англосаксов; но там система свободных институтов никогда не погибала; всегда сохранялось общее мнение свободных землевладельцев в судах графств. У франков одновременность и конфликт трех систем были более отчетливыми и оживленными; первая была самой слабой и рано погибла.

Рассматривая франков как англосаксов, мы сначала исследуем их местные институты, а затем их общие установления; и мы повсюду будем встречаться с важным фактом, на который я только что ссылаясь. Мы проследим за ней во всех ее перипетиях и увидим, во-первых, как погибла система свободных институтов на местах и в центре; во-вторых, как монархическая система была на мгновение действительно успешной и сильно преобладала только при Карле Великом; и в-третьих, как феодальная система, то есть аристократическая и иерархическая организация территориальной собственности и суверенитетов, не могла не восторжествовать, что в конце концов и произошло.

Местных учреждений.

Во Франкской Галлии, как и у англосаксов, территория была разделена на графства, сотни и тифинги. [Сноска 14]

[Сноска 14: Это, конечно, районы, аналогичные этим подразделениям.]

Графов называли *графенами*, *джудисами*; сентениерами, *центграфенами*; а тингменов, *тунгини*, *тинграфенами*. У каждого из этих должностных лиц был суд, *placitum*, *mallum*, в котором вершилось правосудие и решались дела округа. Сначала этот суд представлял собой собрание всех свободных людей округа; они были обязаны присутствовать, и в качестве наказания за неявку был наложен крупный штраф. Там, как я уже говорил, они вершили правосудие и обсуждали вопросы, представляющие общий интерес. Гражданские сделки, продажи, завещания, предоставление избирательных прав совершались публично. Там же были произведены военные созовы. Придворный, или *плед* тайтингмена, *декануса*, встречался редко и не имел большого значения, как в Англии. Полномочия судов или собраний свободных людей, которыми руководили *центенарии* и *викарии*, были несколько ограничены; решения по вопросам, касающимся собственности или личной свободы, не могли выноситься, если только это не происходило в присутствии императорских посланников или графов.

Таковы были свободные учреждения и собрания для общего обсуждения в отдельных населенных пунктах. Эти примитивные *пледы* соответствуют древним собраниям немцев в Германии.

Помимо *пледов* свободных людей, появляется юрисдикция знати или крупных землевладельцев над лицами, проживавшими в их владениях. Вождь вершил правосудие над своими товарищами, или, как они теперь стали, над своими колонистами. Его юрисдикция, однако, не была полностью произвольной; его товарищи были его ассессорами в его суде. *Фокусники*,

подтвердившие истинность изложенных фактов, почти полностью уладили дело. Если мы рассмотрим эти институты с точки зрения их происхождения, то обнаружим, что сеньориальные суды, хотя и малоизвестные и несколько бездействующие, существовали одновременно с собраниями свободных людей, освобожденных от ограничений и юрисдикции должностных лиц короны. Юрисдикция церковей вытекала из юрисдикции сеньоров, и обе они осуществлялись в силу права собственности на домен, что делало землевладельца покровителем его жителей.

Зачатки феодализма.

Это первые зачатки той феодальной организации, которая, устанавливая власть и юрисдикцию сеньора над своими арендаторами, вассалами или колонистами, постоянно стремилась уничтожить власть и юрисдикцию собраний свободных людей. Начался конфликт между феодальным принципом иерархического подчинения и принципом союза равных в совместном принятии решений. Этот конфликт начался еще в начале эпохи, которая сейчас занимает наше внимание.

Давайте теперь рассмотрим, как королевская власть осуществлялась в отдельных населенных пунктах в этот период. Герцоги, графы, сотники и другие, вероятно, с самого начала, как я уже отмечал, были не простыми делегатами короля, а естественными вождями, самыми могущественными и обширными землевладельцами. Совершенно ошибочно полагать, что первоначально графство соответствовало тому, что сейчас называется департаментом, и что король назначал и посылал графа управлять им, как сейчас он посылает префекта. Король, глава нации, естественно, приказал самому важному человеку в округе созвать свободных людей округа для военных целей и собрать доходы королевских владений; и этот человек, таким образом, получил своего рода назначение от короля. Растущее значение дворца и королевского двора, влияние римских институтов и идей в конце концов сделали это назначение источником титула. Графы стали Леудами, *инаоборот*, Леуды стали графами.

В течение значительного периода наследственность этих офицеров не признавалась. Некоторые антиквары даже придерживаются мнения, что эти должности предоставлялись только на определенный срок. Есть больше оснований полагать, что этот момент не был определен определенно, и что, фактически, эти должности долгое время были неограниченны по продолжительности и всегда могли передаваться; в поддержку этой теории можно привести многочисленные примеры. Франкские короли часто позволяли естественным вождям завоеванных ими стран сохранять свое прежнее положение и древние права. Таким образом, баварские герцоги были наследственными. Когда Людовик Добродушный принял испанцев на юге Франции, он позволил их графам сохранить свои титулы и юрисдикцию.

Герцоги и графы.

Графский титул становится объектом честолюбия из-за связанных с ним преимуществ. Граф обладал огромной властью, долей в штрафах, *фредой* огромными возможностями для приобретения собственности в округе, находящемся под его юрисдикцией. Эти должности также снабжали королей средствами для обогащения своих земель или получения новых. При Меровингах в отношении этих должностей, а также бенефиций царики постоянная нестабильность; они были получены в виде подарков или куплены за деньги. Тем не менее

должность графа часто передавалась от отца к сыну; это было естественно, и обычай не мог не предшествовать праву; граф или герцог, будучи почти всегда важной персоной в своем кантоне или городе, независимо от занимаемой должности, его сын, унаследовавший его положение, часто наследовал и его должность.

Некоторые авторы утверждали, что между герцогами и графами существовало большое различие; утверждалось даже, что у каждого герцога в подчинении было двенадцать графов. В местной администрации такой регулярности не существовало. Мы встречаем некоторых графов, равных по власти герцогам; например, у бургундов некоторые графы правили несколькими провинциями. Однако мы можем сказать, что в целом герцог превосходил графа. Мы можем даже предположить, что первоначально должность герцога была военной, а графа - судебной; хотя эти две миссии часто кажутся смешанными. Формула Маркульфа ассимилирует герцогов, графов и патрициев. Маркграфы были графами границ. Придворные, делегаты короля, в конце концов везде стали графами.

Таким образом, сосуществовали три системы институтов, о которых я упоминал: 1. собрания свободных людей, обладающие властью и юрисдикцией; 2. крупные землевладельцы, бенефициарные или аллодиальные, мирские или церковные, собственники, обладающие властью и юрисдикцией; 3. администраторы или делегаты короля, обладающие властью и юрисдикцией.

Расширение сеньориальной юрисдикции.

В разгар беспорядков среди расы Меровингов мы обнаруживаем, что собрания свободных людей быстро пришли в упадок. Большинство свободных людей перестали посещать их. Некоторые стали достаточно могущественными, чтобы стремиться к независимости, другие стали настолько слабыми, что потеряли свою свободу. Обычные рассуждения свободных людей исчезли. Преобладал принцип подчинения индивида индивидууму в силу защиты, вассалитета, покровительства или колонизации. Расширились сеньориальные юрисдикции, как светские, так и церковные. Их расширение и консолидация были необходимым следствием расширения и консолидации бенефиций. Уменьшение числа аллодиальных поместий, увеличение притокованных земель и соответствующие изменения, внесенные в положение людей, неизбежно вывели большее число лиц, подлежащих правосудию, из-под юрисдикции собраний свободных людей и короля. Даже забота, которую первые карловинги проявляли, чтобы заставить сеньоров вершить правосудие и контролировать их отправление, доказывает прогресс такого рода юрисдикции.

Свобода, предоставленная каждому человеку жить по любому закону, который ему заблагорассудится, также не могла не способствовать этому результату; она вела к разобщению общества, поскольку ставила людей под юрисдикцию тех, у кого был свой собственный свод законов; и таким образом она препятствовала объединению и общему обсуждению. Несомненно, это была своего рода свобода — свобода, необходимая при существовавшем тогда состоянии общества; но эта свобода, как и почти все другие свободы того периода, была принципом изоляции.

Лекция XIX.

Правительство Карла Великого.

Очевидное возрождение свободных институтов.

Индивидуальная независимость и социальная свобода.

Организация монархической власти при Карле Великом.

Его активная слежка за своими вассалами и агентами.

Быстрый упадок монархических институтов после его смерти.

Окончательное преобладание феодальной системы.

Центральные институты в ту же эпоху: королевская власть.

Причины развития королевской власти и принципа наследования у франков.

Влияние духовенства.

Два значения личной свободы.

После анархии Меровингов, при восшествии на престол Карловингов и особенно во время правления Карла Великого, нашему вниманию представляются два факта, которые кажутся противоречивыми. Свободные институты, по-видимому, обретают новую жизнь, и в то же время монархическая система явно преобладает. Мы должны внимательно изучить это странное совпадение и попытаться досконально понять его причины.

Мы можем понимать личную свободу человека двумя способами: во-первых, как независимость индивида, у которого нет закона, кроме его собственной воли; и, во-вторых, как предоставление избирательных прав каждому индивиду независимо от любой другой индивидуальной воли, что противоречит разуму и справедливости.

Свобода, если понимать ее в первом смысле, является варварской и антисоциальной; это младенчество или, скорее, отсутствие общества. Само слово *общество* указывает на объединение индивидов в одной общей идее, чувстве и интересе. Общество может существовать только благодаря подчинению индивидов одному общему правилу. Если свобода каждого человека составляет его единственный закон, если всякое ограничение независимости индивидуальной воли считается незаконным, общество невозможно. Закон, который должен править обществом в соответствии с истиной и справедливостью, является внешним по отношению к индивидуальной воле и независимым от нее. Цель общества состоит в том, чтобы открыть этот высший закон и добиться повиновения только ему; но повиновение этому закону должно быть дано; общество возможно только при господстве грубой силы или при правлении истинного закона. Если независимость личности рассматривается как условие свободы, мы можем быть уверены, что сила станет доминирующей силой общества, ибо общество должно существовать; это непреодолимая необходимость человеческой природы; и

эта необходимость получить свое удовлетворение от силы, если она не может получить его от справедливости и разума.

Объект управления.

Таким образом, цель правительства двоякая; оно предполагает, во-первых, поиск и открытие истинного закона, который должен решать все вопросы, порождаемые общественными отношениями, и подчинение этому закону всех враждебных индивидуальных желаний; и, во-вторых, предотвращение подчинения индивидов каким-либо другим законам, кроме истинного закона, таким, например, как произвол других, более могущественных индивидов. Хорошее и истинное правительство, таким образом, не говорит каждому индивидууму: "Ты будешь подчинен только своему собственному капризу", ибо на этих условиях не могло бы быть ни общества, ни правительства; но оно говорит: "Ты будешь подчинен не капризу какого-либо другого индивидуума, а только разуму и справедливости". Прогресс цивилизации состоит, с одной стороны, в распространении власти разума на всех индивидов и в том, чтобы не пренебрегать никакими средствами убедить их индивидуальный разум и сделать их повиновение добровольным; и, с другой стороны, в ограничении влияния произвольной воли индивидов друг на друга. Там, где преобладает произвольная воля одного или нескольких индивидов, законной свободы не существует; там, где сохраняется изолированная независимость каждого индивида, общество невозможно.

Важность этого различия между моральной и естественной свободой, между социальной свободой и индивидуальной независимостью огромна. Было бы легко продемонстрировать его тесную связь с истинной теорией свободы, рассматриваемой применительно к человеку лично и независимо от общества. Человек возвышен как разумное существо, способное распознавать истину; в этом заключается божественность его природы: свобода в нем есть не что иное, как способность повиноваться истине, которую он признает, и приводить свои действия в соответствие с ней. На этом основании свобода очень уважаема; но свобода уважаема только на этом основании.

Происхождение деспотизма.

В зачаточном состоянии общества свобода, которой желают и которую защищают почти все люди, является естественной свободой — свободой делать только то, что им заблагорассудится. Это вызвано несовершенством нравственного развития каждого индивида и несовершенством такого же развития социальных сил; из этого несовершенства следует, что эти силы плохо понимают истинный закон, никогда не применяют его и сами направляются индивидуальной волей, столь же произвольной, сколь и капризной. По этой причине состояние свободы, с которым мы встречаемся в начале любого общества, длится так недолго и так быстро сменяется деспотизмом одного или нескольких лиц. Общество не может существовать, если естественная свобода, то есть независимость личности, существует во всей полноте ее желания; а поскольку общество пока еще не знает, как управлять в соответствии с моральным законом и как уважать моральную свободу, власть захватывается силой.

Когда в таком состоянии общества появляется человек выдающегося гения и характера, он неизбежно вынужден основать деспотизм, то есть империю своей собственной индивидуальной воли. Он раздражен и оскорблен столкновением всех этих варварских или

глупых индивидуальных волей; его инстинкт подсказывает ему, что общество не может существовать таким образом, что такое положение вещей не является обществом. Более того, лично он испытывает отвращение к власти, которую все эти узкие и невежественные воли якобы оказывают на все вещи и даже на него самого. Власть слепой силы над просвещенной силой есть не что иное, как деспотизм; а что может быть большей дерзостью, чем власть грубой толпы над возвышенным индивидуальным разумом? Возвышенный человек приходит в негодование и стремится освободиться от этого ярма, навязать какое-то правило этому беспорядку; и это правило он ищет в своем собственном разуме, в своей собственной воле. Таким образом, в такие эпохи устанавливается деспотизм отдельного человека; это не является радикально незаконным, и лучшим доказательством того, что это не так, служит легкий прием, с которым он встречается, восхищение, с которым к нему относятся, даже благодарность, которую он внушает, и которая длится до тех пор, пока сохраняется положение вещей, породившее его власть. По правде говоря, самое возвышенное превосходство, то, что наиболее естественным образом призвано к власти беспорядком и распадом общества, вскоре становится испорченным и грубым, поскольку само становится чисто индивидуальной волей, полной эгоизма и каприза: но то, что составляло его силу и кредит с самого начала, заключалось в его лучшем понимании общих потребностей общества; оно получило более глубокое знание истинного закона, который должен управлять обществом; и это спасло общество от проигранной битвы с множеством невежественных или свирепых индивидуальных волей.

Монархия Карла Великого.

Именно этими средствами великие люди поначалу одерживают победу. Именно так Карл Великий одержал победу; именно так первые три карловинга, Пипин Херистальский, Карл Мартелл и Пипин Короткий, подготовили ему дорогу. При Меровингах государство приходило в упадок; каждый сильный человек становился независимым, каждый слабый человек попадал в подчинение более сильному. Хотя Пепины происходили из господствующей аристократии, они рано боролись с ее бесчинствами. Шарль Мартелл сверг мелких тиранов, которые появлялись со всех сторон. Тенденция политики Карла Великого состояла в том, чтобы установить монархическую систему, то есть обеспечить всеобщее господство своей воли, сделав ее ощутимой повсюду с помощью своих агентов. Чтобы с какой-либо точностью понять, что представляла собой чистая монархия Карла Великого, мы должны посмотреть, как он распоряжался своей собственностью и каким образом управлял своим дворцом. Активность его наблюдения была удивительной; подробности этого мы найдем в его капитулярии *Де Виллисаси* в первой части одного из писем Хинкмара. Он управлял своей империей в том же духе. Это было единственное средство, которым он располагал для восстановления порядка и применения национальных сил для осуществления своих замыслов. В деспотизме превосходящего человека всегда присутствует мощное инстинктивное чувство справедливости и защиты слабых. Карл Великий усердно стремился ограничить власть знати, подвергая их надзору и ставя своих подданных в прямые отношения с королевской властью. Он уделял большое внимание найму и управлению своими бенефициями, даже когда они находились в руках бенефициев; он был осторожен, чтобы не отдавать более одного графства одному и тому же графу, и это правило он редко нарушал; он приказывал дворянам осуществлять строгое правосудие по отношению к своим вассалам и принимал самые энергичные меры, чтобы заставить их делать это, и судить всех людей в соответствии с законом. Карл Великий также следил за поведением графов;

собрания свободных людей почти полностью распались; и они просили в качестве одолжения разрешить им самим отсутствовать. Чтобы обеспечить место для активного наблюдения, осуществляемого этими древними собраниями, Карл Великий создал *missi dominici*. Это были инспекторы всего состояния королевства, и в особенности поведения графов и знати.

Упадок Франкской монархии.

У делегатов Карла Великого, имперских судей, были ассессоры; и поскольку свободные люди, в обязанности которых входило занимать должности ассессоров, редко посещали периодические собрания, Карл Великий заменил их *скабини*, которые были назначены *госпожой доминики*, которой он приказал отбирать их с величайшей тщательностью. Это вмешательство делегатов самого государя в судебные дела было мощным средством монархической централизации.

В своей франкской империи Карл Великий направил эти средства правления не против древних свободных институтов, а против общественной анархии и беспорядочной власти сильных. В других его владениях, везде, где он опасался влияния свободы, его деспотизм проявлялся, чтобы строго подавить ее; таким образом, он запрещал все публичные собрания саксов.

Вся эта монархическая организация пала вместе с Карлом Великим. Его существование затянулось, как бы по привычке, в речах и законах Людовика Добродушного; но руки, поддерживавшей это здание, больше нет. Язык Карла Великого в устах Карла Лысого - не что иное, как кусок нелепой родомонтады. Феодальная система одерживает верх и самоорганизуется во всех направлениях. Великие вассалы либо нападают на короля, либо изолируются от него. Графское достоинство стало настолько значительным, что сыновья королей и императоров желают его и добиваются. Наследственное наследование преобладает в офисах герцогов, графов, виконтов и т. Д. Регино приводит в качестве исключительного факта тот факт, что сыновья герцога Роберта не унаследовали его герцогство, и называет причиной то, что их нежный возраст сделал их неспособными дать отпор норманнам. Сыновьям двух графов Австрийских не были переданы во владение графства их отцов; поэтому их родственники взяли за оружие и изгнали узурпатора. Власть графов, теперь они стали наследственными сеньорами, была усилена властью, которой они пользовались под этим титулом в качестве делегатов короля. Феодальная иерархия, сильная своей внутренней властью, таким образом, приобрела дополнительную силу в результате крушения королевской власти. Отсюда возник новый порядок местных учреждений, который я сейчас не могу объяснить.

Картина центральных институтов воспроизводит, в другом аспекте, те же факты и приводит к тем же результатам. Центральные институты, как вам известно, могут быть сведены к двум — королевской семье и генеральной ассамблее нации.

Королевская власть франков.

К королевской семье у франков вы можете применить то, что я сказал о королевской семье у англосаксов; только у франков королевская семья изначально не носит характера религиозного родства. Возможно, это связано с тем фактом, что франки представляли собой конфедерацию

различных племен; среди них король выступает прежде всего как военный вождь. При первых Меровингах всегда сильно сочетались наследственность и избранность; наследственность колебалась среди членов одной семьи; избрание, когда оно не было актом насилия, было скорее признанием, чем выборами.

Было бы серьезной ошибкой ожидать, что факты лягут в основу примитивного и исключительного закона: факты могут быть использованы для демонстрации чего угодно. Самые противоположные стороны впали в одну и ту же ошибку в этом отношении. Всякий, кто обнаружил у истоков государства акт насилия в соответствии со своим предвзятым мнением, принимает его за основу того, что он называет общим законом. Некоторые воображают, что они могут различить абсолютную и хорошо регулируемую наследственную преемственность посреди варварства; другие переносят проблемы и насилие, связанные с варварскими выборами, на более продвинутую стадию цивилизации; все, что они находят существующим как *факт* в младенчестве общества, они превращают в *закон* для общества в его наибольшем расширении и развитии. Это не философия и не история. Господствующий *закон* - это то, что соответствует разуму и справедливости. Этот закон всегда действует в большей или меньшей степени в каждую эпоху жизни человеческого общества; но ни в одну эпоху он не является чистым или завершенным. Мы должны смириться с задачей освобождения его повсюду от всяких примесей.

Давайте тогда обойдем стороной примитивное и исключительное право королевской наследственности, которого не существовало ни у франков, ни в других странах; все, что можно сказать, это то, что принцип наследственной монархии рано и постоянно имел тенденцию преобладать. Наследование частных владений королей, имевшее значительную ценность, внесло значительный вклад в установление наследования королевства, точно так же, как раздел частных владений между сыновьями привел к разделу королевских владений; но раздел королевства почти всегда производился с согласия знати, в то время как наследование короны в каждом штате, по-видимому, не требовало их официального согласия.

Падение Меровингов.

Мы уже видели, каковы были причины, вызвавшие падение расы Меровингов и восхождение на трон карловингов. Падение последнего в десятом веке имеет некоторые черты сходства с падением Меровингов, но между ними было больше разнообразия, чем сходства. Древние сподвижники франкских королей, леуды, Антрустионы и бенефициарии, покинули двор, обосновались на своих землях и стали феодалами: революции больше не совершались у подножия трона и внутри королевского дворца. Феодалы были гораздо более изолированы не только от короля, но и друг от друга, чем леуды при Меровингах. Пепин Короткий фактически был королем при Хильдерике III. был королем номинально; Пепин принял имя, принадлежащее его власти. В конце десятого века не было ни короля, ни могущественного человека на королевской службе, который обладал бы королевской властью от имени Людовика V. Гуго Капет занял почти вакантное место, которое на данный момент многое добавляло ему достоинства, но мало - авторитета. После падения Меровингов Пипин и Карл Великий смогли попытаться установить монархическую систему и установить центральную власть короля; Гуго Капет не смог этого сделать, да и не пытался; феодалы разделили королевство между собой. Пипин был главой аристократии, центр которой находился во дворце королей Меровингов. Гуго

Капет был одним из главных представителей аристократии, у которой не было центра; он провозгласил себя королем, потому что корона была в пределах его досягаемости. Если бы Людовик V жил в Руане, герцог Нормандии, вероятно, захватил бы монархию.

Что касается характера и масштабов королевской власти, то то, что я уже сказал, в достаточной степени указывает на то, какой она была: очень ограниченной и ненадежной до поселения франков на римской территории — будучи ничем иным, как властью вождя воинственного отряда, всегда сдерживаемой присутствием свободных людей, его товарищей, — она расширилась и укрепилась после завоевания по различным причинам:

Власть и Свобода.

1. Рассеянием франков. Они постоянно переставали окружать короля; его власть была лишь незначительной над теми, кто покидал его; но те, кто обычно был рядом с ним, больше зависели от него; двор слуг-варваров сменился двором воинов.

2. Путем подчинения соседних вождей или королей.

3. Из-за растущего неравенства в богатстве: королевская собственность значительно увеличилась, и это было их главным источником власти; они посвящали всю свою энергию накоплению сокровищ; было бесполезно оставлять своим детям королевство, если они не могли в то же время завещать им полную казну.

4. Под влиянием религиозных и римских идей. По мнению христиан, царь был преемником Саула и Давида; по мнению римлян, он был представителем императоров. Франкские короли полностью осознавали преимущества этого двойного положения и охотно принимали титулы патриция и консула. Но королевская власть не имела определенного характера; она была пропорциональна способностям и энергии тех, кто ею пользовался.

Ничто не может так сильно отличаться от идеи королевской власти в те времена и в наши дни. Если бы сейчас деревня пренебрегла властью короля или отказалась повиноваться ему, это было бы серьезным событием, признаком большого упадка власти. Тогда этого не было; власть не была повсеместно распространена по стране; отдаленные места и интересы были в некотором роде независимы от нее. У нее не было реального превосходства, за исключением случаев войны; лучи ее влияния были короткими, и везде, где она применялась, это было скорее фактом, чем правом.

Что касается власти и свободы, то право и факт почти идентичны в зачаточном состоянии общества. Идея права, отделенная от факта, обладает очень малой силой, и вряд ли можно сказать, что она существует. Отсюда возникают вечные превратности власти и свободы; тому, кто перестает ими обладать, никогда не будет позволено вновь обрести их. Отделить право от факта и превратить право в силу, способную поддерживать, защищать и самоутверждаться, — это труд и главная задача цивилизации.

Влияние религиозных идей.

Мы не должны, однако, полагать, что религиозные идеи не оказывали никакого другого влияния на королевскую власть, кроме как расширять ее и представлять как абсолютную, проистекающую из божественного права; они в значительной степени способствовали приданию ей морального характера. Это правда, они сделали его независимым от общественных свобод, которые часто были простым воплощением произвола и грубой силы, и таким образом помогли установить абсолютную власть; но в то же время они подчинили его божественным законам, в которых заключены моральные законы. Ограничения, которые франкские обычаи налагали на королевскую власть, сильно отличались от тех, которые были установлены христианскими идеями: "король, - по выражению Соборов, - это тот, кто правит с жалостью, справедливостью и добротой; тот, кто не правит таким образом, не король, а тиран". Ограничение, которое этот принцип накладывал на королевскую власть, было более эффективным, чем то, которое проистекало из влияния франкских обычаев. Эта система, правда, не давала положительных и реальных гарантий соблюдения правил, которые она налагала в качестве обязанностей на членов королевской семьи. Но век, в который мы живем, прилагает слишком много усилий, чтобы искать гарантий в физической силе, и пренебрегает поиском их в силе моральных идей. В варварские времена, поскольку все власти, как королей, так и подданных, почти в равной степени нерегулируемы, они кажутся плохими гарантиями здравомыслящим людям, которые ищут более чистых гарантий в моральных идеях. Когда в эпоху, о которой мы сейчас говорим, франки или люды подавляют злоупотребление королевской властью, они подавляют это только в силу своих собственных сил и защищают свои свободы только исходя из своих собственных интересов, а не повинаясь какой-либо моральной идее справедливости и всеобщего права. Церковники, напротив, говорят от имени общих идей справедливости и человечности. Злоупотреблению властью они противопоставляют мораль, а не силу. Таким образом, духовенство высказалось о вещах, которые отвечали потребностям всех слабых, и побудило их считать их своими защитниками. Порок религиозной системы, несомненно, заключается в том, что она не создает политических институтов и, следовательно, действенных гарантий; таким образом, она всегда оказывается более благоприятствующей власти, чем свободе; но в варварские века, когда власть и свобода были почти одинаково жестоки и анархичны, эта система оказала огромные услуги человечеству и цивилизации.

Лекция XX.

Национальные собрания франков; их примитивный характер и быстрый упадок при Меровингах.

Они вновь обретают значение при Карловингах; и регулярно проводятся при Карле Великом.

Письмо архиепископа Хинкмара *из ордина Палатийского*.

Национальные собрания франков.

Национальные собрания проводились у франков задолго до их поселения в Римской империи и установления среди них монархии. На этих собраниях в Германии обсуждались все дела конфедерации, племени или группы. Присутствовали все свободные люди, то есть все воины; но

авторитет этих собраний, как и авторитет королей, был ненадежным. Они были сформированы не в силу принципа суверенитета народа, а в силу права каждого свободного человека распоряжаться только самим собой. Они были созваны специально для принятия решений в военных экспедициях. Помимо этого, каждый мужчина действовал независимо и не отвечал за свое поведение ни перед кем, кроме местных властей. *Марсово поле*, или осеннее собрание, следы которого мы находим на заре монархии, обычно проводилось с целью раздела добытой добычи.

Рассеяние свободных людей, растущее неравенство социальных условий и подчинение товарищей своему вождю вскоре привели к тому, что национальные собрания франков утратили свой универсальный характер. Их перестал посещать кто-либо, кроме крупных землевладельцев, леудов и высшего духовенства. В таком состоянии они, по-видимому, существовали при большинстве королей-Меровингов. Иногда упоминаются люди в целом; но очевидно, что подавляющее большинство свободных людей не могли посещать эти собрания и не посещали их. Те, кто обладал властью и богатством, были почти единственными присутствующими; и они регулировали бизнес, попавший в поле их зрения, исключительно в своих собственных интересах. Растущий беспорядок и постоянные потрясения в королевстве сделали эти собрания менее частыми.

Письмо архиепископа Хинкмара.

Однако они вновь появляются при установлении власти мэров Дворца. Как лидеры аристократии крупных независимых землевладельцев, они нуждались в их поддержке. Появление новой семьи королей вместо древней расы способствовало повышению значимости собраний. При первых Карловингах они стали тем же, чем были при первых Меровингах, — великим правительственным советом, на котором обсуждались все важные дела. Пипин перенес Марсово поле на май месяц, и Карл Великий проводил эти собрания с доселе неизвестной регулярностью. Чтобы составить правильное представление о том, какими они были при его правлении, вы должны прочитать текст, причем полностью, письма, написанного в 882 году, через шестьдесят восемь лет после смерти Карла Великого, знаменитым Хинкмаром, архиепископом Реймса, в соответствии с просьбой некоторых вельмож королевства, которые просили его совета относительно правления Карломана, одного из сыновей Людовика Заики. В этом письме Хинкмар, как он сам сообщает нам, не делает ничего, кроме копирования трактата *О дворцовом порядке "De ordine Palatii"*, написанного до 826 года знаменитым Адальгардом, аббатом Корбии и одним из главных советников Карла Великого. Таким образом, это современный документ, и его авторитет велик.

"В то время было принято, - говорит Хинкмар, - проводить в год по две ассамблеи (*placita*) и не более. Первое состоялось весной; на нем решались общие дела всего королевства; никакое событие, если только оно не было настоящей и всеобщей необходимостью, не могло изменить того, что было решено на нем. На этом собрании собрались все великие люди (*majores*), как миряне, так и священнослужители; более влиятельные (*seniores*), чтобы обсудить дела и согласовать решения; менее влиятельные (*minores*), чтобы принять эти решения, а иногда также обсудить их и утвердить, не формальным согласием, а выражением своего мнения и согласием своего понимания".

Государственные советы.

Другое собрание, на котором принимались общие дары королевства, состояло только из наиболее влиятельных членов (*seniores*) первого собрания и главных советников. Здесь рассматривались дела следующего года, если таковые имелись, которые необходимо было обдумать заранее; а также те, которые могли произойти в течение года, который вот-вот истекал, и которые требовали предварительного внимания без промедления. Например, если в какой-либо части королевства губернаторы границ (*маркизы*) заключали перемирие на какое-либо время, обсуждался курс, которого следует придерживаться по истечении этих перемирий, и решалось, следует ли их продлевать или нет. Если в какой-либо другой части королевства война казалась неизбежной или установление мира представлялось вероятным, рассматривалось, требует ли неотложность момента, в первом случае, начинать или терпеть вторжения, и, во втором, как можно обеспечить спокойствие. Таким образом, эти лорды задолго до этого обсуждали, чего могут потребовать дела будущего; и когда были согласованы подходящие меры, их держали в таком секрете, что до следующего общего собрания о них было известно не больше, чем если бы никто не обратил на этот вопрос никакого внимания и по нему не было принято никакого решения. Целью этого было то, что если бы было необходимо принять внутри королевства или за его пределами какие-либо меры, которые определенные лица, будучи проинформированными об этом, могли бы пожелать предотвратить, расстроить или затруднить каким-либо образом, у этих лиц никогда не могло быть полномочий сделать это.

"На том же собрании, если какая-либо мера была необходима либо для удовлетворения отсутствующих дворян, либо для успокоения или возбуждения духа народа, и такая мера ранее не принималась, она обсуждалась и принималась с согласия присутствующих, и она выполнялась совместно с ними по приказу короля. Год, таким образом, закончился, и собрание следующего года было организовано так, как я уже сказал.

"Что касается советников, как мирян, так и священнослужителей, то, насколько это было возможно, была предпринята забота о выборе таких лиц, которые в силу своего положения и обязанностей были исполнены страха Божьего и, более того, одушевлены неизменной верностью, чтобы не считать ничего превыше интересов короля и королевства, кроме вечной жизни. Искали людей, которых не могли сбить с пути долга ни друзья, ни враги, ни родственники, ни подарки, ни лесть, ни упреки; искали людей мудрых и искусных, не с тем софистическим мастерством и житейской мудростью, которые так противоречат Божьей воле, но с справедливой и истинной мудростью, которая могла бы позволить им не только подавлять, но и полностью сбивать с толку людей, которые полностью полагаются на уловки и стратагемы человеческой политики. Принцип избранных таким образом советников и самого короля заключался в том, чтобы никогда не доверять, без их взаимного согласия, своим слугам или любому другому лицу то, что они могли бы сказать друг другу в открытую, ни о делах королевства, ни о каких-либо конкретных личностях. Не имело значения, следует ли хранить тайну день или два, или больше, или в течение года, или даже навсегда.

"Неизменно случается так, что, если разговор, который ведется на таких собраниях в

отношении какого—либо лица, либо в целях предосторожности, либо в связи с какими-либо другими общественными интересами, становится впоследствии достоянием этого лица, он не может не испытывать сильного беспокойства, или быть доведенным этим до отчаяния, или, что гораздо серьезнее, быть побужденным к неверности; и, таким образом, человек, который, возможно, все еще мог бы оказать услугу государству, не может быть привлечен к ответственности". становится бесполезным, чего никогда бы не случилось, если бы он не знал, что о нем говорили. То, что верно для одного человека, может быть верно и для двух, и для сотни, и для большего числа, и для целой семьи, и для целой провинции, если не соблюдать величайшую осторожность.

Офицеры Дворца.

"Апокрисиарий, то есть капеллан или смотритель дворца, и *камергер*, всегда присутствовали на этих советах; поэтому их выбирали с величайшей тщательностью; или же, после того как они были выбраны, их снабдили такими инструкциями, которые должны были сделать их достойными присутствовать. Что касается других должностных лиц дворца (*ministeriales*), если был кто-либо, кто, сначала получив наставления, а затем дав совет, доказал свою способность с честью занять место одного из этих советников или был пригоден стать таковым, он получал приказ посещать собрания, уделяя наибольшее внимание обсуждаемым на них вопросам, исправляя свои ошибочные идеи, изучая то, о чем он не знал, и сохраняя в своей памяти то, что было predetermined. Цель этого заключалась в том, чтобы, если произойдет какое-либо непредвиденное происшествие внутри королевства или за его пределами; если поступят какие-либо неожиданные новости, в отношении которых ранее не было принято никаких мер (однако редко случалось, что в таких случаях требовалось глубокое обдумывание или не было времени созвать уже упомянутых советников); цель этого, я говорю, заключалась в том, чтобы при таких обстоятельствах дворцовые чиновники, с милостью Божьей и благодаря их постоянной привычке присутствовать на общественных советах и обсуждать внутренние дела королевства, могли быть способны по мере необходимости либо советовать, что лучше всего сделать, либо указывать, как можно уладить дело без неудобств, до следующего заседания совета. Это касается и высших должностных лиц дворца.

Палатины.

"Что касается низших должностных лиц, должным образом называемых *палатинами*, которые не имели отношения к общим делам королевства, а только к тем, в которых были замешаны лица, особо связанные с дворцом, государь регулировал их обязанности с большой тщательностью; для того, чтобы не только не могло возникнуть никакого зла из-за этого, но также и для того, чтобы в случае проявления каких-либо беспорядков они могли быть немедленно подавлены и искоренены. Если дело было срочным, но, тем не менее, могло быть отложено для принятия решения без какой-либо несправедливости по отношению к кому-либо до заседания генеральной ассамблеи, император ожидал, что *палатины* укажут наилучшие способы отсрочки и подражать мудрости своих начальников способом, угодным Богу и полезным для королевства. Что касается советников, о которых я упомянул первым, то, будучи вызванными во дворец, они были осторожны и не занимались личными делами или спорами, которые могли возникнуть по поводу владения собственностью или применения закона, пока они не уладили, с Божьей помощью, все, что касалось короля и королевства в целом. После этого, если, повинаясь приказу короля, оставалось какое-либо дело, которое не могло быть

улажено ни дворцовым графом, ни должностным лицом, в чьем ведении оно находилось, без помощи советников, они приступали к его расследованию.

Капитулярии.

"На том или ином из двух собраний, и для того, чтобы не казалось, что они были созваны без причины, на рассмотрение и обсуждение упомянутых мною великих личностей, а также главных сенаторов королевства и в силу приказов короля, были представлены те статьи закона, которые называются *capitula*, которые сам король составил по вдохновению Божьему или необходимость которых была открыта ему в промежутке между заседаниями. Получив эти сообщения, они обсуждали их в течение одного, двух, трех дней или больше, в зависимости от важности вопроса. Посланцы из дворца, уходя и возвращаясь, получали их вопросы и приносили ответы; и ни один посторонний не приближался к месту их встречи, пока результат их обсуждения не предстал перед глазами великого князя, который затем, с мудростью, полученной им от Бога, принял решение, которому все подчинились. Этому курсу следовали в течение одной, двух или более капитулярий, пока, с Божьей помощью, все потребности того времени не были должным образом урегулированы.

"Пока эти дела улаживались таким образом в присутствии короля, сам принц среди толпы, пришедшей на общее собрание, был занят получением подарков, приветствием самых важных персон, беседой с теми, кого он видел редко, проявлением нежного интереса к старикам, смехом и шутками с молодежью и проделыванием этих и подобных вещей как с духовенством, так и с мирянами. Однако, если те, кто обсуждал вопросы, представленные на их суд, желали этого, король шел к ним и оставался с ними столько, сколько они желали; и там они со всей фамильярностью сообщали ему, что они думают по различным вопросам и какие дружеские дискуссии возникали между ними.

"Я не должен забыть упомянуть, что, если погода была хорошей, все это происходило на открытом воздухе; но если нет, то в нескольких отдельных зданиях, которыми те, кто должен был обсуждать предложения короля, были отделены от множества людей, пришедших на собрание; и тогда менее важные люди не смогли войти. Здание, предназначенное для собрания знати, было разделено на две части, чтобы епископы, настоятели и высшее духовенство могли встречаться вместе без какого-либо смешения мирян. Таким же образом графы и другие выдающиеся лица государства отделились утром от остальной толпы до тех пор, пока не пришло время, когда, присутствовал ли король или отсутствовал, они все собрались вместе; и тогда вышеупомянутые вельможи, духовенство с их стороны и миряне со своей, проследовали в отведенный им зал, где для них были почетно приготовлены места. Когда миряне и церковные лорды были таким образом отделены от толпы, в их власти было заседать либо вместе, либо порознь, в зависимости от характера дел, которые они должны были обсуждать, будь то церковные, светские или смешанные. Точно так же, если они хотели послать за кем-либо, либо принести им еды, либо ответить на какой-либо вопрос, и отпустить его после того, как получили то, что они желали, это было в их власти. Так продолжалось рассмотрение дел, которые король предложил им на рассмотрение.

Обязанности короля.

Вторым занятием короля было требовать от каждого, что он должен сообщить или рассказать ему о той части королевства, из которой он прибыл; это не только было разрешено всем, но им было специально предписано наводить справки в перерывах между собраниями о том, что происходит как внутри королевства, так и за его пределами; и они должны были запрашивать информацию как у иностранцев, так и у местных жителей, как у врагов, так и у друзей, иногда используя посланников и не будучи очень щепетильными в отношении способа получения информации. Король пожелал узнать, был ли в каком-либо округе или уголке его королевства ропот или недовольство народа, и какова была причина их недовольства, и произошли ли какие-либо беспорядки, которые требовали внимания генерального совета, и другие подобные детали. Он также стремился узнать, была ли вероятность того, что какая-либо из покоренных наций взбунтуется, или кто-либо из восставших, казалось, был склонен подчиниться, или те, кто все еще оставался независимым, угрожали королевству каким-либо нападением, и так далее. По всем этим вопросам, где бы ни возникали беспорядки или опасность, его главной заботой было выяснить, что было их мотивом или поводом".

Политика Карла Великого.

Очевидно, что эти собрания рассматривались Карлом Великим скорее как инструмент власти, порядка и управления, чем как национальный институт, ставший необходимым благодаря правам и свободному духу его народа. Применение этого средства правления, однако, не делает меньше чести гению Карла Великого. Он понял, что главным пороком социальной системы его времени и главной причиной слабости его собственного авторитета были отсутствие концентрации, изоляция индивидов и независимость его агентов. Периодические собрания давали центр для всех. Усилия великого человека в эпоху варварства имеют своей особой целью создание нации, ибо в этом заключается его сила; Карл Великий стремился найти свою нацию ниже, чем среди крупных землевладельцев и крупных бенефициаров. Он хотел сплотить всю народную массу, чтобы увеличить свою собственную власть и повсюду иметь в своем распоряжении мощные средства действия. Он был искусным деспотизмом. Деспотизм в варварские времена иногда объявляет о присутствии человека, который не достиг своего совершеннолетия и у которого есть потребности и взгляды относительно будущего. Деспотизм посреди развитой цивилизации указывает на присутствие человека, который может быть велик и даже необходим обществу, но который заботится только о себе и о времени, в которое он живет.

Лекция XXI.

Упадок национальных собраний при Людовике Развращенном и Карле Лысом.

Окончательное преобладание феодальной системы в конце десятого века.

Причина этого преобладания.

Характер феодализма.

Никаких следов настоящего представительного правления во Франции с пятого по десятый век.

Распад национальных собраний.

После смерти Карла Великого и при Людовике Дебоннере по-прежнему часто проводились национальные собрания. Движение, начатое Карлом Великим, еще не совсем прекратилось. Неспособный творить, Луи Дебоннер стремился подражать; на весенних или осенних ассамблеях он принял несколько полезных правил, среди прочих капитулярий, который созывал *скабини*, или королевских судей, на Майские поля. Но правительство, даже с такой санкцией, было безжизненным и неэффективным. Собрания были не чем иным, как инструментом монарха, и монарх теперь больше не мог ими пользоваться. Их упадок был полным при Карле Лысом. Они снова стали не более чем собраниями епископов и крупных землевладельцев-мирян. При Карле Лысом было проведено сорок шесть собраний, но почти все они ограничивались переговорами знати с королем, уважая их частные интересы. Прогресс, достигнутый феодализмом, был таков, что центральная аристократия, состоящая из крупных землевладельцев, бенефициариев и других лиц, распалась сама по себе. Они изолировали себя друг от друга, чтобы осуществлять, каждый в своих собственных владениях, почти абсолютный суверенитет, который они приобрели. Падение Карловингов было делом рук одного Гуго Капета, а не аристократической коалиции. Собрание не собиралось, как при падении Меровингов, для избрания нового короля. Гуго Капет провозгласил себя королем и был признан таковым сначала вассалами, которыми он владел как герцог Франции, а затем, последовательно, великими лордами королевства, которые, тем не менее, оставались почти равными ему по могуществу. Затем ассамблеи почти полностью исчезли вместе со всеми национальными и центральными институтами; и прошло почти три столетия, прежде чем было создано что-либо аналогичное им.

Ретроспектива пяти столетий.

Таким образом, в конце десятого века из трех систем институтов, которые мы охарактеризовали вначале, а именно: свободных институтов, монархических институтов и феодальных институтов, последняя полностью преобладала; первая рано погибла, и Карл Великий тщетно пытался установить вторую. Иерархическая организация владельцев поместий и раздробление Франции на столько мелких суверенитетов, сколько было собственников, достаточно сильных, чтобы быть почти независимыми и абсолютными хозяевами в своих собственных владениях, — таков был естественный результат поселения франков в Галлии.

В течение пяти столетий, которые мы сейчас кратко рассмотрели, институты, обычаи и власти, по-видимому, находились в постоянном состоянии беспорядка и конфликта. Древние свободы франков, первобытная независимость воинов, королевская власть, первые зачатки феодальной системы — все эти различные элементы представляются нашему взору неясными, непоследовательными и противоположными. Мы непрестанно переходим от одной системы к другой, от одной тенденции к другой. В конце десятого века борьба почти прекратилась; масса населения впала в состояние рабства или стала колонистами-данниками; владение феодальными владениями дает реальную суверенность, более или менее полную в зависимости

от власти владельца; эти мелкие суверены иерархически объединены и конституированы узами сюзеренитета и вассалитета. Нигде эта связь не бывает слабее, чем между королем и его вассалами; ибо там претензии на власть, с одной стороны, и на независимость - с другой, наиболее серьезно оспариваются.

Фундаментальными характеристиками такого положения вещей являются уничтожение всякой центральной роли, как национальной, так и монархической; иерархическое устройство земельной собственности; распределение суверенитета в соответствии с различными ступенями этой иерархии; и порабощение или квази-порабощение массы жителей страны.

Нападки на феодальную систему.

Я уже говорил, что эта система была естественным результатом положения франков в Галлии после завоевания; ее окончательный успех является доказательством этого. В качестве доказательства можно привести и другое обстоятельство. До десятого века мы являемся свидетелями постоянной борьбы и попеременного успеха свободных, монархических и феодальных институтов. Усилия, предпринятые в пользу первых двух систем, хотя некоторые из них поддерживались древней независимостью франков, а другие - способностями великих королей, оказались безуспешными — более мощная тенденция расстроила и преодолела их. Когда борьба прекратилась, когда феодальная система полностью восторжествовала, почти сразу же начался новый конфликт; победившая система подверглась нападению: в низших классах общества - со стороны массы жителей, горожан, колонистов или крепостных, которые стремились вернуть себе какие-то права, собственность и свободу; в высших классах - со стороны королевской семьи, которая стремилась восстановить некоторое общее влияние и снова стать центром нации. Эти новые усилия были предприняты не в период с пятого по десятый век, как в разгар неразберихи, возникшей в результате конфликта противоположных систем, а в самом нутре единой системы, системы, которая возобладала над всем обществом и завладела им. Сражающиеся больше не являются свободными людьми, неуверенными в своем положении и своих правах, которые слабо защищают обломки своего древнего существования от всепоглощающего вторжения феодальной системы; это граждане, колонисты, крепостные, чье положение ясно и определено, которые, в свою очередь, становятся агрессорами и трудятся, чтобы освободиться от ига феодализма. Мы больше не видим короля, неуверенного в своей власти и подвергающегося постоянным нападкам, не знающего, король он или сеньор, и защищающего свою власть от леудов или крупных землевладельцев, которые пытаются иногда посягнуть на нее, а иногда и вовсе от нее отказаться; теперь это глава знати, трудящийся над тем, чтобы сделать себя королем всех и превратить сюзеренитет в суверенитет. С пятого по десятый век феодальная система находилась в процессе развития и агрессии. Начиная с одиннадцатого века, эта система должна была защищаться от народа и короля. Борьба была долгой, трудной и ужасной, но результаты менялись в зависимости от положения сражающихся. Несмотря на рабство, в которое впал народ в десятом веке, с этого времени предоставление людям гражданских прав стало прогрессировать. Несмотря на бессилие королевской власти в тот же период, с тех пор королевская власть укреплялась. Ни одно усилие не было напрасным, ни один шаг назад не был отступлением. Та монархическая система, которую гений Карла Великого не смог установить, постепенно была основана королями, намного уступавшими Карлу Великому. Эти древние свободы, которые ни франки, ни галлы не

смогли сохранить, были восстановлены по частям палатой общин и третьим сословием. В течение первого периода монархии и свободе не удалось утвердить свое положение; было предопределено, что монархия должна была возникнуть из самого феодализма, а эмансипация - из лона рабства.

Характер феодализма.

Что касается самого феодализма, то в мои намерения не входит описывать его историю. Я спешу приблизиться к тому периоду, когда я снова встречу с нацией и королем и когда возобновятся усилия по созданию свободного правительства и монархической системы. Я лишь укажу здесь, каковы были доминирующий характер и общее влияние феодальной системы в отношении власти и свободы — этих двух составляющих элементов общественного порядка.

Феодальная система приводила господина к тесной связи с подданными, а суверена - с теми, кто зависел от него; в этом смысле она была причиной угнетения и порабощения. Трудно убежать от силы, которая всегда рядом и почти присутствует. Человеческая воля подвержена странным капризам, и никогда это не проявляется так часто, как тогда, когда объекты, на которые она воздействует, находятся в ее власти. Вы можете немного вздохнуть под властью произвола, если он очень высок и очень далек; но если он находится рядом с вами, вы действительно раб. Местная тирания - худшая из всех; хотя ее трудно избежать, она легко может защитить себя. Горстка людей часто держала население большого города в рабстве на протяжении веков. Граждане, колонисты и крепостные чувствовали себя настолько жестоко угнетенными феодалами, что предпочитали своей абсолютной власти абсолютную власть королей, даже с более обширными и непреодолимыми правами, чем те, которыми обладали лорды. Определенный и всеобщий деспотизм не имеет ни одинакового интереса в том, чтобы быть тираническим, ни одинаковых средств угнетения. Это объясняет силу феодального гнета и глубокую ненависть, которую он внушал.

Влияние феодализма.

Феодальная система ставила низшего рядом с вышестоящим; и в этом смысле это был принцип достоинства и свободы. Многие вассалы были равны друг другу по рангу и в отношениях фамильярности; часто неравенство между вышестоящими и нижестоящими было невелико, так что последний не был этим ни унижен, ни вынужден разыгрывать из себя придворного. Защита была правом; сюзерен абсолютно нуждался в своих вассалах. В их отношениях друг к другу не было места раболепию и низости души. Более того, у вассалов были причины и средства объединиться для защиты от угнетения; они обладали общими правами и интересами. Близость, в которой они жили со своим господином, не позволяла им утратить чувство своих взаимных прав; таким образом, феодальные отношения обычно полны достоинства и возвышенности; благородное чувство, верность, а не подчинение, руководит их поведением. Итак, везде, где существует глубокое моральное чувство, оно обязательно должно побуждать других к действию; отсюда многие великолепные и благородные проявления человеческой натуры при феодальной системе: эти проявления, правда, были сосредоточены в кругу сеньоров и вассалов; но даже это лучше, чем равное унижение всех при всеобщем деспотизме.

Таким образом, в то время как феодализм игнорировал и оскорблял как справедливость, так и достоинство человека среди масс, которых он считал подданными, он уважал и развивал и то, и

другое среди своей собственной иерархии. В этой иерархии существовала свобода со всеми сопутствующими ей вещами. Ниже было рабство и сопутствующее ему зло со всем позором, который следует за ними.

Отсутствие Репрезентативной системы.

Теперь я могу бесстрашно утверждать, что в институтах периода с пятого по десятый век нет и следа представительной системы. Мы переходим от независимости отдельных лиц иногда к власти короля, иногда к господству крупных землевладельцев. Но не существует политической организации, основанной на идеях общего права и общественных интересов; все институты имеют отношение к частным правам и интересам. Две противоположные силы находятся в конфликте; ничто не указывает на разделение властей и их стремление к одной общей цели. Нет представителей прав всех; никто не избирается во имя интересов всех; те, у кого есть права, осуществляют их лично; те, кто не осуществляет их лично, ими не обладают. Только церковники сохраняют идею общего права всех людей на справедливость и хорошее управление; но эта идея не переносится ни в какие институты. Нигде нельзя встретить ни философского принципа, ни каких-либо истинных внешних характеристик представительного правления.

Лекция XXII.

Политические институты вестготов.

Своеобразие вестготского законодательства.

Его авторы и их влияние.

Разрушение и исчезновение среднего класса в Римской империи во время вторжения варваров.

История римского муниципального устройства.

Три эпохи в этой истории.

Законы вестготов.

В соответствии с планом, который я набросал для нашего руководства в начале этих лекций, я изучал с вами политические институты англосаксов и франков с пятого по десятый век. Теперь я перехожу к вестготам, третьему из варварских народов, обосновавшихся в Римской империи, о которых я предлагаю сообщить вам некоторые сведения.

Открывая собрание законов вестготов, невозможно не поразиться отличающей их компактности. У франков и бургундов есть законы, частично предшествовавшие их установлению на римской территории; обычаи передавались и собирались воедино из века в век. У вестготов есть кодекс, который был систематически составлен и обнародован в назначенный день.

Один этот факт указывает на то, что законы вестготов не были делом рук самих варваров. Влияние духовенства, действительно, было более сильным среди вестготов, чем среди других варваров-завоевателей; духовенство не только принимало участие в их управлении, но и выступало в качестве их гражданских и политических законодателей. Вестготский кодекс был их работой. Как это произошло?

Еще до основания варварских государств, находившихся под властью даже последних римских императоров, могущество новой религии постепенно поставило христианское духовенство во главе народов; епископ был защитником и главой городов. После завоевания варвары приняли религию побежденных; и поскольку христианское духовенство было могущественным в городах благодаря муниципальным учреждениям, они прилагали все усилия, чтобы сохранить муниципальной системе ее форму и действенность. В этом они во многом преуспели. Поэтому крайне важно иметь некоторые точные знания о римской муниципальной системе и ее превращениях до периода великих нашествий варваров, чтобы правильно понять состояние городского населения в ту эпоху и роль, которую их духовенство играло в своем новом положении, особенно в королевстве вестготов.

Падение Римской империи.

Как я уже отмечал, падение Римской империи на Западе - странное явление. Население не только не поддерживало правительство в его борьбе с варварами, но и само по себе, предоставленное самому себе, не пыталось оказывать никакого сопротивления от своего имени. Более того, ничто во время этого затяжного конфликта не свидетельствовало о существовании нации; почти нет никаких намеков на то, что она перенесла; она перенесла все бедствия войны, грабежа и голода и претерпела полную перемену в своей судьбе и состоянии, не действуя, не говоря и даже не появляясь.

Это явление не просто странное, оно не имеет аналогов. Деспотизм царил не только в Римской империи; не раз иностранные вторжения и завоевания опустошали страны, которые долгое время стонали под властью тиранического правительства. Даже там, где нация не сопротивлялась, ее существование так или иначе проявлялось в истории. Оно страдает, оно жалуется и, несмотря на свое унижение, борется со своей злой судьбой; повествования и памятники свидетельствуют о том, что оно пережило, кем оно стало, и если не о том, что оно сделало, то, по крайней мере, о том, что с ним сделали.

В пятом веке остатки римских легионов оспаривали у орд варваров владение огромной территорией империи, но казалось, что эта территория была пустыней. Когда солдаты империи уходили или терпели поражение, ни о каком другом человеке или предмете не упоминалось. Варварские племена последовательно захватывают провинции; кроме них, факты показывают нам только одно другое реальное и живое существование, существование епископов и духовенства. Если бы не сохранились законы, сообщающие нам, что римское население все еще населяло землю, история дала бы нам веские основания сомневаться в его существовании.

Состояние римских колоний.

Таким образом, люди исчезали особенно в провинциях, которые долгое время подчинялись Риму и где цивилизация была более развитой. Мы рассматриваем письмо бриттов, слезно

умоляющих Аэция о помощи и отправке легиона, как исключительный памятник трусости подданных империи. Это удивление несправедливо: бритты, будучи менее цивилизованными и менее романизированными, чем другие подданные империи, сопротивлялись саксам, и их сопротивление имеет историю. В тот же период, при сходных обстоятельствах, италики, галлы и испанцы не имели истории; империя ушла из их страны, и ею завладели варвары, причем масса жителей не принимала ни малейшего участия в этой сделке и не давала ни малейшего указания на то место, которое они занимали в событиях, обрекших их на столько бедствий.

Тем не менее Галлия, Италия и Испания были покрыты городами, которые еще недавно были богатыми и густонаселенными; цивилизация там получила великолепное развитие; дорог, акведуков, цирков и школ было предостаточно. Они обладали всем, что может свидетельствовать о богатстве или обеспечить нации оживленное и блестящее существование. Вторжения варваров происходили с целью разграбления всех их богатств, разгона всех их дружеских собраний, уничтожения всех их удовольствий. Никогда еще существование нации не было так разрушено; никогда еще отдельным людям не приходилось терпеть столько зла и опасаться большего количества опасностей. Откуда взялось, что население стало немым и мертвым? Как получилось, что так много разграбленных городов, так много разрушенных должностей, так много загубленных карьер, так много изгнанных собственников оставили так мало следов, я не говорю об их активном сопротивлении, но только об их страданиях?

Предполагалось, что причиной этого является деспотизм имперского правительства, деградированное положение народа, глубокая апатия, охватившая как господ, так и подданных, — и это справедливо: в этом заключалась главная причина этого странного явления. Но таким образом легко сформулировать в общих чертах причину, которая, хотя и явно существовала где-то еще, нигде не приводила к таким же результатам. Мы должны глубже проникнуть в состояние римского общества, в то состояние, до которого оно было доведено деспотизмом. Мы должны выяснить, какими средствами она была настолько полностью лишена всякой последовательности и жизни.

Римская муниципальная система.

Деспотизм может облекаться в самые разные формы и проявляться в действиях, которые придают его действию гораздо большую энергию и придают гораздо более широкий размах его последствиям.

Великим фактом, который возник в результате системы имперского деспотизма и который единственный может объяснить феномен, о котором я говорю, является разрушение и исчезновение среднего класса в римском мире: с приходом варваров этого класса больше не существовало; и по этой причине также перестала существовать нация. Это уничтожение среднего класса в Римской империи было особенно результатом муниципальной системы, которая полностью превратила его в инструмент и жертву имперского деспотизма. Все орудия этого деспотизма были направлены против этого класса; и он был заключен в муниципальную систему, чтобы его можно было привлечь к ответственности и заставить удовлетворять потребности существования власти, которая его сокрушила.

Такой факт делает целесообразным изучение машины, с помощью которой он был произведен, во всех ее частях. Те, кто не знаком с организацией муниципальной системы в этот период и ее влиянием на римское общество, не могут должным образом понять историю тех времен.

В устройстве и существовании городов в римском мире мы можем различить три эпохи, очень отличные друг от друга и четко отмеченные настоящими революциями. Хорошо известно, что римляне, приняв в своих завоеваниях систему, сильно отличающуюся от системы большинства древних народов, были осторожны, чтобы не истреблять и не обращать в рабство покоренные ими народы. Я думаю, что это различие в процедурах было вызвано состоянием большинства соседних народов, против которых Рим впервые начал войну. Они собирались вместе в городах, а не рассредоточивались по всей стране; они образовывали гражданские организации, обрабатывая территорию большей или меньшей протяженности и управляя ею. Эти города были многочисленными и независимыми. Нация, рассеянная по земле, которую она возделывает, может быть легко уничтожена или поработана; но задача становится более трудной и менее прибыльной, когда эта нация живет в стенах и уже приобрела устойчивость мелкого государства. Более того, народы, которые в древние времена были поработаны или истреблены, почти неизменно получали такое обращение от завоевателей, которые искали дом и поселились на завоеванной ими территории. Когда война закончилась, римляне вернулись в Рим. Порабощение и истребление не могут быть осуществлены ни все сразу, ни на расстоянии. Победители, которые намерены это сделать, должны постоянно присутствовать среди побежденных, постоянно лишая их богатства, свободы и земель. Первобытное состояние римлян в начале их завоеваний оказало решающее влияние на судьбы народов.

Обращение с завоеванными городами.

Первоначально, похоже, римляне не отваживались оставлять своих бывших жителей в завоеванных городах. Говорят, что насилие обеспечило Рим женщинами; тот же процесс обеспечил его новыми гражданами. Побежденные, будучи переведены в Рим, становились такими же римлянами, как и их победители. Завоеванный город был занят либо солдатами, либо жителями Рима, принадлежавшими к низшему классу народа, и отправлен туда для образования своего рода колонии. Город Кере был первым, которому после присоединения к Риму было разрешено сохранить свои собственные законы и магистратуру после получения, по крайней мере частично, права римского гражданства. Согласно Ливию, в 365 году от основания Рима указом сената был учрежден *публичный госпиталь*.

Прием в гражданство.

Эта система преобладала и постоянно развивалась. Завоеванные города были присоединены к Риму, получив право гражданства. Некоторые из них, как Кере, получили титул римских граждан только для своих жителей и все еще сохраняли свой собственный сенат и законы; другие были допущены в римский город, но без получения избирательного права в *комициях* Рима. Что касается других, то, опять же, их политическая инкорпорация была полной; их жители пользовались избирательным правом в Риме, как и сами римляне. Только у этих последних было племя в Риме.

Избирательное право было предоставлено последовательно нескольким городам, которые поначалу его не получили. Наконец, вся Италия после войны союзников и вскоре часть Южной Галлии получили право римского гражданства во всей его полноте.

Города, таким образом, получившие все права римского гражданства, назывались *муниципиями*. Когда вся Италия была наделена этими правами, те города, которые сначала не обладали ими полностью, сохраняли в течение значительного периода названия *колоний*, *префектур* и так далее, которые они носили первоначально; но фактически их положение было полностью ассимилировано с положением древних *муниципалитетов*.

За пределами Италии состояние завоеванных городов и округов все еще было очень разнообразным. История рассказывает нам о *колониях*, некоторые из которых были римскими, а другие латинскими, о *populi liberi*, *civitates federatae*, *reges amici*, *provinciae*. Эти разные деноминации указывали на разные способы существования под господством Рима и разную степень зависимости, но эти различия постепенно исчезли. Я имею в виду всего лишь *муниципалитет*.

Прежде чем предоставить городу все права римского гражданства, проводился опрос, примет ли он их или нет. После получения согласия и, используя юридическую терминологию, *ubi fundus ei legi factus erat* ступка состоялась. Его основные последствия были таковы: муниципальные права, интересы и должности в этом городе были затем отделены от политических прав, интересов и должностей. Первые оставались во владении города и осуществлялись жителями на месте с полной независимостью; вторые были переданы Риму и могли осуществляться только в его стенах. Таким образом, право заключать мир или войну, издавать законы, взимать налоги и вершить правосудие перестало принадлежать *муниципалитету* индивидуально; но граждане разделяли эти права и осуществляли их в Риме вместе с гражданами, населявшими Рим; они направлялись туда, чтобы голосовать в *комициях* как по законам, так и по назначениям на высшие должности; они добивались и могли получить все государственные должности. Город Рим обладал привилегией, заключавшейся в том, что эти политические права могли осуществляться только в его стенах. Его жители не обладали привилегиями выше, чем у *муниципалитета*.

Права, интересы и должности, которые мы теперь называем муниципальными и полное распоряжение которыми было закреплено за каждым населенным пунктом, нигде не выделяются и не перечисляются должным образом. На этом уровне цивилизации ни правители, ни управляемые не чувствуют необходимости все предвидеть, определять и регулировать; они доверяют здравому смыслу человечества и природе вещей. История, однако, указывает на основные prerogatives, которые сохранялись на местном уровне.

1. Богослужение, религиозные праздники и церемонии. Каждый город не только сохранил свои древние обычаи и независимую власть в этом отношении, но и римские законы следили за сохранением этих прав и даже сделали это обязанностью. Таким образом, каждый *муниципалитет* имел своих собственных священников и фламенгов, а также право выбирать их и регулировать все связанные с ними вопросы.

2. Каждый *муниципалитет* также обладал правом управления своей собственной частной собственностью и доходами. Перестав быть политическим персонажем, он стал гражданским персонажем. Общественные здания, независимо от того, предназначались ли они для

полезных целей или для удовольствия, фестивали, местные и всеобщие увеселения, все расходы такого рода и все доходы, за счет которых они покрывались, продолжали оставаться исключительно местными делами. Жители назначали мировых судей, на которых возлагались эти функции.

3. Полиция также оставалась, по крайней мере в определенной степени, в руках местных магистратов; они должны были следить за внутренней безопасностью своего города и временно арестовывать тех, кто нарушал его покой.

4. Хотя судебная власть была отнята у местных жителей, мы, тем не менее, встречаем некоторые следы Юрисдикции, несколько схожей с той, которую мы называем муниципальной полицией, выносящей решения о преступлениях против законов, касающихся общественного здравоохранения, мер и весов, рынков и так далее.

Муниципальные служащие.

Всеми этими местными делами управляли либо магистраты, назначаемые жителями, либо *курия* города или *коллегия декурионов*, то есть все жители, имевшие фиксированный земельный доход. Как правило, *курия* назначала магистратов; однако мы встречаемся с некоторыми примерами, когда они назначались общим собранием жителей. Но в тот период, как необходимое следствие существования рабства, было мало свободных людей, которые не принадлежали к *курии*.

Происхождение слова *decurio* неясно. Некоторые авторы придерживаются мнения, что он был офицером, поставленным во главе десяти семейств, подобно *тингмену*, или *тунгину* германских народов. Другие думают, что *decurio* просто означает член *курии*. Последнее толкование кажется мне более вероятным из двух. В более поздний период декурионы назывались *куриалами*.

Конституция муниципалитета.

Такова была конституция *муниципии* в конце римской республики. В качестве результатов представлены следующие общие факты:

1. Короче говоря, все политические права и интересы, вся политическая жизнь были централизованы в Риме не только морально и по закону, но и материально и фактически. Только в стенах Рима могли быть совершены все деяния римского гражданина.
2. Никакой централизации такого рода не происходило в связи с тем, что мы сейчас называем административными интересами. В этом отношении каждый город оставался изолированным и обособленным, регулируя свои собственные дела точно так же, как это делал бы частный человек.
3. Назначение магистратов, которые управляли местными делами города, и надзор за ними происходили на месте, без какого-либо вмешательства центральной власти, собранием основных жителей.

4. В это собрание были допущены все жители, имевшие определенный доход. Есть основания полагать, что из него были исключены только несколько свободных людей.

Здесь начинается вторая эпоха в истории римского муниципального устройства.

Абсолютное отделение политического существования от местного и невозможность осуществления политических прав где-либо еще, кроме Рима, не могли не лишить города их основных граждан, а также значительной части их значения. Таким образом, в эпоху, которую мы только что рассмотрели, чисто местные интересы занимали лишь небольшое место. Рим вобрал в себя все. Независимость, предоставленная другим городам в отношении вопросов, которые не рассматривались в Риме или исходили не из Рима, проистекала из незначительной важности этих вопросов.

Когда свобода в Риме начала пошатываться, упадок политической активности граждан неизбежно уменьшил ее концентрацию. Главные люди *муниципалитета* отправились в Рим, чтобы принять участие в управлении миром, либо голосуя в *комициях*, либо выполняя важные общественные функции. Когда *комиции* и высшие магистратуры перестали оказывать сколько-нибудь заметное влияние на правительство, когда политическая жизнь в Риме угасла вместе с движением за свободу, приток всех важных людей в Рим уменьшился. Такое снижение было выгодно растущему деспотизму и не встретило сопротивления.

Рост общественного безразличия.

Здесь, как и во всяком случае, необходимые следствия общих фактов раскрываются в конкретных и положительных фактах: до того времени ни один политический акт не мог быть совершен и ни одно избирательное право не могло осуществляться где-либо еще, кроме как в стенах Рима. Светоний сообщает нам, что Август предоставил гражданам большого числа итальянских *муниципалитетов* право отдавать свои голоса, не покидая своего города, и отправлять их в Рим в запечатанном пакете, чтобы они могли быть должным образом изучены в *комициях*. Таким образом, одновременно был продемонстрирован рост общественного безразличия и рост абсолютной власти.

Этот прогресс продолжался быстрыми темпами. Вскоре *комиции* постигла участь всех обманов и были упразднены; всякое свободное вмешательство граждан в управление исчезло, и не оставалось никаких политических актов, которые можно было бы совершать ни в Риме, ни на расстоянии от него; а поскольку нарождающийся деспотизм всегда стремится предложить всем людям обманчивые преимущества постыдного равенства, право римского гражданства было почти в тот же период даровано без разбора всему римскому миру. Это право больше не имело никакого политического значения и не придавало никакого реального значения тем, кто его получил; и все же эта уступка лишала тех, кого она приравнивала к положению толпы, того значения, которое они могли бы еще сохранить. Есть основания полагать, что эта мера была скорее следствием финансовой спекуляции, чем хитроумной деспотической комбинации. Но деспотизм, даже когда его поведение меньше всего руководствуется научными принципами, никогда не бывает обманут своими инстинктами. Более того, таков был естественный ход вещей; и деградировавшие народы неизбежно должны были постичь свою судьбу. Нельзя возлагать всю вину на хозяина стада; и ненависть, которой заслуживает тирания, не может спасти от нашего презрения народы, неспособные к свободе.

Однако, поскольку деградация и крушение империи не могут быть осуществлены в одно мгновение или одним ударом; поскольку в римском мире все еще существовали некоторые привычки к свободе, которые у деспотизма не было времени или необходимости уничтожить, необходимо было как-то компенсировать это полное исчезновение политических прав и жизни; и эта компенсация, естественно, явилась результатом произошедшей перемены.

Растущее значение муниципалитета.

Часть значения, которое потерял Рим, вернулась к *муниципиям*. Большое количество богатых граждан больше не покидали свои дома. Будучи отстраненными от управления государством, их внимание спонтанно переключилось на дела своего собственного города. Ничто еще не побуждало центральную власть вмешиваться в их управление. Сокровищ Рима и обычных пожертвований провинций было достаточно для удовлетворения потребностей империи и даже для ее безумств. Тирания тогда лишь слегка ощущала необходимость проникать во все стороны и обладать детальной организацией; и даже не знала, как приступить к этому. Муниципальная система, таким образом, сохраняла значительное значение; она даже формировалась с большей регулярностью и в соответствии с более позитивными, возможно, более обширными правами, чем те, которыми она обладала ранее.

Именно в период от правления Нервы до правления Диоклетиана состояние *муниципии* предстает в этом новом аспекте. Было принято великое множество законов, направленных на увеличение и охрану собственности и доходов городов. Траян разрешил им получать наследства посредством *fidei commissus*; и вскоре они были уполномочены получать их напрямую. Адриан предоставил им право на получение наследства и постановил, что любой администратор, незаконно присвоивший собственность города, должен считаться виновным не в простой краже, а в растрате. Обычного дохода обычно хватало для покрытия расходов, и не было необходимости облагать граждан новыми налогами. Государство не возлагало на города никакого бремени, которое не касалось бы их непосредственно; и лишь очень немногие граждане были освобождены от того, что было обременительно в муниципальных обязанностях. Простые люди своим тяжелым трудом вносили свой вклад в общественные работы, которые интересовали каждый город: достоинство декурионов признавалось и санкционировалось. Адриан освободил их от смертной казни, за исключением случаев отцеубийства. Декурионат по-прежнему считался почетной должностью; и, наконец, лучшим доказательством важности и расширения муниципальной системы в этот период является количество законов, принятых в связи с ним, и особое внимание, уделяемое ему юристами. Очевидно, что в отсутствие политических прав и гарантий муниципальная система была хранилищем, в котором хранились все права и ценные бумаги граждан.

Опасности римского деспотизма.

Но попытка сохранить эту систему не могла долго увенчаться успехом. Мы действительно должны датировать революции по тому дню, когда они вспыхивают; это единственная точная эпоха, которую мы можем им присвоить, но это не та, в которую они берут начало. Конвульсии, которые мы называем революциями, гораздо менее симптоматичны для того, что начинается,

чем свидетельствуют о том, что прошло. Кризис муниципальной системы при Константине является одним из многих доказательств этой истины.

Со времен правления Септимия Севера центральная власть в Римской империи приходила в упадок; ее мощь уменьшалась пропорционально тому, как возрастали ее тяготы и опасности. Стало необходимым взваливать на других бремя, которое оно само больше не могло нести, и искать новые силы, чтобы противостоять новым опасностям. В то же время в среде древнеримского общества возникло общество одновременно молодое и пылкое, объединенное твердой и плодотворной верой, одаренное изнутри принципами, превосходно приспособленными для укрепления его внутреннего устройства, а также огромной силой внешней экспансии; я имею в виду христианское общество. Именно под действием этих двух причин, сначала разделенных, а затем объединившихся, муниципальная система Римской империи была распущена и в конце концов превратилась в принцип разрушения и орудие угнетения.

Один из тысяч пороков деспотизма заключается в том, что его требования возрастают пропорционально тому, как уменьшаются его средства; чем слабее он становится, тем больше нуждается в преувеличении; чем больше он бедствует, тем больше ему хочется тратить. С точки зрения силы, как и с точки зрения богатства, ему в равной степени навязаны бесплодие и расточительность; общество, как люди, так и вещи, в его руках - всего лишь безжизненный и ограниченный материал, который оно расходует для собственного поддержания и в который оно вынуждено проникать все глубже по мере того, как оно все больше истощается и все больше приближается к потере всего.

Деспотизм римских императоров существовал при наличии трех опасностей: варваров, которые постоянно наступали и которых необходимо было покорять или подкупать; населения, которое постоянно увеличивалось и которое необходимо было кормить, развлекать и обуздывать; солдат, силы, противостоящей этой двойной опасности, — силы тем более опасной самой по себе, что ее необходимо было увеличивать и ежедневно предоставлять ей новые уступки.

Бремя муниципалитета.

Это положение налагало огромное бремя на деспотизм. Чтобы получить ресурсы, она была вынуждена создать административную машину, способную осуществлять свои действия в каждом квартале и которая сама по себе стала новым бременем. Эта система правления, начавшаяся при Диоклетиане и закончившаяся при Гонории, не имела иной цели, кроме как распространить на общество сеть чиновников, которые были непрестанно заняты извлечением из него богатства и силы, которые они впоследствии передавали в руки императоров.

Доходы городов, как и доходы частных лиц, были обложены контрибуциями, обусловленными потребностями власти, и вскоре подверглись еще более непосредственному захвату. В различных случаях, среди прочих при Константине, император вступал во владение большим количеством муниципальных владений; но местные сборы, которые эти владения должны были покрывать, тем не менее, оставались неизменными. Более того, их становилось все больше; по мере того как население повсюду становилось все более многочисленным и более склонным к подстрекательству к мятежу, кормить и развлекать их становилось все дороже, и требовалась

все большая сила, чтобы держать их в узде. Центральная власть, сама перегруженная, переложила часть своего бремени на города. Теперь, всякий раз, когда регулярных доходов города не хватало для покрытия его расходов, *курия*, то есть группа богатых граждан, декурионы, были обязаны восполнять дефицит из своего личного кошелька. Более того, почти везде они были сборщиками государственных налогов и несли ответственность за этот сбор; их частная собственность должна была компенсировать неплатежеспособность налогоплательщиков, а также восполнять дефицит общинных доходов. Достоинство декуриона, таким образом, стало причиной разорения; это состояние было самым тяжелым из всех социальных условий; тем не менее, это было положение всех состоятельных жителей *всех муниципалитетов* империи.

И это было еще не все; как только положение декурионов стало обременительным, появилась тенденция покинуть его, а также преимущество в этом. Освобождение от куриальных функций стало привилегией, и эта привилегия получала все большее распространение. Императоры, которые распоряжались всеми общественными достоинствами и должностями, наделяли ими людей и классы, которых они считали необходимым привлечь на свою сторону. Таким образом, внутри государства, как необходимый результат деспотизма, возник огромный класс привилегированных лиц. По мере того как доходы городов уменьшались, их бремя возрастало и ложилось на декурионов, которых теперь стало меньше вследствие уступки привилегий. Однако необходимо было оставить достаточно средств, чтобы нести бремя, возложенное на *курию*. Отсюда происхождение того длинного ряда законов, которые превращают каждую *курию* в тюрьму, в которой декурионы были заключены по наследству; которые лишали их во множестве случаев свободного распоряжения своим имуществом или даже распоряжались им без их согласия в пользу *курии*; которые преследовали их в сельской местности, в армии, где бы они ни пытались укрыться, чтобы вернуть их в *курию*, откуда они хотели сбежать; законы, в конечном счете, которые связывали огромный класс граждан, как в отношении собственности, так и лично, на самые обременительные и неблагодарные общественные услуги, точно так же, как вы заставляли бы животных выполнять тот или иной вид домашней работы.

Рост христианства.

Таково было место, которое деспотизм в конце концов отвел муниципальной системе; таково было состояние, до которого муниципальные собственники были доведены законами. И в то время как деспотизм напрягал все силы, чтобы укрепить узы муниципальной системы и заставить жителей выполнять в качестве обязанностей функции, которые раньше считались правами, вторая причина, на которую я ссылался, христианство, стремилось распустить или демонтировать муниципальное общество, чтобы заменить его другим.

В течение почти трех столетий христианское общество незаметно формировалось в центре и, так сказать, под поверхностью гражданского общества римлян. В очень ранний период это было регулярно организованное общество со своими вождями, своими законами, своими расходами и своими доходами. Его организация, изначально совершенно свободная и основанная на чисто моральных узах, отнюдь не была лишена силы. В то время это была единственная ассоциация, которая могла обеспечить своим членам радости внутренней жизни, идеи и чувства, составлявшие ее основу, позволяли занимать возвышенные умы, развивать активное воображение и удовлетворять требованиям того морального и интеллектуального существования, которое ни угнетение, ни несчастья не могут полностью уничтожить в масштабах нации.

Последствия христианства.

Житель *муниципалитета*, когда он становился христианином, переставал принадлежать своему городу и вступал в христианское общество, главой которого был епископ. Отныне только там был центр его мыслей и привязанностей, а также обитель его учителей и братьев. На нужды этого нового общества были направлены, при необходимости, его состояние и его деятельность; в конечном счете, туда в какой-то мере было перенесено все его нравственное существование.

Когда такое смещение происходит в моральном порядке вещей, оно быстро завершается и в материальном порядке. Обращение Константина, по сути, провозгласило триумф христианского общества и ускорило его прогресс. С тех пор власть, юрисдикция и богатство хлынули на церкви и епископов как на единственные центры, вокруг которых люди были спонтанно расположены группироваться и которые могли проявлять добродетель привлечения всех сил общества. Гражданин желал завещать свое имущество уже не своему городу, а своей церкви. Богач пытался обосновать свои притязания на любовь публики уже не строительством цирков и акведуков, а возведением христианских храмов. Приход занял место *муниципалитета*; сама центральная власть, подгоняемая ходом событий, с которыми она была связана, использовала все свои усилия, чтобы увеличить поток. Императоры лишили коммуны части их собственности и передали ее церквям; они лишили муниципальных чиновников части их власти и передали ее епископам. Когда победа была объявлена таким образом, интерес объединился с верой, чтобы расширить общество победителей. Духовенство было освобождено от бремени муниципальных функций, и стало необходимым принять законы, запрещающие всем декурионам назначать себя клерками. Без этих законов муниципальное общество было бы полностью распущено; его существование затянулось, чтобы оно могло продолжать нести бремя, на которое оно было обречено; и, как ни странно, императоры, наиболее благосклонные к церковному строю и наиболее либеральные в увеличении его преимуществ, были вынуждены в то же время бороться против тенденции, которая побуждала людей покидать все другие общества, чтобы вступить в то единственное, в котором они могли найти честь и защиту.

Распад муниципалитета.

Таково тогда, по правде говоря, было положение вещей. Деспотизм, побуждаемый собственными потребностями, постоянно ухудшал положение *екурии*. Деятельность церкви процветала и совершенствовалась столь же непрерывно либо с помощью народов, либо благодаря действиям самого деспотизма, который нуждался в поддержке духовенства. Поэтому было необходимо постоянно переводить *в курию* декурионов, которые когда-либо стремились покинуть ее. По мере того, как их число уменьшалось, а те, кто оставался, разорялись и не могли нести это бремя, их положение становилось все менее и менее сносным. Таким образом, зло возникало из зла; угнетение сделало гибель неизбежной благодаря попыткам отсрочить ее; и муниципальная система, которая, как я уже сказал, стала настоящей тюрьмой для одного класса граждан, с каждым днем продвигалась вперед к своему собственному разрушению и к разрушению класса, прикованного к своей судьбе.

Таков был, в отношении *муниципии*, ход событий и законов со времен правления Константина до падения Западной империи. Напрасно некоторые императоры старались возвысить коммуны; напрасно Юлиан вернул им часть собственности, которую они ранее потеряли. Эти изменения в законодательстве оказались неэффективными; на *муниципалитеты* давила фатальная необходимость; и всякий раз, когда муниципальная система вплотную приближалась к распаду и считалось необходимым поддержать ее, не оказывалось никакой другой помощи, кроме удвоения энергии причин, которые толкали ее к разрушению. Таким насильственным является курс загнивающего деспотизма. Муниципалитеты с каждым днем все больше приносились в жертву империи, а *декурионы* - муниципалитетам; внешние формы свободы все еще существовали в *курии* в том, что касалось выборов магистратов и управления делами города; но эти формы были тщетны, ибо граждане, которые были призваны дать им жизнь своими действиями, были смертельно ранены в своей личной независимости и в своем богатстве. Именно в таком состоянии материального разорения и морального уничтожения варвары, обосновавшись на римской территории, застали города, их магистратов и их жителей.

Упразднение муниципальной системы.

На Востоке агония *муниципалитетов* затягивалась по мере существования империи. Здесь также некоторые императоры предпринимали безуспешные попытки вернуть им процветание. В конце концов, прогресс центрального деспотизма стал настолько велик, а формы муниципальной свободы настолько очевидно превратились в мертвую букву, что к концу IX века император Лев, прозванный Философом, разом упразднил всю муниципальную систему следующим указом:

"Поскольку в вещах, которые служат для использования в обычной жизни, мы уважаем те, которые удобны и полезны, и презираем те, которые бесполезны, поэтому мы должны действовать в соответствии с законами; те, которые приносят некоторую пользу и которые приносят некоторую пользу государству, следует поддерживать и чтить; но что касается тех, содержание которых хлопотно и неважно, мы не только не должны обращать на них внимания, но и должны исключить их из свода законов. Теперь мы скажем, что среди древних законов, принятых в отношении *курий* и *декурионов*, есть такие, которые налагают невыносимое бремя на *декурионов* и наделяют *курии* правом назначать определенных магистратов и управлять городами своей собственной властью. Теперь, когда гражданские дела приняли другую форму и что все зависит исключительно от заботы и управления императорского величества, эти законы в некотором роде тщетно и бесцельно бродят по правовой территории; поэтому мы отменяем их настоящим указом ". [Сноска 15]

[Сноска 15: Повесть. Лев. 46.]

Таковы были великие революции муниципальной системы в римском мире в течение двенадцати столетий, прошедших между заключением римского мирного договора с Грецией и правлением Льва Философа. Мы можем охарактеризовать их, сказав, что в течение первого периода муниципальное устройство было свободой, фактически предоставленной жителям городов; во время второго это было право, закрепленное юридически, как компенсация за потерю политических привилегий; и в течение третьего это было бремя, возложенное на определенный класс граждан.

Теперь я заканчиваю его историю. В нашей следующей лекции мы исследуем реальное состояние муниципальной системы в течение третьего периода и ее влияние на положение граждан.

Лекция XXIII.

О различных социальных условиях в Римской империи до окончательного вторжения варваров.

Привилегированные классы и курии.

Их обязанности, функции и иммунитеты.

Атрибуты *курии* как органа.

О различных муниципальных магистратурах и должностях.

О *защитнике* в городах.

Сравнение развития муниципальной системы и ее отношения к центральной организации государства в Римской империи и в современных обществах.

Социальные условия в Римской империи

В начале пятого века подданные империи были разделены на три класса, образующих три совершенно различных социальных состояния:

1. Привилегированные классы;
2. Курии;
3. Простые люди. Я говорю только о свободных людях.

К привилегированному классу относились:

1. Члены сената и все те, кто имел право носить имя *клариссими*;
2. Дворцовые чиновники;
3. Духовенство;
4. Когортное ополчение, своего рода *жандармерия*, занимающаяся поддержанием внутреннего порядка в государстве и исполнением законов;
5. Солдаты в целом, независимо от того, входят ли они в легионы, или в войска, приданные дворцу, или в корпус вспомогательных варваров.

Класс куриалов охватывал всех граждан, населявших города, будь то коренные жители или поселенцы в них, которые обладали определенным земельным доходом и не принадлежали ни по какому титулу к привилегированному классу. Простой люд представлял собой массу городских жителей, чья почти абсолютная нехватка собственности исключала их из числа куриалов.

Привилегированные члены первого класса были многочисленны, разного ранга и неравномерно распределены между пятью сословиями, из которых оно состояло; но то, что на самом деле было самой важной и наиболее востребованной из их привилегий, то, что само по себе было более ценным, чем все остальные, было общим для пяти сословий, составлявших этот класс, — я имею в виду освобождение от муниципальных функций и должностей.

Когда мы перейдем к рассмотрению куриалов, вы узнаете, каковы были масштабы этих обязанностей; но сначала вы должны четко понять, кто был освобожден от них.

1. Вся армия, от низшей *когорты* до *equitum peditumve*;
2. Все духовенство, от простого клерка до архиепископа;
3. Легко определить два вышеупомянутых класса; но не так ясно, кто входил в класс сенаторов и *клариссими*.

Число сенаторов было неограниченным; император назначал и увольнял их по своему желанию и мог даже возводить в этот ранг сыновей вольноотпущенников. Все те, кто занимал главные судебные должности в Империи или кто просто получил от князя почетный титул, принадлежащий этим магистратурам, назывались *clarissimi* и имели право, когда требовали обстоятельства, заседать в Сенате. Таким образом, класс *клариссими* включал всех скольконбудь важных чиновников, и все они назначались и могли быть уволены императором.

Привилегированный класс.

Таким образом, группа привилегированных лиц состояла из:

1. Из армии;
2. Из духовенства;
3. Из всех государственных чиновников, независимо от того, работают ли они при дворе, во дворце или в провинциях.

Таким образом, деспотизм и привилегии заключили тесный союз; и в этом союзе привилегии, которые почти полностью зависели от деспотизма, не обладали ни свободой, ни достоинством, за исключением, возможно, духовенства.

Эта привилегия, и особенно освобождение от куриальных функций, были не только личными, но и наследственными. Так было в случае с военными, при условии, что дети также должны были овладеть профессией военного; а в случае с гражданскими лицами это продолжалось для тех детей, которые родились, поскольку их отцы принадлежали к классу *клариссими* или занимали посты во дворце. Среди классов, освобожденных от функций курии, было когортное ополчение, низшая служба, к которой поступавшие в нее были привязаны по наследству и из которой не было возможности перейти в высший класс.

Класс куриалов охватывал всех жителей городов, будь то их уроженцы, *муниципалитеты* или поселенцы в них, *инколе*, которые владели земельной собственностью площадью более

двадцати пяти акров, *югера*, и не принадлежали ни к какому привилегированному классу. Члены куриального сословия становились таковыми либо по происхождению, либо по назначению. Каждый потомок куриала также был куриалом и нес ответственность за все обвинения, связанные с этим качеством. Каждый житель, который путем торговли или иным образом приобрел земельную собственность площадью более двадцати пяти акров, мог быть вызван в *курию* и не мог отказаться сделать это. Ни один куриал не мог добровольным актом перейти в другое состояние. Им запрещалось жить в деревне, поступать в армию или заниматься занятиями, которые освобождали бы их от муниципальных функций, до тех пор, пока они не пройдут все ступени курии, от простого члена *курии* до высших гражданских должностей. Только тогда они могли стать военными, общественными деятелями и сенаторами. Дети, родившиеся у них до их возвышения, оставались куриалами. Им не разрешалось входить в духовенство, кроме как предоставив пользоваться своим имуществом любому, кто соглашался быть куриалом вместо них, или подарив свое имущество самой *курии*. Поскольку курии неустанно стремились вырваться из своего рабства, было принято множество законов, направленных на судебное преследование тех, кто вырвался из своего первоначального состояния и преуспел в тайном поступлении в армию, духовенство, на государственные должности или в Сенат; и предписывающих их восстановление в *курии* из которой они бежали.

Функции и обязанности куриалов.

Ниже были перечислены функции и обязанности курий, таким образом, добровольно или вынужденно ограниченных в *курии*.

1. Управление делами *муниципалитета* с его расходами и доходами либо путем обсуждения этого вопроса в *курии*, либо путем исполнения должностных обязанностей городского судьи. В этом двойном положении куриалы несли ответственность не только за свое личное управление, но и за нужды города, которые они были обязаны обеспечивать из своих собственных ресурсов в случае, если муниципальных доходов будет недостаточно.
2. Сбор государственных налогов, также под ответственность их частной собственности в случае неплательщиков. Земли, облагавшиеся поземельным налогом и оставленные их владельцами, были переданы *курии*, которая была обязана платить налог с них до тех пор, пока не найдет кого-нибудь, желающего забрать их из ее рук. Если ему никого не удавалось найти, налог с заброшенной земли делился между другими поместьями.
3. Ни один куриал не мог продать имущество, из которого он получил свою квалификацию, без разрешения губернатора провинции.
4. Наследники куриалов, если они не были членами *курии*, а также вдовы или дочери куриалов, вышедшие замуж за мужчин, принадлежащих к другим классам, были обязаны отдавать четвертую часть своего имущества *курии*.
5. Куриалы, у которых не было детей, не могли распоряжаться по завещанию более чем четвертой частью своего имущества: остальные три четверти по праву переходили к курии.
6. Им не разрешалось отлучаться из своего *муниципалитета* даже на ограниченное время без

разрешения судьи провинции.

7. Когда они покидали свою *курию* и не могли быть возвращены обратно, их имущество конфисковывалось в пользу их *курии*.

8. Налог, известный под названием *aurum coronarium* и состоявший в сумме, подлежащей выплате князю по случаю определенных событий, взимался только с куриалов.

Преимущества, предоставляемые куриалам.

Единственными преимуществами, предоставленными куриалам в качестве компенсации за это бремя, были:

1. Освобождение от пыток, за исключением очень серьезных случаев.
2. Освобождение от определенных мучительных и позорных наказаний, которые были зарезервированы для населения; таких как осуждение на работу в шахтах, сожжение заживо и так далее.
3. Декурионы, впавшие в нищету, содержались за счет *муниципалитета*.

Это были единственные преимущества, которыми обладали курии перед простыми людьми, которые, с другой стороны, пользовались тем преимуществом, что для них была открыта любая карьера и что, поступив в армию или заняв государственную должность, они могли сразу подняться до привилегированного класса.

Таким образом, положение куриалов как как граждан, так и по отношению к государству было обременительным и лишенным свободы. Муниципальное управление было обременительной службой, на которую были обречены куриалы, а не правом, которым они были наделены. Давайте теперь посмотрим, каково было положение курий не по отношению к государству и другим классам граждан, а в *курии* и между собой. Здесь все еще существовали формы и даже принципы свободы. Все куриалы были членами *курии* и заседали в ней. Способность нести бремя должности влекла за собой осуществление своих прав и участие в ее делах; имена всех куриалов каждого *муниципалитета* были занесены в порядке, который определялся в соответствии с их достоинством, возрастом и другими обстоятельствами, в книгу под названием *альбом curiae*. Когда появлялась возможность обсудить какой-либо вопрос, все они созывались высшим городским судьей, *дуумвиром*, *эдилисом* или *претором*, и все они высказывали свое мнение и свои голоса; все решалось большинством голосов; и никакое обсуждение в *курии* не было действительным, если не присутствовали две трети курий.

Атрибуты Курии.

Атрибутами курии как органа были:

1. Рассмотрение и решение определенных дел;
2. Назначение мировых судей и муниципальных служащих.

Нигде я не могу найти перечисления дел, которые относились к ведению *курии* как органа. Однако все указывает на то, что большинство тех муниципальных интересов, которые требовали большего, чем простое исполнение законов или уже отданных распоряжений, обсуждались в *курии*. Надлежащая и независимая власть муниципальных магистратов, по-видимому, была очень ограниченной. Например, есть основания полагать, что никакие расходы не могли быть понесены без разрешения *курии*. Он устанавливал время и место проведения ярмарок; только он предоставлял вознаграждение; и так далее.

Были даже случаи, когда разрешения *курии* было недостаточно, и когда необходимо было заручиться согласием всех жителей, независимо от того, куриалы они или нет; например, для продажи любого имущества, принадлежащего коммуне, или для отправки депутатов к императору в связи с любой жалобой или запросом. С другой стороны, очевидно, что при общем развитии деспотизма императорская власть продолжала с каждым днем все больше и больше вмешиваться в дела *муниципалитетов* ограничивать независимость *курий*. Таким образом, они не могли возводить новые здания без разрешения губернатора провинции; восстановление стен вокруг городов подчинялось той же формальности; и это также было необходимо для освобождения рабов и для всех действий, которые имели тенденцию уменьшать достояние города. Кроме того, постепенно даже те дела, окончательное решение по которым ранее принадлежало *курии*, в порядке возражения или апелляции перешли под власть императора и его делегатов в провинциях. Это произошло вследствие абсолютной концентрации судебной и фискальной власти в руках имперских чиновников. *Курия* и куриалы были затем низведены до уровня не более чем низших представителей суверенной власти. Им почти ничего не оставалось, кроме права на консультацию и права на подачу жалобы.

Муниципальные учреждения.

Что касается назначения на муниципальные должности, то на самом деле оно долгое время оставалось в руках *курии* без какой-либо необходимости в его утверждении губернатором провинции, за исключением исключительных случаев в городах, которые специально предназначались для жестокого использования или наказания. Но даже это право вскоре стало иллюзорным из-за полномочий, предоставленных губернаторам провинций отменять назначение по требованию избранного лица, когда муниципальные функции стали просто обременительными, все куриалы, избранные для исполнения этих обязанностей, которые имели какое-либо влияние на губернатора, смогли под тем или иным предлогом добиться отмены своих выборов и таким образом освободиться от бремени.

Существовало два вида муниципальных должностей: первая, называемая *magistratus*, которая предоставляла определенные почести и определенную юрисдикцию; вторая, называемая *munera*, простая работа без юрисдикции и без какого-либо особого достоинства. *Курия* назначала на оба вида должностей; только магистраты предлагали людей, которых они считали компетентными для выполнения *обязанностей*; но даже они не были назначены по-настоящему, пока не получили голоса *курии*.

The *Магистратами* были:

1. *Дуумвир*; это было самое обычное название главного муниципального магистрата. В некоторых местностях его также называли *кватуорвир*, *диктатор*, *эдилис*, *претор*. Срок его полномочий составлял год; он почти соответствовал сроку полномочий наших мэров; *дуумвир* председательствовал в *курии* и руководил общим управлением делами города. Его юрисдикция ограничивалась делами небольшой важности; он также пользовался полицейскими полномочиями, которые давали ему право налагать определенные наказания на рабов и временно арестовывать свободных людей.

2. *Эдилис*; это был магистрат, как правило, ниже *дуумвира*; он проверял общественные здания, улицы, запасы зерна, а также меры веса. Эти два магистрата, *дуумвир* и *эдилис*, должны были устраивать публичные празднества и игры.

3. *Куратор республики*; этот чиновник, как и эдил, осуществлял определенный надзор за общественными зданиями; но его основным занятием было управление финансами; он обрабатывал земли *муниципалитета*, получал отчеты об общественных работах, давал займы деньги от имени города и так далее.

The *Мунера* были:

1. *Восприемник*, сборщик налогов, находящийся под ответственностью назначивших его куриалов.

2. *Иринархи*, комиссары полиции, в обязанность которых входило в первую очередь выявлять правонарушения и преследовать их в судебном порядке.

3. *Кураторы*, должностные лица, отвечающие за различные муниципальные службы; *куратор фрументи*, *куратор календарий*, кредитор, выступающий под надежные поручительства городских денег, на свой страх и риск.

4. *Писцы*, младшие клерки в двух офисах. К этому классу принадлежали *табеллионы*, которые выполняли почти те же функции, что и наши нотариусы.

Защитники городов.

В более поздние времена, когда упадок муниципальной системы стал очевиден, когда разорение курии и бессилие всех муниципальных чиновников защитить жителей городов от посягательств имперской администрации стали очевидны для самого деспотизма; и когда деспотизм, понеся, наконец, наказание за свои собственные деяния, почувствовал, что общество со всех сторон покидает его, он попытался путем создания новой магистратуры обеспечить *муниципии* некоторую безопасность и независимость. *Защитник* был назначен в каждый город; его изначальной миссией была защита людей, особенно бедных, от угнетения и несправедливости имперских офицеров и их агентов. Вскоре он превзошел всех других муниципальных чиновников по значимости и влиянию. Юстиниан предоставил *защитникам* права выполнять в отношении каждого города функции губернатора провинции во время отсутствия этого должностного лица; он также предоставил им юрисдикцию во всех делах, которые не касались суммы, превышающей 300 ауреев. Они обладали даже определенной

властью в уголовных делах, и к их персоне были приставлены два судебных пристава; и для того, чтобы дать некоторые гарантии их власти и независимости, были использованы два средства; с одной стороны, они имели право переходить на различные ступени государственного управления и сразу обращаться со своими жалобами к преторианскому префекту; это было сделано с намерением возвысить их достоинство, освободив их от юрисдикции провинциальных властей. С другой стороны, они избирались не только *курией*, но и общим собранием жителей *муниципалитета*, включая епископа и все духовенство; и поскольку только духовенство тогда обладало какой-либо энергией и влиянием, это новое учреждение и, следовательно, все, что еще оставалось от муниципальной системы, попало в его руки почти повсеместно. Этого было недостаточно, чтобы восстановить силу *муниципалитетов*, находившихся под властью империи; но этого было достаточно, чтобы обеспечить духовенству большое юридическое влияние в городах после переселения варваров. Самым важным результатом института *защитников* стало то, что епископы стали во главе муниципальной системы, которая в противном случае распалась бы сама по себе из-за разорения своих граждан и недействия своих институтов.

Уничтожение среднего класса.

Таковы факты: они демонстрируют явление, на которое я указал вначале, а именно уничтожение среднего класса в империи; он был уничтожен материально в результате разорения и рассеяния курии, а морально - в результате отказа уважаемому населению оказывать какое-либо влияние на дела государства, а в конечном итоге и на дела города. Отсюда и возникло, что в пятом веке было так много необработанных земель и так много городов, почти опустевших или населенных только голодным и бездуховным населением. Система, которую я только что объяснил, способствовала достижению этого результата гораздо сильнее, чем опустошения варваров.

Чтобы правильно понять истинный характер и последствия этих фактов, мы должны свести их к общим идеям и вывести из них все, что они содержат в отношении одной из величайших проблем общественного порядка. Давайте сначала рассмотрим их, касающиеся отношений муниципальной системы с политическим порядком, города с государством. В этом отношении общим фактом, вытекающим из того, что я изложил, является абсолютное отделение политических прав и интересов от муниципальных прав и интересов; разделение, одинаково фатальное как для политических прав и интересов, так и для муниципальных прав и интересов граждан. До тех пор, пока основные граждане обладали в центре государства реальными правами и реальным влиянием, муниципальная система не испытывала недостатка в гарантиях безопасности и продолжала развиваться сама. Как только основные граждане потеряли свое влияние в центральных учреждениях, эти гарантии исчезли, и разложение муниципальной системы не заставило себя долго ждать.

Римская империя и современные государства.

Давайте теперь сравним ход вещей в римском мире с тем, что произошло в современных государствах. В римском мире централизация была быстрой и бесперебойной. По мере того, как Рим завоевывал мир, он поглощал и сохранял в своих стенах все политическое существование как победителей, так и побежденных. Между правами и вольностями гражданина и правами и

свободами обывателя не было ничего общего; политическая жизнь и муниципальная жизнь не смешивались друг с другом и не проявлялись в одних и тех же местностях. Что касается политики, то у римского народа, по правде говоря, была только одна голова; когда она была поражена, политическая жизнь прекратила свое существование; местные свободы тогда оказались не связанными никакими узами и без какой-либо общей гарантии их общей защиты.

Среди современных наций такой централизации никогда не существовало. Напротив, именно в городах и в результате действия муниципальных свобод сформировалась масса жителей, средний класс, который приобрел значение в государстве. Но, однажды овладев этой точкой опоры, этот класс вскоре почувствовал себя в затруднительном положении и без безопасности. Сила обстоятельств заставила его понять, что до тех пор, пока оно не будет возведено в центр государства и конституционно установлено там; до тех пор, пока оно не будет обладать в политических вопросах правами, которые должны были бы свидетельствовать о развитии и залоге тех, которые оно осуществляло в муниципальных делах, — этих последних будет недостаточно для защиты его всех его интересов и даже для защиты самих себя. Здесь истоки всех усилий, которые, начиная с XIII века, предпринимались либо Генеральными штатами, либо парламентами, либо более косвенными средствами с целью вовлечения бюргеров в политическую жизнь и приобщения к правам и вольностям обывателя, правам и свободам гражданина. После трех столетий усилий эти попытки оказались безуспешными. Муниципальная система оказалась неспособной породить политическую систему, которая должна была соответствовать ей и стать ее гарантией. Централизация власти осуществлялась без какой-либо централизации прав. С тех пор муниципальная система оказалась слабой и неспособной защитить себя; она была сформирована вопреки феодальному господству; она была неспособна существовать в присутствии центральной власти и в условиях административной монархии. Города постепенно утрачивали, незаметно и почти без сопротивления, свои древние свободы. Всем известно, что в момент, когда разразилась французская революция, муниципальная система во Франции была не более чем тщетной тенью, лишенной последовательности и энергии.

Результаты сравнения.

Таким образом, хотя в римском мире и среди нас дела развивались в обратной пропорции, хотя Рим начинался с централизации общественных свобод, а современные государства - с муниципальной свободы, в обоих случаях факты одинаково раскрывают нам двойную истину о том, что два порядка свобод и прав необходимы друг для друга, что их нельзя разделить без взаимного ущерба и что разрушение одного неизбежно влечет за собой разрушение того, что поначалу уцелело.

Те же факты открывают нам второй результат, не менее важный. Отделение муниципальной системы от политической привело в Римской империи к правовой классификации общества и введению привилегий. В современных государствах аналогичная классификация и наличие аристократических привилегий препятствовали тому, чтобы муниципальная система приобрела политическое влияние и производила права гражданина из местных прав жителя. Таким образом, там, где муниципальная и политическая жизнь чужды друг другу, где они не объединены в одну систему и не связаны друг с другом таким образом, чтобы взаимно гарантировать безопасность друг друга, мы можем быть уверены, что общество либо уже разделено, либо вскоре будет разделено на отдельные и неизменные классы, и что привилегия

либо уже существует, либо вот-вот появится. Если граждане не имеют доли в центральной власти, если граждане, которые осуществляют центральную власть или разделяют ее, в то же время не участвуют в правах и интересах граждан, если политическое и муниципальное существование протекают таким образом совместно, вместо того, чтобы быть, так сказать, включенными друг в друга, привилегии не могут не укрепиться, даже под железной рукой деспотизма и посреди рабства.

Принципы свободы.

Если из всего этого мы захотим вывести еще более общее следствие и выразить его в чисто философской форме, мы признаем, что для того, чтобы право безусловно могло существовать в любом месте, оно должно существовать повсюду, что его присутствие в центре напрасно, если оно не присутствует также на местах; что без политической свободы не может быть твердых муниципальных свобод, и *наоборот*. Если, однако, мы рассмотрим факты, уже изложенные относительно муниципального устройства, взятого само по себе и в его внутреннем устройстве; если в этих фактах мы будем искать принципы, — мы встретимся с самым странным слиянием принципов свободы с принципами деспотизма; слиянием, возможно, беспрецедентным и, безусловно, необъяснимым для тех, кто недостаточно хорошо понимал ход обстоятельств как в становлении, так и в упадке римского мира.

Присутствие принципов свободы очевидно. Они были такими.

1. Каждый житель, обладавший состоянием, гарантировавшим его независимость и интеллект, был куриалом и, как таковой, призван был принимать участие в управлении делами города. Таким образом, право было закреплено за предполагаемой дееспособностью, без каких-либо привилегий рождения или каких-либо ограничений в отношении численности; и это право было не простым правом избрания, а правом полного обсуждения, непосредственного участия в делах, поскольку они касались того, что происходило внутри города, и интересов, которые могли быть поняты и обсуждены всеми теми, кто был способен подняться над заботами индивидуального существования. *Курия* не была ограниченным и избранным советом, это было собрание всех жителей, которые обладали куриальными полномочиями.

2. Собрание не может осуществлять административную деятельность — необходимы магистраты. Все они были избраны *курией* на очень короткое время; и они отвечали за свое управление своим личным состоянием.

3. В важных обстоятельствах, таких как изменение состояния города или избрание магистрата, наделенного расплывчатыми и более произвольными полномочиями, самой *курии* было недостаточно; для участия в этих торжественных действиях привлекалось все население.

Кто, увидев такие права, не подумал бы, что он видит маленькую республику, в которой муниципальная и политическая жизнь сливались друг с другом и в которой господствовало самое демократическое правление? Кто бы мог подумать, что муниципалитет, управляемый таким образом, является частью великой империи и зависит узкими и необходимыми узами от удаленной и суверенной центральной власти? Кто бы, напротив, не ожидал столкнуться со всеми вспышками свободы, всеми волнениями и интригами, а часто и со всеми беспорядками и

насилием, которые во все периоды характеризуют небольшие общества, таким образом запертые и управляемые в своих собственных стенах?

Принципы деспотизма.

Ничего подобного не было, и все эти принципы свободы были безжизненны. Существовали другие принципы, которые поразили их до смерти.

1. Последствия и требования центрального деспотизма были таковы, что должность куриала перестала быть правом, по общему признанию принадлежащим всем, кто был способен ее осуществлять, и превратилась в бремя, возложенное на всех, кто был способен его нести. С одной стороны, правительство освободило себя от заботы о предоставлении тех общественных услуг, которые не затрагивали его собственных интересов, и таким образом возложило обязательства на этот класс граждан; а с другой стороны, оно наняло их для сбора налогов, предназначенных для его использования, и возложило на них ответственность за их уплату. Оно разорило курии, чтобы платить своим собственным чиновникам и солдатам; и оно предоставило своим собственным чиновникам и солдатам все преимущества привилегий, чтобы принудительно заручиться их помощью, чтобы помешать курии спастись от надвигающегося разорения. Полные ничтожества как граждане, куриалы жили только для того, чтобы их обирали.

2. Все выборные магистраты были, по сути, просто безвозмездными проводниками деспотизма, в интересах которых они грабили своих сограждан до тех пор, пока те не смогли тем или иным способом освободиться от этой неприятной обязанности.

3. Даже их избрание не имело ценности, поскольку императорский делегат в провинции мог аннулировать его, и они были очень лично заинтересованы в получении от него этой милости; таким образом, они также были в его власти.

4. Наконец, их власть не была реальной, поскольку не имела санкции. Им не была предоставлена никакая эффективная юрисдикция; они не могли сделать ничего, что не могло бы быть отменено. Более того: по мере того, как деспотизм с каждым днем все яснее осознавал их бессилие или недоброжелательность, он с каждым днем все больше вторгся в сферу их влияния, либо своими личными действиями, либо своими прямыми делегатами. Деятельность *курии* постепенно исчезала вместе с ее полномочиями; и недалек был день, когда муниципальная система в быстро приходящей в упадок империи будет упразднена одним махом, "потому что, - сказал бы законодатель, - все эти законы каким-то образом расплывчато и бесцельно бродят по территории, на которой действует закон".

Общие выводы.

Таким образом, муниципальная власть, полностью оторвавшись от политической и гражданской власти, перестала быть властью сама по себе. Таким образом, принципы и формы свободы, отдельные остатки независимого существования того множества городов, которые последовательно присоединялись к Римской империи, были бессильны защититься от коалиции деспотизма и привилегий. Таким образом, и здесь мы можем узнать то, чему учат нас

столь многочисленные примеры, а именно, что все видимости свободы, все внешние действия, которые, по-видимому, свидетельствуют о ее присутствии, могут существовать там, где свободы нет, и что на самом деле она не существует, если те, кто ею обладают, не осуществляют реальной власти — власти, осуществление которой связано со всеми другими полномочиями. В социальном государстве свобода - это участие во власти; это участие является ее истинной или, скорее, единственной гарантией. Там, где свободы не являются правами, и где права не являются полномочиями, ни прав, ни свобод не существует.

Поэтому мы не должны удивляться ни тому полному исчезновению нации, которое характеризовало падение Римской империи, ни тому влиянию, которое духовенство вскоре приобрело при новом порядке вещей. Оба явления объясняются состоянием общества в тот период, и в частности тем состоянием муниципальной системы, которое я только что описал. Епископ стал в каждом городе естественным главой жителей, истинным мэром. Его избрание и участие в нем горожан стали важным делом города. Именно духовенству мы обязаны частичным сохранением в городах римских законов и обычаев, которые были включены в более поздний период в законодательство государства. Между старой муниципальной системой римлян и гражданско-муниципальной системой коммун средневековья церковная муниципальная система возникла как переходный период. Это переходное состояние длилось несколько столетий. Этот важный факт нигде не был так отчетливо и сильно развит, как в монархии вестготов в Испании.

Лекция XXIV.

Очерк истории Испании при вестготах.

Состояние Испании при Римской империи.

Поселение вестготов на юго-западе Галлии.

Сборник законов вестготов Эврика.

Собрание законов римских подданных Алариха.

Поселение вестготов в Испании.

Конфликт между католиками и арианами.

Политическое значение соборов в Толедо.

Главные короли вестготов.

Egica собирает *Судебный форум*.

Падение вестготской монархии в Испании.

Испания под властью Римской империи.

Во времена Римской империи, до нашествия варваров, Испания пользовалась значительным процветанием. Страна была покрыта дорогами, акведуками и всевозможными общественными сооружениями. Муниципальное управление было почти независимым; при формировании *курий* применялся принцип земельной переписи; и различные надписи доказывают, что масса народа часто принимала участие вместе с городским сенатом в действиях, совершавшихся от его имени. Существовали *conventus juridici*, или заседания, проводимые президентами провинций и их асессорами в четырнадцати городах Испании; и *conventus provinciales*, или обычные ежегодные собрания депутатов городов, с целью рассмотрения дел провинции и отправки депутатов к императору со своими жалобами и петициями.

Все эти институты пришли в упадок в конце четвертого века. Императорский деспотизм, возложив все свои требования на муниципальных чиновников, сделал эти должности обременительными для тех, кто их занимал, и ненавистными для народа. С другой стороны, поскольку император сделал себя центром всего, провинциальные собрания были бесполезны разве что как посредники между городами и императором; когда муниципальная организация ослабла, а император почти полностью исчез, эти собрания оказались непоследовательными и бессильными сами по себе. Источники, из которых они исходили, и центр, в котором они заканчивались, были лишены силы и погибли.

Вторжения варваров в Испанию.

Таково было положение Испании, когда в 409 году вандалы, аланы и свевы перешли Пиренеи. Вандалы оставались в Галисии и Андалусии до 429 года, после чего они перешли в Африку; аланы, прожив некоторое время в Лузитании и провинции Карфаген, эмигрировали в Африку вместе с вандалами. Спевы основали королевство в Галисии, которое просуществовало как отдельное государство до 585 года, когда Леовигильд, король вестготов, подчинил его своей власти. Наконец, Атаульф во главе вестготов вступил в Южную Галлию, действуя иногда как союзник, а иногда как враг империи. Он был убит в Барселоне в 415 году.

Теперь я проведу краткий обзор основных событий, которыми отмечена история вестготов в Испании, последовавшая за смертью Атаульфа.

1. Валлия, король вестготов с 415 по 419 год, заключил мир с императором Гонорием при условии ведения войны против других варваров в Испании. Его снабдили припасами и разрешили обосноваться в Аквитании. Он обосновался в Тулузе и вел войну против аланов и вандалов. Римляне вернули себе часть Испании; готы Валлии, смешавшись с аланами, поселились в провинции Таррагона. Каталония (*Катауланция, готско-аланские народы*) получила свое название от этого смешения двух народов. Поселение готов в Галлии лежало между Луарой, Океаном и Гаронной и охватывало районы Бордо, Ажена, Периге, Сента, Пуатье и Тулузы.

2. Теодорих I. (419-451 гг.) При этом монархе вестготы расширили свое владычество на юго-востоке Галлии. Их основные войны были с Римской империей, которая, используя готов против вандалов и свевов, теперь использовала гуннов против готов. В 425 году произошла осада Теодорихом Арля; в 436 году - осада Нарбонны. Среди жителей страны существовало

стремление подчинить себя готам, которые были в состоянии защитить их от других варваров, и отказаться от своей верности Риму, который привлекал других варваров для покорения готов. Около 449 года королевство вестготов простиралось до Роны. Теодорих совершил несколько экспедиций в Испанию; в основном в обмен на мир с римлянами. В 451 году Теодорих был убит в битве с Атилой либо при Шалон-сюр-Марн, либо при Мерри-сюр-Сен.

Вестготская монархия в Галлии.

3. Торисмунд (451-453). Была одержана победа над Атилой, напавшим на аланов, обосновавшихся на Луаре и в окрестностях Орлеана. Очевидно, вестготы изгнали гуннов из Галлии. Торисмунд был убит.

4. Теодорих II (453-466). Авит, *магистр ополчения* на юге Римской Галлии, отправился в Тулузу, чтобы заключить мир с Теодорихом, и с помощью вестготов стал императором. Совместно с римлянами Теодорих II предпринял экспедицию в Испанию против свевов. Рехиар, король свевов, потерпел поражение 5 октября 450 года близ Астургии. Это была скорее экспедиция, чем завоевание со стороны вестготов. Теодорих II, любопытный портрет которого оставил нам Сидоний Аполлинарий, был убит в 462 году; он приобрел округ Нарбонна.

5. Эврик (466-484). Это правление стало кульминационной точкой вестготской монархии в Галлии. Эврик возглавлял экспедиции за Луару против армориканцев; в 474 году он завоевал Овернь, которая затем была передана ему по договору; он уже завоевал Арль и Марсель, так что монархия вестготов тогда простиралась от Пиренеев до Луары и от океана до Альп, примыкая таким образом к монархиям бургундов и остготов. Эврик также расширил свои владения на Испанию, где ему принадлежали Таррагонский округ и Батика, отвоеванные им у свевов. У Эврика были законы и обычаи готов, записанные в книге. Отрывок Сидония Аполлинария, в котором говорится *о теодорихианских легендах*, привел к убеждению, что Теодорих начал этот сборник; но Эврика также называют Теодорихом.

6. Аларих II. (484-507.) Это правление было эпохой упадка вестготской монархии в Галлии. Аларих, менее воинственный, чем его предшественники, предался погоне за удовольствиями. Он потерпел поражение от Хлодвига при Вуйе близ Пуатье и был оставлен мертвым на поле боя. Франки на востоке и бургунды на западе расчленили Вестготскую монархию, которая, таким образом, сократилась до собственно так называемого Лангедока и нескольких районов, прилегающих к Пиренеям.

Бревиарий Аниани.

Аларих сделал для своих римских подданных то же, что Эврик сделал для готов. Он собрал и переработал римские законы и свел их в кодекс, получивший название *Codex Alaricianus*. Этот кодекс был основан на *Кодексе Феодосия*, опубликованном в 438 году Феодосием Младшим, а также на *Грегорианском кодексе*, *Гермогенианском кодексе*, *Сентенции Паули* и *Имперских конституциях*, опубликованных впоследствии, в правление Феодосия. Этот кодекс также назывался *Бревиарий Аниани*. Считалось, что Аниан, референдарий Алариха, был ее главным

редактором; но отец Сирмон доказал, что Аниан опубликовал ее только по приказу короля и разослал подлинные копии по провинциям. Актом Алариха римское законодательство было, так сказать, возрождено, перестроено и адаптировано к монархии готов. С тех пор оно исходило от самого готского короля. На севере Галлии, в то время как законы варваров перестали быть обычаями и стали писаными законами, римские законы потеряли свою силу в целом и стали обычаями; на юге, с другой стороны, они остались писаными законами и сохранили гораздо большую силу, оказывая важное влияние на законы варваров. Казалось бы, это двоякое письменное законодательство обязательно должно было способствовать сохранению разделения двух наций; но, напротив, оно способствовало его прекращению.

7. После смерти Алариха II его законный сын Амаларих, еще ребенок, был вывезен в Испанию. Его внебрачный сын, Гезалик, стал королем Галлии. В этот период монархия вестготов была перенесена из Галлии в Испанию. Франки, бургунды и остготы захватили галльские владения вестготов. Гезалих потерпел поражение, и Амаларих правил под защитой своего деда Теодориха и опекой Теудеса.

8. После смерти Амалариха Теудес был избран королем и правил с 531 по 548 год. Он установил резиденцию вестготской монархии в Испании. Он вел длительные войны против франков и, хотя был арианином, проявлял терпимость к католикам. Он разрешил епископам ежегодно собираться на собор в Толедо. До правления Теуда среди вестготов, по-видимому, преобладал принцип наследования престола по наследству; после Теуда принцип избрания возобладал фактически и по закону.

9. С 548 по 567 год правили Теудегизил, Агила, Атанагильд. Между франками, свевами и римлянами шли постоянные войны. Чтобы заручиться помощью римлян в своем восстании против Агилы, Атанагильд уступил императору Юстиниану несколько мест между Валенти и Кадисом. Соответственно, в эти города были направлены римские гарнизоны. Римляне также сохранили за собой другие города в Испании. Атанагильд поселился в Толедо. Он был отцом королевы Брюнехи. После его смерти вельможи пять месяцев не избирали его преемника. В конце концов они избрали Лиува, губернатора Нарбонны, который посадил на трон вместе с ним своего брата Леовигильда. Леовигильд правил Испанией, а Лиува - вестготской Галлией. Лиува умерла в 570 году, и Леовигильд стал единоличным королем. С него начинается, по правде говоря, полная и регулярная монархия вестготов в Испании.

Правление Леовигильда.

10. Леовигильд с 570 по 586 год укрепил и расширил монархию. Он одержал великие победы над греко-римлянами, которые вернули себе часть Испании, и отвоевал у них Медину-Сидонию, Кордову и другие города. Он также разгромил васконов [Сноска 16], которые сохраняли свою независимую оккупацию страны по обе стороны Пиренеев. В 586 году он полностью подчинил свевов; он значительно расширил королевскую власть, произвел крупные конфискации имущества церкви и знати, преследовал католиков и созвал собор арианских епископов в Толедо в 582 году, чтобы попытаться объяснить арианство таким образом, чтобы удовлетворить народ и обеспечить его всеобщее признание в своих владениях. Между Леовигильдом и его сыном Герменегильдом, который был католиком, вспыхнула гражданская война. После

различных превратностей Герменегильд был схвачен, заключен в севильской башне, носящей его имя, и казнен в 684 году. До своего восстания он был связан со своим отцом в короне, как и его брат Рекаред, который управлял провинциями в Галлии. Леовигильд исправил и дополнил законы Эврика.

[Сноска 16: Вероятно, нынешние баски.]

До этого периода в вестготской монархии не было единства. Отсутствовали общие институты. Национальные собрания были более нерегулярными, чем в других странах. Ни принцип наследования по наследству, ни принцип избрания не превалировали в том, что касалось королевской должности. Из четырнадцати королей шестеро были убиты. Между провинциями королевства не было согласованности. Духовенство было глубоко разделено между собой. Король предоставил искусственное превосходство арианскому меньшинству.

Правление Рекареда.

11. В 586 году Рекаред I. сменил Леовигильда, объявил себя католиком и созвал третий генеральный собор в Толедо в 587 году. Был заключен союз между королевской и церковной властью. Рекаред оказался в положении, несколько аналогичном положению Константина Великого после его обращения в христианство. Его энергично поддерживало католическое духовенство, которого он, в свою очередь, столь же ревностно поддерживал. На третьем соборе в Толедо две державы приняли общие законы, в которых они обе нуждались. В ходе работы этого собора следует отметить важный факт. В течение первых трех дней церковники заседали в одиночестве и регулировали исключительно религиозные дела. На четвертый день были допущены миряне; и затем были рассмотрены дела как гражданские, так и религиозные.

Рекаред вел войну против франков в Готской Галлии и против римлян в Испании. Эта последняя война была прекращена вмешательством папы Григория Великого, который заключил мирный договор между императором Маврикием и Рекаредом, последний из которых с 590 года отправлял послов к папе римскому. Арианское духовенство подняло несколько восстаний против Рекареда.

12. В 601 году Рекареду наследовал его сын Лиува II., который был убит в 603 году. Витемар, его преемник, был убит в 610 году. Затем был избран Гундемар, но он умер в 612 году. Сисебут вззошел на трон в 613 году и начал войну против остатков Римской империи в Испании. Он обратил в ничто владения, которые император до тех пор сохранял. Он навязал евреям необходимость креститься. Ираклий начал это преследование в Восточной империи; и это вошло в качестве условия в договор, который он заключил с Сисебутом. Евреи, изгнанные из Испании, нашли убежище в Галлии, где их в равной степени преследовал Дагоберт, так что они не знали, куда бежать в поисках убежища. Законы Сисебута издавались только на основании королевской власти, без согласия советов.

13. Рекаред, второй сын Сисевута, правил несколько месяцев. В 621 году ему наследовал Суинтила, сын Рекареда I., который был избран королем. Суинтила служил генералом при Сисебуге. Мы часто встречаемся с подобными случаями в истории вестготов; и они доказывают,

что идея наследственного наследования все еще не была твердо установлена. Суинтила предпринял большую экспедицию против басков. Он отогнал их на другой берег Пиренеев и построил крепость, которая, как полагают, была Фонтарабией. Он полностью изгнал римлян из Испании, посеяв раздор между двумя патрициями, которые все еще управляли двумя римскими провинциями, и предоставив римским войскам, которые оставались в стране, разрешение вернуться домой.

Узурпация Сисенанда.

14. В 631 году произошла узурпация Сисенанда с помощью короля Дагоберта, который послал армию франков, которая проникла до Сарагосы. Суинтила отрекся от престола. Сисенанд стал его преемником и правил с 631 по 636 год. В 634 году узурпация Сисенанда была подтверждена четвертым Толедским собором. Епископы и знать объявили корону выборной, и церковные привилегии получили значительное расширение. С 636 по 640 год правил Чинтила. Во время его правления пятый и шестой советы Толедо приняли законы, касающиеся выборов королей и положения их семей после их смерти, направленные против евреев и по другим вопросам. Чинтиле наследовал его сын Тулга, который был свергнут в 642 году.

15. Чиндасуинтх правил тиранически с 642 по 652 год. Двести главных готов были казнены, а их имущество конфисковано; многие жители эмигрировали; Чиндасуинтх созвал седьмой Толедский собор, каноны которого по отношению к эмигрантам были очень строгими. Во всех мерах его правительства мы можем различить влияние католического духовенства, тесно связанного с королем против арианской фракции. Один каноник постановил, что каждый епископ, проживающий вблизи Толедо, должен проводить один месяц в году при дворе короля. Чиндасуинтх пересмотрел и дополнил собрание законов, относящихся к различным классам его подданных, и полностью отменил специальное применение римского права в своих владениях. В 649 году он передал корону своему сыну Рекесуинту и добился признания его своим преемником.

Отступление И Божественное Право.

Открывая восьмой Толедский собор, Рекесуинт сказал: "Создатель возвел меня на трон, присвоив мне достоинство моего отца, и через его смерть Всемогуший передал мне власть, которую я унаследовал". Эти слова являются выражением теории божественного права. Рекесуинт приказал совету пересмотреть и дополнить сборник законов; наложил штраф в размере тридцати фунтов золота на любого, кто будет апеллировать к чему-либо, кроме национального законодательства; разрешил браки между римлянами и готами, которые до тех пор были запрещены; отменил законы своего отца против эмигрантов; и вернул часть конфискованного имущества. Также был принят закон, отделяющий частные владения короля от общественного достояния. Перевес епископов в совете очевиден. Каноны подписаны семьюдесятью тремя духовными лицами и только шестнадцатью графами, герцогами или *proceres*. Рекесуинт умер 1 сентября 672 года.

16. Вамба, избранный 19 сентября 672 года, проявил большое отвращение к принятию короны. Он подавил восстание в Готской Галлии и осадил Нарбонну и Нисмес. Он также энергично выступал против нашествия сарацин, которые начали наводнять побережье Испании, подобно

тому как норманны наводняли побережье Галлии. Он укрепил Толедо и многие другие города. Во время его правления произошло разделение королевства на епархии; было учреждено шесть архиепископств и семьдесят епископств. Вамба издал несколько законов для организации военной службы и подавления бесчинств духовенства.

17. В 680 году Вамба был свергнут интригами Эрвига, которого поддерживало духовенство. Вамба отрекся от престола и удалился в монастырь. Эрвиг созвал двенадцатый Толедский собор, на котором было объявлено о добровольном отречении Вамбы, и Эрвиг назначил его преемника. Новый монарх поручил совету пересмотреть и видоизменить законы Вамбы, касающиеся военной службы, и наказания, налагаемые на правонарушителей. Менее суровое законодательство было разработано двенадцатым и тринадцатым соборами Толедо.

Судебный форум.

18. Эрвиг выдал свою дочь Киксилоне замуж за Эгику, близкого родственника Вамбы. В 687 году Эгика наследовал Эрвигу. Он поручил шестнадцатому собору Толедо составить полное собрание законов вестготов; и это собрание под названием *Forum judicum*, или *Fuero juzgo*, долгое время управляло испанской монархией.

19. Эгика связал с собой своего сына Витизу, который наследовал ему в 701 году. Витиза был тираном и распутником. Он разрешил священникам жениться, отозвал евреев, вступил в конфликт с испанским духовенством и папой римским; жестоко преследовал главных светских лордов, среди прочих Теутфреда и Фавилу, герцогов Кордовы и Бискайи и сыновей короля Чиндасуинта; и в 710 году пал жертвой заговора, организованного против него Родериком, сыном Теутфреда. Родерик, или Родриго, стал королем вестготов, и его правление было последним в этой монархии. Я не буду рассказывать вам о его войнах с сарацинами, или о знаменитом приключении графа Джулиана и его дочери Ла Кавы, над которыми надругался Родерик, или о какой-либо из последних сцен этой истории, которые теперь стали популярной поэзией. [Сноска 17] Политические институты в настоящее время являются единственным предметом нашего изучения. В своих следующих лекциях я расскажу вам о *Судебном форуме*, очень замечательном законодательном труде, который заслуживает нашего серьезного изучения и внимания.

[Сноска 17: Легенду о графе Джулиане и другую информацию, касающуюся этого интереснейшего периода испанской истории, см. В книге Вашингтона Ирвинга "Легенды о завоевании Гранады и Испании" в издании его работ Бона.]

Лекция XXV.

Своеобразный характер законодательства вестготов.

Различные виды законов, содержащихся в *судебном форуме*.

Это была не только кодекс, но и доктрина.

Принципы этой доктрины о происхождении и природе власти.

Отсутствие практических гарантий.

Преобладание духовенства в законодательстве вестготов.

Истинный характер избрания вестготских королей.

Вестготское законодательство характеризовалось духом мягкости и равенства по отношению ко всем классам людей, и особенно по отношению к рабам.

Философские и моральные достоинства этого законодательства.

Характер вестготского законодательства.

Из всех кодексов законов варваров вестготский - единственный, который оставался в силе или почти оставался в силе до нового времени. Мы не должны ожидать, что найдем в самом этом кодексе единственную или даже главную причину этого обстоятельства. И все же особый характер этого кодекса внес значительный вклад в определение его особой судьбы; и не один этап в истории Испании объясняется или, по крайней мере, разъяснен особым характером ее первобытного законодательства. Я хочу, чтобы вы досконально поняли этот характер. Я не могу сейчас вывести из него все следствия, которые он содержит; но я думаю, что они будут легко замечены внимательным наблюдателем.

Законодательство вестготов не было, в отличие от законодательства франков, лангобардов и других, законом варваров-завоевателей. Это был общий закон королевства, кодекс, который правил как побежденными, так и победителями, испанскими римлянами так же, как и готами. Король Эврик, правивший с 466 по 484 год, изложил обычаи готов. Аларих II, правивший с 484 по 507 год, собрал и опубликовал в *Бревиарии-Аниани* римские законы, которые были применимы к его римским подданным. Чиндасуинф, правивший с 642 по 652 год, приказал пересмотреть и дополнить готские законы, которые уже часто пересматривались и дополнялись со времен Эврика; и полностью отменил римское право. Рекесуинф, правивший с 652 по 672 год, разрешив браки между готами и римлянами, стремился полностью ассимилировать эти две нации: с тех пор на земле Испании существовала или, по крайней мере, должна была существовать одна нация, образованная союзом двух наций и управляемая одним сводом законов, включающим существенные части двух кодексов. Таким образом, в то время как система личных законов, или законов, основанных на происхождении индивидов, преобладала в большинстве варварских монархий, система реальных законов, или законов, основанных на земле, господствовала в Испании. Причины и следствия этого факта имеют большое значение.

Правила Судебного форума.

В судебном форуме можно выделить четыре различных вида законов.

1. Законы, издаваемые единолично королями в силу их собственной власти или просто с согласия их тайного совета, *officium palatinum*.

2. Законы, принятые на национальных соборах, проходивших в Толедо, в согласии с епископами и вельможами королевства и с согласия народа, чаще предполагаемого, чем выражаемого. На открытии совета король предложил в книге под названием *tomus regius* принятие новых законов или пересмотр старых; совет обсудил это; и король санкционировал и опубликовал свои решения. Влияние епископов было преобладающим.

3. Законы без указания даты или имени автора, которые, по-видимому, были буквально скопированы с различных сборников законов, последовательно составленных Эвриком, Леовигильдом, Рекаредом, Чиндасуинтом и другими королями.

4. Наконец, законы, озаглавленные *antiqua noviter emendata*, которые в основном были заимствованы из римских законов, на что формально указывает их название в некоторых рукописях.

The *Судебный форум* в том виде, в каком мы располагаем им в настоящее время, представляет собой кодекс, составленный из собрания всех этих законов, окончательно собранных, пересмотренных и упорядоченных на шестнадцатом соборе в Толедо по приказу короля Эгики. Самая древняя кастильская версия *судебного форума*, по-видимому, была сделана во времена правления Фердинанда Святого (1230-1252).

Вестготская теория права.

Законодательство почти всегда носит императивный характер; оно предписывает или запрещает; каждое правовое положение обычно соответствует какому-либо факту, который оно либо предписывает, либо запрещает. Редко случается, чтобы закону или своду законов предшествовала теория о происхождении и природе власти, объекте и философском характере права, а также о праве и обязанности законодателя. Все законодательные акты предполагают то или иное решение этих первичных вопросов и соответствуют им; но это тайная связь, часто неизвестная самому законодателю. Закон вестготов обладает той исключительной характеристикой, что его теория предшествует ему и постоянно повторяется в нем — теория, формально выраженная и оформленная в статьи. Его авторы хотели сделать больше, чем предписывать и запрещать; они провозгласили принципы и превратили в закон философские истины или то, что им казалось таковыми.

Один этот факт указывает на то, что *Судебный форум* был работой философов того периода; я имею в виду духовенство. Никогда подобное не приходило в голову новому народу, а тем более орде варваров-завоевателей. Несомненно, доктрина, которая, таким образом, служит предисловием и комментарием к кодексу, заслуживает нашего самого пристального внимания.

"Закон, - говорится на *судебном форуме*, - это олицетворение божественности, вестник справедливости, владычица жизни. Оно регулирует все условия в государстве, все возрасты человеческой жизни; оно распространяется на женщин так же, как и на мужчин, на молодежь так же, как и на стариков, на ученых так же, как и на невежественных, на жителей городов так же, как и на жителей деревни; оно не преследует никаких особых интересов; но оно защищает общие интересы всех граждан. Оно должно соответствовать природе вещей и обычаям

государства, соответствовать времени и месту, предписывать только справедливые правила, ясные и общедоступные, чтобы ни для кого не служить ловушкой".

В этих представлениях о природе и объекте писаного права раскрывается фундаментальная идея теории. Существует неписанный, вечный, универсальный закон, полностью известный одному Богу, и к которому стремится человеческий законодатель. Человеческий закон хорош лишь постольку, поскольку он является *выразителем* и *вестником* божественного закона. Таким образом, источник легитимности законов находится не на земле; и эта легитимность проистекает не из воли того или тех, кто издает законы, кем бы они ни были, а из соответствия самих законов истине, разуму и справедливости, которые составляют истинный закон.

Все следствия этого принципа, конечно, не были представлены уму испанских епископов, и многие из следствий, которые они вывели, были очень ложными; но принцип был. Они вывели из этого другой принцип, тогда неизвестный Европе, а именно, что характер права должен быть универсальным, одинаковым для всех людей, чуждым всем частным интересам, данным исключительно в интересах общества. С другой стороны, характер других кодексов варваров заключался в том, что они были задуманы для продвижения частных интересов либо отдельных людей, либо классов. Таким образом, вся система законов, хороших или плохих, которая вытекала из них, несла на себе этот отпечаток; это была система привилегий, *privatæ leges*. Только Толедские соборы пытались внедрить в политику принцип равенства перед законом, который они выводили из христианской идеи равенства перед Богом. Таким образом, закон вестготов был в тот период единственным, который можно было назвать *lex publica*.

Теория о природе власти.

Из этой теории о природе права вытекла следующая теория о природе власти.

1. Никакая власть не является легитимной иначе, как в той мере, в какой она справедлива, поскольку она управляет и сама управляется истинным законом, законом справедливости и истины. Никакая человеческая воля, никакая земная сила не может придать власти внешнюю и заимствованную легитимность; принцип ее легитимности заключен в ней самой и только в ней одной, в ее морали и ее разуме.

2. Вся законная власть исходит свыше. Тот, кто обладает ею и осуществляет ее, удерживает ее исключительно по причине своего собственного интеллектуального и морального превосходства. Это превосходство дано ему самим Богом. Следовательно, он не получает власть от воли тех, над кем он ее осуществляет; он осуществляет ее законно, не потому, что он ее получил, а потому, что он обладает ею в себе. Он не делегат и не слуга, а начальник, вождь.

Это двоякое следствие определения права часто встречается в законодательстве вестготов. "Король называется королем (*rex*) в том смысле, что он правит справедливо (*recte*). Если он действует справедливо, он законно носит имя короля; если он действует несправедливо, он с сожалением теряет его. Поэтому наши отцы не без основания говорили: *Rex ejus eris si recta facis; si autem non facis, non eris*. Две главные добродетели королевской власти - справедливость и истина". "Королевская власть, как и весь народ, обязана уважать законы. Повинуясь воле небес, мы даем как самим себе, так и нашим подданным мудрые законы,

которым обязаны повиноваться наше собственное величие и величие наших преемников, равно как и все население нашего королевства".

Пределы этих теорий.

"Бог, Творец всего сущего, создавая структуру человеческого тела, поднял голову выше и пожелал, чтобы от нее исходили нервы всех членов. И он поместил в голову факел в виде глаз, чтобы оттуда можно было обнаружить все, что могло причинить вред. И он установил в нем силу интеллекта, поручив ему управлять всеми членами общества и мудро регулировать их действия. Поэтому мы должны сначала регулировать то, что касается государей, следить за их безопасностью, защищать их жизнь; а затем предписывать то, что имеет отношение к народам, таким образом, чтобы, надлежащим образом гарантируя безопасность королей, мы могли в то же время лучше гарантировать безопасность народов".

После установления того, что законна только та власть, которая действует в соответствии со справедливостью и истиной, которая подчиняется истинному закону и предписывает его, и что всякая законная власть исходит свыше и черпает свою легитимность в самой себе, а не в какой-либо земной воле, теория толедских соборов останавливается. Оно не учитывает того, что на самом деле происходит в мире: оно забывает, что при таком определении никто здесь, внизу, не обладает законной властью и не может обладать ею в полной мере, и что, тем не менее, общество имеет право требовать, чтобы фактическая власть была законной. Эта теория знает и излагает истинные принципы власти, но пренебрегает ее гарантиями.

Здесь мы подходим к точке пересечения двух доктрин, которые когда-либо оспаривали и продолжают оспаривать обладание миром. Одни утверждают, что власть приходит снизу; что по своему происхождению, так же как и по праву, она принадлежит народу, многочисленным группам; и что те, кто ею пользуется, пользуются ею только как делегаты, как слуги. Эта теория неправильно понимает истинные принципы и истинную природу власти; но она стремится создать те гарантии, которые по праву принадлежат обществу. Рассматриваемая как теория, она поддерживает и предполагает узаконить деспотизм чисел. Но поскольку на практике такой деспотизм невозможен, он вскоре нарушает свой собственный принцип и ограничивает свое действие организацией системы гарантий, целью и результатом которой является ограничение реальной власти, чтобы она стала в своем поведении законной властью. Противоположная теория, более глубокая и верная в своей исходной точке, приписывает абсолютную власть и владычество единственному Существо, в котором заключена вся истина и справедливость: она с самого начала отказывается в этом как вождям, так и народам; она одинаково подчиняет обоих вечным законам, которые они не устанавливали и которые они в равной степени обязаны соблюдать. Оно разумно утверждает, что вся законная власть исходит свыше, что она проистекает из высшего разума, а не из числа, и что число должно подчиняться разуму; но вскоре, забывая, что оно поместило суверенитет за пределы земли и что никто здесь, внизу, не является Богом, оно ослепляется собственным блеском; оно убеждает себя или пытается это сделать, что власть, которая приходит свыше, нисходит на землю так же полно и абсолютна, как и у ее источника; оно возмущено тем, что на ее осуществление должны быть наложены ограничения, и, если ничто не может остановить ее прогресс, оно фактически устанавливает, постоянный деспотизм, после того как в принципе отрицается его легитимность; тогда как

противоположная теория, предполагающая основать деспотизм в принципе, почти неизменно заканчивается его фактическим уничтожением и установлением лишь ограниченной власти.

Последствия вестготской теории.

Итак, таковы следствия теории власти и закона, разработанной вестготскими законодателями. Я говорю не о последствиях, которые логически вытекают из этого, когда теория выдерживается во всех ее аспектах и ей добросовестно следуют; но о фактических последствиях, которые она почти всегда влечет за собой в силу естественной тенденции вещей и отклонения, к которому их вынуждают страсти человечества.

1. Лучшими хранителями законной власти, теми, кто, скорее всего, обладает знанием истинного закона, являются священнослужители. Служители божественного закона в отношениях человека с Богом, они, естественно, занимают ту же должность в отношениях человека с человеком. Тогда можно предположить, что везде, где преобладает эта теория, политическое преобладание духовенства уже установлено и будет продолжать усиливаться. Теория сначала является ее симптомом, а затем становится ее причиной.

2. Политическое преобладание духовенства плохо согласуется с принципом наследственной монархии. История евреев служит примером этого. Передача фактической власти, происходящая совершенно независимо от людей, которые, как считается, обладают законной властью в большей степени, чем все остальные, является непоследовательностью. Следовательно, теория будет стремиться сделать монархию выборной или, по крайней мере, поставить каждого монарха при вступлении на престол под необходимость получения признания и санкции духовенства.

3. Избрание монарха или необходимость его признания должны быть единственной политической гарантией, единственным ограничением осуществления реальной власти. Эта власть, однажды созданная таким образом, является суверенной; ибо хранители истинного суверенитета, исходящего от Бога, даровали ее ее обладателю путем избрания. Было бы абсурдно и нечестиво искать гарантий против его превышения у сил низшего порядка, менее просвещенных и менее чистых. Следовательно, любой институт, целью которого является либо разделение власти, либо ограничение ее осуществления путем противопоставления ей других полномочий, исходящих из других источников, запрещен этой теорией. Выборная монархическая власть абсолютна. Все низшие полномочия, необходимые для управления обществом, истекают из нее и учреждаются ею от своего имени.

Эти последствия соблюдаются в законодательстве вестготов в той степени, в какой это позволяет необходимая непоследовательность человеческих дел.

Политическое преобладание епископов.

I. Политическое преобладание епископов в вестготской монархии является фактом, очевидным на протяжении всей ее истории. Толедские соборы принимали как королей, так и законы. Основные готские миряне, присутствовавшие на нем и обсуждавшие его, были немногочисленны, о чем свидетельствуют подписи под канонами соборов. Фразы, с которыми мы иногда встречаемся, *cum toto populo, populo assentiente*, являются простыми формулами,

которые отдают своего рода дань уважения древним фактам, а не настоящим фактам. Отлучение от церкви - это законное наказание, назначаемое против плохих королей, против попыток узурпации власти, восстания и других преступлений. Преобладание епископов не ограничивалось соборами. Им также был доверен надзор за местными чиновниками и судьями, и они имели право временно отменять любые решения, которые им не нравились. Епископы и король были единственными людьми, которые не могли лично защищать свое дело и которые были обязаны выступать в таких случаях по доверенности, чтобы их личное присутствие не повлияло на решение судьи. Личные и реальные привилегии, предоставленные духовенству, легкость и бессрочность пожертвований, сделанных церквям, все фактически в законах, а также в истории свидетельствует о том, что в политических вопросах епископы занимали первое место и что их преобладание с каждым днем увеличивалось.

Выборы королей.

Однако не следует предполагать, что это преобладание было неограниченным или что оно было установлено без усилий; подчинить варварского короля и народ почти исключительно моральной власти было трудной задачей, и кодекс вестготов содержит несколько законодательных актов, направленных на ограничение независимости духовенства и удержание его в повиновении гражданской власти. Священнослужители всех рангов были обязаны под тем же наказанием, что и миряне, являться и защищать свои интересы перед гражданскими судьями. Эти же судьи были компетентны наказывать распущенных священников, дьяконов и иподьяконов. Одиннадцатый Толедский собор постановил, что епископы, виновные в определенных преступлениях, должны судиться по обычным законам и наказываться в тех же случаях, что и миряне, согласно *закону талиониса*. Законы Вамбы обязывали священнослужителей, так же как и мирян, нести военную службу и выполнять другие обязанности соответствующего рода. Одним словом, то духовенство, которое мы видим во главе общества и которое почти само по себе составляло национальное собрание, было в то же время менее изолировано от гражданского порядка и менее образовано как отдельный орган юрисдикцией и привилегиями, чем это было в других местах того же периода. Однако совпадение этих двух фактов естественно. Мы испытываем меньшую потребность в отделении от общества по мере того, как приближаемся к его подчинению.

II. Что касается избрания королей, которое можно рассматривать как естественное следствие системы или просто теократической тенденции, то оно формально закреплено в качестве принципа в *Судебном форуме* и было общим правом вестготской монархии: но мы не должны ошибаться относительно происхождения и характера этого института; в Испании это был гораздо меньше институт свободы, чем институт порядка, средство предотвращения гражданских войн и беспорядков, сопутствующих узурпации.

По причинам, которые трудно установить, принцип регулярной наследственности королевской власти не преобладал среди вестготов, как среди других варварских народов. Трон после смерти королей и даже при их жизни был целью множества амбициозных личностей, которые боролись за него *vi u armis* и захватывали или теряли его в зависимости от полномочий претендентов и их фракций. Именно против такого положения вещей, гораздо больше, чем с целью установления или поддержания права нации выбирать своего собственного суверена, было учреждено избрание монарха епископами и вельможами, собравшимися на собор в

Толедо. В тексте закона это четко прописано. "Отныне монархи будут избираться во славу королевства таким образом, чтобы в королевском городе или в том месте, где принц умрет, его преемник был избран с согласия епископов, дворцовых вельмож и народа, а не на расстоянии в результате заговора нескольких порочных личностей или мятежного бунта невежественной толпы". Различные каноны пятого, шестого, седьмого и тринадцатого соборов Толедо, включенные в качестве законов в *Судебный форум*, имеют своей единственной целью подавление попыток узурпации и запрещают любой захват трона силой, определяют, какие классы людей никогда не могут претендовать на королевскую должность, а также гарантируют жизни и имущество семей умерших королей от насилия и алчности их избранных преемников. Одним словом, все указывает на то, что эти выборы были направлены скорее на противодействие насильственной узурпации, чем на предотвращение регулярного наследования по наследству.

Частота узурпации.

Исторические факты приводят нас к тому же результату. Преемственность вестготских королей представляла собой серию насильственных узурпаций. Едва ли мы встречаемся с одним или двумя примерами настоящих выборов, проведенных свободно и без каких-либо предварительных ограничений вследствие того, что трон становится вакантным. Почти всегда избрание советом лишь санкционировало узурпацию; и в то же самое время, когда мы можем сомневаться в ее свободе, мы видим, что ее особая цель - предотвратить возвращение великого беспорядка. Также нет ничего, что указывало бы на то, что, когда по причине преобладания более могущественного или более популярного короля принцип наследования был близок к введению, советы либо пытались воспротивиться его введению, либо рассматривали этот акт как нарушение их основного закона. При любых обстоятельствах, в этот период, в этом состоянии общества, и особенно в великих монархиях, недостаток порядка, правления, какой-либо сдержки для нерегулярного применения силы был доминирующей потребностью, которую ощущали люди, которые, подобно епископам, были гораздо более просвещенными и гораздо более цивилизованными, чем варвары-завоеватели; и политические институты, так же как и гражданские законы, были созданы скорее с этой целью, чем для обеспечения свободы.

Прогресс церковных притязаний.

При такой его истинной природе избрание королей толедскими соборами, очевидно, не могло полностью находиться в руках духовенства. Вооруженные и амбициозные варвары не стали бы терпеливо принимать корону по воле епископов, почти все из которых были римлянами. Первоначально епископы фактически не пользовались никаким другим правом, кроме права санкционировать нынешнюю узурпацию, предавая анафеме подобное поведение в будущем. По мере того, как их моральное влияние и реальная власть укреплялись и расширялись, они стремились к более высоким целям и, казалось, стремились к знаменитому праву дарить и отнимать корону. *Судебный форум* предоставляет два замечательных доказательства этого прогресса. Четвертый Толедский собор, состоявшийся во времена правления Сисенанда в 671 году, постановил своим семьдесят пятым канонам, "что после мирной смерти короля вельможи королевства и епископы должны избрать его преемника по общему согласию". В более поздний период, когда этот канон был перенесен в качестве закона в национальный кодекс, он был расширен в следующих выражениях: "Поэтому пусть никто в своей гордыне не захватывает

трон; пусть никакой претендент не разжигает гражданскую войну среди народа; пусть никто не замышляет смерть принца; но, когда король умрет с миром, пусть главные люди всего королевства вместе с епископами, *которые получили власть связывать и освобождать, и чье благословение и елеосвящение подтверждают власть принцев*, назначат его преемника по общему согласию и с одобрения короля". Боже". Аналогичная вставка встречается во вставке канона восьмого собора, который начинался словами: "Мы, епископы, священники и другие низшие служащие, совместно с чиновниками дворца и генеральной ассамблеей постановляем" и проч. В *Forum judicum* после слова священники добавлены следующие слова: "*Которые были установлены Господом нашим Иисусом Христом, чтобы быть руководителями и глашатаями народа*". Такие фразы, как эти, ясно указывают на прогресс церковных притязаний и их успех. Однако достоверно, что толедские соборы никогда по-настоящему не распоряжались короной, но что она почти всегда отнималась силой; и что избрание королей вельможами и епископами, хотя и установлено в качестве принципа законами, не должно рассматриваться как доказательство ни полного господства теократической системы, ни масштабов национальной свободы.

Обязанности государя.

III. Но если, установив, кто обладал правом назначения на высшую политическую должность и каким образом эта должность была присвоена, мы попытаемся выяснить из законов вестготов, какие обязанности были возложены на их королей и какие гарантии они давали своим подданным для исполнения этих обязанностей, то последствия, которые мы уже указали, как, вероятно, вытекающие из теории, лежащей в основе этого кодекса, станут ясно очевидными. Хороших предписаний предостаточно, но не хватает реальных гарантий.

Тем, кто читает эти законы, кажется, что законодатель гораздо лучше осведомлен об обязанностях суверена, а также о правах и потребностях народа, чем другие варварские законодатели; и, фактически, он был таковым. Но если они в следующий раз спросят, где были независимые силы, способные обеспечить соблюдение этих принципов, и как граждане осуществляли свои права или защищали свои свободы, они не найдут абсолютно ничего. Кодекс вестготов, хотя и был более просвещенным, более справедливым, более гуманным и более полным, чем законы франков или лангобардов, предоставлял деспотизму большую свободу и почти полностью обезоруживал свободу. В подтверждение этого утверждения можно было бы привести множество текстов.

Если от этих общих принципов мы перейдем к деталям законодательства, мы обнаружим, что кодекс вестготов был и в этом отношении гораздо более предусмотрительным, более полным, более мудрым и более справедливым, чем любой другой кодекс варваров. В нем были гораздо лучше определены различные социальные отношения, а их природа и последствия были более тщательно проанализированы. В гражданских делах мы встречаемся с повторениями римского права почти на каждом шагу; в уголовных делах соотношение наказаний к преступлениям определялось в соответствии с моральными и философскими представлениями о значительной справедливости. Мы видим в этом усилия просвещенного законодателя, борющегося против насилия и бесцеремонности варварских нравов. Заглавие "*О судьбе и смерти человека*", по сравнению с соответствующими законами других народов, является весьма примечательным примером этого.

Принцип уголовного права.

В других кодексах причиненный вред, по-видимому, почти сам по себе является преступлением, и наказание устанавливается в виде материального возмещения, которое вытекает из состава преступления. В этом кодексе преступление оценивается по его моральному и истинному элементу — намерению. Различные оттенки преступности, абсолютно непреднамеренное убийство, убийство по неосторожности, убийство по провокации, убийство с умыслом или без него, - все они различаются и определяются почти так же точно, как и в наших кодексах, и наказания варьируются в равной пропорции. Справедливость законодателя пошла дальше этого. Он попытался если не отменить, то, по крайней мере, уменьшить то разнообразие правовых ценностей, установленных среди людей другими варварскими кодексами. Единственное различие, которое оно поддерживало, было различие между свободным человеком и рабом. Что касается свободных людей, то наказание варьируется не в зависимости от происхождения или ранга убитого, а просто в зависимости от различной степени моральной вины убийцы. Что касается рабов, то, хотя и не решаясь полностью лишить хозяев права на жизнь и смерть, *Судебный форум*, по крайней мере, попытался подвергнуть их публичной и регулярной процедуре:—

Законы, касающиеся рабов.

"Если никто из виновных или соучастников преступления не должен оставаться безнаказанным, то насколько больше должны быть наказаны те, кто совершил убийство злонамеренно и легкомысленно. Таким образом, поскольку жестокие хозяева в своей гордыне часто предают смерти своих рабов без какой-либо вины с их стороны, уместно полностью искоренить эту вольность и установить, что настоящий закон должен вечно соблюдаться всеми. Ни один хозяин или госпожа не могут без публичного судебного разбирательства предать смерти кого-либо из своих рабов мужского или женского пола или любого лица, находящегося от них в зависимости. Если раб или любой другой слуга совершит преступление, которое может повлечь за собой его смертную казнь, его хозяин или обвинитель должен немедленно сообщить об этом судье того места, где было совершено деяние, или графу, или герцогу. После обсуждения дела, если преступление будет доказано, пусть виновный понесет, либо по приговору судьи, либо его хозяина, заслуженное им смертное наказание; однако такого рода, чтобы, если судья не предаст виновного смерти, он составил против него смертный приговор в письменной форме, и тогда во власти хозяина будет убить его или сохранить ему жизнь. По правде говоря, если раб со смертельной смелостью, сопротивляясь своему хозяину, ударил его или попытался ударить оружием, или камнем, или любым другим ударом, и если хозяин в целях самообороны убил раба в своем гневе, хозяин никоим образом не должен понести наказания за убийство. Но он должен доказать, что это было так; и он должен доказать это показаниями или клятвой рабов, как мужчин, так и женщин, которые присутствовали в то время, и клятвой самого себя, автора содеянного. Всякий, кто из чистого нечестия, своей собственной рукой или рукой другого человека убьет своего раба, не привлекая его к публичному суду, должен быть заклеямен позором, объявлен неспособным давать показания и обречен провести остаток своей жизни в изгнании и покаянии; а его имущество должно быть передано его ближайшим родственникам, которым закон передает его в наследство".

Один только этот закон и усилия, о которых свидетельствует его принятие, делают большую честь вестготским законодателям; ибо ничто так не прославляет законы и их авторов, как мужественный моральный конфликт с дурными обычаями и порочными предрассудками их эпохи и страны. Мы часто вынуждены верить, что любовь к власти играет важную роль в создании законов, направленных на поддержание порядка и подавление неистовых страстей; избыток страстей вплотную граничит с правами на свободу, а порядок является избытком предлогом деспотизма. Но здесь власть ничего не выигрывает; закон бескорыстен; он стремится только к справедливости; он стремится к ней усердно, в противовес сильным, которые отвергают ее, и в интересах слабых, которые не могут обратиться к ней за помощью, — возможно, даже в противовес общественному мнению того времени, которому было очень трудно смотреть на римлянина как на гота, и еще больше - на раба как на человека. Такое уважение к человеку, каким бы ни было его происхождение или социальное положение, - явление, неизвестное законодательству варваров; и прошло почти четырнадцать столетий, прежде чем доктрина перешла из религии в политику, из Евангелия - в кодексы. Поэтому немалая честь для вестготских епископов состоит в том, что они сделали все возможное, чтобы сохранить и перенести в законы это благородное чувство, которое так трудно выпутать из сетей фактов и которое постоянно находится под угрозой быть раздавленным давлением обстоятельств.

Наличие Хорошего Принципа.

Это постоянно повторяется в их законодательстве, как в общих предписаниях, так и в специальных постановлениях; и когда оно уступает либо перед безрассудной жестокостью варварских обычаев, либо перед деспотическими традициями римской юриспруденции — традициями, которыми были пропитаны умы самих испанских епископов, — мы все еще различаем, даже в этих плохих законах, смутное присутствие доброго принципа, стремящегося преодолеть препятствия, под которыми оно пало.

Лекция XXVI.

Центральные институты вестготской монархии.

Истинный характер соборов Толедо.

Степень их политического влияния.

The Палатинский официум.

Преобладание римских принципов и институтов среди готов над германскими традициями.

Доказательством этого служат местные и центральные учреждения вестготов.

Опровержение ошибок Савиньи и *Edinburgh Review* по этому вопросу.

Заключение.

Дефект вестготского законодательства.

Моя последняя лекция, я думаю, убедила вас, джентльмены, в том, что кодекс вестготов, взятый сам по себе и в его намерениях, выраженных в писанных законах, дает представление о лучшем социальном государстве, более справедливом и просвещенном правительстве, лучше регулируемой стране и, в целом, о более развитом и мягком состоянии цивилизации, чем то, которое раскрывают нам законы других варварских народов. Но для этого более гуманного и мудрого законодательства, для общих принципов, продиктованных высшим разумом, не хватает, как я уже заметил, реальной санкции, эффективной гарантии. Законы хороши, но люди, для блага которых они были приняты, вряд ли имеют какое-либо отношение к их исполнению и вытекающему из этого бизнесу. До определенного момента кодекс свидетельствует о мудрости и благих намерениях законодательной власти, но он не представляет никаких доказательств свободы и политической жизни подданных.

Давайте сначала посмотрим на центр штата. Один факт политического преобладания епископов, одно название толедских соборов указывают на упадок старых германских обычаев и исчезновение национальных собраний. У англосаксов был свой *Wittenagemot*; у лангобардов было свое собрание в Павии, в *очень многочисленных обстоятельствах*; у франков были свои *Марсовы и Майские поля*, а также их *генеральные площади*. Несомненно, существование этих собраний едва ли повлекло за собой какие-либо из последствий, которые мы приписываем в наши дни идее подобных учреждений; и они, безусловно, представляли собой очень слабую гарантию свободы, которую тогда гарантировать было невозможно. На самом деле они также принимали очень небольшое участие в правительстве. Тем не менее, простой факт их существования свидетельствует о преобладании германских обычаев; произвол, хотя и осуществлялся фактически, не был установлен в принципе; независимость могущественных личностей боролась против деспотизма королей; и для того, чтобы распорядиться этими изолированными автономиями, сформировать из них национальное объединение, было необходимо время от времени созывать их вместе на собрания. Эти собрания живут как в законах, так и в истории; духовенство было принято на них из-за их важности и превосходных знаний, — но их просто приняли. Они были далеко не единственными избирателями, они даже не составляли их центра.

В Испании вместо того, чтобы войти в национальное собрание, духовенство открыло его для народа. Вероятно ли, что было изменено только название и что готские воины пришли на совет, как раньше на свои германские собрания? Мы видели, как одно и то же название применялось к совершенно разным вещам: например, судебные парламенты пришли на смену политическим парламентам; но мы никогда не видели, чтобы одно и то же было представлено под разными названиями, особенно в период зарождения наций. Когда существование состоит почти исключительно из традиций и обычаев, слова меняются в последнюю очередь.

Советы Толедо.

Таким образом, соборы Толедо на самом деле были соборами, а не *Майскими полями* или *плачитой*. С моральной точки зрения этот факт вероятен; исторически он несомненен. Их акты дошли до нас, и это акты исключительно церковного собрания, специально занятого делами

духовенства; и в которое миряне входили лишь изредка и в небольшом количестве. Подписей мирян, проставленных под канонами тринадцатого собора, всего двадцать шесть; и ни на каком другом соборе они не являются столь многочисленными.

Эти соборы не проводились, подобно *Марсовым полям* или *Майскому и генеральной площади* Карловингов, в определенные или, по крайней мере, частые периоды. Между третьим и четвертым соборами прошло сорок четыре года; между десятым и одиннадцатым - восемнадцать лет. Король созывал их по своему усмотрению или по мере необходимости. Вестготский кодекс абсолютно ничего не предписывает в этом отношении ни королям, ни членам собрания. Ни один из его законодательных актов не имеет отношения, даже косвенно, к национальному собранию.

Их политическое влияние.

Таким образом, природа этих советов Толедо четко определена, и нам остается выяснить, какое влияние они оказывали на правительство. Каковы были они в качестве гарантий общественных свобод и исполнения законов?

Прежде чем обратиться к конкретным фактам, сама природа этих собраний может дать нам некоторые общие указания относительно их политического влияния. Духовенство, принимавшее непосредственное и активное участие в управлении государством, никогда не находилось в естественном и простом положении. Я не говорю ни о церковном праве, ни об особой миссии духовенства, ни об отделении духовного порядка от мирского, поскольку эти вопросы все еще остаются неясными. Я исследую только факты. Фактически, в государствах современной Европы и при их зарождении, а также в более поздние времена духовенство не управляло, оно не командовало армиями, не вершило правосудие, не собирало налоги, не властвовало над провинциями. Они проникали на большее или меньшее расстояние, более или менее регулярными средствами, по различным путям политической жизни; но они никогда не проходили их полностью, свободно и основательно; политика никогда не была их особым и общепризнанным занятием. Одним словом, общественная власть, от низшей до высшей степени, никогда ни по закону, ни фактически естественным образом не находилась в их руках. Поэтому, когда епископы, собравшись на собор, вмешивались в гражданское управление, они были призваны регулировать дела, которые их не касались, и заниматься делами, которые не составляли обычного и признанного занятия их положения и жизни. Это вмешательство, следовательно, неизбежно носило двусмысленный и неопределенный характер. Оно могло иметь большое влияние; но оно не могло обладать какой-либо силой энергичного и действенного сопротивления. Если вожди воинов собираются вместе на собрание вокруг своего монарха, они могут положиться на своих товарищей и солдат в поддержке своих решений; если избранные депутаты собираются для голосования по налогам и ратификации законов страны, их поддерживают количество, авторитет и мнение тех, кто их выбирал и делегировал.

Позиция вестготских епископов.

Если органы, на которые возложено отправление правосудия, в то же время призваны обсуждать определенные действия суверена, они могут, приостановив выполнение своих функций, поставить правительство в почти невыносимое положение. В этих различных комбинациях позитивная сила, более или менее регулярная по своему характеру, стоит за спинами людей, назначенных контролировать верховную власть. Со стороны духовенства любое решительное сопротивление в политических вопросах почти неосуществимо, поскольку ни одна из действенных сил общества, естественно, не находится в их распоряжении; и, чтобы завладеть такой силой, они должны отказаться от своего положения, отречься от своего характера и таким образом поставить под угрозу моральную силу, из которой они черпают свою истинную точку опоры. Таким образом, по природе вещей духовенство лишь плохо приспособлено к тому, чтобы превратиться в политическую силу, миссия которой заключается в осуществлении контроля и оказании сопротивления. Если они желают оставаться в пределах своей позиции, то в решающий момент оказываются не обеспеченными эффективным и надежным оружием. Если они стремятся заполучить такое оружие, они ввергают в смятение все общество и навлекают на себя законный упрек в узурпации власти. Современная история на каждом шагу демонстрирует эту двоякую истину. Когда духовенство поверило, что оно достаточно сильно, чтобы сопротивляться так же, как это сделали бы гражданские власти, оно скомпрометировало себя как духовенство и скорее усилило беспорядки, чем добились реформы. Когда они не предпринимали таких попыток, их сопротивление почти неизменно оказывалось безрезультатным в тот момент, когда это было наиболее необходимо; и поскольку в таких случаях церковники обычно осознают свою слабость, они не противопоставляли никакого прочного барьера посягательствам власти; и, когда они не соглашались быть инструментами ее воли, они уступали после бессильных увещаний.

Такова была позиция вестготских епископов. В мирских вопросах они еще не приобрели достаточной силы, чтобы открыто бороться против короны. Они чувствовали, что большая часть их значимости была обусловлена их тесным союзом с королевской властью, и что они сильно проиграли бы, разорвав эту связь. Таким образом, они не могли ни продвинуть свое сопротивление слишком далеко, ни создать в реальности независимое политическое собрание. Они зашли так далеко, что санкционировали королевскую власть и связали себя с ней, став ее советниками; но они не предприняли ничего большего.

Влияние Толедских соборов.

Факты доказывают это. Эти соборы в Толедо, куда приезжали для избрания узурпаторы и которые дали вестготам целый кодекс законов, фактически оказали на великие события того периода в Испании меньшее влияние, чем *Марсово поле* и *Майво* Франции. Они занимали место старых германских собраний, но не обеспечивали их, поскольку не обладали их грубой силой и были не в состоянии заменить ее какой-либо достаточной регулярной силой. Испания была обязана им гораздо лучшим законодательством, чем то, которым обладали другие варварские народы, и, вероятно, также, в их повседневной практике, более просвещенным и гуманным отправлением правосудия; но напрасно мы пытаемся найти в них принцип великого института свободы и признаки подлинного сопротивления абсолютной власти. В период, который сейчас занимает наше внимание, господствующей властью в других государствах,

основанных варварами, была сила — беспорядочная, капризная и неурегулированная сила, иногда распределявшаяся между множеством почти независимых вождей; иногда концентрировавшаяся, на короткий промежуток времени и в зависимости от обстоятельств, в руках одного человека или грубой и преходящей аристократии. Ни один принцип не признавался; ни одно право не считалось законным; все было фактом, как свобода, так и власть; и зачатки свободных институтов существовали в беспорядочных отношениях этих независимых или плохо сплоченных сил, хотя, по правде говоря, свободы нигде не было видно. В Испании, и благодаря влиянию духовенства, правительство, несомненно, приобрело большую общность и более регулярную форму; законы обеспечивали большую защиту слабым; администрация уделяла больше внимания их положению; и в обществе в целом было меньше беспорядков и насилия. Более широкие и возвышенные моральные идеи часто определяли осуществление власти. Но, с другой стороны, власть была установлена в более абсолютной форме; римские максимы преобладали над германскими традициями; теократические доктрины помогали произволу варваров. Толедские соборы видоизменили и просветили деспотизм, но не ограничили осуществление власти.

Палатинский официум.

Некоторые авторы полагали, что они усмотрели в другом институте, существовавшем в центре вестготской монархии, принцип и инструмент ограничения суверенной власти. Я имею в виду *палатинский официум*, разновидность совета, формируемого вокруг короля вельможами его двора и главными должностными лицами правительства. Важность этого совета и его участие в государственных делах подтверждаются большим количеством законов, принятых либо независимо от советов Толедо, либо в результате их обсуждения. *Slovascum omni palatino officio, cum assensu sacerdotum majorumque palatii, ex palatino officio* и подобные часто встречаются в кодексе вестготов. Эти тексты и голос истории не оставляют сомнений в том, что *палатинский официум* часто вмешивался в законодательство, в управление и даже в возвышение королей.

Однако было бы ошибкой рассматривать это как политический институт, гарантию свободы, средство осуществления контроля и оказания сопротивления. Власть ни в коем случае не может существовать в одиночку, сама по себе и в воздухе; она должна, по чистой необходимости, согласовывать интересы, подбирать силы, одним словом, окружать себя вспомогательными силами и удерживать свое положение с их помощью. В Римской империи эта необходимость привела к созданию Суда *ипалатинского officium palatinum*, учрежденных Диоклетианом и Константином. В варварских государствах это привело к тому, что короли окружили себя *антрустионами, лордами*, присягнувшими вассалами и всеми теми естественными или мнимыми вельможами, которые, рассеявшись в более поздний период и обосновавшись в своих собственных владениях, стали главными членами феодальной аристократии. Из этих двух источников возник *officium palatinum* вестготских королей, с той разницей, что в этом пункте, как и в других, римские институты преобладали над варварскими обычаями, что давало огромное преимущество абсолютной власти.

В *officium palatinum* вестготов входили вельможи королевства (*proceres*), которых короли прикрепляли к себе пожертвованиями земель и должностей, а также главные чиновники, герцоги, графы, викарии и другие, которые выполняли свои функции от королей. Этот двор,

несомненно, представлял собой своего рода аристократию, с которой часто консультировались по государственным делам, которая заседала в советах и которая предоставляла королю заседателей всякий раз, когда он выносил решения. Необходимость вещей требовала, чтобы это было так; и поскольку необходимость всегда влечет за собой последствия, которые намного превосходят желания тех, кто вынужден уступить ее влиянию, также нет сомнений в том, что эта аристократия во многих случаях мешала королям, которые не могли обойтись без ее помощи, и таким образом ограничивала их империю.

Влияние аристократии.

Но природа человека у варварских народов одинакова, как и у цивилизованных народов; и грубость форм, буйство страстей и ограниченный круг идей не мешают сходным позициям приводить к одинаковым результатам. Так вот, в природе аристократии, которая тесно окружена принцем, придворной аристократии, использовать власть в своих собственных интересах, а не ограничивать ее в интересах государства. Она почти неизбежно становится средоточием фракций и интриг, вокруг которых приводятся в движение индивидуальные интересы, а не центром контроля и сопротивления, в котором находят место общественные интересы. Если времена варварские, а нравы жестокие, интересы отдельных лиц принимают формы варварства и используют средства насилия; если они удовлетворены, они подчиняются с тем же раболепием, что и раньше; если недовольны, они травят, убивают или свергают с престола. Так было в монархии вестготов. Все узурпации и революции власти происходили *впалатинском чиновничестве*; и когда король пытался заставить дворян выполнять общественные функции, ограничить или даже рассмотреть вопрос об уступках, которых они требовали, этот король терял империю. Такова была судьба Вамбы.

Более того, вестготские монархи имели в лице епископов мощный противовес, который они противопоставляли знати своего двора, чтобы помешать им стремиться к полной независимости. Влияние духовенства, слишком слабое, чтобы эффективно сдерживать власть князя, было достаточно сильным в руках князя, чтобы предотвратить сдерживание со стороны кого-либо другого. Правление Чиндасуинта служит примером этого.

Наконец, как я уже говорил, преобладание римских принципов и институтов в Испании было настолько велико, что центральная аристократия имела больше сходства *спалатинским* официумом императоров, чем с *антрустионами* или *людьми* германского происхождения. В других местах эти последние не замедлили набраться достаточной силы, чтобы утвердить свою независимость, изолироваться от князя и, наконец, стать мелкими суверенами в своих собственных владениях. В Испании все происходило не совсем так. Похоже, что *proceres* получали от короля почести и должности в большем изобилии, чем земли, и, таким образом, приобрели меньше индивидуальной силы. Возможно, равенство, предоставленное римскому населению, и слияние двух народов не допустили столь сильного упадка собственности и распределения владений, как то, что имело место во Франции. Что бы произошло, если бы монархия вестготов не была прервана завоеванием арабов? Привело бы расчленение королевской власти и распыление двора к рассеянию и независимости земельной аристократии? Мы не можем сказать. Несомненно лишь то, что явление, проявившееся во Франции при падении Карловингов, не имело места среди вестготов в восьмом веке:

палатинский официум не уничтожил и не разделил королевскую власть, а лишь предпринял слабые попытки ограничить ее.

Характер готов.

Необходимо добавить один факт, который, хотя и подтверждается всеми, не объясняется удовлетворительным образом. Из различных германских народов готы в наименьшей степени сохранили свои примитивные институты и нравы. Остготы в Италии при Теодорихе, как и вестготы в Испании, позволили римским обычаям преобладать среди них и позволили своим королям присвоить себе всю полноту императорской власти. Мы даже находим у готов Италии еще меньше следов существования старых национальных собраний и участия народа в государственных делах.

Поэтому было бы тщетно искать в вестготской монархии принципы или даже остатки какого-либо великого института свободы или какого-либо эффективного ограничения власти. Ни Толедские соборы, ни *палатинский officium* не представляют этого характера; но результатом их стало то, чего не было на *Марсовом поле* и *Майском соборе* саксонского Виттенагемота, — свод законов, которые для того периода очень примечательны своими широкими философскими взглядами, дальновидностью и мудростью; но этот кодекс, хотя и указывает на дело рук просвещенных законодателей, нигде не обнаруживает существования свободного народа. В нем содержится еще меньше зародышей или памятников свободы, чем в самых грубых варварских законах; и королевская власть, рассматриваемая таким образом как сама по себе центр государства, представляется гораздо более абсолютной по праву и гораздо менее ограниченной фактически, чем это было где-либо еще. Изучение местных институтов вестготов приведет нас к тому же результату.

Местные институты вестготов.

Местные институты являются наиболее реальными, возможно, единственно реальными институтами варварских народов. Они не обладают достаточной жизнеспособностью или широтой мышления, чтобы зародить или сохранить общие институты. Материальная близость индивидов является почти необходимым условием существования общества среди них; именно поэтому в местных институтах немецких народов мы должны искать историю их политической жизни. Формы этих учреждений и изменения, которым они подверглись, оказали гораздо большее влияние на их судьбу, чем революции, произошедшие в центральных учреждениях, таких как Виттенагемот, *генеральная ассамблея* и королевская власть.

Как вы уже видели, законы большинства германских народов представляют собой три сосуществующие и конфликтующие системы: институты свободы; институты территориального патронажа, породившие феодализм; и монархические институты. Собрание свободных людей, ведущих общий бизнес и отправляющих правосудие в каждом округе; землевладельцы, осуществляющие власть и юрисдикцию во всех своих владениях; королевские делегаты, будь то герцоги, графы или другие лица, также обладающие властью и юрисдикцией: таковы три силы, которые взаимно оспаривали правление на местах и существование которых и превратности судьбы доказаны как законами, так и фактами.

Кодекс вестготов не представляет никаких следов первой из этих систем и почти ничего от второй; в значительной степени преобладает третья. Не было ни *mallum*, ни *placitum*, ни собраний свободных людей в провинциях; никакой закон не предписывал их и даже не ссылался на них. Едва ли существует какое-либо указание на власть патрона над своим клиентом, землевладельца над обитателями своих владений. Закон, который я процитировал в своей последней лекции относительно рабов, доказывает, что даже в их случае юрисдикция принадлежала королевскому судье округа.

Разного Рода Магистраты.

В *Forum judicum* упоминается большое количество местных магистратов, которые были наделены полномочиями по управлению делами и отправлению правосудия. "Поскольку существует большое разнообразие средств устранения зла и прекращения дел, пусть герцог, граф, викарий, блюститель мира (*pacis assertor*), *тинфадус*, *милленариус*, *пятистолетний*, *деканус*, *дефенсор*, *нумерарий*, и те, кто послан в любое место по приказу короля, и те, кто принят в качестве судей по соглашению сторон в судебном процессе, — пусть все лица, какого бы порядка они ни были, которые регулярно облечены властью судить, и каждый человек в той мере, в какой он получил полномочия судить, в равной степени получает от закона наименование судей, с тем чтобы, получив право судить, обязанности, а также преимущества, связанные с этим правом, могли перейти к ним".

Трудно с точностью определить различные функции всех этих должностных лиц, иерархию, существовавшую между ними, и способ, которым каждый из них получал и осуществлял свою власть. Те, кто принадлежал к городам, такие как *защитник* и *нумерарий*, безусловно, избирались духовенством и жителями. Несколько других, таких как *милленариус* и *центенариус*, по-видимому, были назначены герцогами и графами провинций; но как бы то ни было, ничто не указывает на то, что они получили свои полномочия популярным и независимым образом; противоположный принцип формально изложен в следующих положениях: "Никому не разрешается судить судебные процессы, за исключением тех, кто получил на это полномочия от принца, или тех, кто был выбран в качестве судей по соглашению сторон в судебном процессе; выбор этих последних производится в присутствии трех свидетелей и должен быть засвидетельствован их отметкой". или подпись. Если те, кто получил от короля полномочия судить, или те, кто осуществляет судебную власть по поручению графов или других королевских судей, поручили в письменной форме и в соответствии с установленными правилами другим лицам занять их места, эти последние должны осуществлять в регулировании и решении дел полномочия, аналогичные тем, кем они были назначены ". Таким образом, все судьи, все местные чиновники получили свою власть от короля или его делегатов. Из трех систем институтов, сосуществование и конфликт которых проявляются у большинства германских народов, монархическая система - единственная, с которой мы встречаемся в кодексе вестготов.

В дополнение к постоянным судьям, учрежденным в различных местностях, короли имели право направлять специальных уполномоченных либо для восстановления порядка в недовольных провинциях, либо для вынесения решений по делам особой важности. Как уголовные, так и

гражданские дела были переданы на решение королевских судей. Все эти судьи получали жалование от короля; но они также взимали с истцов такие огромные гонорары, что гонорары часто составляли треть стоимости предмета судебного разбирательства, был принят закон, ограничивающий их одной двадцатой. Любой, кто считал, что у него есть основания жаловаться на решение судьи, мог подать апелляцию либо к герцогу или графу провинции, либо к самому королю. Если апелляция была признана обоснованной, то в дополнение к удовлетворению иска судья должен был выплатить заявителю сумму, равную стоимости предмета судебного разбирательства. Если решение суда подтверждалось, заявитель должен был выплатить такую же сумму судье, а если он не мог этого сделать, его публично приговаривали к ста ударам плетью.

Конституция судебной власти.

До этого момента ничто в конституции судебной власти не содержит ни одной из тех гарантий свободы, которые содержатся в законах других варварских народов. Ничто не раскрывает каких-либо остатков или даже воспоминаний о старых формах вынесения решений собранием свободных людей, *за Рахимбургос, за добрых людей* и т. Д. Некоторые отрывки из *Судебного форума*, однако, доказывают, что у судей, по крайней мере, были ассессоры. Четвертый Толедский собор формально запрещает королям единолично вершить правосудие; и в нескольких текстах упоминаются *аудиторы*. Большинство ученых людей, и среди прочих Хайнекиус, придерживаются мнения, что ассессоры были не просто членами совета; и что судья был обязан учитывать мнение большинства из них. Я тоже склонен так думать. Однако в нескольких текстах формально указывается, что судья был волен приглашать заседателей или нет, как ему заблагорассудится.

Законы Против плохих судей.

В отсутствие тех реальных гарантий свободы, которые возникли в других местах при более или менее эффективном вмешательстве свободных людей в рассмотрение дел, *Судебный форум* содержит множество мер предосторожности или законов против плохих судей. В случае подачи апелляции графу или королю, если было доказано, что неправильное решение судьи было вызвано злым умыслом, коррупцией или уклонением от уплаты какого-либо рода, и если он был не в состоянии выплатить апелланту требуемую сумму, его отдавали ему в рабство и приговаривали к получению дополнительно пятидесяти ударов плетью публично. Однако он был освобожден от всякого наказания, если под присягой докажет, что его решение было вынесено по ошибке или невежеству. Судьи, которые пренебрегли преследованием распущенных, были наказаны сотней ударов плетью и оштрафованы на 300 *солидов*. Священникам и епископам повсюду было предписано осуществлять строгий надзор за судьями; и поскольку первые тогда черпали свою главную силу в своих превосходных знаниях и защите слабых, не исключено, что эта гарантия была эффективной.

Но все это было ущербно, как вы понимаете, из-за радикального недостатка системы чистой монархии, которая дает, как единственную гарантию хорошего поведения хранителей власти, надзор и авторитет вышестоящих хранителей, находящихся в том же положении и наделенных теми же функциями.

... Sed quis custodiet ipsos
Custodes? ...

Истинные гарантии свободы могут заключаться только в совпадении побочных и независимых сил, ни одна из которых не является абсолютной и которые взаимно контролируют и ограничивают друг друга. *Судебный форум* не оставляет нам никаких следов ни на одной ступени длинной иерархии правительства.

Таким образом, местное самоуправление вестготов представляет собой еще меньше институтов, содержащих какой-либо активный принцип свободы, какую-либо реальную силу контроля или сопротивления, чем в их политическом режиме и в центре государства. Таков, по крайней мере, неизбежный результат, к которому нас приводит изучение общего и окончательного кодекса этой нации.

Этот результат казался настолько необычным, настолько противоречащим германским обычаям и положению вещей среди других народов того же происхождения, что вряд ли кто-либо из образованных людей пожелал прочесть его в *Судебном форуме*; и что даже те, кто не смог найти в этом кодексе никаких доказательств существования свободных институтов и почти никаких следов старых варварских институтов, стремились обнаружить их в других местах Испании в этот период.

Взгляды месье Де Савиньи.

Я ничего не скажу об аббате Мариане, который в своей *Теории лас-Кортесов* полон решимости открыть в соборах Толедо не только испанские кортесы XIII и XIV веков, но также все принципы и гарантии свободы - все, в конечном счете, что составляет национальное собрание и представительное правительство. Я уже продемонстрировал моральную неправдоподобность и историческую нереальность этого факта. Двое более образованных людей, чем аббат Мариана, и менее склонных, чем он, искать то, что они ищут, полагали, что они видят в *Судебном форуме* доказательства того, что чисто монархическая система, связанная с теократической системой, не господствовала так полностью среди вестготов; и что они могут обнаружить среди них свидетельства эффективных и расширенных общественных свобод: я ссылаюсь на М. де Савиньи в его *Истории римского права в средние века*, и на автора в "*Эдинбургском обозрении*", [Сноска 18] в статье о вестготах. статья о *готских законах Испании*. Я не думаю, что исследования этих двух ученых критиков разрушают общие результаты, которые я только что изложил вам. Тем не менее они содержат много любопытных фактов, до сих пор мало замеченных, и которые проливают много света на изучение политических институтов вестготской монархии. Поэтому я ознакомлю вас с ними и рассмотрю последствия, к которым они приводят.

[Сноска 18: Эдинбургское обозрение, том. xxxi., стр. 94-132.]

Г-н де Савиньи, исследуя следы увековечения римского права после падения империи, высказывается в следующих терминах по отношению к вестготам: "Об устройстве этой монархии, - говорит он, - мы располагаем достаточно полной информацией в *Бревиарии Аниани*, который примерно в 506 году, то есть почти через столетие после основания государства, превратил римское право в своего рода кодекс для древних жителей страны. Этот кодекс состоит, как хорошо известно, из двух частей: одна содержит тексты, дословно цитируемые из римского права; другая представляет собой толкование, специально подготовленное по этому случаю. Что касается цитируемых текстов римского права, мы не можем придавать им большого

значения, когда говорим о реальном положении вещей на момент данной публикации; поскольку они были взяты из источников гораздо более древних, обязательно были сохранены выражения и даже целые фразы, которые относились к различным обстоятельствам социального состояния, которое уже ушло в прошлое и пришло в упадок; толкование было призвано объяснить это разногласие. Но это толкование, составленное *ad hoc*, с другой стороны, очень достоверно, особенно когда оно имплицитно не следует ни словам, ни смыслу текста, поскольку тогда мы больше не можем рассматривать его как рабское и бездумное копирование, особенно в том, что касается вопросов публичного права. Невозможно поверить, что реальные учреждения, находящиеся на виду у всех и с которыми все могли бы быть знакомы, могли бы быть упомянуты непреднамеренно и описаны без какой-либо цели. Теперь, в этой интерпретации, римские суды полностью исчезли; но муниципальная община с ее особой юрисдикцией и ее декурионами, участвующими в отправлении правосудия, существует во всей своей целостности: кажется, что она даже обладает большей индивидуальной последовательностью и независимостью, чем при императорах.

Защитники городов.

"Общий принцип защитников, их обязанностей и способа их выбора объясняется в толковании, а также в тексте Феодосийского кодекса. Согласно тексту, губернатор провинции не должен был быть обременен вынесением решения по мелким правонарушениям; но в нем не упоминается, кто должен был судить их, тогда как в толковании прямо назван *защитник*. Согласно тексту, возбуждение гражданского иска могло иметь место либо перед губернатором, либо перед теми, кто имел право составлять необходимые акты; в толковании добавляется *защитник*. ..."

Затем г-н де Савиньи приводит ряд других примеров, доказывающих сохранение и даже расширение функций защитников городов. "В других отрывках, - продолжает он, - упоминаются *курия*, декурионы и даже граждане в целом. Система декурионов, в общем, изложена в *Бревиарии* с очень небольшими изменениями, а лишь с большим сокращением. К одному отрывку текста, в котором вскользь упоминается *усыновление*, толкование добавляет в качестве комментария, что это выбор человека в детстве, сделанный в присутствии *курии*. Вестготский юрисконсульт Грайус говорит, что *эмансипация*, которая раньше проводилась президентом, в период, когда он писал, проводилась перед *курией*".

Важность курии.

"Текст определяет, кем были назначены наставники в Константинополе, а именно префектом города, десятью сенаторами и претором, в чьи обязанности входило следить за интересами учеников: толкование заменяет судью на главных людей города. В тексте говорится о необходимости указа, разрешающего отчуждение имущества несовершеннолетнего: в толковании добавляется, что этот указ должен быть получен от судьи или *курии*. Текст предписывает, что в Константинополе завещания должны быть вскрыты тем же ведомством, которое их получило: толкование заменяет *курию* на ее место. Согласно тексту, пожертвования должны регистрироваться либо перед судьей (губернатором провинции), либо перед муниципальным магистратом (*дуумвиром*): в толковании муниципальный магистрат заменяется *курией*, что на самом деле не меняет смысла закона, но доказывает то, что демонстрируют

многие другие отрывки, что общая точка зрения была полностью изменена; в древности главная муниципальная власть и особенно юрисдикция считались, согласно римским максимам, личным правом магистрата: согласно толкованию, это принадлежало не столько муниципальному судье, сколько самому *защитнику*, чем к *курии*, взятой вместе. ... При императорах *гонораты*, то есть те, кто занимал высокие муниципальные должности, занимали почетное место рядом с губернатором провинции, когда он вершил правосудие; от них требовалось воздерживаться от присутствия только тогда, когда рассматривались их собственные дела. Толкование применяет это к куриям; заявление, которое примечательно в двух отношениях, во-первых, потому что оно доказывает, что куриалам уделялось большое внимание, и, во-вторых, потому что это относится не просто к обладанию ими почетным местом, но и к фактическому участию в юрисдикции муниципального судьи, то есть *дуумвира* или *защитника*. ... Текст кодекса предписывает, что за пределами Рима для вынесения приговора по уголовному обвинению, выдвинутому против сенатора, пять сенаторов должны быть выбраны по жребию: толкование делает это правило общим и требует, чтобы пять человек были выбраны из ведущих членов того же ранга, что и обвиняемый, то есть декурионов или плебеев, в зависимости от состояния самого обвиняемого. Наконец, текст предписывал, что каждый судья должен получать свой *domesticus* или *cancellarius* по выбору главных лиц, работающих в его канцелярии: толкование сохраняет правило, просто заменяя граждан города лицами, работающими в канцелярии".

Возражения против теории Савиньи.

Таковы следы муниципальных свобод, которые г-н де Савиньи обнаруживает в *Бревиарии Аниани* которые он рассматривает как общий и постоянный закон вестготской монархии. На самом деле они доказывают не только сохранение, но также расширение и предоставление избирательных прав, которыми обладали жители городов до поселения варваров. Но могут быть выдвинуты серьезные возражения против значения, которое автор придает этим текстам, и масштабности выводов, которые он из них делает.

I. *Бревиарий Аниани* не содержит общего и постоянного закона испанской монархии вестготов. В нем приводится лишь специальное законодательство римских подданных вестготских королей, когда короли проживали в Тулузе и имели пока лишь неопределенные владения в Испании; когда Юг Галлии составлял большую часть и почти все королевство. Ничто не доказывает, что все, что содержится в *Бревиарии Аниани*, написанном к концу пятого века в пользу римлян Южной Галлии, существовало в Испании до восьмого века в пользу готов и римлян, когда они объединились в единую нацию. Молчание *судебного форума*, который является истинным кодексом испанских вестготов, относительно большинства из этих соглашений, скорее свидетельствует против их соблюдения, чем в их пользу, согласно тексту *Бревиария*, который был составлен в другом месте, в более ранний период, и только для части народа.

Отмена Бревиария Аниани.

II. Примерно через сто пятьдесят лет после публикации *Бревиария* готы и римляне объединились в единый народ. Собрание законов, последовательно пополнявшееся при различных правлениях и завершенное Чиндасуинтом, стало единственным кодексом

королевства; все остальные законы были отменены, и *Требник* был обязательно включен в эту отмену. Текст закона Рекесуинфа формален: "Что абсолютно никому из людей нашего королевства не разрешается представлять перед судьей для решения какого-либо дела какой-либо другой сборник законов, кроме того, который только что был опубликован, и в соответствии с порядком, в котором законы в нем записаны; и это под страхом штрафа в размере тридцати фунтов золота в пользу нашей казны. Любой судья, который не решится отклонить любую другую книгу, которая может быть представлена ему как подходящая для принятия решения, будет наказан таким же штрафом".

Г-н де Савиньи предвидел это возражение; и, абсолютно не скрывая его, он попытался ослабить его, не цитируя текст Рекесуинского закона, а говоря только о попытках вестготских королей, чтобы Испания состояла только из одной нации и управлялась по единому кодексу. Эти увертки разительно контрастируют с его обычной прямоотой. Затем он использует существование *защитников*, доказательство чего находится в *Судебном форуме*, чтобы взять на себя сохранение всех прерогатив и свобод, приписываемых им *Бревиарием*. Этот вывод явно поспешен и чрезмерен.

Я не оспариваю, что города Испании смогли сохранить, или даже что они обязательно сохранили, некоторые институты, некоторые гарантии муниципальной свободы. Я бы не стал делать вывод об их абсолютном исчезновении из тишины *судебного форума*. Деспотизм варварских королей, как бы тщательно они ни собирали наследие римских максим, не был ни столь мудрым, ни столь обстоятельным, как у императоров. Это позволило *курии* и их магистратам продолжать существовать, и эти мелкие местные власти, несомненно, имели больше реальности и независимости под его правлением, чем они обладали при Империи. Духовенство, в основном проживавшее в городах и связанное прочными узами с римской расой, само было заинтересовано в их защите, и тем более потому, что оно, естественно, ставило себя во главе муниципалитетов. Таким образом, несомненно многое, что остатки существовавших там институтов поручительства и свободы не занимают места в писанных законах, хотя эти законы гораздо более подробны, чем законы других варварских народов, и охватывают весь гражданский порядок. Следовательно, они не могли рассматриваться как составляющая часть общей конституции королевства; они не изменили ни ее политического характера, ни результатов применения принципов, которые в ней преобладали.

Готские законы Испании.

Если г-н де Савиньи искал институты вестготов в эпоху, предшествовавшую окончательному установлению их истинной монархии, и в сборнике законов, отмененных *Судебным форумом*, то автор диссертации, содержащейся в "Эдинбург Ревью", направил свои запросы ко временам и документам, предшествующим на четыре или пять столетий разрушению королевства вестготов арабами; и, перенося выводы, которые он извлек из этого, в эпоху, занимающую наше внимание, он впал в ошибку, еще менее подтвержденную фактами, чем то, что было написано в "Эдинбургском обозрении". Это был голос месье де Савиньи. Его исследования и выводы следующие:—

"Не следует предполагать, что вся совокупность законов вестготов изложена в двенадцати книгах их кодекса. У них было свое общее или традиционное право, все еще существующее в виде неписаных обычаев, а также свое писаное право; и мы опираемся на аналогию, утверждая, что это общее право часто говорило, когда статутное право молчало. Он пережил монархию; и теперь мы узнаем о нем из *фуэрос*, или древних обычаев Кастилии и Леона. Обычаи, о которых идет речь, сохранились в городских хартиях, которые давали жителям подзаконные акты, подтверждающие неписаное общее право страны, иногда с большими или меньшими изменениями в деталях, но согласующиеся в общих принципах. Мы также обнаруживаем их в актах Кортесов, которые, по выражению сэра Эдварда Кока, часто являются "утверждениями общего права". Традиционные *фуэрос* Кастилии также легли в основу *Фуэро Вьехо де Кастилия*, который получил свою последнюю редакцию при Петре Третьем. И даже Алонсо Мудрый, хотя он и планировал ниспровергнуть древнюю юриспруденцию своего королевства, допустил в *Partidas* тех *Fueros de España*, которые касаются владения землей и военной службы. Состоящие из древних обычаев, не усовершенствованных ученостью советов и не сдерживаемых властью королей, *фуэрос* Кастилии и Леона имеют большее сходство с юриспруденцией тевтонских народов, чем письменный кодекс. Испытание водой упоминается только один раз, в законе, недавно измененном Флавием Эгикой. Но испытание по принуждению, самая древняя форма суда присяжных, и боевое испытание вообще не фигурируют. Мы также не находим никаких упоминаний об обычае возвращать военачальников по *вердикту присяжных*. Все эти обычаи, однако, были *фуэрос* Испании в средние века. Они также не могли бы существовать тогда, если бы не были сохранены в незапамятных обычаях и традициях".

Выборы Адалидов.

Затем автор рассматривает эти древние обычаи. Первое, на что он ссылается, - это назначение военачальников судом присяжных. Он прослеживает этот обычай вплоть до лесов Германии, а затем показывает, как он не мог не погибнуть повсеместно при установлении феодальной системы и вследствие иерархического подчинения людей и земель. Он обнаруживает следы этого в выдвижении народом англосаксонских *еретиков* и *констеблей*, которые сначала были военными офицерами; а также в избрании королей Норвегии по вердиктам двенадцати главных мужей каждой провинции. Затем он возвращается в Испанию, "где, - говорит он, - мы найдем наших старых готских присяжных, занятых избранием высших офицеров кастильской армии и флота, адалидов, альмокаденов, альфакеков и комитров. Кто должен был стать Адалидом? На этот вопрос следует ответить словами мудрого короля Алонсо. Древние говорили, что "адалид должен быть наделен четырьмя дарами — первый - это мудрость, второй - сердце, третий - здравый смысл, а четвертый - верность; и когда король или любой другой великий лорд желает назначить Адалида, он должен призвать к себе *двенадцать самых мудрых* Адалидов, которых только можно найти, и они должны *поклониться*, что они *верно скажут*, обладает ли тот, кого они хотят избрать Адалидом, четырьмя дарами, о которых мы говорили, и если тот, кого они хотят выбрать Адалидом, обладает четырьмя дарами, о которых мы говорили, и если они отвечают "да", тогда они должны сделать его адалидом". "Здесь мы явно имеем дело с расследованием, в ходе которого двенадцать человек выносят свой вердикт под присягой. Если случалось, что двенадцать Адалидов найти не удавалось, то к этому специальному жюри Адалидов добавлялось что-то вроде рассказов об обстоятельствах. Король или лорд должен был составить полное число из двенадцати человек вместе с другими людьми, хорошо

зарекомендовавшими себя в войне и ратных подвигах, и их вердикт был таким же веским, как если бы все они были Адалидами. И тот, кто осмеливался действовать как адалид, не будучи полностью избранным, должен был понести смерть. "В древние времена советовали, - говорит Алонсо, - чтобы они обладали вышеупомянутыми качествами, потому что было необходимо, чтобы они ими обладали, чтобы иметь возможность руководить войсками во время войны, и поэтому их называли Адалидами, что эквивалентно *проводникам (que quiere tanto decir como guiadores)*".

Прием Адалида.

Поэтому автор придерживается мнения, что это слово происходит от *адал, adel*, благородный, и *leid, vestu, leiten*, направлять или руководить. Адалид был проводником или начальником *альмогаваров*, или кавалерийских солдат. *Мэр Адалида* был главнокомандующим всеми альмогаварами, или кастильской кавалерией.

Таким образом, после своего избрания этим видом присяжных Адалид был торжественно допущен к исполнению своих обязанностей. "Царь дал ему богатые одежды, меч и коня, а также оружие из *дерева и железа*, согласно обычаям страны. *Рико хомбре*, лорд рыцарей, должен был опоясать меч, а затем положить на землю щит, будущий Адалид наступил на него, и король вытащил меч из ножен и обнаженным вложил его в свою руку. И теперь столько из двенадцати адалидов, сколько смогут, собираются вокруг щита, хватаются за его край и поднимают его так высоко, как только могут: они поворачивают его лицом к востоку.— Во имя Аллаха, - восклицает Адалид, - я бросаю вызов всем врагам веры, моего господина короля и его страны". И, говоря таким образом, он поднял руку и нанес удар сверху вниз, а затем нанес еще один удар поперек, описав таким образом в воздухе сладкий и святой знак искупления, и он повторил этот вызов четыре раза, обращаясь к каждой из сторон света. Тогда Адалид вложил свой меч в ножны, и король вложил ему в руку знамя со словами: "*Я разрешаю тебе отныне быть Адалидом*". Адалид мог бы подняться до командования с самого низкого ранга в кастильской армии. Он мог бы быть *леоном* или пехотинцем, но он стал товарищем наследственной знати, лордов-вассалов и *ricos hombres*." В этой церемонии автор усматривает повторение форм, используемых при избрании королей у германцев или, по крайней мере, при выборе военачальников; *герцоги ex virtute sumunt*.

Избрание должностных лиц судом присяжных.

Я бы ни в коем случае не стал утверждать, что в этом способе выбора капитанов, в согласии этих двенадцати присяжных и даже в самом числе двенадцать нет никаких остатков старых германских обычаев. Совершенно очевидно, что только что описанное было скорее своего рода рыцарской церемонией, связанной с возведением человека в высший ранг, чем с избранием варварского вождя; все формы, все детали возведения адалида напоминают нам гораздо больше о рыцарских обычаях, чем о германских обычаях; и было бы странным анахронизмом предполагать, что все это имело место за пятьсот лет до этого среди вестготов, несмотря на то, что об этом нет упоминания ни в одном историческом памятнике, и, что еще более убедительно, несмотря на то, что все это имело место за пятьсот лет до этого. общее состояние нравов в то время не дает и намека на что-либо подобное. Гораздо более вероятно,

что эти обычаи возникли у готов во время их борьбы с арабами в горах Северной Испании и в результате нового направления смещения феодализма и свободы, которое было привнесено в их нравы этим новым положением.

The *Альмокаден*, или капитан пехоты, *Альфакеке*, или офицер, нанятый для выкупа пленных у мавров, и *комитетр*, или капитан корабля, назначались аналогичным образом и по рекомендации жюри, состоящего не из представителей класса, к которому принадлежал кандидат, а из представителей класса, к которому он стремился. Одно это обстоятельство решает вопрос; ибо это результат рыцарских, а не варварских нравов; это напоминает нам о оруженосце, которого рыцари окрестили рыцарем, а не о воине, которого выбрали или оценили его сверстники.

Я не буду следовать за автором в его исследованиях об испытаниях кипятком и огнем или об испытании боем. Хотя мы встречаем следы этих обычаев в древних памятниках некоторых варварских законодательств, они не были общим правом современных народов в первую эпоху их установления на римской территории. Только в более поздний период и под влиянием либо искажения религиозных идей суевериями, либо военной организации феодальной системы они получили развитие, признание и оформились в настоящую юриспруденцию. Таким образом, общие факты о Европе не дают нам права делать вывод, что, поскольку они существовали у испанцев в четырнадцатом веке, они также существовали у вестготов в седьмом веке. Почти абсолютная тишина исторических памятников первой эпохи сохраняет здесь всю свою авторитетность.

Компургация.

Факты, касающиеся компургации под присягой определенного числа свидетелей, более важны и любопытны. "Компургация, - говорит наш автор, - прямо предписана во всех тевтонских законах; но, по-видимому, она не была допустима в судебных процессах, проводимых в соответствии с формами, предписанными *Fuero juzgo*. Однако впоследствии это испытание получило широкое распространение в качестве *фуэро*, как в гражданских, так и в уголовных процессах. Хотя законодательное собрание и отвергло его, оно было сохранено на практике; и таким образом, дается убедительная иллюстрация того упрямства, с которым готы придерживались своих обычаев. Суд присяжных благодаря этому в зародыше считался благом".

"По древнему обычаю Кастилии, судебный процесс санкционирован в *Фуэро-Вьехо*. Как местный обычай или побочный закон городов Кастилии и Леона и их зависимостей, это очень часто устанавливалось, или, скорее, *декларировалось*, хартиями, выданными их основателями.

"Три тысячи *суэльдо*, согласно "*Фуэро Вьехо*", выплачивались за бесчестие дворца короля или порчу его замка; а пятьсот *суэльдо* были платой за голову *мериноса* или композицией за то, что позорили его; и каждый человек, желавший спастись от уплаты этих сумм, должен был защищаться клятвой *двенадцати человек*, ибо таков был обычай Кастилии в старые времена. Обвиненный в смерти другого *фиджо д'альго*, подозреваемый дворянин защищал себя клятвой *одинадцати других фиджо д'альго*, сам *двенадцатый*, и, как истинные рыцари, все они были *приведены к присяге* на Евангелии со шпорами на пятках. Существовало только два оскорбления, которые давали *дуэнье* или оруженосцу право жаловаться на то, что *фиджо д'альго* оскорбил их, а именно удар или рана, или кража их мулов или одежды. В течение трех

дней сторона, пострадавшая от рук рыцаря-каитифа, была обязана подать жалобу на оскорбление и сообщить о нем *фиджос д'альго* города, *лабрадорам* и обитателям *фиджос д'альго*, если таковые имелись, и позвонить в городской колокол со словами: "Такой-то обесчестил меня". После соблюдения этих формальностей *фиджо д'Альго* был обязан ответить на жалобу; возмещение если он сознается в этом, ему полагается штраф в пятьсот *суэльдо*, цена его собственной головы; но если он отрицает это, он должен оправдать себя клятвой одиннадцати других *фиджос д'альго*, сам *двенадцатый*. Но *лабрадор*, обвиненный в том, что ранил *фиджо д'альго*, не должен был быть допущен к самозащите его сверстниками; и он был несправедливо вынужден поклясться с одиннадцатью *фиджо д'альго*, сам *двенадцатый*.

"Эти обычаи взяты из общего кодекса. В особых районах компургация была настолько в моде, что компургатрикс разрешался женщинам-преступницам. В Ангуасе, как и в других городах, женщина, обвиняемая в краже, могла защитить себя под присягой присяжных, состоящих из других женщин. Более причудливым было Фуэро Куэнки, которое выглядит странным как с точки зрения духа закона, так и с точки зрения терминов, в которых он выражен. Если, возможно, какой-нибудь муж подозревал, что его жена отравила ему на голову рога, хотя он и не мог доказать этот факт доказательствами, жена должна была оправдаться, поклявшись в своем целомудрии двенадцати добропорядочным женам по соседству; и если они объявляли ее непорочной, ее мужа приходилось убеждать в том, что она такова.

"Обычаи Святого Себастьяна в Гипускоа допускали странный вид разбирательства, напоминающий оценку ущерба по вердикту присяжных. Насильник должен был заплатить цену девственности или жениться на объекте своей неуправляемой страсти; наказание за это, как мудро замечено в хартии, "полностью равно штрафу". Но если она, бывшая горничной, недостойна стать его женой, он должен был обеспечить ей такого мужа, которого она могла бы разумно ожидать до своего несчастья, "по оценке алькальда и двенадцати добрых людей Святого Себастьяна".

"Наиболее полные указания относительно применения испытания содержатся в уставе Молины. Дон Мольрике де Лара основал город Молина, сеньорию благородного дома Лара, в 1152 году. Его хартию можно процитировать как самый ценный документ, касающийся древней муниципальной юриспруденции Кастилии, который до сих пор был опубликован, поскольку в ней отражена вся конституция и управление кастильского города. ... Согласно старому готскому закону, в Молине были введены штрафы за ранения и увечья. Обвинитель должен был поддержать свое обвинение тремя "*весино*", или горожанами, если преступление было совершено в его стенах. *Двух векино* было бы достаточно, если бы без них. И, за неимением полных доказательств, преступник либо клялся двенадцатью *векино*, либо дрался с обвинителем; но у последнего был выбор в пользу испытания. ... Когда совершалось убийство, если один из участников драки брал вину на себя, говоря: "*Я убил его*", остальные должны были "спастись с двенадцатью настоящими бюргерами", — *los otros salvense con doce vecinos derecheros*. Могло случиться так, что никто не сознавался в преступлении; и поскольку тогда все были в равной степени подвержены подозрениям, родственники убитого были вольны выбрать любого в качестве убийцы, "как они сочтут нужным"; после чего предполагаемый убийца назвал одиннадцать родственников убитого, и они вместе с обвинителем поклялись, что он виновен или невиновен. Требовалось единодушие; и если один или двое не хотели присягать, то есть если они не могли согласиться с большинством, то каждый, кто был настолько несогласен, клялся вместе с двенадцатью, что ни он, ни кто-либо другой для его пользы не получал никакой

взятки; тогда его увольняли. Но если подсудимый не "падал духом" из-за отвода своего присяжного заседателя, он был волен назвать другого. Это судебное разбирательство примечательно; испытанию придается новый аспект, поскольку арбитры присягают вместе с обвинителем, а не с обвиняемым; и в такой форме оно, возможно, более приближено к суду присяжных. Можно заметить, что когда-то в Англии существовала практика отзыва несогласных присяжных и замены их другими до тех пор, пока не был вынесен единогласный вердикт".

Таковы факты, собранные автором этих исследований о существовании древних германских обычаев или аналогичных им в городах Кастилии и Леона, датируемых двенадцатым веком. Из этого он без колебаний делает вывод, что те же самые обычаи существовали в VI и VII веках у испанских вестготов и составляли часть их институтов.

Ошибки предыдущей теории.

Неудобно доказывать, что факты не соответствуют действительности, поскольку доказать, что это так, возлагается на того, кто утверждает их; и в таком случае, как этот, когда мы говорим об эпохах, разделенных пятью или шестью столетиями, и о такой революции, как изгнание народа и иностранное завоевание, индукции недостаточно. *The Судебный форум* хранит абсолютное молчание относительно назначения военачальников и вынесения решений присяжными; более того, этот последний институт несовместим с положениями настоящего кодекса в отношении судей и отправления правосудия. Ни один другой современный авторитет не противоречит *судебному форуму*. Должны ли мы, опираясь на факты гораздо более позднего времени, относящиеся к совершенно иному состоянию цивилизации, отказываться верить столь прямым доказательствам и свидетельствам столь положительным?

Я отдаю себе отчет во всем, что можно сказать о беспорядках того времени, постоянных пробелах в законах и склонности законодателей опускать именно те обычаи, которые были наиболее простыми и универсальными, как будто они не нуждались в освящении или даже указании официальным принятием. На самом деле, очень возможно, что практика вынесения решений присяжными не была полностью неизвестна вестготам; она встречается во всех германских обычаях и, возможно, не исчезла полностью или полностью сразу, даже после введения кодекса, основанного главным образом на римских законах. Но невозможно поверить, что, несмотря на этот кодекс, он продолжал оставаться общим правом, фундаментальным институтом, настоящей судебной системой нации.

Легче объяснить, с большой вероятностью, существование этих обычаев у испанских готов двенадцатого века, чем оправдывать без доказательств или, скорее, вопреки всем свидетельствам, произвольное предположение об их распространенности среди вестготов седьмого века. Такие институты сами по себе обладают некоторой спонтанностью; они соответствуют определенной степени цивилизации, определенному состоянию социальных институтов; мы встречаемся с ними в формах, более или менее сходных, но в основе своей аналогичных не только у всех германских народов, но и почти у всех тех варварских народов, которые, едва выйдя из кочевой жизни, начинают утверждаться на новой территории после того, как они ее завоевали. Итак, разрушение монархии вестготов арабами приостановило ход институтов, которые она получила двумя столетиями ранее, распустило Толедские соборы, сокрушило или значительно уменьшило преобладание духовенства и, в конечном счете, положило конец начавшейся цивилизации и придало делам совершенно новое направление.

Рождение свободных институтов.

Рассеянные среди гор, часто кочующие, разделенные на различные группы, те из готов, которые не подчинились завоевателям, вернулись, так сказать, к жизни, которую их предки вели в лесах Германии. Римские учреждения, римские максимы, все то собрание законов и идей, которые они получили от духовенства и которые возобладали над их собственными привычками, почти неизбежно исчезли в результате этого потрясения или, по крайней мере, были сохранены только теми готами, которые оставались под властью мусульман. Спутники Пелагиуса до определенного момента снова становились немцами по чистой необходимости. Именно после этого невольного возвращения к своему первобытному состоянию и, как следствие, к своим древним институтам, они возобновили наступление на арабов и постепенно отвоевали Испанию, принеся с собой те политические и судебные обычаи, устои и практику, которые они частично восстановили. Более того, свободные институты не могли не восстановить жизнеспособность в этот период, ибо только они могут придать сил во времена опасности или несчастья. Не во власти обычаев *officium palatinum* принципов толедских соборов было вернуть готов в их поработленную страну и восстановить потомков Чиндасуинфа на троне их отцов. Только участие народа в общественных делах, суровость варварских нравов и энергия неуставной свободы могли произвести такие эффекты. Есть все основания полагать, что институты Испании после восстановления королевств Кастилия, Леон, Арагон и других были новыми институтами и явились результатом нового положения готов в гораздо большей степени, чем наследием древних вестготов. Доказательства этого мы находим в генеральных кортесах королевства, в конституциях и свободах городов, во всем политическом устройстве государства, которое не имеет никакой связи со старой монархией и гораздо более естественно вытекает из условий и потребностей новых монархий. Политическая система, установленная толедскими соборами и *Судебным форумом*, не могла пустить глубоких корней; она пала перед необходимостью, которую не смогла удовлетворить.

Заключение.

Сам *Судебный форум*, возможно, был бы полностью разрушен, если бы он не продолжал оставаться законом тех готов, которые подчинились игу мавров; более того, он регулировал гражданский порядок, который всегда более прочен и меньше подвержен влиянию революций. Таким образом, в этом отношении оно продолжало оставаться общим правом Испании, в то время как политический порядок принял новую форму и регулировался другими институтами.

The *Судебный форум* и современные авторитеты - единственный достоверный источник, по которому мы можем изучать политические институты древних вестготов; источник, который, несомненно, неполон и который не информирует нас обо всем, что существовало; источник, который, вероятно, даже специально пренебрег тем, что еще осталось от германских манер и привычек, но от которого невозможно отказаться, чтобы признать факты и общие институты, которые прямо противоречат ему. Таким образом, следствия, которые я вывел из этих первоначальных и современных авторитетов, все еще существуют и определяют истинную политическую систему монархии вестготов. Имперское правительство и церковные теории были его составляющими элементами. Эти элементы преобладали над германскими обычаями.

Они, несомненно, были изменены для того, чтобы их можно было приспособить к варварскому народу; но в результате модификации они получили господство и стали общей формой, основным законом государства. Если испанские готы впоследствии вступили на путь, более аналогичный тому, которого придерживаются другие современные нации того же происхождения, то именно во вторжении арабов, во втором завоевании Испании повторно германизированными готами и в последствиях этой великой революции, но не в институтах монархии вестготов, мы можем разглядеть причины этого процесса.

Конец части I.

Часть II.

Очерки представительного правления в Англии, От завоевания до правления Тюдоров.

Лекция I.

Предмет курса: история возникновения и становления представительного правления в Европе.

Различные аспекты, под которыми рассматривается история в разные эпохи.

История поэзии; история философии; политическая история.

Склонность нашего времени рассматривать историю в этих различных аспектах.

Фундаментальный принцип и существенные характеристики представительного правления.

Существование этого принципа и этих характеристик в Англии существовало во все времена.

Тема курса.

Я считаю необходимым напомнить вам, джентльмены, о плане, который я принял в прошлом году в отношении нашего исследования политических институтов Европы. Существенной целью этого плана было придать некое единство и сжатость этой обширной истории. И это не

произвольная и самостоятельно выбранная цель. В процессе развития нашего континента все его народы и все его правительства связаны друг с другом; несмотря на всю борьбу и разделения, в европейской цивилизации действительно есть некоторое единство и компактность. Это единство, проявляющееся изо дня в день, теперь очевидно; никогда географические границы не обладали меньшим влиянием, чем в наше время; никогда такая общность идей, чувств, стремлений и усилий не объединяла, несмотря на территориальные разграничения, столь огромную массу людей. То, что сейчас открылось, более двенадцати столетий трудилось, чтобы проявиться; эта внешняя и кажущаяся общность существовала не всегда; но в основе своей европейская цивилизация всегда была такова, что невозможно досконально понять историю любого из великих современных народов, не рассматривая историю Европы в целом и не размышляя о пути, которым следует человечество в целом. Это обширная драма, в которой у каждого народа есть своя роль, и с общими событиями которой мы должны быть знакомы, чтобы понять связанные с ними конкретные сцены.

Эпохи европейской истории.

Я разделил историю политических институтов Европы на четыре великие эпохи, которые отличаются друг от друга существенно различными характеристиками. Первая - это эпоха варваров; время конфликтов и неразберихи, в течение которого ни одно общество не могло быть создано, ни один институт не мог быть основан и стать регулярно преобладающим ни в одной части Европы; эта эпоха простирается с пятого по десятый век. Вторая - феодальная эпоха, простирающаяся с десятого по четырнадцатый век. Третья - это эпоха стремления к конституционной монархии; феодализм приходит в упадок, население становится свободным, и королевская власть использует их для расширения и приумножения своей власти; эта эпоха охватывает период с четырнадцатого по шестнадцатый века. В четвертый период на Континенте все попытки установить представительную систему потерпели неудачу или почти полностью исчезли; преобладает чистая монархия. Только в Англии определенно существует конституционное правительство. Эта эпоха длится с шестнадцатого века до Французской революции.

Эти эпохи не были определены произвольным выбором — их разделение вытекает из общих фактов, которые их характеризуют. Не все они станут предметом данного курса лекций. Я хочу изучать политические институты Европы вместе с вами, а представительное правительство - это центр, к которому стремятся все наши исследования. Там, где я не замечаю никаких следов репрезентативной системы и никаких прямых усилий по ее созданию, я отворачиваюсь и переношу свое внимание на что-то другое. Я не буду ограничивать наши исследования только эпохами; я ограничу их также в отношении мест. В прошлом году в своих лекциях о первой эпохе я не следил за развитием политических институтов во всей Европе, а ограничил свои наблюдения Францией, Испанией и Англией. Теперь нам предстоит изучить третью эпоху; но Генеральные штаты Франции и кортесы Испании были всего лишь бесплодными попытками создания представительного правления. Поэтому я отложу наше изучение их и посвящу курс этого года внимательному изучению происхождения представительного правления в Англии, единственной стране, в которой оно получило непрерывное и успешное развитие. Это исследование особенно необходимо нам в наши дни, и мы сами склонны приступить к нему с искренним желанием извлечь из него пользу.

Аспекты истории.

В зависимости от своего политического состояния и уровня своей цивилизации народы рассматривают историю с различных точек зрения и проявляют к ней различный интерес. В ранние века существования общества, когда все ново и привлекательно для юношеского воображения человека, оно требует поэтического интереса; воспоминания о прошлом составляют основу блестящих и простых повествований, способных очаровать нетерпеливое и легко удовлетворяемое любопытство. Если в таком сообществе, где социальное существование находится в полном расцвете, а человеческий разум - в состоянии возбуждения, Геродот читает грекам, собравшимся в Олимпии, свои патриотические рассказы и открытия своих путешествий, греки наслаждаются ими, как песнями Гомера. Если цивилизация развита лишь незначительно, если люди живут более изолированно, если "страна" в конкретном смысле, по крайней мере, существует для них лишь незначительно, мы находим простые хроники вперемешку с баснями и легендами, но всегда отмеченные той *наивностью* и поэтичностью, которые в таких условиях существования необходимы человеческому разуму во всем. Таковы европейские хроники с десятого по пятнадцатый век. Если в более поздний период цивилизация разовьется в стране, в которой не установилась свобода, не было энергичного и обширного политического существования, то, когда наступает период просвещения, богатства и досуга, люди начинают искать философский интерес в истории; она больше не принадлежит области поэзии; она теряет свою простоту; она больше не носит своего прежнего реального и живого облика; отдельные персонажи занимают меньше места и больше не появляются в живых формах; упоминание имен становится более редким; повествование о событиях и описание людей являются скорее ее предлогом, чем предметом; все становится обобщенным; читатели требуют краткого изложения развития цивилизации, своего рода теории народов и событий; история становится серией диссертаций о прогрессе человеческой расы, а историк, кажется, вызывает только скелет прошлого, чтобы развесить по нему общие идеи и философские размышления. Это произошло в прошлом столетии; английские историки того периода, Робертсон, Гиббон и Юм, представляли историю в этом аспекте; и большинство немецких писателей до сих пор придерживаются той же системы. Преобладает философия истории; истории, как ее правильно называют, в них нет.

История свободных наций.

Но если развитая цивилизация и высокий уровень развития человеческого интеллекта совпадают в нации с оживленным и энергичным политическим существованием; если борьба за свободу, возбуждая умы, вызывает энергию характера; если активность общественной жизни добавляется к общим требованиям мысли, история предстает в другом свете; она становится, так сказать, практической. Больше не требуется очаровывать легко возбуждаемое воображение своими рассказами или удовлетворять своими размышлениями активные интеллекты, лишенные возможности упражняться на чем-либо, кроме обобщений. Но люди ожидают от него опыта, аналогичного тем потребностям, которые они испытывают, той жизни, которой они живут; они желают понять реальную природу и скрытые пружины институтов; участвовать в движениях партий, следовать за ними в их комбинациях, изучать секрет влияния масс и действий отдельных личностей; люди и вещи должны воскреснуть перед ними уже не просто

как интерес или развлечение, но как откровение того, как следует приобретать, использовать и защищать права, свободы и власть; как сочетать мнения, интересы, страсти, потребности обстоятельств, все то, что необходимо для достижения цели. элементы активной политической жизни. Вот чем становится история для свободных наций; именно с этой точки зрения Фукидид написал историю Пелопоннесской войны, а лорд Кларендон и епископ Бернет - историю Английской революции.

Как правило, и по самой природе вещей, именно в регулярном порядке и через отдаленные промежутки времени история приобретает тот или иной из этих различных видов интереса в глазах людей. Склонность к простым повествованиям, пристрастие к философским обобщениям и тяга к политическому просвещению почти всегда принадлежат к очень разным временам и уровням цивилизации.

Исторические требования современности.

По редкому стечению обстоятельств все эти вкусы и приобретения, кажется, объединились в наши дни; и история теперь вызывает у нас интерес всех этих видов. Если она правдиво и просто расскажет нам о первых попытках социальной жизни, нравах зарождающихся народов; об этом необычном состоянии общества, в котором идеи немногочисленны, но остры, а потребности энергичны, хотя и неизменны, в котором все притязания варварской силы борются со всеми привычками дикой свободы, мы обнаружим, что способны понять такой рассказ и в некоторой степени склонны быть очарованными им. Пятьдесят лет назад правдивая картина этой эпохи в жизни народов показалась бы лишь грубой и отвратительной; ее интересный и поэтический характер не понравился бы и не был понят; условности тогда превратились в привычки, а надуманные манеры господствовали во всем обществе; самим Гомером в эпоху, столь лишенную простоты и естественности, восхищались только понаслышке; и если никто не осмеливался подвергнуть сомнению его право на славу, его жалели за то, что он был вынужден пролить блеск своего гения на эпоху, в которую он жил. о варварстве и невежестве. С тех пор удивительные события обновили состояние общества, разрушили старые формы, общепринятые привычки и искусственные манеры; простые идеи и естественные чувства вновь обрели свое господство; в умах людей произошло своего рода обновление, и они стали способны понимать человека на любом уровне цивилизации и получать удовольствие от простых и поэтических повествований о зарождающемся обществе. В наши дни считается, что варварские времена также заслуживают, в некоторых отношениях, называться героическими временами; в наши дни человечество обнаружило способность, а также необходимость получения истинных знаний об институтах, идеях и нравах народов при их вступлении в социальную жизнь. Таким образом, к этому разделу истории вернулся интерес, которым он утратил; он больше не рассматривается как достояние эрудитов; за него ухватились сами романисты, и публика с удовольствием пошла по их стопам.

В то же время потребность в широких философских взглядах на ход человеческих дел и прогресс общества, вместо того чтобы угаснуть, набрала силу; мы не перестали искать в фактах нечто большее, чем просто повествования; мы по-прежнему ожидаем, что они будут обобщены в общих идеях и предоставят нам те великие результаты, которые прольют свет на такие науки, как законодательство и политическая экономия, а также на обширное изучение судьбы человеческой расы. Таким образом, она отнюдь не менее склонна рассматривать историю с философской точки зрения, но, по-видимому, приобрела более широкий интерес в этом

отношении. Более чем когда-либо мы ощущаем необходимость проследить события до их первопричин, свести их к простейшему выражению, проникнуть в их самые отдаленные следствия; и если старые хроники вновь обрели в наших глазах свое очарование, то великие сочетания исторической философии все еще составляют насущную потребность наших умов.

Необходимость знакомства С историей.

Наконец, наше рождение в общественной жизни, институты, которыми мы обладаем и которые мы не потеряем, то сияние свободы, которому, хотя оно и возникло посреди бурь, не суждено в них погибнуть, прошлое, которое мы оставляем позади, настоящее, которым мы заняты, будущее, которое нас ожидает, короче говоря, все наше положение — все придает истории, рассматриваемой с политической точки зрения, самый важный интерес. До нашего времени движение общественной жизни, игры партий, война фракций, борьба собраний, все волнения и развитие власти и свободы были вещами, о которых люди слышали, но не видели, о которых они читали в книгах, но которые на самом деле не существовали вокруг читателя. Все это происходило и сейчас происходит у нас на глазах; каждое соображение побуждает нас изучать их, каждое обстоятельство помогает нам понять их. И не только для нас восстановилась политическая жизнь: она вернулась в историю, до сих пор холодную и расплывчатую для умов тех, кто не был поражен реальным видением сцен, о которых в ней рассказывается. И, восстанавливая наше понимание истории, мы также осознали советы и уроки, которые она может нам преподнести; ее полезность больше не заключается, как раньше, в общей идее, своего рода моральной и литературной догме, исповедуемой писателями, а не принятой и практикуемой общественностью. Более или менее основательное знакомство с историей, и особенно с историей свободных народов, является не просто достижением образованных умов; это необходимость для каждого гражданина, который чувствует желание принимать участие в делах своей страны или просто правильно оценивать их. И, таким образом, это великое исследование сейчас представляется нам со всеми видами интереса, которые оно может предложить, потому что в нас есть способность рассматривать его во всех его аспектах, искать и находить все, что оно содержит.

Тема настоящего курса.

Таковы мотивы, побудившие меня выбрать историю политических институтов Англии в качестве предмета данного курса лекций: здесь, по сути, история, рассматриваемая в трех различных аспектах, предстает с величайшей простотой и богатством. Нигде примитивные нравы современных народов не сохранялись в течение более длительного периода и не оказывали такого решающего влияния на институты страны. Нигде великие философские размышления не возникают с таким изобилием из созерцания событий и людей. Здесь, в прекрасном, представительном правительстве, особый объект нашего исследования, развивался без перерыва, принял в свое лоно и оплодотворил своим союзом религиозное движение, привнесенное в Европу в шестнадцатом веке, и таким образом стал отправной точкой политической реформации, которая сейчас начинается на Континенте.

В мои намерения ни в коем случае не входит рассказывать вам историю Англии. Я намерен просто рассмотреть его с политической точки зрения; и даже с этой точки зрения мы не будем

изучать все институты королевства. Представительное правление - вот наша тема, и поэтому мы будем шаг за шагом проследивать историю парламента. Мы будем ссылаться на судебные, административные и муниципальные учреждения только в той мере, в какой они связаны с представительной властью и внесли свой вклад либо в ее формирование, либо в определение ее характера.

В прошлом году, прежде чем приступить к изучению фактов, я попытался точно определить, что мы должны понимать под представительным правительством. Прежде чем искать доказательства его существования, я пожелал узнать, по каким признакам мы могли бы определить его присутствие. Теперь, когда мы приступаем к изучению истории единственного представительного правительства, которое до наших дней существовало в Европе с полной жизнеспособностью, я думаю, будет неплохо резюмировать некоторые из этих идей.

Я уже говорил, что у меня было не очень высокое мнение о разделении правительств публицистами на монархические, аристократические и демократические; и что, по моему мнению, правительства характеризовались и отличались друг от друга по их сущностному принципу, по их общей и внутренней идее. Самая общая идея, которую мы можем найти в правительстве, - это его теория суверенитета, то есть способ, которым оно понимает, размещает и приписывает право издавать законы и приводить их в исполнение в обществе.

Принцип представительного правления.

Существуют две великие теории суверенитета. Человек ищет его и приписывает какой-то из реальных сил, существующих на земле, независимо от того, является ли это народом, монархом или главными людьми народа. Другой утверждает, что суверенитет как право не может существовать нигде на земле и не должен приписываться никакой власти, поскольку никакая земная власть не может полностью знать и постоянно желать истины, разума и справедливости — единственных источников суверенитета как права, которые также должны фактически быть правилом суверенитета. Первая теория суверенитета обосновывает абсолютную власть, какой бы ни была форма правления. Вторая борется с абсолютной властью во всех ее формах и ни в коем случае не признает ее легитимность. Неверно было бы утверждать, что из этих двух теорий та или иная господствует исключительно в различных правительствах мира. Эти две теории в определенной степени смешиваются, ибо нет ничего, что было бы полностью лишено истины или совершенно свободно от ошибок. Тем не менее, тот или иной принцип всегда доминирует в любой форме правления и может рассматриваться как его принцип.

Истинной теорией суверенитета, то есть радикальной незаконности любой абсолютной власти, каковы бы ни были ее название и место, является принцип представительного правления.

Фактически, при представительном правлении абсолютная власть, суверенитет как право не присущи ни одной из властей, которые соглашаются формировать правительство: они должны согласиться издавать закон; и даже когда они согласились, вместо того, чтобы навсегда принять абсолютную власть, которая фактически является результатом их соглашения, представительная система подчиняет эту власть непостоянству выборов. И избирательная власть сама по себе не абсолютна, поскольку она ограничена выбором людей, которые будут иметь долю в правительстве.

Более того, характер этой системы, которая нигде не признает легитимность абсолютной власти, заключается в том, чтобы постоянно и при каждом удобном случае заставлять всех граждан искать разум, справедливость и истину, которые всегда должны регулировать действительную власть. Репрезентативная система делает это,

1. дискуссией, которая вынуждает существующие власти совместно искать истину;
2. публичностью, которая ставит эти власти, занятые этим поиском, перед глазами граждан; и
3. свободой прессы, которая стимулирует самих граждан искать истину и сообщать ее власти.

Характеристики представительного правления.

Наконец, необходимым следствием истинной теории суверенитета является то, что вся фактическая власть несет ответственность. Если, на самом деле, ни одна реальная власть не обладает суверенитетом как правом, все они обязаны доказать, что они искали истину и приняли ее за свое правило; и они должны узаконить свой титул своими действиями под страхом обвинения в незаконности. Ответственность власти, по сути, присуща представительной системе; это единственная система, которая делает ее одним из своих фундаментальных условий.

После признания принципа представительного правления мы исследовали его внешние характеристики, то есть формы, которые обязательно сопровождают этот принцип и только в которых он может проявлять свое существование. Эти формы мы свели к трем:

1. разделение властей;
2. выборы; и
3. публичность.

Нетрудно убедить себя, что эти характеристики обязательно вытекают из принципа представительного правления. Действительно,

1. всякая фактическая единоличная власть вскоре становится абсолютной по праву. Поэтому необходимо, чтобы всякая фактическая власть осознавала свою зависимость. "Всякое единство, - говорит Паскаль, - которое не есть множество, есть тирания". Отсюда вытекает необходимость в двух палатах парламента. Если существует только один орган, исполнительная власть либо подавляет его, либо попадает в настолько подчиненное положение, что вскоре остается только абсолютная власть единственной палаты парламента.
2. Если бы не происходили частые выборы для передачи власти в новые руки, та власть, которая получила свое право от самой себя, вскоре стала бы абсолютной по праву; такова тенденция всех аристократий.
3. Публичность, которая связывает власть с обществом, является лучшей гарантией от узурпации суверенитета как права фактической властью.

Представительное правительство не может быть ни установлено, ни развито, не приняв, рано или поздно, эти три характеристики; они являются естественными следствиями его принципа; но они не обязательно сосуществуют, и представительное правительство может существовать без их объединения.

Так было в Англии. Невозможно не задаться вопросом, почему в этой стране преобладало представительное правительство, а не в других штатах Континента. Ибо, действительно, варвары, поселившиеся в Великобритании, имели то же происхождение и те же примитивные манеры, что и те, кто после падения Римской империи завоёвывал Европу; и они укрепили свое господство в этой стране не при совсем иных обстоятельствах.

С пятого по двенадцатый век мы находим в Англии не больше следов истинно представительного правления, чем на Континенте; ее институты были аналогичны институтам других европейских наций; и мы видим в каждой стране конфликт трех систем - свободных, феодальных и монархических институтов.

Мы не можем полностью разрешить этот вопрос заранее и в общих чертах. Мы ответим на него постепенно, по мере продвижения в изучении фактов. Мы увидим, в силу каких последовательных и разнообразных причин политические институты в Англии пошли по пути, отличному от того, которому они следовали на Континенте. Однако мы можем сразу указать на важный факт, который с самого раннего периода определял характер и направление британских институтов.

Разделение власти.

Первая из важнейших внешних характеристик представительного правления - разделение властей - встречается в правительстве Англии во все века. Никогда правительство не было сосредоточено в руках одного короля; под названием *Виттенагемота, Совета или Собрании баронов*, а после правления Генриха III - *Парламента*, более или менее многочисленное и влиятельное собрание, составленное определенным образом, всегда ассоциировалось с верховной властью. В течение длительного периода это собрание в какой-то степени подчиняло себе деспотизм и иногда заменяло его гражданской войной и анархией; но оно всегда вмешивалось в деятельность центрального правительства. Независимый совет, который черпал свою силу в личной власти своих членов, всегда примыкал к королевской власти. Английская монархия всегда была правительством короля в совете, и королевский совет часто был его противником. Большой королевский совет стал парламентом.

Это единственная из существенных характеристик системы представительного правления, которую представляло правительство Англии вплоть до четырнадцатого века. В течение этой эпохи разделение власти отнюдь не привело к эффективному подавлению деспотизма, а лишь сделало его более изменчивым и опасным. Совет баронов был не более способен, чем сам король, понять и установить стабильный политический порядок и истинную свободу; эти две силы находились в постоянном конфликте, и их конфликтом была война, то есть опустошение страны и угнетение массы жителей. Но из этого со временем вытекли два решающих факта, из которых свобода взяла свое начало; они были таковы:

1. Из самого факта разделения власти следовало, что абсолютная власть, суверенитет как право, никогда не приписывалась королю и не предполагалась легитимной сама по себе. Так вот, это сам принцип представительного правления; но этот принцип был далек от понимания или даже подозрения с философской точки зрения. Оно постоянно подавлялось силой или же терялось в путанице представлений того времени о божественном праве, происхождении власти и так далее; но оно существовало в глубинах общественного сознания и мало-помалу превратилось в фундаментальную максиму. Мы находим формальное выражение этого принципа в трудах Брэктона, лорда-верховного судьи при Генрихе III, и Фортескью, который занимал тот же пост при Генрихе VI. "Король, - говорит Брэктон, - не должен подчиняться никому, но только Богу и закону, ибо закон делает его королем; он не может делать на земле ничего, кроме того, что он может делать по закону; и то, что сказано в Пандектах, что то, что нравится королю, становится законом, не является возражением; ибо мы видим из контекста, что эти слова означают не чистую волю принца, но то, что было определено советом его советников, король санкционировал своей властью их обсуждения по этому вопросу.

Характер английской монархии.

"Английская монархия, - говорит Фортескью, *-non solum est regalis, sed legalis et politica, potestas*", и он часто развивает эту идею. Таким образом, в очень ранний период ограничение полномочий было вопросом общественного права в Англии; и легитимность единоличной и абсолютной власти никогда не признавалась. Так был установлен и сохранен до лучших времен порождающий принцип всякой законной власти, равно как и всякой свободы; и только благодаря этому принципу поддерживалось в душах людей то благородное чувство права, которое угасает и угасает всякий раз, когда человек оказывается перед лицом неограниченного суверенитета, каковы бы ни были его форма и название.

Важность городов.

2. Разделение верховной власти привело к еще одному результату. Когда города приобрели большее богатство и значение, когда за пределами круга ближайших вассалов короля образовалась нация, способная принимать участие в политической жизни и к которой правительство сочло необходимым относиться с уважением, эта нация естественным образом примкнула к великому совету короля, который никогда не переставал существовать. Чтобы занять место в центральном правительстве, ей не было необходимости внезапно создавать новые институты; место для ее приема уже было подготовлено, и хотя ее вступление в национальный совет вскоре изменило его природу и формы, ей, по крайней мере, не нужно было утверждать и заново оживлять свое существование. Существовал факт, способный получить расширение и впустить в свое лоно новые факты вместе с новыми правами. Британский парламент, по правде говоря, был создан только с момента образования Палаты общин; но без присутствия и важности совета баронов Палата общин, возможно, никогда бы не была сформирована.

Таким образом, с одной стороны, постоянство идеи о том, что суверенитет должен быть ограничен, а с другой - фактическое разделение центральной власти были зародышами представительного правления в Англии. До конца XIII века мы не встречали никаких других его характеристик; и английская нация до этого периода, возможно, на самом деле не была более

свободной и счастливой, чем любой из народов Континента. Но принцип права на сопротивление угнетению уже был юридическим принципом в Англии; и идея превосходства, которое господствует над всеми другими, идея верховенства закона уже была связана в сознании народа и самих юристов не с каким-либо конкретным лицом или с какой-либо конкретной реальной властью, а с самим названием закона. Уже тогда говорили, что закон превосходит все другие силы; таким образом, суверенитет, по крайней мере в принципе, покинул тот материальный мир, в котором он не мог утвердиться, не породив тирании, и переместился в тот моральный мир, в котором действительные власти должны были постоянно стремиться к нему. Несомненно, для утверждения этих принципов свободы в Англии было необходимо множество благоприятных обстоятельств.

Источники свободы.

Но когда чувство справедливости живет в душах людей, когда гражданин не встречает в своей стране власти, которую он обязан считать непогрешимой и абсолютно суверенной, свобода никогда не может не возникнуть. Мы осмеливаемся полагать, что оно развивалось в Англии менее универсально, менее равномерно и менее разумно, чем нам позволено надеяться в настоящее время в нашей собственной стране; но, в конечном счете, оно зародилось и усилилось в этой стране больше, чем в какой-либо другой; и история его развития, изучение институтов, которые служили его гарантиями, и системы правления, с которой, по-видимому, отныне связаны его судьбы, является для нас одновременно великим зрелищем и необходимой работой. Мы приступим к этому беспристрастно, ибо можем сделать это без зависти.

Лекция II.

Очерк истории Англии от Вильгельма Завоевателя до Джона Лэкланда (1066-1199).

Вильгельм Завоеватель (1066-1087).

Уильям Руфус (1087-1100).

Генрих I. (1100-1135).

Стефан (1135-1154).

Генрих II. (1154-1189).

Конституции Кларендона.

Richard Cœur de Lion (1189-1199).

Ранняя история Англии.

Прежде чем приступить к истории представительного правления в Англии, я считаю необходимым, во-первых, напомнить вам о фактах, которые послужили, так сказать, его

колыбелью, — о движениях различных наций— последовательно оккупировавших Англию, о завоевании норманнов, о состоянии страны в период этого завоевания, примерно в середине XI века, — и об основных событиях, последовавших за ним. Изучению институтов всегда должно предшествовать знание фактов.

Бритты, галлы или кельты по происхождению, были первыми жителями Великобритании. Юлий Цезарь подчинил их, и римское владычество заменило их варварскую энергию ложной и ослабляющей цивилизацией. Покинутые Римом, когда этот город по частям отрекся от мировой империи, бритты были не в состоянии защищаться и призвали на помощь саксов. Последние, обнаружив, что они уже побеждены, из союзников вскоре превратились в их хозяев и истребили или загнали обратно в горы Уэльса народ, покоренный римлянами. После долгой серии вторжений датчане утвердились на севере Англии в течение девятого века, а во второй половине одиннадцатого века норманны завоевали всю страну.

Нормандское завоевание.

К середине XI века и до нормандского завоевания между саксами и датчанами все еще существовала великая вражда, тогда как между датчанами и норманнами воспоминания об общем происхождении были все еще свежи и живы. Эдуард Исповедник воспитывался при Нормандском дворе, и норманны пользовались у него большим расположением. Он назначил нескольких из них на важные должности в своем королевстве. Примас, архиепископ Кентерберийский, был нормандцем; а при дворе Эдуарда говорили на нормандском. Все эти обстоятельства, казалось, готовили почву для вторжения норманнов в Англию.

Внутреннее состояние Англии было столь же благоприятным для этого. Саксонская аристократия возвышалась пропорционально тому, как ослабевала королевская власть; но власть крупных землевладельцев была разделенной властью, и их разногласия открывали дверь для иностранного вмешательства. Гарольд, шурин короля Эдуарда, умерший, не оставив потомства, только что узурпировал корону, так что Вильгельму даже не пришлось выступать против законного монарха. "Независимо от того, сделают ли англичане Гарольда или кого-либо другого своим герцогом или королем, я допускаю это", - сказал Вильгельм после смерти Эдуарда; но он, тем не менее, считал себя наследником королевства в силу воли умершего монарха и пришел отстаивать свои права во главе армии численностью в 40 000 человек. 14 октября 1065 года [так в оригинале; 1066] Гарольд потерял и корону, и свою жизнь в битве при Гастингсе. Затем примас предложил корону Англии Уильяму, который принял ее после некоторого колебания и был коронован 6 декабря. Поначалу он относился к своим саксонским подданным мягко, но приказал построить ряд крепостей и раздал большие земельные наделы своим нормандским товарищам. Во время путешествия, которое он совершил в Нормандию в марте 1067 года, саксы восстали против тирании норманнов. Вильгельм подавил восстание и еще некоторое время оставался верен своей политике примирения. Но восстания продолжали возникать, и теперь Вильгельму пришлось прибегнуть к жестким мерам. Путем неоднократных конфискаций он обеспечил суверенное утверждение норманнов и феодальной системы. Саксы были отстранены от всех важных государственных должностей, и особенно от епископства. Вильгельм покрыл Англию крепостями, заменил англосаксонский нормандским языком и сделал его языком закона - привилегия, которая сохранялась до правления Эдуарда III. Он ввел в действие очень суровые законы о полиции, среди прочих закон о комендантском часе, столь

ненавистный саксам, но уже существовавший в Нормандии, и, наконец, он опустошил графство Йоркшир, оплот саксонских повстанцев.

Правление Уильяма Руфуса.

Папа одобрил предприятие Вильгельма и отлучил Гарольда от церкви. Тем не менее Вильгельм смело отверг притязания Григория VII и запретил своим подданным признавать кого бы то ни было папой до тех пор, пока он не сделает этого сам. Каноны каждого собора должны были представляться ему для утверждения или отклонения. Ни одна булла или письмо папы не могли быть опубликованы без разрешения короля. Он защищал своих министров и баронов от отлучения от церкви. Он подверг духовенство феодальной военной службе. И, наконец, во время его правления церковные и гражданские суды, которые ранее были объединены в суды графств, были разделены.

После смерти Вильгельма, в 1087 году, его состояния были разделены между тремя его сыновьями, Робертом, Уильямом и Генри. Уильям Руфус унаследовал английский престол, а Роберт - герцогство Нормандское. Правление Вильгельма примечательно только актами тирании, расширением королевских лесов и отвратительными поборами; он не назначал епископов ни на одну из вакантных епископских кафедр, но присваивал их доходы для своих личных нужд, рассматривая их как феодалы, владельцы которых умерли.

Уильям Руфус почти постоянно находился в состоянии войны со своим братом Робертом. В конце концов он купил у него Нормандию, или, правильнее сказать, получил ее в залог за тринадцать тысяч марок серебром, которые одолжил Роберту, собираясь присоединиться к крестоносцам. В 1100 году он заключил аналогичную сделку с Вильгельмом, графом Пуату и герцогом Гиенским. Нормандские бароны горько сожалели о том, что Роберт не был королем Англии, а также герцогом Нормандии. Они несколько раз восставали против Вильгельма; и различные факты указывают на то, что саксонская нация кое-что выиграла от этих восстаний, и, как следствие, нормандский монарх относился к ней несколько лучше. Но отношения двух народов все еще были крайне враждебными, когда Уильям Руфус был убит на охоте 2 августа 1100 года.

Правление Генриха I.

Генрих I. узурпировал корону Англии у своего брата Роберта, которому она принадлежала по праву; а нормандские бароны, предпочитавшие Роберта, оказали Генриху лишь слабое сопротивление; он был коронован в Лондоне. Его первым актом была хартия, в которой, чтобы получить прощение за свою узурпацию, он обещал не присваивать доходы церкви во время вакантности бенефиций; допустить наследников вассалов короны к владению их поместьями, не подвергая их таким жестоким поборам, какие были обычны во время предыдущих царствований; умерить налоги, простить прошлое и, наконец, подтвердить авторитет законов Святого Эдуарда, которые были так дороги нации. Вскоре после подписания этой хартии Генрих женился на Матильде, дочери короля Шотландии и племяннице Эдгара Ательинга, последнего наследника саксонской династии; этим браком он надеялся смягчить привязанность саксонского народа. Чтобы выйти за него замуж, Матильда была освобождена от своих обетов,

поскольку приняла постриг не с намерением стать монахиней, говорит Эдмер, а для того, чтобы спастись от жестокого насилия норманнов.

В 1101 году Роберт вернулся из крестовых походов и вторгся в Англию, но вскоре мирный договор положил конец его продвижению, и он отказался от своих притязаний на получение пенсии в 3000 марок и обещание унаследовать наследство Генриха. Плохое правление Роберта в Нормандии вызывало постоянные беспорядки в этой стране и поддерживало все возрастающую тенденцию к союзу Нормандии с Англией. Генрих, воспользовавшись таким положением вещей, вторгся в Нормандию, где у него было много могущественных приверженцев, и после трех лет войны, в 1106 году, битва при Теншебрее решила судьбу Роберта, который был взят в плен и заключен в Кардиффский замок, где томился двадцать восемь лет. Затем Нормандия была объединена с Англией.

Правление Генриха I. было нарушено постоянными ссорами с духовенством; он был вынужден отказаться от права инвеституры, которое считалось дарующим духовный сан, но епископы продолжали клясться ему в верности и почитании из-за своих мирских владений. Несмотря на препятствия, стоявшие на его пути, Генрих правил энергично и осмотрительно; он смирил крупных баронов, восстановил порядок и обуздал духовенство; и это были те качества, которые тогда составляли великого короля. Предполагаемый кодекс, который приписывают Генриху I. является более поздней компиляцией; но он осуществил несколько важных реформ, среди прочего, пресек злоупотребления правом на снабжение, в соответствии с которым государственные арендаторы короля были обязаны безвозмездно снабжать двор во время поездок провизией и экипажами. Также говорится, что он заменил для арендаторов этого класса выплату денежной ренты вместо ренты натурой, которую они платили ранее; но маловероятно, что это было общим правилом.

Войны Стефана и Матильды.

Генрих I. умер в 1135 году. Его правление в некоторой степени способствовало слиянию двух народов, но разделение все еще было значительным. Поскольку его сын Вильгельм умер, Генрих назначил своей преемницей свою дочь Матильду, жену Джеффри Плантагенета, графа Анжуйского; и собрание баронов одобрило его выбор. Но во время отсутствия Матильды Стефан, граф Булонский, внук Вильгельма Завоевателя от своей матери Адели, жены Стефана, графа Блуа, узурпировал корону Англии; но лишь несколько баронов присутствовали на его коронации 22 декабря 1135 года. Стефан стремился, идя на большие уступки, добиться прощения за свою узурпацию; и он опубликовал две хартии, которые обещали все то, что было обещано Генрихом, включая сохранение законов Эдуарда Исповедника. Духовенство и бароны, однако, присягнули ему лишь условно; и, желая заставить его дорого заплатить за их поддержку, церковь потребовала от него отмены всех своих привилегий, а бароны получили разрешение строить крепости в своих поместьях. Вскоре королевство оцетинилось замками и крепостными валами. Тысяча сто пятнадцать были возведены во время правления Стефана и обеспечили гораздо более действенную, чем его хартии, власть и независимость баронов.

В 1139 году вспыхнуло восстание в пользу Матильды. Король Стефан потерпел поражение и был взят в плен в битве при Линкольне 26 февраля 1141 года. Синод духовенства без участия каких-либо мирян передал корону Матильде; депутаты Лондонского сити были единственными

присутствующими мирянами, и они требовали освобождения короля Стефана, но тщетно; они были допущены в синод только для получения приказов. Заговор против Матильды вскоре свел на нет смелые действия духовенства; Стефан вновь обрел свободу в 1142 году, и гражданская война возобновилась.

Правление Генриха II.

Но теперь против него восстал новый враг. Принц Генрих, сын Матильды, хотя и был еще молод, уже проявил себя выдающимся человеком своей храбрости и благоразумия. Мать пообещала ему герцогство Нормандское; смерть его отца, Жоффруа Плантагенета, подарила ему Мэн и Пуату; а его брак с Элеонорой Гиенской принес ему еще две обширные провинции Франции. В 1154 году он появился в Англии с армией, но переговоры быстро положили конец конфликту, и Генрих был признан преемником Стефана, который умер год спустя, 25 октября 1154 года.

Целый ряд обстоятельств благоприятствовал власти Генриха II. при его восшествии на престол. Он объединил в своем лице права как саксонской, так и нормандской династий. Он владел огромными владениями на Континенте; он был графом Анжу, герцогом Нормандии, герцогом Гиенны, Мэна, Сентонжа, Пуату, Оверни, Перигора, Огюмуа и Лимузена. Он женил своего третьего сына, Джеффри, еще ребенком, на малолетней наследнице герцогства Бретань. Вскоре он оказался втянутым в войну со знатью и духовенством. Он отменил все дары королевских владений, дарованные Стефаном и Матильдой, и с оружием в руках вернул себе все, что не было возвращено ему мирным путем. Он разрушил большое количество феодальных крепостей. Коалиция баронов еще не была сформирована, и их личная власть была совершенно неспособна конкурировать с властью Генриха; поэтому они подчинились. Король также сплотил вокруг себя множество заинтересованных сторон поддержанием строгого порядка и назначением странствующих судей для обеспечения более справедливого исполнения законов. Его борьба с духовенством была более бурной, а ее успех менее полным; ибо духовенство, которое уже сформировалось в самую могущественную корпорацию и поддерживалось извне Святым Престолом, нашло в своем собственном теле вождя, способного противостоять даже величайшему монарху. Томас Бекет, родившийся в Лондоне в 1119 году, настолько продвинулся в пользу Генриха, что был назначен его лордом-верховным канцлером. Его заслуги, его преданность, великолепие его образа жизни - все это в совокупности убедило Генриха в том, что, вознеся Бекета на высшие церковные должности, он приобретет могущественного сторонника в церкви; поэтому он назначил его архиепископом Кентерберийским и примасом королевства.

Конституции Кларендона.

Но как только Бекет был назначен на этот пост, он посвятил себя интересам своего ордена и смело взялся осуществлять и даже расширять права, связанные со своим положением. Клерк совершил убийство; Бекет наказал его в соответствии с законами духовенства; Генрих желал, чтобы его судили по гражданскому праву; Бекет сопротивлялся; и Генрих воспользовался этой возможностью, чтобы открыто и систематически нападать на церковную власть. Он собрал епископов и спросил их, подчинятся ли они древним законам королевства или нет; и они были вынуждены согласиться на это. Знаменитый Совет Кларендона был созван в 1164 году, чтобы

определить эти законы и установить границы двух полномочий. Король заручился поддержкой баронов-мирян. Результатом обсуждений в этой ассамблее стали шестнадцать статей; они сводятся к следующему:

1. Все иски, касающиеся рекламы и представления церквей, рассматриваются в гражданских судах.
2. Священнослужители, обвиняемые в каком-либо преступлении, должны предстать перед королевскими судьями, которые должны определить, следует ли рассматривать дело в светском или епископальном суде. Королевские судьи должны расследовать, каким образом дела такого рода рассматриваются церковными судами; и если клерк будет осужден или признается в своем преступлении, он лишается привилегий духовенства.
3. Ни один архиепископ, епископ или духовное лицо высокого ранга не должен покидать королевство без разрешения короля. Если он уедет за границу, он должен поручиться перед королем за свое возвращение и за свое хорошее поведение во всех вопросах, затрагивающих интересы короля.
4. Отлученные от церкви лица не обязаны предоставлять гарантии для продолжения пребывания в их нынешнем месте жительства, а просто для того, чтобы предстать перед судом церкви и получить отпущение грехов.
5. Ни один главный арендатор короля, ни один чиновник его двора или его владений не может быть отлучен от церкви или на его земли наложен интердикт до тех пор, пока не будет подано заявление королю или, в его отсутствие, великому судье с целью добиться правосудия из его рук.
6. Все апелляции по духовным делам должны направляться из архидьякон - епископу, от епископа - примасу, а от него - королю, и его нельзя переносить дальше без согласия короля.
7. Если между мирянином и священнослужителем возникает какой-либо судебный процесс относительно природы феода, вопрос должен быть решен главным судьей короля по вердикту двенадцати *испытательных лет*; и в зависимости от того, может ли быть определен характер феода, дальнейшее разбирательство должно вестись в гражданских или церковных судах.
8. На любого жителя города, волости или поместья в королевских владениях, который предстал перед церковным судом для привлечения к ответственности за какое-либо правонарушение и который отказался явиться, может быть наложен интердикт; но никто не может быть отлучен от церкви до тех пор, пока не будет проконсультирован с главным должностным лицом того места, где он проживает, чтобы он мог заставить его гражданскими властями выплатить удовлетворение церкви.
9. Решение по всем основаниям, связанным с долгами, заключенными под присягой или иным образом, передается в гражданские суды.

10. Когда какое-либо архиепископство, или епископство, или аббатство, или приорат королевского основания оказывается вакантным, король пользуется его доходами; и когда возникает необходимость пополнить престол, король созывает капитул для проведения выборов в королевской часовне, которые должны получить санкцию короля, согласно совету прелатов, с которыми он, возможно, счел нужным проконсультироваться; и избранный епископ должен принести клятву верности и почитания королю как своему господину во всем своем мирском имуществе, за исключением прав своего ордена.

11 Церкви, принадлежащие королевскому гонорару, не должны предоставляться бессрочно без его согласия.

12. Ни один мирянин не может быть обвинен перед епископом, за исключением законных и уважаемых покровителей и свидетелей; и если преступник занимает такое высокое положение, что никто не осмеливается обвинять его, шериф по требованию епископа назначает двенадцать законных мужчин из окрестностей, которые в присутствии епископа выносят суждения по фактам дела в соответствии со своей совестью.

13. Архиепископы, епископы и другие духовные сановники, являющиеся непосредственными вассалами короля, должны рассматриваться как бароны королевства и обладать привилегиями и нести бремя, подобающее этому рангу, за исключением случая вынесения смертного приговора или потери конечности.

14. Что если какое-либо лицо сопротивляется приговору, законно вынесенному ему церковным судом, король должен использовать свою власть, чтобы обязать его подчиниться. Аналогичным образом, если кто-либо откажется от своей верности королю, прелаты должны помочь королю своими порицаниями в его низложении.

15. Имущество, конфискованное королем, не должно храниться в церквях или на церковных дворах.

16. Ни один деревенский житель не может быть рукоположен в клерки без согласия сеньора, в поместье которого он родился.

Убийство Томаса Бекета.

Когда однажды были приняты конституции Кларендона, король потребовал, чтобы епископы приложили к ним свои печати; все согласилось, за исключением Бекета, который долгое время сопротивлялся, но в конце концов уступил и пообещал "законно, добросовестно, без обмана или скрытности" соблюдать конституции. Король отправил их копию папе Александру, который одобрил только последние шесть статей и отменил все остальные. Сильной поддержкой папы римского, Бекет покаялся в своей покорности и возобновил конфликт. Вскоре он стал отчаянным. Король изводил Бекета всевозможными преследованиями, требуя от него отчета о своем управлении в бытность канцлером и обвиняя его в растрате; епископы встревожились и отказались от дела примаса. Бекет сопротивлялся с неукротимой отвагой; но в конце концов он

был вынужден бежать на Континент. Генрих конфисковал все его имущество и сослал всех его родственников и слуг числом до четырехсот человек. Бекет отлучил от церкви слуг короля и, удалившись во французский монастырь, заставил Генриха пошатнуться на троне. В конце концов папа со своими легатами и король Франции вмешались, чтобы положить конец этому конфликту. Генрих, который был смущен множеством других дел, уступил, и Бекет вернулся на свой престол. Но его совесть объединилась с гордостью, чтобы разжечь войну. Он осудил прелатов, которые не смогли поддержать его, и отлучил от церкви некоторых слуг короля, которые принимали активное участие в преследовании духовенства. - Как! - вскричал Генри в порыве гнева. - Неужели среди трусов, которые едят мой хлеб, нет ни одного, кто освободил бы меня от этого буйного священника? Он был тогда в Байе; четверо его приближенных немедленно отправились в Кентерберии и убили Бекета на ступенях алтаря его собора 29 декабря 1170 года. Король отправил в погоню за ними курьера, но тот прибыл слишком поздно, чтобы помешать совершению преступления. Генрих проявил крайнюю скорбь по поводу смерти Бекета; мы можем, однако, предположить, что его скорбь была притворной. Чтобы предотвратить последствия, он немедленно отправил послов в Рим, чтобы подтвердить свою невиновность, и папа удовлетворился тем, что объявил всеобщее отлучение от церкви авторов, исполнителей или подстрекателей убийства.

Завоевание Ирландии.

Другие события, войны с Шотландией и Францией, а также экспедиция в Ирландию отвлекли внимание общественности от смерти Бекета. В 1172 году Генрих возобновил переговоры с Римом и заключил договор, который в целом ратифицировал постановления Кларендонского собора. Примирившись таким образом с папой, он примирился со своими подданными, вражды которых он опасался, путем публичного покаяния на могиле Бекета, которого вся Англия почитала как мученика.

В 1172 году несколько английских авантюристов без труда и почти без сражений завоевали часть Ирландии. Генрих возглавил экспедицию в эту страну, и его власть была признана. Остаток его жизни был взбудоражен постоянными войнами в защиту своих владений на Континенте и мятежами его детей, которые стремились разделить его власть и владения перед его смертью. Он умер от горя из-за их поведения 6 июля 1189 года в Шиноне, близ Сомюра; и тело одного из величайших королей Англии и его эпохи на некоторое время оставили покинутым и раздетым на ступенях алтаря. Его старший сын, Ричард Львиный Кер, унаследовал его без труда.

Ричард Львиный кер.

В каждом веке и в каждую великую историческую эпоху мы почти неизменно становимся свидетелями появления некоторых личностей, которые кажутся образцами общего духа и доминирующих настроений своего времени. Ричард, король-авантюрист, является точным воплощением рыцарского духа феодальной системы и двенадцатого века. Сразу же после своего восшествия на престол его единственной мыслью было накопление денег для крестовых походов; он отчуждал свои владения; он публично продавал должности, почести и даже самые высокие достоинства тому, кто больше заплатит; он даже продавал разрешения не отправляться в крестовый поход; и он был готов продать Лондон, сказал он, если сможет найти

покупателя. И пока он всем жертвовал ради своей страсти к благочестивым приключениям, его народ истреблял евреев за то, что некоторые из них появились на коронации короля, несмотря на запрет.

Ричард, наконец, отправился в крестовые походы, оставив регентом на время своего отсутствия свою мать Элеонору, которая подтолкнула своих сыновей-принцев к восстанию против короля, их отца; и он связал с ней в регентстве епископов Дарема и Эли. Тирания епископа Элийского посеяла смуту по всей Англии; он посадил своего коллегу под арест и правил единолично с безграничным высокомерием, пока, наконец, принц Джон не сверг его советом баронов и прелатов. Ричард, вернувшись из крестовых походов, находился, как хорошо известно, в плену в Австрии с 20 декабря 1193 года по 4 февраля 1194 года, когда он был освобожден благодаря преданности одного из своих вассалов. Сила феодальных чувств и уз проявлялась также в стремлении его подданных заплатить за него выкуп. Ричард, вернувшись в свое королевство, провел остаток своей жизни в непрерывных войнах во Франции и умер 6 апреля 1199 года от раны, полученной при осаде замка Шалю близ Лиможа, когда пытался завладеть сокровищем, которое, как говорили, нашел граф Лиможский.

Во время правления Ричарда вольности городов и округов, начатые при Уильяме Руфусе, достигли значительного прогресса и подготовили почву для решающего продвижения национальных свобод и представительного правления в Англии — Великой Хартии короля Иоанна.

Лекция III.

Англосаксонские институты.

Влияние нормандского завоевания на англосаксонские институты.

Влияние завоевания на нормандские институты.

Причины, которые сделали нормандское завоевание благоприятным для создания системы свободных институтов в Англии.

Последствия нормандского завоевания.

После краткого изложения в предыдущей лекции основных исторических фактов, мы теперь собираемся провести обзор англо-нормандских институтов в период, на который мы только что обратили наше внимание, а именно с середины одиннадцатого века до конца двенадцатого.

Как получилось, что с этого времени свободные институты были созданы именно среди этого народа, а не в других странах? Ответ на этот вопрос можно найти в общих фактах английской истории, поскольку институты в гораздо большей степени зависят от обстоятельств, чем от текстов законов.

Государства, которые были основаны в Европе с пятого по седьмой век, были основаны ордами кочующих варваров, завоевателями деградировавшего римского населения. На стороне

победителей не существовало фиксированной формы социальной жизни; на стороне побежденных формы и институты рассыпались в прах; социальная жизнь умерла от истощения. Отсюда возникли длительные беспорядки, незнание и невозможность общей системы организации, господство силы и расчленение суверенитета.

Ничего подобного не произошло в Англии в XI веке вследствие нормандского завоевания. Варварский народ, который уже двести лет обосновывался в стране, завоевал другой варварский народ, территориально обосновавшийся шестьсот лет назад. По этой причине можно наблюдать много решающих различий между этим завоеванием и теми, которые имели место на Континенте.

Сходство двух народов.

1. Между двумя народами было гораздо больше сходства, а следовательно, и гораздо большего равенства; их происхождение было одинаковым, их манеры и язык аналогичными, их цивилизация почти идентичной, и воинственный дух был так же силен среди побежденных, как и среди победителей. Таким образом, две нации в почти сходных условиях оказались в присутствии друг друга, и побежденная нация была способна и расположена защищать свои свободы. Отсюда возникло много индивидуальных пороков, но не было общего и постоянного унижения одной расы перед другой. Поначалу угнетенная, но сохранившая свой воинственный характер, саксонская раса оказала энергичное сопротивление и постепенно поднялась со своего низшего положения.

2. Эти два народа также обладали политическими институтами исключительно аналогичного характера, тогда как в других местах, во Франции и Италии, римское население, по правде говоря, вообще не обладало никакими институтами. Коммуны и духовенство должны были поддерживать, пусть и скрыто, римское право в обществах Континента; тогда как в Англии саксонские институты никогда не подавлялись норманнскими институтами, а ассоциировались с ними и, в конце концов, даже изменили свой характер. На Континенте мы наблюдаем успешное господство варварства, феодализма и абсолютной власти, основанной либо на римских, либо на церковных идеях. В Англии абсолютная власть так и не смогла закрепиться; фактически часто практиковалось угнетение, но оно никогда не устанавливалось законом.

3. Два народа исповедовали одну и ту же религию; одному не нужно было обращать другого. На Континенте более варварские победители принимали религию побежденных, и духовенство почти полностью состояло из римлян; в Англии это были и саксы, и норманны. Отсюда вытекал важный факт. Английское духовенство, вместо того чтобы зачислять себя в свиту королей, естественным образом заняло место среди земельной аристократии и в нации. Таким образом, политический порядок в Англии почти постоянно преобладал над религиозным; и со времен нормандского завоевания политическая власть духовенства, которая всегда подвергалась сомнению, всегда находилась в упадке.

Источники английского правительства.

Это решающее обстоятельство в истории Англии — обстоятельство, которое заставило ее цивилизацию пойти по пути, совершенно отличному от того, по которому пошла цивилизация Континента. По необходимости и в ранний период произошел компромисс и слияние между победителями и побежденными, у обоих из которых были институты для общего использования; институты, более аналогичные, чем существовавшие где—либо еще, - более сильные и всесторонне развитые, потому что они принадлежали народам, которые уже были территориально обоснованы в течение значительного времени.

Таким образом, саксонские и нормандские институты являются двумя источниками английского правительства. Англичане обычно относят свои политические свободы к первому источнику; они видят, что на Континенте феодализм не произвел свободы; и они приписывают свой феодализм норманнам, а свою свободу саксам. Это различие даже стало символом современных политических партий; тори, в целом, демонстрируют пренебрежение к саксонским институтам, в то время как виги придают им величайшее значение. Такой взгляд на события не представляется мне ни точным, ни полным. Саксонские институты сами по себе не были принципом английских свобод. Их истинной причиной была насильственная ассимиляция двух народов и двух систем институтов. Есть даже место для сомнений в том, что без Завоевания саксонские институты привели бы к свободе; и мы можем полагать, что в Англии они привели бы к результатам, аналогичным тем, которые произошли на Континенте. Завоевание вдохновило их на новые добродетели и побудило к результатам, которых они не достигли бы, будь они предоставлены самим себе. Политическая свобода исходила от них, но была порождена влиянием Завоевания и вследствие положения, в которое Завоевание поставило оба народа и их законы.

Теперь я напому вам об англосаксонских институтах в том виде, в каком они существовали до Завоевания; и вы скоро увидите, что именно вынужденное сближение двух народов придало им жизненную силу и породило свободы Англии.

Англосаксонские институты.

Среди местных институтов одни основывались на общем обсуждении, а другие - на иерархическом подчинении; иными словами, одни - на принципе свободы, а другие - на принципе зависимости. С одной стороны, были суды сотен и суды графств; с другой - крупные землевладельцы и их вассалы: каждый мужчина от четырнадцати лет и старше был обязан принадлежать либо к сотне, либо к лорду, то есть быть свободным или вассалом. Таким образом, эти две враждебные системы, расположенные рядом друг с другом, конфликтовали, как на Континенте. Существуют некоторые сомнения относительно того, существовал ли феодализм в отношении земель до завоевания; в том, что он существовал в отношении людей, не может быть никаких сомнений, поскольку их иерархическая классификация была реальной и прогрессивной. На местах, хотя система свободных институтов существовала, система феодальных институтов набирала силу; сеньориальная юрисдикция вторгалась в свободную юрисдикцию; и фактически происходил почти тот же процесс, что и на Континенте.

Если мы посмотрим на центральные институты, то увидим то же самое явление. На Континенте феодализм был порожден усилением королевских вассалов и ослаблением суверенитета. Национальное единство, заключавшееся в собрании нации, распалось; монархическое

единство не смогло сопротивляться; и монархия и свобода погибли вместе. События развивались таким же образом и среди англосаксов. При Эдуарде Исповеднике упадок королевской власти очевиден. Граф Годвин, Сивард, герцог Нортумберлендский, Леофрик, герцог Мерсийский и многие другие великие вассалы являются скорее соперниками, чем подданными короля; и Гарольд, узурпировавший корону у Эдгара Ательинга, законного наследника, имеет сильное сходство с Гуго Капетом. Суверенитет имеет тенденцию к расчленению. Монархическое единство в опасности; национальное единство находится в таком же упадочном состоянии, как доказывает история Виттенагемота. Это общее собрание нации было сначала собранием воинов; затем общим собранием землевладельцев, как крупных, так и мелких; и в более поздний период собранием только крупных землевладельцев или королевских танов. Даже они в конце концов пренебрегают посещением его заседаний и изолируются в своих поместьях, в которых каждый из них осуществляет свою долю расчлененного суверенитета. Это почти идентично ходу дел на Континенте. Единственно, система свободных учреждений все еще существует в Англии с некоторой энергией в местных учреждениях, и особенно в судах графств. Феодальная система находится в менее развитом состоянии, чем на Континенте.

Нормандские институты.

Что бы произошло, если бы Завоевания не произошло? Невозможно сказать с уверенностью, но, вероятно, именно это и произошло на Континенте. Проявляются те же симптомы - упадок королевской власти и национального собрания; и формирование иерархической земельной аристократии, почти полностью независимой от центральной власти и осуществляющей почти бесспорный суверенитет в своих владениях, исключая только феодальные свободы.

Пока англосаксонские институты находились в таком состоянии, норманны завоевали Англию. Какие новые элементы они привнесли и какой эффект произвело Завоевание на саксов?

Феодальная система была полностью установлена в Нормандии; отношения герцога со своими вассалами, генеральный совет баронов, сеньориальная администрация, правосудие, высшие суды герцога - все это уже было организовано. Эта система непрактична в большом государстве, особенно когда нравы достигли лишь незначительного прогресса; она ведет к распаду государства и суверенитета, а также к федерации могущественных личностей, которые расчленяют королевскую власть. Но в таком ограниченном государстве, как Нормандия, феодальная система может существовать, не разрушая единства; и, несмотря на постоянные войны Вильгельма с некоторыми из его вассалов, в действительности он был могущественным вождем своей феодальной аристократии. Доказательство этого содержится в самом главном призе, к которому он их привел. У него было, как утверждают хроники, от сорока до шестидесяти тысяч человек, из которых двадцать пять тысяч были наемными авантюристами или людьми, присоединившимися к его штандарту в надежде заполучить добычу. Он был не предводителем варваров, а сувереном, предпринявшим вторжение во главе своих баронов.

После завоевания и установления их территориальной принадлежности узы, объединявшие нормандскую аристократию, неизбежно стали еще теснее. Расположившись лагерем среди народа, который относился к ним враждебно и был способен на энергичное сопротивление, завоеватели почувствовали потребность в единстве; поэтому они объединились и укрепили

центральную власть. На Континенте после нашествия варваров мы почти не слышим о восстаниях коренных жителей: войны и конфликты происходят между самими завоевателями; но в Англии они происходят между завоевателями и покоренным народом. Время от времени мы действительно сталкиваемся с восстаниями нормандских баронов против короля; но эти две державы обычно действовали согласованно, ибо их интересами были узы союза. Более того, Вильгельм обнаружил, что королевские владения большой протяженности уже существуют, и они значительно увеличились за счет конфискаций земель англосаксонских повстанцев. Хотя разграбление не было повсеместным, оно проводилось с беспрецедентной быстротой и регулярностью. Вскоре у Вильгельма было 600 прямых вассалов, почти все из которых были норманнами, а его земельная собственность была разделена на 60 215 рыцарских орден, большая часть которых часто принадлежала одному и тому же хозяину; например, только Роберт де Мортень владел 973 поместьями, граф Уорренн - 278, а Роджер Биго - 123; но все они были разбросаны по разным графствам, поскольку, хотя благоразумный Вильгельм желал сделать своих вассалов богатыми, он не желал делать их слишком могущественными.

Сплоченность нормандской аристократии.

Еще одним доказательством сплоченности нормандской аристократии является "Книга судного дня"; статистический отчет о королевских феодах и реестр вотчин и прямых вассалов короля, который был начат в 1081 году и завершен в 1086 году: он был составлен королевскими уполномоченными. Король Альфред также руководил составлением аналогичного реестра, но он был утерян. Ничего подобного никогда не делалось ни в одной другой стране.

Та же самая причина, которая сделала нормандский феодализм в Англии более компактным и регулярным, чем на Континенте, оказала соответствующее воздействие на саксов. Угнетаемые могущественным и полностью сплоченным врагом, они выстроились в сомкнутые ряды, образовали национальное тело и решительно придерживались своих древних законов. И, во-первых, установление власти Вильгельма, по-видимому, не было полностью делом силы; были даже некоторые формы выборов; после битвы при Гастингсе корона была предложена ему саксами, и на своей коронации в Вестминстере он поклялся управлять саксами и норманнами по равным законам. После этого периода мы постоянно обнаруживаем, что саксы утверждают, что ими правят по законам Эдуарда Исповедника, то есть по саксонским законам, и они получили это право от всех нормандских королей подряд. Таким образом, эти законы стали их точкой опоры, их примитивным и постоянным кодексом. Суды графств, которые продолжали существовать, также служили поддержанию саксонских свобод. Феодальная юрисдикция мало продвинулась среди саксов; она получила распространение с приходом норманнов; но у нее не было времени пустить глубокие корни, поскольку она оказалась ограниченной, с одной стороны, судами графств, а с другой - королевской юрисдикцией. На Континенте королевская власть отвоевала судебную власть у феодализма; в Англии королевская власть была наложена на суды графств. Отсюда возникает огромная разница между двумя судебными системами.

Наконец, саксы все еще владели земельной собственностью, которую они защищали или на которую претендовали, полагаясь на титулы, существовавшие до Завоевания, и действительность этих титулов была признана.

Результаты нормандского завоевания.

Подводя итог всему сказанному, можно сказать, что нормандское завоевание не разрушило правоту саксов ни в политическом, ни в гражданском порядке. Она противостояла в обеих нациях той тенденции к изоляции, к распаду общества и власти, которая была общим ходом вещей в Европе. Это связало норманнов друг с другом и объединило саксов между собой; это предоставило им взаимные полномочия и права друг перед другом и, таким образом, в известной мере осуществило слияние двух наций и двух систем учреждений под влиянием сильной центральной власти. Саксы сохранили свои нравы так же, как и свои законы; их интересы долгое время были интересами свободы, и они умели их защищать. Это положение в гораздо большей степени, чем внутренний характер саксонских институтов, привело к преобладанию системы свободного правления в Англии.

Лекция IV.

Английский парламент на заре англо-нормандской монархии.

Великому совету короля давались разные названия.

Его характеристики.

Его конституция.

Мнения вигов и тори по этому вопросу.

Силы, которые правят обществом.

Вы уже видели, каково было влияние нормандского завоевания на политические судьбы Англии и в какое положение оно поставило два народа. Они не объединились и не уничтожили друг друга. Они жили в состоянии национального и политического конфликта, когда один народ был наделен большой государственной властью, в то время как другой был далек от того, чтобы быть лишенным средств сопротивления. Теперь мы должны выяснить, что это были за институты, на которых была основана эта борьба. Мы не будем касаться всех институтов, которые тогда существовали в обществе: сейчас мы ищем источники представительного правления, и поэтому в настоящее время нас интересуют только те, в которых существовали зачатки представительной системы.

Разделение властей в Англии.

Чтобы с некоторой точностью определить объект нашего исследования, необходимо будет сформировать некоторое представление о различных функциях власти, которая применяется к управлению обществом. На первом месте представлена законодательная власть, которая налагает правила и обязательства на всю массу общества и на саму исполнительную власть. Затем появляется исполнительная власть, которая осуществляет ежедневный надзор за общими делами общества — войной, миром, воспитанием людей и налогами. Затем судебная власть, которая регулирует вопросы, представляющие частный интерес, в соответствии с ранее установленными законами. Наконец, административная власть, на которую под ее собственную

ответственность возложена обязанность регулировать вопросы, которые не могут быть предвидены и предусмотрены никакими общими законами.

В течение трех столетий эти полномочия имели тенденцию к централизации во Франции; настолько, что, если мы хотим изучить управление страной, мы должны обратить внимание на них все, поскольку все они были объединены и ограничены одними и теми же лицами. Ришелье, Людовик XIV, Революция, Наполеон, хотя и занимали разные должности, похоже, унаследовали одни и те же проекты и двигались в одном направлении. В Англии такого не было. Административная власть там, например, до настоящего времени разделена; она принадлежит либо тем, кто сам заинтересован в ее перемещении, либо местным магистратам, независимым от центральной власти штата и не образующим между собой корпорации. Сама судебная власть разделена. В какой-то степени так было, по другой и более веской причине, в ранние периоды общественной жизни Англии, как и во всех обществах, достигших лишь небольшого прогресса. Различные полномочия тогда не только распределяются, но и смешиваются. Законодательная власть не более центральная, чем другие: ее функции постоянно узурпируются местными властями. Судебная власть почти полностью местная. Централизация начинается с собственно так называемой исполнительной власти, и она долгое время остается единственной, в которой обнаруживается какая-либо централизующая тенденция. Доказательством этого служит феодальная система, когда почти все полномочия — те, что связаны с правосудием, ополчением, налогами и т. д. — были местными, хотя феодальная иерархия возглавлялась королем и собранием наиболее важных владельцев феодальных владений.

При таком распределении и смешении полномочий в рассматриваемый нами период институты, которые нам особенно необходимо изучить, чтобы найти истоки представительного правления, — это те, которые были центральными, то есть парламент и король. На Континенте централизация возникла в результате установления абсолютной власти, которая распала и поглотила все местные органы власти. С другой стороны, в Англии местные власти сохранились после тысячи превратностей судьбы, в то время как они все больше регулировали и определяли свои собственные действия. Центральное правительство постепенно исходило от них — оно постепенно формировалось и расширялось. Мы проследим это формирование шаг за шагом и будем изучать местные институты только в той мере, в какой они связаны с этим единственным фактом; и мы увидим, что это обстоятельство было главной причиной установления свободного правительства в Англии.

Англо-нормандский парламент.

Легко предположить, что при таком состоянии общества долгое время не существовало никакого другого центрального института, собственно так называемого, кроме королевской власти. Существуют определенные принципы, определенные привычки центральных политических действий, но нет постоянного правила: факты разнообразны и противоречивы. Люди, обладающие значительным влиянием, почти суверены в своих владениях, гораздо меньше желают какого-либо участия в центральной власти; они скорее пытаются защититься от нее всякий раз, когда она ущемляет их интересы, чем вообще пытаются заранее контролировать ее и действовать в соответствии с ней общим образом. Как во Франции в конце

династии Карловингов с трудом можно было встретить короля, так и в Англии при первых нормандских королях с трудом можно было найти парламент. То, что существовало, имея какое-либо сходство с одним из них, лишь немногим отличается от саксонского виттенагемота в том виде, в каком он был непосредственно перед завоеванием, или от Совета баронов в Нормандии. В трудах историков и в хартиях мы находим следующие названия: *Курия де мор*, *Курия регис*, *Консилиум*, *Великий консилиум*, *Консилиум коммуны*, *Concilium regni*. Но их следует рассматривать лишь как расплывчатые выражения, обозначающие собрания, не дающие никакого ключа к определению их состава и их власти. Хейл видит в них "парламент столь же полноценный и реальный, какой когда-либо был в Англии". Карт и Брейди видят в них только трибуналы, тайные советы, зависящие от короля, или помпезные собрания для празднования определенных торжеств. Для нас будет лучше изучить каждое из этих слов и поискать реальные факты, соответствующие им в тот период, на который направлено наше внимание.

Согласно тори в целом, слова *Curia de more*, или *Concilium*, *Curia regis*, *Magnum* или *Commune Concilium*, обозначают разные собрания. *Консилиум* - это тайный совет, состоящий из людей, избранных королем для службы ему в правительстве. Этот *консилиум* был в то же время *Curia regis*, трибуналом для рассмотрения дел, поступающих на рассмотрение короля, под председательством него или, в его отсутствие, верховного судьи. Его называли также *Curia de more*, потому что его собрания проводились, согласно древнему обычаю, три раза в течение года, на Пасху, Троицу и Рождество, и даже регулярно переносились с одного периода на другой, как это делается по сей день судами в Вестминстере.

По мнению вигов, все эти слова первоначально обозначали и сохранялись до правления Генриха II. (1154-1189) для обозначения общего собрания дворян королевства, которые обязательно собирались перед королем, чтобы рассматривать дела, принимать законы и давать свое согласие правительству.

Первое из этих мнений накладывает слишком большие ограничения на значение слов; второе слишком обобщает отдельные факты и придает им значение, которое им не принадлежит.

Курия Де Мор.

Курия де мор, *Curia regis*, первоначально не означала ни просто тайный совет короля, ни его трибунал; очевидно, это было грандиозное собрание, на котором присутствовали все дворяне королевства либо для рассмотрения государственных дел, либо для оказания помощи королю в отправлении правосудия. "Король, — говорится в "Саксонской хронике", — имел обыкновение надевать свою корону три раза в год — на Пасху в Винчестере; на Троицу в Вестминстере; на Рождество в Глостере; и тогда с ним присутствовали все великие люди всей Англии, архиепископы и епископы, аббаты и графы, таны и рыцари". - "Королевский эдикт, - говорит Уильям Малмсберийский, - призывал в *Курию де мор* всех дворян всех рангов, чтобы присланные из других стран могли быть поражены". при великолепии общества и пышности празднеств". - "При Уильяме Руфусе, - говорит Эдмер, - вся знать королевства, согласно обычаю, собиралась при королевском дворе в день рождества нашего Спасителя". Ансельм, архиепископ Кентерберийский, представившись *ad Curiam pro more*, "был с радостью принят королем и всей знатью королевства". В 1109 году на Рождество "английское королевство собралось в Лондоне, при дворе короля, согласно обычаю".

Региональная курия.

Curia regis обычно обозначает место жительства короля и, расширяя значение, собрание, проводившееся в этом месте; это собрание было общим, а не просто собранием постоянных судей. Вильгельм I, вызвав герцогов Норфолка и Херефорда для участия и вынесения приговора в *Curia regis*, "созвал, - говорит Ордерик Виталис, - всю знать к своему двору". Несколько судебных собраний, проведенных при Уильяме Руфусе, называются *ferme totius regni nobilitas*, *totius regni adunatio*. Факты и выражения того же рода можно найти в документах времен Стефана. Даже при Генрихе II, когда Суд королевской скамьи уже превратился в отдельный трибунал, выражение *Curia regis* применяется к общему собранию, собираемому для ведения государственных дел. Генрих созвал свою курию в Бермондси, *cum principibus suis de statu regni et pace reformandâ tractans*. Вторая из конституций Кларендона предписывает всем непосредственным вассалам короны *проявлять интерес к судебной власти в регионе*. Великий совет Нортгемптона, который вынес решение по жалобам короны на Бекета, называется *Curia regis*; в него входили не только епископы, графы и бароны, но, помимо них, шерифы и бароны *secundae dignitatis*. Наконец, при Ричарде I. общее собрание знати королевства по-прежнему называется *Curia regis* в судебном процессе над архиепископом Йоркским: "По этому случаю присутствовали граф Мортон и почти все епископы, графы и бароны королевства".

Небольшое рассмотрение покажет нам, какие выводы следует сделать из всех этих фактов. В этот период законодательная и судебная власти не были разделены; обе они принадлежали собранию знати, как ранее принадлежали саксонскому виттенагемоту. Когда требовалось обсудить какой-либо важный предмет или личность, именно ассамблея выносила решение, поскольку она вмешивалась во все важные события в правительстве. Таким образом, все эти различные выражения первоначально обозначали одно и то же собрание, состоящее из знати королевства, призванной внести свой вклад в управление страной.

Как они вмешивались? Какая власть, какие функции принадлежали им? — вот вопросы, которые в то время были бесполезны, ибо ни у кого тогда не было определенных функций, но все решалось в соответствии с фактом и необходимостью. Факты таковы: "По древнему обычаю, английская знать должна была во время Рождества собираться при королевском дворе либо для празднования праздника, либо для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение королю, либо для обсуждения дел королевства". Мы обнаруживаем, что эти собрания были заняты законодательными вопросами, церковными делами, вопросами мира и войны, чрезвычайными налогами, наследованием короны, домашними делами короля, его женитьбой, бракосочетаниями его детей, разногласиями в королевской семье, одним словом, всеми вопросами, касающимися жизни. государственные дела, говорит Флоренс Вустерская, возникали всякий раз, когда король не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы решать их без помощи генеральной ассамблеи, или когда способ, которым он их решал, вызывал жалобы в достаточном количестве, чтобы предостеречь его от необходимости прислушиваться к советам других.

Срок полномочий Этих Собраний.

Что касается проведения этих собраний, то они не были регулярными: виги придавали слишком большое значение трем периодам, упомянутым как времена их ежегодного созыва: эти собрания носили скорее характер торжественных мероприятий или фестивалей, чем публичных собраний. Король в то время считал очень важным выставить себя напоказ в окружении многочисленных и богатых вассалов, *вид multitudinis*; таким образом демонстрировались его сила и достоинство, точно так же, как демонстрировались достоинства каждого барона в его собственных владениях. Кроме того, при Генрихе II и Стефане эти три эпохи перестали соблюдаться регулярно. Тори, с другой стороны, не рассматривая собрания, называемые *Curiae de more* и *Curiae regis*, как политические собрания, представили их как крайне редкие, которыми они не были; нет ни одного правления, от Завоевания до времен короля Иоанна, в котором не было бы нескольких подобных случаев; только в этом отношении не было ничего установленного.

Создание Этих Собраний.

Остается открытым вопрос о составе этих собраний. Историки и хартии не говорят ничего определенного по этому поводу: они называют своих членов *магнатами*, *proceres*, *barones*, иногда *milites*, *servientes*, *liberi homines*. Есть все основания предполагать, что здесь был применен феодальный принцип и что по праву все непосредственные вассалы короля были обязаны служить ему как при дворе, так и на войне. С другой стороны, число вассалов, прикрепленных к короне при Вильгельме I. превысило 600; и нет никаких оснований полагать, что все они явились бы на ассамблею, равно как и нет никаких фактов, указывающих на то, что они это сделали. По большей части это уже стало скорее обременительной услугой, чем правом; соответственно, они представлялись лишь в небольшом количестве.

Наиболее часто употребляемое слово - *бароны*: первоначально оно, по-видимому, применялось ко всем прямым вассалам короны, *per servitium militare*, по рыцарской службе; мы обнаруживаем, что использование этого слова ограничивалось все больше и больше, пока его не стали применять почти исключительно к тем вассалам короны, которые были достаточно богатыми и крупными собственниками, чтобы иметь суд, учрежденный в резиденции их баронства. Даже трудно признать, что этому последнему принципу в целом следовали. Название *баронов* в конечном итоге стало применяться только к тем непосредственным вассалам, которые были настолько могущественны, что король считал себя обязанным созвать их. Не существовало примитивного и постоянного правила, отличающего баронов от других вассалов; но постепенно сформировался класс вассалов, которые были более богаты, более важны, более привычно занимались государственными делами вместе с королем и которые в конце концов присвоили себе исключительно титул баронов.

Епископы и аббаты также входили в состав этих собраний как главы духовенства, так и непосредственные вассалы короля или баронов.

Не обнаружено никаких следов избрания или представительства ни со стороны королевских вассалов, которые не присутствовали на собрании, ни со стороны городов. Эти последние в целом очень сильно пострадали от нормандского завоевания. В Йорке количество домов

сократилось с 1607 до 967; в Оксфорде с 721 до 243; в Дерби с 243 до 140; в Честере с 487 до 282.

Итак, таковы существенные факты, которые мы можем собрать относительно устройства и власти королевского двора, или общего собрания знати нации. Мы видим, как мало влияния должно было оказывать собрание столь нерегулярного характера; и мы увидим это еще более наглядно, когда сравним это с правами, доходами и всеми полномочиями, которыми в то время обладала королевская семья.

Лекция V.

Англо-нормандская королевская семья: ее богатство и могущество.

Сравнение относительных сил короны и феодальной аристократии.

Прогресс королевской власти.

Дух объединения и сопротивления среди крупных баронов.

Начало борьбы между этими двумя политическими силами.

Богатство короля.

Чтобы точно судить о силе и значении королевской власти в рассматриваемый нами период, мы должны сначала установить ее действительное положение и ресурсы; и по размерам этих ресурсов и преимуществ этого положения мы увидим, насколько слабым в своем воздействии на королевскую власть должно было быть влияние собрания баронов.

Богатство нормандского короля не зависело от его подданных; он владел огромным количеством владений, 1462 поместьями и главными городами королевства. Эти владения постоянно пополнялись либо за счет конфискаций, причины для которых были частыми, либо из-за отсутствия законных наследников. Король предоставлял земли в бесплатное владение тем земледельцам, которые платили за них определенную арендную плату (*бесплатное владение socage*). Таково было происхождение большинства фригольдеров, будь то во владениях короля или его баронов. Король в своих владениях устанавливал налоги по своему усмотрению; он также произвольно устанавливал таможенные правила ввоза и вывоза товаров; и он устанавливал размеры штрафов и выкупных денег за преступления. Он продавал государственные должности, в том числе должность шерифа, которая была прибыльной из-за доли в штрафах, которая ему принадлежала. Графство иногда платило за право назначить своего шерифа или за то, чтобы избежать уже выдвинутого кандидата. Наконец, продажа королевской защиты и правосудия была источником значительного дохода.

Обязанности королевских вассалов.

Что касается непосредственных вассалов короля, то они были в долгу перед ним,

Во-первых, сорокадневная военная служба, когда это требовалось;

во-вторых, денежная помощь при трех обстоятельствах: для выкупа короля, попавшего в плен, для посвящения его старшего сына в рыцари или для женитьбы на его старшей дочери. Размер этой помощи не был определен вплоть до правления Эдуарда I. Тогда он был установлен в размере двадцати шиллингов за поместье рыцаря и столько же за каждые двадцать фунтов стерлингов стоимости земли, находящейся во владении socage.

В-третьих, король имел право получать от своих вассалов пособие или штраф в случае смерти владельца феода; он был опекуном, если наследник был несовершеннолетним, и пользовался всеми доходами феода до совершеннолетия наследника; он также контролировал их браки, то есть вассал короля не мог жениться без его согласия. Все эти права были неопределенными, и их заменили переговорами, в которых превосходящая сила всегда имела преимущество.

В-четвертых, освобождение от феодальной военной службы привело к самозванству, называемому *escuage*, своего рода выкупной суммой, произвольно устанавливаемой королем в качестве представителя службы, на которую он имел право; и он даже навязывал ее во многих случаях своим вассалам, когда они предпочли бы служить лично. Генрих II по своему чисто произвольному желанию за время своего правления наложил пять *арестов*.

В дополнение к этим налогам, взимаемым королем, следует упомянуть еще один, называемый *данегельдом*, или налогом, выплачиваемым для защиты от датчан; этот налог повышался несколько раз за этот период на всех землях королевства. Последний пример этого можно найти на двадцатом году правления Генриха II.

С помощью этих независимых доходов и произвольных налогов нормандские короли постоянно содержали наемные войска, которые могли позволить им осуществлять свою власть без ограничений, чего на Континенте не было до значительно более позднего периода.

Наконец, от Вильгельма Завоевателя до Генриха II. судебная власть всегда имела тенденцию концентрироваться в руках короля. В это последнее царствование работа была почти завершена: как это произошло, я постараюсь показать.

Первоначально сосуществовавшие юрисдикции были следующими:

1. Суды сотен и окружные суды или собрания свободных владельцев этих территориальных подразделений под председательством шерифа:

2. Суды баронов, или феодальные юрисдикции:

3. Большой королевский суд, где король и собравшиеся бароны вершили правосудие над баронами в делах между ними самими или в апелляционных делах, которые могли иметь место только в том случае, если в правосудии было отказано в суде поместья или графства.

Казначейский суд.

Суд казначейства, учрежденный Вильгельмом Завоевателем, поначалу был лишь простым судом для получения отчетов об управлении доходами короля, а также отчетов шерифов, судебных приставов и т. Д., И для рассмотрения исков, возникавших по этому вопросу. Он состоял из баронов, избранных королем для формирования его совета и помощи ему в управлении страной. По мере того, как более крупное собрание, *Curia regis*, стало проводиться реже, значение Казначейского суда возрастало. Бароны, составлявшие его, начали судить под свою ответственность и единолично, в отсутствие собрания и до его созыва; это изменение было введено по необходимости, подтверждено обычаем и, наконец, санкционировано и установлено законом. Примерно в 1164 году из него возник другой королевский суд, отличный от Суда казначейства, членами которого, однако, были те же, что и в составе Суда казначейства. Короли оказали содействие этому изменению, потому что оно пошло на пользу их доходам. В этот период были учреждены *судебные приказы*, которые давали покупателям право сразу обращаться в королевское правосудие, не проходя предварительно нижестоящие суды. Вскоре невежество фригольдеров, составлявших суды графств, потребовало такого же расширения королевского правосудия и там, и в правление Генриха I. *странствующие судьи* были направлены в графства, чтобы вершить там дела таким же образом, как это делал Казначейский суд. Этот институт был в полной силе только во время правления Генриха II.

Таким образом, было установлено преобладающее влияние короля на судебный порядок; это был мощный инструмент для обеспечения централизации и единства, и все же, поскольку королевские судьи предоставляли свои услуги только в дополнение к институту присяжных, а не заменяли их, поскольку вопросы факта и вопросы права оставались различными, — зародыш свободных институтов, существовавший в судебном порядке, не был полностью уничтожен.

Функции Национального Собрания.

Король, облеченный такими мощными ресурсами, с трудом мог быть сдержан нерегулярным собранием; соответственно, правление нормандских королей почти всегда было произвольным и деспотическим. Люди и собственность никогда не были в безопасности; законы, налоги и судебные приговоры почти всегда были просто выражением королевской воли.

Когда мы рассматриваем эти факты в совокупности, мы можем прийти к двум совершенно противоположным результатам, в зависимости от точки зрения, с которой мы их рассматриваем: с одной стороны, мы видим, что генеральная ассамблея нации довольно часто вмешивается в государственные дела не в силу какого-либо конкретного официального характера, которым она обладала, и не с целью осуществления какого-либо особого права, такого как право издавать общие законы или голосовать, но в случаях, сильно отличающихся друг от друга, и с целью молчаливого согласия на весь ход правления. Законы, внешние отношения, мир, война, церковные дела, рассмотрение важных дел, управление королевскими владениями, выдвижение кандидатов на важные государственные должности, даже внутренняя экономика и деятельность королевской семьи - все это, по-видимому, относится к компетенции этого национального собрания. Никакая материя ему не чужда, никакая функция ему не запрещена, ни в каком расследовании или действии ему не отказано. Все различия между провинциями, все демаркационные линии между прерогативами короны и собрания, по-

видимому, неизвестны; мы могли бы сказать, что все правительство принадлежало собранию и что оно непосредственно осуществляло ту деятельность, тот общий надзор, которые косвенно принадлежат зрелой и совершенной представительной системе, в силу своего влияния на выбор тех, кто должен быть хранителями власти, и посредством принципа ответственности.

С другой стороны, если мы забудем о собрании и рассмотрим королевскую власть изолированно, мы увидим, что она осуществляет себя во множестве случаев столь же абсолютным и произвольным образом, как если бы не существовало собрания, которое могло бы участвовать в управлении. Король под свою личную ответственность издавал законы, взимал налоги, лишал собственности собственников, осуждал и изгонял важных персон и, одним словом, пользовался всеми правами неограниченного суверенитета. Этот суверенитет кажется полным, иногда в руках собрания, иногда в руках короля; когда собрание продолжает вмешиваться во все детали управления, мы не находим никаких жалоб от короля, как если бы было совершено посягательство на его прерогативы; и когда, с другой стороны, король правит деспотически, мы не обнаруживаем, чтобы собрание активизировалось в знак протеста против расширения королевской власти, как удара, направленного против их прав.

Сосуществование противоположных сил.

Таким образом, мы сталкиваемся с двумя классами фактов, одновременно существующих в этом зачаточном состоянии общества, — фактами, которые, по-видимому, принадлежат к полностью развитой системе свободных институтов, и фактами, которые характерны для абсолютной власти. С одной стороны, цель свободных правительств, состоящая в том, чтобы нация вмешивалась, прямо или косвенно, во все общественные дела, по-видимому, достигнута; с другой стороны, независимое и произвольное господство королевской власти, по-видимому, признано.

Это результат, который неизбежно должен возникнуть в беспорядке на зарождающейся и беспокойной стадии цивилизации. Таким образом, общество становится жертвой хаоса; —все права и все полномочия сообщества сосуществуют, но они смешаны, нерегулируемы, без ограничений и без каких-либо юридических гарантий; -свободные люди еще не отказались ни от одной из своих свобод, а сила еще не отказалась ни от одной из своих притязаний. Если бы кто-нибудь сказал баронам Вильгельма или Генриха I., что они не имеют никакого отношения к государственным делам, кроме как подчиняться, когда король требует самозванца, они были бы возмущены. Все государственные дела принадлежали им, потому что они были заинтересованы в них; и когда их призывали к обсуждению вопроса о мире или войне, они верили, что осуществляют принадлежащее им право, а не завоевывают королевскую власть. Ни один свободный человек, который был бы достаточно силен, чтобы защитить свою свободу, не признавал за другим человеком никакого права распоряжаться им без его согласия и считал очень простым делом давать ему советы по интересующим его вопросам. Король, в свою очередь, соизмеряя свое право с его силой, не признавал ни за каким человеком, а следовательно, и за каким-либо собранием законного права препятствовать ему делать то, что он был в состоянии сделать. Тогда, собственно говоря, вообще не существовало никаких общественных прав или полномочий; они были почти полностью индивидуальными и зависели от обстоятельств; их можно найти, но в состоянии изоляции, не создающими своей собственной природы и, более того, самого своего существования.

Происхождение королевской прерогативы.

При таком беспорядочном положении вещей умелое и энергичное правительство Вильгельма I, Генриха I и Генриха II привело к тому, что королевская власть постепенно приобрела гораздо более общий и последовательный характер. Соответственно, национальные собрания постепенно становились все более редкими и менее влиятельными; при Стефане они почти полностью исчезли. У баронов больше не было общего места встречи, и они были больше заняты управлением своими собственными владениями, чем какой-либо ассоциацией с королевской властью с целью контроля или ограничения ее. Каждый посвящал себя более исключительно своим собственным делам, и король, следуя этому примеру, сделал себя почти единственным хозяином дел в государстве. Он воспользовался потребностью в порядке и регулярности, которая давала о себе знать каждый день, чтобы в какой-то мере стать их распределителем. Благодаря этим средствам он вскоре стал первым по названию, а также самым могущественным на самом деле. Благодаря ему дороги стали более безопасными; он защищал слабых и подавлял грабителей. Поддержание общественного порядка перешло к королевской власти и стало средством ее расширения и укрепления все больше и больше. Все, чем король владел путем завоевания, он отстаивал как свое по праву. Так была сформирована королевская прерогатива.

Бароны и король.

Но в то же время сложились разные обстоятельства, которые вывели баронов из их изоляции, объединили их между собой и превратили в аристократию. Англо-нормандский трон последовательно занимали три узурпатора: Вильгельм II, Генрих I и Стефан. Облеченные властью, чей титул был сомнителен, они почувствовали необходимость заставить баронов признать их притязания; поэтому были приняты первые хартии. Ни один из баронов сам по себе не был достаточно силен, чтобы сдерживать угрожающее расширение королевской власти, но у них вошло в привычку создавать коалиции; и поскольку каждый из баронов, вступавших в такие коалиции, чувствовал необходимость привязать к себе своих вассалов, им также были сделаны уступки. Отсутствие крупных феодальных владений в Англии служило делу как власти, так и свободы; оно позволяло власти с большей легкостью объединяться в единство и обязывало свободу искать гарантий в духе ассоциации. То, что в конечном итоге самым решительным образом способствовало формированию и консолидации этой аристократической коалиции, было неправильным и узурпаторским поведением Джона во время длительного отсутствия Ричарда Львиного Кер-де-Лиона, а также беспорядками и гражданскими войнами, которые, естественно, были результатом этого отсутствия. В разгар этих беспорядков правительство перешло в руки совета баронов, то есть части аристократии. Те, кто не имел никакой доли в центральной власти, не переставали контролировать ее и считать принадлежащей им по праву; таким образом, у одной партии выработалась привычка управлять, у другой - сопротивляться правительству, которое находилось в руках равных им, а не самого короля. Джон своей трусостью и необдуманной фамильярностью вызвал неуважение к трону еще до того, как сам взошел на него, и его баронам гораздо легче было воспринять идею сопротивления как королю, тому, кого они презирали как принца.

Таким образом, в течение ста тридцати лет два элемента в государстве, которые поначалу были смешаны и действовали почти сообща, были разделены и сформированы в отдельные

державы— королевская власть, с одной стороны, и общество баронов, с другой. Затем началась борьба между этими двумя силами, и мы увидим, что королевская власть постоянно занята защитой своих привилегий, а аристократия неустанно занята попытками добиться новых уступок. История английских хартий, начиная с правления Вильгельма I. до правления Эдуарда I., который предоставил им всеобщее подтверждение, является историей этой борьбы, которой Англия обязана самым ранним появлением зачатков свободного правления, то есть общественных прав и политических гарантий.

Лекция VI.

История английских хартий.

Хартия Вильгельма Завоевателя (1071).

Хартия Генриха I. (1101).

Хартии Стефана (1135-1136).

Хартия Генриха II. (1154).

Продвижение к свободному правительству.

Свободы — ничто, пока они не стали правами, позитивными правами, официально признанными и освященными. Права, даже когда они признаны, - ничто, пока они не закреплены гарантиями. И, наконец, гарантии ничего не значат до тех пор, пока они не поддерживаются независимыми от них силами в пределах их прав. Преобразовать свободы в права, окружить права гарантиями, доверить сохранение этих гарантий силам, способным их поддерживать, — таковы последовательные шаги в продвижении к свободному правительству.

Этот прогресс был в точности реализован в Англии в ходе борьбы, историю которой мы собираемся проследить. Свободы сначала превратились в права; когда права были почти признаны, для них были запрошены гарантии; и, наконец, эти гарантии были переданы в руки регулярных властей. Таким образом, была сформирована представительная система правления.

Мы можем датировать правление короля Иоанна периодом, когда усилия английской аристократии добиться признания и установления своих прав стали заметными; тогда они требовали и вымогали хартии. Во время правления Эдуарда I. хартии были полностью признаны и подтверждены; они стали реальными общественными правами. И именно в ту же эпоху началось окончательное формирование парламента, то есть началась организация политических гарантий, а вместе с этим и создание регулярной власти, которой они доверены.

Я показал, как формировались, цементировались и противопоставлялись две великие общественные силы — королевская власть и совет баронов. Теперь мы должны последовать за этими силами в борьбе, в которой они задействовали свою энергию, чтобы добиться признания и регулирования своих взаимных прав; и для этого мы должны проследить историю английских хартий. Затем я спрошу, как были организованы гарантии, то есть как был сформирован парламент.

Хартия Вильгельма Завоевателя.

Когда Вильгельм Завоеватель прибыл в Англию, его положение по отношению к нормандским баронам и рыцарям уже регулировалось на континенте феодальным законодательством; их соответствующие права были закреплены и признаны. После завоевания страх перед англосаксами настолько сплотил короля и норманнов, что ни один из них не особо заботился о том, чтобы добиться уступок от другого. Совсем иными, однако, были отношения между Вильгельмом и его английскими подданными. Он должен был урегулировать эти отношения — необходимо было создать законодательство и признать или оспорить права. Англичане прилагали самые энергичные усилия для сохранения своих саксонских законов, и, по-видимому, на четвертый год правления Вильгельма (1071 год) им удалось добиться гарантий того, что эти законы должны соблюдаться. Есть основания полагать, что в этом случае он даровал хартию под названием "*Charta regis de quibusdam statutis per totam Angliam firmiter observandis*". Некоторые утверждали, что эта хартия была дарована почти до конца правления Вильгельма, но я не вижу причин относить к ней какой-либо другой период, кроме того, который я упомянул.

Эта хартия, подлинность которой [Сноска 19] иногда ставилась под сомнение, я думаю, без достаточных оснований, представляет собой своего рода расплывчатую декларацию, содержащую общие принципы феодального политического права.

[Сноска 19: Оригинал утерян, но его копия занесена в Красную книгу Казначейства, что дает веские основания полагать, что он подлинный. Кроме того, хартия Генриха I. содержит явный намек на это.]

Уильям в нем признает права, которые он часто позволял себе нарушать, поскольку его власть облегчала нарушение его обещаний. Нормандские бароны не объединились ни в какую организацию, разве что, возможно, против англичан; все они были слишком заняты работой по обустройству своих новых владений. Если они иногда поднимались, чтобы выступить против тирании Вильгельма, их восстания были лишь частичными, и король ловко использовал англичан, чтобы подавить их. Его сын Уильям Руфус, придерживаясь той же политики, добился такого же успеха. Но Генриху I пришлось заплатить за свою узурпацию; хартия, которую он даровал, была неизбежным следствием его владения тронном.

Хартии Генриха I.

Эта хартия Генриха содержит торжественное обещание уважать все древние права. В нем король обещает больше не следовать *всем злым обычаям*, которыми английское королевство было притеснено при короле, его брате, то есть не присваивать доходы вакантных аббатств и епископств, а также снова не продавать или обрабатывать церковные бенефиции и разрешить наследникам его вассалов наследовать их имущество при уплате справедливого и законного штрафа. Он гарантирует своим баронам их право выдавать своих дочерей или сестер замуж за кого угодно, при условии, что это не будет кто-либо из врагов короля; он предоставляет вдовам, оставшимся без детей, владение их приданым и общим имуществом, а также свободу вступать в повторный брак по их свободному выбору; и он отказывается от права опеки, передавая его либо жене, либо какому-либо родственнику. Он предоставляет всем своим вассалам право распоряжаться своей собственностью либо по дарению, либо по завещанию, отказывается от

права произвольно взимать налоги с ферм своих вассалов, отказывается от лесов, которые узурпировал Уильям Руфус, и отменил феодальную помощь, даже в трех случаях, которые мы уже указали. Наконец, он лишает города и графства права чеканки монет, прощает все проступки и преступления, совершенные до его правления, и рекомендует своим вассалам позволить своим вассалам пользоваться всеми преимуществами, которые он им предоставляет.

Эти уступки были просто признанием прав, без гарантий. Генрих, соответственно, несмотря на свои клятвы, нарушил эти великолепные обещания; и злоупотребления, которые они должны были устранить, ни в какой степени не уменьшились на протяжении всего его правления.

Еще одна хартия была дарована Генрихом I. лондонскому сити, согласно которой ему, среди прочего, разрешалось избирать своего собственного шерифа и главного магистрата, проводить свои обычные собрания, не платить *ниданегельду*, ни любому другому *шотландцу*, ни поборы за работы вдоль рек, и не предоставлять жилье свите короля.

Наконец, мы находим новые обещания и новые уступки, сделанные Генрихом I. в 1101 году, когда его брат Роберт заявил о своих правах. Желая убедиться в верности своих баронов, Генрих собрал их в Лондоне и обратился к ним с речью, в которой, дав отвратительное представление о личности Роберта, добавил: "Что касается меня, я действительно мягкий король, скромный и миролюбивый; я сохраню для вас и усердно буду охранять ваши древние свободы, которые я ранее поклялся поддерживать; я буду терпеливо прислушиваться к вашим мудрым советам и буду управлять вами справедливо по примеру лучших принцев. Если вы пожелаете, я подтверждаю это обещание письменной хартией и заново поклянусь нерушимо соблюдать все законы святого короля Эдуарда" и т. д.

Эти обещания, данные в минуту опасности, всегда забывались, как только опасность исчезала. В течение всего своего правления Генрих постоянно нарушал хартию, которой он связал себя клятвой, как в вопросах, касающихся феодальной зависимости, так и при взимании податей. Согласно историкам, он ежегодно взимал налог в размере двенадцати пенсов с каждого клочка земли, налог, который, вероятно, был идентичен *данегельду*.

Хартии Стефана.

Стефан, преемник Генриха, даровал хартии своим подданным, как это сделал Генрих, и эти хартии также были результатом узурпации. Он опубликовал две; первая лишь подтвердила свободы, предоставленные Генрихом I, и законы Эдуарда Исповедника. Второе примечательно тем, что содержит обещание, данное Стивенем, исправить злоупотребления и поборы своих шерифов. В этот период государственные должности распределялись по-разному, и те, кто их занимал, стремясь извлечь из них все возможные выгоды, вели себя гораздо более деспотично по отношению к себе, чем по отношению к королю. Соответственно, было нетрудно подать апелляцию королю против его собственных офицеров. Однако такой способ обжалования указывает на то, что юридические и регулярные гарантии не признавались и о них мало думали. Однако бароны начали добывать их силой. Они получили от короля разрешение укрепить свои замки и привести себя в состояние обороны. А духовенство, со своей стороны, принося клятву верности, приложило к ней условие, что они должны быть освобождены от этого обязательства, как только король посягнет на церковные свободы.

Хартия Генриха II.

Хартия, дарованная Генрихом II около 1154 года, по-прежнему выражает не что иное, как признание прав; она не содержит никаких новых обещаний или каких-либо уступок в отношении гарантий. Вряд ли мне нужно напоминать вам, что правление этого принца было всецело занято его спорами с духовенством, восстаниями его сыновей и завоеваниями как на Континенте, так и в Ирландии. Никаких важных разногласий между ним и его баронами не обсуждалось; никакого прогресса в существующих институтах не видно, и мы можем сказать, что правление Генриха II, рассматриваемое с этой точки зрения, было упорядоченным и стационарным.

Однако, если король в том, что касалось его отношений со своими баронами, добился почти бесспорного подчинения и вызвал разрушение большинства укрепленных замков, построенных во время предыдущего правления, то города, с другой стороны, и особенно Лондонский сити, росли в силе и значении, а аристократия с каждым днем становилась все более сплоченной благодаря слиянию норманнов и англичан, слиянию, которое почти завершилось в это правление, по крайней мере среди высших классов.

Фактом этого периода, наиболее важным для рассматриваемого нами вопроса, является замена эскуажа личной службой вассалов. Это происходит во времена правления Генриха II. мы впервые обнаруживаем, что этот самозванец был собран, по крайней мере, в форме общей оценки. Установление и ограничения эскуажа вскоре стали главным предметом разногласий между королем и его баронами. Использование, которое короли стали использовать из средств, полученных от этого самозванства, было фатальным для них, поскольку они использовали его для содержания армий иностранных наемников, особенно брабантцев; и этими мерами они дали английским баронам новый повод объединиться. Изгнание иностранных солдат стало, наконец, одним из постоянно повторяющихся требований баронов.

Генрих II. к концу своего правления собственноручно ввел налог в размере одной шестой части на все движимое имущество. Он бросил *данегельда*.

Правление Ричарда I.

Правление Ричарда, которое было полностью занято его блестящими, но неудачными экспедициями, не предлагает ничего особенно показательного для истории институтов. Отсутствие короля и слабость королевской власти предоставили феодальной аристократии возможности для расширения своего влияния; но в то время они не воспользовались своим превосходством, чтобы добиться признания своих прав; только в царствование Иоанна борьба стала ожесточенной, а победа решающей.

Лекция VII.

Хартия Иоанна, или Великая хартия (1215).

Три эпохи в правлении Иоанна.

Формирование коалиции среди баронов.

Гражданская война.

Конференция в Раннимиде.

Уступка Великой Хартии.

Анализ Этой Хартии.

Его положения касаются национальных прав, а также прав баронов.

Иоанн подает прошение и добивается своего от Иннокентия III. булла об отмене Великой Хартии.

Соппротивление английского духовенства.

Возобновление гражданской войны (октябрь 1215 г.).

Бароны обращаются к Людовику Французскому, сыну Филиппа Августа.

Смерть Иоанна (октябрь 1216 г.).

Правление короля Джона.

Во время отсутствия короля Ричарда управление королевством перешло в руки баронов: феодальная аристократия снова начала напрямую вмешиваться в управление государством, как путем посягательств, так и путем сопротивления. Однако действия баронов уже не носили того характера, которым они обладали при предыдущих правлениях; они больше не оказывали открытого сопротивления; они не требовали никаких новых хартий; они не ходатайствовали о соблюдении прежних; но они молча собирали свои силы в ожидании борьбы, которая должна была стать решающей. Мы находим, что они подчиняются требованиям, которые Ричард наложил на все классы общества, как ради своего крестового похода, так и ради своего выкупа. Тем не менее старые принципы о необходимости получения согласия баронов на каждое чрезвычайное введение, возродились с новой силой. Это право давать согласие на уплату дани отстаивалось со все возрастающей твердостью; и на первом собрании, которое Ричард провел в Ноттингеме после своего возвращения с Востока, он не смог установить пошлину в размере двухшиллингов на каждый клочок земли, пока не получил согласия своих баронов. Уже каждая дань, взимавшаяся с единственной власти короля, начала разжигать дух сопротивления. Это сопротивление заявило о себе, как только Иоанн вззошел на трон, и оппозиция, которая готовилась во время правления Ричарда, тогда стала заметной.

Противодействие баронов.

Правление Иоанна можно разделить на три эпохи: с 1199 по 1206 год он был занят своими ссорами с королем Франции и борьбой, возникшей из-за отказа баронов поддержать его в его континентальных предприятиях. С 1206 по 1213 год Иоанн был занят своими спорами с папой римским и духовенством. Наконец, с 1213 года и до конца его правления его позиция по отношению к баронам и духовенству становилась все более и более враждебной; это открывало ему их власть и его собственную слабость; и, постоянно уступая им, мы видим, как он уступает одно очко за другим духовенству и баронам, которые всегда были едины в своих нападках на него, пока, наконец, он не даровал эту знаменитую хартию, обычно называемую Великой хартией вольностей, которая является вечным памятником поражения Иоанна и незыблемой основой английской конституции.

Джон не был законным наследником короны; она принадлежала его племяннику Артуру, герцогу Бретани, чьи права были дополнительно подтверждены завещанием Ричарда. Тем не менее, благодаря своей щедрости и уступчивому нраву, Джон без труда узурпировал английский трон. Оппозиция была сильнее в его континентальных владениях; господствовавшие там феодальные идеи благоприятствовали системе представительства, и народ был более склонен признавать притязания сына, чем брата. Анжу, Пуату, Мэн и Турень встали на сторону Артура. В 1201 году (другие говорят, что в 1204 году) Иоанн потребовал от баронов, которых он собрал в Оксфорде, чтобы они помогли ему в войне, которую он намеревался вести во Франции. В качестве платы за свою помощь они требовали, чтобы король пообещал восстановить им их свободы и привилегии. Иоанн, ничего им не даровав, преуспел в завоевании одного за другим, пока не получил от каждого в отдельности то, в чем ему было отказано всеми собравшимися. Тем не менее, это противостояние показало, что коалиция среди баронов обрела форму и постоянство.

Джон, который до сих пор не сделал ничего такого, что заслуживало бы того, чтобы на его узурпацию не обратили внимания, опозорил себя опрометчивым разводом и невыносимыми унижениями. Он ввел в свою свиту забияк, которых называл защитниками королевской власти; и он вынудил недовольных баронов выйти с ними на ристалище и уладить с помощью этих мнимых судебных поединков их споры с короной. В конце концов его поборы, его тиранические действия и, прежде всего, убийство Артура, которого он, как говорят, убил собственной рукой, вызвали против него почти всеобщее восстание. Покинутый своими баронами, изгнанный из Нормандии, Анжу, Мэна, Турени и части Пуату, Иоанн, вместо того чтобы примирить умы своего народа, действовал таким образом, что все больше и больше отталкивал их, и только защищался, делая себя еще более одиозным. У баронов был вымоган новый *залог* в размере двух с половиной марок за поместье каждого рыцаря. Поэтому Джону пришлось пережить новый отказ, когда он во второй раз попросил их последовать за ним на Континент. Напрасно он прибегал к тем средствам, которые прежде увенчались успехом; он был вынужден уступить и позволить Филиппу Августу завладеть Нормандией и воссоединить ее с короной Франции.

Ссоры с духовенством.

Иоанну было недостаточно того, что он вступил во враждебные отношения с мирской аристократией; он еще больше настроил себя враждебно по отношению к духовенству. После смерти архиепископа Кентерберийского монахи-августинцы присвоили себе право назначать его преемника без согласия короля. Джон, уязвленный этим посягательством на его прерогативы, объединился с епископами, которые также протестовали против выборов, в

которых они не принимали участия, и совместно с ними выдвинул кандидатуру епископа Норвича на вакантную кафедру. После этого в спор вмешался Иннокентий III, но, не подтвердив ни одно из двух выборов, он приказал английскому духовенству выбрать кардинала Стивена Лэнгтона. Король, разгневанный против Римского двора, изгнал всех монахов из Кентербери и сделал себя хозяином их доходов. Соответственно, папа отлучил монарха от церкви, наложил запрет на все королевство и освободил своих подданных от клятвы верности, которую они принесли Иоанну. Более того, он поручил Филиппу Августу исполнять его указы и предложил ему корону Англии. Филипп с готовностью принял подарок, в то время как Иоанн, напуганный нависшей над ним двойной опасностью, тщетно просил помощи у своих баронов; он поступил несправедливо по отношению к ним и теперь обнаружил, что они безразличны к его несчастьям. В конце концов, лишенный всех средств и лишенный надежды, он искал спасения в покорности и спас себя с помощью низкого раболепия: он объявил себя вассалом папы и обязался ежегодно выплачивать ему дань в тысячу марок.

Начало гражданской войны.

После того как Иоанн таким образом выкупил свою корону, он вскоре снова поставил ее под угрозу, совершив новые неосторожные поступки; его низкая тирания и преступные покушения на жену Юстаса де Вески настроили против него баронов, а их противодействие направлялось и стимулировалось примасом Лэнгтоном.

Неудивительно, что феодальная аристократия действовала под руководством священнослужителя; у двух орденов было общее дело, и эта коалиция, которую предыдущие короли всегда пытались предотвратить, стала одним из последствий одиозного и абсурдного поведения Иоанна. Он забыл, что королевская власть могла сохраняться только до тех пор, пока власть духовенства и власть баронов уравнивали друг друга; когда они объединились, он был вынужден уступить. Их союз был результатом низменного подчинения Иоанна Святому Престолу; английское духовенство, устав от деспотизма Рима и сожалея об утрате своих привилегий, открыто встало на защиту национальной свободы.

Таково было всепроникающее чувство, когда (25 августа 1213 г.) в Лондоне было созвано собрание баронов. На одной из их встреч кардинал Лэнгтон сообщил им, что он нашел копию хартии Генриха I. Которая затем была полностью забыта; эта хартия была зачитана собранию и принята с энтузиазмом. Еще одно собрание состоялось в Сент-Эдмундсбери (20 ноября 1214 г.), и там каждый барон, возложив руку на алтарь, поклялся, что приложит все усилия, чтобы заставить короля восстановить в полном объеме хартию Генриха I. Вскоре они явились в Лондон с оружием в руках и 5 января 1215 года официально и положительно потребовали от Джона возобновления действия этой хартии, а также законов Эдуарда Исповедника. Иоанн, напуганный их твердостью, попросил предоставить ему немного времени, чтобы обдумать эти требования, и, соответственно, его ответ был отложен до Пасхи. В течение этого периода он пытался внести раскол среди своих врагов, и в первую очередь, желая примирить духовенство, он предоставил им хартией свободу избирать своих собственных епископов и аббатов и послал Вильгельма де Моклерка в Рим жаловаться на дерзость баронов. Они также отправили Юстаса де Вески в Рим, чтобы тот представил понтифику справедливость и святость их дела. Это посольство, однако, не достигло своей цели; папа осудил баронов, но их не удалось запугать, и

Иоанн, решив предпринять еще одно усилие, чтобы заручиться поддержкой церкви, принял крест 2 февраля 1215 года и поклялся повести армию в Палестину.

Однако передышка, которую бароны предоставили королю, подошла к концу, и они снова встретились в Стэмфорде в Линкольншире 19 апреля 1215 года, сопровождаемые почти двумя тысячами вооруженных рыцарей. Король спросил их, каковы их требования; в Стэмфорде они дали тот же ответ, что и в Лондоне, и представили хартию, которую они поклялись утвердить. "И почему они не требуют и моей короны?" - воскликнул Иоанн в ярости. "Клянусь Богом, я не дам им вольностей, которые сделают меня рабом". Этот ответ был воспринят как объявление войны, и 5 мая следующего года бароны встретились в Уоллингфорде, торжественно отказались от своей клятвы верности и в то же время назначили Роберта Фиц-Уолтера генералом "армии Бога и Святой Церкви".

Война была объявлена: напрасно папа адресовал письма баронам, в которых он повелевал им воздержаться от своего предприятия; начавшиеся военные действия продолжались только с еще большей силой, и 24 мая торжествующие бароны овладели Лондоном с согласия граждан. Джон покинул город и удалился в Одиham, графство Хэмпшир, в сопровождении всего семи рыцарей. Из своего убежища он безуспешно пытался вступить в переговоры; он предложил вмешаться папе, но и в этом ему было отказано: все его попытки потерпели неудачу, и в конце концов ему пришлось согласиться с законом, который был навязан ему силой.

Конференция в Раннимиде.

13 июня на равнине под названием Раннимид, между Виндзором и Стейнсом, открылась конференция. Обе партии расположились отдельными лагерями, как объявленные враги; после нескольких незначительных дебатов король сначала принял предварительные статьи, а четыре дня спустя, 19 июня 1215 года, он даровал знаменитый акт, известный под названием Великая хартия вольностей.

Анализ Великой хартии вольностей.

Эту хартию, наиболее полную и важную из всех, когда-либо появившихся, можно разделить на три отдельные части: одна касается интересов духовенства, другая регулирует интересы знати, а третья - те, которые принадлежат народу. Это методическое разделение взято не из порядка, в котором распределены статьи фактического устава, но я здесь принял его для того, чтобы сделать мой отчет о нем более естественным и четким.

Великая хартия мало касается церковных интересов, поскольку они были урегулированы хартией, уже предоставленной духовенству. Поэтому все, что требовалось, - это подтвердить это. Соответственно, это делается в первой статье, которая предоставляет общее подтверждение всем церковным иммунитетам и привилегиям.

С другой стороны, привилегии мирян были более неопределенными и более остро оспаривались; поэтому было необходимо тщательно изучить их и признать отдельно. Великая хартия почти полностью посвящена урегулированию прав и подтверждению привилегий, на которые претендуют миряне.

Во-первых, он с точностью определяет, что было неясным и двусмысленным в феодальных законах; и он устанавливает размер пособий, которые должны выплачивать непосредственные или косвенные наследники феодальных владений. До сих пор это облегчение было неопределенным. (Статьи 2-3.)

Затем соблюдайте меры предосторожности, предписанные в отношении брака феодальных подопечных, а также те, которые касаются вдов и детей вассалов. (Статьи 6-8.)

Право и способ сбора вспомогательных средств и эскулапов регулируются двумя следующими статьями:—

"Статья 12. Что в нашем королевстве не должно применяться никакого сопровождения или чрезвычайной помощи, кроме как национальным советом нашего королевства, если только это не касается выкупа нашей личности, посвящения нашего старшего сына в рыцари и женитьбы на нашей старшей дочери: и для этих последних случаев потребуется только разумная сумма помощи и т.д."

"Статья 14. Для созыва национального совета королевства с целью оказания любой другой помощи, кроме трех упомянутых выше случаев, или для наложения сопровождения, мы созовем архиепископов, епископы, аббаты, графы и крупные бароны, индивидуально и по письмам от нас самих; и мы соберем вместе с помощью наших виконтов и судебных приставов всех тех, кто напрямую зависит от нас. Великий созыв должен быть проведен в установленный день, а именно, с интервалом не более сорока дней, и в назначенном месте; и в письмах о созыве мы изложим причину такого созыва; и созванный таким образом совет, состоящий из присутствующих, рассмотрит дело в назначенный день, хотя все те, кто был вызван, могли и не прибыть".

Эта хартия - первый документ, в котором мы находим различие, установленное между крупными и мелкими баронами, высшим и низшим духовенством; важный факт, поскольку его, возможно, можно рассматривать как первоначальный источник разделения между двумя палатами парламента.

Наконец, несколько статей имеют своей целью ограничить права короля на земли его арендаторов, установить размер штрафа, налагаемого на бенефициаров в соответствии с тяжестью их проступка, определить срок, в течение которого земли должны оставаться конфискованными в связи с уголовным преступлением; одним словом, предоставить баронам большую независимость и безопасность, чем они когда-либо прежде пользовались.

Таковы основные акты Великой Хартии в пользу дворянства; до этого момента мы находим только санкции, применяемые к определенным привилегиям, мы встречались только с тем, что отвечает интересам определенных классов общества. Но он содержит также положения более широкого и обобщающего применения; его целью также являются интересы нации в целом.

Прежде всего, почти все иммунитеты, предоставленные баронам по отношению к королю, вассалы получили по отношению к своим сеньорам. С этого времени им не разрешалось собирать помощь и сбережения на своих землях, за исключением тех же случаев и тем же способом, что и королю. (Статья 15.)

Предполагается, что в будущем правосудие будет осуществляться постоянным и единообразным образом; ниже приведены статьи, в которых отражено это важное положение:—

"Статья 17. Суд общей юрисдикции не должен следовать за нашим судом (*курия*), но должен проводиться в определенном месте.

"Статья 18. Мы или, если мы отсутствуем в королевстве, наш главный судья должны четыре раза в год посылать в каждое графство по два судьи, которые вместе с четырьмя рыцарями, выбранными каждым графством, будут проводить судебные заседания в назначенное в указанном графстве время и в месте".

"Статья 39. Ни один свободный человек не должен быть арестован или заключен в тюрьму, или лишен своего жилища, или объявлен вне закона, или сослан, или в отношении него каким-либо образом возбуждено судебное дело; мы не наложим на него руки, если только по *законному решению его коллег или по закону страны*.

"Статья 40. *Правосудие никому не может быть продано, отвергнуто или отсрочено.*"

Более того, король обещает назначать только способных и честных судей (ст. 41); запретить им выносить какие бы то ни было приговоры, не заслушав предварительно свидетелей (ст. 38); восстановить в правах каждого человека, который был лишен собственности без судебного решения (ст. 32); возместить ущерб, нанесенный при Генрихе II и Ричарде I. (ст. 53); положить конец сборам на строительство мостов (ст. 23); и пресекать всякого рода неприятности, причиняемые горожанам, торговцам или вилланам (ст.. 20, 26, 28, 30, 31).

Он предоставляет и гарантирует Лондонскому сити, а также всем другим городам, местечкам и гаваням сохранение их древних обычаев и свобод (статья 13).

Наконец, 41-я статья предусматривает, что все торговцы должны иметь полную и беспрепятственную свободу въезжать в Англию, покидать ее, оставаться там и путешествовать по суше и по воде, покупать и продавать, не подвергаясь никакому притеснению (*мужской толт*) в соответствии с древними и общепринятыми обычаями и т.д.

Таким образом, это уступки, сделанные для продвижения интересов всех.

Однако недостаточно того, чтобы были признаны права и даны обещания; далее необходимо, чтобы эти права уважались и чтобы эти обещания были выполнены. 61-я и последняя статья Великой Хартии призвана обеспечить эту гарантию. Там сказано, что бароны избирают двадцать пять баронов по своему собственному свободному выбору, которым поручено проявлять всю бдительность, чтобы положения Хартии могли быть приведены в действие, полномочия этих двадцати пяти баронов неограниченны, если король или его агенты позволят себе нарушать постановления Хартии в малейшей частности, бароны осудят это злоупотребление перед королем и потребуют, чтобы оно было немедленно пресечено. Если король не удовлетворит их требование, бароны будут иметь право через сорок дней после получения от них повестки привлечь короля к ответственности, лишить его земель и замков (при

этом соблюдается безопасность его личности, королевы и их детей), пока злоупотребление не будет исправлено к удовлетворению баронов.

Хотя такое право и было предоставлено, оно не давало никаких гарантий; оно лишь санкционировало гражданскую войну; оно должно было увековечить борьбу на неопределенный срок и формально оставить окончательное решение вопроса за силой. Это все еще было далеко от того, чтобы стать регулярно создаваемой политической гарантией; но дух того времени не был способен ни обнаружить, ни осмыслить такую гарантию — он мог понять только признание своих прав. Однако принудительная гарантия, установленная Великой хартией, была до сих пор ценной, поскольку она централизовала феодальную аристократию путем организации совета баронов.

Часто говорили, что Великая хартия не была бы поддержана баронами, если бы не ее влияние на их особые интересы. Это мнение несостоятельно: как возможно, что по крайней мере треть статей должна была относиться к обещаниям и гарантиям, данным от имени народа, если аристократия стремилась только к получению того, что должно было принести пользу им самим? Нам стоит только прочитать Великую Хартию, чтобы убедиться в том, что права всех трех сословий нации в равной степени уважаются и поощряются.

Был поднят другой вопрос относительно того, даровал ли Иоанн специальную хартию, касающуюся лесов, в то время, когда он даровал Великую хартию. Мэтью Пэрис - единственный автор, который говорит об этой лесной хартии, и есть несколько причин, по которым его авторитет в этом вопросе должен быть отвергнут. Во-первых, предварительные статьи Великой Хартии ничего не содержат по этому вопросу; во-вторых, статьи 44, 47 и 48 самой Великой Хартии регулируют все, что касается лесов; и, наконец, король и папа в своей переписке, предшествовавшей этим событиям, не упоминают об этой двойной уступке.

Когда король четко утвердил каждую статью Великой хартии, соглашение между ним и его баронами, заключенное 15 июня, было приведено в исполнение, чтобы обеспечить выполнение его обязательств. Охрана Лондонского сити была поручена баронам до 15 августа следующего года, а охрана Тауэра - архиепископу Кентерберийскому.

Нарушение Великой Хартии вольностей.

Сначала Джон притворялся и, казалось, безоговорочно принимал все жертвы, которые на него возлагались; но такая маска вскоре стала для него невыносимой. Через короткое время он разразился жалобами и угрозами и в ярости удалился на остров Уайт. Находясь там, он добился набора армии брабантцев, чтобы восстановить свою власть в бою, и отправил гонца в Рим с мольбой о помощи против насилия, которому подвергся он. Иннокентий III, узнав о случившемся и раздраженный дерзостью баронов, которых он называл своими вассалами, отменил Великую Хартию и отлучил от церкви всех баронов, участвовавших в восстании.

Король, доверившись этой могущественной поддержке, сбросил маску и отказался от всех своих обязательств. Но он быстро понял, что это духовное оружие, которое еще недавно было таким мощным, когда выступало против него, теперь не имело никакой ценности, когда

находилось в его собственных руках. Архиепископ Лэнгтон отказался выносить приговор об отлучении от церкви. Он был вызван в Рим и отстранен от должности, но напрасно; духовенство поддержало его в его немилости и подтвердило его отказ. Джон безуспешно пытался разделить два ордена — всякий раз, когда он готовился к сражению, они становились неразлучными союзниками.

Теперь у Джона не было другой надежды, кроме как на поддержку своих иностранных наемников; он предпринял последнюю попытку, и в октябре 1215 года между ним и баронами снова разгорелась война. Нападение было непредвиденным; бароны, внезапно застигнутые врасплох, отступили перед королем, который с триумфом дошел до Рочестерского замка, хозяином которого он стал после упорной осады. Он взял в плен его губернатора Уильяма д'Альбини, одного из двадцати пяти баронов, назначенных следить за соблюдением хартии, и самого выдающегося капитана среди них: это была невосполнимая потеря для их партии; и с этого момента король не встречал регулярного сопротивления. Теперь его тирания могла пресытиться жаждой мести; он выпустил на волю своих спутников, и вскоре все королевство ощутило на себе разрушительные последствия его гнева.

Тем не менее некоторые бароны на севере все еще мужественно сопротивлялись ему; и остатки коалиции объединились с ними; но, чувствуя себя слишком слабыми, они, в свою очередь, искали защиты у иностранного союзника. Корона Англии была предложена от их имени принцу Людовику, сыну Филиппа Августа, который вслед за этим послал армию для попытки завоевания Англии.

Едва Людовик высадился на берег, как положение дел полностью изменилось. Джон, брошенный друзьями и солдатами, за короткое время потерял все, что ему удалось обрести. Все королевство оказалось в руках его молодого соперника, и Дувр был единственным городом, оставшимся верным Джону. Однако принц Людовик, хотя до сих пор и добивался успеха, не смог утвердиться на своем недавно приобретенном троне. Пристрастие, которое он неизменно проявлял к французской знати, не могло не вызывать отвращения у английских баронов, а признания графа Меленского, сделанные им на смертном одре, привели к тому, что почти вся знать королевства перешла на сторону Людовика. Этот дворянин внушил баронам недоверие к королю, который, по его утверждению, твердо намеревался лишить их всех собственности и распределить их земли между своими фаворитами и естественными подданными. Это разоблачение, было ли оно правдой или ложью, оказало мощное воздействие на умы баронов, и большинство из них вновь присягнули своему бывшему королю.

Смерть короля Иоанна.

Теперь Джон привел свою армию в боевое состояние, и фортуна, казалось, сулила ему новые успехи, когда 17 октября 1216 года смерть застала его врасплох. Это событие стало для Людовика более роковым, чем могло бы быть проигранное сражение. Ненависть англичан к своему королю умерла вместе с ним — они поспешили сплотиться вокруг его юного сына — всеобщее дезертирство быстро разрушило и без того пошатнувшееся дело французского принца, и после того, как он некоторое время продолжал эту бесполезную борьбу, он отказался от трона, предложением которого он был обязан лишь случайному бедствию английских баронов, и который он никогда не смог бы получить одной лишь силой своего оружия.

Лекция VIII.

Хартии Генриха III.

Первая хартия Генриха III. (Ноябрь 1216 г.).

Людовик Французский отказывается от своего титула на корону и покидает Англию.

Вторая хартия Генриха III. (1217).

Лесная хартия, пожалованная Генрихом III. (1217).

Подтверждение хартий (1225).

Аннулирование хартий (1227).

Новое подтверждение хартий (1237).

Постоянное нарушение хартий.

Гражданская война.

Обновление хартий (1264).

Новое подтверждение хартий (1267).

Смерть Генриха III. (16 ноября 1272 г.).

Хартии Генриха III.

До сих пор мы видели в хартиях только более или менее открытое и полное признание прав; это сделки между двумя соперничающими державами, одна из которых дает обещания, в то время как другая устанавливает права; но нет власти, которая гарантировала бы, что эти обещания будут добросовестно выполняться, а эти права должным образом соблюдаться. Единственное ограничение, налагаемое на королевскую власть, - это перспектива гражданской войны, которая всегда угрожает вспыхнуть, — средство, несовместимое с порядком и стабильностью, двумя элементами, необходимыми для свободного правительства.

В правление Генриха III начало распространяться мнение, что гражданская война - это злая гарантия; и были изысканы и смутно осмыслены другие средства предотвращения нарушения клятв. Хартии, которые были получены в это царствование, по-прежнему имеют своей главной целью получение новых уступок и обещаний; но также очевидны усилия по формированию гарантий, и теперь мы можем проследить первые попытки создания законной и эффективной конституции.

Это правление следует рассматривать с точки зрения двух указанных аспектов. Наша цель в настоящее время состоит только в том, чтобы проследить историю английских хартий, и мы будем рассматривать факты этого периода только с первой точки зрения: когда мы дойдем до формирования парламента, мы будем искать там первые попытки создания организованной конституции.

Первая хартия Генриха III.

Генрих, который был всего лишь ребенком, когда умер его отец, нашел способного защитника в Уильяме, графе Пембруке, маршале Англии, который в то время был командующим королевскими войсками. Пембрук был верным слугой короля Джона и передал сыну ту дружбу, которую он питал к отцу. Его единственной мыслью было, чтобы Генрих унаследовал трон, и, соответственно, церемония коронации была совершена в Глостере 28 октября 1216 года. Впоследствии, на совете баронов, собравшемся в Бристоле 11 ноября, он принял титул регента и, чтобы сделать дело молодого короля популярным, даровал новую хартию от своего — королевского — имени. Эта хартия соответствовала, за исключением нескольких изменений, хартии, данной королем Иоанном. Опущены все статьи, которые относятся к учреждению эскуажей, к свободе въезда в королевство и выезда из него, к сохранению лесов и дамб, а также к обычаям графств; более того, была отменена статья, которая предоставляла право на вооруженное сопротивление в случае, если король нарушит свои обещания. Однако эти запреты не были окончательно отменены; в хартии указано, что "прелаты и лорды решили, что эти вопросы должны оставаться открытыми до тех пор, пока они не проведут более полное обсуждение по ним". [Сноска 20]

[Сноска 20: Оригинал этой хартии до сих пор хранится в архивах Даремского собора.]

Из этого мы видим, что бароны в то время проявили себя менее требовательными, чем во время правления Иоанна, или, скорее, что они больше не руководствовались никакими другими интересами, кроме тех, которые касались лично их самих, пренебрегая интересами, принадлежащими к другим классам нации.

Как бы то ни было, эта новая хартия произвела эффект, которого добивался Пембрук; она окончательно расколола партию, сформировавшуюся в пользу принца Людовика Французского, и укрепила партию короля Генриха. У французов, однако, еще оставались кое-какие приверженцы; лондонский сити особенно упорствовал с упрямой решимостью оставаться им верным. Но после многочисленных неудач они больше не могли держаться; 11 сентября 1217 года между двумя монархами был заключен мирный договор; Людовик отказался от всех претензий на корону, покинул Англию с остатками своей партии, и Генрих спокойно владел суверенитетом.

Отступление французов восстановило гармонию в королевстве, но для того, чтобы сделать согласие более определенным и немедленным, были выданы еще две хартии. Одно из них было похоже на предыдущее; можно найти только одно примечательное изменение, а именно решение о том, что эскуаж должен взиматься так же, как во времена Генриха II. Другой известен под названием "Хартия лесов" и является тем же, что ошибочно приписывается королю Иоанну:

он преследует только одну особую цель и не содержит ничего, кроме ряда правил относительно размеров и границ лесов, принадлежащих либо знати, либо короне.

Нарушение Уставов.

Эти хартии постоянно нарушались представителями власти. В течение нескольких лет эти нарушения не вызвали более чем частичных жалоб, но, наконец, в 1223 году протест стал всеобщим и неотложным. Совет баронов был вызван в Лондон, где они потребовали нового подтверждения хартий. Один из советников регентства, Уильям де Бривер, осмелился возразить, заявив, что "все эти вольности были вымоганы у короля"; но архиепископ Кентерберийский резко упрекнул его, сказав, что если бы он любил короля, то во всяком случае не рискнул бы беспокоить королевство. Молодой король пообещал, что хартии впредь будут соблюдаться, и в каждое графство были назначены двенадцать рыцарей, которые должны были выяснить, каковы, согласно древним обычаям, права короля и свободы его подданных.

Тем не менее, новые тревоги вскоре вызвали новые протесты. Со времен предыдущего правления бароны владели большинством королевских замков и владений, и это было главной гарантией того, что их договоры должны соблюдаться. Внезапно их обладание этой гарантией оказалось под угрозой: булла папы Гонория III, которая объявляла Генриха совершеннолетним, когда ему исполнилось семнадцать лет, одновременно предписывала, чтобы все, в чьих руках находились королевские владения, вернули их королю. Эта булла вызвала много подозрений относительно намерений Генриха; начали возникать опасения, что, достигнув совершеннолетия, он отменит две хартии, которым он присягнул, будучи несовершеннолетним. Король и его советники осознали необходимость пойти навстречу этому тревожному состоянию чувств, и 11 февраля 1225 года король по собственному желанию даровал новое подтверждение хартий. В знак признания этого они предоставили ему пятнадцатую часть всего движимого имущества королевства в качестве субсидии.

Аннулирование Уставов.

Но это взаимное примирение длилось недолго. По прошествии двух лет Генрих, достигнув истинного совершеннолетия, аннулировал все хартии под предлогом того, что они были выданы, когда он не был в свободном владении своим телом и своей печатью; "*cum nee sui corporis, nee sigilli aliquam potestatem habuerit*".

Этот отзыв вызвал самое активное недовольство. Возмущенные бароны обратили свой гнев против человека, которого общественный голос обвинил как автора этих разбирательств. Это был Хьюберт де Бург, верховный судья и ближайший советник Генриха. С тех пор этот министр подвергался самым жестоким нападкам и не переставал подвергаться преследованиям со стороны своих яростных противников, пока, наконец, в 1232 году король не уступил буре, не лишил несносного министра своей милости и не изгнал его со двора.

Ропот баронов едва утих, когда Генрих, казалось, захотел снова возбудить их, снова окружив себя людьми, которых ненавидели его подданные. Это был иностранец, пуатевинец, Питер де Рош, епископ Винчестерский, который стал фаворитом короля после опалы Хьюберта де Бурга. С того времени принц доверял места и благосклонность только иностранцам. Не довольствуясь опустошением государственной казны, они обременяли народ поборами, — их наглость была

совершенно необузданной. Когда против них были применены законы Англии, "мы не англичане", - сказали они, - "мы не знаем, в чем смысл этих законов". Возмущенные бароны настоятельно требовали справедливости, и в 1234 году, через два года после опалы Хьюберта де Бурга, король оказался вынужден отказаться от Питера де Роша и изгнать иностранцев из своего двора. Но вскоре после его женитьбы на Элеоноре, дочери графа Прованса, провансальцы заняли место пуатевинцев и, в свою очередь, навлекли на себя ненависть английских баронов.

Соответствие Уставам.

Всеобщее раздражение возникло, когда король, испытывавший нехватку денег, собрал баронов в Вестминстере в январе 1237 года, чтобы потребовать от них субсидии. Бароны ответили ему отказом и угрозами. Генрих, встревоженный этим, прибегнул к средству, которое еще не утратило своей эффективности, а именно к новому подтверждению хартий. Едва ли это было сделано, как он получил субсидию в размере тридцатой части всего движимого имущества.

Но его расточительность вскоре растратила эти скудные ресурсы; он снова был вынужден прибегнуть к произвольным и тираническим средствам, чтобы обеспечить себя деньгами, — к поборам, к принудительным займам, новому виду мошенничества, с которым тогда впервые приходится сталкиваться в английской истории. Примечательно, однако, что Генрих никогда не осмеливался взимать какую-либо общую дань с нации под свою личную ответственность. Налоги, которые были действительно публичными, взимались только с официального разрешения совета баронов и после того, как король приобрел их добрую волю новым подтверждением хартий.

13 мая 1253 года был торжественно вынесен приговор об отлучении от церкви любого человека, который нарушит королевские хартии; и по окончании церемонии прелаты бросили свои погасшие, но еще дымящиеся свечи, воскликнув: "Пусть душа каждого, кто подвергнется этому приговору, так смердит и сгинет в аду!" И король добавил: "Да поможет мне Бог! Я сохраню эти хартии в неприкосновенности, поскольку я мужчина, христианин, рыцарь и коронованный и помазанный на царство король!"

Хартии снова были нарушены, и, наконец, стало ясно, что их неоднократные продления были напрасны, — поэтому была объявлена гражданская война. Граф Лестер, возглавлявший партию баронов, взялся за оружие, сначала с намерением эффективно ограничить, а затем и полностью узурпировать королевскую власть. Теперь целью этого восстания было уже не обновление хартий, а установление практических гарантий признанных прав. О них я расскажу более подробно, когда перейду к рассмотрению вопроса о формировании парламента. В настоящее время я ограничусь замечанием, что результатом восстания, возглавляемого графом Лестером, стало всеобщее обновление хартий, выданных 14 марта 1264 года, — своего рода мирный договор между королем и баронами, целью короля было добиться от них расширения полномочий принца Эдуарда, которого они удерживали в качестве заложника.

Смерть короля Генриха III.

Наконец, три года спустя, 18 ноября 1267 года, незадолго до отъезда принца Эдуарда в Палестину, король еще раз подтвердил хартии в парламенте, собравшемся в Мальборо. Это подтверждение было последним, дарованным Генрихом III.; он умер пять лет спустя, 16 ноября 1272 года, после долгого правления, давая обещания, которые впоследствии нарушались, возобновлялись, отзывались, а затем возобновлялись снова.

Лекция IX.

Завершение истории хартий при правлении Эдуарда I.

Политический конфликт следует за гражданской войной.

Король часто нарушает Хартии, особенно в вопросе податей.

Бароны энергично сопротивляются.

Эдуард дает окончательное подтверждение Хартиям (1298-1301).

Булла Климента V., запрошенная Эдуардом I., аннулирует Хартии.

Ее невыполнение.

Смерть Эдуарда I. (7 июля 1307 г.)

Правление короля Эдуарда I.

В течение двух предыдущих царствований борьба между феодальной аристократией и королевской властью на самом деле была гражданской войной. При Эдуарде I. борьба продолжалась, но гражданская война прекратилась. Бароны не протестовали в защиту своей свободы с меньшей решимостью, чем проявляли до сих пор, и король не защищал свои прерогативы менее энергично, но ни одна из сторон не прибегла к оружию. Это общая история важных сражений; они начинаются с пробы сил между двумя противоборствующими сторонами, и когда проблема материальных сил решена, борьба меняет свое направление и театр действия; она концентрируется в собрании, и у победившей партии больше нет никакой другой цели, кроме как узаконить уже одержанную победу и, таким образом, придать материальной победе конституционную значимость. Парламентские дебаты следуют за гражданской войной. Когда парламентские дебаты длятся определенное количество лет и получили санкцию времени, борьбу можно считать завершенной. До этой стадии дело дошло в царствование Эдуарда I. Сопротивление, проявившееся во время его правления, проявилось только в парламенте; и когда оно продлилось тридцать лет, права, которые оно стремилось утвердить, были навсегда признаны и сносно соблюдались.

На момент смерти Генриха его сын Эдуард находился в Палестине; однако, несмотря на его отсутствие, он был провозглашен королем без какого-либо сопротивления. Способности,

которые он проявлял во время волнений в королевстве, и умеренность, которую он часто проявлял, снискали ему всеобщее расположение. По возвращении в Англию он оправдал возлагавшиеся на него надежды; многие злоупотребления были исправлены, и в отправлении правосудия был наведен лучший порядок.

Я быстро пройдуся по первым двадцати четырем годам этого правления. Они были заняты завоеванием Уэльса и войнами Эдуарда в Шотландии, которые постоянно возобновлялись восстаниями шотландцев. В течение всего этого времени, хотя мы слышим об очень частых собраниях парламента, мы почти ничего не слышим даже о хартиях. Управление королевством, которое было энергичным и справедливым, вызывало мало нареканий, и общественное внимание было поглощено экспедициями и победами монарха.

Требования Эдуарда I.

Тем не менее необходимость частого увеличения субсидий для содержания своих многочисленных армий вскоре вынудила Эдуарда прибегнуть к насильственным и произвольным мерам. Он ограничил количество шерсти, которое можно было вывозить, и наложил на каждый мешок шерсти, который был вывезен, пошлину в размере сорока шиллингов, то есть более трети ее стоимости; вся остальная шерсть и шкуры, которые были готовы к отправке, были конфискованы для нужд короля. Он потребовал от каждого шерифа по две тысячи четвертей пшеницы и столько же овса, разрешив им брать требуемую пшеницу или овес везде, где они могли достать их; кроме того, он приказал конфисковать большое количество скота. Наконец, не проявляя никакого уважения к феодальным правам, он возложил на каждого землевладельца, имеющего доход больше двадцати фунтов стерлингов, независимо от характера его владений, обязанность присутствовать при войне, которую он собирался вести во Франции.

Недовольство народа и баронов было всеобщим, и вскоре оно удвоилось вследствие мошенничества, к которому Эдуард без колебаний прибегнул при получении субсидии, предоставленной ему парламентом, состоявшимся в Сент-Эдмундсбери в предыдущем году (1296). Вместо того чтобы довольствоваться восьмой частью [Сноска 21] движимого имущества, которое было ему даровано, он предположил, что сумма самозванца была намного больше, и обязал своих подданных выплатить ее.

[Сноска 21: Восьмая, десятая и т. Д.) - денежный налог, взимаемый с графств, городов, округов или других населенных пунктов и названный так потому, что он составлял восьмую, десятую и т. Д. суммы, в которую эти графства, города и т. Д. Издревле оценивались во времена правления Вильгельма I. Таким образом, каждый город знал, какой вклад он должен внести. Оценки содержались в Книге судного дня. (*Парламент. История.*, том I, стр. 83.)]

Ссоры Со знатью.

В разгар волнения, вызванного этими мерами, Эдуард созвал своих баронов в Солсбери, чтобы договориться с ними об отправлении и маршировании своих армий. Он намеревался послать одну из своих армий в Гасконь, а другую повести во Фландрию, лично приняв командование последней, в то время как первая должна была выступить под руководством Хамфри Боуна, графа Херефорда, и Роджера Биго, графа Норфолка, один из которых был констеблем, другой -

лордом-маршалом Англии. Эти два человека, которые были энергичными поборниками национального дела, отказались принять миссию, которая была им предложена. Целью их отказа было заставить короля купить их согласие новым обещанием подтвердить хартии, обещанием, которое он уже дал, но которое, казалось, не спешил выполнять. Когда Эдуард отдал им приказ отправляться в Гасконь, они ответили, что готовы следовать за ним во Фландрию, но что характер их службы не позволит им отделиться от его особы. "Ты пойдешь, - сказал король, - независимо от того, пойду я с тобой или нет". Херефорд ответил, что не поедет, на что Эдуард воскликнул: "Клянусь вечным Богом, сэр граф, вы либо уйдете, либо будете повешены". "Клянусь вечным Богом, сэр король, - хладнокровно ответил Херефорд, - я не пойду ни на казнь, ни на виселицу". Эдуард не чувствовал себя достаточно могущественным, чтобы наказать за этот надменный ответ, и, опасаясь встретить такой же дух сопротивления во всех баронах, он отказался от своего намерения послать армию в Гасконь. Оба графа покинули Солсбери со своей свитой, и король, передав их должности в руки двух других лордов, приготовился отплыть во Фландрию.

Но перед своим отъездом, 12 августа 1297 года, он обратился ко всем шерифам королевства с своеобразным манифестом, возможно, уникальным для того периода, который, по его замыслу, должен был быть зачитан перед собравшимся народом. В нем король объяснял причины своей ссоры с двумя графами, оправдывал предъявленные им требования, ссылаясь на необходимость войны, и желал, чтобы его подданные поддерживали мир и порядок. Это заявление или, возможно, скорее, это обращение к общественности показывает, насколько сильно власть уже чувствовала себя зависимой от поддержки общественного мнения и вынужденной каким-то образом признать ответственность перед ним.

Первая Хартия Эдуарда I.

На это извинение за свое поведение, которое принес король, графы Норфолк и Херефорд ответили другим манифестом, который был представлен королю в Уинчелси, в котором они перечисляли все общественные обиды и требовали возмещения ущерба. Эдуард ответил, что его совет разогнан и что он не может прислушаться к этим протестам до своего возвращения, и, соответственно, отправился в свою экспедицию, оставив своего сына регентом королевства.

После этого оба графа, опубликовав свой манифест и ответ короля на него, предстали перед казначеями и баронами казначейства и запретили им, поскольку они опасались разжечь гражданскую войну, собирать для короля дань в размере одной восьмой части, которая была предоставлена парламентом в Сент-Эдмундсбери, утверждая, что ее предоставление было незаконным.

Чтобы положить конец этим разногласиям, принц-регент собрал парламент в Лондоне 10 октября 1297 года. Двум графам было предложено занять свои места в собрании, и они прибыли в сопровождении пятисот всадников и отряда пехоты и не согласились въехать в Лондон, пока не получат разрешения выставить охрану у каждого ворот. Они потребовали общего подтверждения хартий и, более того, попросили внести в них несколько дополнений. Принц-регент согласился со всеми их требованиями, и подписанный им акт подтверждения был немедленно отправлен королю, находившемуся в Генте. Эдуард, после того как ему потребовалось три дня на рассмотрение этого вопроса, санкционировал конфирмацию [Сноска

22] и даровал амнистию двум графам, которые, удовлетворенные этим проявлением великодушия со стороны короля, впоследствии отправились в Шотландию, чтобы помочь ему в войне, которую он там вел.

[Сноска 22: Копию этой хартии можно найти в примечании в конце этой лекции. Из всех других она наиболее явно выражает поддержку общественных свобод. Оно было вручено в Генте 5 ноября 1298 года; оригинал хранится в Британском музее.]

Подтверждение Устава.

Когда Эдуард снова вернулся в Англию, бароны потребовали, чтобы он лично подтвердил выданные им хартии. Король уклонился от этих требований и удалился в Виндзор. Бароны последовали за ним, чтобы возобновить свои приставания и жалобы. Король извинился, сославшись на плохое самочувствие, и велел им возвращаться в Лондон, где он пришлет им ответ. Этот ответ был новым подтверждением хартий, но содержал одно ограничительное положение: *salvo jure coronæ nostræ*. При публичном чтении хартии, которое состоялось в соборе Святого Павла, собрание, услышав, что в ней определенно подтверждены все их права, проявило живейшую радость; но едва было произнесено положение о неприкосновенности, как со всех сторон поднялся бурный ропот; народ немедленно покинул церковь, и разгневанные бароны удалились в свои владения, решив еще раз прибегнуть к силе.

Эдуард понял, что поднял против себя бурю общественного мнения, и после бесчисленных задержек и уверток, высокомерно жалуясь на то, что на него слишком сильно давят, он, наконец, принял решение созвать парламент 6 марта 1300 года и подтвердил без каких-либо ограничений все уступки, на которые он уже пошел; он даже добавил новые гарантии, которые содержались в статьях, называемых *articuli super chartas*. Основные положения, содержащиеся в этих дополнениях, заключаются в постановлении о том, что хартии должны публично зачитываться в судах графств четыре раза в год и что в каждом суде графства должны быть избраны из числа придворных рыцарей три судьи, поклявшихся принимать все жалобы на нарушения хартий и выносить наказания нарушителям.

Наконец, в следующем, 1301 году, на заседании парламента в Линкольне Эдуард, получив одобрение нового ограничения лесов, которое долгое время требовалось и, наконец, было завершено, еще раз подтвердил хартии.

С того времени, как была дарована эта конфирмационная хартия, права, которые она провозглашала, были окончательно признаны. Открытая и внешняя борьба прекратилась в этот период, но тайная и сокрытая - нет. Эдуард нетерпеливо переносил ярмо, которое он взвалил на себя, и пытался освободиться от него. Он, однако, не осмеливался поднять маску, но скрывал все свои усилия. Ближе к концу 1304 года он обратился к папе Клименту V. с просьбой освободить его от клятв. Понтифик выполнил его желание и буллой от 5 января 1305 года объявил, что все обещания и уступки, данные Эдуардом, были *аннулированы, не имеют юридической силы*. [Сноска 23]

[Сноска 23: Копию этой буллы можно найти в примечании в конце этой лекции.]

Этот принц не осмелился, как это ранее сделал Иоанн, воспользоваться этой буллой и поэтому держал ее в строжайшем секрете; но он все еще прибегал к тайным маневрам. Он начал с серии гнусных преследований тех, кто возглавлял конфедерацию баронов, и особенно графа Норфолка и архиепископа Кентерберийского. Эти двое мужчин, хотя в прежние годы они были такими отважными, теперь уступили с беспомощностью, которая может быть извинена только их преклонным возрастом. Но было слишком поздно; авторитет короля больше не мог ничего противопоставить хартиям, и слабость даже их бывших защитников не могла усилить могущество королевской власти. Смерть вскоре после этого положила конец всем попыткам Эдуарда осуществить задуманное: это внезапно застало его врасплох, когда он был в Шотландии, 7 июля 1307 года. С этого периода хартии, несмотря на все нападки на них, оставались незыблемой основой общественного права в Англии.

Статут Эдуарда I.

Закон, изданный Эдуардом I. в подтверждение Хартий. 5 ноября 1297 года.

Эдвард, милостью Божьей, король Англии, лорд Ирландии и герцог Гайанский, приветствую всех, кто услышит или увидит эти настоящие письма. Знайте, что мы, к чести Бога и Святой Церкви, а также на благо нашего королевства, постановили, что для нас и для наших наследников хартия вольностей и лесная хартия, которые были приняты с общего согласия всего королевства во времена короля Генриха, нашего отца, будут соблюдаться во всех пунктах без нарушений. И мы желаем, чтобы те же хартии были разосланы под нашей печатью, а также нашим лесным судьям, как и другим, и всем шерифам графств, и всем другим нашим должностным лицам, и во все наши города по всему королевству, вместе с нашими указами, в которых это будет содержаться; чтобы они опубликовали вышеупомянутые хартии и объявили народу, что мы подтвердили их по всем пунктам; и что наши судьи, шерифы, мэры и другие министры, которые под нашим началом руководствуются законами нашей страны, признают упомянутые хартии, рассмотренные ими на суде, по всем их пунктам, а именно Великую Хартию как общее право и хартию лесов для богатства нашего королевства.

И мы желаем, чтобы, если отныне судьями или любыми другими нашими министрами будет вынесено какое-либо решение, противоречащее пунктам вышеупомянутых хартий, которые будут выступать перед ними с заявлениями против пунктов хартий, оно было отменено и признано недействительным.

И мы желаем, чтобы те же самые хартии были разосланы под нашей печатью в кафедральные церкви по всему нашему королевству, чтобы они оставались там и зачитывались перед народом два раза в год.

И все архиепископы и епископы должны вынести приговор об отлучении от церкви всех тех, кто словом, делом или советом противоречит вышеупомянутым хартиям или кто в любом пункте нарушает или отменяет их. И чтобы упомянутые проклятия дважды в год разоблачались и публиковались вышеупомянутыми прелатами. И если те же самые прелаты или кто-либо из них упустит возможность отменить указанные приговоры, архиепископы Кентерберийский и Йоркский на время принудят их к исполнению своих обязанностей в вышеуказанной форме:

И поскольку многие люди нашего королевства опасаются, что помощь и задания, которые они давали нам раньше для наших войн и других дел, по их собственному согласию и доброй воле, какими бы они ни были, могут превратиться в рабство для них и их наследников, потому что в другое время их можно было бы найти в Списках, а также в отношении наград, получаемых по всему королевству нашими министрами, мы предоставили для нас и для наших наследников, что мы не будем включать такие пособия, задачи или награды в обычай ни за что, что было сделано. до сих пор, будь то по Списку или любой другой прецедент, который может быть найден.

Более того, мы предоставили для нас и для наших наследников, а также архиепископам, епископам, аббатам, приорам и другим представителям Святой Церкви, а также графам, баронам и всему населению страны, что отныне мы не будем брать подобную помощь, задания или награды ни для каких других целей, кроме как с общего согласия королевства и для его общей выгоды, сохраняя причитающиеся и привычные древние пособия и награды.

И предвидя, что большая часть населения этого королевства будет сильно огорчена пошлиной в размере сорока шиллингов за каждый мешок шерсти и подаст прошение к нам об освобождении от нее; мы, по их просьбам, четко освободили его и предоставили для нас и наших наследников, что мы не будем брать такие вещи без их общего согласия и доброй воли; сохраняя для нас и наших наследников обычай в отношении шерсти, кож и выделки кожи, установленный ранее вышеупомянутым сообществом. В подтверждение чего мы сделали так, чтобы эти наши письма были оформлены в виде патентов. Стань свидетелем, Эдуард, наш сын, в Лондоне, 10 октября, на двадцатом пятом году нашего правления.

И помните, что эта же хартия, в тех же выражениях, слово в слово, была скреплена во Фландрии большой королевской печатью, то есть в Генте, 5 ноября, на двадцать пятом году правления нашего вышеупомянутого господина короля, и отправлена в Англию.

Булла папы римского Климента V.

Письмо Климента V. Эдуарду I.

Климент, епископ, слуга слуг Божьих, нашему возлюбленному сыну в Иисусе Христе Эдуарду, прославленному королю Англии, здоровья и апостольского благословения:

Чистота твоей верноподданнической преданности, которая есть и была неизменной и бросающейся в глаза в твоем неустанном внимании к желаниям Святого Престола, вполне заслуживает того, чтобы сам Святой Престол устранил все, что враждебно твоему благополучию, подавил все, что тебе не нравится, и всегда обеспечивал тебе пользование всеми благами.

Недавно мы узнали из заслуживающего доверия сообщения, что в последнее время, когда ты был во Фландрии, и даже до твоего прибытия туда, когда твои усилия использовались для сохранения твоих прерогатив против твоих врагов и соперников, что тогда некоторые магнаты и дворяне твоего королевства и другие лица, враждебные твоей власти, воспользовавшись случаем, когда ты был занят борьбой против тех в другом королевстве, кто выступал против твоего правления, пригрозили, что, если ты не пойдешь на определенные уступки различного и

несправедливого характера, касающиеся как лесных, так и других прав, которые могут быть нарушены. если бы с незапамятных времен тебе принадлежала корона и достоинство твоего сана (чего также прежде они настойчиво добивались перед твоим отъездом из упомянутого королевства), они составили бы заговор против тебя, возбудили бы народ и распространили бы различные скандалы:

И что ты, благоразумно относясь к их заговору и желая затем избежать опасностей, которые нависали над тобой, пошел на эти уступки скорее по принуждению, чем с твоего свободного согласия:

И что, наконец, по твоему возвращению в твое королевство, когда войны еще не закончились, упомянутые магнаты и другие, посредством своих назойливых и самонадеянных предложений, добились от тебя возобновления этих уступок; и что они, более того, добились королевского приказа о том, чтобы в каждой кафедральной церкви королевства дважды в год выносился приговор об отлучении от церкви тех, кто нарушит упомянутые уступки, как формально и подробно изложено в упомянутых приказах, скрепленных королевской печатью:

Поскольку, следовательно, Святой Апостольский Престол относится к твоему королевству благосклонно, даже превыше всех других королевств, и питает к тебе лично самые дружеские чувства, и признает, что все эти уступки были сделаны и вымогались за счет твоей чести и в ущерб твоему королевскому суверенитету:

Итак, апостольской властью и всей нашей властью мы отменяем, аннулируем и расторгаем упомянутые уступки и все их последствия, а также все, что может из них вытекать, а также приговоры об отлучении от церкви, которые были или могут быть вынесены для их соблюдения либо в упомянутых церквях, либо где-либо еще, мы объявляем их отмененными, недействительными и не имеющими силы; аннулируя также приказы и письма, поводом к которым они послужили; мы постановляем для тебя и для твоих преемников на троне Англии, что вы не обязаны и никогда не будете обязаны соблюдать их, даже если у вас могут быть вы дали себе такое обязательство клятвой; кроме того, как вы заверили нас, во время церемонии вашей коронации вы поклялись сохранять почести и прерогативы вашей короны; так что, если даже вы обрекли себя на какое-либо наказание за это, мы освобождаем вас от него, а также от обвинения в лжесвидетельстве, если оно будет выдвинуто против вас.

Чтобы обеспечить исполнение наших желаний, мы категорически запрещаем нашим достопочтенным братьям, архиепископам, епископам и другим лицам, как церковным, так и светским, которые обосновались в твоем королевстве, делать или пытаться что-либо противоречащее духу настоящего аннулирования, под страхом отстранения архиепископов и епископов от их должностей и бенефиций; и, если они будут упорствовать в течение одного месяца, под страхом отлучения от церкви, которое будет, по этой единственной причине, объявлено против них и всех, кто причастен к этому. их замыслы.

Мы заранее заявляем, что любая попытка оспорить наш настоящий указ является недействительной.

Если, однако, у жителей указанного королевства есть какие-либо права, которыми они обладают на основании предыдущих писем и уступок, сделанных тобой таким образом, мы не намерены лишать их этого.

Никому не должно быть позволено абсолютно нарушать в какой-либо частности или только противоречить настоящему акту аннулирования.

Если кто-либо осмелится допустить это в себе, пусть знает, что он навлекает на себя негодование Всевышнего и блаженных апостолов Петра и Павла. (Раймер, *Acta Publica*, том ii., стр. 372.)

Лекция X.

Необходимость исследования политического смысла слова *представительство* в то время, когда начало формироваться представительное правительство.

Ошибочные теории на этот счет.

Теория Руссо, отрицающая представительство и настаивающая на индивидуальном суверенитете.

Теории авторов, пытающихся примирить принцип представительства с принципом индивидуального суверенитета.

Ошибочность идеи о том, что суверенитет принадлежит большинству.

Истинная идея репрезентации.

Значение репрезентации.

Мы изучили примитивные институты англо-нормандского правительства; мы проследили последовательные этапы в истории хартий и борьбы, которую вели бароны за то, чтобы добиться утверждения их королевской властью; но до этого момента мы не видели ничего от представительного правительства. Однако сейчас мы подошли к тому моменту, когда это правительство начало формироваться. Сейчас наше внимание должно быть привлечено к созданию парламента, то есть к зарождению представительной системы.

По мере того, как мы приближаемся к этому великому историческому вопросу, перед нами встает вопрос политической философии: — каков истинный и законный смысл этого слова *представительство* применительно к управлению сообществом? Не нам проходить мимо этого вопроса, не обратив на него внимания: история политических институтов теперь уже не является простым изложением фактов, — она должна основываться на принципах; — она не заслуживает названия науки и не обладает авторитетом науки до тех пор, пока не будет озвучена и выставлена в ясном свете первичная основа разума, от которой происходят факты, которые она собирает. Политическая история теперь не может быть иначе, как философской; этого требует стадия человеческой культуры, которой достигло сознание общества.

Теория Руссо.

Давайте теперь предположим, что представительное правительство, аристократическое или демократическое, монархическое или республиканское, полностью установлено и действует: если бы кто-нибудь спросил гражданина такого государства, — предположим, что это человек здравомыслящий, но неискушенный в политических спекуляциях, — "Почему вы избираете такого депутата?" он отвечал: "Потому что при рассмотрении общественных дел я считаю его более способным, чем кто-либо другой, поддержать дело, с которым связаны мои мнения, мои чувства, мои интересы".

Теперь представьте этого человека перед политическими теоретиками, которые рассуждали о представительстве; пусть его здравый смысл войдет в контакт с их системами; истина вскоре будет запутана и затемнена ложностью науки.

Один ученый джентльмен обращался к нему так: "Что ты наделал? Вы предоставили себе представителя, — вы больше не свободны, — вы больше не являетесь по правде гражданином свободного государства. Свобода означает суверенитет человека над самим собой, право подчиняться только своей индивидуальной воле. И суверенитет не может быть представлен просто потому, что воля не может быть представлена — это либо то же самое, либо что-то совершенно другое, здесь нет посредника. Кто заверил вас, что ваш представитель всегда и во всех случаях будет придерживаться той же воли, что и вы? Он, безусловно, не будет таким любезным. Таким образом, несмотря на то, что вы были представлены, вы отдали ему свою волю, свой суверенитет, свою свободу. Вы отдали себя не представителю, а мастеру. И почему? Потому что вы ленивый, алчный, трусливый индивидуум, который уделяет гораздо больше внимания своим личным заботам, чем общественным делам, который скорее заплатит солдатам, чем пойдет на войну, который скорее назначит депутатов и останется дома, чем пойдет сам и примет участие в обсуждениях национального совета".

Именно так Руссо понимает представительство: он считает, что оно обманчиво и невозможно, и что каждое представительное правительство по своей природе незаконно. [Сноска 24]

[Сноска 24: *Социальный контраст*, b. iii. с. xv.]

Теория индивидуального суверенитета.

Пусть к тому же гражданину обратятся другие врачи, которые, придерживаясь тех же идей суверенитета и свободы, что и Руссо, и, тем не менее, веря в репрезентативность, пытаются согласовать эти различные концепции. Они могли бы сказать ему: "Совершенно верно; суверенитет принадлежит вам и только вам; но вы можете делегировать полномочия, не отказываясь от них; вы делаете это каждый день; вашему управляющему вы поручаете управление вашими землями, вашему врачу заботу о вашем здоровье, и вы передаете свои юридические дела в руки вашего поверенного. Жизнь обширна и сложна, вашего личного контроля недостаточно для всей ее деятельности и требований; везде, где вы пользуетесь помощью других в осуществлении своей собственной власти, вы нанимаете слуг. Это всего лишь новое применение того же принципа — вы нанимаете на одного слугу больше. Если он отклоняется от ваших указаний, если ему не удастся выразить вашу волю, мы допускаем, что он злоупотребляет своим доверием. Когда вы даете ему свое избирательное право, вы не

отказываетесь от него в пользу своей свободы — с другой стороны, он, получив их, отказался от своей собственной. Мандат, который он получил от вас, делает его рабом, в то время как вас он делает свободным. При этом условии представительство становится законным, поскольку представляемое лицо не перестает быть суверенным".

Что скажет на это гражданин? Он должен сделать свой выбор: такова, как ему говорят, природа представительства, что, так или иначе, всякий раз, когда он назначает заместителя, он делает кого-то рабом, будь то его представитель или он сам. Это было далеко от его намерений; желая жить одновременно в свободе и безопасности, он связал себя, действуя заодно со своими согражданами, с человеком, которого он считал таким же свободным, как и он сам, и которого он считал способным защитить свою свободу и обеспечить свое спокойствие; когда он давал этому человеку свое избирательное право, он не верил, что тот порабощает себя или объект своего выбора; —он думал вступить с ним в отношения союза, а не суверенитета или рабства; — он делал только то, что практически каждый день делают люди, которые, имея интересы, которые являются идентичными и не способные управлять ими индивидуально и напрямую, доверьте их тому человеку из их числа, который, по-видимому, наиболее способен эффективно управлять ими, демонстрируя таким образом своей уверенностью свое уважение к его превосходству и сохраняя в то же время право судить по его поведению, реально ли превосходство и заслужено ли доверие. Рассматриваемый сам по себе, это факт избрания, ни больше ни меньше. Что же тогда можно сказать о теории, которая приходит к денатурализации факта и придает ему значимость, которой он никогда не имел при своем возникновении ни в намерениях, ни в разуме заинтересованных сторон.

Следствия из этих теорий.

Источник всей этой путаницы следует искать в неправильном понимании слова *представительство*; и это слово было неправильно понято, потому что распространялись ложные идеи относительно суверенитета и свободы. Поэтому мы должны вернуться к более ранним этапам исследования.

Фундаментальный принцип философий, которым мы противостоим, состоит в том, что каждый человек является абсолютным хозяином сам себе, что единственным законным законом для него является его индивидуальная воля; ни у кого никогда не было, какими бы ни были его полномочия, никаких прав на него, если он не дает на это своего согласия. Исходя из этого принципа, Руссо видел, и видел действительно, что поскольку воля является чисто индивидуальным фактом, то и всякое представление о воле невозможно. Предполагая, что воля является единственным источником законной власти, которую человек осуществляет над самим собой, из этого следует, что ни один человек не может передать эту власть другому, поскольку он не может решить, что его воля должна быть передана другому человеку и перестать пребывать в нем самом. Он не может наделить властью, которая, несомненно, сопряжена с риском того, что он будет вынужден подчиняться иной воле, отличной от его собственной; ибо именно по этой причине, если ни по какой другой, эта власть была бы незаконной. Следовательно, всякая мысль о представительстве является заблуждением, а всякая власть, основанная на представительстве, является тиранической, ибо человек остается

свободным только до тех пор, пока он не подчиняется никакому закону, кроме закона своей собственной воли.

Вывод неизбежен: единственная вина Руссо заключалась в том, что он недостаточно далеко продвинулся в этом вопросе. Зайдя так далеко, как это привело бы его, он бы полностью воздержался от поисков наилучшего правительства, он бы осудил все конституции - он бы подтвердил незаконность всякого закона и всякой власти. В самом деле, какое мне дело до того, что вчера из моей воли исходил закон, если сегодня моя воля изменилась? Вчера моя воля была единственным источником легитимности закона; почему же тогда закон должен оставаться легитимным, если он больше не санкционируется моей волей? Могу ли я не желать больше одного раза? Исчерпывает ли моя воля свои права одним действием? И поскольку это мой единственный хозяин, должен ли я, следовательно, рабски подчиняться законам, от которых этот создавший их хозяин велит мне отказаться? Этого не упустил из виду Руссо: "Абсурдно, - говорит он, - предполагать, что воля должна сковывать себя цепями для будущего". [Сноска 25]

[Сноска 25: *Социальный контраст*, b. ii. с. i.]

Теория примирения.

Таким образом, это является следствием принципа, когда он честно выполняется. Руссо не видел этого или не осмеливался увидеть; это разрушительно не только для всего правительства, но и для всего общества. Это налагает на человека абсолютную и продолжительную изоляцию, не позволяет ему брать на себя какие-либо обязательства или связывать себя каким-либо законом и вносит элемент распада даже в лоно самого индивида, который может связать себя со своей собственной природой не больше, чем с любым другим человеком: ибо его прошлая воля, то есть то, чего он больше не желает, имеет на него не больше прав, чем воля незнакомца.

Руссо, по крайней мере иногда, сомневался в применении своего принципа и упускал его из виду только тогда, когда, если бы он оставался ему верен, ему пришлось бы пожертвовать ради него всем остальным. Умы менее могущественные, чем он, и, следовательно, менее способные сбросить с себя ярмо социальных потребностей, верили, что смогут сохранить этот принцип, не признавая всех его последствий. Подобно Руссо, они признали, что, поскольку каждый человек является единственным хозяином самого себя, ни один закон не может быть для него обязательным, если он не соответствует его воле, — аксиома, которая стала популярной в такой форме: *никто не обязан подчиняться законам, на которые он не давал своего согласия*. Рассуждая со строгой логической строгостью, Руссо понял бы, что эта аксиома не оставляет места организованной власти. Во всяком случае, он ясно показал, что любое представительство власти было осуждено ею как незаконное и обманчивое. Другие политические теоретики пытались вывести из этого само представительство и все полномочия, основой которых оно является. Они исходили примерно из следующего:—

Они бесстрашно поставили себя перед существующими фактами, решив регулировать их в соответствии со своим удобством, попеременно навязывая фактам принцип, который они отвергают, и налагая на этот принцип последствия, которые он естественным образом не допустит. Дано — поддерживать общество и строить правительство, не переставая утверждать,

что воля человека является источником легитимности власти. Требуется, чтобы эта работа следовала этому принципу — они определяют, что так и должно быть.

Представление завещаний.

Но с самого начала они сталкиваются с невозможностью: как избежать навязывания людям какого-либо закона без их согласия. Как можно консультироваться со всеми индивидуальными волеизъявлениями относительно каждого конкретного закона? Руссо не колебался; он объявил великие государства незаконными и что необходимо разделить общество на маленькие республики, чтобы, по крайней мере, один раз воля каждого гражданина могла дать свое согласие закону. Даже если бы это можно было сделать, проблема была бы далека от решения, так что принцип должен казаться полностью иллюстрированным, какие бы тесты к нему ни применялись. Но все же невозможность в конце концов исчезла, и логическая последовательность была сохранена. Политические теоретики, о которых мы говорим, гораздо более робкие, чем Руссо, не осмелились протестовать против существования больших сообществ, но они не побоялись преодолеть невозможность с помощью новой непоследовательности. Хотя они не предоставляют отдельным лицам права только подчиняться законам, соответствующим их воле, они заменяют его правом подчиняться только законам, которые исходят от власти, созданной по их воле; они думали уважать этот принцип, основывая легитимность закона на выборах законодательной власти. Таким образом, теория репрезентации, то есть репрезентации воли, вновь появилась, несмотря на логические рассуждения Руссо: ибо до тех пор, пока воля человека признается единственным законным сувереном для него, если попытаться создать власть посредством репрезентации, то вид репрезентации, который действительно будет предпринят, будет репрезентацией воли.

Но эта теория должна быть реализована и сведена к практике. Теперь, после аннулирования, насколько это касается создания закона, столько индивидуальных завещаний, самое меньшее, чего можно было бы ожидать, - это того, что все должны быть призваны высказать свое мнение при назначении тех, кому будет поручено составлять законы. Всеобщее избирательное право было, таким образом, неизбежным следствием принципа, который уже был так жестоко извращен; иногда его провозглашали, но никогда фактически не принимали. Таким образом, новая невозможность снова привела к новой непоследовательности. Нигде право голоса за законодательную власть не принадлежало более чем небольшой части общества; женщины, по крайней мере, всегда были исключены из него. Таким образом, в то время как воля была признана единственным законным сувереном в каждом индивидууме, большое количество индивидуумов даже не принимало никакого участия в создании того искусственного суверенитета, который представительство предоставило всем.

Теория исполнительной власти.

Мы могли бы продолжить эти исследования и на каждом шагу обнаруживали бы какое-нибудь новое отклонение от принципа, который, как утверждается, всегда должен соблюдаться как составляющий прочную основу, от которой зависит формирование правительств. Наиболее примечательным из этих отклонений, безусловно, является превосходство, которое повсюду приписывается большинству над меньшинством. Кто не видит, что, когда принцип абсолютного

суверенитета индивида над самим собой однажды признан, это превосходство полностью ложно? А если ложно, то как возможно общество?

Я сказал достаточно, я думаю, чтобы показать, что этот предполагаемый принцип бессилен для законного создания правления обществом и что он должен постоянно уступать необходимости и, наконец, полностью исчезнуть. Теперь я рассмотрю это с другой точки зрения. Я предположу, что работа завершена, что правительство сформировано; и я спрашиваю, каково будет влияние этого принципа на правительство, которое, как утверждается, вытекает из него и которое было создано только в результате многочисленных противоречий. Какое право будет иметь правительство над отдельными людьми, только по чьей воле, как утверждается, оно обладает какой-либо легитимностью? Здесь, как и везде, необходимо снова обратиться к этому принципу; он должен определять право правительства при его создании, точно так же, как он должен был руководить его формированием.

Представлены две системы. Согласно первому, индивидуальная воля, создавшая законодательную власть, тем самым не утратила присущего ей суверенитета; они обеспечили себя слугами, а не хозяевами; это правда, что они создали эту власть для того, чтобы она могла повелевать, но при условии, что она будет подчиняться. Сама по себе и по отношению к тем, от кого она выполняет свои поручения, это не что иное, как разновидность исполнительной власти, назначенной для придания формы законам, которые она получила, и постоянно подчиненной той другой власти, которая остается распределенной среди лиц, с которыми она первоначально проживала, и которая, хотя и не имеет формы и голоса, тем не менее является единственной абсолютной и постоянно легитимной властью. На самом деле, есть суверен, который не только не управляет, но и подчиняется, в то время как есть правительство, которое приказывает, но не является суверенным.

Теория деспотической власти.

Согласно другой системе, те индивидуальные воли, которые создали законодательную и центральную власть, так сказать, поглощены ею; они отреклись от власти, которая их представляет; и она представляет их во всей полноте присущего им суверенитета. Очевидно, что это чистый и несмешанный деспотизм, строго выведенный из принципа, согласно которому воля должна быть представлена в правительстве, и который фактически принимался всеми правительствами, возникшими из этого источника. *"Избранный сувереном сам является сувереном:"* таково было заявление как Конвента, так и Наполеона; отсюда уничтожение всякой ответственности у власти и всех прав, принадлежащих гражданам. Это, конечно, было не то завершение, которого "друзья свободы" требовали от представительства.

Первая из этих систем является наиболее правдоподобной, и у нее до сих пор есть много добросовестных сторонников. Эта система хороша постольку, поскольку она игнорирует неотъемлемое право на суверенитет как собственность любого правительства; ее ошибка заключается в том, что этому праву позволено существовать где бы то ни было. Я здесь не рассматриваю его в связи с каким-либо другим принципом, кроме того, из которого он якобы вытекает; и если индивидуальная воля, создавшая законодательную власть, обязана подчиняться ее законам, то что становится с этим принципом? Вы говорите, что каждый человек свободен только в той мере, в какой он остается хозяином своей собственной воли. Тогда

свободными в вашем правительстве будут только те, кто по счастливому совпадению чувств со своими законодателями одобряет законы так тщательно, как если бы они сами их сочинили; ибо всякий, кто обязан подчиняться законам, одобряет он их или нет, немедленно теряет свой суверенитет над самим собой, свою свободу. И если у него есть право на неповиновение, если воля законодательной власти не властна над волями, которые ее создали, что становится с этой властью? Что становится с правительством? Что происходит с обществом?

Должно показаться несколько излишней тратой логической силы так часто апеллировать к принципу в то время, как власть постепенно выстраивается, когда оказывается, что тот же принцип, если к нему еще раз обратиться, когда дело, по-видимому, завершено, наносит смертельный удар самой этой власти. Таким, однако, должен быть результат, ибо принцип с самого начала отрицал силу, которая должна была быть выведена из него.

Ошибочность Принципа

Итак, если мы обнаружим, что этот принцип при последовательном следовании может привести только к распаду общества или формированию тирании, — если он не может привести ни к какой законной власти, — если он в конце концов ставит нас, после наших поисков свободного и разумного политического порядка, перед альтернативой невозможности или непоследовательности, — не должны ли мы самым очевидным образом искать зло в самом принципе, с которого мы исходили?

Таким образом, неверно, что человек является абсолютным хозяином самого себя, что его воля является единственным законным законом, что никто, никогда и ни при каких обстоятельствах, не имеет на него никаких прав без его согласия. Когда философы рассматривали человека самого по себе, вне всякой связи с его собратьями, рассматривая его активную жизнь только в ее отношении к его собственному пониманию, им никогда не приходило в голову заявить, что его воля является для него единственным законным законом, или, что то же самое, что каждое действие справедливо только потому, что оно добровольно. Все признали, что его окружает определенный закон, отличный от индивидуальной воли, — закон, который называется либо разумом, либо моралью, либо истиной, и от которого он не может отделить свое поведение, не сделав осуществление своей свободы либо абсурдным, либо преступным. Все системы, на каких бы принципах они ни основывали законы морали и разума, — говорят ли они об интересе, чувстве, общем согласии или долге, — являются ли они спиритуалистическими или материалистическими по своему происхождению, — исходят ли они от скептиков или догматиков, — все признают, что некоторые действия разумны, а другие неразумны, одни справедливы, а другие несправедливы, и что если индивид действительно остается свободным действовать либо в соответствии с разумом, либо в нарушение его, эта свобода не составляет никакого права и не приводит к тому, что любое действие, которое само по себе абсурдно или преступно, перестает быть таковым, потому что оно имеет было выполнено добровольно.

Более того: как только индивид, готовый действовать, требует от своего разума некоторого разъяснения своей свободы, он воспринимает закон, который предписывает ему то, что само по себе истинно, и в то же время он признает, что этот закон не является продуктом его собственной индивидуальной природы, и что по велению своей воли он не может ни отречься, ни изменить его. Его воля остается свободной подчиняться или не повиноваться его разуму; но

его разум, в свою очередь, остается независимым от его воли и по необходимости судит согласно признанному им закону волю, которая восстает против него.

О Представлении Воли.

Таким образом, говоря философски и справедливо, индивид, рассматриваемый сам по себе, не может распоряжаться собой произвольно и в соответствии со своей единственной волей. Законы, которые являются обязательными, не создаются и не навязываются ему по его воле. Он получает их из высшего источника; они приходят к нему из сферы, которая находится над областью его свободы, — из сферы, где свободы нет, — где вопрос, подлежащий рассмотрению, заключается не в том, желанна вещь или нет, а в том, истинна она или ложна, справедлива или несправедлива, согласуется или противоречит разуму. Когда эти законы нисходят из этой возвышенной сферы, чтобы войти в сферу материального мира, они вынуждены проходить через область, где господствует свобода, существующая на границе этих двух миров; и вот тут-то и возникает вопрос, будет ли свободная воля индивида соответствовать законам этого суверенного разума или нет. Но каким бы образом ни решался этот вопрос, суверенитет не отказывается от разума и не привязывается к воле. Ни в коем случае воля сама по себе не может придать совершаемым ею действиям характер законности; они обладают или не обладают этим свойством, в зависимости от того, соответствуют они разуму, справедливости и истине, из которых только и может проистекать законная власть.

Чтобы выразить ту же мысль по—другому, — человек не обладает абсолютной властью над собой в силу своей воли: как нравственное и разумное существо, он является субъектом, подчиняющимся законам, которые он не сам устанавливал, но которые имеют законную власть над ним, хотя, как свободный агент, он имеет право отказаться от них, не своим согласием, а своим повиновением.

Если мы рассмотрим все философские системы в их основе, — если мы поднимемся над различиями, которые могут существовать в их формах, — мы убедимся, что не найдется ни одной, которая не признавала бы принцип, который я сейчас выразил. Как же тогда получается, что философы, оставляя человека рассматривать как изолированное существо и рассматривая его в его отношениях с другими людьми, исходили из принципа, который они не осмелились бы принять в качестве основы своих моральных доктрин, но который послужил основой их политических теорий? Как получается, что воля, которая у отдельного индивида никогда не возвышалась до положения абсолютного и единственно законного суверена, все же внезапно оказывается наделенной этим титулом и соответствующими правами, как только индивид оказывается вместе с ним в присутствии других индивидов подобной природы?

Область Действия Воли.

Факт можно представить таким образом: в том смешении и столкновении индивидов, которое мы называем обществом, философы, о которых мы говорим, упорно придерживались того, что действительно проявляется первым, а именно, смешения и столкновения индивидуальных волей. Истинный инстинкт, возможно, ими не признаваемый, внезапно напомнил им, что воля сама по себе и в силу своей сущностной структуры не является законным властелином человека. Если оно не занимает такого положения в индивидууме и в той мере, в какой это касается его самого, то как оно может быть возведено в такой ранг, когда речь идет о другом индивидууме? Как следует то, что, в свои собственные действия, не имеет ничего то есть законными с точки зрения

разума, когда он говорит, Я,—как должно было никакого права диктовать свою волю, как закон для другого человека? Никакая воля, просто потому, что это воля, не имеет власти над другой волей: это очевидно; любое противоположное предположение возмутительно; это грубая сила, чистый деспотизм.

Как устранить эти затруднения? Как заставить людей проявлять волю к сотрудничеству, не вступая в конфликт, искать убежища, не подавляя друг друга? Философы видели только один метод достижения этого, и он заключается в том, чтобы приписать каждой воле абсолютный суверенитет, полную независимость; они провозгласили, что каждый индивид является абсолютным хозяином своей собственной личности; иными словами, они возвели все индивидуальные воли в ранг и положение суверенитета. Соответственно, воля, которая в человеке, рассматриваемом отдельно и сам по себе, не обладает суверенной и законной властью, была наделена ею, как только человек стал рассматриваться в его отношениях с другими людьми. Таким образом, ответ *"моя воля не согласна"*, который внутри самого индивида не может установить никакого права, если он противоречит законам разума, стал вне индивида основой права, всегда достаточным и в конечном итоге авторитетным разумом.

Аргумент Родительского авторитета.

Необходимо ли нам доказывать, что принцип, который в его применении к человеку, рассматриваемому как индивид, очевидно ложен и разрушителен для всякой морали и всякого закона, в равной степени справедлив в отношениях между людьми; и что как в одном, так и в другом случае легитимность закона и власти, то есть повиновения или сопротивления, проистекает из совершенно иного источника, чем воля?—Два факта послужат нам вместо аргументов:—

Кто когда-либо отрицал законность родительской власти? у нее есть свои пределы, и она может быть доведена до крайности, как и любая другая человеческая сила; но утверждалось ли когда-нибудь, что она незаконна настолько, что послушание ребенка, которым она стремится управлять, не является добровольным? Инстинктивное чувство истины в данном случае не позволило никому даже утверждать подобную абсурдность. Тем не менее воля ребенка, рассматриваемая сама по себе, несколько не отличается от воли вполне взрослого человека; она имеет ту же природу и одинаково ценна для индивида. Итак, вот иллюстрация легитимной власти в случаях, когда подчинение ей не является добровольным. И откуда эта власть заимствует свою легитимность? очевидно, из превосходства разума отца над разумом ребенка, превосходства, которое указывает на положение, которое отец призван занимать по закону, стоящему над ним, и которое устанавливает его право занять это положение. Законная власть здесь не принадлежит воле ребенка, которому нужна причина, необходимая для такой власти, и даже не принадлежит простой воле отца, поскольку воля никогда не может отстоять право от самой себя; она принадлежит разуму и тому, кто им обладает. Миссия, которую Бог возложил на отца для выполнения, состоит в том, что он должен учить своего ребенка тому, чему учит его разум, и подчинять свою волю требованиям разума до тех пор, пока он не сможет контролировать свою волю сам. Легитимность родительской власти вытекает из факта этой миссии: это устанавливает ее право, а также определяет ее пределы, поскольку отец не имеет права навязывать ребенку какие-либо законы, кроме тех, которые являются справедливыми и разумными. Отсюда правила и процессы разумного воспитания, то есть законного

осуществления родительской власти; но принцип права заключается в миссии и разуме родителя, а не в какой-либо из волей, которые здесь приведены в соответствие друг с другом.

Разум - Источник Силы.

Позвольте мне напомнить вам еще один факт. Когда хорошо известно, что какой-либо человек сумасшедший или идиот, принято лишать его полной свободы. На каком основании? погибла ли его воля? если это принцип законной власти, то не всегда ли он существует для ее осуществления? Воля все еще присутствует; но истинный властелин человека, повелитель самой воли, рассуждающий разум отошел от индивида. Следовательно, она должна поступать к нему из другого источника — им должен управлять разум, внешний по отношению к нему, поскольку его собственный стал неспособен контролировать его волю.

То, что верно в отношении ребенка и слабоумного, верно и в отношении человека вообще: право на власть всегда проистекает из разума, но никогда из воли. Никто не имеет права навязывать закон, потому что он этого желает; никто не имеет права отказываться подчиняться ему, потому что его воля противоречит ему; — легитимность власти заключается в соответствии ее законов вечному разуму, а не в воле человека, который их применяет, или того, кто подчиняется власти.

Следовательно, если бы философы желали придать власти законный характер и ограничить ее пределами права, вместо того чтобы возводить все индивидуальные воли в ранг суверенов и соперников в верховной власти, они должны были бы всех их поставить в положение подданных и поставить над ними одного суверена. Вместо того чтобы говорить, что каждый человек является абсолютным хозяином сам себе и что ни один другой человек не имеет права на него против его воли, они должны провозгласить, что ни один человек не является абсолютным хозяином ни самому себе, ни какой-либо другой личности, и что никакое действие, никакая власть, осуществляемая человеком над человеком, не является законной, если на нее требуется санкция разума, справедливости и истины, которые являются законом Божиим. Одним словом, они должны повсеместно запретить абсолютную власть, вместо того чтобы предоставлять ей убежище в каждой индивидуальной воле, и предоставить каждому человеку право, которым он фактически обладает, отказываться от подчинения любому закону, который не является божественным законом, вместо того, чтобы приписывать ему право, которым он фактически не обладает, подчиняться только своей собственной воле.

Истинная Доктрина Репрезентации.

Теперь я могу вернуться к конкретному вопросу, который я предложил в начале, и определить, что такое *представительство* на самом деле, оправдывая, таким образом, как в принципе, так и в результатах, систему правления, к которой применяется это название.

Нас больше не интересует представление индивидуальных волей, что на самом деле невозможно, как это полностью продемонстрировал Руссо, хотя он ошибался, думая, что это и есть цель представления. Поэтому мы не стараемся избегать этой невозможности и, таким образом, впадаем в непоследовательность, как это делали другие политические теоретики. Эти

попытки, незаконные в принципе и тщетные по своим результатам, кроме того, сопряжены с огромным злом обмана людей; ибо они заявляют, что строят себя на принципе, который они постоянно нарушают; и посредством преступной лжи они обещают каждому человеку уважение к его индивидуальной воле, — будь то просвещенной или невежественной, разумной или неразумной, справедливой или несправедливой, — такое, которого на самом деле они не могут ему оказать и которое они по необходимости вынуждены отрицать.

Истинная доктрина репрезентации более философична и более искренна. Отталкиваясь от принципа, согласно которому истина, разум и справедливость, — одним словом, божественный закон, — одни обладают законной силой, его рассуждения сводятся примерно к следующему: Каждое общество, в соответствии со своей внутренней организацией, своими предшественниками и совокупностью влияний, которые его изменяли или все еще изменяют, находится в определенной степени в состоянии воспринимать истину и справедливость как божественный закон и в определенной мере склонно подчиняться этому закону. Используя менее общие термины: — в каждом обществе существует определенное количество справедливых идей и воль, гармонирующих с теми идеями, которые уважают взаимные права людей и социальные отношения с их результатами. Эта сумма справедливых идей и верноподданнической воли рассеяна среди индивидов, составляющих общество, и неравномерно распределена между ними из-за бесконечно разнообразных причин, влияющих на нравственное и интеллектуальное развитие людей. Следовательно, главная забота общества заключается в том, чтобы, насколько позволит либо постоянная немощь, либо существующее состояние человеческих дел, эта сила разума, справедливости и истины, которая единственная обладает присущей легитимностью и только она имеет право требовать повиновения, могла стать преобладающей в обществе. Очевидно, что проблема состоит в том, чтобы собрать со всех сторон разрозненные и неполные фрагменты этой власти, существующие в обществе, сконцентрировать их и из них сформировать правительство. Другими словами, требуется обнаружить все элементы законной власти, которые распространены по всему обществу, и организовать их в реальную власть; то есть собрать в одном фокусе и осознать общественный разум и общественную мораль и призвать их к захвату власти.

Что такое репрезентация?

То, что мы называем *представительством*, есть не что иное, как средство достижения этого результата: — это не арифметическая машина, используемая для сбора и подсчета индивидуальных волеизъявлений, а естественный процесс, посредством которого общественный разум, который один имеет право управлять обществом, может быть извлечен из недр самого общества. На самом деле ни одна причина не имеет права заранее говорить о себе, что она является причиной сообщества. Если оно утверждает, что является таковым, оно должно доказать, что это так, то есть оно должно соответствовать другим индивидуальным причинам, которые способны судить о нем. Если мы обратимся к фактам, то обнаружим, что все институты, все условия репрезентативной системы вытекают из этой точки и возвращаются к ней. Избрание, публичность и ответственность - вот так много критериев, применяемых к индивидуальным мотивам, которые в поиске или осуществлении власти принимают на себя роль интерпретаторов разума сообщества; так много способов выявить элементы законной власти и предотвратить узурпацию.

В этой системе верно, — и этот факт вытекает из необходимости свободы как актуальной в мире, — что истина и заблуждение, порочная и лояльная воля, одним словом, добро и зло, которые сосуществуют и борются как в обществе, так и в индивиде, скорее всего, выразят себя; это условие мира; это необходимый результат свободы. Но против этого зла есть две гарантии: первая заключается в публичности борьбы, которая всегда дает правым наилучшие шансы на успех, ибо во все века мира признавалось, что добро дружит со светом, в то время как зло всегда укрывается во тьме; эта идея, общая для всех религий мира, символизирует и указывает на первую из всех истин. Вторая гарантия состоит в определении определенного объема возможностей, которыми должны обладать те, кто стремится осуществлять какую-либо ветвь власти. В системе представления воли ничто не могло бы оправдать такое ограничение, ибо воля существует во всей полноте у всех людей и наделяет всех равными правами; но ограничение с необходимостью вытекает из принципа, который приписывает власть разуму, а не воле.

Краткие сведения.

Итак, — возвращаясь к выбранному нами пути, — власть человека над самим собой не является ни произвольной, ни абсолютной; как разумное существо, он обязан повиноваться разуму. Тот же принцип действует и в отношениях между людьми: и в этом случае власть легитимна лишь постольку, поскольку она согласуется с разумом.

Свобода, присущая отдельному человеку, — это способность согласовывать свою волю с разумом. По этой причине оно священно; соответственно, право на свободу в отношениях человека к человеку проистекает из права не повиноваться ничему, что не является разумом.

Гарантии свободы в социальном государстве имеют, следовательно, своей целью косвенное обеспечение легитимности реальной власти, то есть соответствия ее воли тому разуму, который должен управлять всеми волями, как повелевающими, так и подчиняющимися.

Следовательно, никакая фактическая власть не должна быть абсолютной, и свобода гарантируется только в той мере, в какой власть обязана доказывать свою легитимность.

Власть доказывает свою легитимность, то есть свое соответствие вечному разуму, делая себя признанной и приемлемой свободным разумом людей, над которыми она осуществляется. Это и есть объект репрезентативной системы.

Таким образом, в той мере, в какой представительство основывается на праве, присущем всем индивидуальным волям, соглашаться с осуществлением власти, оно, с другой стороны, основывается на принципе, что никакая воля сама по себе не имеет права на власть и что тот, кто осуществляет или утверждает, что осуществляет власть, обязан доказать, что он осуществляет или будет осуществлять ее не по своей собственной воле, а согласноразуму. Если мы рассмотрим представительную систему во всех ее формах, — ибо она допускает различные формы в зависимости от состояния общества, к которому она применяется, — мы увидим, что таковы повсюду необходимые результаты и истинные основы того, что мы называем представительством.

Лекция XI.

Формирование парламента.

Введение депутатов округа в состав парламента.

Отношения депутатов графства с великими баронами.

Парламент Оксфорда (1258).

Его правила, названные Оксфордскими актами.

Нерешительность депутатов графства между великими баронами и короной.

Формирование парламента.

Прежде чем мы приступили к истории хартий и после того, как мы на некоторое время сосредоточили наше внимание на англо-нормандском правительстве, мы увидели, что это правительство состояло всего из двух великих сил: королевской семьи и совета баронов, уникального центрального собрания, которое единственное разделяло с королем осуществление власти. Таково было состояние, в котором мы застали правительство Англии при Вильгельме Завоевателе и его сыновьях. Но со времени их правления до правления Эдуарда I. постепенно происходили большие перемены; после кропотливой борьбы хартии были, наконец, приняты, и права, которые они провозглашают, были окончательно признаны. Если после этой полной революции мы бросим взгляд на учреждения страны, мы обнаружим, что все они изменились; мы увидим, что правительство приняло другую форму, что в него были внесены новые элементы, что парламент, состоящий в одном из своих отделений из лордов духовных и светских, в другом из депутатов от графств и местечек, занял место большого совета баронов.

Эта трансформация - факт; как она была произведена? каковы были ее причины и способ продвижения? каким был новый парламент после его формирования? насколько и в каких отношениях введение этих депутатов изменило характер правительства? Вот вопросы, которые нам сейчас предстоит рассмотреть; и чтобы ответить на них, мы должны проанализировать и исследовать основные отдельные факты, которые здесь объединяются для получения общего результата.

Депутатов округа.

Первым из этих фактов является введение депутатов графств в национальное собрание. Сначала я выясню, как было вызвано это событие; и затем я предложу провести аналогичные расследования в отношении введения представителей городов и округов в ту же ассамблею.

Две причины привели к введению депутатов графств в парламент: во-первых, привилегии, принадлежащие рыцарям как непосредственным вассалам короля; во-вторых, их вмешательство в дела графств посредством судов графств.

Непосредственные вассалы короля имели в этом качестве два основных права; что никакие чрезвычайные обвинения не должны налагаться без их согласия, и что они должны иметь место при королевском дворе либо для вынесения судебных решений, либо для рассмотрения государственных дел. В силу обоих этих обстоятельств они были членами генеральной ассамблеи по наследству. Они сформировали политическую нацию. Они принимали участие в управлении государством и в определении общественных обвинений в качестве личного права.

Хотя они не были избраны и не получили ни назначения, ни мандата, мы, тем не менее, можем сказать, что они рассматривались как представляющие своих собственных вассалов, и что только в силу власти, которая была приписана им в этом фиктивном представительстве, они воспользовались правом взимать налоги со всех собственников в королевстве. [Сноска 26]

[Сноска 26: На это прямо указывают два указа, один в правление Иоанна, датированный 17 февраля 1208 г.; другой, выданный Генрихом III, 12 июля 1237 г.]

Возможно, они никогда не смогли бы полностью организовать в единое целое, и вскоре это стало невозможно. С одной стороны, среди прямых вассалов короля появилось несколько влиятельных баронов, которые объединили значительное количество рыцарских поместий в одно и стали благодаря этому намного могущественнее; а с другой стороны, число рыцарей с меньшим состоянием стало намного значительнее в результате разделения поместий, которое само по себе было результатом огромного разнообразия причин. Однако право появляться на генеральной ассамблее и давать свою личную санкцию на все чрезвычайные меры всегда оставалось за ними. Это официально признано в Великой хартии вольностей, статья 14.

Рыцари Уделов.

В то же время эта же статья доказывает, что существовало очевидное неравенство между различными непосредственными вассалами, поскольку она предписывает, что великие бароны должны созываться индивидуально, в то время как остальные должны созываться *в массовом порядке* с помощью шерифов. Это не первый случай, когда наблюдается такое различие в способе созыва; оно уже существовало в течение некоторого времени и проявлялось всякий раз, когда король требовал от своих вассалов военной службы, которую они были обязаны ему предоставить.

Таким образом, в начале XIII века право занимать место в национальном собрании принадлежало всем непосредственным вассалам короля, но им почти никогда не пользовались из-за препятствий, которые увеличивались с каждым днем. Собрание почти полностью состояло из знатных баронов.

Но другие вассалы, с другой стороны, не отказались от своего политического существования; если их влияние с каждым днем становилось все более и более ограниченным пределами их собственного графства, то там, по крайней мере, они осуществляли свои права и активно вмешивались в дела. Мы часто обнаруживаем, что рыцари назначались, иногда шерифом, иногда самим судом, для вынесения своего решения по вопросам, связанным с округом. Таким образом, Вильгельм Завоеватель поручил двум свободным людям в каждом графстве собирать и публиковать древние законы и местные обычаи. Великая хартия предусматривает, что в каждом графстве избираются двенадцать рыцарей для расследования злоупотреблений. Эти примеры

часты в правление Генриха III. и Эдуарда I. Два судебных приказа Генриха III. [Сноска 27] докажут, что субсидии в то время оценивались не судьями в их округах, как раньше, а рыцарями, избранными в окружном суде. Рыцари, таким образом, оказывали свое влияние на правительство посредством должностей, которые они исполняли в своих провинциях, в то же время они сохраняли, хотя и не осуществляли этого, право появляться на общих собраниях.

[Сноска 27: Один в 1220 году, другой в 1225 году.]

Но, с другой стороны, по мере того, как они таким образом отделялись от крупных баронов, рыцари, бывшие прямыми вассалами короля, все теснее объединялись с другим классом людей, с интересами которого они со временем полностью отождествили себя. Не только они занимали должности в судах графств; многие фригольдеры, подчиненные вассалы короля, также постоянно представлялись в этих судах и выполняли те же административные или судебные функции. Служба в окружном суде была общей обязанностью, налагаемой в силу их пребывания в должности, на всех фригольдеров, будь то вассалы короля или любого другого феодала. Многие из последних были более богаты и влиятельны, чем некоторые прямые вассалы короля. Практика подчинения постоянно увеличивала их число. Многие из тех, кто был просто *сокамерниками*, постепенно стали значительными фригольдерами, получив бесплатные земли от разных дворян. Таким образом, в каждом графстве был сформирован орган свободных землевладельцев, центром которого стал окружной суд. Там все они выполняли одни и те же функции и пользовались одними и теми же правами, какими бы в других отношениях ни были их феодальные отношения с короной. Таким образом, мы видим, что роспуск, с одной стороны, древнего общего собрания непосредственных вассалов короля и локализация, с другой стороны, большого числа из них в судах графств, в то время как в то же время их интересы были объединены с интересами фригольдеров, подготовили элементы новой нации и, следовательно, нового политического порядка.

Представление рыцарей.

Давайте теперь посмотрим, как эта новая нация проявила свое существование и заняла центральное положение в государстве посредством представительства.

В 1214 году, пока недовольные бароны готовились к революции, Джон созвал генеральную ассамблею в Оксфорде. Королевский указ предписывал шерифам потребовать для этого собрания помощи определенного числа вооруженных рыцарей; в то время как другие указы [Сноска 28] предписывали, чтобы сторонники баронов явились в Оксфорд *без оружия*, и, кроме того, предписывали, чтобы шерифы послали в Оксфорд по четыре одобренных рыцаря от каждого графства, "чтобы обсудить с нами дела нашего королевства".

[Сноска 28: датирована 15 ноября 1214 г.]

Это первое указание на то, что рыцари представлены в парламенте, то есть допуск определенных лиц, которые должны появляться и действовать от имени всех.

Приходила ли им в голову эта идея в то время? Вероятно, нет. Как были назначены эти четыре рыцаря? Были ли они выбраны шерифом или окружным судом? Были ли эти судебные приказы действительно исполнены? Все это сомнительно. Но то, что не вызывает сомнений, - это цель и тенденция этого нововведения. Содержание самих судебных приказов и обстоятельства, при которых они были выданы, ясно указывают на их цель. Очевидно, что Джон хотел найти в

рыцарях графств средство защиты от баронов, и что, следовательно, первые уже сформировали класс, настолько отличный от последних, что попытка полностью отделить их от него была не совсем необоснованной, хотя они были достаточно важны, чтобы к ним можно было обратиться как к могущественным вспомогательным силам.

Попытка Джона не увенчалась успехом. Факты доказывают, что в борьбе между королевской властью и баронами рыцари и другие свободные землевладельцы поддерживали последних, которые, выступая в защиту общественных прав, действовали в интересах рыцарей не меньше, чем в своих собственных.

Борьба продолжалась в течение всего правления Генриха Третьего, и на протяжении всего этого периода мы видим, что король постоянно пытался оттолкнуть рыцарей от партии баронов и привлечь их на свою сторону, в то время как бароны прилагали все усилия, чтобы привязать рыцарей к себе.

Ниже приводится иллюстрация попыток, предпринятых королевской властью. В 1225 году, в один из периодов, когда хартии были утверждены Генрихом III., мы обнаруживаем, что шерифам восьми графств были адресованы судебные приказы, требующие от них избрать в каждом из этих графств четырех рыцарей, которые должны были явиться в Линкольн, где затем был собран совет баронов, чтобы изложить жалобы своих графств на указанных шерифов, которые также должны были присутствовать для объяснений или защиты. В данном случае речь идет только о местных делах конкретных графств, и четыре рыцаря не призваны принимать какое-либо участие в генеральной ассамблее, но они избираются и направляются для рассмотрения дел своих графств в центральном совете. Здесь выборы являются положительным фактом в деле, и характер их проведения — в знак протеста против недовольства местных жителей — является одним из принципов представительства.

В 1240 году мы находим общее собрание баронов, собравшееся в Лондоне, в котором, однако, нет ничего примечательного, кроме названия, данного ему хронистами. Говоря об этом, Мэтью Пэрис впервые употребляет слово *Парламент* (*parliamentum*).

Наконец, в 1254 году, когда Генрих III. находился в Гаскони и нуждался в деньгах, он приказал созвать чрезвычайный парламент в Лондоне, чтобы потребовать от него чрезвычайной субсидии. В то же время он направил шерифам предписание, предписывающее им избрать двух рыцарей в окружные суды "вместо каждого из них" (*vice omnium et singulorum eorumdem*) для обсуждения вопроса о помощи, которая будет оказана королю. Таким образом, вот реальный и положительный пример представительства; депутаты избираются, их вводят в ассамблею, и там им предоставляется совещательный голос. Некоторые историки утверждают, что эти судебные приказы не были исполнены, но на этот счет нет никакой удовлетворительной информации. Однако, поскольку доказано, что субсидия была предоставлена королю, есть основания полагать, что она была одобрена этим собранием, состоящим из баронов и рыцарей.

До этого времени крупная феодальная аристократия удерживала рыцарей и других фригольдеров на своей стороне; теперь мы должны увидеть, как они отделились от них и как, пробыв долгое время союзниками баронов, они впоследствии стали союзниками трона.

Восстание де Монфора.

В течение 1254 года в королевстве вспыхнуло всеобщее раздражение по поводу требования чрезвычайной субсидии. Генрих III, введенный в заблуждение уловками и обещаниями папы Иннокентия IV, ввязался в авантюрную войну против Манфреда, узурпатора неаполитанского престола, — войну, в которой Генрих должен был понести все расходы и из которой папа, несомненно, извлек бы все выгоды, если бы она увенчалась успехом. Но не было ни малейшего повода подвергать его добросовестность такому испытанию, поскольку война закончилась полным провалом. Генрих, однако, влез в огромные долги; его расточительность истощила его ресурсы, и он был вынужден обратиться к своим подданным, чтобы облегчить себе это бремя. Эти требования денег, свидетельствующие о том, какого прогресса достиг принцип, согласно которому король не может взимать налоги исключительно под свою ответственность, послужили предлогом для недовольных баронов поднять оружие против своего короля. Симон де Монфор, граф Лестерский, встал во главе их, и была объявлена гражданская война.

Но аристократия устала от этих непрекращающихся сражений, которые приносили лишь сиюминутные преимущества. Повстанцы составили план, согласно которому они больше не удовлетворялись завоеванием короля, — они решили до такой степени заковать его в кандалы, чтобы отныне он был полностью зависим от них. Бароны, вырвавшие Великую хартию вольностей у короля Иоанна, попытались, чтобы обеспечить себе гарантии, заранее законно организовать гражданскую войну на случай, если хартия будет нарушена. Бароны, которые диктовали закон Генриху III, пошли дальше: они попытались организовать не сопротивление, а власть и обеспечить себе гарантии не в гражданской войне, а в самом устройстве правительства. Не имея возможности ограничить власть короля в справедливых пределах, они решили совсем лишить его ее и присвоить себе, — одним словом, заменить правление короля аристократическим правлением.

Первый парламент.

Они уже предпринимали подобную попытку в 1244 году, когда их план состоял в том, чтобы четыре видных члена их организации были допущены в совет короля, который постоянно следовал бы за ним и правил бы от его имени. В то время попытка была безуспешной, но в то время, которое мы сейчас рассматриваем, за их усилиями последовали лучшие результаты. В парламентах, созывавшихся последовательно в 1255, 1257 и 1258 годах, самые яростные упрёки сыпались на Генриха III. что касается его расточительности, его недостатков, его безумных предприятий и, прежде всего, нарушения им клятв верности Великой Хартии. Генрих был запуган и, желая умиротворить своих баронов, чтобы получить от них субсидию, пообещал исправить свои ошибки и реформировать свое правительство. Было решено, что эта реформа должна регулироваться парламентом, созданным в Оксфорде 11 июня 1258 года.

Это первое собрание, получившее официальное обозначение Парламента. Бароны присутствовали на нем, вооруженные, и их сопровождала большая свита; Генрих, напротив, не приняв против них никаких мер предосторожности, оказался их пленником. Тем не менее они выполнили то, о чем было условлено, то есть возложили заботу о принятии решений по

планируемым реформам на двадцать четыре барона, из которых двенадцать были выбраны ими самими и двенадцать назначены королем.

Этим двадцати четырем посредникам была предоставлена неограниченная власть. Они начали с полного изменения формы правления. Их первой заботой было сформировать королевский совет, и четырем баронам, выбранным конфедерацией, было поручено организовать его. Они составили его из пятнадцати членов, и из этих пятнадцати по крайней мере девять были отобраны из партии баронов, так что главная власть была полностью передана в руки этих девяти человек, а следовательно, и в руки баронов.

Оксфордские деяния.

Большое количество постановлений, известных под названием *Оксфордских актов*, были приняты этой ассамблеей, то есть советом двадцати четырех баронов. Ни в одном подлинном документе нет их полного собрания. Следующее, возможно, собрано у разных историков; среди прочего, бароны потребовали:—

1. Что уставы должны быть подтверждены;
2. Что они сами должны ежегодно назначать судей, канцлера, казначея и других должностных лиц короля;
3. Что они должны охранять королевские замки;
4. Что три парламента должны созываться каждый год, в феврале, июне и октябре;
5. Что должна быть назначена постоянная комиссия из двенадцати баронов, которые должны присутствовать в этих парламентах и помогать королевскому совету в ведении всех дел;
6. Что в каждом графстве должны быть назначены четыре рыцаря для получения всех жалоб на шерифов или других должностных лиц короля и представления отчета о них следующему парламенту;
7. Что в будущем шерифы должны назначаться окружными судами;
8. Наконец, король, его сын Эдуард, его братья, архиепископы, епископы и т.д. должны быть обязаны под присягой поклясться в верности Действиям Оксфорда.

Далее было решено, что комитет из двадцати четырех баронов должен исправить все злоупотребления, которые были совершены в королевстве, и от имени короля издавать законы, необходимые для этой цели; а затем позволить правительству, регулируемому таким образом, действовать упорядоченным образом.

Тирания баронов.

Но после распада парламента бароны под предлогом того, что им еще предстояли злоупотребления при проведении реформ и введении законов, отказались сложить свою власть; и, не довольствуясь незаконным удержанием ее, они использовали ее в своих интересах. Их действия и законы не имели иной цели, кроме их собственного личного интереса. Сами того не подозревая, они действовали губительно для самих себя, поскольку отделили от своей партии ту часть населения, которая ясно понимала их замыслы. Два закона особенно оттолкнули от них умы людей; один из этих законов отнял у шерифов право штрафовать тех баронов, которые откажутся явиться в окружные суды или на судебные заседания, проводимые окружными судьями. Второй суд постановил, что судебские заезды должны проводиться только раз в семь лет.

Эти меры открыли глаза людям, и они быстро отказались от их авторов. Один факт может доказать, насколько далеко их тирания уже простиралась за счет страны. К принцу Эдуарду была отправлена депутация от имени английских холостяков (*communitatis bachelariae Angliæ*) с просьбой заставить баронов закончить свою работу и выполнить свои обещания, как король выполнил свои. Принц ответил, что он поклялся в верности Деяниям Оксфорда и что он полон решимости сдержать свою клятву. Тем не менее, он потребовал от баронов, чтобы они сложили свою власть, пригрозив в случае отказа принудить их к этому и взять в свои руки интересы общества.

Что это было за сообщество бакалавров Англии? Есть основания полагать, что под этим названием представляли себя рыцари уделов. Из этого мы видим, что крупные бароны оттолкнули от себя этот класс людей и что король начал присоединять их к своей партии.

Из этих фактов мы видим, что помимо двух великих держав, созданных в древности, — дворянства и королевской власти, — в этот период сформировалась третья держава, которая попеременно склонялась то к одной, то к другой из этих соперничающих держав и которая уже пользовалась сильным влиянием, поскольку обеспечивала победу партии, в пользу которой могла выступать.

Лекция XII.

Борьба между Генрихом III. и его парламентом.

Арбитраж Людовика Святого.

Граф Лестер возглавляет великих баронов в их борьбе с королем.

Он терпит поражение и убит при Ившеме (1265).

Прием депутатов от городов и округов в парламент (1264).

Реакция роялистов.

Память о Лестере остается популярной.

Генрих III. И его парламент.

Мы видели, как в разгар борьбы между королевской властью и феодальной аристократией возник промежуточный класс — новая, но уже внушительная власть, — и как каждая из двух соперничающих держав почувствовала необходимость заключить союз с этой третьей властью; теперь мы должны проследить, изучая подлинные документы, то есть постановления и законы того периода, за развитием этого нового класса, который, как мы обнаружим, принимает все более активное участие в управлении страной.

Мы видели, как двадцать четыре барона, которым было поручено реформировать конституцию королевства, злоупотребив властью, которой они таким образом пользовались, отказались, вопреки королю и стране, сложить свою диктатуру. Этот отказ вскоре вызвал ожесточенные разногласия между ними и королем, и гражданская война была на грани того, чтобы снова разгореться. В 1261 году Генрих разослал нескольким шерифам приказы, предписывающие им прислать к нему в Виндзор по три рыцаря из каждого графства, которые были вызваны в церковь Св. Олбанс от графа Лестера и его свиты. Эти записи ясно показывают, что король и бароны больше, чем когда-либо, старались примирить рыцарей и что затем королю удалось привлечь их к своей партии.

Арбитраж Сент-Луиса.

Генрих обратился за еще одной помощью. По его просьбе папа освободил его от клятвы верности Оксфордским актам. Избавленный от угрызений совести, Генрих теперь открыто разорвал свои соглашения с баронами и снова взял бразды правления в свои руки. В 1262 году он созвал парламент в Вестминстере, чтобы его власть могла быть поддержана его санкцией. Он встретил лишь небольшое сопротивление: желая, однако, лишиться баронов всякого повода для восстания, он согласился оставить урегулирование их претензий на усмотрение арбитра. Великая слава мудрости и справедливости, которой обладал Людовик Святой, указала на него как на лучшего судью в этом важном споре. Соответственно, Генрих и его бароны согласились подчиниться его решению.

Людовик Святой собрал свой большой совет в Амьене и после тщательного обсуждения вынес решение, по которому Оксфордские акты должны были быть аннулированы, а король должен был снова получить во владение свои замки, а также право назначать своих собственных советников. Но поскольку он в равной степени заботился о сохранении законных прерогатив английского народа и короны, Людовик Святой официально одобрил все древние привилегии, хартии и свободы Англии и провозгласил абсолютную и взаимную амнистию для обеих сторон.

Едва об этом решении стало известно, как Лестер и его партия отказались подчиниться ему и взялись за оружие с целью силой захватить то, в чем им было отказано по закону. Гражданская война возобновилась с большой ожесточенностью, но она не была продолжительной. Лестер застал врасплох армию роялистов в Льюисе, в графстве Сассекс, 14 мая 1264 года. Генрих и его сын Эдуард, будучи побежденными и взятыми в плен, были вынуждены принять условия, предложенные им завоевателем. Условия, которые он выдвинул, были суровыми, но он не

присвоил себе права определять реформы, которые должны были быть проведены в правительстве; он только оставил в качестве заложников брата и сына короля и оставил парламенту заботу об урегулировании политических вопросов. Идеи, касающиеся юридической власти парламентов и незаконности применения силы в вопросах, касающихся управления, должно быть, достигли значительного прогресса, если учесть, что победоносный граф Лестер не рискнул под свою исключительную ответственность разработать план управления королевством.

Правительство Лестера.

Однако он не побрезговал воспользоваться другими правами, которые принадлежали ему не больше, чем эти. От имени короля, который, хотя внешне и был отпущен на свободу, на самом деле оставался его пленником, Лестер управлял королевством. В каждом графстве он создал чрезвычайных судей, называемых хранителями мира. Их обязанности были почти идентичны обязанностям шерифов, но их власть была гораздо шире. Лестер приказал им избрать по четыре рыцаря в каждом графстве и направить их в парламент, который должен был собраться в Лондоне в июне 1264 года.

Этот парламент собрался и принял указ, который был призван организовать правительство. Этот указ обязывал короля во всем следовать советам совета, состоящего из девяти членов, выдвинутых тремя главными выборщиками, графами Лестер и Глостер, и епископом Винчестерским.

Лестер по-прежнему оставался реальным главой государства. В разгар своей власти он был обеспокоен тревожными беспорядками; во Франции велись мощные приготовления к выступлению против него. Эти попытки оказались безуспешными, и Лестер, чтобы предвидеть любое новое противодействие, нескрывая искал защиты у той части населения, которая с каждым днем становилась все более многочисленной и могущественной, — среднего класса. 14 декабря 1264 года он созвал парламент и предоставил ему все полномочия, которые он сохранил с тех пор, то есть призвал к нему пэров, депутатов графства, а также городских депутатов. Это нововведение было призвано снискать расположение народа, и Лестер не расслаблялся в своих попытках сохранить его. Лишенный королевской власти, он хотел также освободиться от аристократии, с помощью которой он покорила короля. Он обратил свою тиранию против крупных баронов, которые не были уступчивы к его капризам. Он конфисковал их земли, больше не вызывал их в парламент и тысячами способов ущемлял их личности и права. Но это был безумный курс завоевателя, опьяненного успехом. Как только королевская власть и аристократия объединились против него, Лестер был вынужден уступить.

Битва при Ившеме.

28 мая 1266 года принц Эдуард сбежал из своего заточения, собрал армию против Лестера и предложил ему сражение 4 августа при Ившеме. Лестер потерпел поражение и был убит в бою. Его поведение было хотя и фракционным, но все же великим и смелым, так что его можно назвать основателем представительного правления в Англии, ибо, хотя он боролся то против

короля, то против баронов, которые были соперниками ему самому, он ускорил прогресс средних классов и определенно обеспечил им место в национальном собрании.

Генрих, освобожденный от рабства смертью Лестера, восстановил свою власть и пользовался ею умеренно. За последние годы его правления было созвано несколько парламентов, но не доказано, что в них заседали какие-либо депутаты от графств и районов. Есть даже основания полагать, что в разгар беспорядков, царивших тогда в королевстве, можно было обойтись без хлопот по их созыву, которые всегда были утомительными и трудными. Парламент, состоявшийся в Винчестере 8 сентября 1265 года, на котором конфискация имущества повстанцев была предоставлена королю, состоял исключительно из прелатов и баронов. Так же обстояло дело и с совещанием, созванным королем в Кенилуорте 22 августа 1266 года, на котором, после того как строгость конфискаций была несколько смягчена, Оксфордские акты были аннулированы, но хартии были торжественно подтверждены. Мы также не находим, чтобы депутаты присутствовали на заседании парламента в Сент-Эдмундсбери в 1267 году; но они были допущены на заседание в Мальборо, созванное в 1269 году, на котором были названы "мудрейшими в королевстве, а также теми, кто принадлежал как к низшему, так и к высшему званию". Два года спустя депутаты от графств и округов были вызваны на торжественную церемонию, чтобы перенести останки Эдуарда Исповедника в гробницу, которую король распорядился приготовить в Вестминстерском аббатстве. После церемонии собрался парламент, но неясно, нашлось ли в нем место депутатам. Этот факт, однако, не в меньшей степени доказывает огромное значение, которое в то время приобрели города, и постепенно установившуюся привычку созывать своих депутатов по всем важным поводам.

Прогресс представительства в округах.

Таковы факты правления Генриха III. которые относятся к введению депутатов графств в парламент. Ни один общий закон, ни конституционный статут не призывали их туда. Действительно, идея такого политического разбирательства едва ли существовала в тот период. Ни правительство, ни народ не чувствовали необходимости регулировать факты общим образом и фиксировать их на абсолютной основе. Человеческий разум еще не достиг того уровня развития, при котором возможна концепция такого замысла. Факты развивались спонтанно, в изоляции и путанице, в соответствии с влиянием существующих обстоятельств. Мы можем представить краткое изложение характера их прогресса и причин, по которым было достигнуто представительство округов, следующим образом:—

Первоначально все вассалы короля составляли единое целое и имели право на место в генеральной ассамблее.

Этот класс собственников разделился; некоторые стали крупными баронами и продолжали заседать в центральном собрании. Другие продолжали обладать лишь местным влиянием. По этой причине они были отделены от крупных баронов и объединились общими интересами с другими свободными собственниками. Окружные суды стали точкой соприкосновения для этого нового класса.

Между королем и крупными баронами возникла борьба. Оба они искали поддержки у класса свободных землевладельцев, существовавшего в графствах. Часть из них сохранила, как прямые вассалы короля, право занимать свои места в центральном собрании. Конечно, только

крупные бароны пользовались этим правом; но поскольку они стремились сами обладать властью и отождествлять большой совет баронов с правительством, они чувствовали необходимость примирить группу свободных землевладельцев, которые были вассалами короля или их самих; и идея обеспечить их представительство посредством выборов была тем более естественной, что выборы часто проводились в судах графств, когда появлялся какой-либо повод передать местные дела в руки определенных собственников. Таким образом, централизация высшей аристократии для сопротивления королевской власти с необходимостью вовлекала и вызывала централизацию низших собственников, которые могли оказывать свое влияние только путем выборов.

Наконец, возобладал принцип, согласно которому согласие было необходимо до того, как могло быть применено какое-либо самозванство; хартии установили это в интересах баронов по отношению к королю и низших вассалов по отношению к своим сеньорам. Чем больше эта власть централизовалась либо в руках короля, либо в собрании баронов, тем больше централизовалось согласие других собственников на выборы. То, что раньше было локальным, стало всеобщим, и централизация аристократии крупных баронов повлекла за собой централизацию аристократии свободных собственников.

Прогресс в представительстве районов.

Теперь на рассмотрение выносятся другой вопрос, а именно: допуск городских депутатов в парламент.

В целом, до нормандского завоевания города обладали значительным богатством и важностью. Мы видели, как они принимали участие в политических событиях и активно вмешивались в государственные дела. Граждане Лондона согласились с избранием нескольких саксонских королей; а жители Кентербери присутствовали при Этельреде II в суде графства. Однако почти наверняка города никогда не посылали депутатов в Виттенагемот. Их права были ограничены в пределах их собственных стен, и когда они принимали участие в политике, это было случайным и нерегулярным образом.

После нормандского завоевания города пришли в упадок и потеряли не только свое влияние на общие дела, но даже свои местные и индивидуальные права. Их богатства исчезли вместе с торговлей, от которой они были получены, а притеснения завоевателей довершили их разорение.

Они постепенно восстанавливались, особенно после правления Генриха II. В то время им начали предоставлять или, скорее, восстанавливать значительные права. Сеньор области, в которой они располагались, сначала был их владельцем и получал дань от их жителей; но им было позволено откупиться от этого бремени, переведя город *вплатную ферму*, своего рода владение, аналогичное владению *сокаджем*. Наконец, несколько городов получили учредительные документы, которые предоставили им более или менее свободную муниципальную систему.

Сеньор, будь то король или барон, сохранял за собой право взимать с них налоги по своему усмотрению. Это право, называемое *правомучета*, сначала осуществлялось совершенно произвольным образом в силу превосходства сил, которыми обладали сеньоры; но по мере того, как это превосходство ослабевало, а города, с другой стороны, становились достаточно сильными, чтобы защищать свою независимость, было сочтено необходимым заключить с ними соглашение. Чтобы получить от них деньги, им должны были быть предоставлены привилегии; и если они не требовали уступок такого рода, то, по крайней мере, боролись со своим господином от имени своих интересов. Особенно те города, которые находились во владениях короля и были самыми важными из всех, отстаивали свои права с наибольшей горячностью. Королевским судьям теперь нечем было заняться в своих кругах, кроме как собирать дань с городов и округов, предоставляя тем, кто почти мог сопротивляться, диктовать свои собственные условия и выдвигать произвольные обвинения против тех, кто был не в состоянии защитить себя.

По этим причинам прием городских депутатов в национальное собрание был отложен, в то время как, с другой стороны, прием уездных депутатов был ускорен. В графствах не было того единства, которое является естественной характеристикой городов; едва ли была какая-либо возможность вести отдельные и последовательные переговоры с владельцами, разбросанными по своим владениям; и чтобы получить от них деньги, они должны были объединиться. В городах дело обстояло иначе; король имел с ними дело отдельно, заигрывал с ними, когда они оказывались изолированными друг от друга, и всегда заставлял их либо уступать, либо делать ему подарки, по всей видимости, добровольно.

Однако некоторые города рано приобрели достаточное значение не только для завоевания и защиты своих свобод, но и для участия в общей политике. Среди этих городов следует особо упомянуть Лондон и *порты Чинкве* [Сноска 29].

[Примечание 29: Пять городов Дувр, Сэндвич, Ромни, Гастингс и Хайт назывались *портами Чинкве*.]

Представительство района.

Важность, которой они обладали, подтверждается большим количеством фактов, и мы часто находим, что их обитателей называют *нобиями* и даже *баронами*. Действительно, их заместители иногда появлялись на генеральной ассамблее еще до создания парламента 1264 года, но в этом не было никакого общего принципа, никакого признанного общественного права. Разница между введением в парламент депутатов графств и городских депутатов заключалась в том, что первое ассоциировалось с правом непосредственных вассалов короля и, следовательно, с самого начала носило характер общности; в то время как второе, введение городских депутатов, было отделено от всякой идеи права и вытекало просто из разрозненных фактов, не имеющих никакого отношения друг к другу. Представители были предоставлены определенному городу, но это не предполагало каких-либо аналогичных уступок для всех городов. Отсюда произвол, который по необходимости преобладал при разделении представительства между городами и районами. Отсюда и те пороки, которые все еще существуют в избирательной системе Англии. [Сноска 30] По сей день остаются города значительного значения, которые не посылают депутатов в Палату общин; и эти злоупотребления возникают из-за того факта, что выборы в городах и местечках никогда не регулировались общим образом и как публичное право. В первом случае все решал единичный

факт, и право на представительство все еще сохранялось как право во многих районах и поселках, хотя первичный факт, который первоначально предполагал наличие права, исчез, а именно факт важности города или волости. Благодаря этим причинам зло прогнивших районов было внедрено в представительную систему Англии.

[Примечание 30: Не следует забывать, что этот курс лекций был прочитан в 1821 году, за десять лет до принятия законопроекта о реформе.]

Как бы то ни было, до парламента 1264 года мы не увидим, чтобы депутаты от городов и поселков появлялись в парламенте в сколь-нибудь большом количестве. Мы не знаем, скольким городам тогда было предложено воспользоваться этим правом; но судебные приказы были адресованы непосредственно им, а не вмешательству шерифов. Это нововведение, несомненно, было результатом политики графа Лестера. Он искал защиты от короля у рыцарей графств, и через этих вспомогательных сил король и королевская власть попали в его руки; но вскоре, обнаружив нехватку другой поддержки против баронов, которые стали его соперниками, он нашел ее в городах и призвал их принять участие в осуществлении власти. Именно это сделало его память настолько популярной, что король был вынужден особо запретить упоминать о нем как о святом.

Безумный парламент.

Тогда мы должны отнести полное формирование английского парламента к 1264 году. Его существование все еще было очень ненадежным; оно не опиралось ни на закон, ни на общественное право; это было порождение времени фракций. Первый парламент, в котором преимущественно правил Лестер (парламент Оксфорда), вскоре был назван Безумным парламентом — *Parliamentum insanum*. Можно было бы ожидать, что новая форма парламента - присутствие депутатов графств и округов - разделила бы ту же участь, что постигла другие институты, которые были введены Лестером с целью организации чисто аристократического правительства и которые исчезли вместе с ним. Но эти зачатки парламентской организации носили иной характер; это были подлинно общественные институты, которые, вместо того чтобы руководствоваться только частными интересами, имели в своей основе интересы всего населения. Они пережили Лестера и его попытки выступить против королевской власти, которая сама была вынуждена принять их. При правлении Эдуарда I. они окончательно утвердились и приобрели последовательность и стабильность, которые больше не позволили бы им подвергаться успешным атакам.

Лекция XIII.

Прогресс парламента в период правления Эдуарда I.

Частые заседания парламента.

Разный состав парламента.

Депутаты от уездов и городов присутствовали не всегда.

Дискреционная власть короля при созыве баронов.

Различное количество депутатов графств и округов.

Парламенты при эдуарде I.

Великие политические институты обычно возникают при слабых и неспособных князьях; в разгар смут, возникающих в период их правления, они вымогаются у них. Они объединены под властью более способных правителей, которые знают, как распознать необходимость в них и понять преимущества, которые они могут извлечь из них.

Так было в Англии при Генрихе III. и Эдвард I. Генри, которому совершенно не хватало твердости, позволил, хотя и совершенно вопреки своему желанию, всем уступкам, которых от него требовали, ускользнуть из его рук; его сын, способный и энергичный, вместо того чтобы взяться за разрушение институтов, которым позволил возникнуть его отец, стал хозяином над ними и обратил их в свою пользу. Эдвард I, возможно, не позволил бы им начаться в период своего правления; но, обнаружив их активное существование, он принял их такими, какие они были, и вместо того, чтобы бояться или разгонять новый парламент, он воспользовался им как инструментом для служения и укрепления власти, которой он разумно пользовался. Именно с помощью парламента Эдвард I придал, так сказать, национальный характер своим войнам и завоеваниям — предприятиям, которые, возможно, возбудили бы против него народ, если бы он правил единолично и действовал сразу без общественной поддержки и общественного контроля.

При Эдуарде I появились два вида парламента. Первый вид состоял только из высших баронов и, по-видимому, составлял большой королевский совет; в другом заседали депутаты от графств и округов.

Прогресс либеральных взглядов.

Между этими собраниями не существовало юридического и фиксированного различия; их атрибуты были почти идентичны, и они часто пользовались одними и теми же полномочиями. Однако заседания тех парламентов, в состав которых входили только высшие бароны, были очень частыми; они проводились регулярно четыре раза в год. Другие парламенты, напротив, созывались только в чрезвычайных случаях и когда было необходимо добиться от свободных владельцев графств или городов и округов какого-нибудь общего самозванства.

Это, однако, было не единственным мотивом, который мог привести к созыву этого последнего упомянутого собрания, которое, по правде говоря, само по себе заслуживает названия парламента. Всякий раз, когда возникало дело настолько важное, что совпадение большого числа интересов считалось необходимым, собирался большой парламент, и по этой причине круг его обсуждения становился более широким, и он приобретал большую последовательность.

Мы можем сделать вывод о моральной силе, которую парламент уже приобрел в этот период, исходя из политических максим, которые были общепризнанны. Роберт из Уинчелси,

архиепископ Кентерберийский, обращаясь к Папе от имени короля и его баронов, обратился к нему с такими замечательными словами: *"В королевстве Англии принято, что в вопросах, касающихся состояния этого королевства, следует консультироваться со всеми, кто заинтересован в этом вопросе"*. [Сноска 31]

[Footnote 31: "Consuetude est regni Angliæ quod in negotiis contingentibus statum ejusdem regni, requiritur consilium omnium quos res tangit."]

Нет необходимости, чтобы мы принимали этот принцип в его самом строгом применении; это не факт, что со всеми, кто интересовался этими вопросами, консультировались по ним; но настроения все еще являются свидетельством прогресса, который уже был достигнут благодаря идеям свободного и публичного правительства. Этот прогресс еще более подтверждается ответом, который сам Эдуард дал духовенству, потребовавшему от него отмены закона, призванного ограничить накопление собственности в мортмейне: *"Этот закон,- сказал он, - был принят по совету его баронов, и, следовательно, его нельзя было отозвать без их совета"*. [Сноска 32]

[Footnote 32: "Consilio magnatum suorum factum erat, et ideò absque eorum consilio non erat revocandum."]

Палата общин в парламенте.

И в этом случае принцип был далек от строгого соблюдения, и сам Эдуард в 1281 году по собственному усмотрению изменил несколько статуты, которые были приняты в 1278 году парламентом в Глостере. Следовательно, в этот период не было ничего более неправильного и неопределенного, чем права общественности и формы правления. Провозглашались принципы, которые лишь очень частично применялись на практике и которыми часто полностью пренебрегали. Но посреди этого кажущегося беспорядка постепенно формировались великие институты; нововведения предыдущего царствования превратились в привычки, а эти привычки, санкционированные временем, стали необходимостью. Таким образом, были установлены права.

Что касается различия, которое я только что провел между различными ассамблеями, собиравшимися в этот период, поскольку все они в равной степени называются парламентами и в разное время осуществляли самые разные полномочия, трудно точно определить те, которые следует рассматривать как положительные парламенты. Границы, разделяющие их, сужены и часто незаметны; было бы большой безрассудностью претендовать на точное определение того, каков реальный характер того или иного собрания и, следовательно, следует или не следует рассматривать его как парламент. Всякий раз, когда авторы статьи о Тори не находили, что присутствие депутатов графств и округов подтверждено положительными и официальными доказательствами, такими как судебные приказы о созыве, они отрицали факт их присутствия. Но это чрезмерная и частичная точность: очень часто хроники того периода сообщают об отсутствии судебных приказов и указывают, что эти депутаты присутствовали. Теперь я укажу на основные факты, опущенные этими авторами, которые доказывают, что парламенты в полном составе часто имели место.

Пока Эдуард все еще находился в Палестине, в Вестминстере был собран парламент, чтобы принять присягу на верность новому королю из рук архиепископа Йоркского, и, согласно нескольким хронистам, туда были вызваны по четыре рыцаря от каждого графства и по четыре депутата от каждого города.

Эдуард, вернувшись в Англию, созвал новый парламент в Вестминстере 25 апреля 1275 года. Сохранилась преамбула к статутам, которые были приняты по этому случаю: в ней говорится, что "эти статуты были приняты королем Эдуардом по совету егосовета и с согласия архиепископов, епископов, аббатов, приоров, баронов и *населения королевства*".

В следующем году в том же месте был собран другой парламент; он был составлен таким же образом и, по всей видимости, состоял из тех же членов.

1283 год дает множество доказательств приема депутатов от Палаты общин в парламент. В январе были созваны две чрезвычайные ассамблеи, одна в Нортгемптоне, другая в Йорке, чтобы собрать войска и получить субсидии, необходимые для завоевания Уэльса. Сохранились судебные приказы о созыве: в одном случае шерифам было приказано отправить в Нортгемптон всех свободных землевладельцев, чей доход превышал двадцать фунтов стерлингов; в другом случае им предписывалось добиться избрания в каждом графстве, городе, местечке и торговом городке (*вилла меркатория*) четырех рыцарей и горожан, обладающих полной властью "от всего населения". Наконец, в июне того же года в Шрусбери собрался парламент, чтобы принять решение о судьбе Дэвида, принца Уэльского, который был взят в плен после завоевания этой страны. Указы о созыве бывают четырех видов: первые адресуются индивидуально ста одиннадцати графам или баронам; вторые - магистратам двадцати одного города или местечка; третьи предписывают шерифам избрать по два рыцаря от каждого графства; четвертые адресованы семнадцати членам тайного совета короля, среди которых есть судьи. С 1283 по 1290 год мы встречаемся с несколькими парламентами, некоторые из которых даже отмечены принятыми ими уставами; однако нет никаких доказательств того, что на них присутствовали какие-либо депутаты от графств и районов.

Но в 1290 году Эдуард по возвращении из Франции созвал парламент в Вестминстере, в котором, несомненно, заседали несколько депутатов графства. Сохранился судебный приказ, датированный 14 июня 1290 года, адресованный шерифу Нортумберленда и предписывающий ему избрать *двух или трех* рыцарей. Есть все основания полагать, что этот округ был не единственным, получившим такую привилегию, и что были и другие, которые также направляли депутатов в этот парламент. Этот созыв, вероятно, был предназначен для того, чтобы дать возможность депутатам графства вынести решение относительно статута *Quia emptores terrarum*, который разрешал владельцам феодальных владений продавать их по своему усмотрению и делал последующих владельцев прямыми вассалами сеньора феода, в то время как продавцы перестали быть таковыми; это устранило необходимость подчинения и, должно быть, значительно увеличило число прямых вассалов короля. Районы не были представлены в этом парламенте: вероятно, потому, что вопросы, которые он рассматривал, не касались их непосредственно.

Первый Полноценный парламент.

С 1290 по 1294 год мы находим несколько парламентов, в которых нет указаний на то, что депутаты графств и округов имели места. В этих парламентах рассматривались дела Шотландии. В них принимали участие только магнаты королевства. В парламенте, заседавшем в Вестминстере в октябре 1294 года, не хватало представителей только от районов; депутаты от графств были допущены в него; они даровали королю десятую часть движимого имущества королевства.

В следующем году мы обнаруживаем, что не только районы и графства, но даже низшее духовенство воспользовалось правом быть представленным на великом собрании, состоявшемся в Вестминстере в сентябре месяце 1295 года. У нас есть указы о созыве, адресованные епископам и архиепископам, предписывающие им назначить определенное количество депутатов от капитулов и духовенства; у нас также есть те, которые созывают сорок девять графов или баронов по отдельности, и те, которые предписывают шерифам назначить двух рыцарей от каждого графства и двух депутатов от каждого района в графстве. Этих районов было около ста двадцати. Это собрание было более общим по своему характеру, чем любое другое, которое до сих пор проводилось; доступ на него имели все классы общества, и мы действительно можем сказать, что была представлена вся нация. Соответственно, регулярное и полное учреждение британского парламента обычно датируется 1295 годом.

Это великое собрание действовало не как единый орган; оно было разделено на две палаты, в одну входили представители мирян, в другую - церкви; и отличалось не только место их собрания, но и голоса. Бароны и рыцари подарили королю одиннадцатую часть своего движимого имущества; горожане - седьмую, а духовенство после долгих споров с королем в итоге предоставило ему только десятую часть, как и было первоначально предложено.

Палата общин в парламенте.

Парламент, состоявшийся в августе месяце 1296 года, был составлен так же, как и его предшественник, и голоса в нем разделились аналогичным образом. Бароны и рыцари жаловали лишь двенадцатую часть своего движимого имущества, а горожане - восьмую.

В 1297 году в Солсбери собрался парламент, но постановления, по которым он был созван, утеряны; следовательно, у нас нет прямых доказательств присутствия депутатов от графств и округов в этом собрании; однако сохранился судебный приказ от 30 июля того же года, в котором Эдуард заявляет, что города и округа предоставили ему субсидии, и это косвенное доказательство может восполнить недостаток постановлений о созыве.

В течение того же 1297 года между аристократией и короной вспыхнула ссора по поводу утверждения хартий, и графы Норфолк и Херефорд своей смелой стойкостью обеспечили победу национальному делу и добились от короля полной и определенной санкции на права и учреждения, поддержание которых они отстаивали. Мы находим, что в это время от каждого графства были вызваны по два депутата, чтобы получить из рук принца-регента те хартии, которые были утверждены королем.

С того времени, когда эти хартии были окончательно утверждены, созыв депутатов от графств и округов перестал быть нерегулярной и произвольной операцией — это стало необходимостью. Соответственно, их присутствие в парламентах постоянно подтверждается достоверными доказательствами.

Таким образом, они были допущены в парламент, созданный в Йорке 15 апреля 1298 года; протоколы заседаний которого сохранились. Они также присутствовали на заседании парламента в Линкольне 29 декабря 1299 года. Постановления о созыве этого парламента аналогичны тем, которые созывали предыдущий. Они вызывают тех же депутатов, которые присутствовали в последнем парламенте, предписывая далее, чтобы вместо всех, кто умер с тех пор, были выбраны заместители. Более того, мы находим, что ректорам Оксфордского и Кембриджского университетов были адресованы судебные приказы, требующие от них направить в парламент четырех или пять депутатов в случае Оксфорда и двух или трех от Кембриджа; и предписывающие им выбирать таких депутатов из числа наиболее осмотрительных и сведущих в юриспруденции — *de discretioribus et in jure scripto magis expertis prædictæ Universitatis*.

Состав парламента.

Наконец, постановления о созыве парламента, состоявшегося в Вестминстере 24 июля 1302 года, во всех отношениях аналогичны предыдущим.

Я не буду далее проследивать этот ряд фактов, который отныне перестает быть примечательным из-за своего неизменного единообразия. Достаточно сказать, что все парламенты, состоявшиеся за последние пять лет правления Эдуарда I. носили одинаковый характер и состояли из одних и тех же членов. Однако два из них заслуживают особого внимания. Первое из них состоялось в Вестминстере в 1305 году. До нас дошли подробности его роспуска, а также те, которые касаются способа получения петиций, которые уже поступали в него. Второе - то, которое собралось в Карлайле в 1307 году. У нас есть списки епископов, аббатов, приоров, графов, баронов и т. Д., Которые присутствовали на нем. Число графов или баронов достигает восьмидесяти шести, епископов и аббатов - шестидесяти восьми. Кроме того, присутствовало большое количество депутатов от низшего духовенства, составлявших нижнюю палату церковного собрания; и, кроме того, было по два рыцаря от каждого графства, по два гражданина от каждого города и по два гражданина от каждого района.

Из всех этих фактов следует, что, хотя в начале XIV века парламент еще не был сформирован в действительной и определенной форме, тем не менее он уже покоился на постоянной основе; более того, что касается его состава, мы можем вывести из фактов, на которые я уже ссылался, следующие результаты:

I. Парламент состоял, во-первых, из графов или баронов-мирян, созываемых индивидуально королем; во-, of archbishops, bishops, abbots, and priors, also summoned individually; *thirdly*, of deputies from the knights or freeholders of the counties; *fourthly*, из депутатов от городов, поселков и местечковых округов.,

II. Никакой закон или статут, никакое древнее или признанное право не определяло, кто были графы, бароны, аббаты и т. Д., Которых король был обязан созывать индивидуально. В этом отношении он действовал несколько произвольно, часто не вызывая тех, кого он вызывал в предыдущих случаях. [Сноска 33] Этим упущениям иногда, хотя и редко, противодействовали протесты. Значимость дворянина и его семьи была единственной гарантией его избрания в парламент. Беспорядки, гражданские войны и конфискации не позволили этому созыву стать неоспоримым и наследственным правом, за исключением случаев постоянного феодального владения.

[Сноска 33: Таким образом, Эдуард вызвал в парламент Шрусбери (1283) сто одиннадцать графов или баронов; в парламент Вестминстера (1295) он вызвал только пятьдесят три; и из ста одиннадцати присутствовавших в 1283 году шестьдесят отсутствовали в 1295 году. Последние парламенты его правления представляют несколько примеров подобных нарушений. Таким образом, в настоящее время мы находим девяносто восемь *процессуальных* мирян, которые были вызваны в парламент только один раз, и пятьдесят человек, которых вызывали один, два или три раза. Существовало различие между баронами, которые вызывались индивидуально: одни были вызваны в силу своего феодального владения, другие - только в силу приказа о созыве, независимо от того, были они непосредственными вассалами короля или нет. Последние пользовались в парламенте теми же правами, что и первые, только не похоже, что единственный факт распоряжения о созыве наделял их наследственным правом. Есть даже несколько примеров церковных пэров, которые были созваны специальными указами и которые получили освобождение от обязанности присутствовать в парламенте, доказав, что у них нет королевского феода. Практика создания баронов или пэров была введена позже: *во-первых*, законом парламента (при Эдуарде III); *во-вторых*, на основании писем, выданных королем (при Ричарде II).]

III. Главные чиновники короля, такие как судьи и члены тайного совета, почти всегда созывались в парламент в силу своего официального положения; более того, они неизменно были либо графами, либо баронами.

IV. Созыв депутатов графств и округов не был юридической или общественной необходимостью; но это стало фактической необходимостью из-за преобладания принципа, согласно которому согласие во всех вопросах самозванства является правом.

V. Созыв депутатов графств был более определенным и регулярным, чем созыв депутатов районов; более определенным, потому что он частично проистекал из права, которое тогда не подвергалось сомнению и которое необходимо было уважать, а именно права каждого непосредственного вассала на место в генеральной ассамблее; более регулярным, потому что суды графств, которые все состояли из одних и тех же элементов и обладали одними и теми же интересами, составляли единое и идентичное целое по всей Англии, так что некоторые из них не могли быть допущены к привилегии представительства без того, чтобы не были допущены и все остальные. С другой стороны, города и районы были обязаны своим допуском в парламент различным причинам, не имеющим единства или связи друг с другом, и были призваны помогать только в вопросах, которые касались их лично; так что прием представителя от одного города вовсе не предполагал приема представителей от других городов или даже сохранения этой привилегии в каком-либо отдельном случае.

VI. Количество городских и окружных депутатов не было фиксированным. Король определял это произвольно. Тем не менее созыв двух депутатов от каждого округа и столько же от каждого района стал правилом.

VII. Каким бы нерегулярным ни был созыв депутатов от округов, нет оснований думать, что количество округов, которые тогда были представлены в ассамблее, было настолько ограниченным, как предполагалось; нет оснований думать, как утверждают историки-тори, что только города во владениях короля первоначально направляли депутатов в парламент. Предположению, напротив, противоречат факты, доказывающие, что, помимо городов, принадлежащих королевским владениям, были представлены те, которые получили инкорпоративную грамоту либо от короля, либо от какого-нибудь крупного барона; также были представлены и те, которые, не получив никакой такой грамоты, были достаточно богаты, чтобы оплачивать расходы своих депутатов. Однако важность конкретных городов и ощущавшаяся необходимость их участия в общественных делах были в этом отношении единственным правилом; и чаще всего выбор городов, которые должны быть представлены, оставлялся на произвольное решение шерифов.

Лекция XIV.

Порядок избрания депутатов округов и местечек.

Кто был выборщиками?

Нет единого принципа регулирования выборов в городских округах.

Голосование публично.

Кто были выборщики?

Мы видели, как депутаты графств и округов были введены в парламент; но мы все еще далеки от получения полного и правильного представления о представительном правлении, как оно существовало в Англии в тот период, к которому мы сейчас подошли. Нам еще предстоит узнать, кем и каким образом были выдвинуты эти депутаты — одним словом, какой была тогда избирательная система, если нам будет позволено дать такое название совокупности изолированных обычаев и институтов, не связанных друг с другом и почти полностью лишенных какой-либо общности или единства характера.

Две политические партии, с оппозицией и дебатами которых сталкиваешься на каждом шагу при изучении английских институтов, не преминули разрешить этот вопрос, каждая по-своему. Тори, всегда склонные ограничивать границы общественной свободы, утверждают, что введение членов от графств в парламент произошло главным образом из-за невозможности объединить в генеральной ассамблее всех прямых вассалов короля, все они одни имели право присутствовать; и что землевладельцы этого класса первоначально были единственными выборщиками этих представителей. Виги, с другой стороны, утверждают, что все свободные

владельцы графства, прямые или косвенные вассалы короля, всегда принимали участие в этих выборах.

Я буду искать решение этого вопроса исключительно в фактах, имеющих особое отношение к введению членов графства в парламент; и поскольку это изменение явилось результатом не второстепенных или непредвиденных обстоятельств, а естественного хода времени и событий, необходимо сначала вспомнить общие факты, которые предшествовали ему и породили его.

Происхождение фригольдеров графства.

Мы видели, что большое количество прямых вассалов короля очень рано отказались, из-за своего небольшого богатства или влияния, от участия в генеральной ассамблее, их политическое существование стало локализованным и ограниченным делами графства и посещением суда графства, в котором эти дела рассматривались. Однако прямые вассалы короля были не единственными лицами, заинтересованными в делах графства. Многие другие фригольдеры, будь то вассалы крупных баронов или изначально простые сокамерники, обладали значительным богатством и влиянием; [Сноска 34] и поскольку фактическое владение в тот период было почти единственным арбитром права, нет никаких сомнений, *априори*, что все фригольдеры любого значения в графстве были тогда допущены в окружной суд для руководства отправлением правосудия и обсуждения своих общих интересов.

[Сноска 34: В Черной книге казначейства можно увидеть, что Годфри Фицуильям в Бакингемшире владел двадцатью семью рыцарскими поместьями графа Уолтера Гиффорда, в то время как Гильбон Болбеч в том же графстве владел от короля только одним рыцарским поместьем.]

Свидетельства истории превращают эти вероятности в абсолютные факты. Доказано, что рыцари, которые были прямыми вассалами короля, не одни составляли окружные суды. Со времен Вильгельма Завоевателя до конца правления Эдуарда I. множество актов, законов, предписаний и исторических записей доказывают, что все фригольдеры или почти все заседали в этих судах; и что, если и были какие-то исключения из этого правила, они ни в малейшей степени не исходили из какого-либо общего различия между прямыми или косвенными вассалами короля, а просто из особых условий, налагаемых на отдельные владения. Ибо не похоже, чтобы все свободные землевладельцы были в равной степени вынуждены являться в окружные суды, поскольку эта служба считалась скорее бременем, чем привилегией.

Таким образом, можно считать несомненным, что либо в результате падения многих прямых вассалов короля, либо возвышения большого числа простых вассалов знати в каждом графстве возникла группа свободных землевладельцев, все из которых по отношению к делам графства и независимо от характера их феодальных отношений обладали одинаковым значением и равными правами.

Функции окружных судов.

Суды графств, составленные таким образом, осуществляли право избрания задолго до регулярного и окончательного введения их представителей в парламент. Здесь иногда избирались должностные лица, наделенные полномочиями, необходимыми для ведения дел графства; а иногда рыцари назначались для исполнения мер центрального правительства или направлялись туда в качестве подателей жалоб или представлений. Примеров таких выборов множество. Хартии часто предписывали их, и о них постоянно говорится в хрониках.

Нельзя утверждать, что это назначение конкретных рыцарей для ведения конкретных местных дел всегда проводилось регулярным образом и путем отдельных выборов. Иногда это делалось только шерифами, но несомненно, что в большинстве случаев это делалось "сообществом округа, с согласия и по совету округа, в соответствии с общинными комитетами, согласием и советом комитетов".

Из всех этих фактов мы заключаем, во-первых, что до введения членов от графств в парламент прямые вассалы короля, которые из-за своего меньшего значения перестали присутствовать на общем собрании, не образовывали отдельного органа в судах графств или особого класса землевладельцев, наделенных особыми правами; но что, напротив, они были объединены в общий класс свободных землевладельцев, почти все из которых также присутствовали в суде графств и там пользовались теми же правами; и, во-вторых, несомненно, что это собрание землевладельцев, наделенных особыми правами. у фригхолдеров было обыкновение в определенных случаях назначать кого-либо из своих членов либо для управления делами графства, либо для любых других целей.

Должны ли мы верить, что, когда целью было направление представителей графства в парламент, вместо существующего порядка вещей был установлен новый порядок их избрания? или, другими словами, что те фригольдеры, которые, хотя и были прямыми вассалами короля, находились наравне с другими фригольдерами во всех вопросах деятельности окружного суда, отличались от них тем, что были единолично призваны избирать членов парламента? Нет ничего менее вероятного само по себе, и фактически нет ничего менее правдивого, чем то, что во время выборов в окружных судах наблюдалась такая дезорганизация.

Права свободных держателей.

Это совершенно маловероятно, потому что при состоянии общества в тот период почти всегда сохранялся статус-кво. Мы сильно заблуждаемся, если ожидаем обнаружить, что институты того времени находились под влиянием какого-то общего правила и приводили к неизбежным последствиям принципа. Такого доминирующего общего правила или принципа не было. Когда появляется новый закон, это продукт фактов, а не теории. Когда к обществу предъявляется какое-либо новое требование, на это требование отвечает общество в его фактическом состоянии, а не систематически организованное общество.

Фригольдеры в целом при каждом удобном случае составляли окружной суд и принимали участие во всех его действиях. Какая могла быть причина для внезапного отказа от установленного обычая с целью создания привилегии в пользу определенных землевладельцев, чье положение, хотя и особое в некоторых отношениях, лишь мало

отличалось от положения других? Был ли какой-нибудь повод для акта настолько необычного, что его нельзя было привести в действие, не нарушив существовавших тогда обычаев? Такого не было: напротив, этот акт представлялся землевладельцам графства лишь еще одним обстоятельством, связанным со многими существующими фактами того же описания: они не предвидели ни всего значения, которое этот факт не мог не приобрести, ни всех последствий, к которым он неизбежно привел бы. Эти выборы рыцарей, вызванных в парламент, хотя и были несколько более важными, чем другие выборы, походили на все те, которые часто производились в окружном суде и в которых принимал участие каждый фригольдер. Почему право голоса в таких случаях должно было принадлежать исключительно определенным лицам из их числа? Разве все они не были одинаково заинтересованы, поскольку большая часть налогов взималась с их личной собственности, а главной обязанностью депутатов было урегулирование налогов? Как можно верить иначе, чем в то, что это, как и все другие выборы, были проведены всеми членами окружного суда без различия?

Факты, повторяю, подтверждают эти вероятности. Предписания, адресованные королем шерифам для избрания членов графства, составлены на тех же условиях, что и предписания, изданные для выборов, касающихся исключительно управления местными делами.

Свободные владельцы по сорок шиллингов.

Они также устанавливают, что эти рыцари должны быть избраны с согласия сообщества графства, *de assensu communitatis comitatûs*. Кроме того, в отчетах шерифов говорится, что выборы были проведены "в полном округе, всей общиной округа", *in pleno comitatu, в соответствии с totam communitatem comitatûs*. При последующих царствованиях использовались еще более формальные термины; таким образом, примерно в середине правления Эдуарда III. судебные приказы содержат, что выборы должны быть проведены "согласно воле и с согласия жителей округа", *de arbitrio et consensu hominum comitatûs*. Наконец, факты, дошедшие до нас из более поздних времен, доказывают, что все фригольдеры обладали равным правом участия в этих выборах. В 1405 году статут Генриха IV, предназначенный для предотвращения определенных злоупотреблений, совершаемых в этих случаях шерифами при предыдущем правлении, среди прочего предписывает, что "все те, кто должен присутствовать в суде графства, даже если они не были должным образом вызваны туда шерифом, должны принять участие в выборах". Наконец, при Генрихе VI, когда большое количество свободных землевладельцев вызвало множество беспорядков во время выборов, два статута (первый был издан в 1429 году, а второй - в 1432 году) ограничили избирательное право свободными землевладельцами, имеющими годовой доход в сорок шиллингов: это было первое и последнее ограничение такого рода, и оно все еще продолжает действовать в Англии.

Таким образом, моральные предпосылки и исторические факты в равной степени указывают на то, что с момента возникновения парламента в его фактической форме представители графств избирались не только прямыми вассалами короля, но и всеми фригольдерами, будь то промежуточные или непосредственные вассалы, которые составляли окружной суд. Для того чтобы окончательно установить это мнение, ничего не остается, кроме как изучить доказательства, которые якобы свидетельствуют в пользу противоположного мнения. Их можно свести к двум: во-первых, говорится, что, поскольку первоначально правом заседать в генеральной ассамблее обладали только прямые вассалы короля, и поскольку избрание

рыцарей удела полностью возникло из-за невозможности собрать в парламенте всех прямых вассалов короля, только последние должны были избирать представителей, которые были посланы вместо них. Во-вторых, вассалы баронов давно требовали освобождения от обязанности вносить свой вклад в уплату взносов, выделяемых членам графства, что доказывает, что они не могли участвовать в выборах; ибо, если бы они это сделали, их требование было бы абсурдным.

Опровержение теорий тори.

Недостаток обоих этих доказательств заключается в том, что они являются косвенными и опираются на следствия, выводимые из общих фактов, а не на особые и положительные факты, подобные тем, которые я только что привел в поддержку противоположного мнения. Более того, первый аргумент предполагает существование общего и абсолютного принципа, которому неизменно следовали; и что члены графства вызывались в парламент только для того, чтобы представлять прямых вассалов короля. Это предположение неправдоподобно и не согласуется с фактами. Мы снова повторяем, что в тот период не существовало общего принципа, какого-либо фиксированного и неизменного правила. Общие принципы и их последствия существуют только в спокойном и устоявшемся состоянии общества; они несовместимы с грубым населением и длительными беспорядками. Как же тогда социальные классификации и соответствующие им права могли оставаться неизменными и отчетливыми посреди такой хаотической путаницы? Кроме того, феодальная система никогда не пользовалась в Англии таким полным влиянием, чтобы гарантировать что-либо похожее на строгое соблюдение ее принципов. Верно, что право, которым обладали все прямые вассалы короля появляться в центральном собрании, было одним из источников представительства графств; но когда это право, после того как оно утратило силу, начало возрождаться в лицах представителей, оно было перевешено действительным и более могущественным обстоятельством, образованием общего класса свободных землевладельцев, собирающихся в суде графства и осуществляющих там те же функции и равные права. Этот факт неоспорим; поэтому тори вынуждены признать, что депутаты были избраны всеми присутствующими в окружном суде. Но как они пытаются избежать последствий этого признания? Они утверждают, что в окружном суде заседали только прямые вассалы: мнение, слишком противоречащее природе вещей и всем фактам, которые я привел, чтобы требовать опровержения.

Есть еще одна трудность, которая ставит в тупик писателей-тори и которую они столь же безуспешно пытаются преодолеть. Они не могут отрицать, что при правлении, последовавшем за правлением Эдуарда I, и особенно при Генрихе IV, все свободные землевладельцы графства принимали участие в выборах: теперь, чтобы избежать этого затруднения, делается вид, что, воспользовавшись беспорядками того времени, они узурпировали избирательное право и что статут Генриха IV. (в 1405 году) впервые узаконил это злоупотребление и законно создал фригольдеров на выборы депутатов. В этом предположении нет никакой вероятности, которое не подтверждается ни одним фактом. В период правления Эдуарда I и Генриха IV не было обнаружено ничего, что указывало бы на узурпацию избирательного права частью свободных землевладельцев, которые до тех пор не имели отношения к выборам. Не обнаружено никаких следов изменений в составе окружных судов, равно как и каких-либо изменений в форме или

языке судебных приказов о созыве. Напротив, все указывает на то, что выборы продолжали проводиться, как и в прежние времена, и что статут Генриха IV действовал. очевидно, у него нет другой цели, кроме как предотвратить незаконную практику шерифов, которая стала скандальной во времена правления Ричарда II. Таким образом, в каком бы свете это ни рассматривалось, этот первый аргумент совершенно бесполезен.

Оплата услуг представителей.

Второе имеет не большую ценность. Оно основано на предположении, что только те, кто имеет право голоса на выборах представителей, должны вносить свой вклад в выплату им заработной платы. Теперь это предположение явно опровергается указом Эдуарда III, который доказывает, что даже *виллани*, простые земледельцы, которые, безусловно, не принимали участия в выборах, были обязаны вносить свой вклад в уплату пошлин. Таким образом, если окажется, что фригольдеры требовали освобождения от этого самозванца, то отсюда нельзя сделать вывод, что они не участвовали в выборах.

В этих требованиях нет ничего экстраординарного. Должность члена парламента изначально была скорее обременительным бременем, чем преимуществом. Избранное лицо было вынуждено обеспечить безопасность, гарантирующую его присутствие на собрании. Упоминается любопытный случай с избранным рыцарем, который не смог найти требуемого залога; поэтому шерифы конфисковали его быков и сельскохозяйственных лошадей, чтобы заставить его выполнять свои служебные обязанности. За короткое время, чтобы сделать это обвинение менее обременительным, оно стало прибыльным: представителям были назначены гонорары. Эти сборы взимались со всего округа, за исключением некоторых особых иммунитетов. Приказ Эдуарда III ясно доказывает это. Верно, что вассалы баронов, главным образом в правление Эдуарда III, часто требовали освобождения от выплаты жалованья, причитающегося членам парламента; но они не были основаны на том обстоятельстве, что они не участвовали в выборах; они опирались на предлог, вытекающий из феодального права, утверждая, что, поскольку их лорды заседали в парламенте самостоятельно, то есть в качестве пэров, они были представлены ими и не должны платить жалованье представителям графств. Очевидно, что эти утверждения проистекали из смешения идей древнего феодального представительства (фикции, которая делала дворянина в некотором роде доверенным лицом своих вассалов) с идеями новой системы представительства. Эти факты никоим образом не доказывают, что вассалы баронов не принимали участия в выборах членов графства; все, что они указывают, это то, что взимание жалованья с членов было весьма произвольным и регулировалось различными обычаями в каждом графстве; однако из них нельзя сделать никакого вывода относительно избирательных прав.

Теперь, когда я привел в соответствие с их справедливой ценностью эти два аргумента, единственную поддержку мнения, против которого я выступаю, представляется почти несомненным, что все свободные землевладельцы, присутствовавшие в суде графства, объединились при выборах представителей, независимо от характера их феодальных отношений с короной.

Выборы представителей районов.

Завершив наше исследование выборов депутатов округов, давайте теперь рассмотрим, как проводились выборы представителей районов.

Хотя в судах графств распределение избирательных прав не регулировалось никакими фиксированными правилами или систематическими различиями, по крайней мере, в них было что-то общее и идентичное по всей Англии. Графства были территориальными округами одинакового характера; окружные суды, где бы они ни находились, были одним и тем же учреждением, а свободные землевладельцы составляли один класс людей. В силу почти везде одинаковых обстоятельств, естественно, во всех местах возникла одинаковая избирательная система.

Этого не было и не могло быть в отношении районов. Они последовательно приобретали свои свободы в большей или меньшей степени и в тысяче различных форм. Политическое состояние одного города не дает никакого представления о политическом состоянии других городов, поскольку они совершенно не соответствовали друг другу. Иногда муниципальные права принадлежали более или менее многочисленной корпорации, которая владела городом *наплатных фермах*; иногда общей группе фригольдеров, которые держали свои дома *на праве собственности*, своего рода праве владения, аналогичном владению в *socage*; иногда всей группе домовладельцев; иногда, но реже, всем жителям. Когда какому-либо конкретному району предлагалось направить депутатов в парламент, никому не приходило в голову рассматривать это новое право как отличное от их муниципальных прав и регулировать избирательную систему на отдельной основе. Эта повестка касалась района в его нынешнем состоянии и не вносила ни малейшего новшества в осуществление гражданской власти. Граждане, которые в силу своего устава пользовались правом управлять делами района, также пользовались правом назначать его представителей. Тогда в основе этого нового права не было ничего общего или единообразного, и было бы невозможно свести выборы в городах и округах к какому-либо общему принципу. Мы можем только изучить ряд частных фактов и вывести из них следующие результаты:—

I. Политическое право избирать членов парламента не отличалось от муниципальных прав района и осуществлялось тем же способом и одними и теми же гражданами.

II. Из этого следует, что выборы обычно производились советом, который руководил местными интересами района: следовательно, число выборщиков с самого начала было очень ограниченным.

III. Там, где корпорация владела городом в *фи-фарм*, она также обладала правом назначать членов парламента. Эти корпорации, как правило, состояли из нескольких человек.

IV. Поскольку фригольдеры многих округов заседали в окружных судах, немало выборов членов округов первоначально проводились в этих самых окружных судах и фригольдерами округов, которые переехали туда и которые осуществляли эту власть либо за свой счет, либо с разрешения своих сограждан.

V. Судебные приказы или распоряжения о выборах депутатов сначала направлялись непосредственно самим городским судьям. Так, по крайней мере, было в 1264 году, в период первого созыва, с которым мы знакомы, представителей округов при Генрихе III. В 1283 году та

же процедура была применена Эдуардом I. при созыве парламента Шрусбери, на который были вызваны представители двадцати одного района. В 1295 году судебные приказы были адресованы шерифам округов, в которых были расположены районы, и с того периода это стало обычной и законной формой созыва районов. Однако в 1352 и 1353 годах Эдуард III направлял свои судебные приказы непосредственно муниципальным магистратам, в первом случае по десяти районам, а во втором - по тридцати восьми. Это последние примеры подобных созывов. Чинкве-порты остались единственными районами, которые получали судебные приказы напрямую.

Коррупция в представительстве района.

Эти факты объясняют, как представительство районов было так легко испорчено в Англии и остается таким позорным по сей день. [Сноска 35] В каждом городе политические права по-прежнему ограничивались муниципальными органами власти, которые первоначально обычно состояли из очень узкого круга. С тех пор, и особенно в период революции 1640 года, общей тенденцией было расширение избирательных прав в районах и, таким образом, повышение популярности выборов; но, в целом, выбор неизменно делают муниципальные власти, организованные в соответствии с их древними учредительными документами. В округах избирательные права приспособились ко всем превратностям имущественного положения и были пропорционально расширены: в городских округах они остались неизменными. Любой неизменяемый институт порочен, потому что в конечном итоге он обязательно установит привилегии, противоречащие реальному состоянию общества.

[Сноска 35: До реформы парламента в 1832 году.]

Я хотел бы иметь возможность дополнить эти исследования избирательной системы Англии XIII века некоторыми частными и обстоятельными деталями, касающимися форм выборов; но по этому вопросу ничего нельзя обнаружить ни в истории, ни в законах. В законах этот вопрос не упоминался, потому что на данном этапе цивилизации считается, что подобные вещи не требуют ни регулирования, ни выражения. Вполне вероятно, что выборщики, которых, как правило, было очень мало, договорились между собой в присутствии шерифа о представителях, которых они хотели назначить; и что шериф судебным приказом проинформировал Канцлерский суд о назначении. Единственным важным обстоятельством при таком способе избрания было открытое голосование, которое сохранилось и по сей день. Тогда никто не придавал своему выбору достаточного значения, чтобы считать сокрытие необходимым.

Формы муниципальных выборов.

До правления Генриха IV мы не находим ни одного закона, регулирующего формы выборов. По мере того, как выборы приобретали важное значение, шерифы, воспользовавшись отсутствием всяких формальностей, взяли дело в свои руки и управляли им по своему усмотрению. Закон, на который я ссылаюсь, был принят для предотвращения этих злоупотреблений. Здесь, как и везде, организация поручительств произошла спустя долгое время после признания и осуществления прав.

Лекция XV.

Философское исследование избирательной системы в Англии XIV века.

Система была естественным результатом фактов.

Кто были выборщики?

Четыре принципа, которые определяют решение этого вопроса.

Характер английской избирательной системы.

Факты, приведенные в моей предыдущей лекции, доказывают, что избирательная система Англии в четырнадцатом веке не определялась никакими философскими комбинациями, никакими общими намерениями. Эта система возникла естественно и спонтанно, на основе фактов. Поэтому его изучение более любопытно и заинтересует: современные времена полны науки и выдумок; институты сейчас не развиваются с простотой и свободой; под предлогом придания им регулярности вещи искажаются в угоду какому-то конкретному интересу или для приспособления к теории. Ничего подобного не происходило при формировании британского парламента; науки тогда еще не существовало, и хитрость была излишней. Палата общин не имела достаточного значения для исполнительной власти, чтобы сильно беспокоиться о ее происхождении; должность члена от графства или района не была достаточно востребованной, чтобы побудить различные интересы и партии направить все свои инструменты ведения войны и политические уловки на достижение этой цели. Требовались представители страны, которые должны были быть выбраны методом выборов, но у этих выборов не было повода приспособляться к какой-либо теории или быть каким-либо образом ложными. При таком состоянии общества избирательная система могла бы быть порочной и неполной во многих отношениях; ее формы могли бы быть нерегулярными и лишены всех необходимых гарантий, но ее общие принципы были бы естественными и здравыми. Эти принципы - это то, что я предлагаю исследовать и пролить свет на них в настоящих Лекциях. В четырнадцатом веке о них не знали и не думали, но они существуют в фактах; ибо у каждого факта есть причина, и все они подчиняются определенным законам. Прежде чем перейти к древней английской избирательной системе отдельно и в отдельности, мы должны сначала рассмотреть ее в ее отношении к обществу в целом, к силам, которыми оно управляло, и к свободам, которыми оно пользовалось.

Современная политическая наука.

В наши дни политическая наука редко рассматривала вопросы с этой точки зрения, хотя она является первой и наиболее важной из всех; она воздействовала на общество и его правительство посредством процесса расчленения; она взяла все полномочия и права одно за другим и попыталась определить каждое отдельно и применительно только к себе; стремясь сначала полностью отделить их друг от друга, а затем заставить их действовать вместе, строго ограничивая каждое своей собственной сферой. Таким образом, как мы видели, были перечислены законодательная власть, исполнительная власть, избирательная власть, судебная власть и административная власть, и все усилия науки были приложены к тому, чтобы эти

различные власти сосуществовали, сохраняя между ними строгое различие и предписывая им никогда не впадать в путаницу и даже не уподоблять их должности и действия. Та же система была применена к правам и свободам граждан. Здесь легко разглядеть триумф любви к анализу, которая характеризовала прошедшее столетие. Но анализ - это метод изучения, а не созидания. Дух анализа научный, но никогда политический. В политике, независимо от того, имеет ли дело с правами или властью, целью является создание реальных жизненных сил, способных либо добиваться повиновения, либо сопротивляться угнетению. Этого никогда нельзя достичь путем анализа; ибо в действительности реальная жизнь - это очень сложный вопрос, требующий объединения множества различных элементов, каждый из которых модифицируется и поддерживается другими. Анализ проясняет и разделяет на части, но никогда не конструирует. Эту истину демонстрирует политическая история нашего времени. Все эти полномочия и права, столь тщательно перечисленные и разграниченные наукой, столь узко ограниченные определенными рамками, были обнаружены во время действия как лишенные последовательности, энергии и реальности. Было постановлено, что законодательная власть должна быть абсолютно отделена от исполнительной, судебная - от административной, муниципальная - от избирательной: свободы и права были изолированы и расчленены точно так же, как и властные полномочия; и вскоре все эти права и полномочия, неспособные к существованию и действию в их изолированном состоянии, стали централизованными или утраченными в руках индивидуального или коллективного деспотизма, который единственный был могущественным и реальным, потому что только он отличался от теоретического замысла или научной концепции.

Можно безбоязненно утверждать, что права, как и общественные полномочия, никогда не обретут реальности и энергии, пока они не выйдут за рамки этой мнимой науки, которая под предлогом классификации ослабляет и сводит их на нет; пока, объединенные позитивными узами, они взаимно не опираются друг на друга и не объединяются, чтобы привести к одинаковым результатам. Несомненно, великая аналитическая работа, проделанная в наше время, не окажется бесплодной; многие хорошо обоснованные различия и необходимые ограничения будут сохранены; все полномочия больше не будут охвачены всеобщей неразберихой, и все права не будут сконцентрированы. В результатах проведенного социального анализа есть определенная правда и польза; но если бы это продолжалось вечно, если бы права и полномочия оставались в состоянии изоляции и распада, в которое наука поместила их в наши дни, у нас никогда не было бы ни правительства, ни свободы.

Цель британского парламента.

Совершенно очевидно, что ничего подобного не происходило в период формирования британского парламента. Политика не носила столь научного характера и не претендовала на такое рассмотрение, как в настоящее время. Необходимо было собрать вместе главных людей королевства — купцов, землевладельцев и других, — чтобы они могли помочь в том или ином общественном деле. Но это никогда не предполагалось как создание нового права или новой власти. Установленные права и существующие полномочия были призваны выполнять эту новую функцию и проявляться в этой новой форме. Фригольдеры, то есть каждый свободный и подлинный землевладелец, обычно собирались в окружных судах для отправления правосудия и совместного рассмотрения общих интересов; и этим окружным судам было поручено

назначать представителей. В городах любого значения граждане в более или менее либеральных формах сами регулировали свои дела, выбирали своих магистратов и совместно пользовались определенными правами и полномочиями; и эти муниципальные корпорации были обязаны направлять членов в парламент.

Совокупность публичных прав.

Таким образом, собрания, которые мы сейчас называем коллегиями выборщиков, никогда не были в тот период, как сейчас, особыми и изолированными собраниями, на которые возложены временные обязанности и которые во всех других отношениях не связаны с управлением страной. Окружные суды и муниципальные корпорации, которые уже были прочно укоренились и обладали врожденной силой, были преобразованы в коллегии выборщиков. Таким образом, избирательная система с самого начала была объединена со всеми правами и институтами и почти со всеми местными и реальными властями. Это было расширение и развитие существующих свобод, мощная сила, добавленная к другим силам, ранее действовавшим и осуществлявшим управление в других интересах. Дело было не в том, что в одном месте были просто выборщики, в другом - администраторы, а в другом - судьи; но существовала группа граждан, которые участвовали в управлении местными делами и отправлении правосудия; и которые избирали депутатов для ведения общих дел. Легко понять, что, будучи, таким образом, глубоко укорененной в обществе в целом и тесно связанной со всеми другими властями, избирательная власть (выражаясь современным языком) была защищена от всех превратностей, через которые, как мы видели, она проходила, когда предпринимались попытки установить ее саму по себе в каком-то особом аспекте или комбинации.

Таким образом, это первая характеристика избирательной системы, которая привлекает наше внимание. Нам не нужно колебаться, чтобы возвести эту характеристику в принцип и утверждать, что там, где она не соблюдается, выборы, то есть само представительное правительство, будут либо бессильны, либо подвержены постоянным штормам.

В современной политике ошибкой является чрезмерный страх перед властью, какой бы ни была ее форма или ситуация. Она разделяется и подразделяется бесконечно мало, пока, так сказать, не перестанет существовать, кроме как в виде порошка. Это не способ установить свободу. Свобода может существовать только при обладании правами, а права ничего не стоят, если они сами по себе не являются силами — жизненно важными и прочно оформленными силами. Передача права с одной стороны и власти с другой - это не создание свободного правительства, а установление постоянной тирании, иногда под именем деспотизма, а иногда под именем революции; проблема состоит в том, чтобы передать власть повсюду в руки правых, что может быть сделано только путем организации или принятия сразу, в самом центре правительства и на каждой стадии его действия, авторитета и сопротивления. Итак, сопротивление реально и действенно только тогда, когда способно во всех случаях противостоять власти, когда власть вынуждена постоянно иметь с ним дело, побеждать или уступать. Что же тогда представляет собой избирательное право или власть, если ее так называют, когда она изолирована от любой другой власти? Его проявление преходяще и нечасто; это дневной кризис, навязанный действительной властью, которая, правда, может потерпеть поражение, но которая, если ее избежать, впоследствии оказывается совершенно свободной и продолжает свой путь без малейших препятствий или спит в слепой безопасности.

Если, с другой стороны, избирательное право подкрепляется другими правами, более прямыми и распространенными, если избирательная система тесно связана со всем правительством, если те же граждане, которые выдвинули своих членов, вмешиваются в дела страны в других формах, но с тем же названием, если центральная власть нуждается в других случаях в их согласии и поддержке, если она обнаруживает, что они в других местах также сгруппированы и объединены для осуществления других функций власти, тогда все права служат гарантиями друг другу; избирательная система больше не подвешена в воздухе, и ее становится трудно нарушать в принципе или нарушать закон. ускользнуть от него в его последствиях.

Независимость публичных прав.

Невозможно сомневаться в том, что этому тесному союзу избирательных прав с множеством других государственных и местных прав избирательная система Англии обязана своей силой и постоянством. Один факт из тысячи других докажет это. Когда центральная власть, обнаружив, что выборы угрожают ей, попыталась избавиться от их влияния, она была вынуждена отказаться от городов и корпораций, от их хартий и свобод. Без этого ничего нельзя было бы сделать. Но из-за этого также все подверглось нападкам, и, поскольку свобода и право повсюду были нарушены, нация приложила свои усилия не только к восстановлению Палаты общин, но и к восстановлению множества других прав, которые не имели отношения к выборам представителей. Секрет хорошего конституционного законодательства заключается в том, чтобы объединить все права друг с другом таким образом, чтобы невозможно было ослабить ни одно из них, не подвергая опасности все.

Эта характеристика британской избирательной системы привела также к другим, не менее благоприятным последствиям в отношении самих выборов, на которые я сейчас укажу. Теперь я рассмотрю эту систему саму по себе, в ее внутренней организации.

Два класса избирателей.

Все элементы и законы любой избирательной системы сводятся к этим двум вопросам:

I. Кому принадлежат избирательные права? то есть кто такие избиратели?

II. Как осуществляются эти права? иными словами, каковы процедуры и формы выборов?

Я хочу последовательно свести воедино по этим двум вопросам все относящиеся к ним факты избирательной системы Англии XIV века и исследовать, какие общие принципы содержатся в этих фактах.

И, во-первых, кто были выборщики? Существовало два класса выборщиков, точно так же, как существовало два вида выборов — выборы в графства и выборы в районы. Эта классификация не была результатом систематической комбинации или какого-либо предыдущего намерения: это было выражение факта.

Первоначально рыцари, а немного позже и фригольдеры, одни составляли политическую нацию и одни обладали политическими правами. Все они пользовались одинаковым правом помогать при дворе или совете своего господина; следовательно, политически они были равны. Когда города приобрели достаточное значение, чтобы помогать центральной власти, когда это

было необходимо, и достаточно сил, чтобы противостоять ей, если того потребуют обстоятельства, тогда жители стали гражданами. Тогда в государство действительно вошла новая нация. Но при поступлении туда он отличался от того, который ему предшествовал. Представители районов никогда не обсуждали это с представителями округов. Каждый из этих двух классов решал вместе с правительством те дела, которые его интересовали, и соглашался за свой счет на налоги, которые ложились на него одного. Первоначально коалиция между представителями была не большей, чем между избирателями: различие было полным. Нельзя сказать, что существовало неравенство, поскольку не было места для сравнения. Это были просто два разных общества, представленных своими депутатами при одном и том же правительстве; и разница в представительстве проистекала не из какого иного принципа, как из реального и примитивного различия между двумя обществами.

Право, производное От емкости.

Теперь, если каждое из этих обществ рассматривать отдельно и само по себе, то будет обнаружено равенство политических прав среди граждан, призванных ими пользоваться. Как в графствах все свободные владельцы имели одинаковое право участвовать в выборах, так и в городах каждый член корпорации, которому был предоставлен устав, участвовал в выборах своих представителей.

Таким образом, разнообразие классов, существующих в обществе, было воспроизведено в представлении. Но, с одной стороны, разные классы были полностью независимы друг от друга: рыцари удела не облагали налогами граждан, а граждане - рыцарей удела; и уж тем более ни те, ни другие не принимали участия в выборах друг друга. С другой стороны, принцип равенства прав преобладал в каждом классе, среди граждан, призванных принять участие в выборах.

Таким образом, из этого нельзя сделать никаких выводов в пользу неравенства между людьми, призванными в силу того же принципа участвовать в сходных действиях. Такого неравенства никогда не существовало в избирательной администрации Англии в четырнадцатом веке. Существовавшее различие проистекало из самого общества и распространялось даже на самый центр репрезентации, который не представлял более однородного целого, чем само общество. Истинный, единственный общий принцип, проявляющийся в распределении избирательных прав в том виде, в каком оно тогда существовало в Англии, заключается в том, что это право проистекает из дееспособности и принадлежит ей. Это требует некоторого объяснения.

Что такое избирательный потенциал?

Несомненно, что в тот период, если не считать главных баронов, личное значение которых было таково, что с каждым из них приходилось обращаться индивидуально, только свободные землевладельцы, духовенство и горожане определенных городов могли действовать как граждане. Те, кто не принадлежал к тому или иному из этих классов, были в основном бедными земледельцами, работавшими на второстепенной и ненадежной собственности. В их число входили все люди, наделенные реальной независимостью, способные свободно распоряжаться своей личностью и богатством и способные разделять некоторые идеи, представляющие общественный интерес. Именно это составляет политический потенциал. Эта способность варьируется в зависимости от времени и места; одинаковой степени удачи и

просветления не везде и не всегда достаточно, чтобы даровать ее, но ее элементы всегда одни и те же. Она существует везде, где мы сталкиваемся с условиями, материальными или моральными, для достижения той степени независимости и интеллектуального развития, которая позволяет человеку свободно и разумно совершать политический акт, который от него требуется совершить. Несомненно, рассматривая массы, как их следует рассматривать в подобном вопросе, эти условия не соблюдались в Англии XIV века нигде, кроме как среди свободных землевладельцев, духовенства и горожан главных городов. За пределами этих классов нет ничего, кроме почти рабской зависимости и жестокого невежества. Таким образом, призывая эти классы участвовать в выборах, избирательная система призывала каждого дееспособного гражданина. Таким образом, он был выведен из принципа, согласно которому дееспособность дает право; и среди граждан, дееспособность которых была признана, не было установлено неравенства.

Таким образом, ни суверенитет большинства, ни всеобщее избирательное право изначально не были основой британской избирательной системы. Там, где прекращалась дееспособность, устанавливалось ограничение прав. В пределах этого предела права были равны у всех.

Легко доказать, что это единственный принцип, на котором можно основать национальную и подлинную избирательную систему. Давайте на мгновение забудем о фактах и рассмотрим этот вопрос с чисто философской точки зрения.

Какой мотив установил во все времена и в разных странах фиксированный возраст, в котором мужчина объявляется достигшим совершеннолетия, то есть считается свободным вести свои дела по собственной воле? Это назначение есть не что иное, как констатация общего факта, что в определенном возрасте человек способен действовать свободно и разумно в сфере своих индивидуальных интересов. Произвольно ли это заявление? Нет, ибо, если бы срок его совершеннолетия был установлен в десять лет или в сорок, закон, очевидно, был бы абсурдным; он предполагал бы наличие дееспособности там, где ее не существовало, или же не признавал бы ее там, где она действительно существовала, то есть предоставлял бы право неправомерно.

Таким образом, именно дееспособность дает право; а дееспособность - это независимый от закона факт, который закон не может создать или уничтожить по своей воле, но который он должен стремиться точно признать, чтобы в то же время признать вытекающее из него право. И почему способность дает право? потому что право присуще разуму, и только разуму. Способность - это не что иное, как способность действовать в соответствии с разумом.

То, что верно для индивида, рассматриваемого в отношении его личных интересов, верно и для гражданина в отношении общественных интересов. И здесь дееспособность дает право. Здесь также нельзя отказать в праве без несправедливости. Здесь также дееспособность является фактом, который закон, если он справедлив, утверждает и различает, чтобы наделить его правом.

Это единственный принцип, в силу которого ограничение избирательных прав может быть разумно установлено, и именно он, без общего намерения или философских взглядов, в силу природы вещей и здравого смысла возобладал в Англии в конце XIII века.

Этот принцип в равной степени препятствует допуску неспособных, что дало бы господство большинству, то есть материальной силе; и привело бы к исключению некоторой части дееспособных граждан, что было бы несправедливостью; и к неравенству между способностями, из которых наименьшая объявляется достаточной, что установило бы привилегии.

Внешние признаки избирательности.

Однажды установленный этот принцип, будь то благодаря просвещенному намерению законодателя или просто в силу обстоятельств, становится необходимым применять его на практике, то есть искать и признавать в обществе те способности, которые обеспечивают права. По каким внешним признакам, которые могут быть определены законом, может быть распознана эта дееспособность? это второй вопрос, который возникает, когда речь идет об установлении предела избирательных прав.

Очевидно, что здесь мы можем исходить только из предположений, причем предположений общего характера. Способность действовать свободно и разумно для продвижения социальных интересов проявляется не более отчетливыми признаками, чем любая другая внутренняя предрасположенность. Кроме того, закон воздействует на массы; его решения неизбежно будут неточными, но все же должны быть строгими. В своем применении к отдельным лицам они часто предполагают способность там, где ее нет, и не во всех случаях распознают ее там, где она есть. В этом несовершенство человеческой науки; стремление мудрых состоит в том, чтобы ограничить это несовершенство в его самых узких рамках.

Юридические признаки избирательности.

Избирательная система Англии была менее ошибочной в этом отношении в начале своего существования, чем стала с тех пор. Весьма вероятно, что в четырнадцатом веке весь политический потенциал почти полностью принадлежал классам свободных землевладельцев, духовенству и горожанам важных городов. Таким образом, такого рода квалификация очень близко соответствовала истинным внешним признакам способностей. Можно даже сказать, что если бы представительная система обладала тогда всей своей энергией, если бы ассамблея представителей обладала властью и значением, чтобы стать главной движущей силой правительства и объектом личных амбиций, то очень скоро было бы обнаружено, что юридические условия дееспособности включали множество лиц, у которых дееспособности на самом деле не существовало. Именно потому, что многие из тех, кто обладал правом участвовать в выборах, не принимали в них участия, неудобства, связанные с такой широтой полномочий, поначалу не ощущались. Принцип остался неизменным, потому что он не принес всех своих плодов. Когда Палата общин заняла более высокое место в штате, возникла необходимость ограничить избирательное право, потребовав от самих фригольдеров иметь годовой доход в размере сорока шиллингов. Влияние парламента на правительство и, как следствие, важность избирательных прав намного превзошли интеллект и независимость многих людей, которым древний обычай предоставил их. Отсюда возникло ограничение, установленное парламентом при Генрихе IV. С тех пор общественный прогресс и изменения, произошедшие в состоянии собственности и промышленности, изменили в этом отношении

точность и, следовательно, совершенство избирательной системы. Юридические признаки избирательной дееспособности остаются теми же, что и права, но фактически они изменились. Раньше фригольдеры были единственными землевладельцами, которые были действительно свободны и способны осуществлять политические права; копигольдеры были тогда немногим лучше, чем *виллани*: это давно перестало быть так; хотя юридическое различие все еще существует, оно чисто номинальное: копигольдинги - это собственность, такая же бесплатная, как обеспеченная и такая же полностью наследуемая, как фригольдинги. Титул фригольдера теперь уже не является, как раньше, единственным, обозначающим землевладельца, способного осуществлять политические права. Закон в своем описании внешних признаков избирательного права больше не соответствует реальным социальным фактам. На практике это неудобство не очень велико, потому что мало сколько-нибудь значимых копирайтеров не владеют правом собственности в размере арендной платы в сорок шиллингов.

Однако это реально, поскольку в нем сохраняется различие между собственностью в отношении избирательных прав, которое не основано на какой-либо реальной разнице между природой собственности и дееспособностью ее владельцев. Система стала гораздо более порочной в том, что касается избирательных прав в районах. Здесь внешние признаки, с помощью которых закон делает вид, что признает правоспособность, во многих случаях становятся совершенно ложными. Важность конкретных городов и материальное или интеллектуальное развитие их жителей изначально были причиной наделения их избирательными правами. Потенциал был; право следовало за ним. Теперь этот принцип исчез; есть несколько районов, лишенных значимости, жители которых не обладают ни богатством, ни независимостью; возможностей больше нет, но, тем не менее, право все еще сохраняется. Можно было бы предположить, что название района, его местоположение или его стены являются признаками избирательного права, которое должно сохраняться там вечно, — что привилегия принадлежала камням. С другой стороны, есть другие города, которые в четырнадцатом веке не преминули бы получить свои избирательные права, поскольку фактически были бы признаны способности их граждан, но которые ими еще не обладают.

Таким образом, принцип, поначалу справедливый, перестал быть таковым, потому что были предприняты попытки остановить развитие его последствий; или, скорее, сам принцип погиб, и значительная часть избирательной системы Англии является не более чем его нарушением.

Превратности избирательного потенциала.

Из этого можно видеть, что, если принцип, который связывает право с дееспособностью в вопросе избрания, универсален по своей природе и поддается постоянному применению, условия этой дееспособности и внешние признаки, по которым она должна быть признана, существенно изменчивы и никогда не могут быть ограничены положениями закона без угрозы существованию самого принципа. Превратности избирательных прав даже на заре существования парламента демонстрируют это. Сначала политические права принадлежали только фригольдерам. Кто мог бы разумно искать депутатов и выборщиков в этих опустошенных районах, покинутых по большей части их древними жителями, населенных лишь несколькими бедными семьями, чье положение и идеи не возвышались над положением самых несчастных крестьян?

Никакой постоянной проверки избирательных способностей.

Некоторые города возрождались и вновь становились населенными; торговля приносила с собой богатство, а богатство обеспечивало социальную значимость и развитие ума. Представители должны исходить от этих органов; ибо, несомненно, были выборщики. Новые способности формируются и заявляют о себе новыми симптомами. В то же время или вскоре после этого число фригольдеров увеличивается в результате разделения феодальных владений, многие из них попадают в гораздо более низкое положение, чем древние фригольдеры, и больше не обладают прежней независимостью. Сохранят ли они те же права, когда их дееспособность уже не будет прежней? нет, необходимость заставляет каждого осознавать свою ценность; простой титул фригольдера больше не является верным признаком избирательного права. Разыскивается другой, и условие о сорока шиллингах арендной платы вводится в законы. Таким образом, без какого-либо нарушения и даже со стороны авторитета этого принципа условия и признаки избирательности варьируются в зависимости от реального состояния общества. Этот принцип будет нарушен только тогда, когда эта часть избирательной системы станет неизменной.

Тогда было бы тщетно и опасно претендовать на то, чтобы заранее и навсегда регулировать эту часть избирательной системы свободного народа. Определение условий способности и определение внешних характеристик, которые ее раскрывают, по самой природе вещей не обладают универсальным или постоянным характером. И не только нет необходимости пытаться их исправить, но и законы должны противодействовать любым неизменным предписаниям в отношении них. Чем многочисленнее и гибче правовые характеристики избирательного права, тем меньше нужно опасаться этой опасности. Если бы, например, земельный налог регулировался и устанавливался раз навсегда, как хотелось бы, чтобы это было, то сам по себе этот налог был бы неверным признаком избирательности, поскольку он не соответствовал бы превратностям собственности: он наделил бы саму землю правом выбора; арендная плата была бы лучшим показателем, потому что она была бы более гибкой. Если бы вместо того, чтобы присваивать избирательные права поименно и навсегда определенному району, английские законы наделили ими каждый город, население которого достигло определенного предела или доходы от которого достигли определенной суммы, представительство районов, вместо того чтобы стать коррумпированным, следовало бы за изменениями и прогрессом истинных политических способностей. Мы могли бы умножить эти примеры и тысячью способов доказать, что лучше не принимать ни одного юридического признака избирательности, ни помещать этот признак вне досягаемости превратностей общества.

Общие выводы.

Подводя итог, мы можем сделать из нашего изучения избирательной системы Англии XIV века следующие три вывода:

- I. Право должно сочетаться с возможностью разумного избрания, поскольку оно является его источником.
- II. Условия избирательного права должны варьироваться в зависимости от времени, места,

внутреннего состояния общества, общественного интеллекта и т.д.

III. Внешние характеристики, предписанные законами как декларирующие выполнение условий избирательного права, не должны быть ни полностью неизменными, ни полностью вытекать из чисто материальных фактов.

Лекция XVI.

Тема лекции.

Продолжение философского исследования избирательной системы в Англии XIV века.

Характеристики выборов.

Изучение принципа прямых или косвенных выборов.

Формы выборов.

Теперь я перехожу ко второму из важных вопросов, которые возникают при любой избирательной системе. Каковы процедуры и формы выборов? В этот вопрос входит множество других. Их можно разделить на два класса: один класс относится к способу сбора избирателей; другой - к способу их работы в собранном виде.

Тесная связь избирательной системы с осуществлением других прав и политических полномочий привела в Англии к обширным и очень благотворным последствиям в отношении способа сбора избирателей.

Первоначально выборы представителей графств не требовали специального и внеочередного созыва выборщиков. В назначенное время они отправлялись в окружной суд для выполнения возложенных на них функций и в этих случаях избирали своих представителей. В первых судебных приказах, адресованных шерифам, говорилось: *Quod eligi facias in proximo comitatu*, "вы будете избирать в следующем окружном суде".

Когда важность Палаты общин придала соответствующее значение выборам ее членов и стала ощутимой необходимостью предотвращения злоупотреблений, возникающих в результате выборов, проведенных, так сказать, случайно и без специального уведомления кого-либо об этом, о выборах было объявлено по всей стране прокламацией с призывом явиться всех выборщиков и указанием времени и места созыва парламента. Таким образом, выборы стали особым и торжественным актом, но всегда проводились в окружном суде или на одном из его периодических заседаний.

Цель избрания.

В конечном счете, с течением времени, изменениями судебной системы и развитием всех институтов суды графств перестали сохранять в Англии то положение, которое они занимали в древности. Их юрисдикция в настоящее время редка и очень ограничена; большая часть

фригольдеров никогда их не посещает; и они не имеют какого-либо значительного политического значения. В настоящее время единственной важной целью любого собрания свободных землевладельцев в этих судах является избрание представителей, но ограничения остаются прежними: между свободными землевладельцами графства все еще существуют частые сношения; окружной суд по-прежнему является их центром: теперь это коллегия выборщиков, и это ее единственный важный характер; но коллегия выборщиков по-прежнему является древним окружным судом.

Великим политическим результатом всех этих фактов является то, что выборы представителей всегда были и остаются не делом собрания людей, необычно и произвольно созданных для этой цели, между которыми не существует никаких других связей и которые не обладают постоянными и привычными общими интересами, а плодом древних отношений, постоянного и испытанного влияния между людьми, в противном случае объединенными в ведении общих дел, функциях, правах и интересах. Владение общими интересами. Исследуя вопрос сам по себе, мы очень скоро убедимся, что это единственный способ обеспечить правдивость выборов, а также соответствие и авторитет избранных представителей.

Цель выборов, очевидно, состоит в том, чтобы заполучить самых способных и наиболее аккредитованных людей в стране. Это план обнаружения и выведения на свет истинной, законной аристократии, который свободно принимается массами, над которыми должна осуществляться ее власть. Для достижения этой цели недостаточно созвать выборщиков и сказать им: "Выбирайте, кого хотите"; но у них должна быть возможность досконально понять, о чем идет речь, и сообща договориться, как это сделать. Если они не знают друг друга и в равной степени незнакомы с мужчинами, которые добиваются их избирательных прав, цель, очевидно, проиграна. У вас будут выборы, которые не будут результатом ни свободного выбора, ни действительных желаний избирателей.

Созыв выборщиков.

Выборы по своей природе - это внезапный акт, который не оставляет много места для обдумывания. Если этот акт не связан с привычками и предыдущими действиями избирателей, если он не является в некотором роде результатом длительного предварительного обдумывания и выражения их привычного мнения, будет слишком легко заставить врасплох истинное желание избирателей или заставить их прислушиваться только к страсти момента; и, таким образом, выборам будет не хватать ни искренности, ни рациональности. Если, напротив, люди, собравшиеся для избрания представителя, давно объединены общими интересами; если они привыкли вести свои дела между собой; если выборы, вместо того чтобы выводить их из привычной сферы, в которой проходит их жизнь, демонстрируется их деятельность и обмениваются их мыслями, только собирают их в центре этой сферы, чтобы получить проявление, краткое изложение их мнений, их желаний и естественного влияния, которое они оказывают друг на друга; тогда выборы могут быть и, как правило, будут как рациональными, так и искренними.

Таким образом, вся та часть избирательной системы, которая относится к собранию избирателей, должна быть основана на уважении естественных влияний и отношений. Выборы должны собрать избирателей вместе в том центре, к которому их обычно привлекают другие

интересы. Испытанные и свободно принимаемые влияния составляют истинное и легитимное общество среди людей. Отнюдь не боясь их, только в них следует искать истинное желание общества. Любой метод объединения избирателей, который аннулирует или уничтожает эти влияния, фальсифицирует выборы и делает их противоречащими своей намеченной цели: чем менее избирательное собрание является экстраординарным, тем больше оно будет приспособлено к регулярному и постоянному существованию тех, кто его составляет, и тем лучше оно достигнет своей законной цели. Только на этих условиях могут существовать коллегии выборщиков, которые делают то, что хотят, и знают, что делают; только на этих условиях могут существовать представители, которые оказывают на избирателей прочное и благотворное влияние.

Сохранение естественных влияний и, следовательно, искренность выборов были не единственным положительным эффектом примитивной идентичности избирательных собраний и окружных судов.

Избирательные округа.

Поскольку эти суды были центром множества административных, судебных или иных интересов, возглавляемых самими заинтересованными лицами, было невозможно, чтобы границы округа, к которому они относились, могли быть очень обширными; это привело бы к большим неудобствам для людей, которые часто навещали туда. Разделение Англии на графства не было систематическим процессом, и в нем присутствуют некоторые поразительные нарушения. Но сила событий не позволила большинству графств включить в себя очень обширную территорию. Это преимущество сохраняется и в избирательной системе. Связи и идеи подавляющего большинства граждан не простираются за пределы определенной материальной сферы, и только в пределах этой сферы они действительно разбираются в делах и действуют в соответствии со своими собственными знаниями. Если выборы проходят на слишком большом расстоянии от них, они перестают быть просвещенными и свободными агентами и становятся инструментами. Теперь, поскольку выбор зависит от воли и суждения граждан, абсурдно в то же время отказывать им в необходимых условиях разума и свободы. Таким образом, всегда существует предел, за который не следует выходить при проведении выборов, и этот предел сам по себе является фактом, вытекающим из того, как люди и интересы группируются вместе в подразделениях страны. Он должен быть достаточно большим, чтобы на выборах были представлены представители, способные выполнить свою общественную миссию, и достаточно законтрактованным, чтобы гарантировать, что большее число граждан, принимающих участие в выборах, смогут действовать осмотрительно и свободно. Если бы выборы проводились в Англии сотнями, они, возможно, дали бы малоизвестных и невежественных представителей; если бы по епископальным епархиям, они фактически аннулировали бы большую часть выборного состава. Материальное обстоятельство необходимости отдаленного переезда имеет наименьшее значение. Моральное расстройство, которое могло бы возникнуть в результате слишком широкого расширения границ, гораздо серьезнее.

Далее; расширение политических прав заинтересовано в этом не меньше, чем в превосходстве результатов выборов. Желательно расширить сферу этих прав, насколько это допускает императивное условие дееспособности. Итак, дееспособность зависит от множества

причин. Человек, вполне способный к разумному выбору в радиусе пяти миль от своего жилища, становится абсолютно неспособным сделать это, если радиус увеличить до двадцати миль: в первом случае он в полной мере пользовался своим разумом и свободой; во втором он их теряет. Если, таким образом, вы хотите разумно увеличить число избирателей, не размещайте избирательный центр слишком далеко от точек окружности, откуда некоторым придется возвращаться туда. Во всем этом мы должны до некоторой степени исходить из предположений, и ищем только общие результаты; но принцип неизменно один и тот же. Выборы должны проводиться выборщиками, способными делать мудрый выбор, и среди тех, кто будет избран, должны быть люди, способные досконально понимать интересы, которыми им придется управлять. Это два требования, между которыми следует искать границы избирательных границ, при условии, что они никогда не будут определяться произвольным образом, чтобы сломать привычки и разрушить естественное и постоянное состояние общества. Вообще говоря, разделение на графства ранее достигало в Англии этой двоякой цели.

Поскольку границы определены в соответствии с естественным распределением граждан и избиратели собраны, что от них требуется?

Количество представителей.

Обычай, а не стандарт, основанный на численности населения, богатстве или какой-либо другой причине, предписал в Англии, чтобы от каждого округа возвращались только два члена парламента, за исключением очень немногих мест. Этот обычай, вероятно, берет свое начало от существовавшей ранее невозможности найти в районах и даже в графствах большее количество людей, способных и желающих выполнить миссию, которая тогда была очень мало востребована. Было замечено, что в нескольких случаях от окружных судов требовалось три или четыре рыцаря. Очень скоро их число сократилось до двух, и этот факт стал общим законом. Каким бы ни был его исторический принцип, этот факт содержит рациональный принцип, а именно, что выборы не являются ни обоснованными, ни хорошими, за исключением случаев, когда число, необходимое для избрания, очень мало.

Действие партийного влияния.

Никто никогда не отрицал, что основной закон всех выборов заключается в том, что избиратели должны делать то, что они желают, и понимать, что они делают. Однако на практике об этом часто забывают. Об этом забывают, когда избиратели, собравшись вместе, но на короткий промежуток времени, должны сделать выбор из более чем одного или двух кандидатов. Великое достоинство выборов состоит в том, что они должны исходить от избирателя, что с его стороны это истинный выбор, акт как суждения, так и воли. Вне всякого сомнения, никакая посторонняя воля или суждение ни в коем случае не могут быть законно навязаны ему; хотя он всегда может принять или отвергнуть то, что ему предлагается; но этого недостаточно; избиратель должен быть поставлен в такое положение, чтобы его личное суждение, его собственная воля были не только свободны, но и стимулировались к проявлению себя в их действительном характере. Их выполнение должно быть не только возможным, но и не должно быть слишком сложным. Теперь эта ошибка возникает, когда вместо одного или двух имен требуется целый список имен. Избиратель, почти всегда неспособный завершить этот список самостоятельно и с помощью

собственной проницательности, попадает под власть комбинаций, которые он скорее терпит, чем принимает; ибо он не обладает знаниями, необходимыми для правильного определения всей их цели и эффекта. Кто не знает, что почти каждый избиратель в таком случае не может включить в свой список более одного или двух имен, которые ему действительно известны и которых он действительно желает? Выбор остальных делается за него, и он пишет их по секрету или из любезности. И кто делает этот выбор? Партия, к которой принадлежит избиратель. Итак, партийное влияние, как и всякое другое влияние, полезно лишь постольку, поскольку оно оказывается на тех, кто может составить о нем справедливое мнение, а не слепо подчиняться ему. Партийный деспотизм ничем не лучше любого другого деспотизма, и любое хорошее законодательство должно быть направлено на то, чтобы уберечь граждан от его влияния. В выборы, как и в любой другой акт, могут входить легкомыслие, невнимательность или страсть: но к этим диспозициям закон не обязан проявлять уважение и предоставлять льготы. Оно должно, напротив, стремиться к тому, чтобы они не имели какого-либо эффекта; и самим процессом выборов оно должно, насколько это возможно, обеспечить гражданину осуществление его суждений, а также независимость его воли. Нет необходимости отвергать все влияния или заранее объявлять их незаконными. Каждые выборы являются результатом влияния, и было бы глупостью претендовать на изоляцию избирателя под предлогом получения его непредвзятого мнения и желаний. Это означало бы забыть, что человек - разумное и свободное существо; и что разум призван к дебатам, а свобода - к выбору. Обоснованность выборов проистекает именно из конфликта влияний. Закон должен позволить им добраться до избирателя и предоставить им все естественные средства действовать по его усмотрению; но он не должен отдавать его им беззащитным. Следует принять определенные меры предосторожности против человеческой слабости, и наиболее эффективной из этих мер предосторожности будет заключаться в том, чтобы не требовать от избирателя ничего такого, чего он не может выполнить с истинной спонтанностью действий. Гражданин, таким образом, предоставлен самому себе, и на него могут воздействовать все факторы: они, возможно, могут побудить его отказаться от имени, которое он любил, ради имени, с которым он ранее не был знаком; но им потребуются, по крайней мере, приложить больше усилий, чтобы покорить его разум или подчинить его волю. Теперь справедливо, что они должны быть осуждены на такие усилия и что они не должны быть в состоянии добиться согласия только из-за легкомыслия, поспешности или невежества, результатом которых является предоставление всей стране представителя, которого сам избиратель не пожелал бы, если бы он мог, выдвигая его, в полной мере использовать свой разум.

Вред поспешных выборов.

Когда мы исследуем причины, приведшие в некоторых странах к появлению в вопросе выборов обычая, столь противоречащего истинным интересам свободы и никогда не встречающегося там, где свобода действительно была введена в практику политической жизни, мы обнаруживаем, что это происходит, по крайней мере частично, от порочного принципа, на котором была основана вся избирательная система. Избирательные права были изолированы от других прав и учреждены отдельно; избирательные собрания никоим образом не были связаны с другими государственными делами, местной администрацией или общими и постоянными интересами. Они были сделаны чрезвычайными и торжественными собраниями очень короткой продолжительности. Избирательные границы в целом были слишком широко расширены: отсюда возникла необходимость внезапного объединения всего корпуса избирателей, почти немедленного увольнения их и в то же время требования от них выбора

слишком большого числа представителей. В Англии голосование остается открытым по крайней мере пятнадцать дней для избрания одного или двух членов. Каждый отдает свой голос тогда, когда это его больше всего устраивает. В Америке другие формы еще более мягкие и свободные. В системе, которая у нас преобладает, напротив, все происходит внезапно и опрометчиво: все делается в *массовом порядке* и массами людей, чей разум и свобода в значительной степени лишены возможности действовать из-за спешки и масштабов операции. Отсюда также проистекает схема голосования и абсолютного большинства, последствия, неизбежно вытекающие из быстрых и многочисленных выборов; в то время как в других местах система относительного и давно оспариваемого плюрализма предоставляет общественному мнению досуг для выбора и свободу проявлять свой выбор. И отсюда, наконец, возникает необходимость в выборном бюро, которое заранее поручает большинству инспектировать все избирательные операции, тем самым ставя под сомнение подлинность результатов. Когда свобода будет повсюду, когда все права будут связаны воедино и взаимно поддерживаться, когда гласность будет реальной и повсеместной, всегда найдутся независимые судьи, которым можно будет доверить руководство выборами; и тогда нет необходимости ставить их под влияние партийного духа, чтобы вывести их из-под постоянно подозреваемого влияния вышестоящей власти.

Преимущества прямых выборов.

Эти детали относятся к формам избирательных операций; но поскольку их пороки вытекают из общих принципов, которые их регулируют, было необходимо указать на эту связь.

Прямые выборы были постоянной практикой Англии; и Америка приняла ту же систему. Иначе обстояло дело в большинстве европейских государств, в которых в наше время было создано представительное правительство. Это один из наиболее важных фактов, представленных на наш взгляд британской избирательной системой. В этой системе прямые выборы были естественным следствием существовавшей тогда идеи о политических правах. Эти права не только не были разделены между всеми, но они даже не распределялись систематически или по единому общему плану. Они признавались везде, где действительно существовала возможность их осуществления. Важность правообладателей и граждан влекла за собой предоставление им права вмешательства в государственные дела. Такое вмешательство было их правом, когда эти дела касались их самих. Будучи не в состоянии воспользоваться этим правом лично, они избрали представителей. В духе времени это право избрания в точности соответствовало праву, которым пользовались могущественные бароны, будучи представленными в парламенте делегированными агентами. Поскольку индивидуальное значение могущественного барона было очень велико, его доверенное лицо было индивидуальным. Фригольдеры и граждане также обладали индивидуальным правом, но не таким важным, и поэтому у них был один доверенный, представляющий многих из них. Но, по сути, представительство было основано на том же принципе — индивидуальном праве избирателей обсуждать те вопросы, которые их интересуют, и давать согласие по ним.

Его Отношение к представительному правительству.

С этой точки зрения легко понять, что преобладали прямые выборы и что никакая другая идея не приходила в голову общественности. Все не прямые выборы, все новые посредники между парламентом и избирателями казались бы и фактически были бы умалением прав, ослаблением значимости избирателей и их политического вмешательства.

Таким образом, прямые выборы — это простая идея, примитивная и естественная избирательная система представительного правления, когда представительное правительство само по себе является спонтанным результатом своего истинного принципа, то есть когда политические права вытекают из дееспособности.

Рассматривая этот способ избрания с чисто философской точки зрения и поскольку он уважает не только одних избирателей, но и общество в целом, остается ли он в равной степени предпочтительнее любой другой, более искусственной комбинации?

Необходимо исследовать его, во-первых, в его связи с рациональным принципом представительного правления; и, во-вторых, в его практических результатах.

В предыдущей лекции мы изложили рациональный принцип представительного правления. В праве этот принцип утверждает, что истинный суверенитет - это суверенитет справедливости; и что никакой закон не является легитимным, если он не соответствует справедливости и истине, то есть божественному закону. Фактически, этот принцип признает, что ни один человек или собрание людей, одним словом, ни одна земная сила не является полностью сознательной и постоянно стремящейся к разуму, справедливости и истине - истинному закону. Связывая это право и факт воедино, можно сделать вывод, что публичные власти, которые фактически осуществляют суверенитет, должны постоянно требоваться и при каждом удобном случае подвергаться ограничениям в поиске истинного закона, единственного источника законной власти.

Квалификация представителей.

Цель представительной системы, как в ее общих элементах, так и во всех деталях ее организации, состоит, таким образом, в том, чтобы собрать и сконцентрировать все разрозненные элементы разума, существующие в обществе, и применить их к его управлению.

Отсюда с необходимостью следует, что представителями должны быть наиболее способные люди:

1. Открыть посредством их совместного обсуждения закон разума, истину, которая во всех случаях, как наименьших, так и величайших, существует и должна быть основой решения; и
2. Обеспечить признание и соблюдение гражданами в целом этого закона, когда он будет обнаружен и выражен.

Чтобы найти и закрепить за собой людей, наиболее способных выполнить эту миссию, то есть хороших представителей, необходимо заставить тех, кто думает или называет себя таковыми, доказать свои способности и добиться их признания и утверждения от людей, которые, в свою очередь, способны составить суждение об этом, то есть об индивидуальных способностях любого человека, стремящегося стать представителем. Таким образом, легитимная власть проявляется сама по себе, и именно таким образом, в факте избрания, рассматриваемом с философской точки зрения, эта власть осуществляется теми, кто ею обладает, и принимается теми, кто ее признает.

Итак, существует определенная связь между способностью быть [хорошим представителем или иным образом] и способностью распознавать человека, который обладает способностью быть. Это факт, который постоянно демонстрируется в мире. Храбрый человек побуждает следовать за ним тех, кто может ассоциировать себя с его храбростью. Умелый человек добивается повиновения от тех, кто способен понять его мастерство. Мудрый человек завоевывает веру тех, кто способен оценить его знания. Каждое превосходство имеет определенную сферу притяжения, в которой оно действует, и собирает вокруг себя реальных подчиненных, которые, однако, в состоянии почувствовать и принять его действие.

Эта сфера ни в коем случае не безгранична. Это также простой, самоочевидный факт. Отношение, связывающее превосходство с низшими качествами, посредством которых оно признается, будучи чисто интеллектуальным отношением, не может существовать там, где также не существует достаточной степени знания и интеллекта для формирования этой связи. Человек, хотя и вполне пригодный для признания превосходства, способного обсуждать дела своей общины, может быть совершенно неспособен отличить и указать своим голосованием человека, который будет способен обсуждать дела государства. Таким образом, существуют некоторые низшие группы, лишенные всякой истинной связи с определенными высшими группами, и которые, если бы их попросили провести различие между ними, были бы либо неспособны сделать это, либо пришли бы к самому неверному выводу.

Предел, при котором способность перестает признавать превосходство, составляющее способность быть хорошим депутатом, - это тот предел, при котором право избрания должно прекращаться; ибо именно здесь способность быть хорошим избирателем прекращается.

При превышении этого предела право избрания существует только из-за фактического наличия способности признавать превосходящую способность, к которой стремятся. Ниже этого нет никакого права.

Философская необходимость прямых выборов.

Отсюда философски вытекает необходимость прямых выборов. Очевидно, что желательно получить то, к чему стремятся. Итак, то, к чему стремятся, является хорошим представителем. Следовательно, превосходящий потенциал представителя обязательно является доминирующим условием, отправной точкой всей операции. Вы обретете эту высшую способность, требуя ее признания всеми теми способностями, которые, хотя и уступают ей, находятся в естественной связи с ней. Если, наоборот, вы начнете с избрания выборщиков, каким будет результат? вы должны выполнить операцию, аналогичную предыдущей, но исходная точка изменена, а общее состояние ухудшено. Вы принимаете за основу способности избирателя, то есть способности, более низкие по сравнению с теми, которые вы хотите окончательно получить; и вы неизбежно обращаетесь к способностям еще более низким и совершенно непригодным для того, чтобы привести вас, даже в этой форме, к более высокому результату, к которому вы стремитесь; поскольку способности избирателя заключаются только в способности выбрать хорошего представителя, необходимо было бы быть в состоянии понять последнее условие, чтобы понять первое, чего никогда не может произойти.

Недостатки не прямых выборов.

Таким образом, не прямые выборы, рассматриваемые сами по себе, отступают от первоначального принципа, а также от конечной цели представительного правления и принижают его природу. Рассматриваемая с точки зрения ее практических результатов, фактов и независимо от всех общих принципов, эта система представляется в равной степени неудовлетворительной.

Во-первых, мы считаем общепринятым тот факт, что желательно, чтобы выборы представителей в целом не были работой очень небольшого числа избирателей. Когда избирательные собрания очень ограничены, выборам не только не хватает тех действий и энергии, которые поддерживают политическую жизнь в обществе, а впоследствии в значительной степени способствуют власти самого представителя, но и общие интересы, широкие идеи и общественное мнение перестают быть мотивирующей и регулирующей силой. Сами собой образуются кружки — на месте политических партий возникают личные интриги; и устанавливается борьба между интересами, мнениями и отношениями, которые по своей природе почти индивидуальны. Выборы не менее спорны, но они менее общенациональны, и их результаты имеют тот же недостаток.

Исходя, таким образом, из того, что избирательные собрания должны быть достаточно многочисленными, чтобы помешать отдельным лицам получить такое легкое господство, я стремлюсь выяснить, как с помощью не прямых выборов эта цель может быть разумно достигнута.

Возможны только две гипотезы: либо территориальные границы, в пределах которых будет сформировано собрание, которому будет поручено выдвижение избирателей, будут очень узкими, либо будут иметь значительную протяженность. В Англии, например, с выборщиков потребовали бы десятину или сотни, что очень близко соответствует нашим коммуна и кантонам. Если эти границы очень узкие и от каждой требуется отобрать лишь очень небольшое число выборщиков — например, двух выборщиков, — весьма вероятно, что некоторые из этих выборщиков будут очень низкого порядка.

Истинные избирательные возможности ни в коем случае не распределены поровну между коммунами; одна коммуна может обладать двадцатью или тридцатью, в то время как в другой их всего несколько, а возможно, и вовсе нет; и так обстоит дело с большинством. Если от каждого округа потребуется предоставить одинаковое или почти одинаковое количество избирателей, реальностям будет нанесен огромный ущерб. Многие из неспособных будут вызваны; многие способные будут исключены; и, наконец, будет сформировано избирательное собрание, но мало приспособленное для мудрого выбора представителей. Если, напротив, от каждого округа требуется назначить количество избирателей, пропорциональное его значимости, численности населения, а также богатству и интеллекту, которые в нем сосредоточены, тогда, где бы ни было выбрано значительное число, настоящего выбора больше не будет.

Уже было показано, что выборы, когда они многочисленны и одновременны, теряют свой характер. Будут списки избирателей, подготовленные внешним влиянием либо партий, либо власти, которые будут приняты или отвергнуты без разбора или свободы. В этом отношении опыт повсюду подтвердил предвидения разума.

Если округа, призванные назвать имена избирателей, обладают сколь-нибудь значительными возможностями, возникает другая альтернатива. Либо от каждого потребуется выбрать лишь небольшое число, и тогда цель потерпит поражение, поскольку собрание, в обязанности которого войдет избрание представителей, будет очень многочисленным; либо потребуется большое количество выборщиков от каждого округа, и тогда возникнут неудобства, на которые уже указывалось.

Пусть будут исчерпаны все возможные комбинации не прямых выборов, и не будет найдено ни одной, которая могла бы в конечном итоге обеспечить для избрания представителей собрание, достаточно многочисленное и в то же время образованное с разборчивостью и свободой. В этой системе эти два результата взаимно исключают друг друга.

Теперь я перехожу к другой порочной практике, связанной с этой системой, которая не менее серьезна, чем только что указанные.

Цель представительного правительства состоит в том, чтобы публично приблизить и соприкоснуть главные интересы и различные мнения, которые разделяют общество и оспаривают верховенство, в справедливой уверенности, что результатом их дебатов станет признание и принятие законов и мер, наиболее подходящих для страны в целом. Эта цель достигается только триумфом истинного большинства — когда к меньшинству постоянно прислушиваются с уважением.

Если большинство смещается искусственно, налицо фальшь. Если меньшинство заранее отстраняется от борьбы, налицо угнетение. В любом случае представительное правительство коррумпировано.

Таким образом, все конституционные законы этой формы правления должны выполнять два фундаментальных условия: во-первых, обеспечивать проявление и триумф истинного большинства; и, во-вторых, обеспечивать вмешательство и беспрепятственные усилия меньшинства.

Эти два условия столь же важны для законов, регулирующих порядок избрания представителей, как и для законов, председательствующих на дебатах совещательных собраний. Ни в том, ни в другом случае не должно быть лжи или тирании.

Избирательная система, которая заранее аннулировала бы — в отношении окончательного результата выборов, то есть в отношении формирования совещательного собрания, — влияние и участие меньшинства, разрушила бы представительное правительство и была бы столь же фатальной для самого большинства, как и любой закон, который в совещательном собрании должен обречь меньшинство на молчание.

Это, в определенной степени, является результатом не прямых выборов,

Путем прямых выборов и при условии, что предел избирательных полномочий был разумно установлен законом, то есть в тот момент, когда истинная дееспособность фактически прекращается, все граждане, чье социальное положение, состояние или интеллект превышают этот предел, в равной степени призваны объединиться при выборе представителей. К ним не обращаются с запросами относительно мнений или интересов, которые они отстаивают.

Результат выборов покажет истинное большинство; но каким бы оно ни было, у них не будет причин жаловаться: судебный процесс будет завершен, и они примут в нем свое законное участие.

Напротив, не прямые выборы заранее проводят тщательную чистку электорального потенциала и устраняют определенное число избирателей исключительно из-за мнений или интересов, которых они могут придерживаться. Она вторгается в сферу этих способностей, чтобы исключить часть меньшинства, чтобы придать большинству искусственную силу и таким образом уничтожить истинное выражение общего мнения. Мы должны громко протестовать против закона, который *априори* гласил бы: "Все мужчины или только третья или четвертая часть мужчин, придерживающихся такого-то интереса или такого-то мнения, должны быть отстранены от всякого участия в выборах представителей, какими бы ни были их важность и социальное положение".

Источник непрямого избрания.

Это именно то, что делается, *апостериори*, путем не прямых выборов; и тем самым это вносит в представительное правительство позитивный беспорядок, ибо создает средство тирании в интересах большинства. Может даже случиться, и примеров этому немало, что не прямые выборы, используемые таким образом для устранения части естественных избирательных способностей, могут обернуться против самого большинства и поставить его в меньшинство. Предположение ясно объяснит эту идею. Если бы в четырнадцатом веке в Англии было постановлено, что "землевладельцы и вилланы должны объединиться при выдвижении кандидатов в члены парламента", разве не очевидно, что их выбор пал бы на лордов, чьи земли они арендовали или обрабатывали под каким-либо определенным титулом; и что жители городов, горожане, были бы почти полностью исключены из Палаты общин? Таким образом, эта часть нации, которая уже достигла такого большого значения, увидела бы себя лишенной осуществления политических прав системой, которая в качестве единственного благовидного предлога настаивала на распространении этих прав на большее число людей.

Это, по сути, истинный источник не прямых выборов; он проистекает из суверенитета чисел и всеобщего избирательного права; и поскольку свести эти два принципа к практике невозможно, делается попытка сохранить некоторую тень их существования. Принцип представительного правления нарушается, его природа принижается, а право на выборы ослабляется для того, чтобы, по всей видимости, сохранялась последовательная приверженность ошибочной доктрине. Кто может не видеть, что такая система неизбежно ослабляет выборы и что реальность и энергия могут быть сохранены только системой прямых выборов? Каждое действие, результат которого отдален и неопределен, не вызывает особого интереса; и те же самые люди, которые все вместе проявляют большую проницательность и одушевление при выборе своих муниципальных должностных лиц, слепо и холодно отдадут свое избирательное право последующим выборщикам, чьи мысли никогда не проникают в будущее, в которое они так мало вмешиваются. Это мнимое почтение к волеизъявлениям, недостаточно просвещенным, чтобы им можно было доверить большую долю влияния при выборе представителей, в основе своей является не чем иным, как жалким шарлатанством и лживой лестью; а под имитируемым расширением политических прав скрывается ограничение,

искажение и ослабление этих прав в той сфере, в которой они действительно существуют и в которой они могли бы осуществляться во всей их полноте и с полным эффектом.

Истинный способ распространить политическую жизнь во всех направлениях и заинтересовать как можно большее число граждан интересами государства состоит не в том, чтобы заставить их всех объединяться в одних и тех же действиях, хотя не все они могут быть одинаково способны их совершать; но в том, чтобы наделить их всеми теми правами, которые они способны осуществлять. Права ничего не стоят, если они не являются полными, прямыми и действенными. Вместо извращения политических прав путем их ослабления, под предлогом обеспечения их распространения, пусть повсюду существуют местные свободы, гарантированные реальными правами. Таким образом, сама избирательная система станет гораздо более мощной, чем она могла бы быть при мнимой системе всеобщего избирательного права.

Практика открытого голосования.

Последний важный факт, на который следует обратить внимание в избирательной системе Англии XIV века, - это открытое голосование. Некоторые пытались рассматривать это как абсолютный принцип, способный к постоянному применению; но мы думаем, что его не следует рассматривать таким образом. Единственный абсолютный принцип в этом вопросе заключается в том, что выборы должны быть свободными и действительно отражать истинные мысли и желания избирателей. Если открытое голосование серьезно ограничивает свободу выборов и искажает их результаты, его следует отменить. Несомненно, такое состояние свидетельствует о недостатке свободы и робости нравов и доказывает, что часть общества находится в конфликте с влияниями, от которых оно боится избавиться, хотя и страстно желает избавиться от них. Это печальный факт, но его может уничтожить только свобода, ставшая плодотворной благодаря времени. Совершенно верно, что открытое голосование на выборах, а также в дебатах совещательных собраний является естественным следствием представительного правления. Совершенно верно, что свободе присуща определенная степень стыда, если она требует секретности для себя, навязывая публичность власти. Та свобода, на которую можно только нападать, все еще очень слаба; ибо истинная сила свободы заключается в ее смелой защите и признании своих прав. Безусловно, есть недоброжелательность в жалобах на скупость и задержку, с которыми власть предоставляет права, когда сокрытие необходимо для осуществления прав, которыми уже обладаешь. Но когда разум применяется к практике, он, по крайней мере в течение некоторого времени, не учитывает ничего, кроме фактов; а самым повелительным из всех принципов является необходимость. Навязывать открытое голосование, когда это нанесло бы ущерб свободе выборов, означало бы ставить под угрозу саму всеобщую свободу, которая в скором времени обязательно установит открытое голосование.

Избирательная система Англии.

Подводя итог тому, что я сказал. Почти все фундаментальные принципы свободной и разумной избирательной системы можно обнаружить в избирательной системе Англии четырнадцатого века. Предоставление избирательных прав в зависимости от дееспособности; тесное сочетание избирательных прав со всеми другими правами; учет естественных влияний и отношений;

отсутствие любых произвольных и искусственных комбинаций при формировании и работе избирательных собраний; разумное ограничение числа избираемых каждым собранием; прямые выборы и открытое голосование - все это должно быть соблюдено. Это всецело объясняется тем решающим обстоятельством, что избирательная система и само представительное правительство были в Англии простым и естественным результатом фактов, следствием и развитием реальных и могущественных прежних свобод, которые служили их основой, охраняли и питали в их недрах корни дерева, обязанного им своим ростом.

В силу другого не менее решающего обстоятельства эта система, хотя и столь национальная и спонтанная по своему происхождению, была повреждена, по крайней мере частично, и, по-видимому, в наши дни требует исправления. Возможно, именно благодаря своей силе она остается негибкой: она лишь на расстоянии следит за перипетиями и прогрессом социальных условий. Сейчас он защищает остатки тех злоупотреблений, против которых изначально и в течение длительного времени он был направлен; и все же реформа этих злоупотреблений, какими бы средствами и в какой бы период она ни была осуществлена, будет плодом институтов, привычек, принципов и настроений, которые установила эта система.

Лекция XVII.

Происхождение разделения английского парламента на две палаты.

Его первоначальная конституция.

Воспроизведение классификаций общества в парламенте.

Причины, которые заставили представителей графств отделиться от баронов и объединиться с представителями районов.

q Последствия этой коалиции.

Разделение парламента на две палаты в четырнадцатом веке.

Разделение английского парламента.

До сих пор наше внимание было направлено только на элементы, из которых состоял парламент, и на процедуры, имевшие место при его формировании, то есть на процесс выборов: теперь мы должны рассмотреть другой вопрос; мы должны выяснить, каковы были внутреннее и внешнее устройство парламента, составленного таким образом.

Парламент в начале XIV века не был разделен, как в настоящее время, на Палату лордов и Палату общин; с другой стороны, он не состоял из единого органа. Отчеты различаются в зависимости от даты, на которую он принял свою нынешнюю форму. Карт относит это к семнадцатому году правления Эдуарда III (1344); авторы "Парламентской истории" - к шестому году того же правления (1333); мистер Халлам - к первому году правления Эдуарда III (1327) или, возможно, даже к восьмому году правления Эдуарда II (1315).

Основной причиной такого расхождения во мнениях являются различные обстоятельства, с которыми каждый автор связывает факт объединения членов округа и волости в одно собрание. Этот факт выводится одними из даты их собрания в одном и том же месте; другими - из периода их совместного обсуждения; а третьими, опять же, из объединения их голосов по одному и тому же вопросу. И поскольку каждое из этих обстоятельств имело место в одном конкретном парламенте независимо от других, период, когда парламент впервые существовал в его нынешнем виде, переносится назад или вперед в зависимости от обстоятельства, которое считается решающим в этом отношении. Как бы то ни было, можно утверждать, что разделение парламента на две палаты, — в одну входят лорды или крупные бароны, созываемые по отдельности, а в другую - все избранные представители графств и районов; и обе эти палаты совместно обсуждают и голосуют по всем деловым вопросам, — не было осуществлено полностью и окончательно до середины четырнадцатого века. Необходимо проследить шаги, с помощью которых этот факт постепенно совершался. Это единственный способ досконально понять его природу и причины.

Первоначальная Конституция парламента.

Первоначально, как мы видели, все ближайшие вассалы короля имели одинаковое право являться в парламент и принимать участие в его заседаниях. Поэтому простые рыцари, отправляясь туда, сидели, совещались и голосовали вместе с великими баронами.

Когда в случае с рыцарями уделов это индивидуальное право было заменено выборами, и только те, кто был избран окружными судами, имели право присутствовать в парламенте, они все еще продолжали оставаться членами класса, к которому они ранее принадлежали. Хотя они избирались не только теми рыцарями, которые были непосредственными вассалами короля, но и всеми свободными землевладельцами своего графства, они продолжали заседать, совещаться и голосовать вместе с крупными баронами, которые были вызваны индивидуально.

Напротив, представители округов, чье присутствие в парламенте было новым обстоятельством (которое не было связано с каким-либо предшествующим правом, осуществляемым просто в новой форме), с момента своего первого появления в парламенте сформировали отдельное собрание, заседавшее отдельно, обсуждавшее и голосовавшее самостоятельно и столь же тщательно отделенное от рыцарей удела, как и от крупных баронов.

Отдельные голоса различных классов.

Это разделение очевидно из результатов голосования в парламенте в этот период. На заседании парламента в Вестминстере при Эдуарде I. В 1295 году графы, бароны и рыцари графства пожаловали королю одиннадцатую часть своей личной собственности, духовенству - десятую часть, а горожанам - седьмую. В 1296 году первый выделил двенадцатую часть, а второй - восьмую. В 1305 году первый выделил тридцатую часть, а духовенство, горожане и бюргерство - двадцатую. При Эдуарде II, в 1308 году, бароны и рыцари пожаловали одну двадцатую, духовенство - пятнадцатую, горожане и бургомистры - пятнадцатую. При Эдуарде III, в 1333 году, рыцари удела получили пятнадцатую долю, такую же, как у прелатов и знати, а граждане и горожане - десятую; и все же протоколы этого парламента прямо заявляют, что рыцари удела и горожане совещались совместно. В 1341 году прелаты, графы и бароны, с одной стороны, и рыцари удела - с другой, пожаловали девятую часть своих овец, ягнят и шерсти, а

горожане - девятую часть всего своего личного имущества. В 1345 году рыцари удела пожаловали две пятнадцатых, горожане - пятую часть: лорды ничего не пожаловали, но пообещали лично следовать за королем. Таким образом, в этот последний период рыцари удела больше не голосовали совместно с лордами, но они по-прежнему голосовали отдельно от горожан.

В 1347 году палата общин без каких-либо различий предоставила две пятнадцатые доли, подлежащие взиманию в течение двух лет в городах, местечках, древних владениях короны и графствах. Таким образом, в этот период слияние двух элементов Палаты общин было полным: и так продолжалось всегда впоследствии, хотя до сих пор можно найти несколько примеров специальных налогов, за которые голосовали только представители городов и округов в случае с таможенной, особенно в 1373 году.

Таким образом, первоначальное разделение было между представителями округов и представителями районов. Воспоминания о феодальном праве связывали первых с крупными баронами более чем на пятьдесят лет. Это разделение не ограничивалось исключительно голосованием по поставкам. Все указывает на то, хотя это нигде не подтверждается письменными свидетельствами, что рыцари удела и представители округов больше не обсуждали вместе другие вопросы, будь то законодательные или иные, которые интересовали только один из двух классов. Когда речь заходила о меркантильных интересах, король и его совет обсуждали их исключительно с представителями городов и местечек. Таким образом, есть основания полагать, что статут, озаглавленный *Статут Актона-Бернела*, принятый в 1283 году, был введен в действие таким образом по совету одних только представителей округа, которые собрались с этой целью в Актон-Бернеле, в то время как рыцари графства заседали с крупными баронами в Шрусбери, чтобы помочь на суде над Дэвидом, принцем Уэльским, который в то время был заключенным. Следовательно, разделение двух классов представителей могло пойти так далеко, что каждый класс мог заседать в разных, хотя и соседних городах.

Причины этого разделения.

Когда они заседали в одном городе, и особенно в Вестминстере, весь парламент собирался вместе, скорее всего, в одной палате; но знатные бароны и рыцари графства занимали верхнюю часть палаты, а представители округов - нижнюю.

Различие существовало даже между жителями района. До правления Эдуарда III представители тех районов, которые составляли часть древних владений короны, составляли отдельный класс и голосовали за разные поставки.

Таким образом, разделение парламента возникло отнюдь не в тех формах, которые преобладали пятьдесят лет спустя, а на совершенно иных принципах. Тогда не существовало представления о подлинно общих интересах и национальном представительстве. Особые интересы, которые были достаточно важны, чтобы принимать участие в управлении государством, вмешивались в него исключительно за свой счет и занимались своими собственными делами отдельно. Касался ли рассматриваемый вопрос исключительно того, в чем, по-видимому, были заинтересованы крупные бароны и где королю требовалась только их помощь — они одни собирались и совещались? Был ли вопрос одним из изменений в характере

или способе передачи феодальной территориальной собственности — были вызваны рыцари удела; и таким образом статут *Quia emptores* был введен в действие при Эдуарде I. Были ли затронуты коммерческие интересы — король обсуждал их только с представителями округов. В этих различных случаях, как и в вопросе поставок, обсуждение и голосование различных классов членов парламента были различными. Эти классы были сформированы исходя из своих общих интересов и не принимали участия в делах друг друга; и очень редко, возможно, никогда, в тот период не возникал какой-либо вопрос, имеющий достаточно общее значение для всех, чтобы все были вызваны для совместного обсуждения и голосования.

Формирование Общего собрания.

Таким образом, классификация общества была увековечена в парламенте и являлась истинным принципом разделения между членами парламента.

Такое положение вещей сохранялось недолго, потому что классификация самого общества, в котором оно возникло, также имела тенденцию к его собственному стиранию. Члены графства не могли не отделиться полностью от крупных баронов и полностью объединиться с представителями округов; и по следующим причинам.

Если рыцари удела продолжали в течение некоторого времени заседать и голосовать вместе с великими баронами, это был просто эффект старой ассоциации, пережиток древнего паритета их феодального положения. Это равенство уже подверглось суровой проверке в результате замены права индивидуального присутствия выборами. Причина, приведшая к этим переменам, продолжала действовать; неравенство в значении и богатстве между знатными баронами и простыми рыцарями удела продолжало увеличиваться; память о феодальном политическом праве ослабевала; и социальное положение рыцарей удела с каждым днем все больше отличалось от социального положения знатных баронов. Их парламентская позиция не могла не следовать тем же курсом. Все обстоятельства объединяли их все больше и больше.

В то же время все обстоятельства приводили к тому, что представители округов ассоциировались с представителями районов. Они имели одинаковое происхождение и попали в парламент благодаря одному и тому же названию—выборы. Связь, которая связывала выборы в графствах с феодальным правом, постепенно ослабевала. Более того, эти два класса депутатов одинаково соответствовали определенным местным интересам. Эти интересы часто были идентичными или имели одинаковую природу. Жители городов, расположенных в графстве, и сельские землевладельцы графства часто были заняты одними и теми же делами и часто предъявляли одни и те же требования и желания. Кроме того, суды графств были общим центром, в котором они обычно собирались вместе. В этих судах часто проходили выборы как в графствах, так и в районах. Таким образом, в то время как определенные причины все больше отделяли рыцарей удела от крупных баронов, другие причины более приближали их к представителям округов. Аналогия социальных позиций, естественно, ускорила слияние парламентских позиций.

Действующая Конституция парламента.

Наконец, крупные бароны составляли главный совет короля. Они часто собирались вокруг него в этом качестве независимо от какого-либо созыва избранных депутатов. В силу своей личной значимости они занимались общественными делами и принимали участие в управлении государством обычным и постоянным образом. Представители округов и волостей, напротив, вмешивались в управление общественными делами лишь время от времени, в определенных частных случаях. Они обладали правами и свободами, но они не управляли, не боролись друг с другом за власть и не были постоянно связаны с ней. Их политическая позиция в этом отношении была одинаковой и, следовательно, сильно отличалась от позиции великих баронов. Таким образом, все вещи в целом имели тенденцию отличать их от последнего класса и связывать их вместе.

Конституция парламента в ее нынешнем виде является результатом всех вышеперечисленных причин. Это было достигнуто в середине четырнадцатого века, хотя впоследствии можно было встретить некоторые случаи разделения между двумя элементами Палаты общин. Эти случаи очень скоро исчезли, и объединение стало полным. Оставался только один факт, и это было превосходство по значимости и влиянию представителей графств над представителями районов, несмотря на обычную малочисленность. Этот факт, за исключением лишь нескольких интервалов, встречается на протяжении всей истории парламента.

Таким образом было осуществлено, с одной стороны, разделение палат пэров и Общин, а с другой - объединение различных элементов Палаты общин в единое собрание, состоящее из членов, пользующихся одинаковыми правами и голосующих во всех случаях совместно.

Это великий факт, решивший политическую судьбу Англии. Сами по себе депутаты округов никогда не обладали бы достаточной властью и значением, чтобы сформировать Палату общин, способную противостоять иногда королю, а иногда крупным баронам и приобретать все возрастающее влияние в государственных делах. Но аристократия, или, скорее, феодальная нация, была разделена на две части, и новая нация, которая формировалась в городах, объединилась с тамошними фригольдерами графств, и в результате этого объединения возникла компетентная и внушительная Палата общин.

Раннее значение Общего достояния.

Существовала большая часть нации, независимая как от короля, так и от крупной знати. Случилось также, что король не мог, как во Франции, использовать Палату общин для уничтожения политических прав и привилегий древней феодальной системы, не заменив их новыми свободами. На Континенте предоставление избирательных прав населению окончательно привело к абсолютной власти. В Англии часть феодального класса объединилась с палатой общин, они объединились, чтобы защитить свои свободы. С другой стороны, корона, поддерживаемая крупными баронами, которые не могли надеяться утвердиться в качестве мелких независимых суверенов в своих собственных владениях, обладала достаточной властью, чтобы, в свою очередь, защитить себя. Следовательно, крупные бароны были вынуждены сплотиться вокруг трона. Это неправда, хотя это постоянно повторяется, что аристократия и народ объединились в Англии против королевской власти и что английская свобода возникла из этого обстоятельства. Но верно, что разделение феодальной аристократии

чрезвычайно усилило власть общин, народные свободы на раннем этапе обладали достаточными средствами сопротивления, и королевская власть в то же время получила достаточную поддержку.

Таким образом, рассматривая разделение парламента на две палаты с исторической точки зрения, мы видим, как это было осуществлено и насколько благоприятным это было для установления народной свободы. Значит, это все? Являются ли этот факт и его результаты простой случайностью, вытекающей из обстоятельств, характерных для Англии и для того состояния, в котором находилось общество в четырнадцатом веке? Или это разделение законодательной власти на две палаты является конституционной формой, по сути своей хорошей, и везде столь же обоснованной разумом, как это было в Англии, в соответствии с потребностями времени? Этот вопрос необходимо рассмотреть, чтобы должным образом оценить влияние, которое эта форма оказала на развитие конституционного строя в Англии, и правильно понять ее причины.

Лекция XVIII.

Рассмотрение вопроса о разделении законодательной власти на две палаты.

Разнообразие идей по этому вопросу.

Фундаментальный принцип философской школы.

Источник ее ошибок.

Характеристики исторической школы.

Причина разделения британского парламента на две палаты.

Вывод этого разделения из фундаментального принципа представительного правления.

Его практическая ценность.

Разделение законодательной власти.

Чтобы судить о разделении законодательной власти на две палаты само по себе и оценить его достоинства, мы должны сначала отделить его от определенных частных и чисто местных характеристик, которые по существу ему не присущи; и которые связали его в Англии с причинами, которые встречаются не во все времена и не везде. Немало авторов впали в серьезные ошибки по этому и многим другим вопросам, пренебрегая этим шагом с самого начала. Некоторые составили свое суждение об этом институте исключительно на основании нескольких причин, которые привели к его созданию в Англии в четырнадцатом веке; и поскольку, вообще говоря, они не одобряли ни эти причины, ни их следствия и были плохого мнения о социальном состоянии, частью которого они являлись, они осудили сам институт, по-видимому, полагая, что он был выведен исключительно из этого социального состояния и никак не мог быть отделен от него. Другие, напротив, пораженные либо общими доводами, которые

можно привести в пользу этого института, либо тем положительным эффектом, который он произвел в Англии и других местах, приняли его именно в той особой форме, в которой он был введен среди наших соседей их древними социальными условиями, утверждая, что все характеристики, которые он там представляет, существенны для него и даже составляют его. Таким образом, учреждение иногда подвергалось порицанию из-за конкретных фактов, которые сопровождали его создание и в совокупности привели к его возникновению, а иногда эти факты и их особые последствия принимались в качестве принципов просто потому, что они были связаны с учреждением, которое считалось по своей сути хорошим.

Философские и исторические школы.

Эти два способа суждения, оба в равной степени ошибочные, характеризуют две школы, которые можно четко назвать философской школой и исторической школой. Поскольку этот двоякий метод рассмотрения политических вопросов исказил их иногда в одном смысле, иногда в другом, мне кажется, было бы полезно предложить некоторые общие замечания по этому предмету, которые впоследствии могут быть применены к конкретному вопросу, которым мы сейчас занимаемся.

В философской школе господствует одна идея — идея Права. Право постоянно берется и как отправная точка, и как цель. Но право само по себе требует исследования; прежде чем принимать его в качестве принципа или преследовать его как объект, мы должны знать, что это такое. Чтобы обнаружить право, философская школа обычно ограничивается индивидом. Она овладевает человеком, рассматривает его изолированно и в себе, как разумное и свободное существо, и выводит из изучения его природы то, что определяет в его правах. После обретения этих прав они выдвигаются как требование справедливости и разума, которое должно применяться к социальным фактам как единственное рациональное и моральное правило, по которому следует оценивать эти факты, если только требуется суждение — или учреждаться, если целью является учреждение правительства.

Историческая школа находится в рабстве у другой идеи — идеи Факта. Она не отрицает права, если обладает хоть каким-то здравым смыслом: она даже предлагает право в качестве своей цели, но никогда не принимает его в качестве отправной точки. Факт — это основа, на которой строится все; и поскольку факты нельзя рассматривать изолированно, поскольку все они связаны вместе; и поскольку само прошлое является фактом, с которым связаны факты настоящего, она выражает большое уважение к прошлому и признает справедливость только в той мере, в какой она основана на предшествующих фактах; или, по крайней мере, эта школа стремится установить справедливость, только тесно связывая ее с этими фактами и стремясь вывести ее из них. Таковы точки зрения, не исключительно, ибо таковой быть не может, но преобладающие, двух школ. Сколько истинного и сколько ошибочного в каждой из них? То есть, что неполного есть в обеих?

Философская школа права, принимая Право не только как свою конечную, но и как отправную точку. Справедливо утверждать, что институт не является хорошим просто потому, что он существует или был когда-то, и что существуют рациональные принципы, по которым следует судить обо всех институтах, и права, стоящие выше всех фактов, — права, которые не могут быть

нарушены, если факты, которые их нарушают, не являются незаконными, хотя и реальными и даже могущественными.

Ошибки философской школы.

Но, хотя философская школа права, стоя на этом фундаменте, который является ее главной характеристикой, она часто ошибается, когда пытается пойти дальше. Мы говорим, что это ошибочно, с философской точки зрения, и независимо от всех идей применения и практической опасности.

Его две главные ошибки, на мой взгляд, таковы:

I. Его исследования после right направлены не в ту сторону; и,

II. Оно ошибочно определяет условия, при которых может быть реализовано право.

Его права могут быть обнаружены не путем рассмотрения человека изолированно, в его единой природе и индивидуально. Идея права подразумевает идею отношения. Право может быть заявлено только тогда, когда установлена связь. Факт связи, приближения, одним словом, общества подразумевает в самом словеправо. Право возникает вместе с обществом. Нельзя сказать, что общество при своем возникновении создало право на основе произвольного соглашения. Точно так же, как истина существует до того, как человек знакомится с ней, так и право существует до того, как оно реализуется в обществе. Это законное и рациональное правило общества на каждом этапе его развития и в каждый момент его существования. Правила существуют до их применения; они продолжали бы существовать, даже если бы их никогда не применяли. Человек не создает их. Как разумное существо, он способен обнаружить и понять их. Как свободное существо, он может либо подчиняться им, либо нарушать их; но независимо от того, не знает ли он о них или сознательно нарушает их, их реальность, поскольку они являются правилами, то есть их рациональная и моральная реальность, не зависит от него, превосходит и предшествует его невежеству или знанию, уважению или пренебрежению, с которым он к ним относится. Исходя из этого принципа, с одной стороны, что правило фактически существует до отношения или общества, которому оно соответствует, а с другой стороны, что оно не проявляется и не декларируется до тех пор, пока не будет создано общество, то есть что оно может применяться только тогда, когда общество действительно существует, мы спрашиваем, что это за право и как его можно обнаружить?

Право, рассматриваемое само по себе, - это правило, которое каждый индивид морально обязан соблюдать и уважать в своих отношениях с другим индивидом; то есть моральный предел, при достижении которого его законная свобода ограничивается в его действиях в отношении этого индивида; или, другими словами, право человека - это предел, за которым воля другого человека не может морально осуществляться в отношении него в отношениях, которые их объединяют.

Истинное Правило общественных отношений.

Ничто не может быть более определенным, чем то, что каждый человек в обществе имеет право ожидать, что этот предел будет поддерживаться и уважаться по отношению к нему другими людьми и самим обществом. Это примитивное и неизменное право, которым он обладает в силу достоинства своей природы. Если бы философская школа ограничилась установлением этого принципа, это было бы совершенно правильно и напомнило бы обществу об истинном моральном правиле. Но она попыталась пойти дальше: она претендовала на то, чтобы заранее и общим образом определить точный предел в каждом случае, когда воля индивидов друг над другом или общества над индивидами перестает быть законной. Оно не удовлетворилось установлением права в принципе, но сочло себя способным перечислить все социальные права *априори* свести их к определенным общим формулам, которые должны охватывать их все и, таким образом, могут быть применены ко всем отношениям, порождаемым обществом. Это привело к тому, что мы упустили из виду многие очень позитивные права и создали множество мнимых прав, которые не имеют реальности. Если верно, как мы это изложили, что право является законным правилом отношения, то ясно, что это отношение должно быть известно до того, как можно будет понять право, которое должно им управлять. Итак, социальные отношения, будь то между одним человеком и другим или между одним и несколькими, не являются ни простыми, ни идентичными. Они бесконечно множатся, варьируются и переплетаются; и право меняется вместе с отношениями. Пример лучше всего объяснит, что мы имеем в виду. Мы выберем наиболее простые и естественные социальные отношения, отношения отца к ребенку. Никто не осмелится утверждать, что здесь не существует никакого права, то есть что ни отец, ни ребенок не имеют никаких соответствующих прав, подлежащих взаимному соблюдению, и что только их воля должна произвольно регулировать их взаимоотношения. Вначале, пока ребенок лишен разума, его воля имеет мало прав или вообще не имеет их: право всецело принадлежит воле отца, которая даже тогда, несомненно, законна лишь постольку, поскольку она согласуется с разумом, но которая не подчинена и не может быть подчинена воле ребенка, на которой она осуществляется и которой она руководит. По мере того, как в ребенке развивается разум, право воли отца становится ограниченным; это право всегда вытекает из одного и того же принципа и должно осуществляться в соответствии с одним и тем же законом; но оно больше не простирается до тех же пределов, а меняется и сужается день ото дня по мере интеллектуального и нравственного развития ребенка, вплоть до возраста, когда, наконец, ребенок, став мужчиной, оказывается в совершенно иных отношениях со своим отцом — отношениях, в которых господствует другое право, то есть в которых отцовское право заключено в совершенно иных пределах. другие ограничения, и больше не используется таким же образом.

Если в самых простых общественных отношениях право, хотя и неизменное в своем принципе, претерпевает так много превратностей в своем применении, — если предел, на котором оно останавливается, так постоянно меняется в соответствии с изменением природы и характера этого отношения, — то в гораздо большей степени это будет иметь место во всех других общественных отношениях, которые бесконечно более изменчивы и сложны. Каждый день старые права будут исчезать; каждый день будут возникать новые; иными словами, принцип права будет ежедневно применяться по-разному; и в каждом случае пределы, при которых право прекращается, с одной или с другой стороны, в бесчисленных отношениях, составляющих общество.

Таким образом, правильно определить это непросто, и это не может быть сделано раз и навсегда в соответствии с определенными общими формулами. Либо эти формулы должны быть сведены к той господствующей истине, что никакая воля, будь то воля человека над человеком, общества над индивидом или индивида над обществом, не должна осуществляться вопреки справедливости и разуму, либо эти формулы тщетны; иными словами, они ограничиваются выражением принципа права или безуспешно пытаются заранее перечислить и регламентировать все его применения.

Невозможность определения прав.

В этом состоит первая ошибка философской школы, которая, гордясь восстановлением принципа права (вопрос, безусловно, огромной важности), с тех пор, продолжая тот же процесс, считает себя способной признавать и определять все права, то есть все приложения этого принципа к общественным отношениям; попытка, которая наиболее опасна, поскольку невозможна.

Условия Реализации Права.

Таким образом, человеку не дано заранее и с первого взгляда понять весь объем рациональных законов, которые должны регулировать отношения людей как между собой, так и с обществом в целом. Несомненно, в каждом из этих отношений и во всех превратностях, которым они подвергаются, существует принцип, который является их законным правилом и который определяет права; и именно этот принцип должен быть открыт. Но именно в самом отношении, над которым этот принцип должен господствовать, он содержится и может быть обнаружен; он тесно связан с природой и объектом этого отношения, и это первые данные, которые необходимо изучить, чтобы прийти к познанию принципа. Философская школа почти постоянно пренебрегает этим трудом. Вместо того чтобы приложить себя к открытию истинных прав, соответствующих различным социальным отношениям, оно произвольно конструирует права, притворяясь, что выводит их из общего и примитивного принципа права; попытка, обратная философской, поскольку особые права - это приложения, а не следствия, логически выведенные из этого принципа; который в совершенстве проявляется в каждом конкретном случае, но который не содержит в себе всех элементов или всех данных, необходимых для открытия права в каждом конкретном случае.

Вторая ошибка философской школы заключается в неправильном понимании условий, при которых право может быть реализовано, то есть при которых оно может стать связанным с фактами, чтобы регулировать их.

Давно говорилось, что две силы, право и мощь, истина и заблуждение, добро и зло, оспаривают господство над миром. О чем не так часто говорят, хотя это не менее верно, так это о том, что они спорят из—за этого, потому что они одновременно обладают этим, потому что они сосуществуют в этом повсюду в одно и то же время. Эти две силы, столь противоположные по своей природе, никогда не разделяются; фактически, они встречаются и смешиваются повсюду, образуя своим сосуществованием и конфликтом тот вид нечистого и беспокойного единства, которое является состоянием человека на земле; и которое воспроизводится как в обществе, так и в отдельных людях. Все мирские факты носят этот характер: нет ни одного, который был бы полностью лишен истины, справедливости и добродетели; нет ни одного,

который был бы полностью и исключительно правильным, благим или истинным. Одновременное присутствие и в то же время борьба силы и права образуют примитивный и доминирующий факт, который воспроизводится во всех других фактах.

Слияние Силы и Права.

Философская школа обычно упускает из виду это сокровенное и неизбежное слияние силы и права во всем, что существует и происходит на земле. Поскольку эти две силы враждебны, он считает их разделенными. Когда оно признает какое-либо серьезное нарушение права в учреждении, власти или общественных отношениях, оно приходит к выводу, что в них полностью отсутствует право; и в то же время воображает, что если ему удастся ухватиться за этот факт и формировать и регулировать его в соответствии со своей собственной волей, оно обеспечит бесспорное господство права в этом факте. Отсюда презрение, можно даже сказать, ненависть, с которой он судит о фактах и обращается с ними. Отсюда также насилие, с которым оно претендует навязать им те правила и формы, которые в его глазах составляют право: какое отношение должно иметь то, что является лишь делом силы? какие жертвы не принесены ради того, что станет торжеством права и разума? и чем тверже умы и энергичнее характеры этих рассуждающих, тем больше они будут находиться под властью и еще больше заблуждаться из-за такого подхода к человеческим вещам. Факты прошлого и настоящего не заслуживают такого пренебрежения, а факты будущего не заслуживают такого большого доверия. Здесь мы не разделяем взгляды скептиков и не рассматриваем все факты как одинаково хорошие или плохие, в равной степени наделенные разумом и справедливостью или лишенные их. Ничто не может более противоречить нашему мнению. Мы твердо верим в реальность и легитимность права, в его борьбу против силы, а также в полезность и моральную обязанность поддерживать право в этой вечной, но прогрессирующей борьбе. Мы только просим, чтобы в этой борьбе ничего не было забыто и ничего не смешивалось; и чтобы не допускались неизбирательные нападения. Мы спрашиваем, что, поскольку факт может содержать много незаконных элементов, следовательно, не следует предполагать, что *априори* он не содержит ничего, кроме этого, поскольку это не так. Право более или менее существует везде, и везде право должно уважаться. Существует также большая или меньшая ложность и неполнота в умозрительной идее, которую мы формируем для себя о справедливости, и в борьбе, в которой эта идея будет превалировать, будут применяться несправедливая сила и насилие, а также в новых фактах, которые станут результатом ее триумфа. Это не значит, что бой должен быть приостановлен или что не следует добиваться триумфа. Необходимо только правдиво осознавать состояние человеческих вещей и никогда не упускать их из виду, идет ли речь о суждении или о действии.

Ошибки философской школы.

Это то, на что философская школа редко может согласиться. Принимая право за точку, из которой оно исходит, а также за то, к чему оно стремится, оно забывает, что факты существуют между этими двумя крайностями — действительные и существующие факты, независимые данные; условие, которому по настоятельной необходимости следует подчиниться, когда требуется расширение права, поскольку эти факты являются теми самыми вопросами, к которым право должно быть применено. Эта школа начинает с пренебрежения одним из

фундаментальных элементов проблемы, которую ей приходится решать; она впадает в мечтательность и конструирует воображаемые факты, в то время как ей следовало бы оперировать реальными фактами. А когда его вынуждают отказаться от гипотез и иметь дело с реальностью, он начинает раздражаться из-за препятствий, с которыми сталкивается, и необоснованно осуждает факты, которые ставят их на его пути. Таким образом, желая невозможного, человек забывает часть того, что на самом деле истинно. Общество в каждый период более или менее отклоняется от общего типа права; иными словами, факты, которые составляют его материальное и моральное состояние, более или менее регулируются в соответствии с правом, а также становятся в большей или меньшей степени восприимчивыми к получению более абсолютной формы, более совершенного правила и постоянной более тесной ассимиляции с разумом и истиной; и это то, что должно быть полностью изучено и понято, прежде чем выносить суждение об этих фактах или пытаться произвести их изменение и улучшение. Совершенство - это цель человеческой природы и человеческого общества; совершенство - закон их существования, но несовершенство - его условие. Философская школа не принимает этого условия и, таким образом, вводится в заблуждение в своих попытках достичь совершенства и даже в своем собственном представлении о совершенстве, к которому она стремится.

Ошибки исторической школы.

Историческая школа обладает другими характеристиками и впадает в другие ошибки. При всем уважении к фактам оно легко поддается побуждению приписывать им достоинства, на которые они не имеют права; видеть в них больше разума и справедливости, то есть больше *правоты*, чем они содержат в действительности, и сопротивляться даже малейшей смелой попытке судить и регулировать их в соответствии с принципами, более соответствующими общему разуму. Существует даже тенденция отрицать эти принципы, утверждать, что не существует рационального и неизменного типа права, которое человек мог бы использовать в качестве руководства в своих усилиях или своих мнениях: ошибка огромного масштаба, достаточная для того, чтобы поставить эту школу, с философской точки зрения, на второстепенный уровень. Что же тогда такое совершенство, если не существует идеального совершенства, к которому следует стремиться? Каков прогресс в области реальных прав, если нет рационального права, позволяющего охватить их все? Что такое человеческий разум, если он неспособен проникнуть далеко за пределы действительных реальностей в своем знании этого рационального права? и как оно может судить о них, кроме как сравнивая их с этим возвышенным типом, которым оно никогда не обладает в полной мере, но который оно не может отрицать, не отрекаясь от самого себя и не теряя всех незыблемых правил и путеводной нити? Несомненно, факты вызывают уважение, потому что они являются условием, необходимостью; и они заслуживают этого, потому что в них всегда содержится определенная доля справедливости. Но суждение никогда не должно быть поработщено ими, и оно не должно приписывать реальности абсолютную легитимность. Неужели тогда так трудно понять, что зло есть зло, даже если оно мощное и неизбежное? Историческая школа постоянно пытается уклониться от этого признания. Она пытается объяснить каждый институт и воздержаться от суждения о них, как будто объяснение и суждение не являются двумя различными действиями, которые не имеют права друг на друга. Оно никогда не терпит установления сравнения между реальным состоянием какого-либо общества и рациональным состоянием общества в целом; как будто реальное или даже возможное является пределом разума; как будто при вынесении суждений разум должен быть отвергнут, потому что при применении он вынужден подчиняться условиям и уступать

препятствиям, которые он не может преодолеть. Историческая школа была бы совершенно права, если бы она ограничилась тщательным изучением фактов, выявляя ту долю права, которая в них содержится, и выясняя степень совершенства, которую они способны достичь, и если бы она ограничилась утверждением, что нелегко различать реальные права, несправедливо осуждать факты *в совокупности* и невозможно и опасно пренебрегать ими полностью. Но когда оно пытается узаконить факты фактами; когда оно отказывается применять неизменный закон справедливости и рационального права ко всем, оно отказывается от всех принципов, впадает в своего рода абсурдный и постыдный фатализм и лишает человека и общество того, что наиболее чисто по их природе, наиболее законно по их притязаниям и наиболее благородно по их устремлениям.

Сравнение двух школ.

Подводя итог, можно сказать, что философской школе принадлежит заслуга в том, что она повсеместно признает принцип справедливости и принимает его в качестве неизменного правила своего суждения о фактах. Его ошибки состоят в том, что он знает факты как незначительные, несовершенные и поспешные; и в том, что он не допускает к фактам той силы, которая неотделима от них, и той степени легитимности, которую они всегда содержат. Историческая школа лучше знакома с фактами, более справедливо оценивает их причины и следствия, проводит более точный анализ их элементов и приходит к более точному знанию конкретных прав, а также к более справедливой оценке практически осуществимых реформ. Но ей не хватает общих и неизменных принципов: ее суждения колеблются в зависимости от случая; и, соответственно, она почти всегда не решается прийти к какому-либо заключению и никогда не преуспевает в удовлетворении ума, на который философская школа, напротив, всегда производит сильное впечатление, рискуя ввести его в заблуждение.

Мы настаивали на отличительных чертах и противоположных ошибках этих двух школ, потому что мы постоянно сталкиваемся с ними, исследуя, как оценивались и понимались институты и социальные факты. Мы привели пример этого, указав на две точки зрения, с которых обычно рассматривалось разделение законодательной власти на две палаты. Историческая школа одобряет и рекомендует его; но она часто основывает свои доводы на незаконных фактах и слишком категорично придерживается форм, которые этот институт принимал в прошлом, в то время как она воздерживается от привязки к какому-либо строгому и рациональному принципу. Философская школа долгое время утверждала, и многие из ее последователей до сих пор верят, что это случайный и произвольный институт, который не основан на разуме и самой природе вещей.

Давайте теперь рассмотрим этот институт сам по себе, отделив его от того, что в Англии связано лишь с его фактическим происхождением и местными обстоятельствами, среди которых он возник.

Происхождение Палаты пэров.

Несомненно, что огромное неравенство в богатстве и кредитоспособности — одним словом, в силе и социальной значимости, существовавшее между крупными баронами и другими

политическими классами нации, будь то свободные землевладельцы или горожане, было в Англии единственной причиной учреждения Палаты пэров. Никакая политическая комбинация или идея общественного права не имели никакого отношения к его формированию. Личная значимость определенного числа людей, в данном случае, создала их право. Политический порядок обязательно является выражением, отражением социального порядка. Особенно на этой стадии цивилизации власть, бесспорно, передается от общества к правительству. Палата пэров существовала потому, что были люди, которые, не идя ни в какое сравнение с другими, не могли оставаться смешанными с ними, пользуясь теми же правами и не обладая большим авторитетом.

Той же причине следует приписать несколько ведущих характеристик Палаты пэров; передача по наследству социальной значимости, богатства и власти (результат феодальной системы в отношении собственности) несла с собой наследование политического значения. Это подтверждается тем фактом, что первоначально единственными наследственными пэрами были бароны по феодальному праву владения. Наследственное право первоначально не принадлежало баронам по судебному приказу; хотя они по отдельности созывались в Верхнюю палату, они пользовались, заседа там, теми же правами. Судебные функции Палаты пэров также имели тот же источник. Сначала они принадлежали общему собранию прямых вассалов короля. Когда большее число этих вассалов перестало посещать это собрание, крупные бароны, которые присутствовали одни, продолжали осуществлять почти все его функции, и особенно судебную власть. Этим они продолжали владеть, когда рыцари вновь вошли в парламент путем выборов. Таким образом, право, которое первоначально принадлежало генеральной ассамблее политической нации, стало сосредоточенным в новой Палате пэров, по крайней мере, ни в коем случае не затронутое новой юрисдикцией, учрежденной королем. При рассмотрении во всех деталях политической роли, которую в настоящее время выполняет в Англии Палата пэров, будет обнаружено, что большое количество ее атрибутов являются лишь результатом древних фактов, что они не присущи самому институту, а исключительно вытекают из социального положения крупных баронов; и в то же время будет воспринято, что все эти факты связаны с общим и примитивным фактом огромного неравенства, существовавшего тогда между крупными баронами и гражданами.

Преимущества Палаты пэров.

Поскольку это неравенство действительно существовало и не могло не проявиться вновь в правительстве, Англии очень повезло, что оно приняло форму Палаты пэров. Неравенство никогда не бывает более угнетающим и фатальным, чем когда оно проявляется исключительно ради собственной выгоды и в личных интересах. Это неизменный результат, когда высшие чины рассредоточиваются по стране и вступают в контакт только со своими подчиненными и в их присутствии. Если бы вместо объединения в Палате пэров для осуществления в качестве членов этого собрания власти, которой они обладали над обществом, каждый из крупных баронов остался в своих поместьях, их превосходство и власть тяжелым бременем легли бы на всех их вассалов и фермеров, и социальная эмансипация была бы очень замедлена. Тогда каждому барону пришлось бы иметь дело только со своими подчиненными. В Палате пэров, напротив, ему приходилось иметь дело с равными себе; и чтобы добиться влияния в этом собрании и осуществить свою волю, он был вынужден прибегать к дискуссии, выдвигать

общественные доводы и представлять себя выразителем каких-то интересов, превосходящих его собственные личные интересы, и мнений, вокруг которых люди могли бы объединиться. Таким образом, люди, которые, оставаясь они изолированными в своих владениях, действовали бы только против подчиненных и в своих собственных интересах, были вынуждены, когда они собирались вместе, действовать против равных себе и в интересах масс, одна поддержка которых могла увеличить их силу в частых столкновениях, которые навязывала им эта новая ситуация. Таким образом, одним фактом своей концентрации высшая феодальная аристократия незаметно изменила свой характер. Каждый из ее членов обладал правами, первоначально полностью вытекавшими из его собственной власти, которую он приходил в Палату пэров, чтобы использовать исключительно в своих собственных интересах; но когда однажды они собрались вместе в присутствии друг друга, все эти индивидуальные интересы столкнулись с необходимостью искать новые средства получения кредита и авторитета где-либо еще, кроме самих себя. Личная власть была вынуждена погрузиться в общественную власть. Собрание, состоящее из отдельных руководителей, ревниво стремившихся только к сохранению и приумножению своей власти, постепенно превратилось в национальное учреждение, вынужденное во многих отношениях приспосабливаться ко всеобщим интересам.

Результаты Его создания.

Как я уже имел случай сказать в другом месте, одним из величайших пороков феодальной системы было распространение суверенитета повсюду, так сказать, к дверям тех, над кем он осуществлялся. Образование Палаты пэров ослабило это зло в Англии и, таким образом, по крайней мере с политической точки зрения, нанесло смертельный удар феодализму.

Далее, крупные бароны, сформированные таким образом в единое целое, имели силу и обязанность совместно защищать свои права и свободы от королевской власти; и их сопротивление, вместо того чтобы заключаться в серии отдельных войн, как это имело место во Франции, немедленно приняло характер коллективного и подлинно политического сопротивления, основанного на определенных общих принципах права и свободы. В этих принципах и их языке есть что-то заразительное, что очень скоро расширяет их за пределы, в которые они поначалу заключены. Право порождает право, свобода порождает свободу. Требования и сопротивление крупных баронов вызвали аналогичные требования и сопротивление в других классах нации. Без концентрации высшей аристократии в Палате пэров Палата общин, вероятно, никогда бы не была сформирована. Из всех этих фактов вытекает то следствие, что, когда в обществе действительно существует большое неравенство между различными классами граждан, не только естественно, но и полезно для прогресса справедливости и свободы, что высший класс должен быть собран и сконцентрирован в огромную общественную власть, в которой индивидуальное превосходство ставится на более высокий уровень, чем личные интересы; они учатся обращаться с равными, сталкиваться с оппозицией и подавать пример защиты свобод и прав; в то время как, выставя себя в некотором роде на обозрение всей нации, они уже одним этим фактом осознают необходимость приспосабливаться к в определенной степени к его мнениям, чувствам и интересам.

Выгодна ли Палата пэров?

Но, можно сказать, социальное неравенство достаточной величины, чтобы вызвать формирование такой власти, не является ни универсальным фактом, ни чем-то хорошим и желательным само по себе; и с этой точки зрения Палата пэров в том виде, в каком она создана в Англии, была просто средством от зла. Не может быть никаких сомнений в том, что накопление земли, богатства и реальной власти, принадлежавших крупным баронам, и обеспечение всех этих социальных преимуществ были результатом насилия и столь же противоречили внутренней тенденции, как и рациональным принципам общества в целом. Если бы разделение законодательной власти на две палаты было вызвано только такими причинами, оно могло бы в определенных случаях быть неизбежным и даже полезным; но там, где эти причины не соблюдаются, ничто не рекомендовало бы этого и не должно было бы вызывать сожаления о его необходимости. Справедливое и естественное распределение социальных преимуществ, их быстрая циркуляция, свободная конкуренция прав и полномочий - вот цель, поскольку это рациональный закон общественного состояния. Институт, который сам по себе и по своей природе противоречит этой цели и отступает от настоящего закона, не содержит ничего, что могло бы привести к его принятию, если только это не продиктовано необходимостью.

Верно ли это в отношении разделения законодательной власти на две палаты, оставляя в стороне те особые характеристики, которые в английской палате пэров выводятся исключительно из местных и случайных фактов и не могут быть отнесены к рациональным причинам универсального характера?

Прежде чем рассматривать этот вопрос в его связи с основополагающим принципом представительного правления, необходимо сделать несколько замечаний.

Две тенденции в обществе.

Никоим образом не верно, что неравенство, подобное тому, которое привело к преобладанию крупных баронов в Англии, и постоянная классификация общества в соответствии с этими фактами являются естественными условиями социального государства. Провидение не всегда продает свои блага человечеству по такой высокой цене и не основывает само существование общества на этой деноминации, на этой незыблемой конституции привилегий. Разум должен верить, а факты доказывают, что общество может не только существовать, но и жить даже лучше в других условиях; в условиях, в которых принцип свободной конкуренции осуществляет большее господство и где различные социальные классы более близки к союзу. Несомненно, однако, что в обществе существуют две тенденции, одинаково законные по своему принципу и одинаково благотворные по своим последствиям, хотя и находящиеся в постоянном противостоянии друг другу. Первое - это тенденция к порождению неравенства, другое - тенденция к поддержанию или восстановлению равенства между индивидами. И то, и другое естественно и нерушимо: это факт, который не требует доказательств, аспект мира проявляет его повсюду; и если мы заглянем внутрь, мы увидим это в самих себе. Кто не желает в том или ином отношении возвыситься над равными себе? и кто также не пожелал бы в каком-то конкретном случае низвести своих начальников до равенства с самим собой? Эти две тенденции, рассматриваемые в их принципе, одинаково законны: первая связана с правом естественного превосходства, которое существует как в моральном, так и в физическом

порядке вселенной; другая - с правом каждого человека на ту справедливость, которая желает, чтобы никакая произвольная сила не лишала его каких-либо социальных преимуществ, которыми он обладает или мог бы воспользоваться без посторонней помощи и без ущерба для своих собратьев. Препятствовать проявлению естественного превосходства и осуществлению принадлежащей им власти - значит создавать жестокое неравенство и калечить человеческую расу в ее самых благородных частях. Порабощать людей в отношении тех прав, которые являются общими для всех, по причине сходства их природы, неравноправными законами, навязываемыми или поддерживаемыми силой, - значит оскорблять человеческую природу и забывать о ее непреходящем достоинстве. В конце концов, эти две тенденции одинаково благотворны по своим последствиям: без первой общество было бы инертным и безжизненным; без другой господствовала бы только сила, а право навсегда было бы подавлено. Рассматривая их с точки зрения того, что является законным и нравственным в каждом из них, давайте спросим, что такое эта тенденция к неравенству, как не желание возвыситься, расширить свое влияние и выявить и осуществить триумф той части моральной силы, которая естественным образом вложена волей Бога-Творца в каждого конкретного человека? и разве не этот импульс составляет жизнь и определяет прогресс человеческого рода? С другой стороны, что такое эта тенденция к равенству, как не сопротивление силе, капризному произволу и желанию подчиняться только справедливости и истинному закону? Несомненно, в обеих этих тенденциях проявляются как плохие, так и хорошие стороны нашей натуры: в желании возвыситься есть налет дерзости, а в страсти к равенству - зависти. Несправедливость и насилие могут использоваться либо для унижения вышестоящих, либо для того, чтобы превзойти равных; но в том конфликте добра и зла, который повсюду является состоянием человека, не менее верно и то, что две тенденции, о которых я говорю, составляют сам принцип социальной жизни, двойную причину, которая заставляет человечество продвигаться по пути совершенствования, которая уводит его назад, когда оно сбивается с пути, и подталкивает его вперед, когда порочные силы или воля пытаются остановить его ход.

Тенденция к неравенству.

Таким образом, тенденция к неравенству является фактом неизбежным сама по себе, законным по своему принципу и благотворным по своим последствиям, если она сдерживается законом конкуренции, то есть при условии постоянной и свободной борьбы с тенденцией к равенству, которая, по воле Провидения, представляется фактом, которым ей суждено уравниваться. В каждой стране всегда будет возникать и существовать определенное количество выдающихся личностей, которые будут стремиться занять в правительстве место, аналогичное тому, которое они занимают в обществе. Они не должны приобретать его в своих личных интересах или расширять его за пределы того, что соответствует общественным интересам, и они не должны удерживать его дольше, чем они владеют титулом, в силу которого они его получили, то есть их фактической значимостью, и они не должны сохранять этот титул средствами, нарушающими принцип свободной конкуренции и сохранение прав, которые являются общими для всех. Все это бесспорно, но, даже если допустить это, все равно останется необходимость введения и концентрации среди высших сил всего высшего руководства страны, чтобы вовлечь их в ведение государственных дел и в защиту общих интересов.

Это, как мы видели, является единственной целью представительной системы: ее точная цель состоит в том, чтобы выявить и сконцентрировать естественные и реальные преимущества страны, чтобы применить их к ее правительству. Итак, хорошо ли само по себе и в соответствии с фундаментальным принципом этой системы применять только один метод поиска этих преимуществ и собирать их всех в одну урну для голосования? то есть должны ли они быть объединены в одну единую сборку, сформированную в одних и тех же условиях, после одних и тех же испытаний и одним и тем же способом? Теперь мы подходим к сути вопроса.

Оппозиция абсолютной власти.

Принцип представительной системы заключается в уничтожении всякого суверенитета постоянного права, то есть всей абсолютной власти на земле. Вопрос о том, что сейчас называется *всемогуществом*, волновал во все времена. Если под этим понимать действительно определяющую власть в терминах установленных законов, то такая власть всегда существует в обществе под множеством названий и форм: ибо везде, где есть вопрос, подлежащий решению и завершению, должна быть власть решать и завершать его. Таким образом, в семье отец осуществляет власть окончательно определять, в определенных деталях, поведение и судьбу своих детей; в хорошо регулируемом муниципалитете муниципальный совет окончательно утверждает местный бюджет; в гражданских процессах определенные трибуналы выносят окончательные решения по делам, переданным на их рассмотрение; а в политической системе избирательное всемогущество принадлежит избирателям. Таким образом, окончательная власть распространяется через социальное государство и неизбежно встречается повсюду. Означает ли это, что где-то должна существовать сила, обладающая всемогуществом по праву, то есть имеющая право делать все, что ей заблагорассудится? Это была бы абсолютная власть; и формальный замысел представительной системы, равно как и цель всех ее институтов, состоит в том, чтобы не допустить существования такой власти и позаботиться о том, чтобы каждая власть подвергалась определенным испытаниям, встречалась с препятствиями, подвергалась противодействию и, в конечном счете, была лишена власти до тех пор, пока она либо не докажет свою легитимность, либо не даст оснований предполагать это.

Следовательно, нет и не может быть никакого всемогущества по праву, то есть какой-либо власти, которой должно быть позволено сказать: "это хорошо и справедливо, потому что я так решил"; и каждое усилие политической науки, каждого института должно быть направлено на предотвращение формирования такой власти где бы то ни было; и должно обеспечивать, чтобы действительное всемогущество, существующее в обществе под столь многими названиями, повсюду встречалось с ограничениями и препятствиями, достаточными для предотвращения его превращения во всемогущество по праву.

До тех пор, пока не будет достигнута вершина общества и пока не будут созданы только эти силы, над которыми будут поставлены другие постоянные силы с целью контроля над ними и наделения полномочиями по обеспечению соблюдения их авторитета, эта цель представляется легко достижимой.

Оплот против абсолютной власти.

Судебная власть, муниципальная власть и любая власть второго сорта могут быть определяющими без особой опасности, потому что, если ими злоупотребляют таким образом, который может стать фатальным, законодательная или исполнительная власть будет рядом, чтобы подавить их. Но в конце концов мы обязательно должны прийти к высшей власти, к той власти, которая руководит всеми остальными и сама не управляется и не сдерживается какой-либо видимой и конституированной властью. Относится ли к этому право всемогущества? Конечно, нет, какой бы ни была его форма или название. Она, однако, всегда будет склонна стремиться к этому и способна узурпировать это, поскольку в политической системе она обладает всемогуществом, и этого ее нельзя лишить; ибо применительно к общим интересам, а также к местным и частным интересам, окончательная власть является необходимостью.

Здесь должна проявиться вся дальновидность политика: ему понадобятся все его искусство и все его усилия, чтобы помешать фактическому всемогуществу утвердить свою неотъемлемую законность, а общей окончательной власти - превратиться в абсолютную.

Этот результат пытаются обеспечить различными средствами:

I. признавая индивидуальные права граждан, результатом которых является надзор, контроль и ограничение этой центральной верховной власти и постоянное подчинение ее закону разума и справедливости, которому она должна быть подчинена; это цель суда присяжных, свободы печати и гласности всех видов:

II. учреждая особым и независимым образом основные полномочия второго класса, такие как судебные и муниципальные власти; по такому плану, чтобы они сами подавлялись и сдерживались, когда это необходимо, центральной властью, могут, в свою очередь, сдерживать и подавлять ее, если она попытается стать абсолютной:

III. организуя саму центральную власть таким образом, чтобы ей было очень трудно узурпировать законное всемогущество, и обеспечить, чтобы она встречалась с таким противодействием и препятствиями внутри себя, которые не позволят ей достичь действительного всемогущества, за исключением сложных условий, выполнение которых дает основание предполагать, что она действительно действует в соответствии с разумом и справедливостью; то есть, что она обладает легитимностью.

Секрет политической свободы.

Это последнее описание средств - единственное, связанное с вопросом, который сейчас занимает наше внимание. Разделение законодательной власти на две палаты преследует именно эту цель. Она направлена против легкого обретения фактического всемогущества на вершине социальной системы и, следовательно, против превращения фактического всемогущества в законное всемогущество. Следовательно, она соответствует фундаментальному принципу репрезентативной системы и является его необходимым следствием.

Почему нежелательно, чтобы законодательная и исполнительная власти, то есть вся верховная власть, принадлежала либо одному человеку, либо одному собранию? почему тирания всегда возникает из этих двух форм правления? Потому что такова природа вещей, что власть, равной которой нет, должна считать себя по праву суверенной и очень скоро должна стать абсолютной. Так происходило в демократиях, аристократиях и монархиях; везде, где действительно суверенная власть была возложена на отдельного человека или группу людей, этот человек или эта группа считали себя по праву суверенными; и более или менее часто и с большим или меньшим насилием они осуществляли деспотизм.

Таким образом, искусство политики, секрет свободы состоят в том, чтобы обеспечить равенство для каждой власти, для которой она не может обеспечить превосходство. Это принцип, который должен преобладать в организации центрального правительства, ибо только на этих условиях можно предотвратить установление деспотизма в центре государства.

Итак, если законодательная власть вверена единому собранию, а исполнительная - одному человеку, или если законодательная власть разделена между одним собранием и исполнительной властью, возможно ли, чтобы каждая из этих властей обладала достаточной силой и последовательностью, чтобы допустить необходимое равенство между ними, то есть гарантировать, что ни одна из них не станет единственной и бесспорной суверенной властью? Подобного примера никто никогда не видел: везде, где центральная власть была образована таким образом, возникала борьба, которая приводила, согласно времени, либо к свержению исполнительной власти законодательным собранием, либо законодательного собрания исполнительной властью. Некоторые страны управлялись единой ассамблеей, другие - несколькими ассамблеями, из которых одни были аристократическими, а другие демократическими; в то время как все они боролись друг с другом за суверенитет. Эти различные формы правления породили либо тиранию, либо продолжающиеся беспорядки, и, тем не менее, они продолжались. Но правительство, в котором законодательное собрание и исполнительная власть оставались отдельными, сохраняя свою индивидуальность и независимость и взаимно ограничивая друг друга, представляет собой явление, не имеющее примера ни в древности, ни в наше время. Одна из этих сил всегда быстро угасала или вскоре низводилась до состояния подчинения и зависимости, эквивалентного ничтожеству, по крайней мере в том, что касалось основных целей, ради которых она была создана.

Разделение Центральной власти.

Это не могло не иметь места. Равенство невозможно между державами, которые совершенно не похожи ни по своей природе, ни по способам получения власти или кредита. Господство одного человека, то есть чисто монархическая форма правления, черпает свои источники и средства действия из определенных склонностей человеческой природы и определенных условий общества. Полное и исключительное правление одного собрания проистекает таким же образом из других склонностей и других социальных обстоятельств; в зависимости от того, насколько преобладает тот или иной класс этих обстоятельств, короли упраздняли собрания, а собрания низвергали королей. Но сосуществование этих двух систем правления, когда они сталкиваются друг с другом и действуют в прямом противостоянии, невозможно. Таким образом, они не сдерживают друг друга, но ведут войну на уничтожение: соответственно, с таким событием никогда не сталкивались, за исключением революционных времен; возможно,

это было неизбежным условием таких эпох; но тогда оно всегда включало ту или иную из этих форм деспотизма: оно никогда не становилось основой свободного и регулярного правительства.

Когда однажды признается, что разделение центральной власти необходимо для предотвращения всякой узурпации законного всемогущества или, по крайней мере, для того, чтобы сделать такую узурпацию нечастой и трудной, с необходимостью следует, что это разделение должно осуществляться таким образом, чтобы возникающие в результате власти были способны к регулярному сосуществованию, то есть взаимному сдерживанию, ограничению и принуждению друг друга к совместному поиску по этой причине истины и справедливости, которые должны регулировать их волю и руководить их действиями. Важно, чтобы ни одна из этих держав не возвышалась настолько над другими, чтобы быть способной сбросить их ярмо; ибо превосходство системы заключается именно в их взаимной зависимости и в усилиях, которые она налагает на них для обеспечения единодушия. Теперь не может быть никакой взаимной зависимости, кроме как между державами, которые наделены определенной степенью независимости и достаточной силой, чтобы поддерживать ее.

Его Отношение к представительному правительству.

Разделение центральной власти, или фактического суверенитета, между исполнительной властью и двумя законодательными собраниями, следовательно, строго вытекает из фундаментального принципа представительной системы; или, скорее, это единственная конституционная форма, которая полностью соответствует этому принципу и гарантирует его сохранение, поскольку это единственная форма, которая, обеспечивая равенство полномочий, не допускающих вышестоящих, не позволяет им всем претендовать на законный суверенитет, то есть абсолютную власть, и узурпировать его.

Почему эта истина так часто забывалась? почему эта конституционная форма так часто отвергалась людьми, которые, тем не менее, желали установить представительное правительство?— Потому что они забыли принцип этой формы правления. В тот самый момент, когда они направляли свои усилия против абсолютной власти, они вообразили, что она где-то законно существует; и они приписали это самому обществу, всему народу. Таким образом, они доказали отсутствие последовательности и мужества в своем противостоянии абсолютной власти; и либо не знали, либо не осмеливались преследовать ее, где бы она ни была найдена; не оставлять ей убежища; осуждать и изгонять ее под всеми возможными названиями и формами. Таким образом, признавая существование одного единственного суверена, естественно и вечно легитимного, они также были вынуждены признать безраздельное представительство этого безраздельного суверена. Суверенитет народа, понятый таким образом, неизбежно влечет за собой единство законодательной власти: и когда из этого возникла тирания, когда уроки опыта побудили людей искать другие комбинации, когда было признано правильным разделить законодательное собрание, это было сделано с утверждением, что такой шаг противоречит принципу представительного правления, но необходим: что принципам нельзя строго следовать и что необходимо верить в теорию, но не применять ее на практике. Такой язык является оскорблением истины, ибо истина никогда не содержит зла; а когда зло где-либо появляется, оно возникает не из истины, а из заблуждения. Если последствия какого-либо принципа фатальны, то это не потому, что принцип,

хотя и верен сам по себе, неприменим, а потому, что он действительно не верен. Защитники божественного права говорили: есть только один Бог; следовательно, должен быть только один царь; и вся власть принадлежит ему, потому что он является представителем Бога. Сторонники суверенитета народа говорят: есть только один народ; следовательно, должно быть только одно законодательное собрание, ибо оно представляет народ. Ошибка одна и та же в обоих случаях, и в каждом случае она в равной степени ведет к деспотизму. Есть только один Бог, это несомненно; но Бога нигде нет на земле, ибо ни один человек, ни весь народ не являются Богом, и никто в совершенстве не знает его закона и не стремится к нему постоянно. Таким образом, никакая действительная власть не должна быть неделимой, поскольку единство действительной власти предполагает полноту законной власти, которой никто не обладает и не может обладать.

Хорошие результаты такого разделения.

Таким образом, разделение законодательной власти отнюдь не является отступлением от принципов политической свободы, напротив, оно находится в совершенной гармонии с этими принципами и специально направлено против установления абсолютной власти.

Имея это [таким образом?] установленный принцип, было бы легко рассмотреть его на практике и продемонстрировать его положительные эффекты. Было бы легко доказать, что это необходимо для осознания ответственности исполнительной власти; для обуздания непомерных амбиций и обращения всякого рода превосходства в пользу государства; для предотвращения того, чтобы фундаментальные институты, публичные права граждан и все высшие отрасли законодательства рассматривались как простые меры управления и подчинялись нестабильности политического опыта; но эти соображения завели бы меня слишком далеко; я хотел установить эту конституционную форму в принципе, потому что именно из-за отсутствия таких основ многие просвещенные люди долгое время относились к ней с недоверием и сомнением. Его полезность никогда не оспаривается; его хорошие результаты признаются; но люди, как правило, не знают, как можно привести его в соответствие с общими принципами свободного правления; и было обнаружено, не без оснований, что эти принципы были бы ослаблены любым отступлением от них. Во времена, когда человечество подвержено возрождающим влияниям, эмпиризм никогда не бывает господствующим духом: тогда человеку требуются какие-то рациональные и строгие принципы, которые могли бы обеспечить решение любой трудности; и он не доверяет опыту, когда обнаруживает, что его советы расходятся с теми примитивными аксиомами, которые его разум твердо усвоил. Такова наша естественная склонность: не будем сокрушаться об этом, это характерно для всех великих эпох; тогда остается только строго исследовать сами принципы и предоставлять господство только тем идеям, которые действительно этого заслуживают.

Как Это должно быть осуществлено?

Остается рассмотреть второй вопрос: выяснить, как должно осуществляться разделение законодательной власти на две палаты, и каким должен быть способ формирования, каковы атрибуты и отношения двух ассамблей. Это, по крайней мере в значительной степени, вопрос обстоятельств, решение которого почти полностью зависит от состояния общества, его внутреннего устройства и способа распределения богатства, влияния и интеллекта; на это

достаточно указывает то, что я сказал о причинах, приведших к образованию Палаты пэров в Англии. Очевидно, например, что те страны, в которых не было такого неравенства, какое существовало тогда между различными классами общества, были бы плохо приспособлены для разделения законодательной власти, основанного на одних и тех же идеях, обладающего одними и теми же характеристиками и влекущего за собой одни и те же последствия. Возможно, единственная общая идея, которая может быть сформулирована заранее по этому вопросу, состоит в том, что два собрания не должны исходить из одного и того же источника и быть составлены одинаковым образом; одним словом, что они не должны быть в точности одинаковыми. Тогда цель их разделения потерпела бы поражение, поскольку их сходство разрушило бы взаимную независимость, которая является условием их полезности.

Лекция XIX.

Власть и атрибуты британского парламента в четырнадцатом веке.

При своем возникновении и после своего полного развития парламент сохранил название Великого совета королевства.

Разница между его атрибутами и его реальной властью в эти две эпохи.

Поглощение короной почти всего правительства; постепенное восстановление ее влияния парламентом.

Первоначальное название парламента.

Первое название, которое носила в Англии ассамблея, сменившая парламент, было, как вы видели, великим советом, общим советом королевства, *magnum commune consilium regni*. Такое же название давалось парламенту в Англии на протяжении последних двух столетий, когда желалось полностью указать на характер его вмешательства в деятельность правительства и ту роль, которую он там выполняет. Он называется великим национальным советом: король управляет страной в парламенте, то есть по совету и с согласия великого национального совета.

Таким образом, как при возникновении британского правительства, так и с тех пор, как оно достигло своего полного развития, одна и та же идея была связана с ассамблеей, или союзом больших общественных собраний; и оба они обозначались одним и тем же словом.

В оба этих периода Парламент или предшествовавшая ему соответствующая ассамблея фактически никогда не были и, более того, не могли рассматриваться как особая власть, отличная от собственно так называемого правительства, — вспомогательный орган, ограниченный в своих действиях определенным количеством дел или чрезвычайных ситуаций. Само правительство находилось в нем. Там были сосредоточены и приведены в действие все высшие полномочия.

Великий Национальный совет.

При возникновении современных государств, и особенно Англии, было очень далеко от мысли, что все и единственное право группы дееспособных граждан, политической нации, заключалось в согласии на введение налогов; что в остальном они подчинялись независимой власти и никоим образом не были уполномочены вмешиваться, прямо или косвенно, в общие дела государства. Какими бы ни были эти дела, это были их дела, и они всегда занимались ими, когда их важность, естественно, требовала их вмешательства. Об этом свидетельствует история саксонского *виттенагемота*, англо-нормандского *Великого совета* и всех национальных собраний германских народов в самый ранний период их существования. Эти собрания были поистине великим национальным советом, обсуждавшим дела нации и принимавшим решения совместно с королем.

Когда представительная система добивалась всех своих могущественных завоеваний и приносила свои существенные плоды, она неизменно прибегала к этому; и фактически возвращалась к той точке, с которой она исходила. Несмотря на все различия и кажущиеся ограничения, власть парламента распространялась на все и оказывала более или менее непосредственное, но в действительности решающее влияние на все дела государства. Парламент снова превратился в великий национальный совет, в котором обсуждаются и регулируются все национальные интересы, иногда посредством предварительного обсуждения, в другое время ответственными лицами.

Когда это первое и последнее условие свободных правительств будет признано, станет ясно, что необходимо выполнить совершенно иное промежуточное условие, при котором парламент, хотя иногда и называемый великим национальным советом, не выполняет ни одной из своих функций, не вмешивается постоянным образом в политические дела и, одним словом, не является резиденцией и обычным инструментом правительства. В течение всего этого периода правительство отделено от парламента и полностью принадлежит королевской власти, вокруг которой группируются основные представители высшей аристократии. Парламент необходим в определенных случаях, но он не является центром политических действий. Оно пользуется правами, защищает свои свободы и добивается их расширения, но не оказывает решающего влияния на правительство, а принципы, присущие только абсолютной монархии, сосуществуют с более или менее частыми созывами представителей нации.

Парламент в четырнадцатом веке.

Таково было состояние британского парламента с момента его образования в тринадцатом веке почти до конца семнадцатого. Только в конце семнадцатого века он вновь приобрел все черты большого национального совета и снова стал резиденцией всего правительства.

Таким образом, британский парламент в четырнадцатом веке не был ни тем, чем первоначально были общественные собрания германских народов, ни тем, чем он является в наши дни. Чтобы правильно понять, какова была в тот период природа его власти и масштабы его влияния, мы должны следить за развитием событий.

Совместное обсуждение общих дел является принципом, а также наиболее простой формой политической свободы. Этот принцип в полной мере реализовался в период зарождения

современных наций. Национальное собрание было великим советом, в котором решались государственные дела любого рода. Король, естественный глава этого совета, должен был созывать его и следовать его советам.

Из-за рассеяния нации по обширной территории великий национальный совет оказался рассеянным и не мог быть собран: однако в течение некоторого времени он сохранял свою древнюю форму и всю полноту своих древних прав; но сила заключается в постоянном присутствии, и большой совет стал редкостью. Численность его быстро редела, и очень скоро оно состояло только из крупных землевладельцев, которых богатство, политическое значение и то честолюбие, которое возрастает с ростом власти, часто объединяли вокруг короля. Правительство, которое раньше находилось в большом национальном совете, теперь находилось только в этом новом совете, сформированном из короля и крупных баронов, которые с каждым днем все больше отделялись от основной массы нации. Продолжали употребляться те же слова: король всегда управлял своим великим советом; но это было уже не то собрание; правительство и вся нация разделились.

Король пытался освободиться от крупных баронов и править самостоятельно; они сопротивлялись; и в борьбе, которую они вели за защиту своих свобод или сохранение своего влияния в центральном правительстве, они были вынуждены искать поддержки у основной массы нации, у свободных землевладельцев и горожан.

Допуск в Палату общин.

Исход этой борьбы был благоприятен для свободы; свободные землевладельцы и горожане, которые стали почти чужими центральному правительству, возобновили свои связи с ним путем образования парламента; и этот великий королевский совет, который в течение двух столетий постоянно сокращался, снова начал расширяться.

Но по возвращении новые граждане были очень далеки от того места, которое занимали их предки. Развитие неравенства всегда является первым результатом прогресса социального государства. Королевская семья расширила и укрепила свою власть; теперь она существовала сама по себе, могущественная и независимая, и претендовала на особые права, пропорциональные ее собственной силе. То же самое было и с великими баронами, которые тоже были сильны и независимы сами по себе. Если бы было возможно собрать в едином собрании всех потомков тех древних саксов или норманнов, которые первоначально сформировали великий общий совет, то представилось бы совсем иное зрелище. Вместо того, чтобы найти собрание воинов, конечно, не пользующихся полным равенством, но достаточно равных для того, чтобы каждый сохранял свое личное значение и считал себя в состоянии защитить его; вместо того, чтобы видеть во главе их вождя, слишком мало отличающегося от главных людей среди них, чтобы быть могущественным без их поддержки, — был бы король, облеченный огромным богатством и властью, могущественные бароны, за которыми следует множество слуг, почти полностью зависящих от них, и группа граждан, обязанных объединяться и действовать коллективно для восстановления некоторого влияния на те меры, которые их интересуют самым непосредственным образом. В этом новом составе общества и национальной ассамблеи депутаты графств и округов были очень далеки от того, чтобы притворяться, что они ассоциируют себя с правительством в собственном смысле этого слова,

или от мысли контролировать центральную власть или направлять ее во всех общественных делах; неизбежно прошло несколько столетий, прежде чем их идеи смогли приобрести столь широкую огласку, а их вмешательство в парламент стало столь всеобъемлющим. Они собрались там с единственной целью защитить себя и тех, кого они представляли, от самых вопиющих злоупотреблений властью, от насильственного и произвольного вторжения в их жизнь и их имущество.

Превратности судьбы парламента.

Обсуждение обращенных к ним требований о поставках и представление правительству своих жалоб на наиболее опасные акты несправедливости со стороны агентов короля или знати составляли всю их миссию и, по их собственному мнению, всю полноту их прав. Их личная значимость была слишком тривиальна, а их интеллектуальная активность слишком ограничена, чтобы они могли вообразить себя призванными обсуждать и регулировать общие дела государства. Они сопротивлялись власти, когда она прямо нападала на них или требовала от них больших жертв; но королевская власть и ее прерогативы, обычный королевский совет и его меры в отношении законодательства, мира и войны или общей политики, одним словом, правительство в собственном смысле этого слова, были полностью неподвластны их вмешательству. У них не было ни власти, ни даже желания вмешиваться в подобные дела; все это обсуждалось и решалось королем, его министрами и знатными людьми, которые, естественно, были призваны принять в этом участие благодаря возвышению и важности своего общественного положения.

Таким образом, и древнее собрание саксонских или нормандских воинов, и существующий парламент были бы тщетны в поисках парламента четырнадцатого века. Никакого насилия над фактами не совершается: сформировалось новое общество, которое могло породить только политический порядок в соответствии со своим собственным характером. Преобладало великое неравенство, и это неравенство, естественно, возникло бы вновь между державами, которые оно породило. Первобытное и простое единство, существующее в нецивилизованном сообществе, исчезло; мудрое единство, до которого цивилизованное общество может возвыситься за счет распространения богатства и интеллекта, было еще далеко. Были король, Палата лордов и Палата общин, но не было Парламента в том политическом смысле, который сейчас вкладывается в это слово.

Постоянное сосуществование королевской семьи и большого общественного совета, несмотря на все эти превратности правления и свободы, является важным фактом. Этот совет, образованный сначала генеральной ассамблеей нации, впоследствии ограниченный участием крупных баронов и быстро принявший в свой круг представителей других социальных слоев, всегда был в Англии главным органом центрального правительства. Английской монархии никогда не удавалось изолировать себя от них и предоставить им избирательные права.

Его постепенное увеличение.

Оно сужалось или расширялось по причине изменений, происходящих в обществе, но оно всегда составляло условие и форму монархии. Народная свобода, так сказать, всегда

опиралась на центральную власть; нация никогда не была полностью отстранена от участия в своих собственных делах. Прогресс парламента был прогрессом самого правительства. Напрасно Палата общин была слабой и бездеятельной с самого начала: она действительно существовала и входила в состав королевского совета; она всегда присутствовала, чтобы в той или иной мере использовать любую возможность для расширения своего влияния и усиления своего положения и той роли, которую ей предстояло выполнять. В четырнадцатом веке его власть была очень ограниченной, его атрибуты - очень ограниченными, а его вмешательство в общественные дела - очень редким; но было невозможно, чтобы оно не увеличивалось с каждым днем. По сути, она значительно возросла со времен Эдуарда I до правления Генриха VI. Во время войн Алой и Белой Розы крупная феодальная аристократия уничтожила себя своими раздорами. Когда Генрих VII взошел на трон, больше не существовало группы крупных баронов, способных оказать вооруженное сопротивление королевской власти. Палата общин, хотя и укрепшая, еще не вышла из состояния неполноценности и была неспособна занять место крупных баронов в сопротивлении королевской власти. Отсюда тюдоровский деспотизм в шестнадцатом веке, единственный период, когда в Англии преобладали принципы абсолютной власти; но даже в том самом столетии Палата общин с каждым днем все глубже проникала в правительство, пока ее могущество полностью не проявилось в великой революции семнадцатого века.

Теперь я дал вам представление о промежутке между периодом окончательного формирования британского парламента и тем, когда он стремился получить все свое господство. В наших последующих лекциях мы рассмотрим основные этапы развития этого великого правительства на протяжении этих трех столетий.

Лекция XX.

Состояние и атрибуты парламента во время правления Эдуарда II. (1307-1327).

Империя фаворитов.

Борьба баронов против фаворитов.

Аристократические группировки.

Петиции королю.

Формы обсуждения этого вопроса.

Низложение Эдуарда II.

Правление Эдуарда I.

Чтобы объяснить, каким образом был сформирован британский парламент, я счел необходимым до этого момента следовать истории шаг за шагом, входить во все детали и собирать все факты, которые могли бы служить доказательствами либо его существования, либо его участия в государственных делах. Теперь у меня есть другая цель, которой я должен достичь,

и поэтому я должен следовать другим курсом. Парламент теперь окончательно сформирован; и если бы я продолжал излагать все факты, относящиеся к нему, и вести, так сказать, реестр всех его действий, я написал бы историю страны, а не историю ее институтов. То, что я пытаюсь описать, - это развитие представительного правления; и я буду избегать всех вопросов, не связанных с этой целью. Расширение, которое получил парламент, революции, которым он подвергся, — одним словом, его личная и внутренняя жизнь, составят предмет, на который должно быть направлено наше внимание.

Рассматривая правление Эдуарда I. с политической точки зрения, становится очевидным, что, несмотря на волнения, которыми оно было нарушено, во время этого правления существовали определенная целостность и единство в осуществлении власти. Эдуард был твердым и способным принцем, который хорошо знал, как концентрировать и направлять различные силы общества; в его лице государство имело центр и вождя. При Эдуарде II английское правительство утратило всякую прочность и единство: им не руководила разумная и решительная воля; у нации не было точки соприкосновения; веревочка в узле была порвана; все силы и все страсти проявлялись наудачу и вступали в конфликт с интересами отдельных лиц или группировок.

Империя фаворитов.

Чем при таком положении вещей мог бы быть парламент? Ничем или почти ничем, если бы он не был инструментом фракций. Группа баронов была тогда и долгое время оставалась преобладающей частью собрания: палата общин, хотя и была достаточно сильна, чтобы иногда защищаться, когда на карту были поставлены ее собственные интересы, была недостаточно могущественна, чтобы решительным образом вмешиваться в общественные дела и стать центром правительства. Таким образом, все вопросы решались между двором и баронами, или, скорее, между различными фракциями, на которые был разделен корпус баронов. Палата общин появлялась в свите той или иной партии, чтобы придать их очередным победам видимость национального единства, но никогда не определяя ход событий и даже не изменяя их каким-либо эффективным образом. Верховная власть и страна стали жертвой конфликтов и расколов высшей аристократии.

Чтобы ясно продемонстрировать, что таково было состояние институтов и центрального правительства в этот период, будет достаточно сослаться на три основных события этого правления.

Восстания баронов.

Первая - это конфликт, который английские бароны поддерживали против короля из-за фаворита Пирса Гавестона, которого, вопреки совету своего отца, избрал Эдуард II. упорно сохранял в себе уверенность. Фаворит и его приспешники впитали в себя всю власть и преимущества двора; и в 1311 году бароны, желая получить свою долю богатства и милостей, после того как испробовали все другие средства для его свержения, с оружием в руках потребовали его отставки. Их предприятие, очевидно, не было направлено ни на продвижение интересов народа, ни короля; это был бунт придворных. Они сражались не для того, чтобы отстаивать незыблемость хартий или прав, а для того, чтобы получить должности и сокровища фаворита. Тем не менее, они попытались придать своему восстанию национальную

окраску. Планы и меры великого парламента мятежников, заседавшего в Оксфорде во время правления Генриха III. были возрождены; Были назначены лорды-орденоносцы для реформирования государства; они добивались общественного благоволения путем отмены нескольких злоупотреблений; они постановили, что шерифами должны назначаться только владельцы земельной собственности; они ограничили право на закупки, которым обладала корона; и они запретили все выдачи королевских грамот-патентов, предписывающих приостановление обычного отправления правосудия. Но это были лишь внешние проявления, призванные скрыть эгоизм крупных баронов; их единственной целью было сделать себя хозяевами королевской власти, права назначать на высшие государственные должности и доходов короны. Они казнили Гавестона и захватили всю власть в свои руки. Представители графств и округов, присутствовавшие в парламенте, который приводил в исполнение эти планы, дали свое согласие; но они были простыми сторонниками восстания и не имели никакого влияния на правительство. Знатные бароны, пришедшие в парламент с оружием в руках и в сопровождении своих войск, держали все управление в своих руках.

Эдуард сбежал из-под опеки, наложенной на него коалицией баронов, только для того, чтобы попасть под влияние двух новых фаворитов, Хью ле Деспенсера, или Спенсера, и его сына. Возвышение этих двух придворных вызвало против них бурю, подобную той, которая свергла Гавестона. Новое восстание, вспыхнувшее в 1321 году, является вторым примечательным событием этого правления. Впервые это проявилось в приговоре, вынесенном двум Спенсерам великими баронами королевства. Они приняли его исключительно своей властью, без согласия ни палаты общин, ни короля, и в то же время вынудили короля даровать им амнистию для себя и своих приверженцев; вскоре после этого началась гражданская война, и бароны-конфедераты были побеждены. Эдуард созвал парламент в Йорке в 1322 году, на котором присутствовала палата общин, и который отменил сначала приговор в отношении двух Спенсеров, а затем все постановления, принятые лордами-орденоносцами в 1311 и 1312 годах, как противоречащие правам короля, а также законам и обычаям страны. Таким образом, независимо от того, побеждал ли суд или мятежники, парламент всегда санкционировал их триумф, исключая только всегда готовое обращение к гражданской войне, единственному верному средству принятия решения.

Низложение Эдуарда II.

Более того, очевидно, что богатства, нажитые благосклонностью двора и осуществлением королевской власти, были постоянным предметом зависти и фракций. В петиции, поданной королю в 1322 году Хью Спенсером старшим против баронов, которые осудили его, говорится, что они опустошили шестьдесят три его поместья или домены в пятнадцати различных графствах, - что они забрали 28 000 овец, 22 000 голов крупного рогатого скота, два урожая, один из его амбаров и житниц, и один из кукурузы на корню, 600 лошадей, большое количество провизии и продовольствия. все виды и полные доспехи для снаряжения 200 человек, — и что они, кроме того, нанесли ущерб его замкам и землям на сумму более 30 000 фунтов стерлингов. Таково было тогда богатство знатного английского барона, и в этом заключался неиссякаемый источник мятежей.

Третье событие, низложение Эдуарда II, представляет собой зрелище того же характера, что и два предыдущих события. Это было результатом новой конфедерации баронов, во главе которой встала королева Изабелла. Парламент, созванный в Вестминстере 7 января 1327 года, объявил недееспособным короля, находившегося в то время узником замка Кенилворт. Депутация, состоявшая из четырех епископов, двух графов, четырех баронов, по три депутата от каждого графства и нескольких горожан Лондона, Чинкве-Порте и других городов, была направлена, чтобы ознакомить его с решением парламента и формально отказаться от присяги на верность. Эту депутацию получил от Эдуарда II. его отречение от престола в пользу своего сына Эдуарда III, которому тогда было четырнадцать лет, под именем которого доминирующая фракция рассчитывала использовать верховную власть в своих интересах.

Несмотря на вмешательство Палаты общин в этот и предыдущие акты, ясно, что все дело было улажено аристократическими группировками, руководствующимися личными интересами и извлекавшими выгоду из неспособности короля присвоить себе правительство и все его преимущества. Ничто не указывает на какой-либо прогресс политических институтов и торжество национальных свобод. Правительство баронов после таких сцен стало еще более произвольным и деспотичным, чем правительство короля.

Прогресс парламента.

Тем не менее, примечательным фактом является то, что во всех этих случаях санкция парламента всегда рассматривалась как необходимая и как единственное средство прекращения и легализации актов насилия. Парламент, или, по крайней мере, Палата общин, был всего лишь пассивным инструментом в этом вопросе; но уже считалось невозможным обойтись без его согласия. Теперь, поскольку в природе этого инструмента заложено служить делу общественных свобод и рано или поздно приводить к их расширению, каждое обстоятельство, которое увеличивало его важность и устанавливало его необходимость, может рассматриваться как прогресс представительной системы.

Теперь я обращаю ваше внимание на основные парламентские факты этого периода и спрошу, в каких отношениях принципы свободного правительства были проявлены или внедрены в них.

Именно в это время парламент решительно стал центром, к которому были направлены все требования об устранении злоупотреблений, разрешении жалоб, изменении законов, одним словом, все петиции; он обладал этим характером с самого начала, но в менее расширенной степени. Когда парламент, или, скорее, группа баронов в парламенте в сборе, снова начала действовать как большой королевский совет, множество заявлений, которые ранее никогда не подавались или были адресованы только королю, были адресованы королю в парламенте и стали предметом обсуждения на его заседаниях. Таким образом, на заседании парламента в Вестминстере в 1315 году мы обнаруживаем, что было подано 268 петиций.

Эти петиции были двух видов. Некоторые были представлены палатой общин королю на совете и касались требований или жалоб, представляющих общий интерес. Другие были представлены отдельными лицами, корпорациями или городами и касались частных или местных интересов. Первый класс породил право инициативы; второй - право подачи петиций. Оба класса были адресованы королю, в руках которого находилась фактическая власть; и на которого, по этой

причине, возлагалась не только забота об общих потребностях государства, но и отдача должное особым интересам.

Практика рассмотрения петиций.

При открытии каждого парламента было установлено определенное количество дней для приема петиций. Определенное число лиц, главным образом судьи или советники короля, были назначены для их приема, изучения их характера, классификации в соответствии с их целями, выделения тех, которые должны были стать предметом обсуждения в самом парламенте, и, наконец, представления их парламенту. Это обсуждение было почти ограничено Палатой баронов, которые, как предполагалось, должны были сформировать большой посреднический совет между тайным советом короля и всем парламентом. Бароны, собравшись в тайном совете, обсуждали и принимали решения по требованиям Палаты общин в отношении вопросов, представляющих общий интерес. Если эти требования касались определенных жалоб на злоупотребления при осуществлении королевской власти или, например, на поведение шерифов, король отвечал на них только от своего имени, посоветовавшись со своим тайным советом, судьями или баронами, в зависимости от обстоятельств. Если в петициях содержалась просьба о каком-либо толковании или объявлении существующего закона, ответ давался таким же образом. Если они предлагали принять новый закон, король, когда он считал это удобным, предлагал этот закон парламенту; но в прежние времена это случалось очень редко; и когда петиция однажды подавалась, Палате общин обычно не оставалось ничего другого, как получить ответ короля.

Что касается тех петиций, которые исходили от отдельных лиц или организаций, не связанных с парламентом, и которые касались только вопросов, представляющих частный интерес, заседание парламента было выбрано просто как повод для их представления, потому что это было более благоприятное, чем любое другое время для получения ответа. Королевский совет принимал решения по всем тем петициям, которые не требовали вмешательства баронов или всего парламента.

Таким образом, подача петиций в этот период является очень сложным фактом, с которым связано не только право подачи петиций в Палаты парламента, но и право подачи петиций правительству в целом, право инициативы, юрисдикция палат парламента, короче говоря, множество институтов, необходимых для представительной системы, и каждый из которых необходимо рассматривать отдельно. Все они существовали, но в смутном и зачаточном состоянии, в этом изобилии всевозможных петиций, которые приводили в действие самые разные полномочия, а затем применялись без разбора. Эта первоначальная путаница, несомненно, была одной из главных причин универсальности власти британского парламента. Мы не можем сейчас подробно рассмотреть все институты, которые возникли из этого источника и постепенно распались, приняв отчетливую форму. Вопрос о праве на подачу петиции в том смысле, который придается ему в наши дни, сам по себе заслуживает нашего тщательного изучения и станет предметом нашей следующей лекции.

Условия предоставления субсидий.

Один конкретный факт свидетельствует о прогрессе, которого начала добиваться палата общин в понимании своей власти и прав. Не подлежит сомнению, что первоначально голосование по

поставкам всегда предоставляло им возможность добиться каких-либо уступок или удовлетворения своих претензий; это доказывается историей английских чартеров. Но в 1309 году, когда Эдуард II пожаловал к двадцатой части своего движимого имущества они недвусмысленно приложили условие, что "король должен принять это во внимание и предоставить им возмещение некоторых претензий, на которые они должны были пожаловаться". [Сноска 36]

[Сноска 36: Этих жалоб было одиннадцать, а именно:

1. Что королевские поставщики брали все виды провизии, не предоставляя никаких гарантий оплаты;
2. Что были введены дополнительные пошлины на вино, ткани и другой иностранный импорт;
3. Что из-за обесценивания монеты стоимость всех товаров возросла;
4. Что управляющие и маршалы королевского двора подали ходатайства, которые не входили в их компетенцию;
5. И осуществляли свою власть за пределами границы, то есть на расстоянии двенадцати лиг вокруг особы короля;
6. Что не было назначено клерков, как это было при последнем монархе, для приема петиций Палаты общин в парламенте;
7. Что чиновники, назначенные брать товары для использования королем на ярмарках и базарах, взяли больше, чем следовало, и получили прибыль от излишков;
8. Что в гражданских исках мужчинам было отказано в получении своего права на основании судебных приказов, скрепленных личной печатью;
9. Что преступники избегали наказания за свои преступления благодаря легкости, с которой были получены хартии о помиловании;
10. Что констебли замков проводили общие слушания у своих ворот без каких-либо полномочий; и
11. Что отщепенцы лишали мужчин их наследства, хотя те обращались в королевские суды. *Гниль. Парл. i. 441.*]

Эти жалобы существовали долгое время и сохранялись в течение значительного периода времени впоследствии; но Палата общин начала смотреть им прямо в лицо и год за годом настаивать на их устранении как на единственном условии, при котором они будут предоставлять поставки.

Статут 1322 года.

Закон, принятый в 1322 году парламентом в Йорке, который отменил приговор в отношении двух Спенсеров, гласил, что "отныне все законы, касающиеся имущества короны или королевства и народа, должны рассматриваться, утверждаться и утверждаться парламентом королем с согласия прелатов, графов, баронов и простых людей королевства". Это официальное признание права Палаты общин вмешиваться в законодательство страны и во все важные государственные дела.

Многие английские публицисты придают большое значение этому статуту и рассматривают его как первый акт, официально закрепивший основополагающий принцип британского правительства. Мне кажется, что это значение преувеличено. Принцип, провозглашенный этим

статутом, применялся на практике во многих предыдущих случаях, и тогда не было достаточно четких знаний о том, что составляло предмет законодательства и общих интересов, чтобы добиться соответствия ему на практике. Таким образом, отнюдь не факт, что Палата общин с этого времени и далее всегда пользовалась полномочиями, предоставленными им настоящим статутом. Тем не менее, официальное изложение этого принципа свидетельствует о прогрессе в идеях того времени.

Ошибки вигов и тори.

Таковы основные факты правления Эдуарда II в отношении состояния и действий парламента. В них не содержалось особо важных нововведений, но они возводят о консолидации и естественном прогрессе институтов, окончательно установленных при Эдуарде I. Авторы-консерваторы, отстаивая свою позицию относительно преобладающего влияния, которое оказывали крупные бароны во время правления Эдуарда II, пытались поставить под сомнение даже присутствие Палаты общин в нескольких парламентах того периода. Писатели-виги, со своей стороны, пытаются вывести из дошедших до нас доказательств присутствия Палаты общин аргумент в пользу их огромной важности и решающего участия в событиях. Первые ошибаются, когда отрицают присутствие Палаты общин в парламенте, поскольку им не удалось найти никаких распоряжений о созыве, адресованных шерифам; ибо постановления, предписывающие выплату жалованья представителям, сохранились почти для всех парламентах того периода. Последние выводят слишком обширные результаты из присутствия Палаты общин в парламенте: вне всякого сомнения, высшая аристократия, заседавшая в Палате лордов, тогда управляла делами почти исключительно в одиночку. Прогресс свободы не так быстр; самое важное, чтобы он был определенным. С тех пор он был определенным и получил большое развитие в течение двух последующих царствований.

Лекция XXI.

О петициях на заре представительного правления.

Положения по данному вопросу.

Преобразование права подачи петиций, которым обладают Палаты парламента, в право предложения и инициативы.

Петиции перестали адресоваться королю и представляются парламенту.

Происхождение права на расследование.

Необходимость полноты представительного правления.

Уловки и злоупотребления, порожденные правом подачи петиций.

Право на подачу петиции.

Обстоятельства, возникающие при возникновении института, хорошо рассчитаны для того, чтобы познакомить нас с его природой. В такие периоды события просты и возникают сами собой. До сих пор не было предпринято никаких усилий ни для того, чтобы избежать их, ни для изменения их природы, и состояние общества не настолько сложно, чтобы сделать невозможным достижение поставленной цели любыми, кроме тонких и косвенных средств.

По правде говоря, в чем заключается право на подачу петиции? Это право требовать возмещения ущерба или выражать желание. Такое требование, естественно, должно быть адресовано силе, которая способна удовлетворить желание или исправить нанесенный ущерб, — которая обладает властью и могуществом, достаточным для удовлетворения молитвы, содержащейся в прошении.

Соответственно, в четырнадцатом веке все петиции, независимо от того, исходили ли они от двух палат парламента или от лиц, не связанных с этими палатами, независимо от того, касались ли они общих или частных интересов, адресовались королю. Никому и в голову не приходило обращаться с петициями к самим Палатам; правил король; в его руках были как право, так и власть разрешать общественные или частные жалобы и удовлетворять требования нации. К нему обращались бароны, общины, корпорации и горожане всякий раз, когда у них возникала необходимость.

Подача петиций.

Король правил в своем совете, и из всех его советов парламент был самым выдающимся и обширным. В определенных случаях советы и молчаливое согласие парламента, в целом или частично, были необходимы для осуществления королевской власти. Таким образом, заседание парламента было естественной возможностью для представления всех петиций. Это был, так сказать, момент, когда нация и правительство встретились лицом к лицу, либо для совместного ведения тех дел, которые требовали их согласия, либо для предъявления тех взаимных требований, в которых они оба нуждались. Частные лица, естественно, воспользовались этой возможностью для представления своих собственных петиций, либо потому, что для удовлетворения их просьб было необходимо сотрудничество великих держав государства, либо потому, что они ссылались на требования, по которым король был компетентен принимать решения единолично, но на которые его внимание было бы тогда направлено более эффективно, поскольку они могли бы получить поддержку от покровительства баронов или депутатов, собравшихся на совет с королем.

Во всех случаях петиции адресовались королю в его совете, то есть самому правительству; и вдали от палат парламента, после получения и рассмотрения их, передачи правительству для принятия решения, именно король с помощью специально назначенных для этой цели должностных лиц принимал и рассматривал их, а затем привлекал внимание обеих палат к тем, чьи просьбы он не мог удовлетворить без их санкции. Таким образом, все жалобы и требования направлялись непосредственно власти, на которую была возложена обязанность принимать по ним окончательное решение; и впоследствии Палаты парламента вмешивались только в определенных случаях, и то в качестве необходимого совета.

Таков был примитивный и естественный факт. Однако прогресс репрезентативной системы полностью изменил ее направление и характер.

Мы видели, что в четырнадцатом веке петиции были двух видов; во-первых, те, которые составлялись или представлялись королю одной или обеими Палатами и касались жалоб более или менее общего характера; во-вторых, те, которые адресовались королю корпорациями или гражданами и касались коллективных или частных интересов. Теперь мы больше не имеем никакого отношения к первому классу этих петиций. Что касается палат парламента, то они превратились в право инициативы, более или менее эффективное и более или менее прямое. Это право, его важность и формы порождают вопросы совершенно иного характера. В настоящее время жалобы или требования, с которыми частные лица обращаются в законодательные органы власти, сами по себе называются петициями.

Утверждение права на подачу петиции.

Теперь больше нет вопроса о праве обращаться с такими требованиями к самой исполнительной власти, к правительству, которое в собственном смысле этого слова называется. Никто и не думает оспаривать право граждан добиваться таким образом удовлетворения своих жалоб или своих желаний. Равно как и то, что это право, само по себе столь простое и неоспоримое, иногда не приобретало большого политического значения и тем самым не вызывало оживленных дискуссий. В 1680 году Карл II, перестав на несколько лет созывать парламент, направил ему огромное количество петиций с требованием его созыва. Король в прокламации объявил их мятежными и отказался их принять; но, когда парламент, наконец, собрался, Палата общин приняла 27 октября 1680 г.:

1. Что подданные Англии имеют и всегда имели неоспоримое право обращаться к королю с петициями о созыве и заседании парламентов и об урегулировании жалоб.
2. Что выставлять такое прошение как нарушение долга и представлять его его Величеству как буйное или мятежное, значит предавать свободу подданного и способствовать замыслу ниспровергнуть древнюю правовую конституцию этого королевства и ввести произвол власти.
3. Чтобы был назначен комитет для расследования всех таких лиц, которые нарушили права субъекта ". [Сноска 37]

[Сноска 37: История парламента, том iv. стр. 1174.]

Только состояние кризиса могло привести к такой попытке уничтожить самое естественное из прав граждан — право обращаться к самому правительству, чтобы сообщить ему о своих желаниях, — и Хартия разумно не санкционировала и не ограничивала это. Право, на которое он дал санкцию и которое единственное теперь носит название *права на петицию*, - это право обращаться в обе палаты парламента с требованием об их вмешательстве либо в какой-либо вопрос общего законодательства, либо для удовлетворения частных жалоб. Этим правом ограничивается вопрос, который мы сейчас рассматриваем. Мы должны исследовать, как оно было введено в представительную систему правления и в каких отношениях различные формы, которые оно последовательно принимало, соответствуют различным стадиям развития этой системы.

Петиции в парламент.

На самом деле этого права не существовало в четырнадцатом веке; иными словами, никто не думал ни осуществлять, ни требовать его. Палаты парламента, и особенно Палата общин, сами были крупными общественными просителями. У них было вполне достаточно дел, чтобы предъявить и добиться удовлетворения своих собственных требований, не утруждая себя вмешательством в защиту частных интересов, к которым в то время обычно относились с гораздо меньшим вниманием. Более того, они были слишком слабо связаны с правительством, чтобы вмешиваться в детали его действий. Они не были ни резиденцией, ни центром власти. Их собрание длилось недолго. Ответы короля на их собственные требования обычно давались только во время следующего заседания. При таком положении вещей было естественно, что всечастные петиции направлялись непосредственно королю в совете, поскольку только из этого источника можно было ожидать возмещения ущерба.

Когда Палаты приобрели большее значение, заседали дольше и вмешивались во все важные общественные дела — когда, полностью и надежно овладев своими основными правами, они начали применять их на практике, вместо того чтобы ограничивать свои усилия по защите своего существования, — когда, одним словом, они приобрели в общественном мнении и в реальности последовательность публичных полномочий, связанных с управлением государством, стало естественным, что им подавались петиции против злоупотреблений или ошибок того правительства, которое они были назначены контролировать. Право подачи петиций в Палаты парламента тогда рассматривалось как естественное следствие права подачи петиций королю. Парламент всегда рассматривался и назывался большим советом короля. Этот совет, правда, обычно находился в оппозиции и конфликте с королевским правительством, которое все еще оставалось вне его и пыталось освободиться от его контроля; но древние традиции сохраняли свое влияние; одной части правительства была подана жалоба на ущерб, причиненный другой частью. Таким образом, новый способ подачи петиций не выглядел экстраординарным, и не было предпринято никаких попыток разрешить или запретить его. Он был введен в действие без возражений. [Сноска 38]

[Сноска 38: Г-н Халлам придерживается мнения, что вмешательство Палаты общин в рассмотрение петиций, касающихся вопросов, представляющих частный интерес, возникло исключительно из желания пресечь посягательства Тайного совета.

"С первых лет правления Генриха V, - говорит он, - хотя, я думаю, и не раньше, Палата общин начала интересоваться петициями отдельных лиц к лордам или Совету. ... Многие из предпочтительных для них просьб были такими, которые не могли быть удовлетворены без выхода за рамки закона. Палата общин уже давно проявляла справедливое беспокойство по поводу посягательств королевского совета; и, найдя увещевания безрезультатными, она приняла меры для предотвращения подобной узурпации законодательной власти, выразив собственное согласие на частные петиции. Теперь они были представлены Палатой общин и в очень многих случаях принимались в форме статута с явного согласия всех частей законодательной власти. Таково было происхождение частных законопроектов, которые занимают большую часть списков в парламенте Генриха V и VI".

(Средние века Халлама, том ii, стр. 224.)

Начиная с правления Эдуарда III. (1322), или, как считает мистер Халлам, с правления Эдуарда II. (1310), мы обнаруживаем, что обе Палаты при открытии сессии каждая назначает комитет с целью не только получения, но и рассмотрения петиций, чтобы выяснить истинность изложенных фактов, прежде чем петиции станут предметом обсуждения в парламенте. (Парламентская история, том i, стр. 230.) Сомнительно, получали ли комитеты непосредственно петиции, адресованные королю в совете, или же те, которые подпадали под юрисдикцию парламента, были переданы им должностными лицами короля. В 1410 году мы встречаемся с примером частной петиции, адресованной палате общин и переданной ими королю с их рекомендацией. (Отчет лордов-комиссаров, стр. 362.) О порядке подачи петиций как в Тайный совет, так и в Палату лордов см. Диссертацию Халлама о Тайном совете во втором томе его "Истории средних веков".]

Право инициативы.

Но когда была введена эта практика, сами Палаты парламента претерпели значительные изменения в форме и получили значительное развитие в том, что касается их внутреннего устройства, их процедур и их привилегий. Вместо тех петиций, которые с самого начала они привыкли подавать королю, было предоставлено право инициативы, и это право принадлежало каждому члену любой из двух палат парламента, который мог воспользоваться им, выдвинув, с такими формальностями и задержками, какие требовались обычаем, любое предложение, которым он считал уместным занять ассамблею.

Способ подачи петиций.

С правом инициативы было связано право расследовать все такие факты или действия, которые казались Палате достаточно важными, чтобы побудить ее пожелать досконально ознакомиться с ними, а затем принять по ним резолюцию либо о судебном преследовании, либо о порицании, либо просто высказать свое мнение. При поступлении в Дома, наделенные такими правами, петиции неизбежно принимали иной оборот, чем это было бы в случае отсутствия таких прав. И, во-первых, вошло в обычай, что они должны быть представлены членом церкви; первоначально этот обычай был не мерой предосторожности против злоупотребления правом подачи петиции, а естественной формой его осуществления. Поскольку каждый член пользовался правом привлекать внимание Палаты посредством предложения к любому конкретному вопросу, было естественно, что он пользовался этим правом всякий раз, когда он становился представителем в Палате требований своих избирателей или своих друзей. Таким образом, они приобрели авторитет, которого не могли бы получить иным способом; таким образом, Палата была вынуждена обсуждать не петицию, а ходатайство члена, который ее подал и который основал на ней предложение либо о расследовании, либо о выступлении, либо о судебном преследовании, либо о законе, либо о любом другом действии, на которое Палата имела право совершить. И каким бы ни было это предложение, оно было подвергнуто всем формальностям и всем задержкам, которые во всех случаях регулировали дебаты в ассамблее.

Таким образом, английские палаты парламента, наделенные всеми правами, необходимыми для осуществления над правительством тем или иным способом влияния, которое им по праву принадлежало, рассматривали представленные им петиции просто как возможность для осуществления этого влияния в силу этих прав. Они не выступали в качестве своего рода посредника между заявителями и правительством, от которого было окончательно потребовано удовлетворение жалобы; они также не направляли петицию правительству со своей собственной припиской с просьбой о принятии какого-либо акта, за исполнением которого они не могли наблюдать или принудить к исполнению. После его представления они больше не имели никакого отношения к петиции; если предложение, к которому оно привело, было принято, то начинался акт самой Палаты представителей, выполнявшийся со всеми обычными формальностями и завершавшийся резолюцией, которая принадлежала ей лично и которая ставила правительство перед тщательно обсужденным и четко выраженным мнением или волей собрания, которое разделяло с ним верховную власть в стране.

Порядок осуществления права на подачу петиции.

Когда, благодаря дальнейшему прогрессу, правительство оказалось, наконец, вынужденным закрепить свое место в палатах парламента, когда они снова превратились в великий национальный совет, публично обсуждающий и решающий государственные дела, петиции также были возвращены в их естественное состояние, в их первоначальное состояние, то есть, будучи адресованными палатам парламента, они были адресованы королю в совете, самому правительству, которое состояло в королевской власти, окруженной парламентским большинством и вынужденной оправдывать свои желания и действия нападками оппозиции, заседавшей в том же совете, в силу того, что они были направлены в парламента. с тем же названием и с теми же правами. Каковы были последствия этого? Каждая петиция, преобразованная членом Палаты представителей в ходатайство, приводит к регулярному противостоянию, проводимому в соответствии с обычными формальностями, между министерством и оппозицией. Исход этого конфликта полностью решает судьбу петиции, то есть результат, к которому она стремится; ей не нужно обращаться за решением куда-либо еще; Палата представителей не скомпрометировала себя легкомысленно и не вынесла свой вердикт необдуманно; и, за исключением случая подачи апелляции в новую Палату после роспуска, все ее действия, совершенные с соблюдением тех формальностей, которые дают гарантию их зрелости, непосредственно достигают своей цели.

Так обстояло дело с правом подачи петиций в Англии. Тесно связанный со всей системой представительного правления, он шел в ногу с прогрессом этой системы, приспособляясь к различным последовательным этапам ее развития и занимая один уровень с другими правами совещательных собраний. Таким образом, он был возвращен к своей истинной природе, которая заключается в постоянном провозглашении и утверждении в самом центре правительства жалоб и требований граждан, с тем чтобы обеспечить, после зрелого обсуждения, устранение первых и удовлетворение вторых.

Злоупотребление правом на подачу петиции.

Я не утверждаю, что этот результат всегда достигается в Англии; другие причины в определенных отношениях нейтрализовали естественную добродетель представительного правления и помешали ему произвести все свои законные результаты. Я просто говорю, что право подачи петиции приняло там свою разумную форму и что, если бы не действие причин, вызывающих общее изменение системы, оно посредством этой формы достигло бы цели, которую его защитники должны были бы предлагать самим себе.

Давайте теперь посмотрим, что должно произойти при ином положении вещей, когда представительное правительство, хотя, возможно, и менее измененное в некоторых деталях, тем не менее является гораздо более неполным. Будет видно, как право подачи петиций может вносить беспорядок в публичные органы власти государства и при этом оставаться почти иллюзорным.

Это гипотеза, на которой я стою. Я полагаю, что палаты парламента по праву наделены огромной властью, связанной с законодательством страны, голосованием по налогам, получением отчетов об управлении доходами государства, проведением своих публичных дискуссий и пользованием большой свободой в этих дебатах. Вне всякого сомнения, в общественном мнении они будут признаны обладающими миссией и полномочиями добиваться удовлетворения всех жалоб и всех законных требований, а также принуждать исполнительную власть действовать во всех случаях в соответствии с правосудием, законами и общими интересами страны. Именно от действий палат парламента общественность и граждане будут ожидать всего, чего они желают или на что надеются; и к ним они обратят свои взоры, чтобы получить это.

При таком настрое общественного сознания, если те же самые Палаты не обладают правом инициативы, или правом на расследование, или какой—либо позитивной внешней юрисдикцией — если не в их силах привести себя в движение и преследовать свои собственные цели - одним словом, если их средства прямого действия намного ниже их письменной миссии и ожиданий общественности, каковы будут последствия?

Очевидно, что и Палаты представителей, и общественность будут искать косвенные средства осуществления того влияния, которое по праву принадлежит им и которое фактически им вменяется. И если право подачи петиций было торжественно санкционировано, к нему будут прибегать, чтобы заменить недостаточные права, и с его помощью члены Палат будут стремиться получить тот контроль над всем правительством, которого их пытались лишить.

Кто не может понять, например, что право подачи петиций является реальным правом инициативы, поскольку его результатом является внесение в Палаты парламента вопросов, которые правительство не выдвигало, и инициирование дискуссий, которые инициировало не правительство? Таким образом, право инициативы, хотя и лишено членов Палат, принадлежит всем гражданам, первому встречному, даже с вымышленным именем. Избранник большого числа граждан не может провоцировать своих коллег обсуждать с ним торжественно поставленный вопрос; но если он покинет Палату, если он отбросит свою роль представителя и примет роль просителя, у него есть власть сделать это, и самый скромный гражданин обладает ею наравне с самим собой. Таким образом, вместо инициативы, полезность и уместность

которой гарантировались бы характером и положением членов Палат, подменяется инициатива, которая не защищена никакими гарантиями и которая не налагает моральных обязательств на человека, который ее осуществляет, поскольку он не является частью общественной власти, которую он приводит в движение.

И поскольку эта власть занимает очень высокое положение в общественном мнении, поскольку предполагается, что она обладает миссией и властью устранять любое зло, ее вмешательства будут требовать в делах любого рода; ее будут призывать обсуждать дела, в высшей степени чуждые ее атрибутам; и ее просители впоследствии будут удивлены, обнаружив, что ее действительная власть настолько ограничена по сравнению с необъятностью прав, которыми она, как предполагается, обладает.

Вскоре станет ясно, что в таком положении вещей есть беспорядок, и будут предприняты попытки исправить это. По возможности, на эту универсальную инициативу будут наложены ограничения. Средство правовой защиты появилось бы само собой, если бы каждый член законодательных собраний имел право вносить такие предложения, какие он сочтет уместными. Тогда получилось бы, как это произошло в Англии, что каждая петиция должна быть представлена членом парламента и должна стать, с его стороны, предметом ходатайства. Таким образом, сами члены совета применяли бы к петициям такого рода цензуру, от которой их невозможно освободить. В отсутствие этой цензуры изобретается другой вид; петиции передаются в комитет *ad hoc*, назначенный для их предварительного рассмотрения и привлечения внимания Палаты к тем, которые, по-видимому, заслуживают ее внимания; но кому принадлежит эта цензура? парламентскому большинству, которое назначает комитет. Это противоречит естественному порядку вещей. Петиции почти всегда принадлежат меньшинству. Меньшинство представляет и поддерживает их. Следовательно, меньшинство в этом отношении отдано на усмотрение большинства, цензура которого может стать средством тирании; тогда как, если бы право инициативы принадлежало всем членам, была бы установлена законная цензура, которая отказывалась бы выдвигать множество неподходящих петиций и не отклоняла бы и не откладывала ни одну из тех, которые обладают реальной важностью.

Обсуждение петиций.

После первого шага в осуществлении права, то есть после представления петиций, наступает их обсуждение. Если бы они могли быть представлены только членом комитета, это обсуждение было бы сопряжено со всеми задержками и формальностями, необходимыми для надлежащего регулирования законодательных дебатов. Например, первое ходатайство предполагает, что петиция должна быть прочитана; второе - что она должна быть напечатана; третье - что она является предметом расследования, или обращения к короне, или к закону. В ходе этого процесса были бы выяснены факты и сформированы мнения; и конфликт возник бы между меньшинством и большинством только в том случае, если бы последнее формально отказалось осуществить требуемое правосудие или выполнить выраженное пожелание. В другой системе, напротив, дебаты должны быть поспешными и запутанными; Палата представителей и правительство должны принять свою резолюцию за несколько мгновений, часто не до конца понимая, чего они требуют друг от друга или в чем отказывают друг другу. Петиции следуют одна за другой и сыплются одна на другую с быстротой, которая порождает иногда насилие, а иногда безразличие; и само право подачи петиций, таким образом, становится поводом для

беспорядков или к нему относятся с некоторым легкомыслием и пренебрежением, что компрометирует его в законодательных палатах, а также компрометирует Палаты в глазах общественности.

Право на расследование.

Способ, которым петиции вносятся в Палаты, является не единственной причиной столь порочного способа рассмотрения, но отсутствие права на проведение расследования также в значительной степени способствует этому. Каждая петиция, полученная одной из Палат, требует принятия резолюции с ее стороны; следовательно, есть нечто большее, чем просто необычность в том, что она лишена возможности принять эту резолюцию с полным знанием дела. Большим недостатком представительного правления является то, что, неизбежно приводя к систематической организации и постоянному конфликту партий, оно обычно разделяет истину на две части и побуждает людей никогда не рассматривать вопросы более чем с одной стороны и видеть только половину идей или фактов, на основе которых должно приниматься их решение. Это, без сомнения, система преувеличения и пристрастия; и это зло в определенной степени неизбежно. Поэтому все средства его уменьшения имеют огромное значение. Итак, наиболее эффективным, бесспорно, является принуждение противоположных мнений объединяться в определенных случаях в общем поиске истины. Таково действие права на расследование. Когда эти мнения достигнут момента принятия решения, не будучи приведены в соприкосновение или ознакомлены друг с другом, не будучи вынуждены сообщать друг другу мотивы и факты, их решение будет в основном продиктовано духом партии и предшествующими обязательствами, которые не испытывали необходимости изменять его. С другой стороны, все, что привлекает меньшинство и большинство к присутствию до того момента, когда они должны появиться публично и объявить свое решение, отвлекает их на время от их привычной сферы и побуждает их расширять или корректировать свои идеи. Особенно это касается фактов. Крайне неудобно, если все сообщения такого рода могут быть сделаны только с трибуны и в разгар решающего боя; ибо тогда они отвергаются и едва ли когда-либо влияют на решение. Таким образом, поскольку отсутствие права на расследование оставляет партии в их естественном невежестве и примитивной грубости, это наносит ущерб не только доброте специальных резолюций совещательных собраний, но и мудрости их общих договоренностей.

Кроме того, когда отсутствует право на запрос, его отсутствие обеспечивается таким же образом, как и отсутствие права инициативы, правом подачи петиции. Поскольку невозможно провести серьезное и полное расследование какого-либо конкретного вида злоупотреблений, которые, по-видимому, имели место в правительстве, выдвигаются и множатся особые жалобы. Итак, право подачи петиции не более компетентно заменять право запроса, чем право инициативы. Разоблачение злоупотреблений или жалоб, которые оно вызывает, по самой природе вещей полно путаницы и ошибок; вопросы редко преподносятся без предубеждения и с обобщенностью. И все же, из-за самого факта, что нет возможности вдаваться в детали и исследовать их во всех отношениях, люди невольно склоняются к тому, чтобы доверять этим жалобам. Никогда требования, предъявляемые самой Палатой общин для удовлетворения жалоб, не были столь многочисленными и ожесточенными, как в те времена, когда ей разрешалось обращаться с ними только к королю и не разрешалось ни проводить их

тщательное расследование ее собственными членами, ни обобщать их в виде совокупности фактов, сопровождаемых удовлетворительными доказательствами.

Необходимость Полноты Представительного правления.

Наконец, когда представительная система правления завершена и обеспечена всеми правами и всеми средствами действия, которые ей необходимы для достижения своих целей, право подачи петиций - это не что иное, как право привлекать внимание палат парламента через посредство одного из их членов к любому конкретному вопросу или действию правящей власти. Когда эта первая провокация в виде петиции была осуществлена, петиция достигла своей цели; больше ничего не требуется, кроме обсуждения и принятия решения самой Палатой представителей, которое происходит в соответствии с обычными формальностями, как если бы оно возникло внутри самой ассамблеи и независимо от всех отношений с внешним миром. Таким образом, осуществление права, которое должно принадлежать всем гражданам, согласуется с достоинством публичной власти нации и со зрелостью, приличествующей их действиям. Таким образом, все жалобы могут требовать возмещения ущерба, все желания могут быть выражены, не приводя к какому-либо беспорядку, какой-либо поспешности или какому-либо подрыву процедуры больших совещательных органов. Когда, напротив, эти совещательные органы сами лишаются прав и средств действия, необходимых им для выполнения своего предназначения, право подачи петиций становится незаконным и часто насильственным средством, с помощью которого общественность и законодательные палаты пытаются восполнить свои недостатки. И тогда это право всеми практиками, которым оно поддается, и порочным способом обсуждения, который оно влечет за собой, создает, в свою очередь, новые беспорядки, которые люди берутся исправлять, налагая на само право ограничения или кандалы, которые были бы совершенно бесполезны, если бы законодательные палаты были наделены всеми подобающими им средствами действия. Политическая свобода имеет общее с наукой в целом; она наиболее опасна, когда является неполной. История британского парламента доказывает это на каждом шагу.

Лекция XXII.

Состояние парламента при Эдуарде III.

Развитие власти Палаты общин.

Их сопротивление королю.

Регулярность созыва парламента.

Меры, принятые для обеспечения безопасности его заседаний.

Разделение парламента на две палаты.

Спикер Палаты общин.

Твердость Палаты общин в отстаивании своего права взимать налоги.

Отчеты правительства о сборе налогов.

Присвоение средств, выделенных парламентом.

Парламентское законодательство.

Разница между статутами и постановлениями.

Правление Эдуарда III.

До сих пор мы встречались только с политической борьбой между королем и его баронами или между противоположными аристократическими фракциями; палата общин до сих пор занимала лишь второстепенное место; они едва ли оказывали какое-либо прямое влияние на общие дела, на правительство в собственном смысле этого слова; а если они иногда и вмешивались в управление страной, то лишь в качестве вспомогательного средства или инструмента какой-либо определенной фракции.

Правление Эдуарда III. представляет собой другой аспект; конфликт между королем и его баронами прекратился, и вся крупная аристократия, кажется, сгруппировалась вокруг трона; но в то же время Палата общин сформировалась в единый орган, самостоятельный и могущественный сам по себе. Они не стремятся вырвать верховную власть из рук короля и баронов; у них не хватило бы на это сил, да они и не помышляют об этом; но они сопротивляются любому посягательству на те права, которые они начинают познавать и ценить; они приобрели сознание собственной важности и знают, что все общественные дела должным образом находятся в их ведении. Наконец, либо своими петициями, либо своими дебатами по поводу налогообложения они с каждым днем получают все большую долю в правительстве, осуществляют контроль над делами, о которых пятьдесят лет назад они и слухом не слыхивали, и становятся, одним словом, неотъемлемой и почти незаменимой частью великого национального совета и всей политической машины.

Влияние Общего Собрания.

Таким образом, если до сих пор политическим аспектом Англии был конфликт крупных баронов с королем, то со времен правления Эдуарда III сопротивление палаты общин королевскому правительству, обычно формируемому и поддерживаемому баронами, становится великим фактом истории. Я не случайно использую здесь слова *конфликт* и *сопротивление*.

Фактически, в первый период бароны боролись не только за защиту своих прав, но и за то, чтобы захватить верховную власть и навязать королю свое собственное правление.

Следовательно, этот конфликт был не чем иным, как перманентной гражданской войной. Но во второй период этого уже не было; мы не слышим ни о восстаниях, ни о гражданских войнах: при Эдуарде III, по крайней мере, палата общин не вооружается, чтобы напасть на правительство силой; но они оказывают ему политическое сопротивление, они постоянно протестуют против злоупотреблений и произвола центральной власти. Вместо того чтобы направлять свои нападки против самого короля, они возлагают всю вину на его министров и начинают утверждать и популяризировать принципы парламентской ответственности. Наконец, они полностью

отделяются от крупных баронов, действуют самостоятельно и становятся настоящими хранителями гарантий общественных свобод.

Это была великая революция, и она подготовила путь для всех остальных. Чем тщательнее мы исследуем события правления Эдуарда III, тем больше доказательств этой важной перемены мы обнаружим. Я ограничусь кратким изложением этих доказательств, перечислив общие факты, характеризующие это царствование.

Первым из этих фактов является беспрецедентная ранее регулярность, с которой созывался парламент. Соответствующая мера была принята с этой целью в 1312 году, во время правления Эдуарда II, лордами-орденоносцами. Впоследствии мы встречаемся с двумя статутами, касающимися созыва этого собрания, один из которых был принят в 1331 году, а другой - в 1362 году. Наконец, в 1377 году, в последний год правления Эдуарда III, палата общин сама потребовала в петиции, чтобы заседания парламента проводились регулярно каждый год. Любопытно сравнить эту петицию с просьбами, адресованными королю при предыдущих правлениях членами Палаты общин с просьбой освободить их от работы в парламенте: теперь они начали чувствовать, что их миссия была не бременем, а правом.

Парламенты Эдуарда III.

Во время правления Эдуарда III мы можем перечислить сорок восемь сессий парламента, что составляет почти одну сессию в год.

Парламент также не просто обеспечивал регулярность своего созыва; в то же время он принимал меры для обеспечения безопасности своих заседаний. В 1332 году королевская прокламация запретила всем лицам носить кольчуги или любое другое наступательное или оборонительное оружие в тех городах, в которых заседал парламент; она также запретила все игры и развлечения, которые могли помешать работе собрания. Частое повторение прокламаций такого рода возвещает о создании регулярного собрания.

Также именно во время правления Эдуарда III, в 1313 году, мы впервые слышим о разделении парламента на две палаты. Согласно историческим документам того года, прелаты, графы и бароны, с одной стороны, и представители графств и округов, с другой, заседали в Вестминстере, первые в Белой палате, а вторые в Расписной Палате; и обсуждали таким образом вопрос о мире с Францией.

Наконец, также в конце этого правления, в 1377 году, в списках парламента впервые упоминается спикер Палаты общин; сэр Томас Хангерфорд - первый человек, которому был присвоен этот титул. Раньше Палата представителей выбирала одного из своих членов всякий раз, когда возникала необходимость выступить от ее имени либо перед королем, либо в парламенте в полном составе: и, вероятно, в 1377 году она начала назначать своего спикера на всю сессию и в ее начале.

Сроки полномочий парламента.

Утверждалось, что во время этого правления и в более ранние времена каждая сессия парламента включала в себя новые выборы; и что право переносить работу существующего парламента на новую сессию не принадлежало королю. Это ошибка. Было необходимо, чтобы каждый год проводилась сессия парламента, но не выборы. Следующий факт подтверждает это. Парламент, состоявшийся при Эдуарде I. в 1300 году, возобновил свою сессию в 1301 году. Судебные приказы созывают депутатов предыдущего года, за исключением случаев, когда новые выборы были необходимы в связи со смертью или абсолютной нетрудоспособностью. В 1305 году король объявил перерыв в работе парламента 21 марта и разрешил депутатам вернуться домой, *"Несмотря на почтение к престолу и освобождение от ответственности, в течение часа они должны вернуться без промедления."* — "При условии, что они должны вернуться с готовностью и без промедления, в то время, когда они могут быть отозваны ранее". В 1312 году, во время правления Эдуарда II, парламент распался, просидев два месяца, и в тот же день король направил шерифам судебные приказы, приказав им отправить "тех же рыцарей и граждан — *eosdem milites et cives*" в Вестминстер 2 ноября следующего года, "в тот же парламент, который, по нашему мнению, должен оставаться там — *ad idem Parliamentum quod ibidem duximus continuandum*". Этот парламент, отложенный таким образом, фактически заседал со 2 ноября по 18 декабря, после чего был распущен. В 1329 году, во время правления Эдуарда III, парламент, заседавший в Солсбери с 15 по 31 октября, был перенесен в Вестминстер, где провел вторую сессию с 10 по 22 февраля 1330 года. Мы встречаемся с подобными примерами в 1333 и 1372 годах. Таким образом, парламенты избирались не ежегодно, и право отсрочки было в полной силе.

Таким образом была разработана и регламентирована внутренняя конституция парламента: таким образом, вместо того, чтобы быть просто случайным собранием, ограниченным достижением единственной цели, оно постепенно приобрело статус политического собрания с периодическими обязательствами.

Голосование по налогам.

Вторым общим фактом, подтверждающим выдвинутые мной взгляды, является голосование по налогам. Пожалуй, нет царствования, которое представляло бы столько примеров произвольных и незаконных сборов, как правление Эдуарда III., и все же нет ни одного, которое внесло бы более весомый вклад в обеспечение торжества принципа, согласно которому налоги являются законными только тогда, когда они предоставляются свободно. Этот принцип постоянно упускался из виду практически королем, который был вынужден сталкиваться с необходимостью, вызванной отчасти его войнами, а отчасти плохим управлением его доходами. Все его царствование прошло в попытках вернуть себе, в формах более или менее косвенных, право облагать своих подданных налогом по своему усмотрению; но палата общин, со своей стороны, никогда не переставала протестовать против этих усилий, иногда связывая отмену произвольного налога с предоставлением законной субсидии, а иногда пытаясь ввести принцип необходимости согласия во все те способы, которыми король пытался этого избежать. Благодаря их настойчивости властные схемы были если не всегда расстроены, то, по крайней мере, всегда разоблачены и, таким образом, оказались бессильными на будущее.

Примеры этого конфликта имеются в большом количестве в парламентах 1333, 1340, 1347, 1348 и 1349 годов, которые, как правило, были заполнены только жалобами общин, требующих либо отмены, либо уменьшения несправедливых и незаконных налогов, которые были введены без их согласия. На все эти требования король отвечал иногда официальным отказом, иногда ссылкой на согласие, данное ему лордами, а иногда заверением, что налог не будет взиматься в течение какого-либо периода времени; но если палата общин угрожала отказать ему в новых субсидиях, он чувствовал себя вынужденным удовлетворить эти требования некоторыми новыми уступками.

Палата общин сохранила свои права не только твердой рукой при голосовании по налогам; она также расширила их за пределы предоставления субсидий в двух важных случаях. В 1340 году парламент, подозревая, что часть одобренных им субсидий не попала в королевскую казну, назначил определенных лиц для получения счетов сборщиков налогов и потребовал от них предоставить обеспечение для выплаты всего, что они получили. Это первый случай представления парламенту какого бы то ни было отчета в отношении налогов; он начал с желания убедиться в достоверности поступлений и, таким образом, сделал первый шаг к утверждению своих прав на получение отчета об использовании средств, то есть об их расходовании. В 1354 году мы наблюдаем зарождение другого парламентского права - права на присвоение государственных средств. Парламент, устанавливая налог на шерсть, добавил к своему голосованию условие, что деньги, полученные от этой субсидии, должны быть направлены на расходы по ведению войны, а не на какие-либо другие цели.

Участие в законодательстве.

В конце концов, неудивительно, что король и его парламент постоянно расходились во мнениях относительно субсидий и постоянно допускали друг у друга ошибки в подсчетах. Тогда не было возможности заранее оценить поступления и расходы. Король ввязался в расходы, не зная, в какую сумму они составят; и парламент проголосовал за субсидию, не зная, что она даст. В 1371 году парламент выделил субсидию в размере 50 000 фунтов стерлингов, которая взималась по ставке 22s. 3d. с каждого прихода, что предполагало существование 45 000 приходов в Англии. Однако оказалось, что их было всего 9000. Король созвал большой совет, на который он пригласил только половину депутатов последнего парламента, по одному от каждого округа и местечка, "чтобы сэкономить на расходах — *ad parcendum sumptibus*." Этот вопрос был вынесен на рассмотрение этого совета, который установил размер взноса для каждого прихода в размере 116s. вместо 22 шилл. 3., чтобы собрать сумму в 50 000 фунтов стерлингов. Такое невежество неизбежно должно было сопровождаться большим беспорядком.

Третьим общим фактом, доказывающим значительное повышение значимости парламента в этот период, является его участие в законодательстве. Когда мы открываем собрание статута этого правления, мы находим в начале каждого статута одну из двух следующих формул: "*A la requeste de la commune de son roialme parlitions of mises devant lui et son conseil, parlet assent des prélatz, comtes, barons, et autres grantz, au dit Parlement assembles*" и т. Д. [Footnote 39] Or: "*Par assent des prélatz, comtes, et barons, et de tote la, commune du roialme, au dit Parlement assembles*," &c. [Footnote 40] Sometimes the statute begins with these words: "*Ce sont les choses que notre seigneur le roi, les prélatz, seignours, et la commune ont ordiné en ce présent Parlement*." [Сноска 41]

[Сноска 39: "По просьбе общин его королевства, по их петициям! представлено ему и его совету и с согласия прелатов, графов, баронов и другой знати в упомянутом парламенте, собравшемся".]

[Сноска 40: "С согласия прелатов, графов и баронов и всех общин королевства в упомянутом парламенте, собравшемся".]

[Сноска 41: "Это то, что наш господин король, прелаты, лорды и общины установили в этом нынешнем парламенте".]

Боеприпасы и Уставы.

Все эти формулы выражают участие Палаты общин в законодательстве страны; и доказывают, как я уже отмечал, что это участие обычно осуществлялось путем представления петиций королю; лорды обсуждали эти петиции, которые впоследствии были преобразованы королем в статуты, не возвращаясь в Палату общин для получения ее прямого согласия в форме статуты. Соответственно, поскольку Палата общин не вмешивалась в принятие статуты каким-либо прямым голосованием, их петиции часто искажались и изменялись; а статуты, которые составлялись либо судьями, либо членами тайного совета, не всегда точно передавали их смысл. Вероятно, именно с целью устранения этого неудобства в парламенте 1341 года определенное количество прелатов, баронов и королевских советников, а также двенадцать рыцарей графств и шесть горожан были назначены комиссией с целью преобразования в статуты таких петиций, которые привели к принятию мер общего законодательства.

Но все петиции Палаты общин не были преобразованы в статуты; они часто давали повод просто для постановлений. Было написано много диссертаций на тему различия между законодательными актами, обозначаемыми этими двумя словами. Утверждалось, что указы издавались единолично королем, по совету лордов, но без согласия Палаты общин. Первоначально это различие было неправильным, поскольку большинство указов издавались, точно так же, как были приняты статуты, по запросу Палаты общин. Таким образом, в 1364 году, когда парламент пожелал принятия законов о роскоши, король потребовал от обеих палат через канцлера, "будут ли они рассматривать такие вопросы, о которых они договорились, в порядке постановления или статута?" И они ответили: "В порядке постановления, чтобы они могли изменить то же самое по своему усмотрению". [Сноска 42] Из этого ответа был сделан вполне обоснованный вывод, что природа статуты должна была быть постоянной, тогда как постановления были лишь временными.

[Сноска 42: История парламента, том i, стр. 128.]

Постановления не вносились, подобно статутам, в списки заседаний парламента; они были менее торжественны по своему характеру, хотя их цель часто касалась вопросов, в равной степени законодательных и представляющих в равной степени общий интерес, таких как установление юрисдикции или наказаний. Четко отличить постановления от статуты не легче, чем великие советы от так называемых парламента в собственном смысле этого слова. Все, что мы можем сказать, это то, что этому классу законодательных мер придавалось меньшее значение и стабильность.

Хранители мира.

Законодательные меры не всегда принимались по ходатайству Палаты общин; король также пользовался правом инициативы не только в вопросах налогообложения, но и в отношении всех других предметов, представляющих общий интерес. Так, в 1333 году сэр Джеффри Скруп из Маркхэма в присутствии короля и по его приказу проинформировал прелатов, графов, баронов и другую знать о беспорядках, совершенных в стране бандами вооруженных мародеров; указал на необходимость подавления их бесчинств; и потребовал от них предложить королю такие меры, которые они сочтут подходящими для достижения этой цели. После этого прелаты удалились, сказав, что им не подобает обсуждать подобную тему. Остальные дворяне посовещались между собой и предложили королю ряд постановлений для поддержания общественного спокойствия. Эти правила были зачитаны в присутствии знати, рыцарей графств и "палаты общин—генза коммун", которые все дали свое согласие с ними, и вследствие этого были приняты необходимые меры. Результатом этого обсуждения стало восстановление в должности *Блюстителей мира*, которые были временно назначены графом Лестером во время правления Генриха III и которые были предшественниками мировых судей.

В конце концов, легко представить, что в четырнадцатом веке существовали противоречивые представления о том, что имеет значение для законодательства, а что нет; поскольку в наши дни мы не только чувствуем, но и формально признаем невозможность установить предела *приори* философским и абсолютным образом.

Лекция XXIII.

Продолжение истории развития Палаты общин парламента в период правления Эдуарда III.

Их вмешательство в вопросы мира и войны; и во внутренний мир королевства.

Их сопротивление влиянию папы Римского и национального духовенства в мирских делах.

Первые попытки Палаты общин пресечь злоупотребления на выборах.

Первые признаки совместной работы комитетов обеих палат по расследованию определенных вопросов.

Политические полномочия, принятые парламентом.

Палата общин во время правления Эдуарда III расширила и укрепила свои права не только в вопросах налогообложения и общего законодательства. Его вмешательство в управление общественными делами, в политику в собственном смысле этого слова, приобрело в этот период невиданный ранее и совершенно новый характер. Оно начало действительно принимать участие в управлении государством. Это подтверждается множеством фактов.

Во-первых, в вопросах мира и войны его вмешательство стало в этот период привычным и почти необходимым. Мне кажется, мистер Халлам ошибся в этом вопросе; он придерживается

мнения, что только король в четырнадцатом веке желал, чтобы Палата общин вмешивалась в вопросы такого рода, чтобы он мог возложить на них ответственность, но они постоянно отказывались брать ее на себя. Я думаю, что это утверждение неверно. Палата общин четырнадцатого века часто стремилась к этой власти и пользовалась ею, а также принимала на себя сопутствующую ответственность; и они всегда от этого сильно выигрывали. Основные факты таковы. В 1328 году, во время несовершеннолетия Эдуарда и пока Мортимер правил от его имени, с согласия парламента был заключен мирный договор с Шотландией, который полностью освободил это королевство от всякого феодального подчинения Англии. Здесь прямо упоминается Палата общин; и мы можем предположить, что Мортимер стремился таким образом скрыть свою собственную ответственность за позорный договор. В 1331 году Эдуард консультировался с парламентом по вопросу о мире или войне с Францией из-за своих континентальных владений, а также из-за планируемого путешествия в Ирландию. Парламент высказал свое мнение в пользу мира и отъезда короля в Ирландию. В 1336 году он призвал короля объявить войну Шотландии, заявив: "Что король больше не может с честью мириться с обидами, ежедневно наносимыми ему и его подданным шотландцами". [Сноска 43]

[Сноска 43: История парламента, том i, стр. 93.]

В 1341 году, после первых побед Эдуарда во Франции, парламент подтолкнул его к продолжению войны и предоставил ему крупные субсидии; и все классы общества восторжествовали, чтобы поддержать короля в конфликте, который стал национальным. В 1343 году был созван парламент, чтобы рассмотреть и посоветовать, что лучше всего сделать при существующем положении дел, особенно в отношении договора, недавно заключенного королем со своим врагом, королем Франции. Сэр Бартоломью Бюргерш заявил парламенту, что "поскольку война была начата по общему совету прелатов, великих людей и палаты общин, король не мог вести переговоры или заключить мир без подобного согласия". [Сноска 44]

[Сноска 44: там же, стр. 106.]

Обе палаты совещались отдельно и высказали свое мнение, что королю следовало бы заключить мир, если бы он мог добиться перемирия, которое было бы почетным и выгодным для него и его друзей; но если нет, палата общин заявила, что они будут помогать и поддерживать его ссору всеми своими силами. В 1344 году, когда он разорвал перемирие с королем Франции, парламент, после консультаций, проявил желание мира, но подумал, что этого можно добиться, только энергично продолжая войну, и проголосовал за выделение крупных субсидий на эти цели. В 1348 году война становилась все более обременительной; всех субсидий оказалось недостаточно; и король снова проконсультировался с парламентом "относительно войны, предпринятой с его согласия". Палата общин, поняв, что они зашли чересчур далеко в своих формулировках, теперь проявила большую сдержанность и ответила, "что они не в состоянии что-либо посоветовать относительно войны и поэтому желают, чтобы их освободили по этому вопросу; и что королю посоветуют его дворяне и совет, и на то, что будет определено ими, они согласятся, подтвердят и установят". [Сноска 45]

[Сноска 45: История парламента, том i, стр. 115.]

Французские войны.

В 1354 году лорд-камергер по приказу короля проинформировал парламент: "Были большие надежды на установление мира между Англией и Францией, однако король не стал бы ничего заключать без согласия своих лордов и общин. А потому он потребовал от них, от имени короля, согласятся ли они на мир, если его можно будет заключить по договору". На это палата общин сначала ответила, "что то, что должно быть угодно королю и его совету при заключении этого договора, должно быть угодно и им"; но когда их снова спросили, "Согласны ли они на вечный мир, если он может быть заключен", все они единодушно воскликнули: "Да!" Да! [Сноска 46] Наконец, 25 января 1361 года, когда мир был заключен Бретиньянским мирным договором, был созван парламент, договор был представлен на рассмотрение и получил одобрение, а 31-го числа в Вестминстерском кафедральном соборе состоялась торжественная церемония, на которой все члены парламента, как лорды, так и члены палаты общин, по отдельности поклялись на алтаре соблюдать мир.

[Сноска 46: там же, стр. 122.]

В 1368 году переговоры с Шотландией были представлены на рассмотрение парламента; король Шотландии Дэвид Брюс предложил мир при условии освобождения его от всякой дани короне королю Англии. Лорды и палата общин ответили, "что они ни под каким видом не могут согласиться ни на какой такой мир без ущерба для короля, его наследников и короны, которые они сами поклялись защищать, и поэтому должны посоветовать ему не прислушиваться ни к каким подобным предложениям"; [Сноска 47] и они проголосовали за выделение крупных субсидий на продолжение войны.

[Сноска 47: Там же. том i. стр. 131.]

В 1369 году король проконсультировался с парламентом относительно того, следует ли ему возобновить войну с Францией, поскольку условия последнего договора не были соблюдены; парламент посоветовал ему это сделать и проголосовал за субсидии.

Эти факты доказывают самое прямое и постоянное вмешательство Палаты общин в вопросы мира и войны. Они также не стремились уклоняться от этой ответственности, пока война была успешной и общенациональной. Когда субсидии стали чрезмерными, они проявили большую сдержанность, заранее высказав свое мнение. Когда фортуна решительно отвернулась от Эдуарда III в конце его правления, Палата общин, как мы сейчас увидим, воспользовалась правом вмешательства, которое они приобрели, чтобы также завладеть правом импичмента министрам, которым они приписывали несчастья того времени. Все это вытекает из естественного хода вещей и ясно демонстрирует постоянно растущее влияние Палаты общин в политических вопросах.

Влияние на Администрацию.

Что касается внутреннего управления страной, то их прогресс был не менее заметен. До правления Эдуарда III. все попытки посягнуть на центральное правительство исходили от баронов; именно бароны при Генрихе III. и Эдуард II воспользовались правом назначать на высокие государственные должности и распоряжаться доходами государства. В 1342 году Палата общин предприняла аналогичную попытку, менее прямую и высокомерную по своему характеру, но стремящуюся к той же цели более регулярными и лучше подобранными

средствами. Пользуясь нуждами короля, который в то время был лишен средств и совершенно неспособен продолжать войну с Францией, они представили ему две следующие петиции:

1. "Чтобы определенные уполномоченные могли заслушать отчет тех, кто получал шерсть, деньги или другую помощь для короля, и чтобы то же самое могло быть зарегистрировано в канцелярии". На это король согласился при условии, что казначей и лорд-главный барон будут членами комиссии.

2. "Чтобы канцлер и другие должностные лица государства могли быть избраны открытым парламентом и в то же время были открыто приведены к присяге соблюдать законы страны и Великую хартию вольностей". На это также согласился король, но с такими ограничениями: "Что если какая-либо такая должность из-за смерти или другой неудачи занимающего ее лица станет недействительной, выбор оставаться исключительно за королем, и он принимает на это согласие своего совета; но что каждый такой чиновник должен быть приведен к присяге в следующем парламенте, согласно петиции; и что каждый парламент, следующий за королем, вернет в его руки все такие должности, так что упомянутые должностные лица будут обязаны отвечать на все возражения". [Сноска 48]

[Сноска 48: История парламента, том i, стр. 104.]

Эти решения были немедленно преобразованы в статуты. Канцлер и казначей, а также судьи и другие должностные лица короны должны были поклясться соблюдать их на Кентерберийском кресте. Канцлер, казначей и несколько судей выразили протест против этого акта, как противоречащего их первой присяге и законам королевства; их протест был внесен в списки парламента, но статут, тем не менее, был окончательно принят. Палата общин добилась теперь наиболее официального признания ответственности министров перед парламентом. Только самые насущные потребности требовали согласия от короля. Едва парламент был распущен, как король только своей собственной властью официально отменил статут приказами, адресованными всем шерифам; и в высшей степени странным обстоятельством является то, что столь незаконный акт не вызвал возражений и что статут был отменен самим парламентом в следующем году.

Вмешательство в дела министров.

Однако сама попытка была большим шагом. Это доказывает, что две фундаментальные идеи овладели умами представителей Палаты общин; во-первых, что парламент должен оказывать определенное влияние на выбор министров короля; во-вторых, что эти министры должны нести ответственность перед парламентом за свое поведение. Что касается первого пункта, Палата общин четырнадцатого века использовала очень плохой метод его получения, утверждая, что их влияние на выбор представителей верховной власти должно быть прямым, и непосредственно вмешиваясь в назначение министров; они чрезвычайно ослабили, если не уничтожили полностью, ответственность министров: и прогресс представительного правления доказал, что косвенное влияние, оказываемое в таких вопросах большинством парламента, единственно допустимо и эффективно. Но для Палаты общин было великим событием достичь такого роста, чтобы осмелиться придерживаться такого представления о своих правах. Они возобновили осуществление этих прав с большим успехом в конце этого правления. Король был стар и немощен; его оружие повсюду терпело неудачу; при его дворе множились злоупотребления; Эдуард попал под влияние фаворитов; один из его сыновей, герцог Ланкастерский,

единственный пользовался его благосклонностью и злоупотреблял ею; женщина по имени Алиса Перерс или Пирс, обладала на него постыдным влиянием, которое она использовала главным образом для защиты интересов своих друзей в судах. Ее часто можно было видеть сидящей на территории судебных трибуналов, пугающей своим присутствием судей, к которым она приставала со своими приставаниями.

Их импичмент.

В то же время был распространен слух, что герцог Ланкастер намеревался объявить себя наследником короны в ущерб юному сыну Черного принца, который в то время находился при смерти и пользовался любовью всей нации. В 1376 году был созван парламент, и влиятельная партия в обеих палатах выступила против министров короля. В Верхней палате атаку возглавил сам Черный принц, а в Нижней палате оппозицию возглавил Питер де ла Мар. Палата общин потребовала, чтобы королевский совет был увеличен десятью или двенадцатью членами, прелатами, лордами или другими лицами; чтобы ни один важный вопрос не решался без согласия шести или четырех из них; и, наконец, чтобы все должностные лица короны дали присягу не получать никаких подарков, вознаграждений или награда сверх их законного жалованья и расходов. Король согласился со всеми этими требованиями при условии, что он сам назначит новых советников и что канцлеру, казначею и хранителю личной печати будет позволено исполнять свои служебные обязанности без их вмешательства. Затем Палата общин попыталась добиться, чтобы мировые судьи в каждом графстве назначались лордами и рыцарями этого графства в парламенте и не могли быть смещены без их согласия; но король отказался предоставить это. Палата общин продолжала жаловаться на злых советников короля, приписывая им бедствие, в которое впал король, сокращение субсидий и так далее. Наконец, с целью немедленного применения принципов, которых они придерживались, они ранее привлекли к ответственности лордов Латимера и Невила, занимавших посты при дворе короля, и четырех лондонских купцов по имени Лайон, Эллис, Пичи и Бери, которые были фермерами, получавшими королевские субсидии. Это обвинение возымело свое действие; обвиняемые были объявлены неспособными ко всякой общественной деятельности и изгнаны из суда и совета, а их имущество было конфисковано. Что касается Алисы Перерс, палата общин также напала на нее, и король был вынужден издать следующее постановление: "Принимая во внимание, что королю была подана жалоба на то, что некоторые женщины преследовали цели и действия в королевском суде в порядке содержания, а также по найму или вознаграждению, что вызывает недовольство короля, король запрещает любой женщине делать это в дальнейшем, и в частности Алисе Перерс, под страхом лишения всего, чего упомянутая Алиса может лишиться, и изгнания из королевства". [Сноска 49]

[Сноска 49: Гниль. Parl. ii. 329.]

Ранее Палата общин не предпринимала попыток сделать что-либо подобное. Этот парламент заседал с конца апреля по 6 июля 1376 года, то есть дольше, чем любой предыдущий парламент; количество его петиций к королю составило 223, и все его акты были настолько популярны, что он получил название Доброго парламента.

Смерть Черного принца.

Но Палата общин была не в состоянии самостоятельно добиться столь блестящего успеха; их триумф был в значительной степени обусловлен сотрудничеством Черного принца и его партии в Верхней палате; и Черный принц умер до закрытия парламента. Король, возложив корону на своего сына Ричарда, рассеял многие опасения. 27 января 1377 года был созван новый парламент, и одним из первых его действий было ходатайство об отмене приговора, вынесенного в предыдущем году против лорда Латимера и Элис Перерс; просьба была удовлетворена. Только шесть или семь рыцарей из тех, что были членами предыдущего парламента, заседали в новом, а Питер де ла Мар был заключен в тюрьму. Тем не менее, новый парламент сохранил права, уже приобретенные в некоторых деталях; он настаивал на надлежащем распределении субсидий, на представлении отчета о поступлениях и так далее. Смерть Эдуарда III. это произошло 21 июня 1377 года и положило конец борьбе, которая, вероятно, вот-вот должна была вспыхнуть вновь между палатой общин и советниками короны.

В дополнение к этому вмешательству Палаты общин в общие дела государства, некоторые конкретные факты свидетельствуют о прогрессе, которого достигало ее влияние во всех отношениях, и заслуживают того, чтобы их отметили с этой точки зрения.

Оппозиция духовенству.

I. Палата общин начала энергично сопротивляться как власти, которую папа все еще предполагал осуществлять в Англии, так и внутреннему влиянию самого английского духовенства. В 1343 году они протестовали против права, которым, по утверждению папы, обладал папа, назначать иностранцев на определенные вакантные церковные должности, и против других злоупотреблений того же рода. Они призвали его величество и лордов помочь им изгнать папскую власть из королевства и адресовали самому папе письмо, полное самых негодующих увещеваний. Раньше только бароны активно вмешивались в дела подобного рода. В 1366 году король сообщил парламенту, что папа намерен сослать его в Авиньон, чтобы засвидетельствовать почтение его короне в соответствии с условиями договора, заключенного с королем Иоанном, а также выплатить дань, обещанную по этому случаю. Лорды, с одной стороны, и палата общин - с другой, ответили, что король Иоанн не имел права заключать подобные соглашения без согласия парламента, призвали короля отказаться подчиняться указанию Папы Римского и пообещали поддержать его всеми своими силами. В 1371 году Палата общин пожаловалась на то, что высшие должностные лица государства были заняты священнослужителями в ущерб королю и государству, и потребовала, чтобы в будущем они были исключены оттуда, оставив королю право выбирать своих должностных лиц, при условии, что они были мирянами. Наконец, в 1377 году они потребовали, чтобы ни одно постановление или статут не принимался по ходатайству духовенства без согласия Палаты общин; и чтобы палата общин не была связана ни одной из конституций, которые духовенство могло бы принять в своих интересах и без их согласия, поскольку духовенство не было бы связано статутами или постановлениями короля, на которые они не давали согласия. Этот конфликт между национальными представителями и духовенством вскоре стал постоянной привычкой, которая в XVI веке внесла значительный вклад в начало Реформации.

II. В 1337 году парламент обратил свое внимание на защиту национальной промышленности. Он

запретил экспорт английской шерсти и оказал большое поощрение тем иностранным суконщикам, которые должны были поселиться в Англии. Эти постановления вскоре вышли из употребления вследствие войн с Францией; но они доказывают склонность парламента уделять внимание всем вопросам, представляющим общественный интерес.

Регулирование выборов.

III. Также во время этого правления мы впервые наблюдаем, как парламент выражает беспокойство по поводу злоупотреблений, допущенных на выборах, и стремится предотвратить их повторение. В 1372 году указ, принятый по предложению и совету Палаты общин, запрещал избрание шерифов на время исполнения ими своих функций, а также юристов, поскольку они использовали свои полномочия для обеспечения собственного избрания, а впоследствии заботились только о своих личных интересах. [Сноска 50]

[Сноска 50: Влияние короля на выборы проявлялось в этот период прямым образом или почти таким образом. Два эдикта Эдуарда III, изданных с интервалом более чем в сорок лет, доказывают это. Первое, датированное 3 ноября 1330 года, завершается следующим образом: "И поскольку до этого времени несколько рыцарей, представителей графств, были людьми дурных намерений и подстрекателями ложных ссор и не потерпели бы, чтобы наши добрые подданные высказывали недовольство простых людей или вопросы, которые следовало бы решать в парламенте, к большому ущербу для нас и наших подданных; — поэтому мы поручаем и приказываем, чтобы вы с общего согласия вашего графства избрали двух самых достойных рыцарей, или сержантов королевской гвардии". упомянутые округа, которые меньше всего подозреваются в злонамеренных намерениях или являются обычными сторонниками партий, должны входить в наш упомянутый парламент, согласно форме нашего судебного приказа, который у вас с собой. И мы ожидаем, что вы это сделаете, поскольку будете избегать нашего гнева и негодования". (*Парл. История.* том i, стр. 84.) Этот указ был издан в то время, когда молодой король только что освободился от ига Мортимера и его фракции. Второй указ, датированный 1373 годом, предписывает шерифам "назначить двух титулованных рыцарей или самых достойных, честных и осмотрительных оруженосцев этого графства, наиболее опытных в ратных подвигах, и никого другого; и от каждого города двух граждан, от каждого района двух горожан, сдержанных и достаточных, и таких, которые обладали наибольшим мастерством в судоходстве и торговле". *Часть. История.* том i, стр. 137.]

IV. Наконец, именно при этом правлении мы впервые обнаруживаем, что комитеты двух палат объединяются для совместного расследования определенных вопросов, а затем сообщают о результатах своих расследований своим соответствующим палатам. Примечательно, что это употребление, столь необходимое для содействия прогрессу представительной системы и обеспечения хороших обсуждений, должно было возникнуть именно в тот период, когда парламент разделился на две палаты. Это было естественным следствием их прежнего объединения в единую ассамблею. Не существовало регулярного или неизменного плана в отношении способа формирования этих комитетов. Иногда король сам назначал определенное количество лордов и предлагал Палате общин выбрать определенное количество своих членов для совещания с ними; иногда Палата общин называла лордов, с которыми они хотели бы посоветоваться; а иногда каждая палата назначала свой собственный комитет.

Подтверждения Старых Уставов.

Примечательно, что большинство парламентских сессий этого правления начинаются с утверждения Великой хартии вольностей и Хартии лесов, которые всегда рассматривались как основа общественных прав и свобод, а также нарушались с достаточной частотой, чтобы возникала необходимость постоянно продлевать их действие.

Все эти факты доказывают огромный прогресс, достигнутый представительным правительством в целом и Палатой общин в частности за время этого правления.

Лекция XXIV.

Состояние парламента при Ричарде II.

Борьба между абсолютной королевской властью и парламентским правлением.

Происхождение Гражданского списка.

Повышение ответственности министров.

Динамика отдачи от использования государственных доходов.

Общественное достояние посягает на правительство.

Реакция против власти Палаты общин.

Насилие и падение Ричарда II.

Прогресс основных принципов и практик представительного правления.

Парламент при Ричарде II.

Примечательным фактом в истории Англии является то, что в период с 1216 по 1399 год способный монарх всегда сменял неспособного короля, и *наоборот*. Это обстоятельство оказалось весьма благоприятным для установления свободных учреждений, которые так и не успели ни подпасть под ярмо энергичного деспотизма, ни раствориться в анархии.

Правление Ричарда II не представляет, в отличие от правления Эдуарда III, зрелища борьбы общин за защиту своих прав и их расширение самим фактом того, что они защищали их от королевской власти, которая постоянно стремилась обойти эти права, потому что они ограничивали ее авторитет, но которая, тем не менее, была достаточно проницательна, чтобы понимать, что нуждается в помощи народа и не может позволить себе ссориться с его представителями. Во время правления Ричарда конфликт принимает более общий характер; теперь он включает в себя гораздо больше, чем просто особые или случайные акты сопротивления. Вопрос, о котором идет речь сейчас, заключается в том, должен ли король

править в соответствии с рекомендациями и под контролем своего парламента, или править единолично и почти произвольным образом. Возник позитивный конфликт между парламентским правлением и чисто королевским правительством; жестокий конфликт, полный взаимных беззаконий, но в котором вопрос между свободой в целом и абсолютной властью был поставлен более ясно и полно, чем когда-либо прежде.

Увеличенная власть Общего собрания.

Перипетии этой борьбы в общих чертах изложены в фактах. Правление Ричарда II. может быть разделено на две части. С 1377 по 1389 год правительство было парламентским, то есть парламент осуществлял высший контроль и реально руководил всеми государственными делами, несмотря на попытки сопротивления со стороны короля и его фаворитов. С 1389 по 1399 год это положение вещей претерпело изменения, и король постепенно вернул себе власть. Не то чтобы парламент отказался или утратил все свои права; в частности, право голоса по налогам смело поддерживалось и даже в определенной степени уважалось. Но, вообще говоря, правительство было произвольным, король единолично распоряжался им, а парламент, утративший свое преобладающее влияние, вмешивался лишь в качестве инструмента. Такое положение вещей противоречило желаниям и инстинктам страны, и оно было прекращено трагическим событием. Ричард был свергнут объявленным вне закона изгнанником, который высадился в Англии с шестьюдесятью людьми, но обнаружил, что и парламент, и вся нация склонны поддержать его или, по крайней мере, не выступать против него. Низложение Ричарда и возвышение Дома Ланкастеров были делом силы, но силы, подкрепленной той мощной поддержкой, которую молчание и неподвижность общественности придают предприятиям, направленным на свержение одиозного или презираемого правительства.

Таков был общий аспект этого правления. Я не буду задерживаться на подробностях его событий, а просто выберу и приведу в свет те факты, которые относятся к состоянию общественных институтов страны и которые доказывают истинность того, что я только что подтвердил.

Как вы уже видели, в последние годы правления Эдуарда III влияние палаты общин в правительстве быстро возросло; и ее дальнейшему продвижению способствовало меньшинство Ричарда II. Шестьдесят лет назад совершеннолетие короля поставило бы государство под контроль какой-нибудь фракции баронов; но во второй половине четырнадцатого века палата общин проявляет инициативу во всем и прямо говорит, как, по их мнению, должно осуществляться управление государством.

Важные прошения.

Первый парламент был созван в сентябре 1377 года. Питер де ла Мар, бывший лидер оппозиции, был освобожден из тюрьмы и избран спикером Палаты общин. Три лорда, выбранные Палатой общин, были назначены для обсуждения с ними общественных потребностей. Палата общин представила королю и лордам три предложения:

1. формирование правительственного совета;

2. назначение "людей добродетельных и честных в общении" для охраны личности и воспитания короля, а также для заботы о том, "чтобы содержание королевского двора оплачивалось за счет доходов короны, чтобы то, что было выделено на войны, могло расходоваться только таким образом";

3. строгое соблюдение общего права и статуты королевства, "чтобы они не могли быть побеждены необычностью кого-либо из окружения короля". [Сноска 51]

[Сноска 51: История парламента, том i, стр. 160.]

Лорды удовлетворили первое предложение, отклонили первую часть второго как слишком суровую и слишком сильно ущемляющую свободу королевской особы, пообещали обсудить вторую часть с высшими должностными лицами королевского двора и дали свое безоговорочное согласие на третье предложение.

Второе из этих предложений содержит зародыш различия между гражданским списком и налогами, за которые проголосовали за государственные расходы. За субсидию проголосовала Палата общин после создания администрации. Было решено, что собранные таким образом деньги должны быть переданы на хранение специальным казначеям, которые должны давать отчет об их поступлении и расходовании в порядке, установленном королем и советом. Два лондонских купца, Уильям Уолворт и Джон Филпот, были назначены на этот пост королем.

Этот парламент представил еще несколько петиций.

1. Чтобы злые советники покойного короля Эдуарда были удалены из королевских советов; что было удовлетворено.

2. Что во время совершеннолетия короля все министры и другие крупные государственные чиновники могут назначаться парламентом; и что, если должность становится вакантной, пока парламент не заседает, она должна быть заполнена королевским советом при условии одобрения следующего парламента; — что было предоставлено в случае высших должностных лиц, но отказано в отношении менее важных.

3. Что парламент должен созываться раз в год; в ответ на что было обещано, что "законы, принятые для этой цели, будут соблюдаться". [Сноска 52]

[Сноска 52: Там же. том i. стр. 161, 162.]

Очевидно, что во всех этих вопросах инициатива и общее руководство правительством принадлежали Палате общин.

Регулирование субсидий.

25 апреля 1378 года собрался второй парламент и проголосовал за подушный налог, поскольку король привлекал займы. Канцлер завершил свою речь словами, что казначеи готовы отчитаться за все прошлые и вероятные расходы.

20 октября 1378 года собрался третий парламент, и было потребовано новой субсидии. Палата общин настаивала на том, что король не должен испытывать в нем недостатка и что было дано обещание, что в течение длительного времени больше не будут взиматься налоги. Канцлер Ричард ле Скуп отрицал, что было дано какое-либо подобное обещание; и по этому вопросу разгорелись долгие и ожесточенные дебаты. Палата общин потребовала предоставить им отчет о том, каким образом была израсходована последняя субсидия. Канцлер утверждал, что они не имели права требовать этого, но в конце концов уступил, заявив, что это не следует рассматривать как прецедент. Палата общин соответствующим образом изучила отчеты.

Затем Палата общин потребовала, чтобы пять или шесть лордов или прелатов были делегированы для обсуждения с ними общественных вопросов: таким образом, они стремились сделать свой собственный орган центром обсуждения и делали вид, что рассматривают лордов только как часть королевского совета. Лорды отклонили их просьбу и предложили, чтобы, согласно древнему обычаю, каждая палата назначила определенных своих членов для совместного совещания. Это предложение было принято, и за субсидию проголосовали. Палата общин далее потребовала назначения специальных казначеев для получения и расходования ее доходов, что и было удовлетворено.

15 января 1380 года состоялось четвертое заседание парламента с целью потребовать новых субсидий, ставших необходимыми из-за войн с Францией и Шотландией, восстаний в Гаскони и по другим причинам. Канцлер завершил свою речь словами, "что лорды большого совета готовы представить Палате общин квитанции о последних субсидиях и их выплате".

Палата общин потребовала:

1. Что советники, данные королю при его восшествии на престол, должны быть уволены (вероятно, потому, что они подозревали их в неверности при управлении государственными доходами);
2. Что пять высших должностных лиц государства не должны меняться до следующего созыва парламента;
3. Что должна быть сформирована комиссия для обследования во всех его дворах и дворцах состояния королевского двора, а также расходов и поступлений во всех учреждениях; что было удовлетворено, и комиссия состояла из шести лордов и шести членов Палаты общин;
4. Что несколько самых осмотрительных баронов должны быть размещены около короля, чтобы давать мудрые ответы министрам иностранных дел. Для этой цели был назначен только один барон, граф Уорик. Затем было проголосовано за субсидию.

Тревожное состояние страны.

В ноябре 1380 года пятый парламент собрался, чтобы проголосовать за дальнейшие субсидии; и между палатами общин и лордами возникла долгая дискуссия относительно суммы.

Требовалась фиксированная сумма в 16 000 фунтов стерлингов; для удовлетворения этой суммы Палата общин проголосовала за подушный налог в размере 15 грошей с каждого человека старше 15 лет, за исключением только нищенствующих; и присоединила к своему голосованию условие, что богатые должны помогать бедным платить налог. Палата общин более того проголосовала за то, чтобы "ни один рыцарь, гражданин или бюргер нынешнего парламента не собирал эти деньги"; очевидно, для того, чтобы избежать любых подозрений в пристрастности их оценки. Из-за этого налога вспыхнуло жестокое народное восстание, и, чтобы подавить его, король был вынужден пообещать всеобщее предоставление избирательных прав.

14 сентября 1382 года собрался шестой парламент, но заседание было отложено из-за ссоры между герцогом Ланкастером и графом Нортумберлендом, которые оба прибыли туда с оружием в руках и многочисленной свитой. Важность этих великих баронов была такова, что парламент не мог собраться до тех пор, пока королю не удалось примирить их. В этом парламенте чувствовалось сильное волнение, поскольку он не знал, как утихомирить волнения в стране. Хартия о свободе, которую вымогали у короля, была отменена. Палата общин обвинила плохое правительство короля в том, что оно вызвало восстание, и нарисовала печальную картину плачевного состояния народа. В результате была назначена комиссия по расследованию. Палата общин отказалась предоставить субсидию, мотивируя свой отказ склонностью страны к восстанию. Король заявил, что он не объявит амнистию за все преступления, совершенные во время последнего восстания, если не будет предоставлена субсидия; и под влиянием этой угрозы Палата общин уступила.

Совещания С Лордами.

При открытии этого парламента Палата общин потребовала, чтобы прелаты, светские лорды, рыцари, судьи, одним словом, различные сословия королевства, рассмотрели, каждое в отношении своего класса, обвинения, которые должны быть выдвинуты; и доложили о том же палате общин, которая обсудит это. Это была попытка создать суверенное и неразделенное собрание; но король сохранил древний обычай, который требовал, чтобы палата общин в первую очередь обсуждала свои предложения и доводила их до сведения короля и лордов.

Этот парламент дважды откладывался: с 15 декабря по 15 января 1383 года и снова с последней даты по 7 мая.

С 7 мая 1383 года по 1 октября 1386 года было проведено семь заседаний парламента. Король пытался освободиться от контроля парламента. В 1383 году он отправил в отставку очень популярного канцлера Ричарда ле Скрупа, потому что тот отказался скрепить печатью некоторые необдуманные дары собственности, которые были конфискованы у короны. В том же году духовенство добилось от короля принятия жестокого закона против Лоллардов или учеников Уиклиффа. Палата общин пожаловалась на это, заявив, что статут был тайным; что он никогда не получал их согласия и что "в их намерения не входило связывать себя или своих преемников с прелатами больше, чем это делали их предки до них". Поэтому они потребовали и добились отмены статута; но после их отъезда акт об отмене был отменен, а статут сохранен.

Также в 1383 году палата общин потребовала провести совещание с комитетом лордов, которых они называли поименно, король удовлетворил их просьбу, но добавил, что только ему принадлежит назначать лордов, которых он сочтет подходящими посылать на такие конференции. В том же парламенте Палата общин просила короля "приставить к своей особе самых осмотрительных и ценных чиновников" и управлять его домашним хозяйством таким образом, чтобы его доходы были хорошо распределены и оказались достаточными для удовлетворения его потребностей.

Противодействие парламентским правам.

Король ответил, что призовет к себе людей, которые ему подойдут, и что он будет управлять своим домом по совету своего совета. В 1386 году Палата общин обратилась с петицией о том, что состояние королевского двора должно ежегодно проверяться канцлером, казначеем и хранителем личной печати; и что они должны быть уполномочены исправлять его злоупотребления. Король ответил, что прикажет провести такое расследование, когда ему будет угодно. Затем палата общин поинтересовалась, кто были министры и высшие должностные лица государства, которых король намеревался поставить во главе дел. Король ответил, что в настоящее время у него достаточно офицеров, и он сменит их по своему усмотрению. Все эти факты указывают на попытку короля и его совета освободиться от контроля парламента. По мере того, как это желание становилось очевидным, палата общин становилась в определенных отношениях более робкой и сдержанной. В 1383 году король проконсультировался с ними относительно того, следует ли ему лично выступить во главе своей армии против Франции; и они ответили, что не в их компетенции решать такой вопрос, но что его следует передать на рассмотрение совета. В 1385 году с ними консультировались по вопросу о мире или войне с Францией, и они отказались высказать свое мнение. Король настаивал на ответе, но все, чего он смог добиться от них, было то, что "если бы они были на месте короля, то предпочли бы мир". Каждое обстоятельство с обеих сторон указывает на неизбежное разделение или, по крайней мере, на прогрессирующее отчуждение. Король желал избежать руководства парламента, а парламент отказался разделить ответственность королевского совета.

Ричард находился под влиянием двух фаворитов, Роберта де Вера, маркиза Дублина, и Майкла де ла Поля, графа Саффолка. Следовательно, правительство было куртуазным, капризным, разрушительным и претендовало на наглость и легкомысленное осуществление произвольной власти. Надменный тон канцлера Саффолка был крайне оскорбительным в речах, которыми он открывал парламенты 1384 и 1385 годов. Палата общин могла терпеть правление (хотя и часто тираническое) совета баронов с гораздо большей готовностью, чем правление своры придворных фаворитов. Крупная феодальная аристократия имела глубокие корни в сообществах страны, но высокомерие и легкомыслие фаворитов были невыразимо оскорбительны для народа.

Король был вынужден уступить.

В парламенте, собравшемся 1 октября 1386 года, разразилась буря. Палата общин "единодушно" объявила импичмент графу Саффолку. Король удалился в Элтем. Обе палаты послали к нему с требованием уволить лорда-казначея и канцлера, в отношении которых, по их

словам, у них были дела, которые нельзя было безопасно решать, пока он оставался на своем посту. Король прислал уклончивый ответ, и парламент заявил, что ничего не предпримет, пока король продолжает отсутствовать, а граф Саффолк остается министром. Король предложил, чтобы они направили сорок рыцарей из их числа для совещания с ним. Парламент отказался. После долгой и странной переписки король был вынужден уступить и выбрать новых министров.

Некоторые из этих фактов были подвергнуты сомнению, и особенно переписка короля с парламентом. Найтон - единственный историк, который зафиксировал это, но есть основания полагать, что оно подлинное. Графу Саффолку был объявлен импичмент и он был осужден. Выдвинутые против него обвинения не имели большого веса как юридические преступления, но имели большое значение как злоупотребления в правительстве. Комитет из одиннадцати лордов был назначен парламентом для регулирования всех государственных дел и управления совместно с королем. Парламент ввел наказание за государственную измену в отношении любого лица, которое посоветует королю не следовать советам этого комитета, и вынудил короля подтвердить эти решения письмами-патентами. Король, со своей стороны, заявил протест в полном составе парламента собственными устами, "что за все, что было сделано в этом парламенте, он не потерпит никакого ущерба для него или его короны; но что его прерогативы и свободы должны быть в безопасности".

В 1387 году король совершил путешествие по западу и северу Англии и собрал в Ноттингеме совет, состоящий из сторонников его фаворитов. Он поинтересовался у шерифов соседних графств, какие силы они могли бы собрать для его помощи, если он сочтет необходимым выступить против комитета одиннадцати лордов. Шерифы ответили, что народ убежден, что лорды являются друзьями короля и желают благополучия стране, и что поэтому найдется мало людей, готовых поднять против них оружие. Затем король приказал шерифам избрать в следующий парламент только тех лиц, которых он должен выдвинуть. Они ответили, что не могут взять на себя обязательство обеспечить избрание каких-либо лиц, кроме тех, которые нравятся народу. Затем король вызвал судей в Ноттингем и предложил им различные вопросы, касающиеся прав и прерогатив короны. Судьи, либо запуганные, либо руководимые сэром Робертом Трессильяном, давали ответы, направленные на установление произвольной власти короля и освобождение его правительства от контроля парламента. Это было очевидной целью всей этой борьбы.

Замечательный парламент.

Теперь между королем и лордами вспыхнули разногласия. Был созван парламент. Король включил в свои судебные приказы приказ о возвращении тех лиц, которые *участвовали в дебатах о современных индифферентных магах*; но вскоре он был вынужден вычеркнуть этот пункт и объявить его незаконным в новых судебных приказах. Парламент собрался 3 февраля 1388 года и принял меры предосторожности для обеспечения того, чтобы он единолично решал все важные государственные вопросы и чтобы его не распустили после того, как он проголосовал за субсидию. Пятью лордами, называемыми апеллянтами, было выдвинуто обвинение против фаворитов короля и судей. Это обвинение действительно скрывает за формами судебной процедуры серьезный партийный конфликт. Верхняя палата заявила, что в таких серьезных случаях судить может только парламент и он не связан никакими законами, регулирующими деятельность других судов. Восемнадцать человек были приговорены, большинство из них к смертной казни, а многие - заочно. Парламент разошелся, просидев пять

месяцев. Его называли *Прекрасным парламентом*, а также *Безжалостным парламентом*. Он был осторожен, заявив, что осуждение любимых советников и судей никоим образом не дискредитировало самого короля.

Усиление королевской власти.

Власть комитета одиннадцати лордов над правительством осуществлялась без противодействия в течение года. В мае 1389 года король собрал свой совет и объявил, что, достигнув совершеннолетия, он способен сам управлять своим наследством и что не подобает ему находиться в худшем положении, чем любому подданному в его владениях, который может свободно распоряжаться своим имуществом. "Хорошо известно, - сказал он, - что в течение нескольких лет я жил под вашей опекой, и я благодарю вас за хлопоты, которые вы предприняли ради меня; но теперь, когда я достиг совершеннолетия, я полон решимости больше не оставаться под опекой, а взять в свои руки управление моим королевством и назначать или отзывать моих министров и других должностных лиц по своему усмотрению". Он сменил канцлера и других высокопоставленных чиновников и уволил из своего совета нескольких из одиннадцати лордов.

Так началась вторая эпоха этого правления — эпоха реакции против парламента. В отношении причин, приведших Ричарда II к власти, царит полная неизвестность. в состоянии произвести такую революцию; но, скорее всего, его подтолкнули к этому раскол в комитете одиннадцати лордов и плохое использование некоторыми из них своей власти. Король и его новый совет поначалу вели себя осмотрительно и проявляли большое уважение к парламенту. 16 января 1390 года был созван парламент. Новые министры подали в отставку и подвергли свое поведение проверке. Парламент заявил, что не нашел причин для жалоб, и министры возобновили свои функции. С 1390 по 1397 год состоялось семь заседаний парламента. Они становились все более робкими и послушными, а власть короля принимала все более расширенный и произвольный характер. Вот основные факты, характеризующие эту реакцию:

—

В 1391 году парламент заверил короля, что королевская власть и прерогативы его короны всегда будут оставаться нетронутыми; что, если они каким-либо образом были нарушены, они должны быть реформированы; и что король должен пользоваться такой же большой свободой, как и любой из его предшественников: "эта молитва показалась нашему господину королю честной и разумной", и он согласился с ней. В 1391 и 1392 годах парламент признал за королем право отказываться от соблюдения определенных статуты в церковных вопросах при условии, что эти статуты не должны считаться отмененными. В 1392 году король, оскорбленный лондонским сити, лишил его свобод и заключил в тюрьму его магистратов; но вскоре после этого он вернул городу его свободы и наложил на него штраф в размере 1000 фунтов стерлингов. В 1394 году судьи, которые были сосланы в Ирландию парламентом 1388 года, были отозваны. В 1397 году в Палату общин был внесен законопроект, предлагающий избегать любых экстравагантных расходов в королевском доме и чтобы те епископы и дамы, которым нечего было делать при дворе, не имели разрешения проживать там. Король был разгневан этим законопроектом еще до того, как он был представлен ему, и заявил в Верхней палате, "что он направлен против тех свобод и королевских гонораров, которыми пользовались его предки и которые он был полон решимости поддерживать". Он приказал лордам проинформировать Палату общин о своем

решении и поручил герцогу Ланкастерскому приказать сэру Джону Басси, спикеру Палаты общин, сообщить ему, какой член внес законопроект в парламент. Палата общин встревожилась и смиренно попросила у короля прощения. На конференции они передали законопроект в руки короля и передали ему его автора, Томаса Хакси. Король простил их, и парламент сам объявил Хакси виновным в государственной измене. Духовенство спасло ему жизнь, назвав его клерком, что доказывает, что в тот период священнослужители не были исключены из парламента.

В сентябре 1397 года Ричард II. наконец, он счел себя в состоянии воспользоваться всей полнотой своей власти, отменить все, что было сделано в 1388 году для ограничения его власти, и отомстить за нанесенные ему обиды.

Был созван парламент. Были приняты все меры предосторожности для обеспечения его послушания. Сменились шерифы; и были применены всевозможные методы воздействия на выборы. Многочисленные подразделения войск сформировали королевскую гвардию. Парламент был открыт с большой торжественностью. Канцлер, епископ Эксетерский, взял в качестве текста своей речи: *Rex unus erit omnibus*. Последующие события полностью соответствовали этим предварительным действиям. Все акты парламента 1388 года были отменены, а их авторы обвинены в государственной измене; пятеро из них были приговорены к смертной казни. Главный лидер оппозиции, герцог Глостер, был убит в тюрьме в Кале после того, как был вынужден признать свои прошлые преступления в признании, в котором он ранее обвинял себя в том, что "лишил короля свободы". После этих приговоров тот же парламент провел вторую сессию в Шрусбери, на которой ответы судей 1387 года были признаны правильными и законными, и были приняты точно такие же меры для придания этим новым решениям неприкосновенности, которые были использованы парламентом 1388 года для обеспечения соблюдения его собственных резолюций. Эти два заседания длились шестнадцать дней. Менее чем через два года Ричард был свергнут с престола.

Недовольство в Королевстве.

Однако он считал себя вполне защищенным от подобных случайностей, поскольку твердо принял всевозможные меры предосторожности, чтобы утвердить власть, которую только что вернул. Парламент предоставил ему пожизненную пошлину на шерсть и шкуры при единственном условии, что эта уступка не будет рассматриваться как прецедент королями, его преемниками. Поскольку рассмотрение нескольких петиций и других вопросов, внесенных на рассмотрение парламента во время его последней сессии, не было полностью прекращено, парламент при своем роспуске назначил постоянный комитет в составе двенадцати лордов и шести членов Палаты общин, которым он передал свои полномочия регулировать и решать, совместно с королем, все государственные дела. Таким образом, Ричард оставался в окружении людей, которые только что помогли ему восстановить деспотическую власть; и хотя миссия этого комитета ограничивалась урегулированием только тех дел, которые парламент не успел уладить, он без колебаний взял в свои руки все правительство. Совместно с королем он издал указы и объявил о наказании за государственную измену любому лицу, которое попытается сопротивляться его власти; и он возложил на всех лордов обязательство под присягой уважать и поддерживать все, что он должен принять. Таким образом, этот комитет узурпировал все полномочия парламента. К этой общей узурпации добавились частные

неприятности ; несмотря на амнистию, которая была объявлена даже последним парламентом, Ричард продолжал мстить сторонникам парламента 1388 года. Он вымогал деньги у семнадцати графств под предлогом того, что они принимали участие в восстании; и он заставлял богатых граждан подписывать незаполненные чеки, чтобы откупиться от судебного преследования за государственную измену, бланки которых он заполнял по своему усмотрению.

Смерть Ричарда II.

Подобные действия не могли не вызвать всеобщей ненависти и негодования, и случайная причина привела к их проявлению. Между герцогами Херефордом и Норфолком возникла ссора, и последний парламент оставил этот спор на усмотрение короля и его комитета. Поединок между двумя герцогами должен был состояться в Ковентри; но король предвидел дуэль и изгнал обоих герцогов, одного на десять лет, а другого пожизненно. В патентных письмах он недвусмысленно разрешал герцогу Херефорду во время своего изгнания претендовать на владение любыми землями, которые могли быть ему завещаны. В 1399 году Джон Гонт, герцог Ланкастерский и отец Херефорда, умер. Король и его комитет аннулировали патент и конфисковали имущество герцога Ланкастера. Затем Ричард отправился в Ирландию. 4 июля 1399 года герцог Херефорд, ставший герцогом Ланкастерским после смерти своего отца, высадился в Англии. Он быстро прогрессировал, и когда Ричард вернулся в Англию, вскоре обнаружил, что его бросили и взяли в плен. 30 сентября от его имени был созван парламент. Ричард отрекся от престола. Против него было выдвинуто обвинение из тридцати трех статей, и парламент объявил о его низложении. Генрих Ланкастерский претендовал на корону в силу мнимого права рождения. Это было предоставлено ему 6 августа 1399 года, и в течение шести дней были выданы новые предписания о созыве парламента. Это было невозможно: поэтому тот же парламент собрался снова и стал парламентом Генриха IV. Ричард, которого держали пленником в замке Помфрет, был казнен 23 октября 1399 года.

Эта королевская катастрофа была результатом применения силы, как и низложение Эдуарда II. было; но общественное мнение и общественные страсти сыграли в ней гораздо большую роль. Были предприняты усилия, чтобы придать даже этим актам насилия видимость конституционной закономерности, и прогресс парламентского правления можно увидеть даже в его трагических волнениях.

Дома Восстанавливают Свою Силу.

Таковы были, с политической точки зрения, характер и развитие этого правления. Заслуживают внимания несколько конкретных фактов.

1. Распространение практики принудительных займов. В 1378 году было подано прошение о том, что никто не должен быть принужден давать деньги королю взаймы; и оно было удовлетворено. Тем не менее, в 1386 году судебный приказ, адресованный нескольким жителям Бостона, предписывает им заставить каждого человека, обладающего имуществом стоимостью более двадцати фунтов стерлингов, внести свой вклад в заем в размере 200 фунтов стерлингов, который город обещал предоставить королю и который будет получен за вычетом субсидий нынешнего парламента.

2. Принцип распределения субсидий становится все более распространенным.

3. Палата общин прилагает усилия к тому, чтобы их петиции не были изменены при включении в законодательные акты. В 1382 году они запросили обнародование одного из королевских указов до того, как он был зарегистрирован, и пожелали, чтобы некоторые из их членов присутствовали при составлении списков. Дело Томаса Хакси дает нам основание полагать, что во время этого правления началась практика рассмотрения законопроектов в форме обсуждения и принятия обеими палатами до того, как они были представлены на санкцию короля. Тем не менее, в 1382 году Палата общин запросила мнение Палаты лордов по вопросу, который тогда занимал их внимание, лорды ответили, что древний обычай требовал, чтобы Палата общин сначала сообщила свое мнение королю и собравшимся лордам. Сам этот факт, однако, доказывает, что нынешняя форма инициативы вот-вот должна была появиться.

4. В 1384 году город Шафтсбери направил петицию королю, лордам и палате общин против шерифа Дорсетшира, который фальсифицировал результаты выборов и не указал имя действительно избранного человека. Нам неизвестен результат этой петиции, но это первый случай официального вмешательства Палаты Общин в вопрос оспариваемых выборов. В предыдущие периоды можно было встретить только три примера аналогичных петиций, а именно. при Эдуарде II в 1319 году, при Эдуарде III в 1363 году и при Ричарде II в 1384 году. До тех пор петицию рассматривал только король и передавал ее решение на рассмотрение обычных судов.

5. В 1382 году статут предписывает, под страхом штрафа или другого наказания, что все лорды и депутаты Общин должны явиться в парламент, когда их вызовут; и что все шерифы должны провести все надлежащие и обычные выборы, не упуская ни одного района или города.

Прогресс свободы.

Эти конкретные акты, а также общий ход событий свидетельствуют о прогрессе конституционных принципов и практики.

Лекция XXV.

Краткое изложение истории парламента от смерти Ричарда II. до восшествия на престол Дома Стюартов.

Прогресс в процедурных формах и привилегиях парламента.

Свобода слова в обеих палатах.

Неприкосновенность членов парламента.

Судебная власть Палаты лордов.

Упадок парламента во время войн Алой и Белой розы и при династии Тюдоров.

Причины этого упадка и укрепления королевской власти, начиная с Генриха VII. за Элизабет.

Заключение.

Тюдоры и Стюарты.

Невозможно постичь весь масштаб характера и влияния великих событий. Некоторые события, которые обеспечивают порядок и свободу в настоящее время, подготавливают путь к тирании и беспорядку в будущем; в то время как другие, напротив, сначала устанавливают абсолютную власть, а впоследствии дают начало полной политической свободе. Мы не можем не быть поражены этим размышлением, когда рассматриваем огромную разницу, существующую между непосредственными результатами и отдаленными последствиями низложения Ричарда II. Это избавило Англию от деспотичного, наглого и беспорядочного правительства; но шестьдесят лет спустя это дало начало войнам Алой и Белой Розы и всем тем жестоким внутренним смутам, которые способствовали установлению тюдоровского деспотизма: так что упадок английских свобод с 1461 по 1640 год имел своим первичным источником событие, которое в 1399 году завершило их триумф.

Рассматривая общий характер состояния правительства с 1399 по 1461 год, при первых трех королях из Дома Ланкастеров, Генрихе IV., Генрихе V. и Генрихе VI., мы должны признать, что этот период не был примечателен ни неизменностью, ни прогрессом институтов. В эту эпоху парламент не одержал ни одной из тех знаменательных побед, которыми отличалось правление Эдуарда III. и Ричард II.; никаких действительно новых прав, никаких фундаментальных и ранее неизвестных гарантий не было добавлено к тем, которыми уже обладали.

Совершенствование парламента.

Также и деспотичная власть снова не перешла в наступление и не получила преимущества; и корона и парламент не вступали в серьезные конфликты, рассчитанные на то, чтобы поставить под угрозу существование какой-либо из сторон или, в частности, изменить степень их политической значимости. По правде говоря, работа этого периода заключалась в упорядочении результатов предыдущей борьбы. Парламент без особого сопротивления воспользовался правом, за которое он боролся на протяжении четырнадцатого века, а именно голосованием по налогам, распределением субсидий, проверкой государственных счетов, вмешательством в законодательный орган и импичментом высших должностных лиц короны. Короли, хотя и часто пытались уклониться от применения этих прав, никогда не игнорировали их полностью и открыто не пренебрегали ими. Вся политическая машина оставалась почти неизменной; но хотя она не претерпела больших революций, в ее внутренней организации произошло много важных изменений. Были предприняты попытки к практическим улучшениям и они были достигнуты; дальнейшие последствия были выведены из установленных принципов; и эта эпоха более примечательна различными усовершенствованиями в механизмах парламентского правления, чем завоеванием больших прав или формированием фундаментальных институтов.

Внутреннее устройство парламента, особенно в течение этого периода, достигло значительного прогресса; с этого времени мы можем с некоторой степенью точности определить его основные формы процедуры и наиболее существенные привилегии.

Одним из самых важных, безусловно, является свобода слова. Во времена правления Генриха IV спикер Палаты общин требовал этого от короля при открытии каждой сессии. Одним из первых актов первого парламента, состоявшегося во время этого правления, в 1399 году, было добиться отмены приговора, вынесенного Томасу Хакси во время правления Ричарда II. Все обстоятельства доказывают, что при Генрихе IV Палата общин пользовалась большей свободой слова, чем они пользовались ранее. Это действительно стало предметом особой похвалы сэра Джона Тибето, спикера парламента 1406 года. Вскоре король проявил большое недоверие к расширению этого права, которым, вероятно, пользовались со всей грубостью, характерной для нравов того времени.

Первое противодействие свободе слова.

В 1410 году он сказал Палате общин, что надеется, что они больше не будут использовать неприличные выражения, но будут действовать сдержанно. В 1411 году спикер сэра Томас Чосер, выдвинув обычное требование при открытии сессии, ответил королю, что он позволит Палате общин выступить так, как это делали другие до него, но что "он не будет вносить никаких новшеств и будет пользоваться своей прерогативой". Спикер попросил три дня, чтобы дать письменный ответ на это замечание, а затем ответил, "что он не желает никаких других протестов, кроме тех, что высказывали другие ораторы; и что если он скажет что-нибудь, вызывающее неудовольствие короля, это может быть приписано только его собственному невежеству, а не палате общин" [Сноска 53], что король и удовлетворил.

[Сноска 53: История парламента, том i, стр. 313.]

Мы не встречаем никаких нарушений свободы слова, которой пользовалась Палата общин, до парламента 1455 года, когда депутат от Бристоля Томас Янг пожаловался, что шесть лет назад он был арестован и заключен в Тауэр в связи с ходатайством, которое он выдвинул в Палате представителей. Целью этого ходатайства было заявить, что, поскольку у короля в то время не было детей, герцог Йоркский был законным наследником престола. Палата общин передала это прошение лордам, и король приказал своему совету сделать все, что сочтет нужным от имени просителя.

Во всех официальных отношениях с королем и лордами Спикер был рупором Палаты общин, и в то время от него особенно требовалась свобода слова. Он действовал от имени и по поручению Палаты Представителей почти во всех случаях. В 1406 году мы находим, что в этом качестве он дал свое согласие на закон, регулировавший наследование короны.

Заключение Говорящего в тюрьму.

Неприкосновенность членов парламента была правом не менее важным, чем свобода слова. Древние саксонские законы предоставляли защиту членам Виттенагемота при посещении и возвращении с места собрания при условии, что они не были отъявленными грабителями и

разбойниками. С момента формирования нового парламента на то же право претендовали его члены, которые, приступая к ведению дел короля в его национальном совете, имели право на освобождение от ареста или воспрепятствования. В 1403 году сэр Томас Брук отправился в парламент в качестве представителя Сомерсетшира; и один из его приближенных, Ричард Чеддре, подвергся жестокому обращению и избиению Джоном Сэледжем. Закон предписывал, что Салаж должен возместить Чеддре двойной ущерб в соответствии с решением Суда королевской скамьи; и "более того, упомянутый парламент постановил, что то же самое должно быть сделано в будущем в аналогичных случаях". Это обстоятельство послужило поводом для петиции Палаты общин, которая молила о том, чтобы все лорды, рыцари, граждане и горожане, прибывающие в парламент и проживающие там, могли находиться, а также их последователи и слуги, под особым покровительством короля до их возвращения домой; и чтобы они могли быть арестованы без каких-либо долгов, контрактов или судебных исков или заключены в тюрьму каким-либо образом в течение этого времени под страхом штрафа, подлежащего выплате королю, и возмещения ущерба пострадавшему лицу. Король ответил, что на этот счет следует принять соответствующие меры. Статут 1403 года был обновлен в 1433 году, во время правления Генриха VI.

В 1430 году в Палату общин была подана жалоба в связи с тюремным заключением за долги Уильяма Лейка, слуги Уильяма Милдред, одного из членов лондонского парламента. Он был освобожден специальным актом парламента.

В 1453 году палата общин пожаловалась королю и лордам на тюремное заключение Томаса Торпа, их спикера, который был арестован за долги по иску герцога Йоркского. Лорды передали дело судьям, которые ответили через сэра Джона Фортескую: "Что в их обязанности не входило судить о действиях парламента, которые сами были судьями и разработчиками законов; только они сказали, что в суды были внесены различные *дополнения* к привилегиям парламента; но общего *дополнения*, чтобы подавить все разбирательства, не было. Ибо, если бы это произошло, могло бы показаться, что Высокий суд парламента, который обеспечивает всю справедливость, должен препятствовать процессу по общему праву и, таким образом, лишить партию-истца средств правовой защиты, поскольку действия по общему праву не могут быть определены в парламенте; но если какой-либо член парламента был арестован за такие дела, которые не являются государственной изменой, уголовным преступлением или поручительством за мир, или за решение, вынесенное на рассмотрение парламента, обычно такое лицо освобождалось от такого ареста и было освобождено для участия в его службе в парламенте ". [Сноска 54]

[Сноска 54: Парламентская или конституционная история Англии, том ii. стр. 287.]

Противоречивые мнения.

Несмотря на этот ответ судей, лорды решили, что Торп должен оставаться в тюрьме, и приказали Палате общин от имени короля избрать другого спикера, что они и сделали. Но это была партийная ссора; Торп был связан с домом Ланкастеров, а герцог Йоркский в то время находился на подъеме. Тогда эта привилегия существовала, но все еще ненадежным образом, и каждый раз требовался специальный акт парламента, чтобы обеспечить ее применение на практике.

Именно в этот период право парламентской инициативы вытеснило право подачи петиций. Мы уже отмечали злоупотребления, вызванные инициативой, которую Палата общин проявляла посредством своих петиций; и что петиции не всегда точно воспроизводились в предложенных ими законодательных актах. Мы также видели, какие усилия уже были предприняты Палатой общин для предотвращения этих обманов. В 1414 году, во время правления Генриха V. Они пожаловались на них в специальной петиции, на которую король ответил, пообещав, что в будущем статуты должны в точности соответствовать удовлетворенным петициям. Но эта гарантия была очень ненадежной, и Палата общин уже начала получать более действенные гарантии, приучив себя составлять в форме полных законопроектов статуты, которые они ранее предлагали в петициях; и отсылать их в Палату лордов, чтобы они могли быть обсуждены и приняты этой палатой, прежде чем они будут представлены королю, которому тогда не оставалось ничего другого, как дать свою санкцию или отказать в ней. Невозможно с точностью указать период, в который произошло это важное изменение, поскольку оно совершалось постепенно и не было замечено историками того времени. Использование петиций некоторое время сосуществовало с использованием законопроектов. Следующие факты указывают на прогресс изменений. При Ричарде II в 1382 году (и я уже упоминал об этом факте) Палата общин попыталась узнать мнение лордов по определенному вопросу, прежде чем довести его до сведения короля.

Более четкие регламенты парламента.

Попытка была отбита лордами, которые поставили на карту свою честь, не отделяясь от короля и приняв одновременно и согласованно с ним предложения Палаты общин. Полная инициатива палат парламента возникла, естественно и неизбежно, в результате голосования по налогам. Первоначально, как вы видели, каждый класс депутатов единолично голосовал за те налоги, которые были предназначены для них самих; и рыцари удела обсуждали и голосовали по этому вопросу с лордами. Когда рыцари удела полностью объединились с депутатами округов - когда Палата общин единогласно обсудила и проголосовала по одним и тем же налогам, — стало необходимым, чтобы голосование по таким вопросам получало согласие лордов, которым также пришлось бы нести ответственность за последствия. Законопроекты, принятые в отношении субсидий, с тех пор обсуждались и голосовались обеими палатами, прежде чем они были представлены королю; и инициатива в ее нынешнем виде, таким образом, была полностью обоснована в данном конкретном случае. В 1407 году примечательный инцидент выявил эту форму судопроизводства, дал ей окончательную санкцию и в то же время вывел из нее два других парламентских права, имеющих большое значение. В результате дебатов, возникших между Палатой лордов и Палатой общин в связи с инициативой предоставления субсидий, были признаны три принципа, которые с тех пор остаются твердо установленными:

1. Парламентская инициатива в ее нынешнем виде;
2. Исключительная инициатива Палаты общин в вопросе субсидий;
3. Право Палат на то, чтобы король не был осведомлен о предмете их обсуждения до тех пор, пока они не придут к решению по нему и не будут в состоянии представить его ему в соответствии с желанием лордов и общин, собравшихся в парламенте.

Естественно, что то, что практиковалось в отношении субсидий, вскоре распространилось на все вопросы; и что предложения парламента, какова бы ни была их цель, доходили до короля как исходящие от обеих палат, а не как просто петиции одной из них. Мистер Халлам утверждает, не приводя никаких подробностей, что эта практика стала общепринятой во время правления Генриха VI, и с этого периода он датирует реальное разделение законодательной власти на три ветви. Я склонен думать, что эта практика зародилась в более ранние времена, хотя она редко применялась на практике; и, исходя из самого устройства парламента в ту эпоху, несомненно, что она не стала постоянной и повсеместной до более позднего периода.

В 1406 году я обнаружил, что Палата общин устами спикера сэра Джона Тибето потребовала права отзывать свои законопроекты из Палаты лордов на любой стадии их обсуждения с целью внесения поправок; что и было предоставлено. Таким образом, у Палаты общин уже вошло в привычку время от времени оформлять свои петиции в виде законопроектов и пропускать их через Палату лордов, прежде чем представить королю.

В этот период Палата лордов все еще рассматривалась как большой совет короля и как своего рода посредник между тайным советом и всем парламентом; и ряд предложений по вопросам управления и даже законодательства все еще исходил только от Палаты общин и представлялся в форме петиций королю и лордам. Таким образом, практика проявления инициативы в виде законопроектов, принятых обеими палатами, не могла носить общего характера. Периоды малолетства короля или его отсутствия, как правило, все больше придавали Палате лордов характер большого правительственного совета. Соответственно, эти эпохи, и особенно правление Генриха VI, изобилуют предложениями или петициями Палаты общин к лордам. Именно в более поздний период, когда король и его тайный совет восстановили более независимую власть, чем пользовались их предшественники, то есть при династии Тюдоров, Верхняя палата полностью отделилась от правительства в собственном смысле этого слова и оказалась по отношению к королю почти в том же положении, что и Палата общин. Только тогда практика рассмотрения законопроектов, обсуждавшихся в обеих палатах до их представления королю, приобрела постоянный и общий характер, то есть парламентская инициатива окончательно заменила древнее право подачи петиций, которым обладала каждая палата, и особенно Палата общин.

Голоса за субсидирование.

Что касается порядка проведения дебатов в парламенте, то по древнему обычаю король не должен был отвечать на петиции Палаты общин до последнего дня сессии; это делало невозможным постановку вопроса о выделении субсидий в зависимость от ответов короля. Они попытались отменить этот порядок, вероятно, во время правления Ричарда II.; ибо шестой вопрос, который он предложил судьям, заключался в том, может ли парламент, когда король привлек внимание парламента к какому-либо вопросу, заняться другими вопросами, прежде чем принимать решение по предложениям короля. Судьи ответили, что такое разбирательство было актом государственной измены. Ответы судей Ричарда II. поскольку вышеприведенное *изречение* было объявлено нелегитимным в парламенте 1399 года, оно вызвало всеобщее осуждение. Соответственно, в 1401 году палата общин заявила, что в их

обычае не предоставлять какие-либо субсидии до тех пор, пока король не ответит на их петиции, и они потребовали, чтобы этот курс был продолжен. Король сказал, что обсудит этот вопрос с лордами, и в последний день сессии он ответил, "что никогда не было известно о таком использовании, но что они должны сначала разобраться со всеми другими делами, прежде чем на их петиции будут даны ответы; это постановление король не намерен изменять". Мы не находим, чтобы Палата общин тогда сопротивлялась или пыталась добиться общего признания принципа, который они отстаивали. Но этот принцип часто применялся на практике в последующих парламентах, и король был вынужден не чинить никаких препятствий на его пути. В 1407 году парламент открылся 20 октября. 9 и 14 ноября палата общин предстала перед королем, изложила свои многочисленные жалобы, получила его ответ и не предоставляла субсидий до 2 декабря следующего года. В 1410 году парламент собрался 27 января; и только 9 мая, после того как он получил удовлетворение по нескольким пунктам, среди прочего по поводу увольнения двух членов тайного совета, он предоставил субсидию. Эта практика стала почти постоянной во время правления Генриха VI. Мы находим очевидное доказательство этого в заседании парламента в ноябре 1455 года. Палата общин несколько раз посылала запросы с требованием к лордам назначить Протектора королевства из-за слабоумия Генриха VI.; и архиепископ Кентерберийский призвал лордов дать окончательный ответ, "поскольку хорошо известно, что палата общин не будет уделять внимания никаким делам парламента, пока они не получат ответ и удовлетворение своей просьбы".

Судебные полномочия лордов.

Таким образом, этот принцип стал фактом и был общепризнан как факт.

Также в течение этого периода начали регулироваться выборы в парламент и права парламента в вопросе выборов. Я уже отмечал при рассмотрении вопроса о формировании парламента, что избирательная система была окончательно установлена статутами Генриха IV в 1405 году и Генриха VI в 1429 и 1432 годах. Многие факты доказывают, что в то время значение Палаты общин стало настолько велико, что выборы были предметом частых фальсификаций. Во время правления Генриха VI был принят ряд детальных законодательных актов, направленных на предотвращение подобных махинаций и регламентирующих процедуру их расследования и наказания. Тогда же, впервые, мы обнаруживаем условия, налагаемые на выбор выборщиков. Древний дух избирательных институтов требовал, чтобы избранные лица были жителями округа или города, которые они были выбраны представлять. Это было преобразовано в прямой закон статутom Генриха V. в 1413 году, который был обновлен статутom Генриха VI в 1444 году; но закон пришел в негодность в силу обстоятельств, так и не будучи официально отмененным.

В течение этого периода решение о выборах по-прежнему принадлежало лордам и королевскому совету, которых часто призывали воспользоваться этой прерогативой петициями Палаты общин.

Именно в эту эпоху судебная власть, которая первоначально принадлежала всему парламенту, была объявлена принадлежащей исключительно Палате лордов. Это заявление было сделано в 1399 году по предложению самой палаты общин и устами архиепископа Кентерберийского, который сказал: "Что палата общин - это всего лишь просители, и что все решения принадлежат

королю и лордам; если только это не касается законов, предоставления субсидий и тому подобного". Начиная с этого периода Палата общин, когда она желала вмешиваться в судебные решения иначе, чем путем импичмента, была вынуждена прибегать к средствам судебных исков. Они приняли этот план в случае с герцогом Саффолком в 1450 году и очень часто впоследствии.

Сопротивление Общему Собранию.

Это наиболее заметные признаки прогресса, достигнутого за этот период конституцией и формами парламента. Если мы теперь рассмотрим парламент, уже не сам по себе и его собственные внутренние процедуры, а в его отношениях с так называемым правительством, мы обнаружим, что его права и влияние в вопросах налогообложения, законодательства и государственного управления были такими же, какие он завоевал при Эдуарде III. и Ричард II., и что это просто осуществляло их с большей уверенностью и меньшим противодействием. Генрих IV не раз пытался противостоять власти Палаты общин, но она возвела его на трон и чувствовала себя в состоянии ограничить его в пределах его власти. В 1404 году оно потребовало от него увольнения четырех офицеров его двора; и он ответил с необычайным смирением, "что он не знает причин, по которым они должны быть смещены, но поскольку лорды и палата общин считают, что это в интересах королевства и его собственной выгоды, он удалит их и в будущем поступит так же с любым министром, который навлечет на себя ненависть своего народа". В 1406 году палата общин представила на утверждение короля тридцать статей, которые, по их словам, были разработаны для обеспечения лучшего управления государственными делами и которые они требовали, чтобы королевские чиновники поклялись соблюдать. Эти статьи, хотя и носили временный характер, были призваны пресечь многие существующие злоупотребления и ограничить королевские prerogatives в определенных отношениях. Король подумал, что не может отказаться от своего согласия. К концу своего правления Генрих IV казался более смелым и менее склонным безоговорочно подчиняться контролю парламента; но его смерть предотвратила все серьезные конфликты. Слава Генриха V и страсть к войнам с Францией заполнили его несколько короткое правление; парламент поддерживал его во всех его мерах и даже зашел так далеко, что в 1415 году предоставил ему пожизненное пособие с правом использовать его произвольно и по своему усмотрению. Во время несовершеннолетия Генриха VI, или, скорее, во время всей той части его правления, которая не была запятнана гражданской войной и фактически долгое время оставалась в меньшинстве, власть парламента достигла своего апогея и поглотила все правительство. Все вопросы решались между лордами и палатами общин; но для нации, предоставленной таким образом самой себе, было слишком рано создавать регулярное правительство. Среди аристократии возникли ожесточенные фракции, подавить которые Палата общин была не в состоянии. То великое развитие общественных институтов и свобод, которое началось при короле Иоанне и продолжалось с такой регулярностью со времен правления Эдуарда III, было внезапно прервано, и Англия погрузилась в жестокую анархию войн Алой и Белой Розы, чтобы вырасти только при деспотизме Дома Тюдоров.

Обзор состояния Европы.

Как получилось, что институты, и без того столь сильные и активные, по крайней мере внешне, так быстро пришли в упадок? Как получилось, что парламентское правление, которое, казалось, обладало всеми своими основными правами и принципами, приостановилось в своем развитии и более чем на столетие уступило правлению почти абсолютной монархии? Теперь, когда я подошел к завершению этого курса лекций, я не могу исследовать с вами причины этого, по-видимому, необычного факта; но их можно увидеть в другом очень примечательном факте, в аналогии, которая преобладает между историей Англии и историей Франции в этот период. Во Франции также в течение четырнадцатого и пятнадцатого веков мы различаем видимые попытки представительного правления; за этими бессвязными и поверхностными очерками последовали религиозные войны, Лига и великие беспорядки шестнадцатого века; и порядок не был восстановлен, Франция не обрела покоя и энергии до установления абсолютной власти кардиналом Ришелье и Людовиком XIV и уничтожения как политической силы той древней феодальной аристократии, которая была не в состоянии ни обеспечить страну, ни взять на себя управление Францией. , их законное и прочное положение.

В Англии, как вы только что видели, представительное правление, возникшее в тринадцатом и четырнадцатом веках, не ограничивалось бессвязными и слабыми очерками; но утвердилось на своих существенных основах и быстро получило значительное развитие. Кровопролитные конфликты за престолонаследие, затянувшиеся раздоры Алой и Белой Розы резко остановили его продвижение. Точно так же, как во Франции, начиная с правления Людовика XI, мы ничего не слышим о попытках создания свободных институтов, так и в Англии, во время правления Эдуарда IV. и Ричард III, у парламента нет истории. В промежутках между гражданской войной она выступает лишь как орудие мести победившей партии и для вынесения обвинительных приговоров лидерам побежденной фракции. Он проголосовал за несколько налогов, но это было единственное из его прав, которое он все еще сохранял, и даже этого удалось избежать из-за практики *Благотворительности*, или подарков, которые кажутся добровольными, но на самом деле обязательными, из которых мы встречаем несколько примеров в предшествующие времена, но которые получили большое распространение при Эдуарде IV. Наконец, не раз проходило несколько лет без созыва парламента, особенно с 1477 по 1482 год; такая приостановка была беспрецедентной с 1327 года.

Однако гражданские войны XV века являются лишь поверхностной и, так сказать, внешней причиной этого внезапного упадка представительного правления в Англии; чтобы обнаружить его истинную причину, мы должны глубже проникнуть в состояние общества.

До этого периода три великие силы английского общества — королевская власть, аристократия и палата общин — поддерживали тесные и постоянные отношения между собой и по очереди служили друг другу либо препятствием, либо средством достижения успеха. Именно с помощью крупных баронов палата общин смогла завоевать свои свободы. Королевская власть, хотя и была сильна сама по себе, тем не менее была вынуждена прибегать иногда к помощи баронов, а иногда и к палате общин. Результатом политического согласия этих трех великих социальных сил, а также превратностей их союзов и судебных стал прогресс представительного правления. Свобода может быть установлена только там, где в государстве не существует какой-либо официальной власти, достаточно преобладающей, чтобы узурпировать абсолютную власть.

Во второй половине XV века равновесие этих трех сил прекратилось. Королевская власть в некотором роде исчезла из-за слабоумия Генриха VI, а впоследствии из-за неопределенности права наследования короны. Правительство перешло в руки высшей аристократии, которая была разделена и отвлечена своими внутренними распрями. Палата общин была не в том состоянии, чтобы выступать в роли посредников между этими ужасными фракциями и навязывать им уважение к общественному порядку. Рыцари удела присоединились к свите знатных баронов, с которыми они все еще были связаны множеством уз, и города, оставленные таким образом в покое, ничего не могли поделать, но были унесены общим потоком. В этом состоянии беспорядка и насилия Общины исчезли, или, если они не были уничтожены материально, их политическая власть исчезла. Высшая аристократия сама добилась своего распада; многие знатные семьи были уничтожены, и еще больше разорилось. Генрих VII, вступив на престол, обнаружил лишь обломки того дворянства, которое заставляло трепетать его предшественников. Крупные бароны, утомленные собственными излишествами и лишенные значительной части своих ресурсов, больше не были склонны или способны продолжать борьбу против королевской власти, которую возглавляли их предки со времен короля Иоанна. Таким образом, с этой стороны у королевской власти больше не было могущественных противников. С другой стороны, палата общин, опустошенная и обессиленная гражданской войной, была не в состоянии занять место высшей аристократии в борьбе против королевской власти. Они принимали участие в управлении государством как сторонники знати; и когда они обнаружили, что стоят почти в одиночестве перед короной, им даже не пришло в голову, что такое вмешательство было их правом: поэтому они удовлетворились защитой нескольких особых прав, в частности согласия на крупные субсидии; а в остальном они позволили управлять собой. Так возникло правительство Генриха VIII, а в более поздний период - Елизаветы Петровны.

Потребовалось более столетия, чтобы дать возможность английской общине, вновь оживленной и укрепленной с материальной точки зрения долгими годами порядка и процветания, а с моральной точки зрения — религиозной реформацией, приобрести достаточную социальную значимость и интеллектуальный подъем, чтобы, в свою очередь, встать во главе сопротивления деспотизму и увлечь за собой древнюю аристократию. Эта великая революция в общественном состоянии разразилась в царствование Карла I. Она определила ту политическую революцию, которая после пятидесяти лет конфликта окончательно установила представительное правительство в Англии.

Конец.

Напечатано издательством "Харрисон и сын", Лондонская газета, Сент-Мартин-лейн; и Орчард-стрит, Вестминстер.

Конец основного текста

[Примечание автора: указанные цены рассчитаны по системе £ sd (или Lsd), "фунты, шиллинги и пенсы", от

весы, солиды

, и

denarii

. 12

d

(пенс) - это шиллинг. 20

s

(шиллинги), или 240

d

(пенс) - фунт стерлингов. Покупательная способность одного пенса 1852 года составляет около 0,58 доллара США в 2020 году. Обычная цена 3

s

. 6

d

. стоит около 40 долларов.]

Реклама издателя

Классическая библиотека Бона,

Серия дословных переводов в прозе
греческих и латинских классиков,
С примечаниями и указателями.

Соответствует стандартной библиотеке, по 6 штук в каждой (за исключением Фукидида, Эсхила, Вергилия, Горация, Кабинетов Цицерона, Демосфена, Приложения к Эсхилу, "Органона" Аристотеля, все по 3 страницы 6d в каждом томе).

1. Геродот.

Преподобный Генри Кэри, магистр искусств, Фронтиспис.

2 & 3. Фукидид.

Преподобный Х. Дейл.

В 2-х т. (по 3с.. Под. В каждом). Фронтиспис.

4. Платон. Том 1. Кэри.

[Апология Сократа, Критона, Плейдо, Горгия, Протагота, Федра, Теэтета, Евтифрона, Лисия.]
Фронтиспис.

5. *"История Рима" Ливия*,
переведенная буквально. Т. I., Книги 1-8.
6. *Платон. Vol.II.* Автор: Дэвис.
[Республика, Тимей и Критий.]
7. *"История Рима" Ливия, том II.*, Книги с 9 по 26.
8. *Софокл.* Оксфордский перевод, исправленный.
9. *Эсхил*, буквально переведенный.
Оксонианином. (Цена 3s. 6d.)
- 9* *"Эсхил"*, Приложение к, содержащее новые прочтения, данные в посмертном издании
"Эсхила" Германна, переведенном и отредактированном Г. Берджесом, МА (3s. 6d).
10. *Риторика и поэтика Аристотеля.*
С экзаменационными вопросами.
11. *История Рима Ливия. Том. III.*, Книги с 27 по 36.
- 12 & 14. *Еврипид*, дословный перевод.
По тексту Диндорфа. В 2 Т.
13. *Вергилий Дэвидсона.* Новое издание, переработанное.
(Цена 3s. 6d.) *Фронтиспис.*
15. *Гораций.* Автор Смарт. Новое издание, переработанное.
(Цена 3s. 6d.) *Фронтиспис.*
16. *Этика Аристотеля.*
Автор: профессор Р. У. Браун из Королевского колледжа.
17. *Должности Цицерона.*
[Старость, дружба, мечта Сципиона, парадоксы и т.д.]
18. *Платон. Том. III.* Г. Берджес, М.А.
[Энтидем, Симпозиум, Софисты, Политикус, Лахес, Парменид, Кратил и Менон.]
19. *"История Рима" Ливия. Том IV.*
(который завершает работу).
20. *Цезарь и Гиртий.* С указательным.
21. *"Илиада" Гомера* в прозе, дословный перевод.
Фронтиспис.
22. *"Одиссея" Гомера*, Гимны, Эпиграммы и Битва лягушек и мышей.
23. *Платон. Том IV.* Г. Берджес, М.А.
[Филеб, Хармид, Лахес, Два Алкивиада и десять других диалогов.]

24. 25, & 32. *Овидий*. Х. Т. Райли, Б.А.

Полное собрание сочинений в 3-х томах. *Фронтисписы*.

26. *Lucretius*. Преподобным Дж. С. Уотсоном.

С метрической версией Дж. М. Гуда.

27, 30, 31, & 34. *Речи Цицерона*.

Автор К. Д. Йонг.

Полное собрание в 4-х томах.

(Том 4 содержит также риторические фрагменты.)

28. *Пиндар*. Автор Доусон У. Тернер.

С метрической версией Мура. *Спереди*.

29. *Платон*. Том V. Г. Берджес, магистр философии [Законы.]

33 & 36. *Комедии Плавта*,

Х. Т. Райли, Б.А. В 2-х томах.

35. *Ювенал, Персий и др.*

Преподобного Л. Эванса, магистра медицины, с метрической версией Гиффорда. *Фронтиспис*.

37. *Греческая антология*,

переведенная главным образом Г. Берджесом, А.М., с метрическими версиями различных авторов.

38. *Демосфен*.

Олинтийские, Филиппические и другие Публичные речи, с примечаниями, приложениями и проч., К. Рэнна Кеннеди. (3с.. 6д..)

39. *Саллюстий, Флор и Веллей Патеркул*,

с подробными примечаниями, биографическими справками и Указателем, составленными преподобным Дж. С. Уотсоном, магистром медицины

40. *Фарсалия Лукана*,

с подробными примечаниями, Х. Т. Райли, Б.А.

41 *Феокрит, Бион, Мосх и Тиртей*,

преподобного Дж. Бэнкса, магистра медицины, с метрическими версиями Чепмена.

Фронтиспис.

42. *"Академики Цицерона", "Вопросы о финибусе и Тускулане"*, К. Д. Йонг, Б. А. С очерком греческой философии.

43. *"Политика и экономика Аристотеля"*,

Э. Уолфорда, магистра медицины, с примечаниями, анализом, Биографией, Введением и Указателем.

44. *Diogenes Laertius*. *Жизни и мнения древних философов* с примечаниями К. Д. Йонга, бакалавра гуманитарных наук

45. *"Теренс и Федр"*, автор Х. Т. Райли.

К которому добавлена метрическая версия "Федра" Смарта. *Фронтиспис*.

46 & 47. *"Органон" Аристотеля*, или "Логические трактаты" и "Введение в Порфирий" с примечаниями, анализом, введением и указателем, преподобного О. Оуэна, магистра медицины, 2 тома., 3с.. 6д.. за т.

48 & 49. *Аристофан*,

с примечаниями и выдержками из лучших метрических версий, У. Дж. Хики, в 2-х томах. *Фронтиспис*.

50. *Цицерон О природе богов, прорицании, Судьбе, законах, Республике и т. Д.*, перевод К. Д. Йонга, бакалавр гуманитарных наук

51. *Apuleius*. [Золотой осел, Смерть Сократа, Флорида, и Защита, или Рассуждения о магии]. К которому добавлена метрическая версия "Купидона и Психеи"; и "Психеи миссис" Тай. *Фронтиспис*.

52. *Юстин, Корнелий Непот и Евтропий*,

с примечаниями и общим указателем, составленными преподобным Дж. С. Уотсоном, магистром медицины

53 & 58. *Tacitus*. Том I. Летописи.

Том. II. История Германии, Агриколы и др. С указателем.

54. *Платон*. Том VI., завершающий работу и содержащий Эпиномида, Аксиоха, Эриксияса "О добродетели, справедливости", Сизифа, Демодока и определения; трактат Тимея Локра "О душе мира и природе"; "Жизнеописания Платона" Диогена Лаэртского, Исихия и Олимпиодора; и Введения к его Доктринам Алкиноя и Альбина; Апулея к доктринам Платона и Замечания к сочинениям Платона поэта Грея. Отредактировано с примечаниями Г. Берджесом, магистром медицины, Трин. Колл., Самб. С общим указателем к 6 томам.

55, 56, 57. *Афиней*.

"Дейгнософисты, или Банкет ученых", переведенный К. Д. Йонджем, Б.А., с приложением поэтических фрагментов, переведенных на английский язык стихами различных авторов, и общим указателем. Полностью в 3-х томах.

59. *Катулл, Тибулл и "Бдение Венеры"*.

Дословный перевод в прозе. К которому добавлены метрические версии Лэмба, Грейнджера и других. *Фронтиспис*.

60. *Проперций, Петроний Арбитр и Иоганн Секундус*, буквально переведенные и сопровождаемые поэтическими версиями из различных источников; к ним добавлены *Любовные послания Аристенета*. Под редакцией У. К. Келли.

61. 74 и 82 *География Страбона*,

переведенная с многочисленными примечаниями У. Фальконером, магистром медицины, и Х. К. Гамильтоном, эсквайром. В 3-х т. и указателе.

62. *"Анабасис" Ксенофонта*, или Экспедиция Кира, и *"Памятные вещи*, или Мемуары Сократа", переведенные преподобным Дж. С. Уотсоном, с географическим комментарием У. Ф. Эйнсворта. *Фронтиспис*.

63. *"Киропедия и эллины" Ксенофонта*, преподобных Х. Дейла и Дж. С. Уотсона.

64. 67, 69, 72, 78, & 81. *Естественная история Плиния*, с обширными примечаниями, доктора Бостока и Т. Х. Райли. В 6 томах. Тома I., II., III., IV., V. и VI.

65. *Светоний*. "Жизни цезарей" и другие произведения. Перевод Томсона, переработанный Т. Форестером.

66. *Демосфен О короне и посольстве*, К. Рэнн Кеннеди.

68. *"Цицерон об ораторском искусстве и ораторах"*, преподобного Дж. С. Уотсона, магистра искусств. Этот том дополняет классическое библиотечное издание "Цицерона".

70. *Греческие романсы*. Гелиодор, Лонг и Ахилл Татий.

71 & 76. *Институты ораторского искусства Квинтилиана*. Преподобный Дж. С. Уотсон, магистр медицины, Полное издание, с примечаниями, указателем и биографической справкой. 2 тома.

73. *Гесиод, Каллимах и Феогнис* в прозе Бэнкса с метрическими версиями Элтона, Тайтлера и Фрера.

75. *Словарь латинских цитат*, с указанием количества и английскими переводами; включая пословицы, изречения, девизы, юридические термины и фразы; с коллекцией из более чем 500 греческих цитат.

77. *Демосфен против Лептинов, Мидий, Андротионов и Аристократов*. Чарльз Рэнн Кеннеди.

79. *Второстепенные сочинения Ксенофонта*; перевод преподобного Дж. С. Уотсона.

80. *Метафизика Аристотеля*, буквально переведенная с примечаниями, анализом, экзаменационными вопросами и Указателем преподобным Джоном Х. Макмахоном, магистром медицины

Антикварная библиотека Бона.

Униформа со стандартной библиотекой, цена 5с.,

1. *Церковная история Беды и
Англосаксонская хроника.*

2. *Молотки по северным древностям.*

Епископ Перси. С аннотацией "Саги об Эрбиггии" сэра Вальтера Скотта. Под редакцией Дж. А. Блэкуэлла.

3. *"Хроника королей Англии" Вильгельма Малмсберийского.*

4. *Шесть древнеанглийских хроник:* а именно, "Жизнь Альфреда" Ассера; Хроники Этельверда, Гильдаса, Ненниуса, Джеффри Монмутского и Ричарда Сайренсестерского.

5. *Ранние английские метрические романсы Эллиса.*

Переработано Дж. Орчардом Холливеллом.

Полностью в одном томе, *Фронтиспис с подсветкой.*

6. *Хроники крестоносцев:*

Ричард Девизский. Джеффри де Винсоф. Лорд де Жуанвиль. Полное собрание сочинений в 1 томе. *Фронтиспис.*

7. *Ранние путешествия по Палестине.*

Уиллибальд, Севульф, Бенджамин из Туделы, Мандевиль, Ла Брокьер и Мондрелл. В одном томе. *С Картой.*

8, 10, & 12. *"Популярные древности Великобритании" бренда.* Автор - сэр Генри Эллис. В 3-х т.

9 & 11. *"Цветы истории" Роджера Уэндоверского*
(ранее приписывалась Мэтью Пэрису). В 2-х т.

13. *Сказочная мифология Кейтли.*

Увеличено. *Фронтиспис* работы Крукшенка.

14, 15, & 16. *Работы сэра Томаса Брауна.*

Под редакцией Саймона Уилкина.

Портрет. В 3-х томах. С указателем.

17, 19, & 31. *Хроника Мэтью Пэриса,*

содержащая историю Англии с 1235 года, с указателем на всю книгу, включая часть, опубликованную под именем Роджера Уэндоверского, в 3-х томах. (См. 9 и 11). *Портрет.*

18. *Святочные истории,*

Сборник скандинавских сказок и традиций под редакцией Б. Торпа, эсквайра.

20 & 23. *"Анналы английской истории" Роджера Де Ховедена,* с 732 по 1201 год н.э. Переведено Х. Т. Райли, эсквайром, бакалавром в 2-х томах.

21. *"История англичан" Генриха Хантингдонского*, от римского вторжения до Генриха II; с Деяниями короля Стефана и др.
22. *"Жизнь Альфреда Великого" Паули*.
К которому прилагается *англосаксонская версия Орозия Альфредас* буквальным переводом. Примечания, а также *англосаксонская грамматика* и *гlossарий* Б. Торпа, эсквайра.
- 24 & 25. *"Цветы истории" Мэтью Вестминстерского*, особенно те, которые касаются дел Британии, от сотворения мира до 1307 года нашей эры. Переведено К. Д. Йонге, Б.А. В 2-х томах.
26. *Письма Лепсиуса из Египта, Эфиопии и с Синайского полуострова*. Переработано автором. Переведено Леонорой И Джоанной Б. Хорнер.
С картами и цветным видом горы Баркал.
- 27, 28, 30 & 36. *Ордерик Виталис, Его "Церковная история Англии и Нормандии"*, перевел с примечаниями Введение Гизо, Критическое замечание М. Дейля и очень обширный указатель Т. Форестера, магистра медицины, в 4 томах.
29. *"Хроника аббатства Кройланд" Ингульфа*, с продолжениями Петра из Блуа и других авторов. Переведено с примечаниями и Указателем Х. Т. Райли, Б.А.
32. *Произведения Лэмба об английских драматических поэтах времен Елизаветы*; включая его отрывки из пьес Гаррика.
33. *"Путешествия Марко Поло"*, перевод Марсдена, отредактированный с примечаниями и введением Т. Райтом, магистром медицины, Ф.С.А. и др.
34. *Хроника Флоренс Вустерской* с двумя продолжениями; содержит *Анналы английской истории* от ухода римлян до правления Эдуарда I.
Переведено с примечаниями Т. Форестером, эсквайром
35. *Сборник пословиц*, содержащий всю коллекцию Рэя, и полный алфавитный указатель, в который внесены большие дополнения, собранные Генри Г. Боном.
37. *Хроники гробниц*:
избранная коллекция эпитафий; с Эссе о монументальных надписях и т. Д., Т. Дж. Петтигрю, F.R.S., F.S.A.
38. *Полиглот иностранных пословиц*; включающий французский, итальянский, немецкий, голландский, испанский, португальский и датский языки. С английскими переводами и общим указателем.
-

Историческая библиотека Бона, Одинаковая со Стандартной библиотекой, цена 5s3a том.

1, 2 и 3. *Воспоминания Джесси об английском дворе времен правления Стюартов*, включая *Протекторат*. В 3-х томах, с Общим указателем и более чем 40 портретами, выгравированными на стали.

4. *Воспоминания Джесси о Претендентах и их приверженцах*. Новое издание, полное в 1 томе, с указателем и шестью портретами после оригинальных рисунков.

5, 6, 7 & 8. *Дневник и переписка Пепи* под редакцией лорда Брейббука. Новое и улучшенное издание с дополнениями. Полное собрание в 4 томах. Иллюстрирован портретами и тарелками.

Библиотека французских мемуаров Бона, Одинаковая с Стандартной библиотекой, цена 3s. 6d3a том.

1 и 2. *Мемуары Филиппа Де Коммина*, содержащие историю Людовика XI. и Карла VIII, королей Франции, и Карла Смелого, герцога Бургундии. К этому добавляется *Скандальная хроника*. В 2-х томах. *Портреты*.

3, 4, 5 и 6. *Мемуары герцога Сюлли*, премьер-министра Генриха Великого. С примечаниями и историческим введением сэра Вальтера Скотта. В 4-х томах. С общим указателем. *Портрет*.

Британская классика Бонна, единая с стандартной библиотекой, цена 5долларов. 6долларов3a том.

1, 3, 5, 8, 11, 14 & 20. *Римская империя Гиббона*;
Полная и без сокращений, с примечаниями *variorum*; включая, помимо всех собственных работ Автора, работы Гизо, Венка, Нибура, Хьюго, Неандера и других зарубежных ученых. Отредактировано английским священнослужителем, с очень подробным Указателем.

2, 4, 6, 16, 24 & 25. *Работы Аддисона* с примечаниями епископа Херда и большими дополнениями, собранные и отредактированные Генри Г. Боном. *С портретом и гравюрами на стали*.

7. *Сочинения Дефо* под редакцией сэра Вальтера Скотта. Том 1. Содержащий жизнь, приключения и пиратство капитана Синглтона и жизнь полковника Джека. *Портрет Дефо*.

9 *Сочинений Дефо*, Том. 2.

Содержит "Мемуары кавалера", "Приключения капитана Карлтона", "Дикори Кронке" и др.

10. "Жизнь Берка" *Приора*,
(составляющая 1-й том *Сочинений Берка*), новое издание, переработанное Автором. *Портрет*.
12. *Сочинения Берка*
, Том 1, содержащий его "Оправдание естественного общества", "Эссе о возвышенном и прекрасном" и различные политические сборники.....
13. *Сочинения Дефо*,
под редакцией сэра Вальтера Скотта. Том 3. Содержащий жизнь Молл Фландерс и историю дьявола.
15. *Работы Берка*. Том 2,
содержащий очерк Французской революции, политические письма и речи.
17. *Сочинения Дефо*, Том. 4.
Роксана, или Удачливая любовница; и жизнь и приключения матушки Росс.
18. *Работы Берка*
, том 3. Обращение от Новых к Старым вигам и т. д., и проч., и проч., и проч., и проч., и проч., и проч., и проч., и проч., и проч., и проч.
19. *Труды Берка*
, том 4, содержащий его отчет о делах Индии и статьи против Уоррена Гастингса.....
21. *Сочинения Дефо*
, том 5, содержащий историю Великой лондонской чумы 1665 года; Лондонского пожара 1666 года (автор аноним); Бури; и Истинного прирожденного англичанина.....
- 22 & 23. *Сочинения Берка*
(в шести томах). Тома. 5 т. 6.
26. *Сочинения Дефо*,
под редакцией сэра Вальтера Скотта. Том 6. "Жизнь и приключения Дункана Кэмпбелла", "Кругосветное путешествие" и Трактаты, относящиеся к присоединению Ганноверии.
- 27 & 28. *Речи Берка об импичменте Уоррена Гастингса*; с подборкой его писем и общим указателем. 2 тома. (Также образует тома. 7 и 8 работ Берка, которые они завершают.)
-

**Церковная библиотека Бона,
Одинаковая со Стандартной библиотекой,
цена 5 долларов за Том.**

1. *Церковная история Евсевия*,
Переведенная с греческого, с примечаниями.
2. *Церковная история Сократа*,
в продолжении Евсевия, с примечаниями Вalezия.

3. *Феодорит И Евагрий.*

Церковные истории с 332 по 427 год н.э. и с 431 по 544 год н.э.

Переведено с греческого, с общим указателем.

4. *Труды Филона Иудея,*

переведенные с греческого К. Д. Йонгом, Б.А., том 1.

8. *Филон Иудейский, Том 2.*

6. *Церковная история Созомена*

с 324 по 440 гг. н.э.: и Церковная история Филосторгия, переведенная с греческого с воспоминаниями автора Э. Уолфордом, магистром медицины

7 & 8. *Филон Иудей, Тома. 3 и 4, с общим индексом.*

[Страница закрыта вкладкой "Библиотечный тираж".]

Серия шиллингов Бона.

43. *Введение Гервинуса в историю девятнадцатого века*, перевод с немецкого (с воспоминаниями автора).

44. *"Физиология воздержания" Карпентера (доктора У. Б.), представляющая собой исследование воздействия чрезмерного, умеренного и случайного употребления алкогольных напитков на организм человека (или на тонкой бумаге, переплетенной в ткань, 2с.. 6д..)*

45. *"Насест и другие рассказы" Ирвинга Вольферта. 3с.; или на тонкой бумаге с портретом, 1с.. 6д..*

46. *Жизнь Ирвинга в Вашингтоне, Том 1.*

Ранняя жизнь и приключения, *Прекрасный портрет, 2с. 6д.*

47. Том. 2. *"Жизнь Вашингтона" Ирвинга, том. 2.*

Американская война, вторжение в Канаду и с. 2с. 6д.

48. *"Вашингтонская жизнь" Ирвинга, Том. 3.*

Американская война 1777, 1778 и 1779 годов, дощечки, 2с. 6д.

48. *"Жизнь Вашингтона" Ирвинга, том 4.*

в котором рассказывается об американской войне до ее завершения и т.д.

50. *Охота на львов и спортивная жизнь в Алжире,*

Жюль Жерара, *"Убийцы львов"*, с двенадцатью гравюрами. 1с. 6д.

**Дополнительные тома Бона,
одинаковые со стандартной библиотекой,
цена 3s. 6d.**

1. Мемуары Граммона О дворе Карла II. Портрет.
 - 2 & 3. Произведения Рабле.
Полностью в 2-х томах. Портрет.
 4. Сказки графа Гамильтона. Портрет.
 5. "Декамерон" Боккаччо, полный перевод, У. К. Келли, эсквайр. Портрет.
 6. Образцовые романы Сервантеса, полное собрание. Портрет.
 7. Гептамерон.
Рассказы Маргариты, королевы Наваррской, в манере Боккаччо. Прекрасный портрет.
-

**Филолого-философская библиотека Бона,
одинаковая со Стандартной библиотекой,
цена 5долларов за том.**

1. Руководство Теннемана по истории философии, переработанное и продолженное Дж. Р. Мореллом.
 2. Анализ и краткое изложение Геродотас синхронной таблицей событий, таблицами весов, денег и т.д.
 3. Примечания Тернера (Доусона У.) К Геродотудля студентов.
 4. Логика, Или Наука вывода, популярное пособие Дж. Деви.
 5. "Критика чистого разума" Канта, перевод Мейклджона.
 6. Анализ и краткое изложение Фукидида, автор Т. Уилер. Новое издание с добавлением полного указателя.
 - 7 & 8. Провинциальный словарь Райта. Словарь устаревшего и провинциального английского языка, составленный Томасом Райтом, эсквайром (1048 страниц). 2 тома, 10с.. или в 1 толстом томе, наполовину в сафьяне, 12с.. 6d..
 - 9, 10 & 11. Руководство по английской литературе для библиографов Лоундса. Новое издание, переработанное и дополненное Х. Г. Боном. Должно быть завершено в 8 частях, образующих 4 тома. Части I, II и III, цена 3s. 6dкаждая.
-

[Примечание переписчика: следующие пункты помещены на первых форзацах. Две страницы закрыты библиотечными вставками.]

31. *Сочинения Гете*. Том. 1

[Его автобиография. 13 книг.] *Портрет*.

35. *Уитли об общей молитве*. Фронтиспис.

37, 39, 40, 81, & 86. *Прозаические произведения Мильтона*.

В 5 томах с общим указателем и портретом.

38, 41, & 45. *История Германии Менцеля*.

Полное собрание сочинений в 3-х томах. *Портрет*.

42. *Эстетические и прочие работы Шлегеля*.

43. *Сочинения Гете*. Том II.

[Остальная часть его автобиографии и путешествия.]

44. *Произведения Шиллера*. Том IV.

["Разбойники", "Фиеско", "Любовь и интрига" и "Провидец-призрак".:] Перевод Генри Г. Бона.

92. *Провинции Дуная*.

"История Сербии" Ранке, Сербская революция, Восстание в Боснии и рабовладельческие провинции Турции. Переведено миссис Керр.

93. *"Избирательные симпатии" Гете, "Горести Вертера", "Немецкие эмигранты", "Добрые женщины" и "Новая девушка"*.

94. *Графины Маддалони*:

Неаполь под испанским владычеством. Перевод с немецкого Альфреда Де Румона. *Портрет Масаниейло*.

97, 109, & 112. *"История арабов в Испании" Конде*. Перевод с испанского миссис Фостер. В 3-х томах. с обильным указателем. Фронтиспис.

98 & 104. *Философские труды Локка*,

содержащие Эссе о человеческом понимании, поведении Понимания и т. Д., С примечаниями Дж. А. Сент-Джона, эсквайра. Общий указатель и портрет. В 2-х т.

100. *Венгрия: ее история и революции*.

С обширными воспоминаниями Кошута из новых и достоверных источников. *Портрет Кошута*.

101 & 113. *История России до настоящего времени*, составленная по Карамзину, Туку и Сегюру У. К. Келли, в 2-х томах. с Указателем, портреты Екатерины Второй, Николая и Мейчикопфа.

107 & 108. *Жизнеописание Ричарда Львиного кера Джеймса*, короля Англии. Новое издание портретами Ричарда и Филиппа Августуусов. Полное издание в 2-х томах.

110 & 111. *Лекции Смита по современной истории*.

Новое издание с последними исправлениями автора и Общим указателем. 2 тома.

114. *"Ученичество Вильгельма Мейстера" Гете*. Завершено.

115. *Бомонт и Флетчер*,
в популярной форме, автор Ли Хант.
116. 117. *Лекции Смита По истории Французской революции*. Новое издание, с последними исправлениями автора, дополнительной лекцией и общим указателем. Полностью в двух томах.
118. *"История французской революции" Минье*, с 1789 по 1814 год.
119. *"История английской революции 1640 года" Гизо*. С предварительным очерком о ее причинах и успехе. Переведено Wm. Хэзлитт.
120. 121, & 122. *"История цивилизации" Гизо*, от падения Римской империи до Французской революции. Перевод У. Хэзлитта. В 3-х томах. С указателем и *портретами Гизо, Карла Великого и Людовика IX*.
- 123 & 124. *"История завоевания Англии норманнами" Тьерри*. Перевод У. Хэзлитта. В 2-х томах. *Портреты*
- 125 & 126. *Критические эссе Фостера* внесли свой вклад в издание Eclectic Review. Под редакцией Дж. Э. Райленда, магистра медицины, В 2-х томах.
127. *Застольная беседа Лютера*; с Биографией А. Чалмерса. *Портрет*.
- 128, 129, 130 & 131. *История реставрации Ламартина*, 4 тома. сообщение 8во. новое издание с Общим указателем и 5 дополнительными *портретами* Ламартина, Талейрана, Лафайета, Нея и Людовика XVII. Ткань.
132. *Контрреволюция Каррела в Англии "История Якова II" Фокса*. И Мемуары лорда Лонсдейла о Джеймсе II. Портреты Кэррела и Фокса.
133. *Утренние беседы Штурма с Богом*, или Религиозные медитации на каждый день в году.
134. *Фостериана: мысли, размышления и критика покойного Джона Фостера* (Автора эссе "Решение характера", "Народное невежество" и др.), отобранных из периодических изданий, ранее не публиковавшихся в коллективной форме, и отредактированных Генри Г. Боном. (Почти 600 страниц). 5с.
135. *Жизнь и письма Джона Локка*; с выдержками из его писем и сборников общих мест, составленными лордом Кингом. Новое издание с общим указателем.
- 136 & 137. *Церковная история Неандера*,
переведенная с немецкого. Том. IX., который завершает работу. С общим указателем к девяти томам. В двух частях, по 3 секунды. 6 дней в каждой.

Униформа со Стандартной библиотекой,

Барбо (миссис) Подборки от Spectator, Tatler, Guardian и Freeholder. В 2 т. 3с.. 6д.. в каждом томе.

"Британские поэты", от Мильтона до Кирка Уайта, Кабинетное издание, содержащее очень мелким, но удивительно четким шрифтом столько же материала, сколько шестьдесят томов "Поэтов Джонсона". Завершить в 4-х томах. *Фронтисписы*. 14с. *Перевод Данте Гэри*.
Дополнительная ткань. 7s. 6d.

Вечера Кэттермоула в Хэддон-Холле

24 изысканных гравюры на стали, созданные им самим. Сообщение 8vo. 7s. 6d.

"Религия протестантов" Чиллингворта. 3s. 6d.

Классические сказки, включающие "Уэйкфилдский викарий", "Элизабет, Пол и Вирджиния", "Путешествия Гулливера", "Сентиментальное путешествие Стерна", "Печали Вертера", "Феодосий и Констанция", "Замок Отранто" и "Расселас". 12мо. 7 *Портретов*. 3s. 6d.

Демосфен.

Переведено Лиландом. *Портрет*. 3с.

Диксон и Моубрей о домашней птице,

Под редакцией миссис Лаудон, иллюстрации Харви (включая кохинхинскую птицу). 5с.

Оды и эпосы Горация,

переведенные буквально и ритмично преподобным У. Сьюэллом. 3s. 6d.

Ирвинг (Вашингтон) Работает.

Готовьте в 10 объемах. 1л. 15 *порций*. или 3 *порции*. 6д. на объем.

Введение Джойса в искусство и науку,

3с.. 6д..

Ламартин у власти три месяца.

Сшито, 2s.

Поэтические размышления и религиозные гармонии Ламартина с биографическим очерком.

Портрет. Ткань, 8s. 6d.

Лекции Лоуренса по сравнительной анатомии, физиологии, зоологии и естественной истории человека. *Тарелки*, 5секунд.

Введение Лилли в астрологию. Новое и улучшенное издание Задкиила с его Грамматикой астрологии и Таблицами рождений, 5 *страниц*.

Лаудонс (миссис) Занимательный натуралист;

описание более пятисот животных с указателями научных и популярных названий. С более 500 гравюр на дереве, выполненных Бьюиком, Харви и др. 7с.. 6д..

Лекции Лоута о священной поэзии евреев.

3s. 6d.

История Французской революции Мишле. 4с..

Философия истории Миллера. Третье издание, 4 тома, по 3с.. По 6д. каждое.

Митфорд (Скучает) по нашей Деревне.

Новое издание, с гравюрами на дереве и красивыми фронтисписами на стальнойпозолоченной ткани. 2 Тома, каждые 5секунд.

Норвегия. Путеводитель для туристов по Норвегии с советами английским спортсменам и рыбакам, составленный Томасом Форестером, эскавайром. Безвольная ткань. 2с.

Элементарная химия Паркса,
включающая Катехизис. Новое издание, с гравюрами на дереве, переработанное, 3с.. 6д..

Пьесы и стихи Шекспира,
Чалмерса, в 1 т., 3 с. 6d.

Пьесы и стихи Шекспира,
Чалмерса, с 40 гравюрами на стали, ткань, позолоченные края, 5страниц.

Стандартная библиотечная Энциклопедия политических, конституционных, статистических и криминалистических знаний. 4 Тома, по 3с.. По 6д. в каждом. Это произведение содержит целых восемь обычных октав. Впервые он был опубликован в другом виде мистером Чарльзом Найтом под названием "*Политический словарь*" за 1 16 фунтов стерлингов. Составитель, мистер Джордж Лонг, является одним из самых компетентных ученых современности.

"Хижина дяди Тома",
со вступительными замечаниями преподобного Дж. Шермана (напечатано крупным четким шрифтом, с заголовками содержания). 2s. 6d.

"Хижина дяди Тома",
то же самое, на тонкой бумаге, с 8 новыми иллюстрациями Лича и Гилберта, и прекрасным фронтисписомработы Хинчлиффа. 3с.. 6д..

"Широкий, необъятный мир",
Элизабет Уэдерелл. Завершено в 1 томе, с фронтисписом, позолоченные края, 3с.. 6д..

"Широкий, необъятный мир" Элизабет Уэдерелл. *Иллюстрировано 9 Гравюрами на стали с высокой степенью обработки, в дорогом тканевом переплете с позолоченными краями.* 5с..

**Научная библиотека Бона,
Одинаковая со Стандартной библиотекой,
цена 5долларов.,
за исключением тех, которые отмечены иначе.**

1. *Настольная книга шахматиста Стонтона,*
с диаграммами.

2. *Лекции по живописи,*
Королевских академиков.

3, 4, 8, & 15. *Космос Гумбольдта*;

или набросок физического описания Вселенной. Переведено с примечаниями Э. К. Отте. В 4-х т., с прекрасным портретом. Этот перевод (хотя и опубликован по столь низкой цене) является более полным, чем любой другой. Примечания помещены под текстом. Аналитические резюме Гумбольдта и отрывки, до сих пор не публиковавшиеся, включены; и дополнены всеобъемлющими указателями. 3s. 6d, в каждом томе.

5. *"Спутник шахматиста" Стонтона*,

содержащий Новый Трактат о коэффициентах, сборник матчевых партий, оригинальные задачи и т.д.

6. *Сборник игр*,

составленный различными любителями и профессорами.

7. *Взгляды Гумбольдта на природу*,

с цветным видом Чимборасо и др.

9. *"Геология и палеонтология" Ричардсона*,

Переработанная доктором Райтом, с более чем 400 иллюстрациями на дереве.

10. *Принципы химии Стокхардта*,

иллюстрированные простыми экспериментами, с более чем 270 иллюстрациями.

11. *Окаменелости доктора Г. А. Мантелла и их учения*; Справочник по окаменелостям в Британском музее. Красивые гравюры на дереве. 6s.

12. *Сравнительная физиология Агассиса и Гулда*. Новое и дополненное издание, с почти 400 иллюстрациями.

13. 19, & 28. *Личный рассказ Гумбольдта О его путешествиях по Америке*. С Общим индексом.

14. *"Геология и священные писания" Пая Смита*.

Пятое издание, с мемуарами.

16. *Душа Эрстеда в природе и др. Портрет*.

17. *Шахматный турнир Стонтона*, со схемами.

18 и. 20. *Трактаты Бриджуотера*. Кирби об истории, привычках и инстинктах животных; Под редакцией Т. Раймера Джонса. В 2-х томах. Много иллюстраций.

21. *Трактаты Бриджуотера*. Кидд О приспособлении внешней природы к физическому состоянию человека. 3s. 6d..

22. *Трактаты Бриджуотера*.

Астрономия и общая физика Уэвелла, рассматриваемые применительно к Естественной теологии. Портрет графа Бриджуотера. 3s. 6d.

23. *"Земля, растения и человек" Шоу и "Очерки из минерального царства" Кобелла*, Переведенные А. Хенфри, F. R. S., & c.

24. *Трактаты Бриджуотера.*

Чалмерс о приспособлении внешней природы к моральному и интеллектуальному строению человека, с последними исправлениями Автора и Биографическим очерком преподобного доктора Камминга.

25. *"Новый органум" Бэкона и развитие образования.* Полностью, с примечаниями, Дж. Деви, магистр медицины

26 & 27. *Руководство коллекционера монет Хамфри:*

популярное введение в изучение монет, древних и современных; с тщательно продуманными указателями, и многочисленными высокоточными гравюрами на дереве и стали, 2 тома.

29. *"Философия наук" Конта,*

Отредактировано из "Курса позитивной философии" Г. Х. Льюиса, эсквайра.

30. *Геологические экскурсии Мантелла, включая остров Уайт.* Новое издание с предисловием Т. Руперта Джонса, эсквайра, многочисленными прекрасными гравюрами на дереве и геологической картой.

31. *Научная поэзия Ханта;*

или Исследования физических явлений природы. Издание 3-е, исправленное и дополненное.

32 & 33. *"История магии Эннемозера",*

Переведенная с немецкого Уильямом Ховиттом. С приложением Мэри Ховитт. В 2-х томах.

34. *Элементарная физика Ханта;*

Введение в изучение натурфилософии. Новое издание, переработанное. Многочисленные гравюры на дереве и цветной фронтиспис.

35. *Справочник по отечественной медицине.*

автор: выдающийся врач (700 страниц).

36. *Краткий обзор голландских, фламандских и немецких художников, составленный Стэнли,*

37. *Трактаты Бриджуотера.*

Курс по химии, метрологии и функциям пищеварения. Под редакцией доктора Гриффита. Цветные карты.

38. *Научные диалоги Джойса.*

Новое и дополненное издание, дополненное до современного уровня знаний доктором Гриффитом. Многочисленные гравюры на дереве.

39. *Сельскохозяйственная химия Стокхардта: или Лекции по химии на местах.* Адресовано фермерам. С примечаниями профессора Хенфри и статьей о жидком навозе Дж. Дж. Мечи, эсквайр.

40. *Хронологические таблицы Блэра.*

Переработанная и дополненная "Хронология и история мира до 1856 года" Дж. У. Россе (более 800 страниц). Двойной том, 10 страниц или полушерстяной 12 страниц. 6д..

41. *Руководство Болли по техническому анализу:*

Руководство по тестированию натуральных и искусственных веществ, Б. Х. Пол. 100 гравюр на дереве.

42. *"Чудеса геологии" Мантелла;*

или знакомое изложение геологических явлений. Седьмое издание, переработанное и дополненное Т. Рупертом Джонсом, Полное собрание сочинений Ф. Г. С. в 2 томах. С цветной геологической картой Англии, таблицами и более чем 200 прекрасными вырезками из дерева. Том I. Сообщение 8во., ткань. 7s. 6d.

43 & 46. *Зоология Карпентера;*

Переработано и дополнено к настоящему времени (по договоренности с Автором) У. С. Далласом, Ф. Л. С. В 2-х томах (около 600 страниц в каждом), по 6с.каждое. Со многими сотнями гравюр на дереве.

44. *Механическая философия Карпентера, астрономия и часовое дело.* С 181 иллюстрацией.

45. *Указатель дат*, охватывающий основные факты хронологии и истории мира, с древнейших времен до наших дней. Уиллоуби Россе. В двух частях, образующих один очень толстый том. Часть I. А-J.

47. *"Чудеса геологии"Мантелла.*

Том. II. с индексом. 7s. 6d.

48 & 49. *Медали творения Мантелла.* или Первые уроки геологии и изучения органических остатков. 2 толстых тома. Второе издание, тщательно переработанное. С несколькими сотнями гравюр на дереве, изображающих ископаемые останки. 2 тома. 15с.

50. *Космос Гумбольта.* Т. V.

Земные явления, вулканы, Землетрясения, источники и с. 5с.

Иллюстрированная библиотека Бона одинакова со Стандартной библиотекой, по 5сек. за том,

с 1 по 8. *"Портреты выдающихся личностей Великобритании" Лоджа* 8 томов. сообщение 8во. 240 *Портретов*

9. *"Три блюда и пустыня Крукшенка",* с 50 иллюстрациями

10. *"Человеческие расы"Пикеринга,* с многочисленными портретами (или цветными 7с.. 6д.)

11. *"Священные земли" Китто и библейский атлас,* с 24 maps (or Coloured, 7s, 6d.) и

12. *"Естественная история Селборна"Уайта* С примечаниями сэра У. М. Джардин и другие, отредактированные с большими дополнениями Э. Джесси, эсквайром. С 40 гравюрами на дереве высокой степени обработки (Цветные, 7s. 6d.)

13. *Христианская иконография Дидрона.* Со 150 гравюрами. Том I.

14. *Подкрашивание вин.* Новое и переработанное издание, с 20 прекрасными гравюрами на дереве.
- 15 & 16. *"Битвы британского флота" Аллена.* Новое издание, дополненное автором. Многочисленные прекрасные портреты на стали. 2 Тома.
- 17 & 18. *Рим в девятнадцатом веке.* Пятое издание, в 2-х томах., с 34 *fine steel engravings* и указателем.,,
19. *Победы Максвелла над Веллингтоном и британскими армиями.* с гравировкой на стали.
20. *Жизнь Веллингтона*, написанная "Старым солдатом", составленная по материалам Максвелла; с описанием похорон. 18 гравюр на стали с высокой степенью обработки.
21. *Мэри и Ум. Рассказы Ховитта об английской и зарубежной жизни*, с 20 прекрасными гравюрами на стали.
22. *Клеточные и комнатные птицы Бехштейна*, включая певчих птиц Sweet's. Новое издание, значительно увеличенное, на многочисленных листах (или цветных, 7s. 6d.)
23. *Норвегия и ее пейзажи*, включающая дневник Прайса с большими дополнениями и путеводитель. Отредактировано Thos. Форестер, эсквайр. С 22 иллюстрациями, красиво выгравированными на стали Лукасом. Дорожная книга продается отдельно, цена 2s.
24. *Китай: Изобразительный, описательный и исторический.* с некоторым рассказом об Аве и бирманцах, Сиаме и Ассаме. Иллюстрировано 100 гравюр на дереве.
25. *Иллюстрированный справочник Лондона*, включающий его предметы старины, архитектуру, искусство, мануфактуры, торговлю, общественные, литературные и научные учреждения, выставки и художественные галереи. С 205 Гравюрами на дереве и большой картой.
26. *Иллюстрированный календарь времен года Мэри Хауитт.* Более 100 иллюстраций.
27. *Данте*, переведенный на английский стихи И. К. Райтом М.А. Третье издание, тщательно переработанное. *Портрет и 34 иллюстрации на стали в честь Флэксмана.*
- 28 & 29. *Британские птички Мади.* Пятое издание, переработанное У. К. Л. Мартином, эсквайром. Полное издание в 2-х томах, с 52 фигурками птиц и семью дополнительными тарелками с яйцами. (Или с Цветными пластинами, 7s. 6d. на объем.)
30. *"Освобожденный Иерусалим" Тассо*, перевод на английский в стихах Дж. Х. Уиффена. 4-е издание. 24 Гравюры на дереве и 8 на стали.
31. *Индия: Изобразительная, описательная и историческая история* С древнейших времен до наших дней. Карта и более 100 гравюр на дереве.
32. *"История иезуитов" Николини.* Портреты Лойолы, Лайнеза, Ксавье, Борджиа, Аквавивы, отца Лашеза, Риччи и папы Ганганелли.

33. *Робинзон Крузо* с иллюстрациями Стотарда и Харври, 12 прекрасных гравюр на стали и 74 на дереве.

34. *Мужские упражнения Уокера*, включающие катание на коньках, верховую езду, вождение автомобиля, стрельбу, парусный спорт, греблю, плавание и т.д. Десятое издание, переработанное, с многочисленными дополнениями.

35. *"История англосаксов" Миллера*, по мотивам Шэрон Тернер. С указателем, портретом Альфреда, Картой Саксонской Британии и 12 гравюрами на стали в честь Харви.

36. *Микеланджело и Рафаэль*.

Дюппа и Куатремер де Куинси. С 13 высокоточными гравюрами, включая карикатуры.

37. *Полный "Рыболов" Уолтона*; с примечаниями практического и исторического характера. Отредактировано Эдом Джесси и Генри Г. Боном. Украшено 203 гравюрами на дереве. Цена 5s; или с добавлением 26 гравюр на стали, 7s. 6d.

38. *Шедевр Марриэты Готов*; полностью в 1 томе, с 93 гравюрами на дереве. сообщение 8vo.

39. *Сказки о гениях*. С многочисленными гравюрами на дереве и 12 гравюрами на стали.

40. *Руководство по гончарному делу и фарфору*, Включающее каталог Bernal с аукционными ценами и именами нынешних владельцев; Вступительное эссе и Выгравированный список всех известных марок и монограмм. Г. Г. Бон.

Многочисленные гравюры на дереве.

41. *Жизнь Александра Поупа*,

включая многие его письма. Роберт Каррутерс. Переработано и значительно дополнено; многочисленные гравюры на дереве.

42. *"Илиада Гомера" Поупа*. Иллюстрирован всей серией рисунков Флаксмана, прекрасно выгравированных Мозесом (в полном размере 8в.). С введением и примечаниями преподобного Дж. С. Уотсона, магистра медицины

43. *Ниневия Бономи и ее дворцы*.

Новое издание, исправленное и значительно дополненное; включает полный обзор ассирийских Священных Писаний, недавно добавленных в Национальную коллекцию. Более 300 прекрасных гравюр.

44. *"Одиссея Гомера" Поупа*.

С "Битвой лягушек и мышей", "Гимнами" и др., написанными другими переводчиками, включая Чепмена. Со всей серией рисунков Флаксмана (в полном размере 8vo). Под редакцией преподобного Дж.С. Уотсона, магистра медицины

45 & 50. *Поэтические произведения Поупа*,

под редакцией Роберта Каррутерса.

Новое издание переработано.

С многочисленными гравюрами на дереве. В 2-х томах.

46. *Афины* Стюарта и Реветта и другие *памятники Греции*. 71 табличка и многочисленные заглавные буквы, вырезанные на дереве. К которым добавлен глоссарий.

47. *Письма Линдси (Господа) о Египте и Святой Земле*. Пятое издание с дополнениями и 36 гравюрами на дереве и картами.

48 & 52. *"Орландо Фуриозо"* Ариосто и английские стихи У. С. Роуза. Новое издание с краткими воспоминаниями переводчика. Содержит 12 гравюр на стали, в том числе портрет по Тициану. Полное собрание сочинений в 2 томах.

49. *Притчи Круммахера*, переведенные с седьмого немецкого издания. С 40 иллюстрациями Клейтона, гравированными Дэлзилом.

51. *Книга Ли Ханта для уголка*, с 80 чрезвычайно красивыми гравюрами на дереве и фронтисписом, выгравированным на стали

53. *"Пляска смерти"* Гольбейна и вырезки из Библии; Более 150 сюжетов, прекрасно выгравированных на дереве в виде факсимиле. С описаниями Фрэнсиса Дуса из F. S. A. и других. Лягналл Дибдин. 2 тома. через 1. 7 секунд. 6 дней.